

В. Л. ЯНИН, А. А. ЗАЛИЗНЯК,
А. А. ГИППИУС

НОВГОРОДСКИЕ
ГРАМОТЫ
НА
БЕРЕСТЕ

ИЗ РАСКОПОК
1997–2000 годов

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

В.Л.ЯНИН, А.А.ЗАЛИЗНЯК, А.А.ГИППИУС

НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ НА БЕРЕЕСТЕ

(Из раскопок 1997-2000 гг.)

ТОМ XI

МОСКВА
"РУССКИЕ СЛОВАРИ"
2004

УДК 351.852.14“11”
ББК 63.3(2).л6
Я622

Издание книги осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (грант 03-04-16235д)

Издание подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН
«История, языки и литературы славянских народов в мировом
социокультурном контексте»

Исследования проводились при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (грант 00-04-00206а),
Российского фонда фундаментальных исследований и фонда INTAS
(грант РФФИ-INTAS 95-0368)

Художник И. Смирнова

В томе публикуются новгородские берестяные грамоты из раскопок 1997–2000 гг., а также грамоты из Старой Руссы (из раскопок 1988–1999 гг.) и из Торжка (из раскопок 1985–2001 гг.). В том включены также надписи на деревянных цилиндрах (из новгородских раскопок 1951–1999 гг.) и свинцовая грамота № 2, найденная в 1997 г. Вторую часть тома составляют комментарии ко всему имеющемуся ныне корпусу берестяных грамот, а также к древнерусским надписям на стенах киевских и новгородских церквей.

Книга предназначена для историков, археологов, лингвистов, филологов, палеографов, а также для всех, кто интересуется русской историей, русской культурой и историей русского языка.

ISBN 5-98010-014-8

© В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус, 2004
© «Издательство Русские словари», 2004
© М. Н. Толстая, оригинал-макет, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемые в этом томе новгородские берестяные грамоты происходят из четырех комплексов, исследованных в 1997–2000 гг.: грамота № 789 найдена на Федоровском раскопе, грамота № 776 — на усадьбе Р Троицкого раскопа, грамоты № 778, 788, 826, 843, 860, 878, 897 — на усадьбе С Троицкого раскопа, остальные — на усадьбе Е Троицкого раскопа. Тщательное исследование найденных в разное время фрагментов берестяных грамот позволило установить, что документы № 877 и 572 являются частями одного и того же письма.

Берестяные грамоты, найденные в Новгороде в 2001 и в последующие годы, которые происходят из новых комплексов Троицкого раскопа, будут опубликованы в следующем, XII томе.

* * *

Отдельные участки усадьбы Е исследовались в 1979 г. (тогда были найдены грамоты № 572, 573), в 1980 г. (грамота № 581), в 1981 г. (грамота № 592), в 1982 г. (грамоты № 606, 608), в 1983 г. (грамота № 613) и в 1985 г. (грамоты № 633, 635, 644). Вскрытие основной площади этой усадьбы было начато в 1996 и завершено в 2000 г. Всего на ней было обнаружено рекордное число документов — 149. Из них 116 извлечены из напластований 2-й – 4-й четв. XII в.

Вторая – четвертая четверти XII в. Пытаясь определить общий характер обнаруженного на усадьбе Е комплекса берестяных документов указанного времени, можно решительно утверждать, что он в основном является частью переписки, связанной с судебным разбирательством разного рода конфликтов. Сама специфика этих документов диктовала необходимость их уничтожения по окончании разбирательства, чтобы содержание писем не стало предметом досужего любопытства (см. в грамоте № 881 указание на то, что письмо следует по прочтении “пощепать”). Грамоты, найденные на усадьбе Е в напластованиях 2-й – 4-й четв. XII в., лишь в редчайших случаях попали в землю целыми.

Особое состояние усадьбы Е в рассматриваемое время демонстрируется и другими обстоятельствами. Здесь практически отсутствуют признаки жилой усадьбы, нет хозяйственных и ремесленных построек, имеются же остатки сооружений явно административного назначения, ярким элементом которых является в центре усадьбы настил из шестиметровых сосновых плах общей площадью свыше 100 кв.м с отверстиями для столбов несохранившегося навеса, под которым можно было собираться и в непогоду. Сама площадь усадьбы достигает 1400 кв.м, превосходя втрое любое из соседних владений.

В рассматриваемое время в Новгороде еще не было сословного и функционального деления суда, все дела — гражданские, имущественные, поземельные, уголовные — рассматривались в “сместном” суде князя и посадника. Повседневная деятельность этого суда не предусматривала участие в рутинном делопроизводстве самого князя, жившего в трех верстах от Новгорода, на Городище. Его заменял полномочный представитель из числа знатных новгородцев. Участие же посадника было обязательным: князь, согласно формуле договора с Новгородом, не имел права “кончать суд без посадника”.

Предполагалось, что “сместный” суд возник в результате восстания 1136 г. Между тем дендрохронологический анализ остатков упомянутого выше настила “судебного присутствия”, произведенный О. А. Тарабардиной, обнаружил, что он впервые сооружен не в 1136 г., а десятью годами раньше — в 1126 г., а в дальнейшем неоднократно ремонтировался, в том числе в 1132 и 1146 гг. Это уточнение позволяет связать возникновение “сместного” суда с важнейшими переменами, которые произошли в Новгороде после кончины Владимира Мономаха, когда, воспользовавшись поездкой князя Всеволода Мстиславича в Киев на похороны деда и интронизацию отца, новгородцы провозгласили князем Ивора-Ивана — малолетнего сына Всеволода, а затем вернули стол Всеволоду на новых условиях ограничения его власти (Янин 2001, с. 22–30).

В документах 2-й – 4-й четв. XII в., найденных на усадьбе Е и отчасти также на соседних с ней усадьбах, целый ряд персонажей выступает по нескольку раз. Важнейшие из них таковы.

Чаще всех встречается *Петр*, ииаче *Петрок* (что Петр и Петрок — это одно и то же лицо, вытекает, в частности, из сравнения писем № 821, 870 и 885). Грамота № 872 адресована князю и Петроку; она яснее всего свидетельствует о высоком социальном ранге Петра (Петрока) и его связи с княжеской администрацией. Петру адресованы также грамоты № 850, 877, 889 (вероятно, еще 846 и 899), двум лицам — *Петру* и *Якше* — № 821, 870, 885, а также 812. С другой стороны, Петр является автором грамот № 550, 604, 794, 849, 891 (написанных, впрочем, разными почерками, из чего видно, что Петр имел обыкновение диктовать свои письма). Наконец, он просто упоминается в грамоте № 835 и, возможно, еще в № 839 и 854. Из перечисленных 18 грамот 16 найдены на усадьбе Е (12 в напластованиях 2 четв. – сер. XII в., 4 — 3 четв. XII в.), 2 — на соседних усадьбах (№ 550 на усадьбе В в слое последней трети XII в., № 604 на мостовой между усадьбами Е и А в слое 3 четв. XII в.). С хронологической точки зрения все они укладываются в интервал примерно с середины 1120-х гг. по 1170-е гг.

С Петром тесно связан *Якша*; целый ряд писем адресован им обоим (см. выше), причем Якша всегда называется вторым. Возможно, он же фигурирует в грамоте № 890 под именем Якова. Он мог быть также автором письма № 877. Отметим, кроме того, что на усадьбе Р в 1997 г. была найдена деревянная чаша с владельческой надписью [А]къшина *Юрини(на)*.

Несколько раз в грамотах усадьбы Е встречается имя *Марена*. Марене адресовано письмо № 794 (от Петра) и, вероятно, также № 825. Это же лицо фигурирует в грамотах № 798 и 849. Хотя формально имена такой структуры могут быть как женскими, так и мужскими, накопившийся к настоящему времени материал позволяет утверждать, что в данном случае речь идет о женщине. А. А. Гиппиус выдвинул убедительную гипотезу, позволившую идентифицировать Петра, Марену и Якшу. Исходя из традиционного тождества купальской пары *Купала* — *Марена* и христианской *Иван* — *Мария*, ярко проявившегося в названии купальского цветка “Иван-да-Марья”, исследователь обнаружил сочетание *Петр* — *Мария* — *Анастасия* в патрональных изображениях знаменитого кратора мастера Косты и главной святыни Новгорода — иконы “Знамение”, где образ Девы Марии сопровождается на обратной стороне фигурами св. Петра и Анастасии. Это позволило ему трактовать оба художественных предмета как заказанные в связи с бракосочетанием сына Юрия Долгорукого Мстислава и дочери новгородского боярина Петра Михалковича Анастасии в зиму 1155/56 г., из чего следует, что Марена была женой Петра Михалковича (см. статью А. А. Гиппиуса в настоящем томе, с. 164–174).

Если это так, то устанавливается имя княжеского представителя в сместном суде середины XII в. и имя посадника, стоящего на втором месте в двойной адресной формуле грамот. На протяжении 2-й – 3-й четв. XII в. трижды в Новгороде посадничал живший на Прусской улице боярин Якун Мирославич: в 1137–1141, 1156–1160 и 1167–1170 гг. Тождество имен *Яков* и *Якун*, как можно предполагать, было традиционным. Яковом же, судя по сфрагистическим данным, звали и отца Якуна — посадника Мирослава Гюрятинича.

Приведенная цепочка сопоставлений позволяет вернуться к уже высказанному ранее предположению, что священник и живописец Олисей-Гречин Петрович, живший на рубеже XII–XIII вв. на усадьбе А Троицкого раскопа был сыном Петра (Петрока) грамот усадьбы Е. Берестяная грамота № 502 засвидетельствовала его участие в сместном суде вместе с посадником Мирославом (Мирошкой Несдиничем), а в грамоте № 603, адресованной Гречину и Мирославу и посвященной судебному делу, имя Гречина стоит на первом месте, что позволяет видеть в нем полномочного представителя князя в сместном суде. Как видим, Гречин Петрович унаследовал должность своего отца.

Из других персонажей 2-й – 4-й четв. XII в., имена которых встречены в нескольких грамотах усадьбы Е, назовем следующих.

Видная фигура — *Борис*. Ему адресованы грамоты № 581 и 819. Он упоминается также в грамотах № 806 и 671 (последняя найдена на усадьбе Г; в ней, как предполагается, перечислены хозяева группы усадеб Людина конца — участники соседской братчины). Все эти документы относятся к последней четверти XII в.

В грамотах усадьбы Е встретилась также целая серия имен с начальным *Жиро-* (*Жир-*), из которых если не все, то хотя бы некоторые, вероятно, принадлежали одному и тому же лицу. В грамоте № 573 (а также в № 657 с соседней усадьбы Г) фигурирует Жирослав, а в № 851 — Жирочка. Автор грамоты № 879 — Жирята, грамоты № 824 — Жирко. Наконец, в грамоте № 806 упомянут человек, от чьего имени сохранилось только *Жи*, а грамота № 801+802 адресована человеку, от чьего имени сохранилось только *Ж*. Все эти документы относятся к середине — 2-й половине XII в.

В ряде грамот фигурирует *Завид*: ему адресовано письмо № 824 (возможно, также № 803), он является автором письма № 798 и упомянут в № 818. Кроме того, Завиду адресована грамота № 665, найденная на соседней усадьбе З. Все эти документы тяготеют ко 2-й половине XII в. *Завиду* адресована также грамота № 644, но, будучи извлечена из напластований 1-й четв. XII в., она явно принадлежит иному персонажу.

Неоднократно встречено имя *Дмитр*. Его носит автор грамоты № 846, он же упоминается в грамоте № 839. Вероятно, он же является одним из двух авторов грамоты № 776 (усадьба Р) и адресатом грамоты № 735. Эти документы извлечены из слоев 2-й и 3-й четв. XII в.

В трех грамотах, найденных на усадьбе Е, фигурирует *Илька*. Из № 793 явствует, что он был Полюдовым старостой, т. е. старостой в деревне, принадлежащей Полюду. № 842 — это памятная записка от дьяка и от Ильки о том, какие продукты отправлены из деревни в город. С Илькой связано также письмо № 834. Все три документа относятся ко второй четверти — середине XII в.

Илья и Дмитр фигурируют также как авторы письма в найденной на соседней усадьбе Р грамоте № 776 середины XII в.

Третья четверть XI – первая четверть XII вв. Как показали раскопки 1999–2000 гг., до возникновения в 1126 г. сместного суда князя и посадника усадьба Е тоже имела общественно-административный характер. На нее свозились и подвергались контролю и распределению государственные доходы, собираемые *мечниками* и *емцами* на податных территориях Новгородского государства. Наглядными свидетельствами этого процесса являются деревянные замки-цилиндры для гарантированного запирания мешков с привозимыми на усадьбу ценностями. На поверхности многих таких замков имеются процарапанные или вырезанные записи о назначении находящихся в мешке ценностей, месте их сбора и оценке собранного. 40 таких замков (а их общее число достигло 51) происходят из напластований XI — 1-й четв. XII в. усадьбы Е (см. Янин 2001).

Имена и должности получателей части этих ценностей, причитающейся сборщикам дани — емцам, мечникам, — обозначены на этих цилиндрах и в ряде случаев совпадают с именами адресатов здесь же обнаруженных берестяных грамот.

Благодаря перекрестным показаниям грамот и замков-цилиндров выявлены два связанных с усадьбой Е 3-й четв. XI – 1-й четв. XII вв. должностных лица — мечники Хотен и Нежата. Хотену адресованы грамоты № 902, 909 и 912. Его именем помечены замки-цилиндры № 15 и 21. Нежате адресованы грамоты № 892 и 904, он упомянут в грамотах № 586 (усадьба Г), 635, 644, 742 (последняя с усадьбы К). В грамоте № 855 говорится о Нежатиных отроках. Имя Нежата вырезано на замке-цилиндре № 14. Вполне вероятным представляется, что все эти документы связаны с людинским боярином Нежатой Твердятиничем, который был посадником в 1144–1146 и в 1160–1161 гг., а в молодые годы мог исполнять функцию мечника.

Историческое значение этого комплекса находок невероятно велико. Если на Юге, завоеванном князьями, сбор государственных доходов совершался в процессе княжеского полюдья и, следовательно, контроль над бюджетом осуществлялся самим князем, то в Новгороде, где княжеская власть возникла в результате договора, этот контроль оставался привилегией самой новгородской элиты, что, собственно, и стало фундаментом “вечевого строя”.

Элитарность лиц, связанных с усадьбой Е, лишней раз подчеркивается грамотой № 907 1-й четв. XII в., адресованной Гюряте. Само содержание этой грамоты указывает на то, что ее адресатом был посадник Гюрята — дед уже знакомого нам по переписке усадьбы Е посадника Якуна Мирославича.

Заметим, что принципы административной организации усадьбы Е те же, что и после 1126 г. Емцы и мечники, будучи функционерами княжеского управления, принадлежали не к княжеской дружине, а к местному боярству Новгорода, подобно тому, как и представлявший лицо князя в сместном суде человек был местным боярином.

Существует еще один важнейший информационный аспект комплекса находок 1999 г. До сих пор наука не располагала сведениями об объеме территории, подвластной Новгороду в XI в. Между тем, в грамотах и на цилиндрах-бирках в качестве податных территорий фигурируют: Езьск в Бежецком Верхе, Волчина (приток Мологи), Усть Вага и просто Вага, Тихмега (р. Тихменга, впадающая в оз. Лаче около Каргополя; на цилиндре с усадьбы Е из раскопок 1980 г.), Пинега (на цилиндре из раскопок 1991 г.).

Особую группу троицких грамот, найденных в 1999 г., составляют церковно-канонические тексты (№ 906, 913, 914). Из них две (№ 906, 914) представляют собой отпусы (молитвы, завершающие службу). Историческое значение грамоты № 906 состоит в том, что упомянутые в ней святые Борис и Глеб были канонизированы только в 1071 г., тогда как сам этот берестяной документ происходит из напластований 3-й четверти XI в., отразив стремительность утверждения нового культа. Грамота № 913 представляет собой календарь наиболее значительных праздников осенне-зимней трети года.

* * *

Принятые в настоящем издании датировки берестяных документов усадьбы Е основаны на предварительных стратиграфических оценках и будут уточнены после окончательной обработки совокупности археологических данных.

Внестратиграфические оценки приводятся, за немногими исключениями, лишь для тех грамот, которые рассмотрены в НГБ X (с. 275–429, раздел “Внестратиграфическое датирование берестяных грамот”).

В качестве приложений в настоящий том включены:

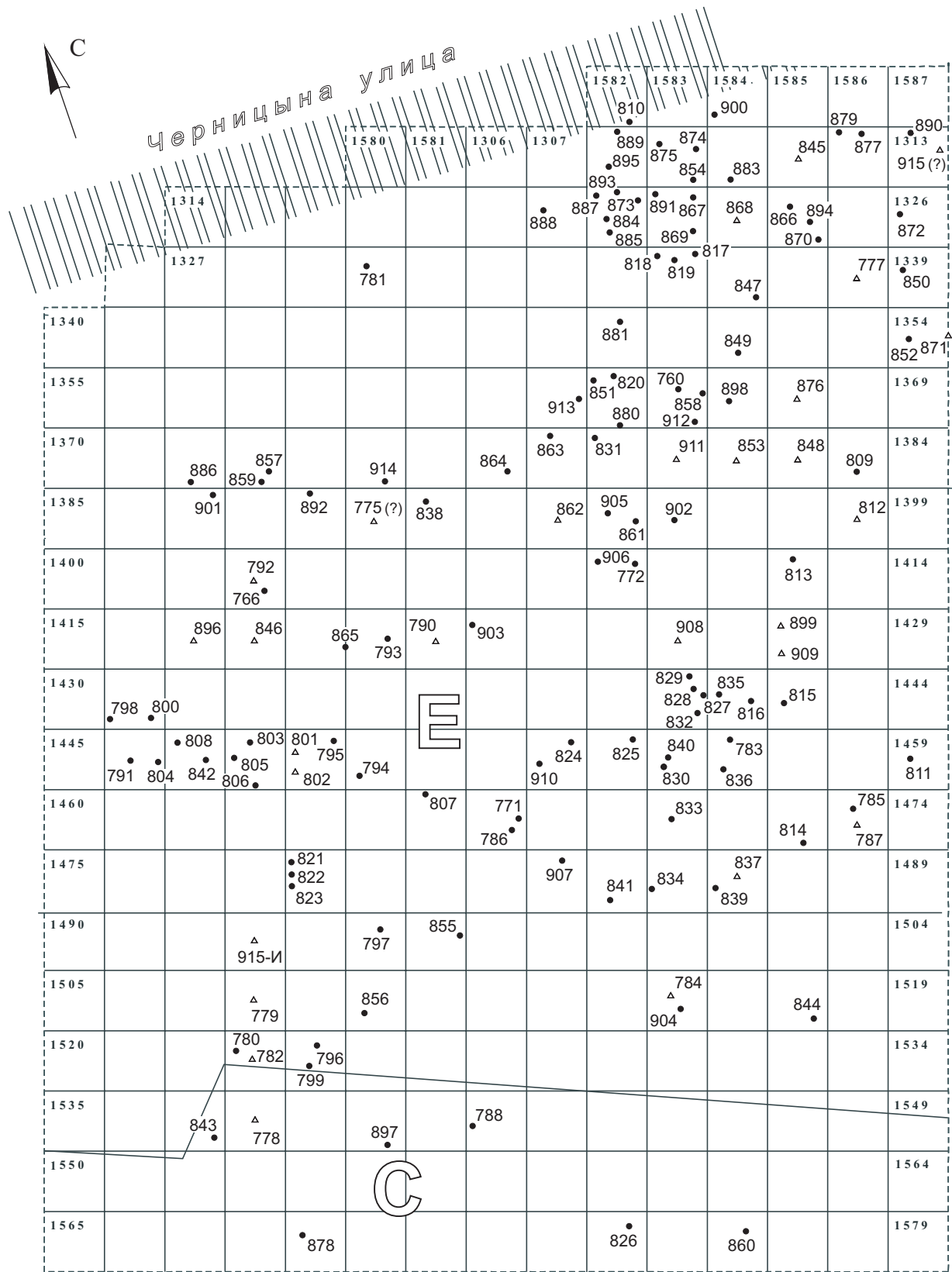
- берестяная иконка, найденная в Новгороде в 2000 г.;
- берестяные грамоты № 24–36 из Старой Руссы (из раскопок 1988–1999 гг.);
- берестяные грамоты № 1–19 из Торжка (из раскопок 1985–2001 гг.);
- надписи на цилиндрах (из новгородских раскопок разных лет);
- свинцовая грамота № 2, найденная в Новгороде в 1997 г.

Реставрация включенных в том берестяных грамот осуществлена В. И. Поветкиным.

Публикуемые прорисы грамот выполнены С. А. Шаповаловой и В. В. Солдатенковой.

Во второй части тома публикуются комментарии к ранее изданным берестяным грамотам и исследования более общего характера по проблематике берестяных грамот и близких к ним видов эпиграфических документов. Сюда входят статьи А. А. Гиппиуса “О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века” и “К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот” и статья А. А. Зализняка “К изучению древнерусских надписей”.

На прилагаемой ниже схеме показано расположение всех берестяных грамот, найденных на Троицком-XII раскопе (1996–2000 гг.). Для грамот, найденных в виде нескольких фрагментов, показано только местоположение основного (самого крупного) фрагмента. Грамоты, точное местоположение которых внутри квадрата не установлено, изображены на схеме треугольничками.

Раскоп Троицкий-ХІІ. Расположение берестяных грамот, найденных в 1996–2000 гг.

НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ
НА БЕРЕСТЕ

776–915

(из раскопок 1997–2000 гг.)

[1997]

Грамота № 776

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1226, на уровне пласта 12 (глубина 2,26–2,39 м), в напластованиях усадьбы Р. Это целое письмо из шести строк:

ГРАМОТА О ТЪ ИЛИ О ТЪ ДЪ МИТРА ПЛЬС КОВ ЖКО ЛИБИ НЖ:
КОМО СТО КЪ ТО ТИ МА ТЪ ЛЪ ВЪ ПОЛО ГРИ ВЪ НЪ ЛОЖЬНИКЕ ВЪ ЦЕ
ТЪ РИ КЪ НЪ БР Ж СЕ ВЪ ТРЪ И КЪ НЪ ЗА АЛЕ ЕСИ ОУ ТЪ ШЕ
ТРЪ И КЪ НЪ АВЪ ТО МЪ ШЕ СТЬ КЪ НО ПР И СЪ ЛИ:
ПР И СЪ ЛИ ЖЕ МО Ю М А Л Ж Ю НИ ТО КЪ БЛИ НЕ ПР И СО ЛЕ ШИ
А Р Ж ТИ ТА Х О ЦЪ Ж:

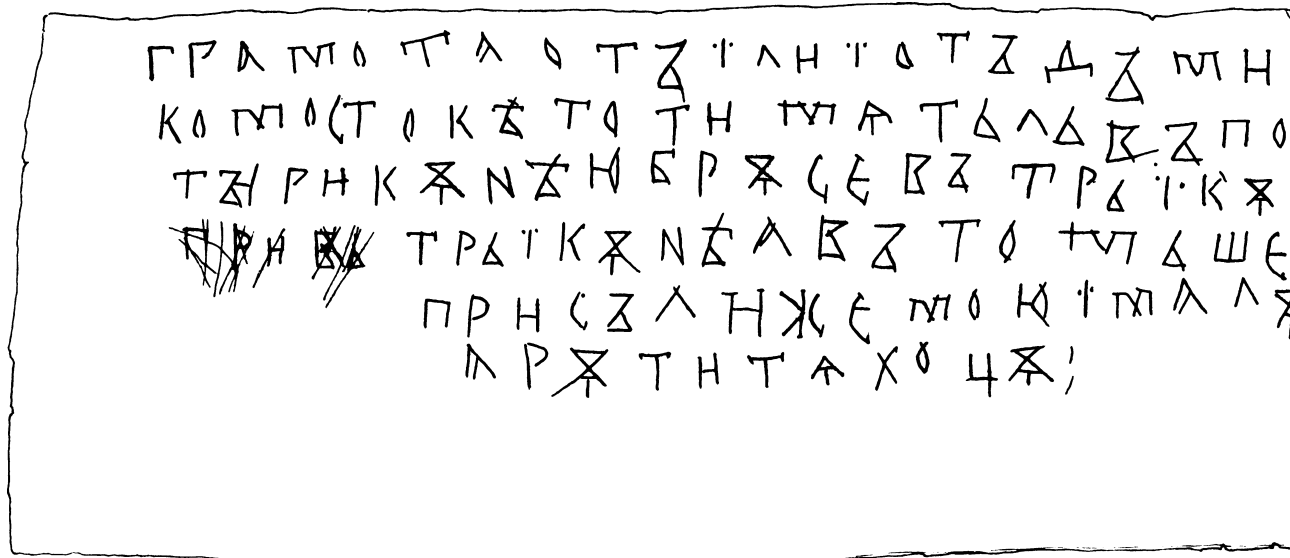
Почерк очень похож на № 846 и, возможно, просто совпадает с ним.

В конце строки 3 (после *тьше*) зачеркнуто *поло*, в начале строки 4 — *гривь* (т. е. автор начал писать *поло гривьнѣ*, но потом заменил это на *трѣи кнѣ*). Между *оу* и *тьше* зачеркнута буква *т*.

Длина 40,7 см, ширина 9,1 см.

Стратиграфическая дата: 30-е–50-е гг. XII в.

Внестратиграфическая оценка: 40-е–70-е гг. (предпочтительно 40-е–50-е) XII в. (см. НГБ X, с. 305).

Прорись грамоты № 776

Текст делится на слова следующим образом:

Грамота отъ Їли ї отъ Дьмитра Пльсковж ко либинж ко Мостокъ. То ти матль въ поло гривнѣ, ложнике въ цетыри кжнѣ, юбрже въ трѣ кжнѣ; заале еси оу Тыше трѣ кжнѣ. А въ томъ шесть кжно присъли. Присъли же мою ї малю нитокж. Ёли не присолеси, а ржти та хоцж.

Перевод: Грамота от Ильи и от Дмитра во Псков к ливу Мостке. Итак: плащ [ценой] в полгривны, одеяло в четыре куны, платок в три куны; ты занял у Теши (?) три куны. За это пришли шесть кун. Пришли же и мою малую нитку. Если же не пришлешь, то учиню тебе рубез (конфискацию)!. Ниткой авторы явно называют низку жемчуга или бус и т. п.; адресат знал, о какой именно низке идет речь.

Как Илья, так и Дмитр — видные жители Людина конца, фигурирующие во многих берестяных грамотах публикуемого в настоящем томе мощного комплекса; см. ниже грамоты № 793, 834, 842 и 839, 846.

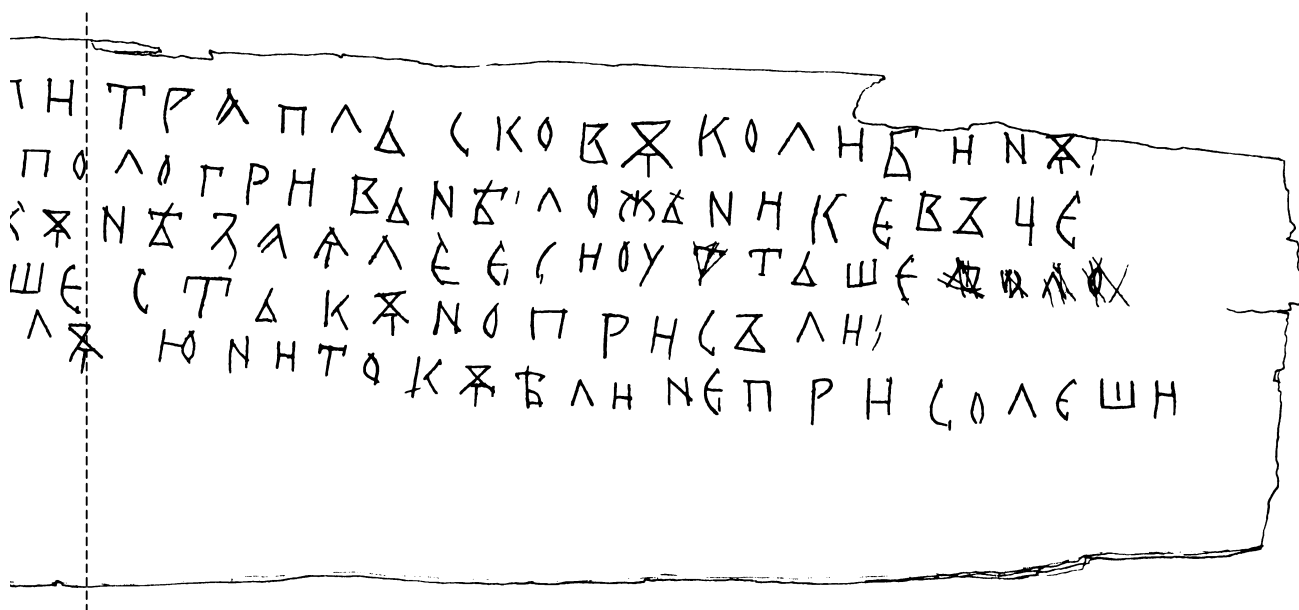
По-видимому, Мостка оставил Илье и Дмитру деньги на покупку плаща, одеяла и платка, причем три куны он занял у Теши, расплачиваться с которым придется тем же Илье и Дмитру. Учитывая реальную цену товаров и этот долг (может быть, также какие-то комиссионные), следует получить с Мостки еще шесть кун.

Перед нами редчайший случай, когда в грамоте указан не только адресат, но и адрес: 'во Псков'. При этом, однако, письмо, адресованное во Псков, найдено в Новгороде. Маловероятно, что письмо осталось неотосланным: такие письма обычно недописаны или не обрезаны. Не исключено, что перед нами черновик или копия, оставленная для себя. Но вероятнее всего то, что письмо привез обратно в Новгород сам адресат — лив Мостка; оно могло играть роль списка заказов, т. е. служить свидетельством того, что он привез всё, что требовалось.

Лив Мостка — по-видимому, старейший из ливов, названных в письменном документе по имени. Ливы (летописная *ливь*) — финноугорская народность, населяющая побережье Рижского залива. Про ливов известно, между прочим, что в средние века они активно участвовали в торговле.

Написание *отъ Їли ї* — скорее всего вместо *отъ Їливъ ї*, т. е. здесь в скоплении гласных пропущен *ѣ* (словоделение *отъ Їливъ отъ Дьмитра* [без союза] маловероятно, поскольку Илья и Дмитр — это несомненно два разных лица, а в таком случае адресная формула писем всегда содержит союз).

Если отрезок *оу Тыше* не содержит ошибок, то здесь представлено гипокористическое имя *Тыша*, *Тъша* или *Теша* (от каких-то имен, начинающихся с *ТЬ-*, *ТЪ-* или *ТЕ-*); ср. *Максимъ Тъшиниць* — имя писца новгородского Пантелеймонова евангелия XII в. (Каталог, № 146); ср. также топоним *Тешино* (НПК, I, с. 297). Но следует учитывать также, что отрезок *тыше* весьма похож на конечную часть словоформы типа *Пжтыше* или *Ратъше*.

Поэтому не исключено, что автор имел в виду какое-то из этих вполне обычных имен (скажем, хотел написать *оу Пжтьше*), но в процессе производившейся в данном месте правки несколько запутался и получилось *оутьше*.

В двух случаях в грамоте представлена несколько неожиданная йотация начальной гласной: *юбржсе*, а не *оубржсе*, и *ѣли* (= *кли*), а не *оли*. Поскольку морфология и синтаксис грамоты не имеют какой-либо книжной окраски, трудно предположить, что *ѣли* — это церковнославянизм, а *юбржсе* — гиперславянизм. Очевидно, йотированные варианты существовали в живом говоре.

Союз *ели* 'если' (также 'или') отмечен в СРНГ (8, с. 341) с пометой Олон., Беломор., Ленингр., Новг., Твер., Нижегород., Костром., Моск., Калуж., Ворон. (и разные места Сибири).

Что касается *ю* в *юбржсе*, то здесь свидетельство данной грамоты оказывается уникальным. Оно заставляет нас более критически взглянуть на традиционную формулу, согласно которой в правосточнославянском начальное *ju-* (любого происхождения, т. е. как из **ju-*, так и из **jɔ-*) перешло в *y-*. Эта формула практически основана на словах: *угъ* 'юг', *унь* 'юный', *уха*, *утро*, *уже* (и их производных; относительно заимствованных имен типа *Устинъ*, *Ульянъ* см. Шахматов 1915, с. 143). Современные *юг*, *юный* объясняются как церковнославянизмы. Однако этой формуле не соответствует ряд слов заведомо народного происхождения: *юр*, *юрить* 'спешить, волноваться', 'резвиться в воде', *юркий* (и другие производные от *юр-*), *юла*, *юлить*, *ютиться*, *юзгаться* 'бороться, состязаться' (олон.), *юзжать* (*южать*) 'визжать', 'плакать' (новг., ворон., тамб.), также укр. *юда́* 'род злого духа', *юдити* 'подстрекать', блр. *юдзиць* 'хитрить, лукавить', укр. *юга́* 'род сухого тумана в жаркий день' и др. (см. Фасмер и ЭССЯ, 8). Поэтому более объективная оценка ситуации состоит в том, что переход *ju-* в *y-* был нерегулярным; он относительно последовательно осуществился лишь в части слов (ср. сходную ситуацию с переходом *je-* в *e-* и далее в *o-*). По-видимому, как обычно бывает в таких случаях, в разных группах говоров наборы слов, охваченных данным переходом, были несколько различны, т. е. ряд слов фактически испытывал колебания между *ю-* и *y-*. Понятно, что в такие колебания могли втягиваться и отдельные слова с исконным *y-*. Примером этого может служить как раз слово *убрусъ*, где *y-* исконно (по происхождению это приставка *y-*: исходным здесь было **u-brъsnqiti* 'утереть'; но слово *убрусъ*, по-видимому, уже в древнерусскую эпоху опростилось и потеряло смысловую связь с глаголом).

В северо-западных говорах можно отметить ряд заимствованных слов с начальным *ю-*, которые должны были пройти через фазу колебаний между *y-* (иногда также *гу-*) и *ю-*: *юдега* 'иней' (олон.), наряду с *гудега* 'густой иней на деревьях' (арх.) — из финск. *huude* 'иней' (< **huudek*), Р. ед. *huuteen* (< **huuteken*); *юлега* 'шум, вьюга, ураган' (олон.) — из финск. *ule*, *ulo* 'холодный весенний ветер, туман'; *юра́* 'шило' (новг.) — ср. эст. *ora* 'шило', южн.-эст. *uiri* (Р. ед. *uiri*) 'сверло' (см. соответствующие статьи у Фасмера, чьи сомнения по поводу этих слов ныне можно считать излишними).

Колебания между *y-* и *ю-* иногда отмечаются в говорах и в исконных словах: ср. *съ-по ютру* (волог.; см. Шахматов 1915, с. 142); *по юлицы*, *по юлочцы*, *ю мужа*, *ю лужочку*, *ю хату* и др. в белорусских говорах (Карский 1955, вып. 1, с. 304). Учитывая все приведенные факты, следует с большей внимательностью отнестись также к многочисленным колебаниям между этимологически правильным *y-* (из **ɔ-* или **u-*) и вторичным *ю-*, которые наблюдаются в древнерусской книжной письменности начиная с XI в., например, *уже* 'веревка' и *юже*, *уза* и *юза*, *уродъ* и *юродъ*, *ужика* и *южика*, *утроба* и *ютроба*, *удоль* и *юдоль*, *угль* и *югль*, *учьрмень* 'красноватый' и *ючьрмень* и ряд других (см. Срезн.). Варианты с *ю-* здесь традиционно рассматриваются как церковнославянизмы; но в данном случае ситуация не столь проста, поскольку в старославянском все эти слова выступают как раз без [j], а варианты с *ю-* (*ѣ-*) свойственны именно русской письменной традиции. Обычно здесь предполагают гиперкорректное построение по образцу *унь* (русское) — *юнъ* (старославянское). Но большое распространение вариантов с *ю-* (*ѣ-*) типа *юза* (*ѣза*), *юродъ* (*ѣродъ*) уже в самый начальный период русской письменности (в Изборнике 1073 г., Пандектах Антиоха, Путятиной минее, Чудовской псалтири и других памятниках XI в.) позволяет предположить, что они опирались не только на механизм гиперкоррекции, но и на возможность вариативной фонетической реализации слов с таким началом.

С морфологической точки зрения особый интерес представляет словоформа В. (жен.) *тры́* (2×). За этой орфограммой в данном случае явно стоит [тръji], т. е. словоформа с тем же окончанием, что в обычном *тр-и*, но с другой основой: [тръj-]. Эта основа возникает как результат переразложения словоформ Р. *трыи* [тр-ьjъ] и И. муж. *трыѣ* [тр-ьjе]: по аналогии с Р. *четырь-ъ* (и *четырь-ь*) и И. муж. *четыре* эти словоформы переосмысляются

как [тръј-ъ] и [тръј-е]. Далее, по аналогии со словоформами *четыри-и* (В. всех родов), *четырь-ьмъ*, *четырь-ьми*, *четырь-ьхъ* (где основа *четырь-* едина для всей парадигмы) основа [тръј-] обобщается, т. е. заменяет собою прежнее *тр-*: на месте *тр-и*, *тр-ьмъ*, *тр-ьми*, *тр-ьхъ* появляются [тръј-и], [тръј-ьмъ], [тръј-ьми], [тръј-ьхъ].

Это явление засвидетельствовано памятниками XIV–XVI вв., когда [тръј-] предстает уже в виде [триј-] или [треј-] (в зависимости от говора и от степени книжности). Ср. *со треими тыщацами пѣшець и трьими сты коньникъ* (Ипат., под 1241 г., л. 267), *треими своими пѣрсты* (Жит. Андр. Юрод., строка 1409), *триима путми* (Комисс. НПЛ, под 1435 г.), *вѣ трѣехъ лицѣхъ* (хронограф конца XVI в., РГБ, ф. 98, № 202, л. 131об.); ср. также некоторые из примеров, собранных А. А. Шахматовым (1957, с. 301, 304): *по треехъ лѣтѣхъ* (Ермолинский летописец, л. 300об.), *по тѣхъ тріехъ* (Книги законные XV в.), под *тріе епархиа* (В. жен.), *ѿ трею сихъ* (Летопись Авраамки), *во устѣхъ двою или трею свѣдитель* (новгородское евангелие XIV в.). В староукраинских документах XV в. находим Д. *тріемь*, М. *оу тріехъ* и даже Т. *тріи* (см. ССУМ, II, с. 444).

Свидетельство грамоты № 776 замечательно тем, что оно на 250–300 лет старше, чем самые ранние из указанных примеров.

Отметим беспредложное *Пльсковъж* ‘во Псков’.

С синтаксической точки зрения очень интересна частица *и* в *присъли же мою ї малю нитокъж*. Этот пример проливает свет на определенный тип фраз в берестяных грамотах и других древнерусских памятниках, которые представляются странными или даже малопонятными из-за “лишнего” *и*, стоящего в неожиданном месте.

Основная особенность, отличающая здесь древнерусский синтаксис от современного, состоит в том, что частица *и* прежде в принципе могла ставиться не перед той группой, к которой она относится, а внутри нее; иначе говоря, она могла выступать не только в роли проклитики, как теперь, но и в роли энклитики, причем такой, которая присоединялась к первому члену группы (как, например, *то* в *наш-то Иван* и т. п.). Сами значения частицы *и* при этом могли быть различными. Большинство из них существует и поныне; но некоторые свойственны только древнему языку (что создает дополнительную трудность в истолковании соответствующих конструкций).

Примеры с обычными и для современного языка значениями частицы *и* (в частности, близкими к ‘также’, ‘даже’): *присъли же мою ї малю нитокъж* ‘пришли же и мою малую нитку’ 776; *по днѣхъж и сихъ видѣ Сарра* ‘и после этих дней увидела Сарра’ (псковская палея 1494 г., л. 105, см. Каринский 1909, с. 33); *Аже дѣеши*: “*Ты мои еси бѣць*”, — *а ты мои и снѣ* ‘Если ты говоришь: “Ты мой отец”, — то и ты мой сын’ (Ипат., под 1150 г., л. 152); *Гюрги намъ кнѣзь и свои* ‘Юрий для нас и [есть] собственный князь’ (Ипат., под 1149 г., л. 139).

Приведем также замечательный пример такого же *и* в старославянском: *глаголю вамъ ѿко цркви и болши естъ съде* (Зогр. ев., Мт. XII.6; так же и в Мар. ев.: *цркви и болши*). Усилительное *и*, столь уместное здесь по смыслу, появилось под пером Кирилла: в греч. оригинале *λέγου δὲ ὑμῖν, ὅτι τοῦ ἱεροῦ μεῖζόν ἐστὶν ὧδε* никакого эквивалента этого *и* нет. Древний перевод сохраняется, например, в Мстиславовом ев. (*цркви и болш*, л. 36а), в Милятином ев. (*цркви и боле*, л. 23а). Но в Добриловом ев. находим уже другой порядок слов — такой же, как в современном языке: *глаголю же вамъ ѿко и цркви болш ксть съде* (л. 54б). В поздних переводах, заново сверенных с греческим оригиналом, *и* вообще устранено; ср., в частности, *ѿко цркви боле естъ здѣ* в Острожской библии, *ѿко цркви болш естъ здѣ* в синодальном переводе.

Особое значение древнего *и* — близкое к ‘то есть’, ‘а именно’. Более эксплицитно его можно представить так: *X и Y* — ‘X, что есть также Y’, ‘X, он же Y’. В современном языке частица *и* этого значения уже не допускает. Ныне оно может быть приблизительно передано, в частности, частицей *то* (например, *Иван, друг-то мой*, и т. п.). Примеры (часть этих и последующих примеров указана А. А. Гиппиусом): *(и) [ол]и Воньзда шюрина и могога оти выволоци доскъ* ‘проси Внезда, шурина-то моего, пусть вытащит доски’ 82; *и съ|тошаие · въ прабошнахъ · въ черевыхъ и въ протоптанныхъ · ѿко примѣръзнаше нози ѿго къ камени* ‘и стоял в башмаках, в черевиках-то протоптанных, так что примерзали ноги его к камню’ (Ипат., под 1074 г., л. 72).

Значение, близкое к ‘а именно’, имеет также *и* во фразе: *добре известно изъ двѣца и Мрїа Гѣ по плоти мѣтри рѣдлови*^М (псковская палея 1494 г., л. 401об., см. Каринский, с. 34). Можно указать также ряд примеров, где *и* отчетливо значит ‘он же’: *Того же лѣта преставися Водовикъ и Внѣздъ, посадникъ новгородчкыи, в Черниговѣ* (Комисс. НПЛ, под 1231 г.; в Синод. НПЛ и отсутствует); *тогда Володимеръ и Мономахъ пиль золото^М шоломомъ Донъ* (Ипат., под 1201 г., л. 245); *дѣду его Володимеру и Манамаху* (“Слово о погибели русской земли”); *Андрѣи же и король* ‘король же Андрей’ (Ипат., под 1205 г., л. 246 об.).

Некое ослабленное значение *и* (типа 'вот') можно предполагать в примере: *а даю животное свое получение жене и своей Федосьи в одерень* (Марасинова, № 14, поздний список с псковской духовной грамоты XIV–XV вв.).

Ряд слов представляет интерес с лексикографической точки зрения.

Не засвидетельствованное в других источниках слово *либинь* 'лив' образовано от *либь* 'ливы' так же, как *чюдинь* от *чюдь*, *лопинь* от *лопь*, *русинь* от *русь*, *литвинь* от *литва* и т. п.

Имя *лива* — по-видимому, *Мъстька*. Оно явно восходит к прибалтийско-финскому *musta* 'черный'. Имя *Musta* должно было отразиться в древнерусском как *Мъста* — совершенно так же, как название реки Мсты. Скорее всего *-ьк-а* — это уже русский уменьшительный суффикс, присоединенный к имени *Мъста*. Косвенными свидетельствами существования на новгородской территории антропонима *Musta* служат топонимы: *Мстивно селище* (НПК, VI, с. 478), *Мостинь Ручей* (II, с. 858), *Мустино селище* (VI, с. 794). В первых двух отразилась древняя форма *Мъста*; в третьем представлено заимствование более позднего времени, когда прибалтийско-финское краткое *и* уже передавалось русским *у*.

Матьль — 'плащ', 'верхняя одежда' (старое заимствование из латыни через германское посредство); перед нами одна из самых ранних фиксаций этого слова.

Ложьникъ — 'одеяло' (или какой-то другой покров на кровать, ложе); см. Слов. XI–XVII, 8, с. 275.

Глагол *рути* 'подвергать конфискации имущества' представлен в данной грамоте в бесприставочной форме; ср. *вырути* в грамотах № 246 и 332. Правда, синтаксическая структура в данном случае не совсем такая, как в изученных ранее контекстах. В № 246 мы имели дело с двуместной конструкцией: *вырути кого (А) въ кого (В)* 'конфисковать товар у лица А за вину лица В' (см. НГБ VIII, с. 173, табл. 8). В настоящей грамоте мы находим одноместную конструкцию: *рути кого* (причем в качестве объекта здесь явно выступает само виновное лицо). Возможно, в данном случае имеется в виду более прямая акция, чем в грамоте № 246, т. е. автор угрожает конфисковать товар не у соотечественников Мостки, а непосредственно у него самого (заметим, что для этого ему достаточно просто не отдать Мостке закупленные по его заказу вещи).

Грамота № 777

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1338, на уровне пласта 6 (глубина 1,00–1,20 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент средней части письма (или имущественного документа):

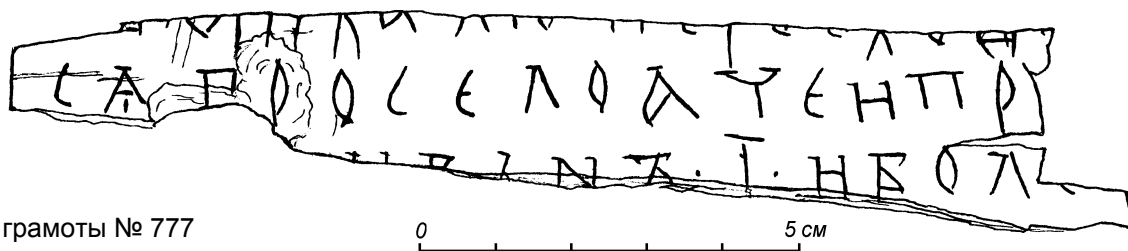
--м[и]хѧ[люнеросход]...
сапроселодучеипр...
...[ив]ьнѧ·ѧ·ибол[е] ...

Длина 14,8 см, ширина 2,6 см.

Стратиграфическая дата: последняя треть XIII в.

Сохранившиеся отрезки делятся на слова так: ... **Михалю не росход...** ...**са про село. Аче и пр...** ...**(гр)ивнь 10 и боле ...**

По-видимому, в документе шла речь о продаже усадьбы ("села"). *Аче и пр...* — возможно, *аче и пр(одать)* 'если и продаст'. Упоминается большая сумма — гривен десять и больше; это могла быть, например, предполагаемая цена села.

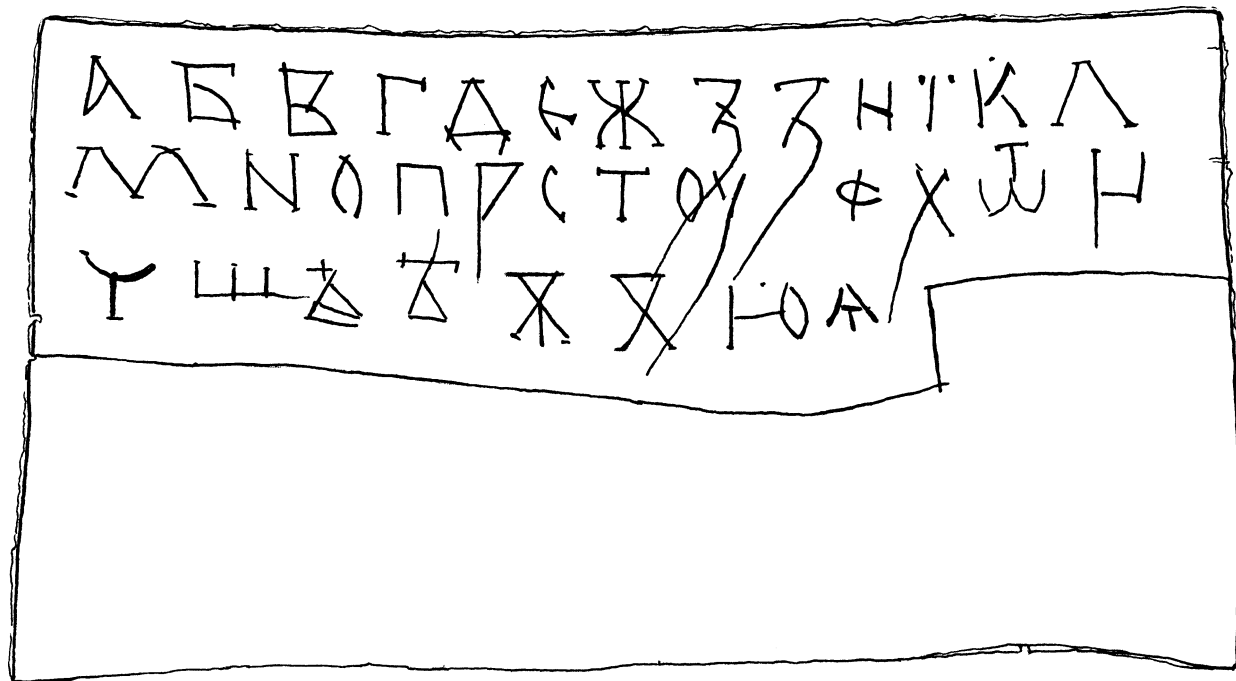

Прорись грамоты № 777

Грамота № 778

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1538, на уровне пласта 8 (глубина 1,40–1,60 м), в напластованиях усадьбы С. Это целый документ — азбука, записанная в трех строках:

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л
М Н О П Р С Т ОУ Ф Х Ц
Ч Ш Ъ Ы Ж Ю А

Прорись грамоты № 778

Длина 15,8 см, ширина 8,6 см.

Стратиграфическая дата: 1190-е – 1210-е гг.

Палеографическая оценка: середина XII – 1-я четв. XIII в. (предпочт. 60-е – 90-е гг. XII в.; см. НГБ X, с. 328).

Азбука выписана уверенным крупным каллиграфическим почерком. Очевидно, это учебное пособие — изготовленный учителем образец, с которого ученики делали копии.

Обнаружение этого документа существенно пополняет наши представления о древнерусских алфавитах. Вместе с уже опубликованными берестяными азбуками — № 591 (1 пол. XI в.) и 460 (посл. четв. XII в.) она входит в единую группу, которую можно обозначить как первый тип древнерусской кириллической азбуки (подробнее см. Зализняк 1999, § 10–16).

Самая ранняя из них (№ 591) отражает первоначальный вид азбук этого типа (если не считать отрезка между *з* и *н*, который в № 591 искажен и известен нам лишь по азбукам № 778 и 460). Из двух других азбук ближе к первоначальному виду стоит № 778 (хотя она и относится к чуть более позднему времени, чем № 460).

Важнейшая особенность азбук первого типа — отсутствие ряда букв, реально употреблявшихся в древнерусской письменности (как книжной, так и бытовой). Прежде всего, отсутствует буква *ѡ*. Тем самым эти азбуки, подобно текстам с такой особенностью, можно назвать *одноеровыми* (и более точно — *безъеревыми*). Кроме того, отсутствуют буквы *ѣ* (кроме № 460) и *ѣ*. В азбуке № 591 отсутствует также *ѣ*.

Другую особенность азбук первого типа составляют буквы, стоящие в их конечной части, а именно, между *ѣ* и *а*. Эта зона алфавита состоит из трех мест; все они заняты буквами, передающими [y] или [ju], но состав этих букв не вполне стабилен. В № 591 это *ѣ* *ѣ* *ѣ* (зеркальное y, воплощающее ижицу); в № 460 — *ѣ*, *ю*, *ѣ*. Из их сравнения непосредственно видна эквивалентность *ѣ* и *ю*.

В азбуке № 778 первый член этой группы — такой же, как в № 591 и 460, т. е. ж; на третьем месте стоит не ѷ, а ю. Возможность такой замены определялась тем, что ижица и ю находились в отношении частичной эквивалентности: ижица могла читаться как ю, как оу и как и.

Но самый большой сюрприз представляет собой буква, стоящая в № 778 в соответствии с иж из № 591 (или ю из № 460). Эта буква имеет вид большого юса без вертикального среднего штриха: ж.

Понятно, что, будучи встречено в тексте, такое начертание легко могло бы быть принято за недописанную (или небрежно написанную) букву ж. Но в данном случае оно стоит рядом с ж и занимает отдельное место в азбуке. Тем самым не остается сомнений, что в системе азбуки № 778 ж — это особая буква.

Встречается ли эта ранее неизвестная славянская буква в текстах? Оказывается, да. Берестяная грамота № 151 (20-е – 30-е гг. XIII в.), от которой сохранился лишь маленький фрагмент, содержит следующий текст: ж ви... | ж д[м]... Это явно фрагмент долгового списка, состоящего из записей по модели ‘у такого-то столько-то’, например, ‘у Витослава’, ‘у Домажира’ (или какие-то сходные имена). Издатель грамоты А. В. Арциховский пишет с оправданной осторожностью (НГБ IV, с. 29): “Большой юс изображен без средней линии и потому спорен. Но другого толкования этой буквы нет”. Мы узнаём из этой грамоты, что буква ж читалась (по крайней мере в некоторых случаях или в некоторых школах письма) как [y].

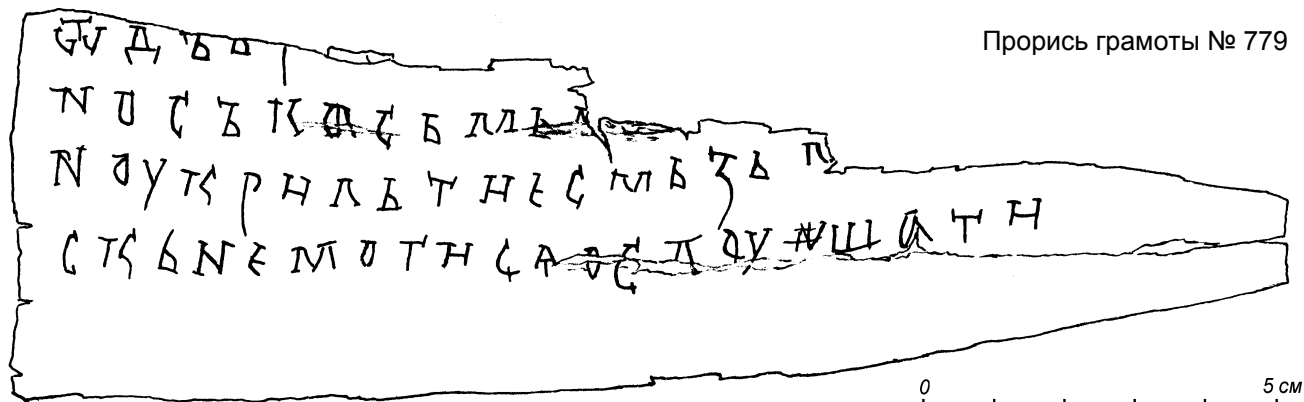
Т. В. Рождественская указала на использование этой же буквы ж в древнеболгарской надписи на свинцовом амулете из селения Орешак (округ Варна) (Popkonstantinov, Kronsteiner 1994, с. 119). В этом тексте (который, к сожалению, в ряде мест темен) вместо букв ж и иж последовательно пишется ж и иж: **кажъ сж** ‘я поклялся, проклял’ (ж вместо ж, которое, в свою очередь, стоит вместо а в силу “мены юсов”), **мамонтж** (предположительно В. ед. жен.), ...**иж** (какое-то окончание), **вьсокиж** (по-видимому, = **высокж**, со смешением йотированного и нейотированного юса).

Болгарские примеры указывают на то, что буква ж появилась уже на болгарской почве; на Русь она попала среди прочих разновидностей юсов.

Важно то, что азбука № 778, относящаяся к началу XIII в., почти тождественна древнейшей азбуке № 591 (1 пол. XI в.). Тем самым она демонстрирует высокую устойчивость традиционных азбук и их относительно слабую зависимость от реальной практики письма. Мы понимаем теперь, что в обучении грамоте азбука могла играть лишь роль фундамента. Остальное довершала практика: в процессе чтения обучавшиеся убеждались в том, что существуют и некоторые другие, еще не изученные ими буквы. Вероятно, эти дополнительные буквы осваивались разными людьми в разной степени: одни постепенно научались правильно ими пользоваться и включали их в свой активный фонд, другие умели лишь их опознавать.

Грамота № 779

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1508, на уровне пласта 8 (глубина 1,40–1,60 м), в напластованиях усадьбы Е. Это четырехстрочное письмо, в котором утрачена правая часть первых трех строк:

ѿдъ[б]р...
 носъкасѣмь[н]...
 ноукрильтиесѣмьзѣ[м]-----
 скънемогисаослоушати

Между *ослоу* и *шати* зачеркнуто *н*.
 Длина 17,7 см, ширина 5,5 см.
 Стратиграфическая дата: 1190-е – 1210-е гг.
 Текст делится на слова следующим образом:

**ѿ Дѣбр... ..носъка сѣмьн... ..ноу; криль ти есѣмь зѣм(лю) ...скѣ. Не
 моги са ослоушати.**

Автор — вероятно, Доброшка (ср. грамоты № 664 и 665), но, может быть, и Добрила (ср. № 889). Разница почерков в данном случае мало о чем говорит: в данную эпоху мы часто встречаем письма, написанные третьими лицами.

Письмо явно начиналось с какого-то императива — скорее всего *заими* (менее вероятно — *крѣни*). Далее шло указание, у кого; наиболее вероятна конъектура (оу Офо)|*носъка* (хотя, конечно, имя могло быть и иным). Последующее *сѣмь[н]*... — очевидно, <*сѣмень*> ‘семян’ или <*сѣмена*> ‘семена’; должно было быть указано также их количество и/или категория. Конъектуры для ...|*ноу* могут быть различными. Все они, разумеется, не очень надежны. Наиболее привлекательной из них представляется конъектура (*въ полови*)|*ноу*: если обычной операцией было *заняти въ треть*, т. е. под 33% роста, то в данном случае, когда автору семена требовались срочно (он только что купил землю), он мог пойти и на невыгодный заем *въ половиноу*, т. е. под 50% роста. Не исключено, что он написал что-нибудь вроде *хота си въ половиноу* ‘хотя бы и в половину’. Заключительное *не моги са ослоушати*, возможно, связано именно с тем, что адресат мог счесть требуемую от него акцию слишком уж разорительной.

Дальнейший текст ясен; невосстановимо лишь название места (на *-ско*, типа *Глинско*), где автор купил землю.

Таким образом, с конъектурами разной степени надежности перевод выглядит так: ‘От Доброшки (?) [к] ... [Заими (?)] у Офоноска (?) семян [столько-то кадей] ... [хотя бы и под отдачу половины (?)] — я ведь купил землю [в] ...ске. Сделай непременно (букв.: не смей ослушаться)’.

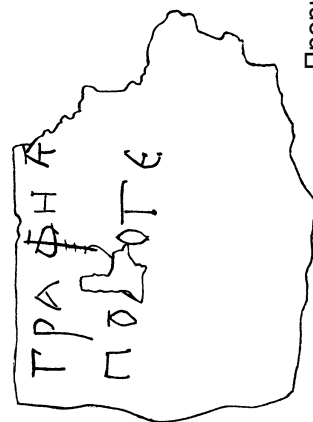
Грамота № 780

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1523, на уровне пласта 8 (глубина 1,60 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целый документ из двух строк, у которого утрачена средняя часть:

графия ...е:сновиде:страшка
 по[л]оге

Длина фрагментов 5,7 и 15,8 см, ширина 4,3 см.
 Стратиграфическая дата: 1180-е – 1200-е гг.

Из-за утрат структура текста интерпретируется не вполне надежно. Наиболее вероятно следующее словodelение: **Графия: ...е — Сновиде, Страшка — пологе.**

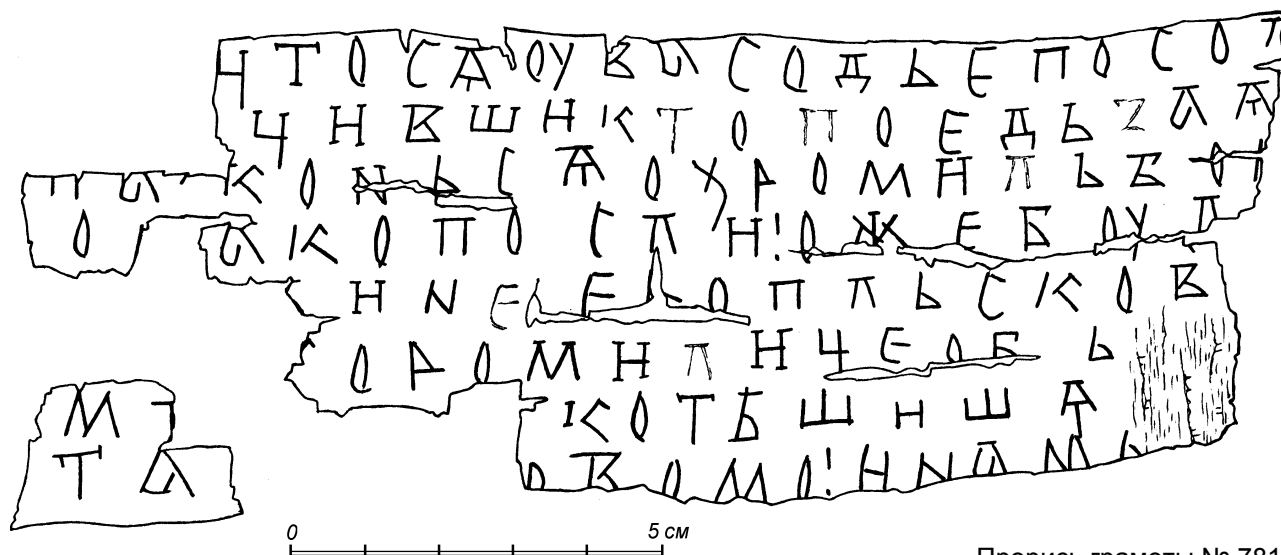
Прорисъ грамоты № 780

Графья — подготовительный рисунок для живописи (выполняемый разными способами: иголкой, углем, тонкой кистью и др.). А. А. Гиппиус предложил интерпретировать грамоту как записку мастера, руководившего расписыванием храма. Сновид и Страшка — художники. Сновид должен изготовить графью для некоей части росписи, название которой утрачено, Страшка — графью для изображения полога (завесы, велума).

Грамота № 781

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1330, на уровне пласта 7 (глубина 1,37 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент многострочного письма, разрезанного с целью уничтожения. Сохранилась средняя часть восьми строк (возможно, документ содержал именно восемь строк):

... ЦТОСА ОУ ВАСО ДЬ Е ПОСОЛ...
 ...ЦИВШИК [Т] О [П] О Е ДЬ (-) АА ...
 ...ПАКОНЬ СА ОХРОМИ [А] Ъ БО...
 ...О-АКО ПОСЛИ: ОЖЕ БОУ Д...
 ...ИНЕЕ КО ПЛЬСКОВ...
 ...ОРОМИЛИЦЕ ОБЬ...
 ...КОТЪШИША ...
 ...[О] ВОМО: И НАМ-...

Прорись грамоты № 781

Местоположение маленького фрагмента (с буквами м и та) в точности неизвестно.

Длина основного фрагмента 17 см, ширина 6,3 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XIII в.

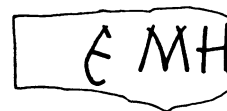
Сохранившиеся отрезки делятся на слова так: ... что са оу васо дье посол... ...цивши кто поедь (-)аа ...
 ...па конь са охромилъ бо... ...о-ако послы. Оже боуд... ...инее ко Пльсков(оу) (к)оромилице обь...
 ...котъ шиша (с)ловомо; и нам...

Первоначальный документ представлял собой большое деловое письмо. Адресат счел нужным изрезать его, стремясь к тому, чтобы из отдельного куска ничего существенного понять было нельзя, и, следует признать, в основном достиг своей цели.

Понятные отрезки (не считая совсем коротких): *что са оу васо дье* 'что у вас делается'; *кто поедь* 'кто поедет'; *конь са охромилъ* 'конь охромел'. Представляет значительный интерес упоминание Пскова.

Грамота № 782

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1523, на уровне пласта 8 (глубина 1,40–1,60 м), в напластованиях усадьбы Е. Это крохотный фрагмент:

€МИ...

Длина 2,7 см, ширина 1,3 см.

Стратиграфическая дата: первая четверть XIII в.

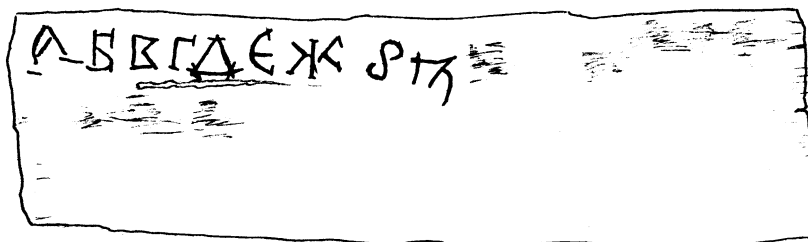

Прорись грамоты № 782

Грамота № 783

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1456, на уровне пласта 8 (глубина 1,47 м), в напластованиях усадьбы Е. Это сохранившийся в целости документ, содержащий начало азбуки:

А Б В Г Д Е Ж З

Прорись грамоты № 783

Длина 10,4 см, ширина 3,0 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XIII в.

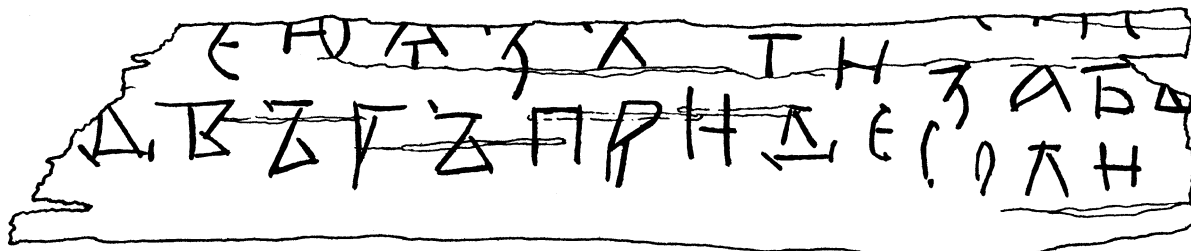
Автор приготовил аккуратный лист бересты, на котором легко уместилась бы вся азбука, и записал первые девять букв. Но здесь он по какой-то причине остановился (может быть, его не удовлетворила буква з, которая несколько “провалилась” под строку). Возможно, он просто выбросил этот лист с тем, чтобы записать азбуку заново на другом листе.

Грамота № 784

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1515, на уровне пласта 8 (глубина 1,40–1,60 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент двух последних строк документа, оборванного с трех сторон:

...ЮАЗЪТИЗДЕ[Ъ]...

...ДВЪРЪПРИДЕСОЛИ...

Прорись грамоты № 784

Длина 15,6 см, ширина 3,1 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XIII в.

Сохранившиеся отрезки делятся на слова так: ...**ею азъ ти забы...** ... **двѣрь приде со ли...** (или: **соли ...**).

В первой строке скорее всего стояло *азъ ти забы(ле)* 'я ведь забыл'. Во второй строке, вероятно, читалось (*на*) *двѣрь приде* 'придет на двор'; далее следовало указание, с чем (или с кем) придет, или словоформа *соли* 'шли'.

Грамота № 785

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1473, на уровне пласта 8 (глубина 1,58 м), в напластованиях усадьбы Е. Это нижняя часть правой половины одной из строк документа (может быть, первой):

...[покл]анание

Прорись грамоты № 785

Длина 14,8 см, ширина 0,8 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XIII в.

Сохранившееся слово **покланание**, вероятно, входило в адресную формулу.

Грамота № 786

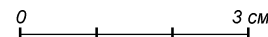
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1467, на уровне пласта 9 (глубина 1,80 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент правой части двух средних строк письма (вторая из которых — по-видимому, предпоследняя):

...[вѣ]дад[и]те-о

...мѣвѣдади

Прорись грамоты № 786

Длина 12,6 см, ширина 2,3 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XII в.

Сохранившиеся отрезки делятся на слова так: ... **вѣдадите -о...** ... **мѣвѣдади...**

Надежно читается только словоформа *вѣдадите* 'дайте', 'выдайте'; возможно, она же выступает и в следующей строке.

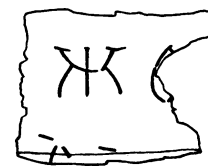
Грамота № 787

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1473, на уровне пласта 8 (глубина 1,40–1,60 м), в напластованиях усадьбы Е. Это крохотный фрагмент:

...ж[є]...

Длина 2,5 см, ширина 2,0 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XIII в.

Прорись грамоты № 787

Грамота № 788

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1542, на уровне пласта 9 (глубина 1,73 м), в напластованиях усадьбы С. Это конечная часть документа, от которого сохранилось четыре строки:

...ѣгривьнѣ-агридипольтретье
 -----н[ѣ]окладажедобрѣжествораннивошевѣпра
 вижелоньскоуюгривьноу-къдетинедоєм[л]ѣбездѣ
 детьвѣдаеши

Перед *добрѣ* одна буква (возможно, *н*) зачеркнута. В *створа* буква *а* написана поверх *о*; букву *о* после *ств* автор вначале пропустил и втиснул ее между *в* и *р* потом. В *недоєм[л]ѣ* предпоследняя буква двусмысленна: это либо *л*, в котором автор повторно провел левый косой штрих (возможно, стараясь улучшить вид буквы), либо *а* с аномально узкой петлей. В первом случае получается чтение *недоємле*, во втором — *недоємае* (значение этих словоформ одинаково). Предпочтительным представляется первое.

Длина 24,8 см, ширина 2,7 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XII в.

Текст делится на слова следующим образом:

...ѣ гривьнѣ, а гриди поль третье (гривьнѣ) оклада же. Добрѣ же створа, нни в Ошевь прави же лоньскоую гривьноу. Къде ти недоємле Бездѣде, ть вѣдаеши.

Перевод: '... гривны. А гридям (княжеским дружинникам) две с половиной гривны жалованья. И, пожалуйста, в Ошев отправь прошлогоднюю гривну. А [если] где недобирает Бездед, то [этим] ведаешь ты (т. е. за это отвечаешь ты)'.
 Ошевь — очевидно, центр Ошевского погоста (нынешнее Ашево Псковской обл.). Что касается рода, ср. *Мълевъ* в грамоте № 885 — нынешнее Млёво.

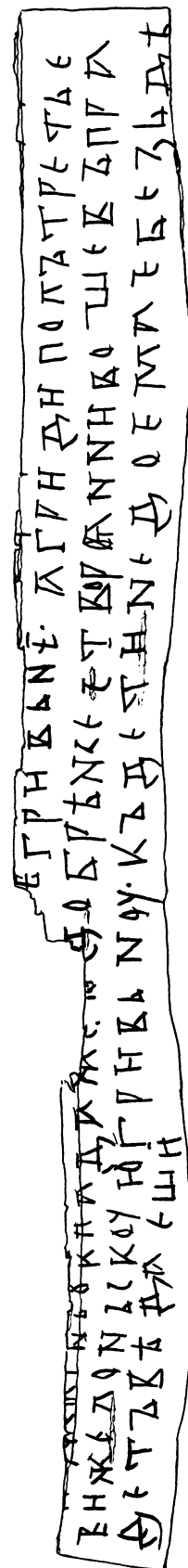
В *ть* (вместо *ты*) представлена графическая замена *ы* на *ѣ*. Сокращение *ннѣ* (вместо *нынѣ*) известно из рукописей; встретившееся в этой грамоте *нни* — по видимому, то же, но уже с отражением перехода *ѣ* в *и*.

Слово *гридь* выступает в грамоте в собирательном значении: 'княжеские дружинники'.

Слово *окладъ* в принципе могло означать как 'жалованье', 'оклад', так и 'обложение', 'раскладка налога'.

Добрѣ сътворѣ ('сделай милость, пожалуйста') — характерная для берестяных грамот XI–XII вв. формула вежливости.

Имя *Бездѣдъ* ('не имеющий деда') образовано по древней модели — той же, что в *Безуи*, *Бесынь* (отразившемся в производном *Бесыньскъ* в грамоте № 761), *Бесънь* (преобразованном впоследствии в *Бессонъ*), *Безнось*, *Беспаль* и т.п. Само имя *Бездѣдъ* в древнерусском источнике встречено впервые (см. об этом имени Фасмер, I, с. 144), но образованное от него притяжательное *Бездѣжь* неоднократно встречается в качестве топонима. Так назывался, в частности, город в Астраханской губернии, упоминаемый в летописях в связи с тем, что через него в 1319 г. везли на родину тело убитого в Орде князя Михаила Тверского.

Прорисъ грамоты № 788

Грамота № 789

Найдена на Федоровском раскопе, в квадрате 484 из сруба, на уровне пласта 19 (глубина 3,74 м). Это целый документ из четырех строк:

ШИДОВИЦИХЪ НА НѢГОСѢМѢ НА РЪЖКОВѢ ЗА
 ТИГРѢВѢ ШИДОВИЦИХЪ ЖДОМАНА ЖТОУ ДОРОВА И
 ЗГОМАТѢ КОУНЪ ГОРОДЬЦЬСКѢ ВЪ ВЪЛЪЦИНѢ НА РОКЫШИ 6 КОУ
 ВЪ ЛАМѢ

В третьей строке слова *ТѢ КОУНЪ* написаны поверх частично затертого слова *ГРИВНА*.

Перевод: 'В Шидовичах за Негосемом, Режковым зятем, гривна. В Шидовичах у Домана, Тудорова изгоя, 10 кун. В Городецке (Бежецком) в [волости] Волчине за Рокишем 6 кун в [деревне] Ламе'.

Длина 29,1 см, ширина 5,3 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XI в.

Текст делится на слова следующим образом:

Шидовицихъ на НѢгосѣмѣ на Рѣжковѣ зати гри(в)на. Шидовицихъ ж Домана, ж Тудорова изгоя, 10 коунъ. Городецкѣ Вѣлѣцинѣ на Рокыши 6 коун(ъ) вѣ Ламѣ.

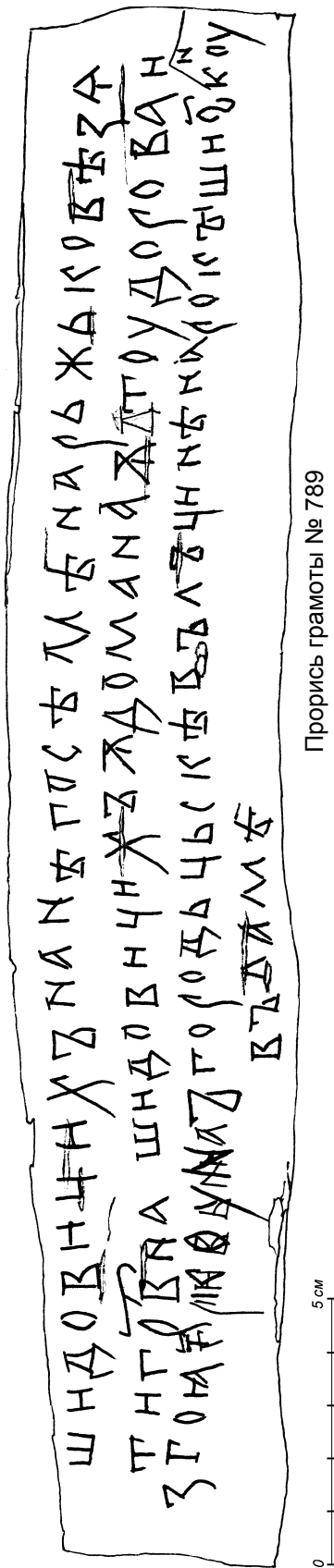
Это долговой список. Для топонима *Шидовичи* ср. в НПК *Шидовица* (I, с. 845, 846), *Шидово* (I, с. 94). *Городецкѣ* — в Городецке Бежецком (ныне Бежецк). *Вѣлѣчина* (ныне *Волчина*) — река, приток Мологи, *Вѣлѣчино* — озеро; но в данном случае, очевидно, имеется в виду прилегающая к ним волость. Топоним *Ламѣ*, по-видимому, не связан с рекой Ламой, на которой стоит Волоколамск.

Редчайшая для ранних берестяных грамот особенность — использование буквы *н* (*изгоя*); это книжная черта. Почерк каллиграфический; профессиональный навык проявился также в написании *коу^н*.

Отметим беспредложные локативы: *Шидовицихъ* (2×), *Городецкѣ*, *Вѣлѣцинѣ*. Различие между *Вѣлѣцинѣ* (без предлога) и *вѣ Ламѣ* по всей вероятности означает, что один из этих топонимов принадлежал к *а*-склонению (*Ламѣ*), а другой — к *о*-склонению (по-видимому, среднего рода: *Вѣлѣчино*). Для *Городецкѣ* следует предполагать исходную форму *Городецкѣско* или *Городецкѣскѣ*; заметим, что в Тамож. кн. (191) мы находим первый из этих вариантов: *на Городецко*.

Чрезвычайно интересно выражение *Тудоровъ изгои*. Слово *изгои* (от *изжити*) по своей внутренней форме означает человека, выпавшего ("выжитого") из своего сословия. *Изгои трои*: *поповъ сынъ грамотѣ не умѣеть, холопъ из холопства выкупится, купецъ одождаетъ; а се и четвертокъ изгоиство и себѣ приложимъ: аще князь осиротѣеть* (церковный устав Всеволода; см. Срезн., I, с. 1052). Для настоящей грамоты подходит только значение 'выкупившийся холоп': Доман был холопом Тудора, но выкупился на волю. Мы впервые узнаём из этой грамоты, что выкупившийся назывался "изгоем такого-то" — подобно вольноотпущеннику в Греции и Риме.

Все имена, кроме *Тудоръ*, — дохристианские. *НѢгосѣмѣ* — 'любящий семью' (или 'любимый семьей'). Элемент *нѣг-* в составе древних славянских имен хорошо известен, особенно в Новгороде. Напротив, элемент *сѣм-* на восточнославянской почве в составе имен был практически неизвестен; ср.

Прорись грамоты № 789

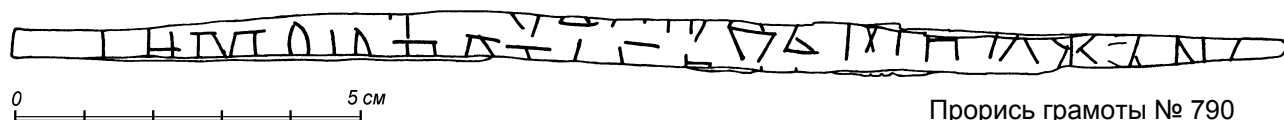
др.-польск. имена типа *Siemomysł, Siemowit, Siemirad*. *Рокышь* — уникальное имя, по-видимому, родственное словам *рокотать, рокот*, а также *рокиша* ‘сизоворонка’ (птица). Имя *Домань* встречается в берестяных грамотах неоднократно. Не вполне ясно происхождение имени *Ръжьско*. Возможно, это ⟨*Ръжьско*⟩ — производное от корня *рѣз-*. Другая возможность состоит в том, что *Ръжь-* — результат ассимиляции гласных в *Ръжь-*; тогда это может быть производное от *ръзати* (*ръжеть*) ‘ржать’ или от *ръжа* ‘ржавчина’, ‘рыжизна’.

Имя *Тудорь* многократно встречается в др.-р. источниках XII в. (не только новгородских). В XIII в. оно уже отмечается редко, а в более позднее время выходит из употребления. Очевидно, данная форма имени пришла на Русь от южных (возможно, отчасти и от западных) славян и лишь постепенно вытеснялась формой *Феодорь* (откуда *Федорь, Фодорь*), соответствующей др.-р. церковной норме.

Грамота № 790

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1421, на уровне пласта 9 (глубина 1,60–1,80 м), в напластованиях усадьбы Е. Это левая часть двух средних строк документа:

...[р]-д[ъл]юд[ь]миа жьн[є]...
[т]имоюп[а]т[ь]г[р]...

В конце первой строки вместо *н[є]* можно прочесть и *н[ь]*.

Длина 18,5 см, ширина 0,7 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XII в.

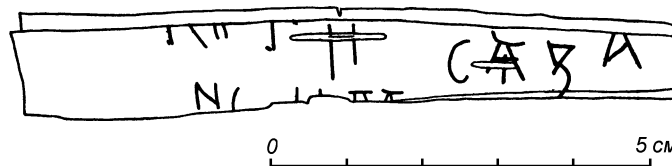
Сохранившиеся отрезки делятся на слова так: ... (пе)р(є)дь людьми. Ажь нети мою пать гр(ивнь) ...

Это фрагмент письма, посвященного выяснению неких финансовых и юридических отношений. Ссылаясь на какое-то действие, совершенное “перед людьми”, т. е. перед свидетелями, автор чем-то угрожал адресату в случае, если тот не вернет ему его пять гривен.

Грамота № 791

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1446, на уровне пласта 9 (глубина 1,68 м), в напластованиях усадьбы Е. Это левая часть двух средних строк документа:

[кот]иса за...
н[єи]м...

Длина 8,8 см, ширина 1,2 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XII в.

Сохранившиеся отрезки делятся на слова так:

... (ка)ко ти са за... .. не им...

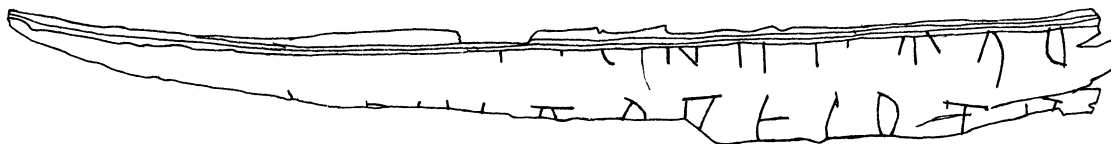
Первый отрезок мог бы быть, например, частью фразы типа *како ти са запирае*; но надежно восстановить глагол здесь, разумеется, невозможно.

Грамота № 792

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1403, на уровне пласта 9 (глубина 1,60–1,80 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент двух средних строк документа:

...[є]ни-а.зо...
...о-єсот[в]...

Прорись грамоты № 792

Длина 14,4 см, ширина 1,5 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XII в.

Сколько-нибудь надежному разделению на слова фрагмент не поддается (в нижней строке, может быть, стояло *dore* [вместо *добре*, с пропуском *б*] *сотвора*; но это гадательно).

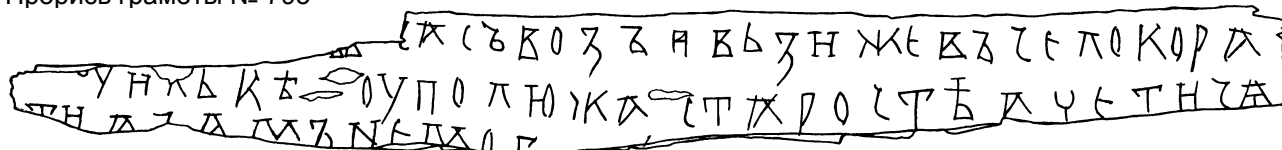

Грамота № 793

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1420, на уровне пласта 9 (глубина 1,78 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая часть двух средних строк документа и фрагмент еще одной строки:

...[вс]асъвозъивезижевъселоко ра
...оуилькъоуполюжастаростѣачетиса
...тиа[с]амънемо[г]...

Прорись грамоты № 793

Длина 19,4 см, ширина 2,1 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – 80-е гг. XII в.

Текст делится на слова следующим образом:

... (о)вса съ возъ и вези же въ село ко Ра... ... оу Илькъ оу Полюжа старостѣ. Аче ти сати, а самъ не мог(и) ...

Перевод (с конъектурами): '... [возьми (?)] овса с воз и вези в село к Ра..., ... у Ильки, Полюдова старосты. Если же [он будет возвращать (?)], то ты сам не смей [ничего сказать (?)]'.

Роль Ильки, к сожалению, неясна; возможно, у него следовало что-то попросить или спросить (например, взять грамоту о доставленном овсе). Предположительная реконструкция конца грамоты основана на аналогии с грамотой Смол. 12, которая кончается так: *чи ти поченете (ц)еть лести(ти) ... , а не мъзи четъ (м)ъльвити* 'если же он начнет как-либо хитрить ..., то не смей ничего сказать'.

С Илькой связаны также письма № 834 и 842. Не исключено, что Полюд, косвенно упоминаемый в грамоте № 793, тождествен летописному Полюду Городшиничу (о нем см. ниже, при разборе грамоты № 853/898). Некий Полюд упомянут также в грамоте № 878 1 четв. XII в.

Грамота № 794

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1450, на уровне пласта 9 (глубина 1,78 м), в напластованиях усадьбы Е. Это первые пять строк письма:

+отъ петра къ маренѣ цити пѣцъ
 не князь къ пѣцъ надѣливати
 цити присълекъ тѣбѣ а ты емѣ
 мльви тѣбѣ а ты емѣ мльви
 мльви тѣбѣ а ты емѣ мльви
 мльви тѣбѣ а ты емѣ мльви

Длина 22,6 см, ширина 4,4 см.

Стратиграфическая дата: 60-е–80-е гг. XII в.

Внестратиграфическая оценка: 60-е–90-е гг. XII в. (см. НГБ X, с. 315).

Текст делится на слова следующим образом:

+ **Отъ Петра къ Маренѣ. Ци ти пѣцне князь къ пѣцъ надѣливати, аци ти присъле къ тѣбѣ, а ты емѣ мльви: “Ты, княже, вѣдаешь, цѣтѣ) мѣжъ мѣре зимѣси възале, тѣ...”** ...

Перевод: ‘От Петра к Марене. Если станет князь наделять купцов и придет к тебе, то ты ему скажи: “Ты, князь, [этим] ведаешь. Кого из мужей мор этой зимой унес, те (тех, тем) ...”’. Другое возможное понимание: “Ты, князь, знаешь, сколько мужей мор этой зимой унес ...”

Заметим, что словоформа И. ед. *мѣре* (= <море>) в др.-новг. диалекте была двусмысленна: это и ‘мор’, и ‘море’. Версия ‘сколько мужей море этой зимой унесло’ на первый взгляд вполне согласуется с упоминанием о купцах. В действительности, однако, эта версия неприемлема: не говоря уже о том, что зимой морской путь в Новгород (через замерзающий Финский залив) был закрыт, словоформа *възале* (а не *възало*) однозначно указывает на подлежащее мужского, а не среднего рода.

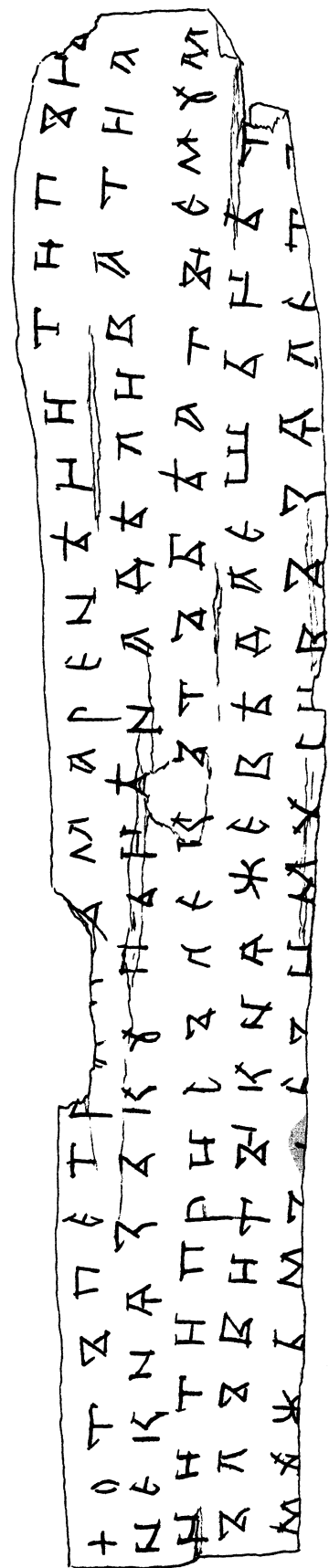
Мор, о котором идет речь в грамоте, — это, возможно, упоминаемый летописью страшный мор 1158 г. (см. НПЛ, л. 30 об.).

В первый раз в этом томе появляется Петр (Петрок), который многократно встретится в дальнейшем. О нем и о его жене Марене см. в предисловии и в статье А. А. Гиппиуса в настоящем томе (с. 164–173).

Женское имя *Марена* (*Marena*) неоднократно встречается в старых украинских и польских актах (ССУМ, 1, с. 576; SSPNO, III, 3, с. 413); особо отметим *свою дѣвку на имя Марену* в новонайденной староукраинской грамоте 1393 г. (Молдован 2000, с. 267). Это имя давалось по языческому женскому божеству *Марена* (ср. родственные *марá* ‘наваждение’, ‘призрак’, ‘привидение’, ‘род кикиморы’, *марить* ‘одурманивать’), известному в особенности в украинской и западнославянской народной мифологии. В летней календарной обрядности так называлась деревянная кукла, чучело, которое сжигали или топили в воде в ходе купальских игрищ как символ умирания и воскресения природы. Отзвук слова *марена* в новгородской зоне — *день Маремьяны-кикиморы* (в народном календаре: день 17 февраля по старому стилю; см. СРНГ, 17, с. 371, с пометой Новг.).

Словоформа *вѣдаешь* — один из самых ранних примеров с *-шь*, а не *-ши*.

Представляет интерес наречие *зиму-си* ‘этой зимой’, где указательный элемент имеет необычную форму *-си* (ср. *-се* в *сѣде-се, сѣдѣ-се*).

Прорис грамоты № 794

Грамота № 795

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1449, на уровне пласта 9 (глубина 1,66–1,77 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент средней части первой строки письма:

...кѣѠомѣ...

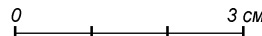
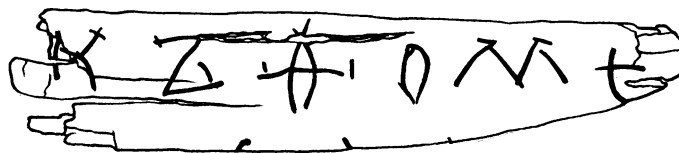
Длина 8,7 см, ширина 1,8 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XII в.

Словоделение очевидно: ... кѣ Ѡомѣ ... От письма к Ѡоме сохранилось только имя адресата.

Ѡома уже встречен ранее в грамоте № 671 1190-х гг., где он фигурирует как участник соседской братчины. Он предположительно отождествляется с известным из летописного рассказа (под 1215 г.) Ѡомой Доброщиничем.

Прорись грамоты № 795

Грамота № 796

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1524, на уровне пласта 9 (глубина 1,74 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент левой части двух средних строк документа:

[се]дворопро...

[ѡмѡ]...

Длина 6,9 см, ширина 1,3 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XII в.

Сохранившиеся отрезки делятся на слова так: ...се дво ро про... ...ѡмѡ ...

Возможно, в тексте имелось сочетание *дворо продаи* (или *продале, продаво* и т. п.).

Прорись грамоты № 796

Грамота № 797

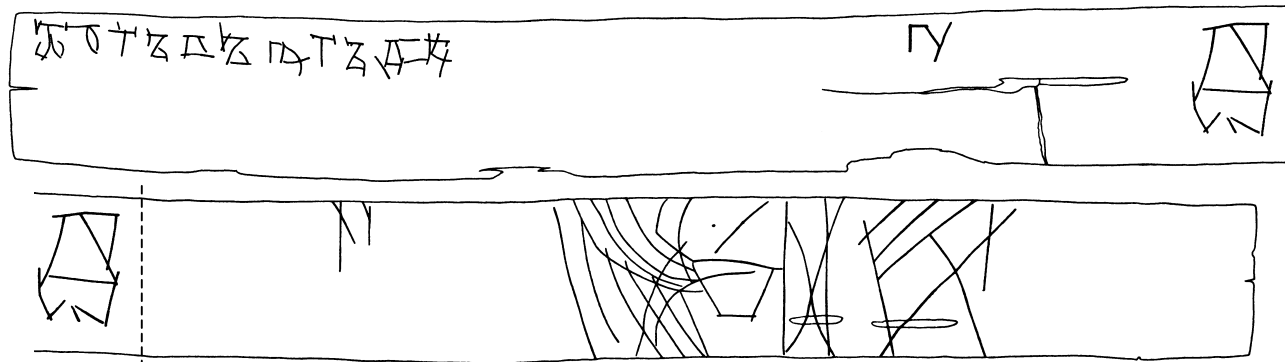
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1495, на уровне пласта 9 (глубина 1,68 м), в напластованиях усадьбы Е. Грамота отрезана от того же куска бересты, что № 804 (см. ниже); но почерки не совпадают. Это целый документ:

Ѡотѡдѡ-тѡд- [М] д

Длина 46,6 см, ширина 3,2 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XII в.

Автор, которого скорее всего звали *Дѡмитрь*, упражнялся в написании адресной формулы. Выписав Ѡ, он предпочел заменить его на *отъ*. Некоторые буквы у него не получились (или он их не закончил).

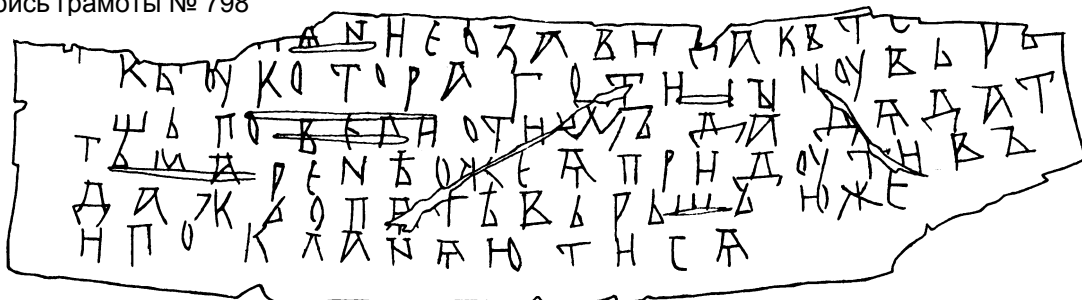
Прорись грамоты № 797

Грамота № 798

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1431, на уровне пласта 9 (глубина 1,77 м), в напластованиях усадьбы Е. Это почти целый документ из шести строк:

-----[Н]АНИЕ Ѡ ЗАВИДА КЪ ТЕ--(-)
 КЪ ОУ КОТОРАГО ТИ СЫНОУ ВЪР[Ь]
 ШЬ ПОВЕЛИ ОТИ Ѡ ЪДАДА ДАТ
 ТЪ МАРЕНЪ ОЖЕ А ПРИДОУТИ ВЪ
 ДА ЖЬ ОПАТЬ ВЪРЬШЬЮ ЖЕ
 И ПОКЛАНАЮТИСА

Прорись грамоты № 798

Длина 14,1 см, ширина 3,8 см.

Стратиграфическая дата: 60-е–80-е гг. XII в.

Внестратиграфическая оценка: середина – вторая половина XII в. (см. НГБ X, с. 317).

Текст делится на слова следующим образом:

(Покла)нание о^т Завида къ те--(-)къ. Оу котораго ти сыноу вьршь, повели оти ѡьдада датъ Маренѡ, оже а придоу, ти вьдажь опать вьршью же. И покланяю ти са.

Перевод: 'Поклон от Завида к ... (возможно, к тетке). Тому из твоих сыновей, у которого есть зерно, прикажи, чтобы отдал дань Марене, поскольку я приду и ты тогда отдашь (очевидно, своему сыну) (букв.: отдай) назад зерном же. Кланяюсь тебе.'

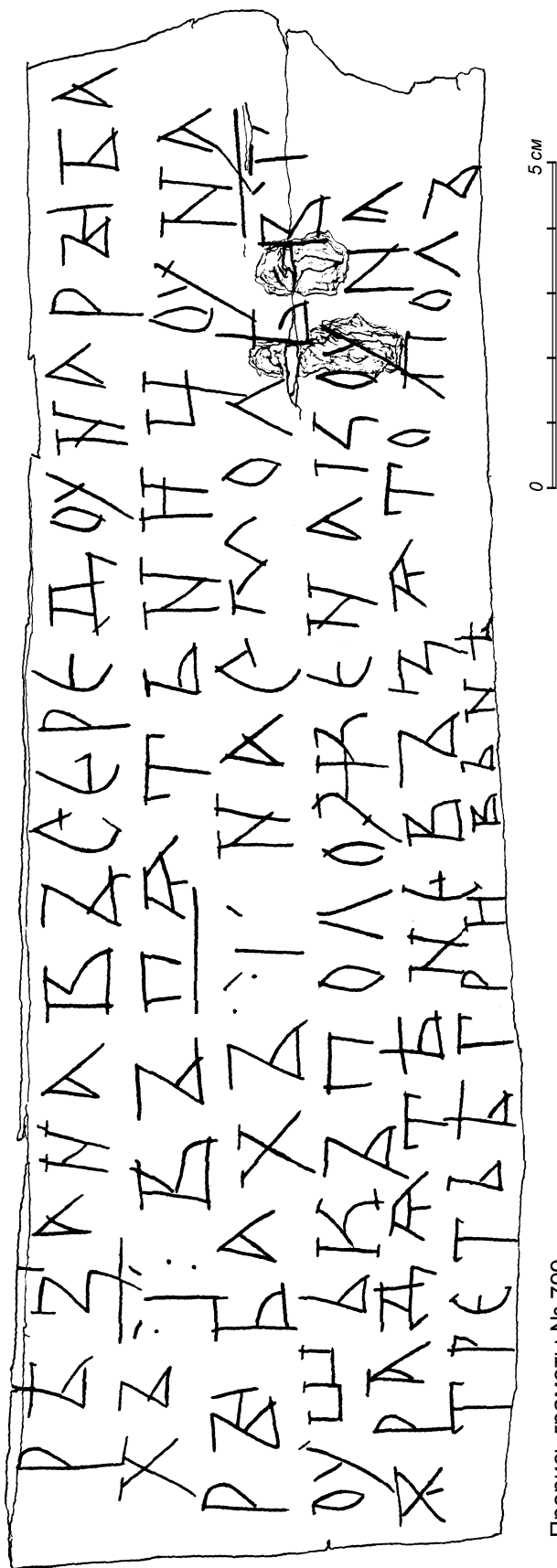
Марена — несомненно та же самая женщина, что в № 794 и 849. Завид фигурирует также в целом ряде других грамот Людина конца, относящихся приблизительно к тому же времени: в № 665, 818, 824 (возможно, еще и в 803), кроме того, в несколько более ранних — № 644 и 736а. Но сколько за этим стоит разных лиц, определить затруднительно. Можно думать, что два (соответственно в более поздних и в более ранних грамотах); но хронологические оценки этих грамот не очень строги, поэтому нельзя исключать и возможность того, что во всех этих случаях выступает один и тот же человек.

Впрочем, императив *вьдажь* в принципе может относиться и к 3 лицу: 'пусть отдаст'. В этом случае *дать* следует понимать просто как 'нечто выданное', 'выдаваемая доля' и следующая фраза получает другой перевод: 'когда я приду, то пусть она (Марена) отдаст назад зерном же'. Но этот вариант представляется всё же менее вероятным, поскольку при императиве 3 лица подлежащее обычно не опускается (во избежание двусмысленности).

Отметим редкое написание *ѡ* (вместо более обычного *ѡь*) в *ѡ Завида*. В конце третьей строки у автора не уместилось слово *дать*: буква *т* уперлась в самый край грамоты. Очевидно, автор привык делать перенос только по слогам, поэтому он вписал на следующую строку графический слог *тъ*; но лишнее *т* осталось незачеркнутым.

Впервые во всем корпусе берестяных грамот встретилась словоформа Р. ед. *сыноу* (с исконным окончанием и-склонения *-оу*).

Основная фраза письма — превосходный пример архаического типа относительного предложения: *оу котораго ти сыноу вьр[ь]шь, повели ...* (с опущением слова *тому*). Отметим отсутствие связки. Множ. число словоформы *вьдада* не согласовано с *сыноу*, а определяется непосредственно смыслом: 'пусть отдадут' (сын может отдать зерно и не сам).

Прорись грамоты № 799

В предложении *ти въдажъ опять върьшыю же* выступает союз *ти* 'то', 'тогда', который, в отличие от частицы *ти*, в новгородских берестяных грамотах встречается очень редко.

Слово *дать*, по-видимому, означает здесь 'подать', 'даны' (по морфологической структуре ср. *подать*). До сих пор оно было отмечено только в церковных контекстах (в значении 'даяние', 'дар'; см. Срезн., I, с. 635).

Грамота № 799

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1524, на уровне пласта 9 (глубина 1,79 м), в напластованиях усадьбы Е. Это последние шесть строк документа:

рѣзана въ середу на рыбахъ
 хъ ѿ въ пятницу на
 рыбахъ ѿна смоль бѣ
 оушькѣ положена коуна
 ж радатѣ не възато поль
 треть гривнь

Длина 23,5 см, ширина 7,8 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – 80-е гг. XII в.

Внестратиграфическая оценка: середина – вторая половина XII в. (см. НГБ X, с. 317).

Текст делится на слова следующим образом:

... рѣзана. Въ середу на рыбахъ 10. Въ пятницу на рыбахъ 10. На смоль 12. Оушькѣ положена коуна. Ж Радатѣ не възато поль треть гривнь.

Перевод: '... [за то-то] резана. В среду за рыб 10 (вероятно, резан); в пятницу за рыб 10.' Последний отрезок недостаточно ясен. Конец: 'У Радаты не взято две с половиной гривны.' Радата — по-видимому, тот же, которому адресована грамота № 879 (см. ниже).

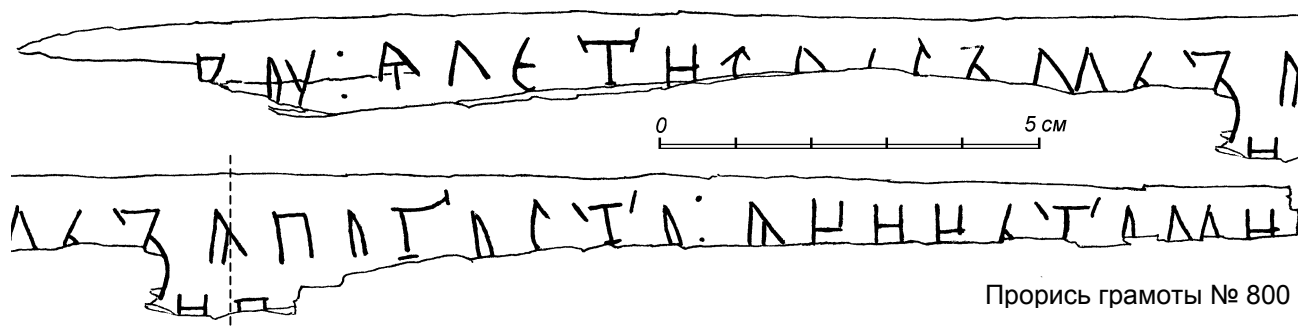
В срединном отрезке слова *на смоль*, вероятно, означают 'за смолу'; но не исключено и понимание 'за Смолой' (где Смола — имя собственное). Неизвестно значение слова *оушькѣ* (т. е. "ушек"); это может быть, в частности, товарно-денежная единица или просто какой-то вид товара. Наконец, *положена* может означать либо 'полагается', либо 'положена на сохранение', 'отложена'. Таким образом, в принципе здесь возможно несколько различных интерпретаций, в частности:

‘За смолу 12 (подразумевается: резан). “Ушек” полагается на куну’. Или: ‘За смолу 12 “ушек”. Отложена куну’. С грамматической точки зрения несколько более вероятно первое, поскольку в древненовгородском диалекте в эту эпоху значение ‘12 ушек’ скорее было бы выражено как *12 оушька*, а не *12 оушькъ*.

Грамота № 800

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1431, на уровне пласта 9 (глубина 1,74 м), в напластованиях усадьбы Е. Это средняя часть первой строки письма:

...-оу:але тис[ае]с[ь]мьзапогосто:ацицьтоми...
...ип...

Прорись грамоты № 800

Длина 30,5 см, ширина 1,8 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – 80-е гг. XII в.

Текст делится на слова так: **...оу. Але ти са есьмь за погосто. Аци цьто ми ...**

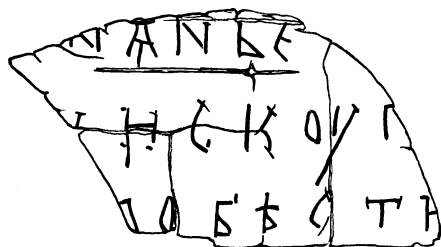
Перевод: ‘[От ... к] ...у. Я поручился (взялся отвечать) за погост. Если что-нибудь мне ...’ Перед *але* стоит ...[р]оу или ...[е]оу; можно предполагать, в частности, ‘Петру’ или ‘Якову’ (см. о Петре при № 794, о Якове при № 890).

Грамоты № 801 и 802

Найдены на Троицком раскопе, в квадрате 1449, на уровне пласта 9 (глубина 1,60–1,80 м), в напластованиях усадьбы Е. Это два маленьких фрагмента, вероятно, одного и того же письма, разрезанного с целью уничтожения:

№ 801 ...наньє...
...-искоу[п]...
...-обѣсти...

№ 802 ...[е]къж...
...сь

Прорись грамоты № 801

Прорись грамоты № 802

В № 801 перед *искоу[н]*..., возможно, стояло *у*, перед *обѣсти*... — возможно, *а* или *а*.

Длина и ширина (высота): № 801 — 5,7 и 3,1 см; № 802 — 6,0 и 4,7 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XII в.

В первой строке, по-видимому, читалось: **(Покла)нанье (ѿ) ...е къ Ж...**

О грамотах 2–4 четверти XII в. с усадьбы Е с именами, начинающимися на *Жиро-*, *Жир-*, *Жи-*, *Ж-*, см. в предисловии.

В тексте имелось слово, начинающееся с *искоуп-*, — *искоупникъ* 'выкупленный пленник', *искоупъ* 'выкуп', *искоупити* 'выкупить' и т. п. (предположить здесь слово *искоупъ* 'епископ' не позволяют следы буквы перед *искоу[н]*...), а также слово *обѣстити* 'известить' (в какой-то форме).

Грамота № 803

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1446, на уровне пласта 9 (глубина 1,60–1,80 м); в квадрате 1448, на уровне пласта 9 (глубина 1,77 м), в напластованиях усадьбы Е. Это средняя часть двух первых строк письма:

...[А]НИЕ·О[ТЪБРАТ]ИЛѢ·КЪЗА...
...ТВЕТИПОЛОТЬСКѢД...

Прорись грамоты № 803

Длина 12,3 см, ширина 1,9 см.

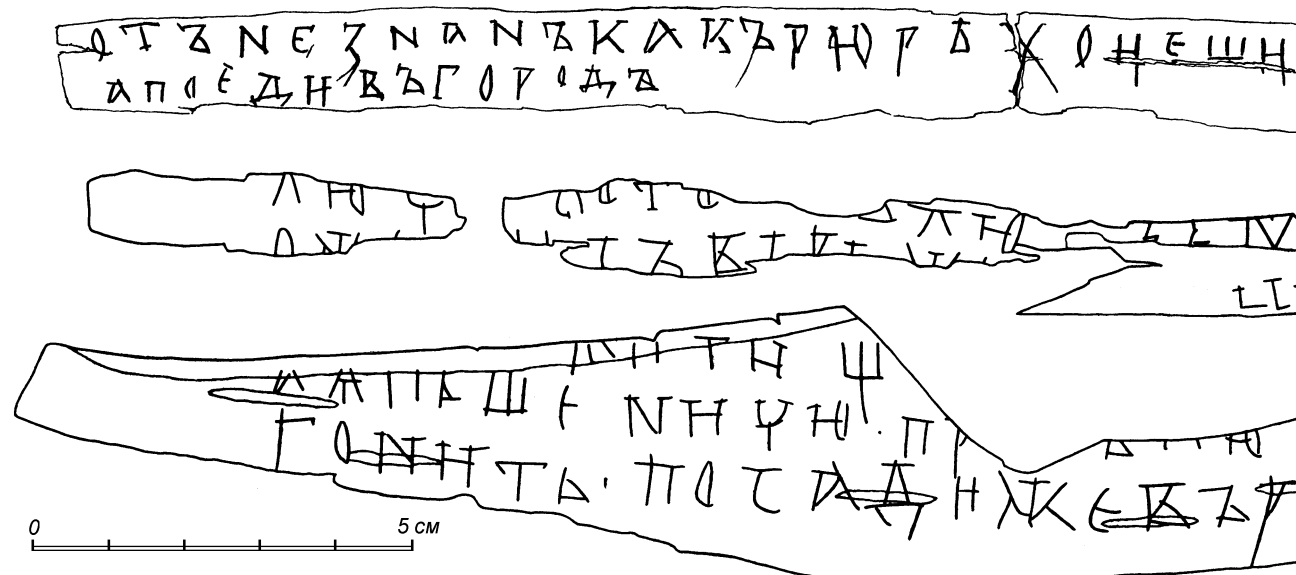
Стратиграфическая дата: 60-е–80-е гг. XII в.

Поскольку в грамоте *ѣ*, по-видимому, не заменялся на *е* (ср. [*Брат*]илѣ, *Полотьскѣ*), для *...тве* находится лишь одна правдоподобная конъектура: (*мрь*)тве.

Текст делится на слова так: **(Поклан)[А]ние отъ Братилѣ къ За... (Мрь)тве ти Полотьскѣ Д...**

Перевод: 'Поклон от Братилы к За... Умер (?) вот в Полоцке Д...' Грамота была адресована либо Завиду, либо Захарии (ср. № 824, где встречаются оба эти имени); см. о Завиде при № 798, о Захарии при № 824.

Представляет интерес упоминание Полоцка (Полоцк и полочане упоминаются также в грамотах № 502 и 636).

Грамота № 804

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1446, на уровне пласта 9 (глубина 1,60–1,80 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целое письмо из двух строк:

отънезнанъкакърюрьхоцешилиплатити·ѡ·гривнъ·алинехоцеси
апоедивъгородъ

Грамота отрезана от того же куска бересты, что № 797 (но почерки не совпадают).

Длина 34,6 см, ширина 1,6 см.

Стратиграфическая дата: последняя треть XII в.

Текст делится на слова следующим образом:

Отъ Незнанъка къ Рюрь. Хоцеси ли платити 6 гривнъ? Али не хоцеси, а поеди въ городъ.

Перевод: 'От Незнанка к Рюре. Собираешься ли платить 6 гривен? Если не собираешься, то поезжай [на суд] в город'.

Незнанъко — уменьшительное от *Незнанъ* (ср. *Неданъ* и т. п.). В младшем изводе НПЛ Мирошка Незданич назван Мирошка Незданич (А. А. Гиппиус высказал даже предположение, что в данной грамоте фигурирует именно отец Мирошки).

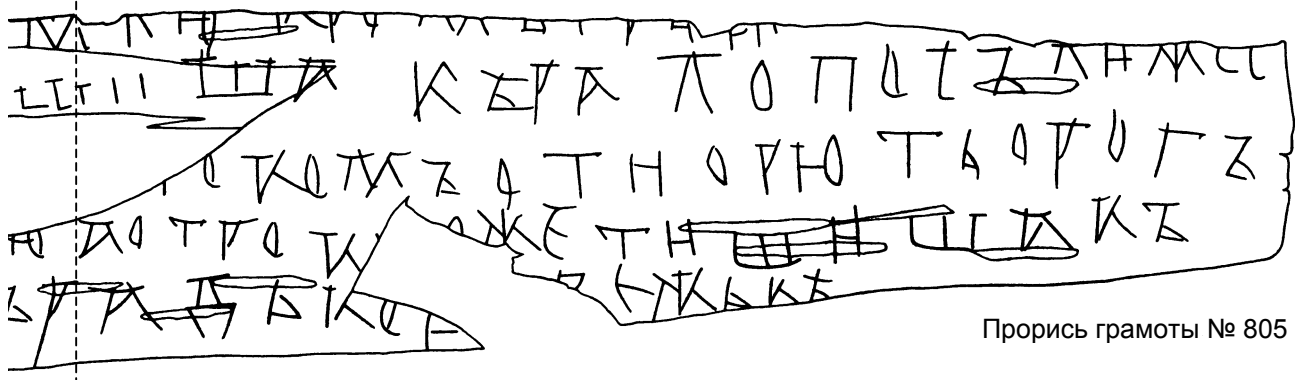
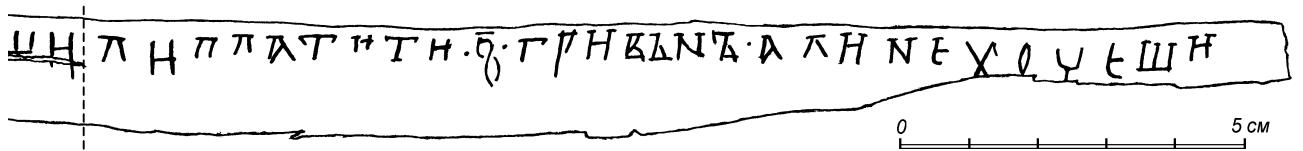
Рюра — явно уменьшительное от *Рюрикъ*. До сих пор имя *Рюрикъ* (из скандинавского, ср. др.-исл. *Hróðrekr* < прагерм. **Hrōða-rīkaz* 'славой могучий') встречалось в древнерусских источниках только в качестве княжеского. Грамота № 804 показывает, что по крайней мере в Новгороде этого ограничения не было.

Грамота № 805

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1448, на уровне пласта 9 (глубина 1,76; 1,70–1,76; 1,64; 1,64 м), в напластованиях усадьбы Е. Документ был в древности разрезан на большое число кусков неправильной формы. Соединенные ныне куски образуют пять его заключительных строк, к сожалению, с лакунами:

люу-хото---[в]лю[з]емлюкром[ѣт]р[ѣ]-----
ож[ѣ]-[и]съв[ѣ]р[ѣ]ж[ѣ]-шишакъралопосълижес
-----житищ-----[р]окомъотиорютьорогъ
аапъшеничю-пр-[в]лю-аотрок-ожетишишакъ
гонить-посадижевърадъко[в]-[в]ежкъѣ

Прорисъ грамоты № 804

Прорисъ грамоты № 805

Сохранившаяся часть письма собрана из целой серии фрагментов, найденных по отдельности. Левая часть первых двух строк не примыкает к остальному массиву вплотную; поэтому величина разрывов здесь определяется лишь приблизительно.

Длина 32,7 см, ширина 5,0 см.

Стратиграфическая дата: последняя треть XII в.

Текст делится на слова следующим образом:

... люч(е) Хото(сла)влю землю кромѣ трѣ----- Оже (т)и съверже(тъ) Шишакъ рало, посьли же с--- (на) житищ(е) ----- (от)рокомъ, оти орють орогъ. А ѡ пшеничю пр(а)влю. А отрок- оже ти Шишакъ гонить, посади же въ Радьков(ѣ) вежькѣ.

В предпоследней строке после *отрок* виден кончик штриха от следующей буквы; он допускает как реконструкцию *отрок[ѣ]*, так и *отрок[ы]*.

В первой строке без труда читается 'Хотославу землю, кроме Тре... (или: за пределами Тре...)'. Хозяина этой земли Хотослава, вероятно, можно отождествить с Хотеславком (или Хотеславцем), которому адресовано письмо № 654. Буквы *люч-* в начале строки — может быть, конец словоформы *заемлюче* 'захватывая' или *ѡемлюче* 'отнимая'. Не исключено, например, что какие-то люди пахали, захватывая при этом часть Хотославовой земли (т. е. нарушая межу).

Во второй строке читается: 'Если же сбросит Шишак рало, то пошли ...' По аналогии с известной по Русской Правде (ст. 20) формулой *а оже съвержетъ виру* 'а если сбросит с себя виру (т. е. освободится от виры, отведет от себя необходимость ее платить)' следует понимать, что *рало* здесь — не 'плуг', а 'поралье', 'налог с плуга' (как в грамоте № 663). Речь идет, таким образом, о том, что Шишак может в ответ на какие-то предписываемые адресату действия (скорее всего карательного свойства) отказаться платить поралье; возможно, это просто значит, что он откажется далее сидеть на этой земле. Адресат в этом случае должен послать *с---* (может быть, *соху* — 'небольшую крестьянскую общину?') на житище, т. е. поле из-под ячменя, и велеть "отрокам" пахать лощину. Дальнейший текст сохранился почти целиком: 'А я пшеницу пришло. А отроков если Шишак начнет гнать, то посади [его] в Радкову башенку'. Последняя, как можно полагать, могла при необходимости использоваться в роли тюрьмы.

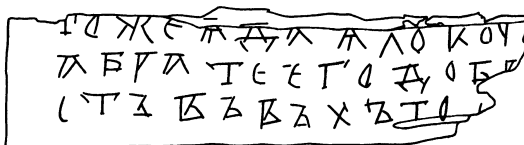
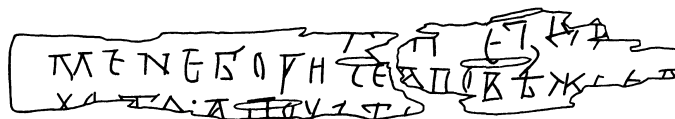
В графике и в морфологии автор так близок к книжным стандартам, что новгородское происхождение грамоты проявилось только в цоканье (*пшеничю*) и в *к* (а не *ц*) в [*в*]ежькѣ.

Отметим употребление презенса *гонить* в значении будущего времени: *оже ти гонить* 'если же будет гнать'; аналогично *правлю* 'пошлю', 'пришлю'.

Слово *житище* (от *жито* 'ячень') в говорах известно: *жѣтище* 'подсечная нива из-под сжатого ячменя', 'поле, с которого убрано жито' Олон., Новг., Калин., Петерб. (СРНГ, 9, с. 190).

Слово *орогъ* встречается впервые. Очевидно, это то же, что диалектное (северо-западное) *ѡрга* 'болотистое топкое место', 'лощина, овраг между горами, холмами' (и ряд близких значений) — СРНГ, 23, с. 330 (с пометами Арх., Олон., Ленингр., Север., Волог.); см. также Слов. XI–XVII, 13, с. 62]. Слово заимствовано из карельск. *orgo* 'влажная долина, низина' (финск. *orko*, эст. *org*), см. Фасмер, III, с. 149. Известно также производное *ѡрожный* (о дереве) Олон. (СРНГ, 23, с. 345). Вариование *орга* — *орогъ* скорее всего связано с возможностью исчезновения конечной гласной в самих прибалтийско-финских диалектах. Наряду с *ѡрга* известен также вариант *ѡѡрга* (с вторичным *ѡ*), см. СРНГ, 5, с. 98, Слов. XI–XVII, 3, с. 29, Фасмер, I, с. 351. В связи с этим представляет интерес слово *ѡѡрог* 'овраг' Осташк. (СРНГ, 5, с. 108): возможно, оно связано не с *ѡѡраг*, а именно с *орогъ*, представленным в настоящей грамоте.

Крити — 'купить' (см. Лингв., § 78–79).

Грамота № 806

Найдена на Троицком раскопе, на уровне пласта 9, в напластованиях усадьбы Е. Документ был в древности разорван на множество кусков, из которых найдено шесть: первые пять – в квадрате 1448, глубины от 1,64 до 1,72, шестой – в квадрате 1447, глубина 1,60–1,80.

Два срединных фрагмента (соответствие строк левой и правой частей лишь предположительно):

...єзд[а]...	...[а]...
МЕНЕБОРИСЕАПОВЪЖЬЄ[М]...	...ОТЪСТЕПАНАКЪБЄ...
ХОТ[А]·АПОУСТ...	

Фрагменты конечной части грамоты:

ТОЖЕАДААЛОКОУ...	...оуаЖ[и]-----з[а]---ЛОВЪПОГО
АБРАТЕЄГОДОБР...	...ВЪНЪАПОПОЛ-----РЪТЪН-МЪСАЧЪ
СТЪВЪВЪХЪТО[С]...	

Длина и ширина: 1-го фрагмента — 10,1 и 1,5 см; 2-го — 10,1 и 1,3 см; 3-го — 7,8 и 2,0 см; 4-го — 7,2 и 1,2 см; 5-го — 2,7 и 1,3 см; 6-го — 5,0 и 1,4 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – 80-е гг. XII в.

Читаются лишь разрозненные фрагменты: ... мене Борисе, а повѣжь ем(оу)...; хота, а поуст(и) ...; ... отъ Степана къ Бе...; то же а даало коу(ны) ...; а брате его Добр... Несколько полнее сохранилась заключительная фраза: ...оу, а Жи----- за(сла)ло въ погостъ въ вѣхъ то с... ...[гри]внѣ, а по пол(оу) цетвь)рътѣ н(а) мѣсачь.

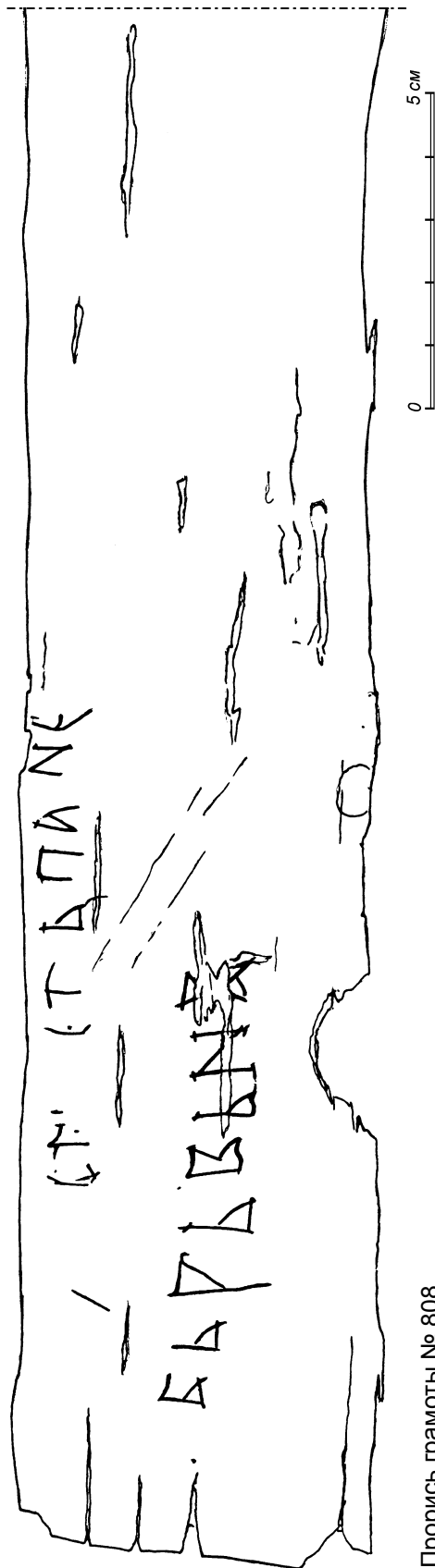
Из первых фрагментов извлекаются в основном лишь имена: Борис, Степан, чей-то брат Добр... (Доброшка?, Добрила?). Но заключительная фраза письма в общих чертах понятна: 'А Жи... (вероятно, Жирослав или Жирочка) заслал в весь погост такое [слово (?): ... "столько-то] гривен — по три с половиной на месяц?.'

Борис — почти наверное тот же, что в № 819, 581 и 671. Степан — вероятно, тот же, что в № 671; возможно, кроме того, что тот же Степан фигурирует в № 831 и даже в № 808. О грамотах 2–4 четверти XII в. с усадьбы Е с именами, начинающимися на *Жиро-*, *Жир-*, *Жи-*, *Ж-*, см. в предисловии.

Представляет большой лингвистический интерес отрезок *въ погостъ въ вѣхъ* (сохранившийся, к счастью, без утрат). *Вѣхъ* здесь бесспорно означает 'весь'. Это очередной пример *x* (а не *c*) в данной основе и в то же время свидетельство раннего перехода *вѣхъ* в *вѣхъ*.

Прорись грамоты № 806

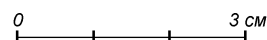
Прорись грамоты № 808

Грамота № 807

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1466, на уровне пласта 9 (глубина 1,79 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент правой части трех средних строк документа:

...є[ни]є
 ...ДѢТЬАТАКОЖЕ
 ...исп[ы]....

Прорись грамоты № 807

Длина 6,7 см, ширина 1,1 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XII в.

Сохранившиеся отрезки делятся на слова так: **...ение**
...деть а такоѳ же ... испы....

Использование буквы **є** в эту эпоху характерно только для книжных текстов. Возможно, перед нами обрывок какого-то текста церковного характера.

Грамота № 808

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1447, на уровне пласта 9 (глубина 1,79 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целый документ:

СТЪПАНЪ
 БРЪВНЪ

Длина 28,3 см, ширина 6,3 см.

Стратиграфическая дата: 60-е–80-е гг. XII в.

Начальные буквы **ст** — явно лишние. Очевидно, автору они чем-то не понравились и он просто написал их рядом заново. Без учета этих букв читается: **Стъпане бръвнъ**.

Наиболее вероятная интерпретация: 'Степан Бревно' (имя и прозвище). Менее вероятны: 'Степаново бревно' (ярлычок); 'Степан — бревно'. Ср. упоминания Степана в № 831, 806, 671.

[1998]

Грамота № 809

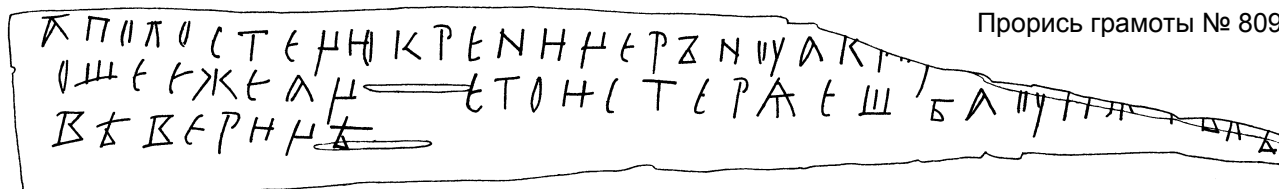
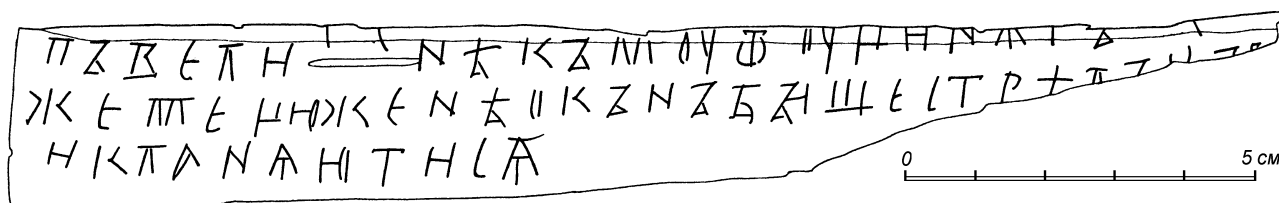
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1383, на уровне пласта 10 (глубина 1,85 м), в напластованиях усадьбы Е. Это левая нижняя часть письма, написанного на двух сторонах берестяного листа. На каждой стороне сохранилось, с утратами, по три строки:

Внутренняя сторона (вероятно, основное письмо)

пъвелинѣкъмоу ѿ оуцина[тъ]...
жемецюженѣ окънъ быше стрѣ[лъкы]...
икланаютиса

Внешняя сторона (вероятно, приписка)

а полостецю креницеръноу ак[роу]...
ошееже а цето истераешъ а оу Патель[а]...
въверицѣ

Длина 18,4 см, ширина 2,6 см.

Стратиграфическая дата: 3 четв. XII в.

Текст делится на слова следующим образом. Внутренняя сторона: ... **пъвели нѣкъмоу, ѿ оуци**на[тъ] ... **жемецюженѣ окънъ быше стрѣ**лъкы ...; и **клан**аю ти са. Внешняя сторона: **а полостецю крени**церъноу, **ак**роу... **ошее же. А цето истераешъ, а оу Патель**(а) ... **въвери**цѣ.

Во второй строке внутренней стороны допустимы прочтения *стрѣ[лъкѣ]* и *стрѣ[лъкы]*; по контексту предпочтительно второе. В первой строке внешней стороны *к[роу]* — это, по-видимому, начало от *кrouжив(ъ)мь* или *кrouживы*.

Перевод: '... прикажи кому-нибудь, чтобы сделали ... (какие-то украшения) жемчужные наподобие стрелок ... И кланяюсь тебе'. Приписка: 'Да купи черную полстку (т. е. коврик, кошму), да кру[жевами] ... обшей. А что потратишь, то у Пятеля ... (может быть: получишь обратно) деньги'.

Отметим употребление орфограммы ѿ в качестве эквивалента для *отъ* (или *оти*): ѿ *оуци*на[тъ] 'пусть сделают'; ср. ѿ *пойдемъ* (= *отъ поидемъ*) в Синод. НПЛ, под 1204 г. (л. 68).

Словоформа *истераешъ* — один из самых ранних примеров с *-шь*, а не *-ши*.

Жемецюжене — самая ранняя (на два века раньше прочих) фиксация варианта с *-м-*, который впоследствии побеждает, хотя еще по СДРЯ соотношение *н* : *м* в слове 'жемчуг' и его производных составляет 35 : 7. Буква *е* после *м* — еще, видимо, не знак мягкости, а передача [ь]. Две древнейших фиксации данного слова — *жемецюжене* в грамоте № 809 и *жънчюгъ* в надписи Евфросинии полоцкой 1161 г. — показывают, что в раннедревнерусском оно существовало в вариантах *жънъчюгъ* и *жъмьчюгъ*.

Прорись грамоты № 810

За написанием *окънь* явно стоит слово *оконо*, известное доньше только из “Вопрошания Кирикова” (где оно встретилось в двух не очень прозрачных контекстах) и не имеющее до сих пор общепризнанного толкования. В частности, в Слов. XI–XVII (12, с. 336) для слова *оконо* со знаком вопроса предлагается перевод ‘наконец, окончательно’, основанный, очевидно, на том предположении, что *оконо* содержит корень *кон-*. Но морфологическая структура слова в целом оказывается в этом случае практически необъяснимой.

Текст грамоты № 809 позволяет предложить для этого слова простую как в морфологическом, так и в семантическом отношении интерпретацию: это *око* (собственно древнерусский вариант к *ако* ‘как’, ‘что’ и т. д., известный из Синод. НПЛ и берестяной грамоты № 581, см. ДНД₂, с. 410–411) плюс хорошо известная частица *но*, участвовавшая в формировании целого ряда сложных союзов (поздне-др.-русс. *ано*, *ино*, *ажьно*, *атьно*, *нольно* и др.). Прямым эквивалентом слова *оконо* (с точностью до мены *о/а*) является отмеченное в ц.-слав. тексте *аконо* ‘как будто’, ‘quasi’; см. Срезн., I, с. 12, СДРЯ, I, с. 78. Значение ‘как будто’, ‘как бы’ приемлемо и для *оконо* в “Вопрошании Кирикове”.

В грамоте № 809 модальное значение слова (*оконо*) ‘как будто’ усилено словом (*бышь*) — совершенно так же, как в современном *как будто бы*. Автор желает, чтобы ему изготовили какие-то жемчужные украшения, “как будто бы стрелки”, т. е. имеющие вид стрелок. Словоформа *бышь* должна интерпретироваться здесь как *быша* (3 мн.), которое уже утратило конечную гласную, — подобно *истеряешь* из *истеряеши* в этой же грамоте. Ср. *бышь* из *быша* (2 раза) в грамоте рижан ок. 1300 г. (Напьерский, № 49), также в Ипат. (*а бышь*, л. 172), *възашь* из *възаша* в Синод. НПЛ (л. 71 об. и 99). Отметим, что в грамоте рижан встретилось *какъ то бышь* ‘с тем чтобы’, близко сходное по структуре с *оконо бышь*: *ажь бы ты люди казнить, какъ то бышь инии людье боаюлися, кто лихую думу подьдаваеть*.

Грамота № 810

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1582, на уровне пласта 11 (глубина 2,01 м), в напластованиях усадьбы Е. Это одна неполная и одна полная строка из средней части документа:

...[о]кадь·довиосмини-----

ьртиноуапсорокоуризано:натои[л]иричи

Длина 24,2 см, ширина 1,8 см.

Стратиграфическая дата: третья четверть XII в.

Текст делится на слова так: **...о кадь, дови осмини (и четв)ьртиноу, а п сорокоу ризано. На Тоилиричи ...**

В *п сорокоу* пропущено *о* после *п*.

Это фрагмент списка долгов или недоимок (вероятно, содержавшего в утраченной начальной части слово ‘возьми’): ‘... кадь, две осмины и четвертину — по сорока резан. С Тойлирича — [столько-то] ...’

Грамота очень ценна для истории языка тем, что она содержит самое раннее во всем корпусе берестяных грамот надежное свидетельство перехода *ѣ* в *и* — примеры *ризано* ‘резан’, *дови* ‘две’, *осмини*. Из этих примеров особенно важен первый, поскольку он показывает, что данный переход был возможен в эту раннюю эпоху даже в положении перед твердой согласной.

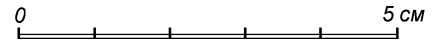
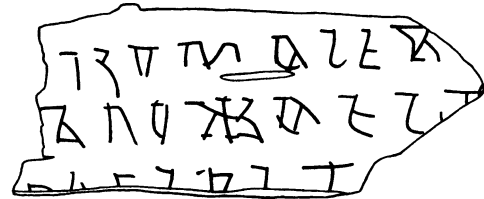
Отчество *Тоилиричь* — очевидно, от некоторого неславянского (может быть, финно-угорского) имени; впрочем, оно читается в грамоте не совсем надежно: буква *л* несколько сомнительна.

Грамота № 811

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1459, на уровне пласта 10 (глубина 1,98 м), в напластованиях усадьбы Е. Это два не смыкающихся между собой фрагмента двух средних строк документа:

...ЪДАНЬ... ...КОМАСЕВ...
 ...АВДЕО... ...ЪЛОЖАЕСТ...
 ...[ВЪ]Т...

Прорись грамоты № 811

Длина 4,0 и 6,2 см, ширина 1,9 и 2,4 см.

Стратиграфическая дата: третья четверть XII в.

Судя по конфигурации фрагментов, в первоначальном документе они отстояли друг от друга примерно на 5–7 букв. А. А. Гиппиус предложил следующую гипотетическую реконструкцию: ... (въ) дань (съ отро)кома се в... | ... (въ неправде отъ Имов)ъложса ес[т](ъ) ... (ср. ситуацию в Млеве, отраженную грамотой № 885).

Грамота № 812

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1398, на уровне пласта 10 (глубина 1,80–2,00 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая часть двух первых строк письма:

...[о]уикоакоше не даютъ вирьних
 ...[е]ти не во[дад]ат[ь] а то тидовамоу...

Прорись грамоты № 812

Слово *не* перед *во[дад]ат[ь]* вписано над строкой. Буква *и* перед *дова* исправлена из *о*.

Длина 13,6 см, ширина 1,7 см.

Стратиграфическая дата: 60-е–80-е гг. XII в.

Текст делится на слова следующим образом:

...оу и ко **Акоше. Не** даютъ вирьних(о) ...; ...е ти не водадать, а то ти дова моу(жа) ...

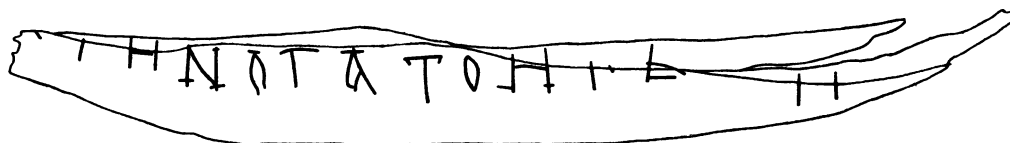
Судя по грамотам № 821, 870 и 885, первым адресатом этой грамоты был Петр (Петрок). Об адресатах настоящей грамоты см. при № 821.

На границе первой и второй строки можно предполагать *вирьних*|(о коуно), а после этого — (о)ж)е ти не или (аж)е ти не. Очевидно, автор жаловался Петру и Якше на то, что жители какой-то волости или округа не дают вирных денег. Далее, вероятно, говорилось, что если они этих денег так и не дадут, то следует направить к ним двух мужей от лица новгородской администрации.

Грамота № 813

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1412, на уровне пласта 10 (глубина 1,81–1,93 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент последней строки документа:

...[АТ]ИНОГАТОИ[РЬ]--[Н]...

Прорись грамоты № 813

Длина 13,1 см, ширина 1,5 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Фрагмент делится на слова так: ...Ати ногато и рь(за)н... Перед *ногато*, очевидно, стояло *пяти*, *девяти* или *десяти*. Речь шла, таким образом, о некотором числе ногат и резане.

Грамота № 814

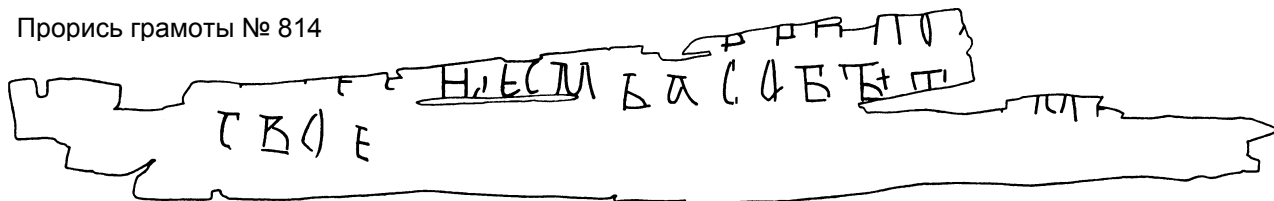
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1472, на уровне пласта 10 (глубина 1,87 м), в напластованиях усадьбы Е. Это левая нижняя часть документа, сохранившая остатки трех строк:

...ипо...

...е[Т]и есмь а событ[и]м[и] ...

свое

Прорись грамоты № 814

Длина 18,6 см, ширина 2,5 см.

Стратиграфическая дата: третья четверть XII в.

Сохранившиеся отрезки делятся на слова так: ...ипо... ...е ти есмь а событи ми ... свое

Можно понять лишь то, что автор письма собирался сбыть какой-то свой товар.

Грамота № 815

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1442, на уровне пласта 10 (глубина 2,00 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая часть трех строк письма (возможно, заключительных):

...[В]ѣ дамъ тамо а жотиневъ да

...[ОВ-Л]ѣ [Л]егамиевъ де вано [С]ѣ

...ГРИВЪНЪ

Прорись грамоты № 815

Имеется еще маленький фрагмент с буквами *въ* и *т*, но его место в точности неизвестно. Вместо [*л*]ега в принципе можно прочесть и [*д*]ега, но в этом случае фразе в целом не удастся дать никакой правдоподобной интерпретации. В *деванось*... автор провел в букве *с* лишнюю черточку, и она имеет вид *е*.

Длина 18,3 см, ширина 2,7 см.

Стратиграфическая дата: третья четверть XII в.

Текст делится на слова так: ... **вѣдамъ тамо. Ажѣ ти не вѣда(...)** ... **...ов-ль, лега ми е въ деванось(т)- ... гривнь.**

Можно понять: '... выдам туда. Если же не дадут (?) ..., то я могу (мне позволено) за девяносто ...'; в конце текста упоминаются гривны. Отрезок *...ов-ль* — возможно, конец какой-то глагольной словоформы на *-оваль*.

Представляет значительный интерес слово [*ле*]а [*ль*га) 'можно' (читающееся, правда, в данном тексте без полной надежности, ср. выше). Особо отметим *девано[с]ь(т)*:- это одна из самых ранних фиксаций данного слова.

Грамота № 816

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1441, на уровне пласта 10 (глубина 1,89 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая часть первой строки письма:

...КЛАНАНИЕВЪЗДОЕ...

Длина 9,5 см, ширина 1,5 см.

Стратиграфическая дата: третья четверть XII в.

Текст делится на слова так: ... **(по)кланание. Въздоен(н)...**

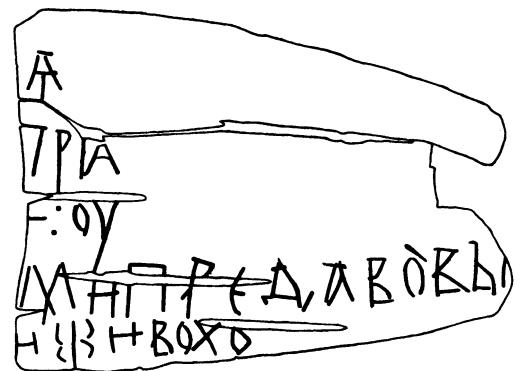
Поскольку при слове *покланание* имя автора всегда стоит с предлогом *отъ*, а имя адресата — с предлогом *къ*, отрезок *въздоен...* может быть только началом собственно письма. Скорее всего перед нами отпричастное имя *Въздоенъ* (в той или иной грамматической форме) — от *въздоити* 'вспоить материнским молоком', 'воспитать', 'взростить'; гораздо менее вероятно причастие *въздоенъ* как таковое.

Прорись грамоты № 816

Грамота № 817

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1335, на уровне пласта 10 (глубина 1,89 м), в напластованиях усадьбы Е. Это отрезанная правая часть пятистрочного документа, который первоначально был обрезан по овалу:

- ...А
- ...пра
- ...оу
- ...мипредавов[ъ]
- ...иживохо

Прорись грамоты № 817

Длина 6,5 см, ширина 4,8 см.

Стратиграфическая дата: третья четверть XII в.

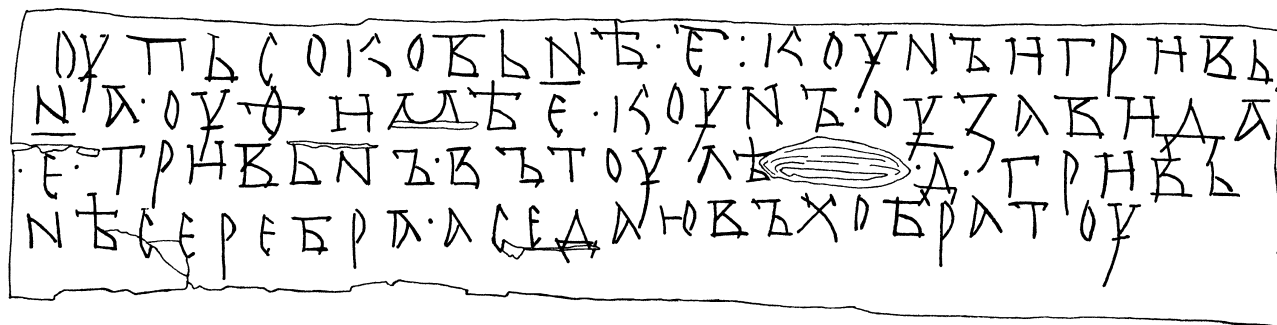
Единственная словоформа, выделяемая сравнительно надежно, — **предаво**. Все прочее гадательно; неизвестно, в частности, содержалась ли в последней строке словоформа **вохо** 'всё'.

Грамота № 818

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1335, на уровне пласта 10 (глубина 1,93 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целый документ из четырех строк:

оупьсоковнѣ·ѣ:коунъигривь
на·оу·Фимѣ·ѣ·коунъ·оузавида
·ѣ·гривнѣ·въ·тоулѣ·д·гривь
нѣсеребра·а·се·даю·въ·х·обратоу

Прорись грамоты № 818

Длина 19,6 см, ширина 4,5 см.

Стратиграфическая дата: третья четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка: середина – третья четверть XII в. (см. НГБ X, с. 318).

Текст делится на слова следующим образом:

Оу Пьсоковнѣ 5 коунъ и гривна. Оу Фимѣ 5 коунъ. Оу Завида 5 гривнѣ. Въ тоулѣ 4 гривнѣ серебра. А се даю въхобратоу.

Перевод: 'У Песковны 5 кун и гривна. У Фимы 5 кун. У Завида 5 гривен. В кубышке (в тайнике) 4 гривны серебра. Всё это я даю брату'.

Это черновик завещания. Фима — возможно, то же лицо, что Офимья, адресат грамоты № 657. Завид — возможно, то же лицо, которое фигурирует в целом ряде других грамот (см. при № 798).

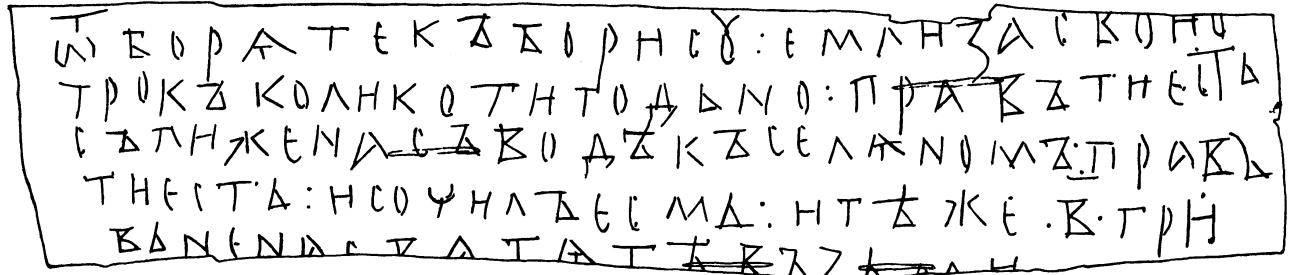
Въ тоулѣ означает 'в укромном (тайном) месте'. Перед нами слово *туль* (ср. др.-р. *туль* 'колчан') или *тула* (ср. у Даля [IV, с. 441]: *тула* саратовск. 'скрытое, недоступное место, затулье, притулье, для защиты, приюта'); оба связаны с *тулити* 'укрывать, скрывать, прятать'. Если исходной формой было *туль*, то мыслимы две возможности: а) деньги на черный день в самом деле могли иногда прятать в пустой колчан — он подходит для этой цели примерно в той же степени, что и сакраментальный чулок нашего времени; б) слово *туль* имело также и более общее значение — того же типа, что у отмеченного Далем диалектного *тула́*.

Грамота содержит также очередной пример диалектного древненовгородского *въхо* 'всё'.

Грамота № 819

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1335, на уровне пласта 10 (глубина 1,81 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целое письмо из пяти строк:

ѠборатекъборисѸ:емлизасвоио
 трокъколикотигодьно:правътиестъ
 сълиженасъводъкъселаномъ:правъ
 тиестъ:исочилъесмь:итѣжеѠгри
 въненасвататѣвъзьми

0 5 см

Длина 17,5 см, ширина 3,7 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Прорись грамоты № 819

Текст делится на слова следующим образом:

Ѡ Борате къ БорисѸ. Емли за свои отрокъ колико ти годьно: правъ ти естъ. Съли же на съводъ къ селаномъ: правъ ти естъ, и сочиль есмь. И тѣ же 2 гривне на Свататѣ възьми.

Перевод: 'От Боряты к Борису. Доверяй своему отроку собирать сколько угодно [денег]: он прав. Шли же [его] на свод к селянам: он прав — я [это] расследовал. А те же две гривны возьми со Святаты'. Вероятно, Борисов отрок был обвинен в том, что он присвоил какие-то две гривны из податей, собранных для Бориса.

Борис фигурирует также в грамотах № 581, 806 и 671. В последней он назван в числе участников соседской братчины.

Имати за са означает 'братъ в свое распоряжение', 'братъ к себе' (см. ДНД₂, § 4.9). Соответственно, *имати за свои отрокъ* означает здесь 'братъ (с кого-то), передавая в распоряжение своего отрока', иначе говоря, братъ через посредство отрока, т. е. доверяя ему эту операцию.

Грамота № 820

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1364, два фрагмента на уровне пласта 10 (глубина 1,90 и 1,93 м), в напластованиях усадьбы Е. Это неполные четыре строки письма, возможно, заключительные:

...МАЛЕЮ
 пропередъ мьною ачито типочъне
 п[ъ]на тинесми вѣрѣ соу[л]и[лѣ]--(-)
 годьно

Длина 32,0 см, ширина 5,4 см.

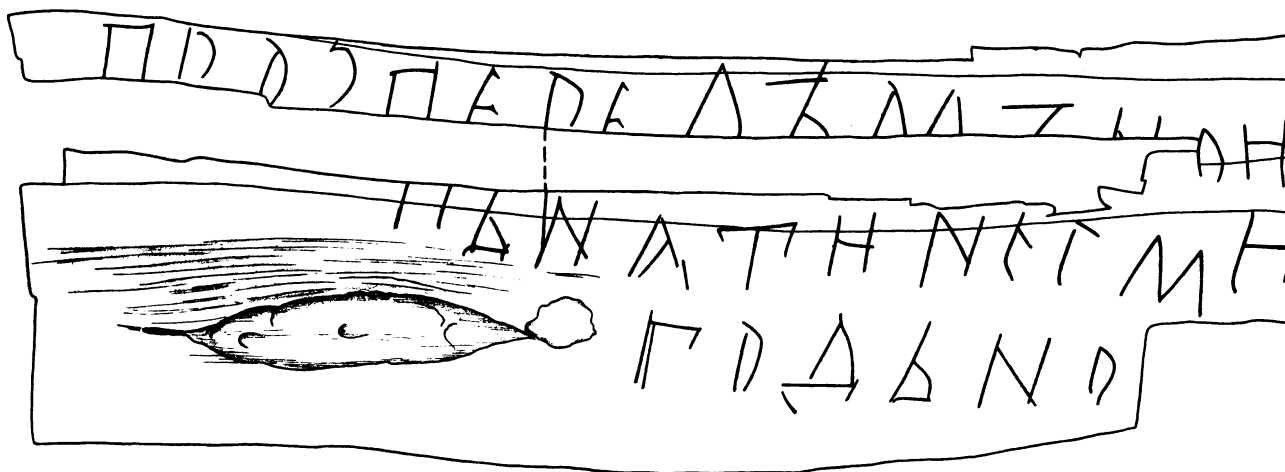
Стратиграфическая дата: третья четверть XII в.

Текст делится на слова следующим образом:

...мале ю пропередъ мьною. Ачи то ти почъне пьнати, несми вѣрѣ соулиле --(-) годьно (...).

Последняя строка после слова *годьно* срезана; вполне вероятно, что этим словом грамота заканчивалась.

Предположительный перевод: '... ее передо мною. Если же начнет тянуть [время], то ведь я не сулил под клятвой [то, что тебе (*или*: ей)] угодно'.

Для глагола *пнати* Срезн. (II, с. 1760) указывает значение 'растягивать, расставлять' (о сетях); ср. в СРНГ (27, с. 178): *пнать время* 'проводить время попусту, бездельничая' Волог., Яросл.; также *пнать* (знач. 4) 'жить бедно, перебиваться' Моск., 'кое-как доживать свой век' Волог.

Представляет большой интерес словоформа *ѡѡрѡ*, для которой, судя по контексту, следует предполагать то же значение, что для выражения *ѡ ѡѡрѡ* 'под клятвой', 'клятвенно', впервые обнаруженном в берестяной грамоте № 724 (1160-е гг.), см. ДНД₂, с. 353. Предположение о том, что в грамоте № 820 *ѡѡрѡ* — это упрощенное написание вместо *ѡѡѡрѡ*, крайне маловероятно: во всех прочих случаях редуцированные в грамоте полностью сохранены (*мъною*, *почъне*, *пнати*, *годъно*). Таким образом, если не прибегать к версии о прямой ошибке (пропуске графического слога), здесь следует видеть беспредложный М. ед. *ѡѡрѡ*; ср. *зимѡ* 'зимой', *веснѡ* 'весной', *одиномѡ мѡстѡ* 'вместе' и т. п. Вероятно, беспредложное *ѡѡрѡ* поддерживалось также существованием близкого по смыслу беспредложного *ротѡ* — в выражениях *ходити ротѡ*, *заходити ротѡ*, *ити ротѡ* и др. (правда, у *ротѡ* здесь первично грамматическое значение Д. ед.; но в силу омонимии Д. ед. и М. ед. словоформы *ротѡ* и *ѡѡрѡ* всё же оказывались параллельными).

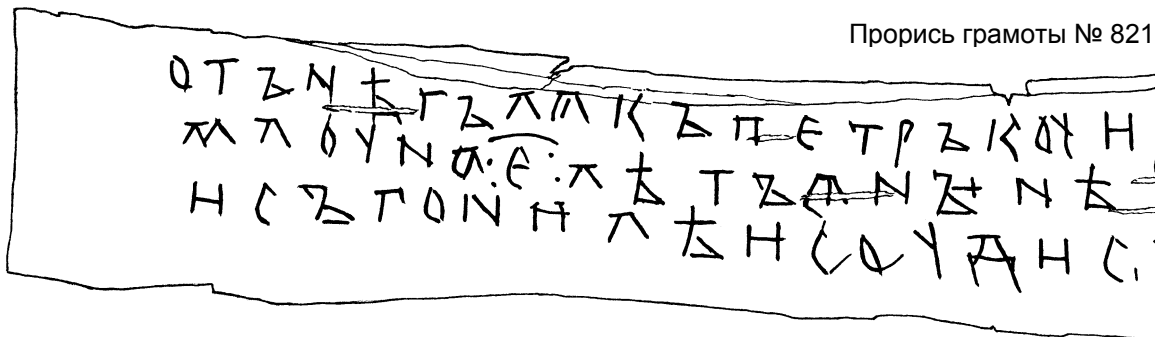
Написание *пропередѡ* может быть простой опиской вместо *попередѡ* (с предвосхищением *p*) или особым сложным предлогом, лишь сходным с *попередѡ*. Что касается управления Т. падежом, ср. *Поперед окошком поют* Киров (СРНГ, 29, с. 303).

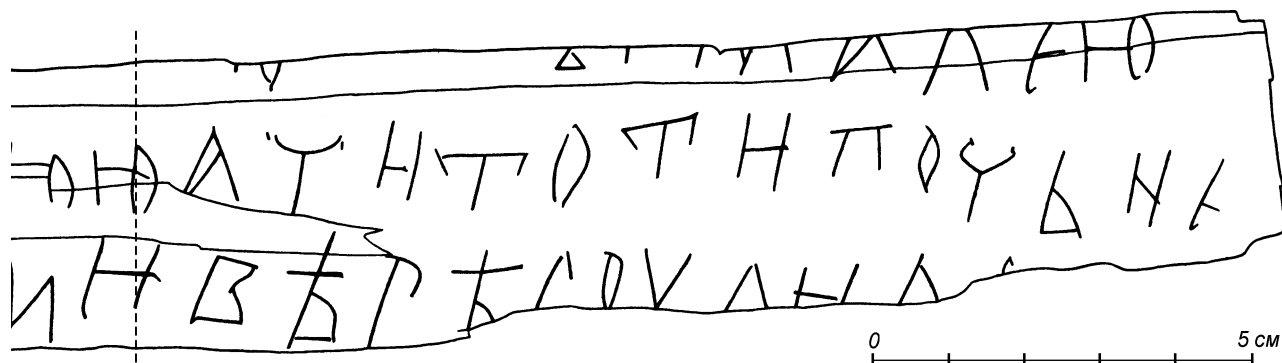
Грамота № 821

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1479, на уровне пласта 10 (глубина 1,82 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целое письмо из трех строк:

отънѣгълакѣпетръкоуикѡакѡшисънаалезе
 млоуна:ѣ:лътъанънѣвъкоупъникѣпришь
 исъгонилѣисоудистаростаинеслоуе

Прорись грамоты № 821

Прорись грамоты № 820

Длина 29,0 см, ширина 3,8 см.

Стратиграфическая дата: третья четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно вторая четверть – середина XII в. (см. НГБ X, с. 318).

Текст делится на слова следующим образом:

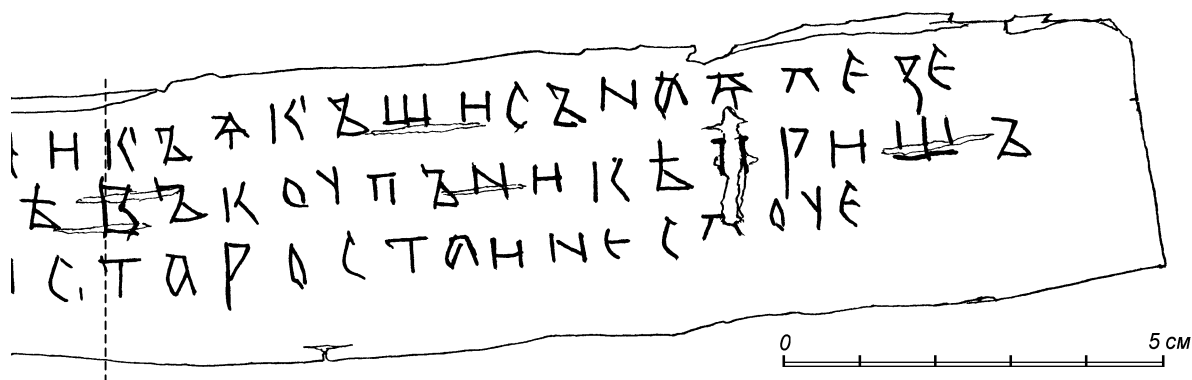
Отъ Нѣгъла къ Петръкоу и къ Акъши. Сънаале (или: Съ наале) землоу на 5 лѣтъ, а нынѣ въкоупникѣ пришь и съгонилѣ и. Соуди староста и Неслоуе (или: не слоуе).

Это первая грамота, в которой явно выступает пара Петрок (Петр) — Якша, фигурирующая также в № 870 и 885, предположительно еще и в № 812. О роли каждого из этих персонажей см. статью А. А. Гиппиуса в настоящем томе, с. 164–174.

Основная часть грамоты гласит: 'От Негла к Петроку и Якше. Взял в совместную аренду (или: Податель сего взял в аренду) землю на 5 лет, а теперь соарендаторы пришли и согнали его'. Варианты перевода связаны здесь с возможностью двоякой интерпретации отрезка *сънаале* — как единой словоформы 'совместно нанял' или как *съ* (= *съ*) *наале* 'сей (т. е. податель сего) нанял' (что касается такого употребления слова 'сей', ср. *водае семоу 2 гривне* в № 227, *водаи семѣ еже рькло* в № 879; ср. также *си* [без существительного] в № 305).

В обоих случаях грамота может быть понята как письмо к высшим администраторам от чиновника более низкого ранга, выданное самому пострадавшему, который должен с ним явиться к адресатам. В первом случае возможно также отнесение слова *сънаале* к автору, а не к подателю письма — тогда пострадавшим оказывается сам Негл (но он пишет не сам, и писец называет его в третьем лице).

Толкование заключительной фразы неоднозначно — в первую очередь из-за неясности отрезка *неслоуе*. Скорее всего это имя Неслуй (с несколько необычным окончанием *-е*) и фраза означает: 'Пусть же судит староста и Неслуй'. Но *и* здесь может быть и не союзом, а частицей с отождествительным значением, как в примерах типа *Володимерь и Мономахъ* (см. ДНД₂, § 4.37^a), и тогда *староста и Неслоуе* означает просто 'староста Неслуй'.

Не исключено, однако, и другое словоделение: *и не слоуе*, где *слоуе* — это ранее не засвидетельствованный презенс от глагола *слути* ‘слыть’ (такой же, как в словен. *slúje* ‘слывет’, ‘имеет репутацию’ — от *slúti*). К сожалению, общий смысл в этом случае недостаточно ясен (‘Судит староста, и не слушают его’ ?; ‘Пусть судит староста, и не будет молвы’ ?).

Отметим еще, что *и* перед *соуди* в принципе может быть не только местоимением ‘его’, но и союзом ‘и’ (‘и пусть судит...’).

Имя *Нѣгъль* (образованное от широко представленного в антропонимах корня *нѣг-* с помощью адъективного суффикса *-ьл/-ьл-*, ср. *сѣтьль* от *сѣт-*) встретилось также в надписи на стене новгородского Софийского собора (Медынцева 1978: № 164, 2 пол. XI — 1 пол. XII в.): *Нѣгъль пс*. Ввиду уникальности имени представляется вполне вероятным тождество персонажей.

Грамота написана по одноеровой системе, ср. *нѣ, шѣ* в *вѣкоупникѣ, пришь* (а также *сѣ* ‘сей’ при чтении *сѣ наале*). Это самый поздний из известных ныне древнерусских документов с такой особенностью.

Представляет интерес написание *землоу* (с *оу* вместо *ю*). Подобные написания, отмечавшиеся в небольшом количестве и ранее (см. ДНД₂, § 2.44), встречаются в новонайденных грамотах неоднократно, ср. *лоубо* ‘любо’ 824, *испалоу* ‘исправлю, расплачусь’ 855, *лоудье* 870, *лоуди* 876, *за Полоуда* ‘за Полюда’ 878, *промышлаа* 893.

Отметим окончание *-ѣ* в И. мн. муж. *вѣкоупникѣ* и в перфекте *сѣгонилѣ*. Пример *сѣгонилѣ* — самое раннее надежное свидетельство проникновения этой морфологической инновации в формы перфекта. Оно почти на сто лет старше самых ранних примеров этого рода, известных донныне.

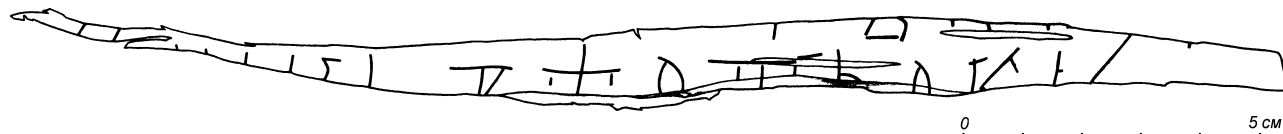
Не встречающееся в других источниках слово *вѣкупникъ* — производное от *вѣкупити, вѣкупитиса*. Ср. Слов. XVIII (3, с. 188): *вкупитъся* ‘вступить в какое-л. общество, артель и т. п., уплатив денежный взнос’; также у Даля (I, с. 212): *вкупатъся, вкупитъся* ‘вносом денег получить права временного пользования угодыми, барышами от оборотов и пр.’.

Особую проблему составляет уникальная словоформа *пришь* (= *пришь*). Помимо настоящей грамоты, она встретилась еще в двух источниках: ... *при[ш]ѣ Соуж[ѣ]далоу роздаѣвъ въ дѣльгѣ ...* ‘пришел (или: придя) в Суздаль, раздав в долг’ 675 (сер. XII); *и азъ пришь быхъ сѣ лихвою истязалъ ꙗ* в Житии Феодосия (Усп. сб., 26г); это цитата из Матф. XXV.27, Лук. XIX.23; во всех древних списках евангелия на месте этого *пришь* стоит *пришьдѣ*. Наиболее правдоподобным представляется решение, предложенное В. Вермеером: *пришь* — аналогическая форма причастия, построенная заново (взамен традиционного *пришьдѣ*) от перфекта *пришьель* в соответствии с пропорцией *умьр(ѣ)ль : умьръ* (= *сѣпасль : сѣпась* и т. п.) = *пришьель : х*, откуда *х* = *пришь* (см. об этом ДНД₂, § 3.40).

Грамота № 822

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1479, на уровне пласта 10 (глубина 1,97 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая часть средней строки документа:

...ч[ѣ]вѣот[ро]к[ѣ]

Длина 21,4 см, ширина 1,2 см.

Стратиграфическая дата: середина – третья четверть XII в.

Фрагмент делится на слова так: **...чѣвѣ отрокъ ...**

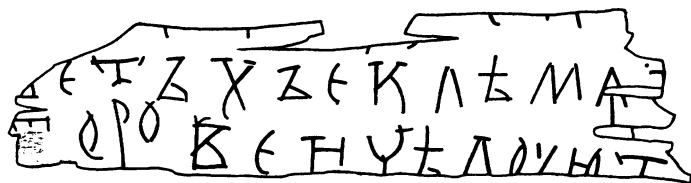
В грамоте шла речь о чьем-то отроке или чьих-то отроках (имя хозяина оканчивалось на *-ць* или *-чь*). Но грамматическая форма слова *отрокъ* устанавливается неоднозначно: М. ед. (скажем, ‘об Игначеве отроке’), В. мн. (‘чевых отроков’), И. мн. (‘чевы отроки’) или даже И. ед. (‘чев отрок’).

Прорись грамоты № 822

Грамота № 823

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1479, на уровне пласта 10 (глубина 1,88 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент двух последних строк письма:

...[в]ѣтъхъеклѣма[т]...
...торовеиучѣлоуют-

Прорись грамоты № 823

Длина 8,9 см, ширина 2,2 см.

Стратиграфическая дата: третья четверть XII в.

Сохранившиеся отрезки делятся на слова так: ... ветъхе Клѣмат...;
... (с)торове и чѣлоую т(а).

Написание *ветъхе* передает либо словоформу *ветъхое* (сред. род), либо *ветъхи* (муж. род). *Клѣмат...* — это, по-видимому, имя *Климата*, записанное со смешением *и* и *ѣ*. В письме могло быть сказано, например, 'старое Климятино ...' или 'старое — Климяте' и т. п. Вопрос о возможном тождестве упомянутого здесь Климяты с Климятой из № 725 и 531 остается открытым.

Концовка письма: '... жив-здоров и приветствую тебя' ('жив-здоров' относится либо к автору, либо к адресату: в письме могло стоять, например, а *сторове* или *боуди сторове*).

Грамота содержит очередной пример характерного для раннедревненовгородского периода диалектного *сторовъ* 'здоров'.

Грамота № 824

Найдена на Троицком раскопе, четыре фрагмента: в квадрате 1453, глубина 2,00–2,07; 1455, глубина 2,03; 1470, глубина 2,04; 1440, глубина 2,08, на уровне пласта 11, в напластованиях усадьбы Е. Это три фрагмента одного письма — начальный, срединный и конечный (каждый фрагмент содержит целую строку):

+ѡжиръкакъзавидоусевъсѣлалезаха
...
в[ъсп]ишиграмотоукъмънѣлоуболиаса
...
в[ъ]рѣти тобою а промысли о томъ :

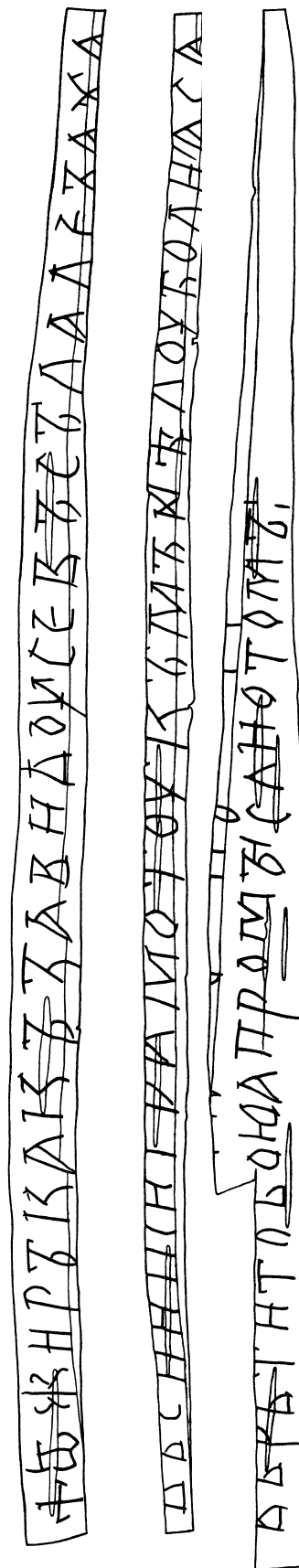
Размеры утрат между сохранившимися строками неизвестны; они могли быть и больше, чем здесь показано.

Длина 29,4, 29,2, 30,0 см, ширина 1,3, 0,9, 1,7 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно вторая четверть — середина XII в. (см. НГБ X, с. 306).

Текст делится на слова следующим образом:

Прорись грамоты № 824

+ Ѡ Жирька къ Завиду. Се въсьлале Заха(рьа) ...; ... въспиши грамотоу къ мьнѣ, лоубо ли а са(ме) ...
...върѣти тобою. А промысли о томъ.

Жирко сообщает Завиду о том, что Захарья прислал какую-то грамоту (или человека) — возможно, с каким-то требованием. В связи с этим Завид должен либо дать Жирку письменный ответ, либо сам к нему приехать. Письмо заключается фразой: 'Так позаботься же об этом'.

О Завиде см. при № 798. О грамотах 2–4 четверти XII в. с усадьбы Е с именами, начинающимися на *Жиро-*, *Жир-*, *Жи-*, *Ж-*, см. в предисловии.

Заметим, что как дата грамоты, так и ее содержание допускает возможность того, что упоминаемый в ней Захарья — это посадник, занимавший данную должность в 1161–1167 гг.

Въспиши — 'напиши в ответ', ср. грамоту № 752. Написание *лоубо* — вместо *любо* (см. ДНД₂, § 2.44).

Грамота № 825

Найдена на Троицком раскопе, два фрагмента: в квадрате 1454, на уровне пласта 11 (глубина 2,06 м); в квадрате 1440 (глубина 2,04 м) в напластованиях усадьбы Е. Это первая строка письма и начало второй:

поклананиѡтоудорокаком[а]----
ше--...

Буквы после *M[a]* восстанавливаются ненадежно; не исключено, в частности, чтение *M[аренѣ]* (ср. № 794) — но только если допустить, что автор мог использовать два разных начертания буквы *p*.

Длина 37,6 см, ширина 2,2 см.

Стратиграфическая дата: середина – третья четверть XII в.

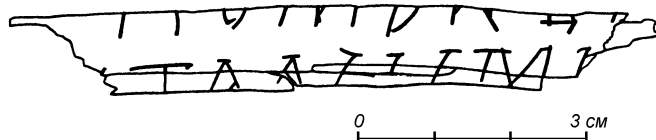
Текст делится на слова так: **Покланани ѡ Тоудорока ко Ма----** ше--....

В *покланани* недописано конечное *e*.

Об имени *Тудоръ* см. ДНД₂, с. 246.

Грамота № 826

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1574, на уровне пласта 11 (глубина 2,01 м), в напластованиях усадьбы С. Это фрагмент двух средних строк документа:

...[к]омо[нѣ]...
...талеесм[ѣ] ...

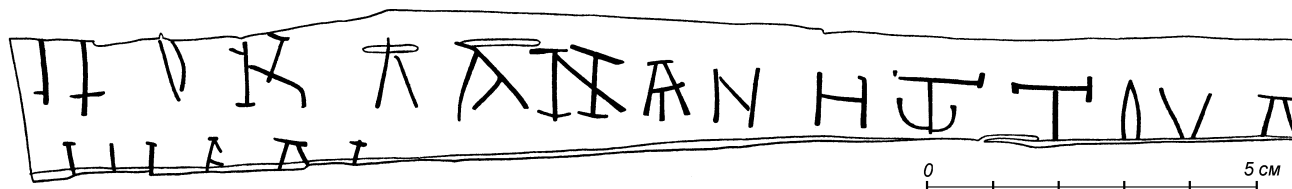
Прорись грамоты № 826

Длина 8,4 см, ширина 1,1 см.

Стратиграфическая дата: середина – третья четверть XII в.

Сохранившиеся отрезки делятся на слова так: ... **ко монѣ** ... **тале есмь** ... Первый отрезок означает 'ко мне', второй — это остаток какой-то формы 1 лица ед. числа перфекта.

Прорись грамоты № 825

Грамота № 827

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1440, на уровне пласта 11 (глубина 2,10 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент средней строки документа:

...[б]о-[обо]аТЬн...

Прорись грамоты № 827

Длина 15,5 см, ширина 0,7 см.

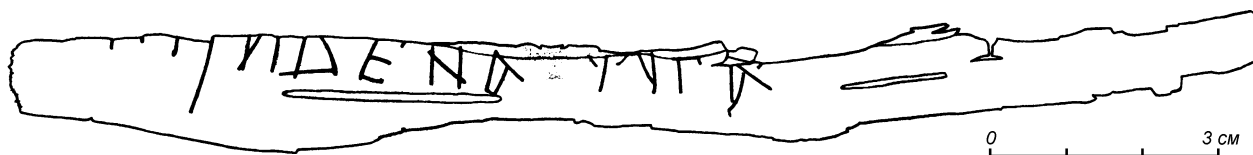
Стратиграфическая дата: середина XII в.

Сколько-нибудь надежному разделению на слова фрагмент не поддается (можно лишь отметить границу слова перед [обо]аТЬн...).

Грамота № 828

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1440, на уровне пласта 11 (глубина 2,08 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая часть средней строки документа:

...[и грив]ена -[у] ога...

Длина 16,5 см, ширина 1,5 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Фрагмент делится на слова так: ... и гривена (о)у Ога... Вероятно, это обрывок долгового списка. Должника скорее всего звали Огафон (Огафан).

Прорись грамоты № 828

Грамота № 829

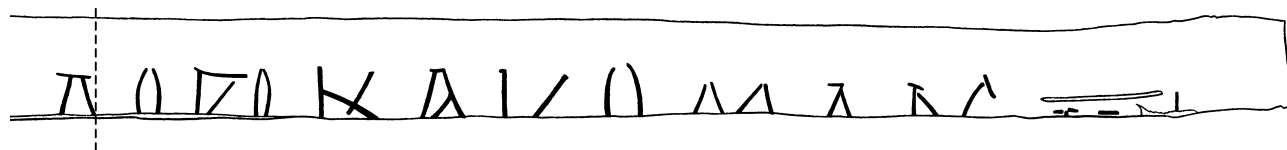
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1440, на уровне пласта 11 (глубина 2,06 м), в напластованиях усадьбы Е. Это три последние строки письма:

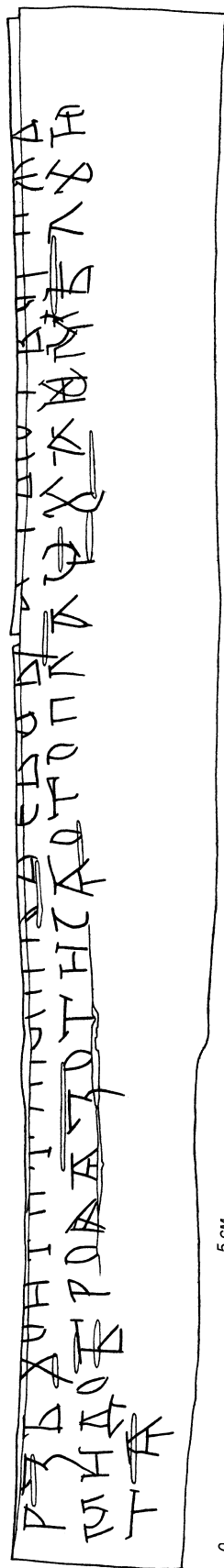
рзѣхѡититимик[ы]є[в]ѣ[в]ра[гъсот]ворижь
мидобрѡа зотисаотоплачѣдиѣлѣю
та

В а и чѣлѣю буквы ич написаны поверх букв ѣм (возможно, автор сперва начал писать а ѣ мене).

Длина 25,5 см, ширина 3,5 см.

Стратиграфическая дата: середина – третья четверть XII в.

Прорись грамоты № 829

Текст делится на слова следующим образом:

... (во бо)рзѣхо: ити ти ми Киевѣ. Братъ, сотвори жь ми добро, а азю ти са отоплачѣ. А и чѣлѣю та.

Перевод: '... спешно: мне ведь ехать в Киев. Сделай же милость, брат, а я уж тебе отплачу. Приветствую тебя'. Очевидно, автор просил брата что-то ему спешно прислать (например, денег или дорожное снаряжение). Заметим, что братом он мог назвать не только родного брата, но и более дальнего родственника и даже просто друга.

Отнесение слов *во борзѣхо* к *ити* ('вскоре мне [предстоит] ехать...') менее вероятно: в этом случае по крайней мере частица *ти* должна была бы переместиться в позицию после *во борзѣхо*.

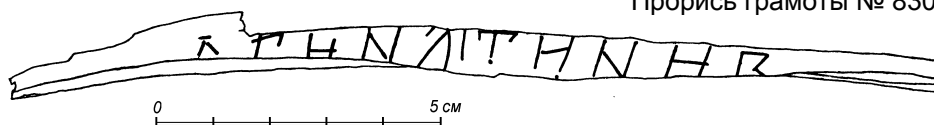
Формула вежливости *сътвори добро* 'сделай милость', 'пожалуйста' — такая же, как в целом ряде других берестяных грамот, например, в № 613.

Грамота № 830

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1455, на уровне пласта 11 (глубина 2,05 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент средней строки документа:

...[г]ин[о]тинив...

Прорись грамоты № 830

Перед [г]ин стояло *о* или *а*. Буква после [г]ин — скорее всего *о*, над которым видны нижние части какой-то буквы из предыдущей строки (*з* или *х*); менее вероятно, что это *ѣ* с очень длинными засечками.

Длина 20,8 см, ширина 1,0 см.

Стратиграфическая дата: середина – третья четверть XII в.

Фрагмент предположительно делится на слова так: ...гину ти нив... Отрезок *нив* — возможно, начало какой-то формы слова *нива*. Отрезок *гин* скорее всего входит в состав притяжательного прилагательного типа *Ногин-* или *Кърчагин-*. Но для попыток разгадать всю фразу данных недостаточно.

Грамота № 831

Найдена на Троицком раскопе в напластованиях усадьбы Е в виде серии фрагментов в квадрате 1379, на уровне пласта 11 (глубина 2,11 м), к которым позднее присоединился еще один фрагмент, найденный в квадрате 1364, на уровне пласта 12 (глубина 2,37 м). После реставрации и соединения смыкающихся частей документ имеет вид двух отдельных фрагментов, между которыми недостает лишь сравнительно узкой полоски бересты.

Первоначальный документ представлял собой большое письмо, написанное на двух сторонах берестяного листа. На лицевой стороне сохранилось полностью или частично девять строк текста, на обороте — семь строк.

Внутренняя сторона

Ътѣ коузьмеи отъ дѣти его къ Рагоуилови ко старьшоум[о]-----[р]-
воу тебе во полуторь [гривь]-----[и сире] а то гривьюю кри
-----[дѣс] а [тъсиг] овои пол[ъ] тѣво дѣсать коуно а попови твою корьвоу во
[гривь] ноу а трокѣ тво [ѣч] и стило есмь да а а дѣ дари а съ еси по а лъ оу мьне
роу боу и парьбоко во съми гривьюно а другоую робоу во довоу гривьюноу да бласло
вита бѣго а съ на ма чѣто во здира еши и на мое дѣти ко то ли на ма та жоу дѣ
ѣт[ъ]-----[та бѣ] по стрѣчь тѣ оужь на ма и на мое дѣти а во то еси
... [и] дова отрока а а съ дѣтьми то къ-----
--[к]оуно дош[ъ]-[ъ] писк-(-)[п]оу во дворе-----т[ъ]к...

Внешняя сторона

... отъ по...
боудѣть да то тоу боудоу ото нхо посадь-[ик]о-[с]о[пи]...
ото весьхо шѣсть а ни а то тебе кобажанино ни а то [бѣ]скоу [дѣ]тина
а горьзно ми бѣшь тоу----[т]ѣгда да надо вь
съмьта бласловило а ты спе
пань пьрьпесаво на хароти
тию по съли ж[ъ](...)

Длина верхнего и нижнего фрагментов соответственно 33,6 и 33,4 см, ширина 1,7 и 4,6 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка: XII в., предпочтительно не позднее середины (см. НГБ X, с. 306).

Текст делится на слова следующим образом.

Внутренняя сторона: *Ътѣ Коузьме и отъ дети его къ Рагоуилови ко старьшоумо(у). ... (ко)р(ъ)воу тебе во полуторь гривь(не), ... и сире — а то гривьюю кри(лъ есмь, и) дѣсать сигово и полѣть во дѣсать коуно. А попови твоему корьвоу во гривьюноу. А трокѣ твоѣ чистило есмь и да а дѣ дари. А съ еси по а лъ оу мьне роу боу и парьбоко во съми гривьюно, а другоую робоу во довоу гривьюноу. Да бласлови та Бѣго. А съ на ма чѣто воздира еши и на мое дѣти? Кото ли на ма та жоу дѣть, — ... та Бѣ — по стрѣчь тѣ оужь на ма и на мое дѣти. А во то есии дова отрока. А а съ дѣтьми то къ... .. коуно дош(л)ъ писк-(-)поу во дворе ...*

Внешняя сторона: *... отъ по... боудѣть, да то тоу боудоу ото нхо посадь(н)ико(у) со пи... ото весьхо шѣсть. А ни а тебе кобажанино, ни а тобѣ скоудѣтина! А и горьзно ми бѣшь тоу... тѣгда. Да надо вьсьмь та бласловило. А ты, Спепане, пьрьпесаво на хароти|тию, по съли жь (...).*

Это одна из самых больших ныне известных берестяных грамот.

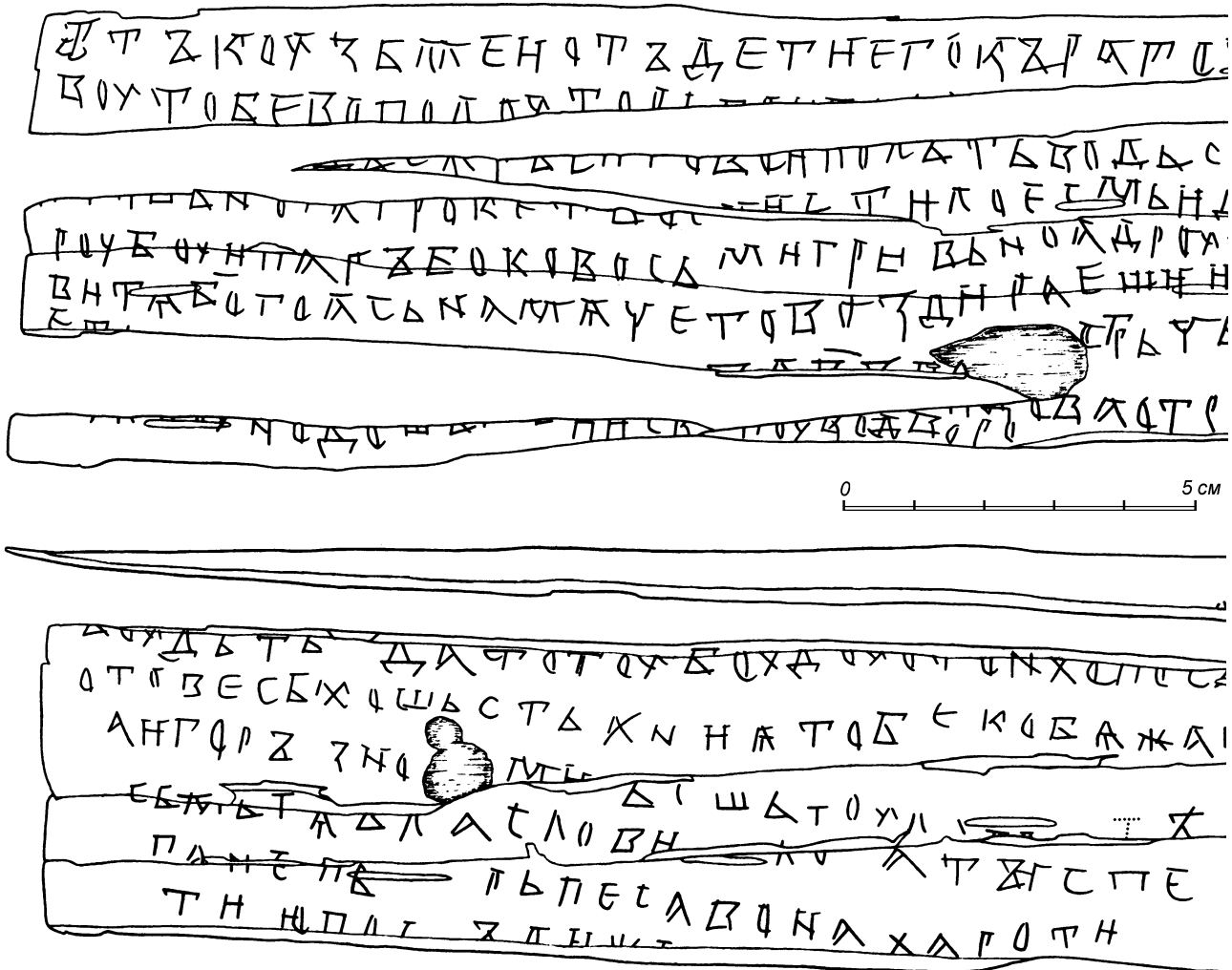
Судя по количеству свободного места под левой частью последней строки внутренней стороны, других строк здесь уже скорее всего не было. На внешней стороне после слов *по съли жь* строка в принципе могла продолжаться еще примерно на десять букв; но более вероятно, что грамота этими словами заканчивалась.

Разрыв в последней строке не позволяет точно установить, как было написано 'епископу' — *пископоу* или *пискоупоу*. Не исключено, что в строке 3 внешней стороны стояло не *скоудѣтина*, а *скоудатина*.

В последующем разборе использован ряд предложений А. А. Гиппиуса (подробнее см. в настоящем томе, с. 224–226).

В строке 8 внутренней стороны возможна конъектура *а во то еси (приставило на ма и на мое дет)[и] дова отрока*; в строке 2 внешней стороны — *посадь[ник]о(у) [с]о [пи](скупомо водало) ото весьхо шѣсть*, в строке 4 — *горьзно ми [бѣ]шь тоу(жно)*.

Перевод: 'От Кузьмы и от его детей к "старшему" Рагуилу. [Я дал (?) коро]ву тебе ценой в полторы гривны; ... [и] сыры — это я купил за гривну; да десять сигов и полоть в десять кун. Да попу твоему корову ценой в гривну. И отрокам твоим я оказывал почет и давал [им] дары. И вот [еще] ты забрал у меня рабыню и юношу-раба [совокупной] ценой в семь гривен и другую рабыню ценой в две гривны. Но [это] — благослови тебя Бог.

А вот зачем ты придираешься ко мне и к моим детям? Если кто-то заводит тяжбу против меня [и моих детей, — упаси (?) тебя Бог] — это он уже подстрекает [тебя] против меня и моих детей, и из-за этого ты [наслал на меня и на моих детей (?)] двух отроков. А я с детьми ...'

Смысл последующих полутора строк восстанавливается менее надежно. Возможно, автор с детьми уплатил некую сумму (штрафа или сбора). Для последней строки можно предположить: '[а из] денег пошло епископу в казну (букв.: во двор) [столько-то]'.

Формула 'благослови тебя Бог' здесь означает примерно то же, что современное *Бог с тобой* (или народное *Бог тебе навстречу*), т. е. 'этого я тебе в укор не ставлю'.

Текст, сохранившийся на обороте, отделен от предшествующего текста значительной лакуной. Возможно, в лакуне речь шла о том, что на автора и его детей может пасть обвинение в недостаточности уплаченной ими суммы. Дальнейший текст (после *боудеть*) допускает, с учетом конъектур, следующее понимание: '... и, дескать, я тут от них от всех (т. е. от своих детей) посаднику с [епископом заплатил только] шесть (вероятно, гривен). А я тебе не кобязанин, я тебе не "скудятина" (т. е. нищий)! А уж очень мне было туго (?) тогда. И благославляю тебя во всем'.

Для *боудоу* (*заплатить*) при такой интерпретации предполагается модальное значение, приблизительно переданное с помощью "дескать". Если эта интерпретация верна, то перед нами заверения Кузьмы, что он мало заплатил не по скупости (?) или по бедности, а только потому, что испытывал в тот момент материальные затруднения.

С У Н П Ф В Н И С О С Т А Р Ы И П А П А

САТДКФУНЦАПОПОВЕНТБФЕМОУИЗОРЗВУЗО
ІДАДАЛЗЛААРЖАСЕСНООБАЛЗУУМАНЕ
УГФХЕРЕВФФВФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФ
ННАААААААААААААААААААААААААААААААААААА
АТТ
РСТАААААААААААААААААААААААААААААААААААА
ТАМНТОКЗ

Прорись грамоты № 831

— А Т З П А
САТДКФУНЦАПОПОВЕНТБФЕМОУИЗОРЗВУЗО
ІДАДАЛЗЛААРЖАСЕСНООБАЛЗУУМАНЕ
УГФХЕРЕВФФВФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФФ
ННАААААААААААААААААААААААААААААААААААА
АТТ
РСТАААААААААААААААААААААААААААААААААААА
ТАМНТОКЗ

После этого автор обращается уже не к Рагуилу, а к другому лицу: 'А ты, Степан, переписав на пергамен, пошли'. Из этой приписки становится ясно, что перед нами лишь черновик послания Кузьмы к Рагуилу. Этот черновик был послан Степану с тем, чтобы тот переписал его на пергамен и лишь после этого отправил Рагуилу. Мы узнаём тем самым, что наиболее ответственные письма писались не на бересте, а на пергамене. Возможно также, что письмо на пергамене воспринималось как более почтительное и/или более официальное.

Грамота № 831 демонстрирует нам, таким образом, одну из ситуаций, при которых возникали письма, написанные рукой не автора, а третьего лица.

Не исключено, что адресат грамоты тождествен Рагуилу Добрыничу, упоминаемому Ипатьевской летописью под 1147 и 1169 гг. в качестве тысяцкого киевского князя Владимира Мстиславича, и одновременно тому Рагуилу, который получил в 1132 г. посадничество в Ладоге.

Отроки — подчиненные Рагуила, члены его дружины.

Остается пока невыясненным, кто были те презренные кобьяжане, приравнивание к которым Кузьма считает для себя оскорблением. Бранное слово *скудатина* образовано по той же модели, что современные разговорные и диалектные *дохлятина*, *мерзлятина*, *серятина*, *подлятина*, *грубятина* и др. (все они могут относиться и к человеку).

В грамоте имеется несколько описок: предвосхищение *и* в *чистило* (вместо *чьстило*), предвосхищение *оу* в *роубоу* (вместо *робоу*), предвосхищение *п* в *Спепане* (вместо *Степане*), повторение слога при переходе со строки на строку в *хароти|тию*, пропуск *и* в *ото нхо* (вместо *ото ниho*; впрочем, здесь в утраченной верхней части строки могло быть и надписанное *и*).

Грамота в основном ориентирована на наддиалектные нормы. Так, в И. ед. представлено окончание *<-ѣ>*: *кобѣжанино* (не говоря уже о *Бого*), то же в перфектах [*ч*]истило, даалѣ, поалѣ, благословило, а также в составе словоформы *кото* (= *к-ѣ* + *то*). Особенно показательны в этом отношении словоформы *вьсьмь* (*вьсѣмь*) и *вьсьхо* (*вьсѣхъ*), с *вьс'-* (а не *въх-*). Представляет значительный интерес употребление имперфекта *бешь* (*бѣше*).

Но имеются все же и некоторые диалектные черты, в частности, окончание *<-ѣ>* в Р. ед. *ѣтъ Коузъме* и в В. мн. *троке* (из *отрокѣ*) и [*цире*] 'сыры'. Слово 'сыр' выступает с гласной *и*, а не *ы* (см. об этом ДНД₂, с. 304).

Утрата начального *о* после гласной в *а трокѣ* (из *а отрокѣ*) — самый ранний пример такого рода в берестяных грамотах. Отметим также утрату слога *го* (очевидно, = [-γo]) в *благословити*.

Гор(о)зно, с *ор(о)*, а не *ора*, — по-видимому, не ошибка, а вторичный вариант к *горазно*; ср. отмеченный один раз вариант *гороздитиса* при *гораздитиса* (см. Срезн., статья *гораздитиса*).

Словоформа *старъшоум[о](у)* имеет ожидаемое для древненовгородского диалекта из системных соображений, но до находки этой грамоты ни разу не встречавшееся в берестяных грамотах окончание *-уму*. Поскольку в наддиалектном древнерусском в это время уже было обычным окончание *-ому/-ему*, окончание *-уму* в настоящей грамоте следует расценивать как новгородизм.

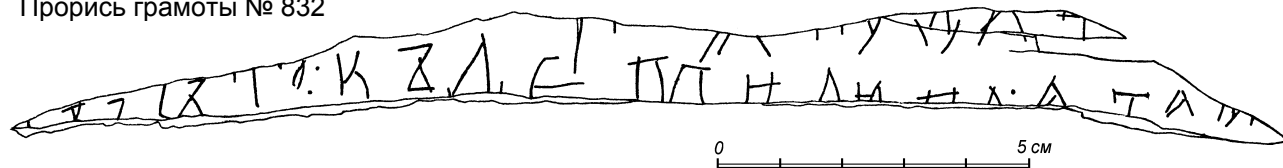
Само слово "старший" в данном контексте скорее всего обозначает не возраст, а должность — вероятно, то же, что "староста".

Выражение *въздирати на кого* ранее не засвидетельствовано. Оно явно означает здесь 'предъявлять обвинения', 'придираться', 'начинать конфликт'. Ср. в отношении корня *задирать*, *задираться* (*на кого*), *придираться*, в отношении приставки — *възѣсться* (*на кого*), *вскинутъся* (*на кого*). С *въздирати* (*са*), *въздѣрати* (*са*) непосредственно связано слово *вздор*, для которого хорошо известно старое значение 'ссора', 'свара' (см. Даль); ср. в особенности диалектные *вздор* 'спор, ссора, раздор' Новг., *вздѣра* 'любитель(ница) спорить, вздорить' Твер., Пск., *вздѣрие* 'ссора' Смол. (СРНГ, 4, с. 260). Свидетельство грамоты № 831 является решительным подтверждением того, что для слова *вздор* значение 'начало конфликта, ссора' — древнейшее (вопреки В. В. Виноградову [1994, с. 85–86]); его нынешнее значение могло развиваться как из значения 'то, что отодрано, разодрано', 'мусор', так и из значения 'придирка для ссоры' (откуда 'пустая придирка' и далее 'пустяк, чепуха').

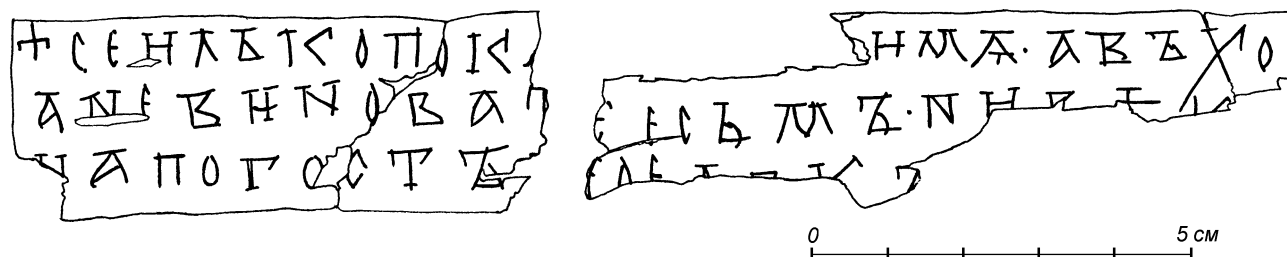
Не отмеченное словарями значение 'поступило (в пользу X-а)', предполагаемое здесь для слова *дошьл(о)*, подтверждается словом *доходъ*.

В очередной раз встретилось специфическое древнерусское слово *крити* 'купить', употребление которого ограничено домонгольской эпохой (см. Лингв., § 78–79).

Прорись грамоты № 832

Прорись грамоты № 834

Грамота № 832

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1440, на уровне пласта 11 (глубина 2,05 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент двух средних строк документа:

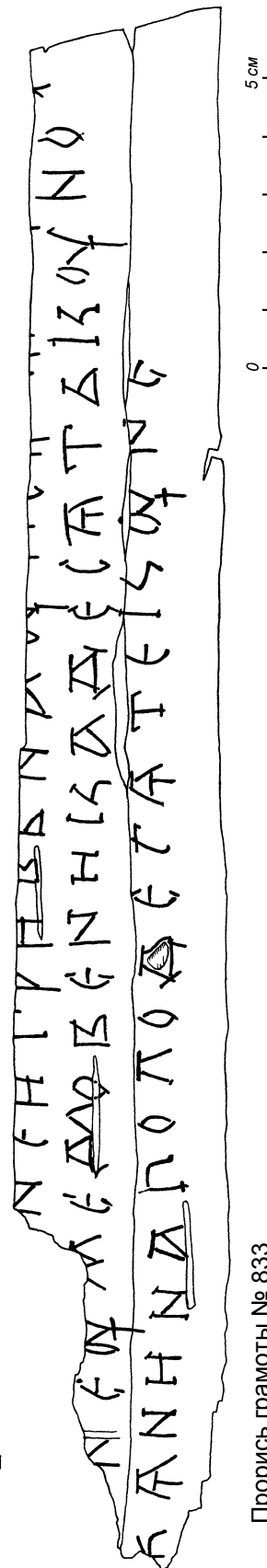
...а--да[т]...
 ...[вѣ]сѣто:къдѣми[л]ю[бо:]атам...

Длина 20,4 см, ширина 1,5 см.

Стратиграфическая дата: середина – третья четверть XII в.

Сохранившиеся отрезки делятся на слова так: ...а --дат... **... въ сѣто. Къде ми любо, а там(о) ...**

Представляет интерес сочетание *въ сѣто*, позволяющее вспомнить положение Новгородской судной грамоты, предписывающей купцу “идти в свое сто” для разбора судного дела.

Грамота № 833

Найдена на Троицком раскопе в виде двух фрагментов: в квадрате 1470, 1485 на уровне пласта 11 (глубина 2,06 м; 2,13 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая часть трех последних строк документа:

...неигривънаоу...
 ...неоумедовеникадесатькоуно
 ...[ж]анинаполодесатекоуне

В *Медовеника* буква *д* переправлена из *м*.

Длина 26,5 см, ширина 3,6 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

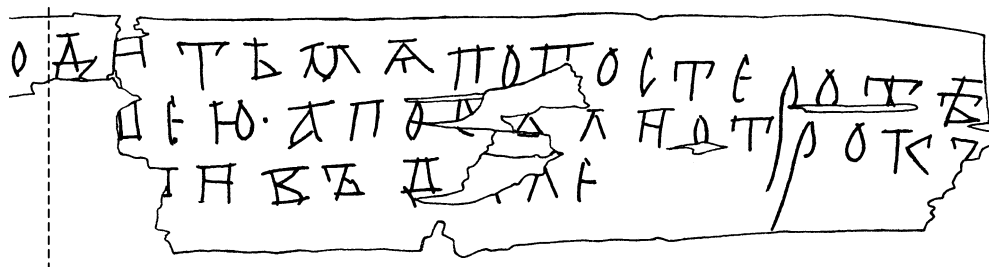
Текст делится на слова так: (оу) ... (коу)не и гривъна; оу ... (коу)не; оу **Медовеника десать коуно; (оу) ...жанина поло десате коуне.**

Это фрагмент долгового списка. Медовник — скорее прозвище, чем имя нарицательное.

Грамота № 834

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1485, на уровне пласта 11 (глубина 2,12 м), в напластованиях усадьбы Е. Это поврежденное письмо из трех строк, имеющее ныне вид двух фрагментов с небольшим разрывом между ними:

+сеилькопок[л]-----има·авъходитьмапогостеротѣ
 аневиноватеесьмъ·нивък·шею·апосълиотрокъ
 напогостъ--[ер]е[дъ кы]-----[ш]ивъд[а]ле

Прорисъ грамоты № 833

Длина и ширина левого фрагмента — 7,0 и 2,6 см; правого фрагмента — 21,5 и 3,0 см. Разрыв между фрагментами — около 0,5 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Текст с коньектурами может быть представлен следующим образом:

+ Се, Илько, покл(епали) ти ма. А въходить ма погосте ротѣ. А не виновате есьмъ ни вък(ъ)шею. А посли отрокъ на погостъ, (п)ередъ кы(мь боуде)ши въдале.

Поврежденная первая фраза восстанавливается сравнительно надежно. Она означает: 'Вот, Илька, меня обвинили' (*Илько* — Зв. ед. от *Илька*). Не назвавший себя автор обращается к Ильке с просьбой о юридической защите. Другой вариант реконструкции — с *покл[л](епале)* вместо *покл[л](епали)* и переводом 'Вот Илько меня обвинил' — маловероятен, поскольку: а) такое прочтение предполагает присутствие в тексте имени *Илько*, но при исходном имени *а*-склонения (*Ильа*) такое производное для Новгорода ненормально; б) необычно для Новгорода также окончание И. ед. -о; в) для энклитик *ти ма* при таком строении фразы более естественной была бы позиция после *Илько*.

Во второй фразе основную трудность составляет сочетание *въходить ма*, где *въходити* беспрецедентным образом выступает как переходный глагол. Учитывая явную связь выражения *въходити ротѣ* с хорошо известным *ходити* (также *заходити*) *ротѣ* 'приносить роту (клятву)', для фразы в целом можно предполагать значение 'А погост заставляет меня принести роту' (если допустить, что *въходить* в данном контексте каким-то образом получило значение, близкое к 'вводит') или 'А погост приносит роту, направленную против меня' (если трактовать *въходить ма* как эквивалент для *ходить въ ма*).

Далее (с учетом наиболее вероятной коньектуры для поврежденного отрезка): 'А я не должен ни векши. Пошли же на погост того отрока, перед которым ты отдал (*или*: отдашь)'. *Боудеши въдале* (а не просто *еси въдале*) показывает, что автор не знает, состоялась ли уже эта отдача. Что именно было отдано и кому, не сказано: Ильке это и так было ясно. По-видимому, автор доставил Ильке с погоста некую сумму, которую Илька должен был в дальнейшем передать получателю (или в казну).

Об Ильке см. комментарий к грамоте № 793.

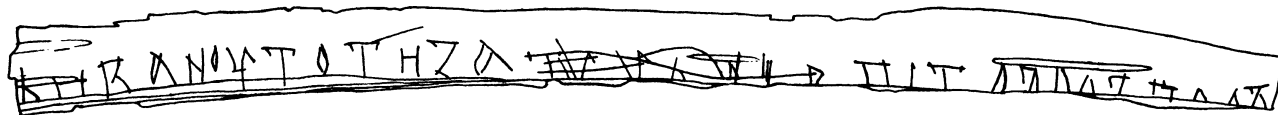
Не виновате есьмъ ни въкъшею означает примерно то же, что нынешнее *я не должен ни гроша*; ср. *не възале есьмъ ни въкъшѣ* в № 736б, *ни векшею не длѣжшьнѣ* в № 336 и т. п.

Отметим, что в грамоте в рамках одного короткого текста одно и то же слово встретилось в И. ед. (*погосте*) и в В. ед. (*на погостѣ*). Это живая иллюстрация к морфологической главе древненовгородской грамматики.

Грамота № 835

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1441, на уровне пласта 11 (глубина 2,18 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая часть первой строки документа:

...[ъ]иванутоотизапѣтръмъп[ол]ъ

Прорись грамоты № 835

Прорись грамоты № 836

Между *за* и *Петръмъ* несколько букв зачеркнуто.

Длина 19,2 см, ширина 1,2 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Фрагмент делится на слова так (Ѡ) ... (къ) **Ивану. То ти за Петръмъ поль ...** Это начало письма к Ивану. Речь шла о каком-то долге Петра.

Грамота № 836

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1456, на уровне пласта 11 (глубина 2,00–2,20 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент двух средних строк документа:

...аД[ьль]Бери...
...[ръ]нь[д]ѣтъкъмъихъ...

Длина 14,1 см, ширина 0,9 см.

Стратиграфическая дата: середина – третья четверть XII в.

Сохранившиеся отрезки делятся на слова так: **...адъль бери... ..рънь дѣтъкъ мъихъ ...**

В первой строке видимые части букв допускают, например, реконструкцию *надъль бери* или *надѣль бери*; но это ненадежно. Уверенно читаются только слова 'деток моих'.

Грамота № 837

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1486, на уровне пласта 11 (глубина 2,00–2,20 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая часть одной из средних строк большого листа, где справа от текста находился рисунок (от которого сохранилась лишь узенькая полоска):

...оуамъшлиш[ь]лиже

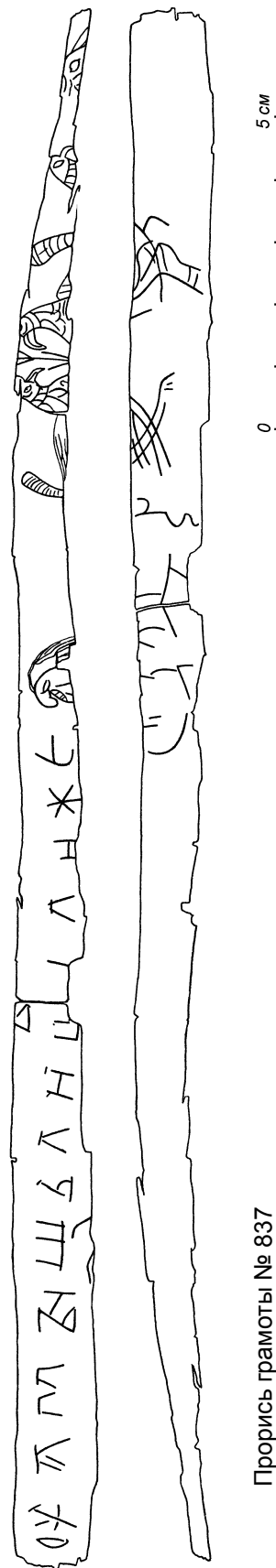
Длина 25,0 см, ширина 1,3 см.

Стратиграфическая дата: середина – третья четверть XII в.

Фрагмент делится на слова так: **...оу, а мы шли шли же ...**

Хотя сохранившийся обрывок текста совсем мал, он все же звучит непохоже на строчку из обычной берестяной грамоты делового содержания. И совершенно необычно присутствие рядом с текстом рисунка (единственной аналогией здесь могут служить только грамоты мальчика Онфима). Не исключено, таким образом, что в данном случае на берестяном листе был записан некий художественный текст, украшенный иллюстрацией или какими-то виньетками (менее вероятно, что это была, наоборот, картинка с сопровождающим текстом, поскольку текст расположен слева от изображения).

Какие-то изображения имелись, по-видимому, и на оборотной стороне листа.

Прорись грамоты № 837

Грамота № 838

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1391, на уровне пласта 11 (глубина 2,07 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент средней строки документа:

...[о]-а.д.о.о-е[стер]и...

Длина 10,2 см, ширина 0,5 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Сколько-нибудь надежному разделению на слова фрагмент не поддается.

Прорись грамоты № 838

Грамота № 839

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1486, на уровне пласта 11 (глубина 2,13 м), в напластованиях усадьбы Е. Это отрезанная правая часть конечных четырех строк письма:

...ръкоутыжео
 ...[а]ллъдъмитръграмотоу
 ...азюаб̄ад̄б̄лаотъгъци
 ...мотоуипокланяютиса

Прорись грамоты № 839

Длина 14,0 см, ширина 4,0 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Текст делится на слова так: ...ръкоу. Ты же о... ...(съ)лалъ Дьмитръ грамотоу ... (кън)азю, а **Ба д̄б̄ла отъгъци(са) ... (грамотоу. И покланяю ти са.**

В первой строке *...ръкоу* — это конец либо от *Петръкоу*, либо от *отръкоу* (более вероятно первое). В третьей строке *отъгъци* — скорее всего описка вместо *омагъци* (предвосхищение *ь*), за которым следовало *са*. А. А. Гиппиус предложил следующую правдоподобную реконструкцию общего смысла грамоты:

‘... Петроку. Ты же, [если еще не] послал Дмитр грамоту ... князю, то, ради Бога, потрудись (букв.: отяготи себя), [пошли] грамоту. Кланяюсь тебе’.

О Петроке см. при № 794, о Дмитре — при № 776.

Для предполагаемого *омагъчитиса* ‘взять на себя труд, бремя’ ср. у Лескова (“Воительница”): *Что ж, говорю, — чтоб много ее словами не конфузить, — я, — говорю, — отягощусь, похлопочу, но только уже и ты ж, смотри, сделай милость, не капризничай* (см. ССРЛЯ, 8, с. 1727, статья *отягощѣться/отяготѣться*, знач. 2 (разг.) ‘принимать на себя обременительные, тягостные заботы’). Ср. также близкое по значению *потрудитиса* в сходном этикетном употреблении, встретившееся в грамоте № 725: *потрудиса до владычѣ*.

(*Пет*)ръкоу — это конец либо адресной формулы, либо какой-то фразы собственно письма (скажем, ‘я послал весть Петроку’). Правда, в первом случае необычно *ты же* (ответ на только что полученное письмо?); во втором случае придется предположить, что грамота не имела адресной формулы или что это не первый ее лист.

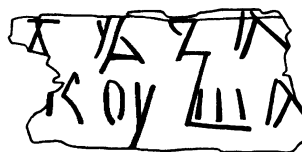
В начале третьей строки могло стоять какое-то уточнение к предшествующему слову *грамотоу* (например, какое-то прилагательное типа *коупноую*).

Грамота № 840

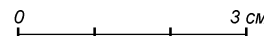
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1455, на уровне пласта 11 (глубина 2,20 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент двух средних строк документа:

...[л]ъза...
...коуша...

Длина 3,9 см, ширина 1,8 см.
Стратиграфическая дата: середина XII в.
Разделению на слова фрагмент не поддается.

Прорись грамоты № 840

Грамота № 841

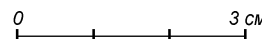
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1484, на уровне пласта 11 (глубина 2,17 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая часть двух средних строк письма:

...[нъ]забываимоего
...[бр]ѣ[с]т[вора]помо[ли]

Прорись грамоты № 841

Длина 11,4 см, ширина 1,2 см.
Стратиграфическая дата: середина XII в.

Текст делится на слова так: ... **нъ забываимоего** ...; (**добръ створа помоли** ...

Первый отрезок: 'не забывай моего [добродетели (?)]'; ср. *оже еси забыле моего добродетелиа* ... в грамоте № 627. Второй отрезок: 'пожалуйста, попроси ...'; *добръ с(ъ)створа* ('сделай милость, пожалуйста') — характерная для берестяных грамот XI – XII вв. формула вежливости.

Грамота № 842

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1447, на уровне пласта 11 (глубина 2,20 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целый документ из трех строк:

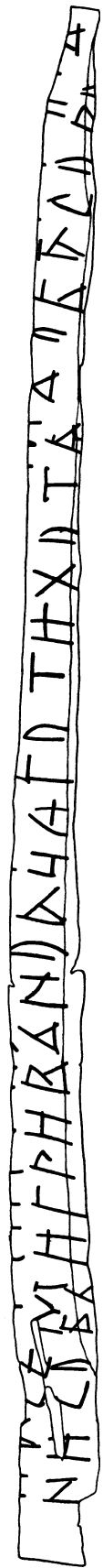
+Ѡдѣака и Ѡилькъ сѣ по сѣлаховѣ лоукънѣ · Ѡ · на · Ѡ · ама
сѣла · Ѡ · млоствѣ а середѣ · Ѡ · свини хръбѣта · Ѡ · а · Ѡ · заацѣ
и тетеревѣ · и кълѣбасоу а конѣ · Ѡ · исторова

Длина 27,5 см, ширина 2,5 см.
Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

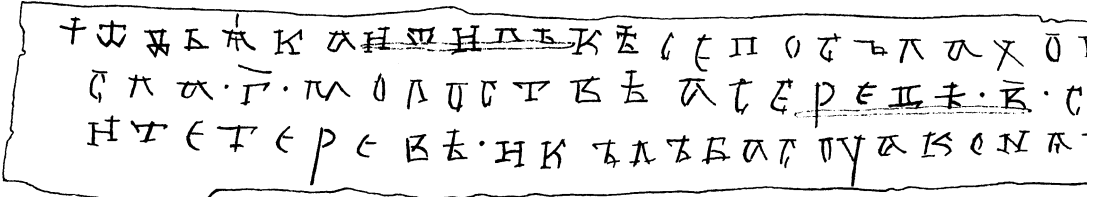
Внестратиграфическая оценка: 2-я – 4-я четверти XII в., предпочтительно не ранее 40-х гг. (см. НГБ X, с. 301).

Текст делится на слова следующим образом:

+ Ѡ дѣака и Ѡ Илъкъ. Се по сѣлаховѣ лоукънѣ 6 на 10, а масла 3 млоствѣ. А середѣ 2 свини, хръбѣта 2, а 3 заацѣ, и тетеревѣ, и кълѣбасоу, а конѣ 2 и сторова.

Прорись грамоты № 843

Прорись грамоты № 842

Перевод: 'От дьяка и от Ильки. Вот мы [двое] послали 16 лукон (очевидно, меда), а масла три горшка. А в среду две свиньи, два хребта (видимо, хребтовая часть туши), да три зайца и тетеревов и колбасу, да два коня, причем здоровых'. Кони здесь — это, по-видимому, конские туши; ср. грамоту Торж. 8 (в настоящем томе).

Представляет интерес употребление аориста — *посълаховѣ* (1 дв.). Хотя грамота скорее всего представляет собой просто деловую записку, начало *се посълаховѣ* — такое же, как в официальных документах; ср., например, *се даа* в грамоте № 197, *се со(чь)теса* в № 45, *с(е) урад(и)са* в № 366, *се азо ... напсахъ* в № 138. Либо с точки зрения дьяка эта грамота и была официальным имущественным документом, либо он просто начал свое сообщение в привычном для себя стиле.

Отметим беспредложный М. ед. *середѣ* 'в среду', а также окончание В. мн. муж. *-ѣ*, выступающее как в *замѣ* (после мягкой основы), так и в *молостѣ*, *тетереѣ* (после твердой основы). Заметим, что в грамоте отразился вариант *тетереѣ* (как в современном литературном языке), а не вариант *i*-склонения *тетеревь*, как в ряде других древних источников (см. Фасмер, IV, с. 52).

В лексическом отношении интересны слова *къльбаса* и *молостѣ* 'горшок для молока, масла'. Как и во многих других случаях, мы имеем здесь дело с древнейшими фиксациями соответствующих слов во всем славянском мире (ср. ЭССЯ, 13, с. 178; 18, с. 96); грамота № 842 демонстрирует их нам в безукоризненном раннедревнерусском облике — с *ьль* в первом, с *ств* во втором.

Грамота содержит очередной пример характерного для раннедревненовгородского периода диалектного *сторовѣ* 'здоров'.

Грамота № 843

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1537, на уровне пласта 11 (глубина 2,10 м), в напластованиях усадьбы С. Это полоска бересты, сохранившая не смыкающиеся друг с другом отрезки текста из трех строк документа:

...м[ь]оба сор[о]--
[на]семи гривноа це го ти хота-----
нисобь...

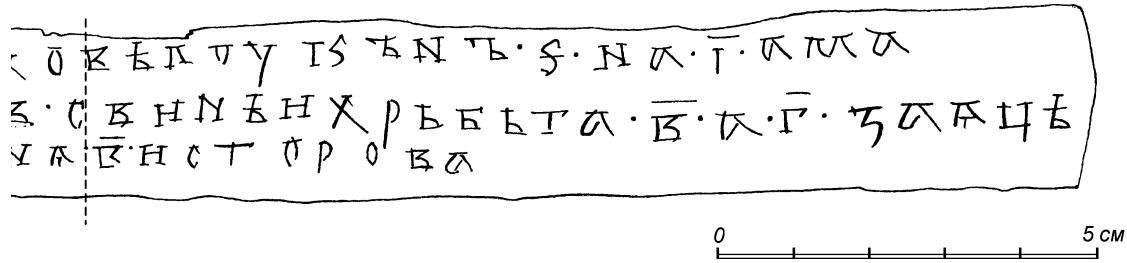
В слове *це го е*, по-видимому, переправлено из *о*.

Длина 24,1 см, ширина 1,3 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Текст делится на слова так: **...мь оба соро(ка) на семи гривно. А це го ти хота ... нисобь ...**

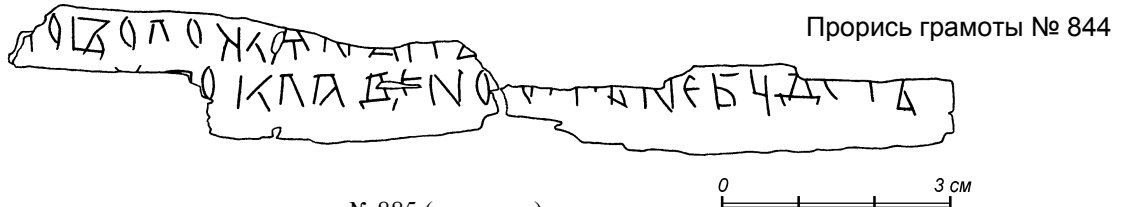
Можно понять: '... оба сорочка (товарно-денежная единица) за семь гривен. А если же чего-либо ...'

Грамота № 844

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1517, на уровне пласта 11 (глубина 2,08 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент двух первых строк письма:

...[М]ОВОЛОЖАН[ЪКЪ]...
 ...[П]ОКЛАДЕНОО[ТЬ]НЕБУД[ЕТЬ]

Грамота написана тем же почерком, что № 885 (см. ниже).

Длина 12,5 см, ширина 1,7 см.

Стратиграфическая дата: середина – третья четверть XII в.

Текст делится на слова так: (...) (отъ и)моволожанъ къ ...; ... покладено, отъ не будетъ ...

Это послание от имоволожан, о которых см. при грамоте № 885. Можно понять только: '... положено с тем, чтобы не было ...'

Грамота № 845

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1311, на уровне пласта 11 (глубина 2,00–2,20 м), в напластованиях усадьбы Е. Это одна строка, содержащая только имя автора. Судя по конфигурации листа, продолжения не было (т. е. либо документ недописан, либо перед нами своего рода ярлычок, указывающий только отправителя):

ОТЪ ВАСА

Прорись грамоты № 845

Длина 12,1 см, ширина 1,4 см.

Стратиграфическая дата: середина – третья четверть XII в.

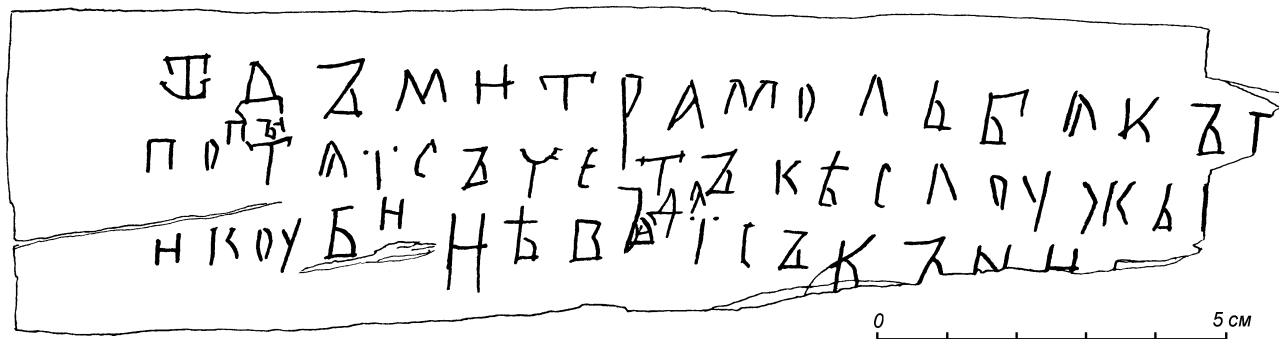
Словоделение очевидно: **Отъ Васа** (...). Возможно, *Вась* — это одна из гипокористических форм имени *Василии*, *Василь* (ранее не встречавшаяся). Но возможно также, что автор допустил в записи какую-то ошибку (последняя буква несет следы правки) и просто бросил едва начатое письмо.

Грамота № 846

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1418, на уровне пласта 11 (глубина 2,00–2,20 м), в напластованиях усадьбы Е. Это письмо из трех строк, у которого оторвана правая часть (не очень большая):

Ѡдѣмитрамольбакъ[п]...
 попытаісѣчетъкъсложь[б]...
 икоубицѣвъдаісѣкъни...

Прорись грамоты № 846

Почерк очень похож на № 776 и, возможно, просто совпадает с ним.

В *попытаі* слог *пы* вписан над строкой. В *въдаі* слог *да* вписан над строкой; кроме того, *ѣ* переправлен из *о*. Длина 18,3 см, ширина 4,6 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Текст делится на слова следующим образом:

Ѡ Дѣмитра мольба къ П... Попытаі сѣчетъкъ слоужьб(ьнѣѣ) и коубицѣ въдаі сѣ къни(гами).

Конъектуры во второй и третьей строках представляются высоковероятными. В первой строке могло стоять *къ п(опу)* или *къ п(искоупоу)*, но также и, например, *къ П(етроу)*.

Слова *сѣч(ь)тъка* и *кубица* в других источниках не засвидетельствованы. Первое может, в частности, означать род описи, реестра (тогда *сѣчтъка слоужьбьнаа* — это опись книг, потребных для церковной службы). Другое возможное толкование — ‘сборник избранных церковных чтений’ (типа миней).

Слово *кубица*, по-видимому, следует связывать с *куба* ‘сосуд, кубышка’ Дон., ‘кадочка, бочонок для сбивания масла’ Терск. (СРНГ, 15: 375), *кубка* ‘глиняный сосуд с узким горлом для молока’ Ряз. (15: 382). Соотношение *кубица* : *кубка* — такое же, как в *сорочица* : *сорочка*, *лавица* : *лавка*, *улица* : *улка* и т. п. По предположению А. А. Гиппиуса, *коубицѣ* обозначает в данном случае какие-то церковные сосуды, а *кънигы* — это относящиеся к ним записи.

Наиболее вероятным ныне представляется перевод: ‘Просьба от Дмитра к ... Справься по служебной описи и выдай сосуды с [относящимися к ним] записями’.

О Дмитре см. при № 776.

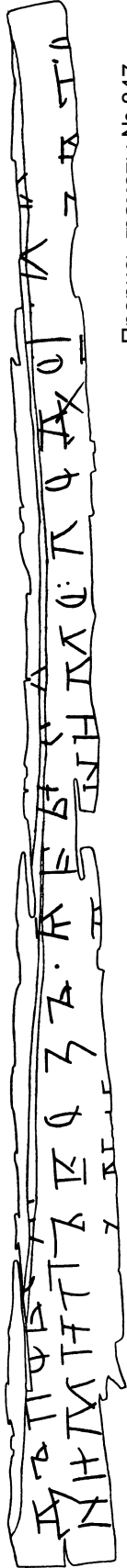
Адресная формула *отъ X-а мольба къ Y-у* до находки этой грамоты была неизвестна.

Грамота № 847

Найдена на Троицком раскопе в виде двух фрагментов: в квадрате 1336 на уровне пласта 11 (глубина 2,20 м) и в квадрате 1339, на уровне пласта 12 (глубина 2,34 м), в напластованиях усадьбы Е. Каждый фрагмент содержит части нескольких строк, текст которых не смыкается:

Срединный фрагмент

[при]...
 дворъшьдънардиджо...
 ...[ов]ѣ[сор]оубѣд----

Прорись грамоты № 847

Другой срединный фрагмент

ДЪПО[ЪДИ]...
НИМИПЪВОЗЪ·АБЫ[ХЪ]...
...Н[И] ----(-)НИМОЛОДОГАА...
...ЗАТО

Порядок следования фрагментов неизвестен.
Длина обоих фрагментов 25,2 см, ширина 2,0 и 1,8 см.
Стратиграфическая дата: середина XII в.
Сохранившиеся отрезки делятся на слова так.

1-й фрагмент: ... при... .. дворъ шьдъ наради жо ...
...овъ сороубъ ед...

2-й фрагмент: ...дъ поѣди ними пъвозъ. А быхъ
... .. ни ... ни молодога, а ... за то ...

К сожалению, все эти отрезки столь сильно разъединены, что связного смысла восстановить не удастся. Можно понять, что письмо содержало указания хозяйственного и имущественного характера. Упоминаются, в частности, двор, сруб, “повоз” (род повинности), солод.

С лексической точки зрения представляет интерес словоформа *молодога* (Р. ед.) ‘солода’; ср. ниже, № 863.

Грамота № 848

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1382, на уровне пласта 11 (глубина 2,19 м), в напластованиях усадьбы Е. Это крохотный фрагмент:

-ОНЕЮЖО[М]...

Перед *онею*, вероятно, стояло *к* или *р*. От предыдущей строки сохранился только нечитаемый ряд нижних частей букв.

Длина 22,6 см, ширина 0,7 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Сколько-нибудь надежному разделению на слова фрагмент не поддается.

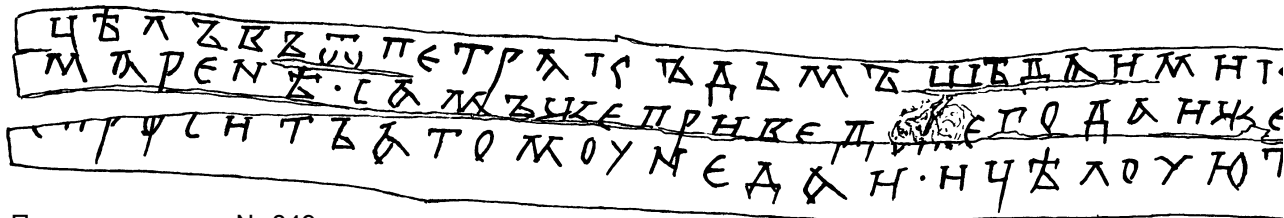
Грамота № 849

Найдена на Троицком раскопе в виде двух фрагментов: в квадрате 1321 на уровне пласта 11 (глубина 2,15 м), и в квадрате 1351, на уровне пласта 12 (глубина 2,20–2,40 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целое письмо из трех строк:

Прорись грамоты № 848

5 см

Прорись грамоты № 849

цѣльвъ ѿ Петра къ Дьмъшѣ даи микоулѣ кышькѣ гривьнъ 6. възьма оу
 маренѣ самъ же приведа(-)[а] его даи же передъ мареною. цити арьковъ
 [сп]росить а томоу не даи. ицѣлоую та добръ же створи асправи же самъ [ъ]

Длина 34,7 см, ширина 2,3 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: XII в., предпочтительно вторая четверть – середина (см. НГБ X, с. 307).

Текст делится на слова следующим образом:

Цѣльвъ ѿ Петра къ Дьмъшѣ. Даи Микоулѣ Кышькѣ гривьнъ 6, възьма оу Маренѣ. Самъ же привед(-)а его, даи же передъ Мареною. Ци ти Арько възпросить, а томоу не даи. И цѣлоую та. Добръ же створи, исправи же самъ.

Во второй строке две буквы после *привед* сильно повреждены; их следы допускают, в частности, реконструкцию *оа*. Можно предположить, что автор начал писать *приведоу*, но, написав *приведо*, понял, что на самом деле нужно *приведа*, и добавил *а*. Возможно, он при этом зачеркнул *о* (теперь этого уже нельзя установить). Этой версии соответствует наша запись *привед(-)а*.

Перевод: 'Приветствие от Петра к Демше. Дай Микуле Кишке гривен шесть, взявши у Марены. Приведа (?) его сам, дай в присутствии Марены. А если попросит Ярко, то тому не давай. Приветствую тебя. Сделай же милость, исполни сам!'

О Петре и Марене см. предисловие и комментарий к грамоте № 794.

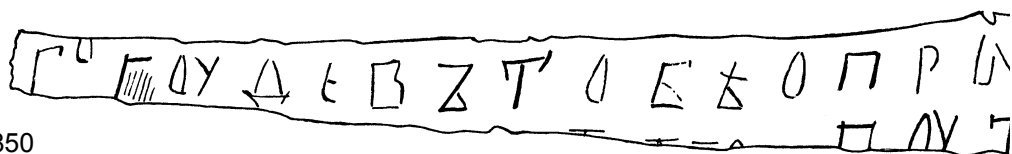
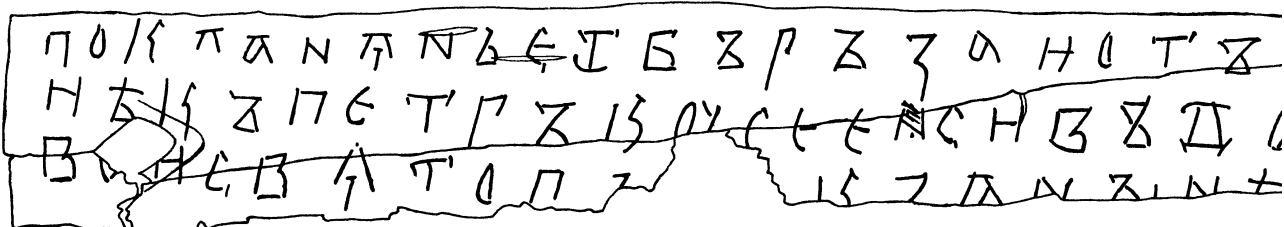
Демша — возможно, то же лицо, что Демка, автор грамоты № 892 (см. ниже).

Никогда ранее не встречавшееся начальное *цѣльвъ* (из *цѣльвь*, В. ед. от церковнославянского *цѣлы* 'исцеление', 'спасение') точно соответствует латинскому *salutem* в классической эпистолярной формуле — по значению, грамматической форме и эллиптической конструкции без глагола.

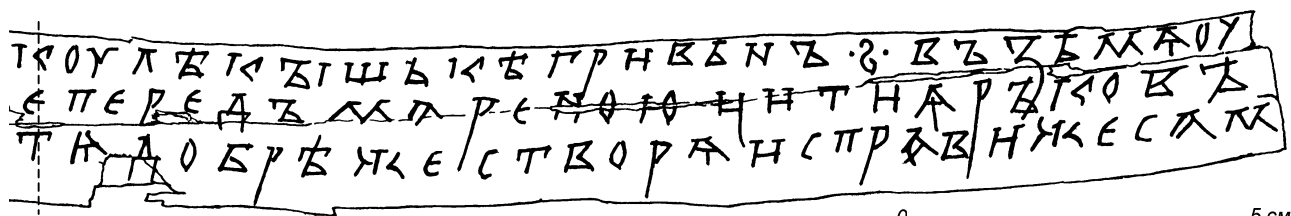
Слова *цѣлоую* и *цѣльвъ* (оба в составе готовых эпистолярных формул), содержащие *ц* (а не *к*), принадлежат не диалекту, а взяты из наддиалектного древнерусского и церковнославянского.

Отметим отвердение [в'] на конце слова в *цѣльвъ* (из *цѣльвь*).

Добръ сѣтвора ('сделай милость, пожалуйста') — характерная для берестяных грамот XI–XII вв. формула вежливости.

Прорись грамоты № 850

Грамота № 850

Найдена на Троицком раскопе в виде двух фрагментов: в квадрате 1339, на уровне пласта 12 (глубина 2,32 м), и в квадрате 1326, на уровне пласта 12 (глубина 2,33 м), в напластованиях усадьбы Е. Первоначальное письмо представляло собой двусторонний документ. Ныне на лицевой стороне читается одна полная строка и две неполных, на оборотной стороне — полторы строки.

Внутренняя сторона

ПОКЛАНАНЬЕ ѿ БЪРЪЗА И ОТЬ ПОУТЕШИ И ОТЬ ВЪХОЪ ДРОУЖИ
 НЪКЪ ПЕТРЪКОУ СЕ СЕ ВЪ ДАЛЕ ЗЕМЛЮ НА [А]-----
 В[О] СВАТОПЪ -- КЪ АНЪНЪ П...

Внешняя сторона

[ГОБ] ОУДЕ [В]Ъ ТОБЪ О ПРАВ[Ъ] И НЪ БГА ДЪЛА АЛИ
 ----- ПОУТЪ ЖА ДЪ [Н] ОУ ВЪ ДА [Ъ] (-) Е...

Во второй строке внутренней стороны в *еси* между *е* и *с* зачеркнута буква *н*. На внешней стороне часть букв читается с большим трудом и не вполне надежно; в частности, вместо [ѿ] *тобѣ*, возможно, следует читать [к] *тобѣ*. Под конечным *о* в *али* *о* подписано маленькое *а*. *Оправ[ѿ]и* — вероятно, результат исправления *оправ[ѿ]* (или *оправ[ѿ]*) на *оправи* (ныне уже невозможно установить, не была ли лишняя буква зачеркнута).

Размеры внутреннего слоя листа: длина 34,0 см, ширина 2,9 см. Внешний слой листа дал сильную усадку и имеет длину 30,5 см, ширину 2,5 см.

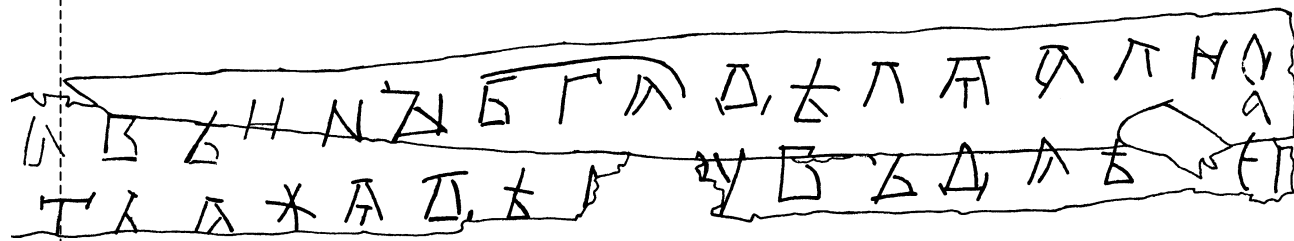
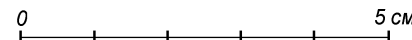
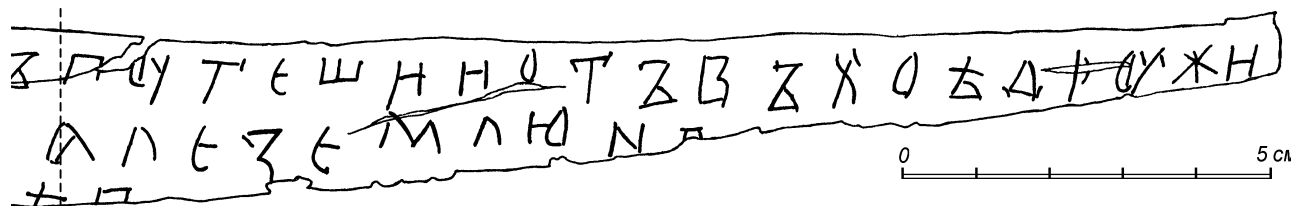
Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: XII в., предпочтительно вторая четверть – середина (см. НГБ X, с. 301).

Текст делится на слова следующим образом.

Внутренняя сторона: **Поклананье ѿ Бъръза и отъ Поутеси и отъ въхоѣ дружинѣ къ Петръкоу. Се еси вдале землю на(мъ) ... во и Сватопѣ(лъ)къ, а нынѣ п...**

Внешняя сторона: **...го боуде въ тобѣ, оправы ны Бга дѣла. Али о... поутъ, а Жадѣноу вѣдаѣ (-)е ...**

Перевод: 'Поклон от Борза, Путьши и всей дружины Петроку. Вот ты дал нам землю ... (далее упомянут князь Святополк); а теперь ...' (вероятно, следовало сообщение о том, что некто пытается эту землю отнять). Из обрывков фраз на обороте можно понять, что авторы просят Петрока подтвердить их права. К сожалению, из-за лакуны в конце второй строки внутренней стороны остается неясной роль Святополка в этом конфликте. В частности, можно предположить, что, давая дружине землю, Петрок действовал от имени Святополка или Святополк эту раздачу земли каким-то образом санкционировал.

Святополк княжил в Новгороде в 1142–1148 гг., пока он не был выведен *злости его ради*, как сказано в НПЛ (л. 25 об.). Действующий князь всегда именуется в берестяных грамотах просто князем, без имени. Поскольку Святополк назван здесь по имени, следует полагать, что грамота написана уже после его изгнания — скорее всего в ближайшее время после этого события, когда в связи со сменой князя появились новые претенденты на землю. Таким образом, грамота № 850 получает весьма узкую датировку — 1148 г. или немногим позже.

Отметим словоформу *въхоѿ* 'всей', с диалектным *въх-* (вместо *вс-*).

Неясен падеж словоформы *Сватопоѿлькъ*: И. или В. Не исключено, в частности, что в тексте стояло *а въротиво и Сватопоѿлькъ* (В. ед.) 'причем введя в роту и Святополка' или что-то синтаксически подобное.

Грамота № 851

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1364, на уровне пласта 11 (глубина 2,14 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая часть последних восьми строк большого письма:

Прорись грамоты № 851

...стиѿѿоужирѿцкѿви
 ...ринадесагривнѿбе
 ...наскѿтаоугѿвъшѿ
 ...[гр]ивнѿакѿназы
 ...[д]ативедегѿ
 ...[т]ебекѿдружинѿ
 ...[к]инѿмѿкъвараж
 ...[л]оуютѿ

В конце второй строки автор вначале написал *ѿ*, затем зачеркнул *ѿ* и написал взамен него *е*. В предпоследней строке вместо ...[к]инѿмѿ можно читать также ...[ж]инѿмѿ.

Расположение складок берестяного свитка позволяет приблизительно оценить размер утраченной левой части: 9–11 букв в первых трех строках, 12–14 букв в последующих пяти.

Длина 11,2 см, ширина 8,0 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно середина – вторая половина XII в. (см. НГБ X, с. 308).

Текст делится на слова следующим образом: ...стиѿѿ оу Жирицкѿ ви... ... (т)ри на деса гривнѿ бе... ...; ...на скѿта оу Гѿвъшѿ гривнѿ. А кѿназы дати ведете Гѿ... ... тебе кѿ дружинѿкинѿмѿ кѿ вараж... ...; (и цѿ)лоуютѿ та.

В первой строке ...стиѿѿ может быть, в частности, концом словоформы *ѿпоуститѿ* 'простили' (кому-то долг) или словоформы типа *Гоститѿ*. На *ви* (конец первой строки) начиналось, судя по контексту, наименова-

ние какой-то подати или выплаты, например, *вирьныхъ коунѣ* (ср. грамоту № 812). Стоящее в конце второй строки *бе* могло быть началом словосочетания типа *бес коунѣ*. На *...на скѣта* могло оканчиваться словосочетание типа *Ивана скѣта*. В написании *кѣназы* конечное *ы* — скорее всего описка; но из-за отсутствия контекста неясно, вместо какого обычного окончания (*ь?*, *ю?*, *и?*) стоит это *ы*. На *...кинѣмъ* или *...жинѣмъ* могло оканчиваться, по-видимому, только притяжательное прилагательное типа *Мирошькинѣмъ*, *Лоукинѣмъ*, *госпожинѣмъ*. Далее, очевидно, стояло *къ варажьскимѣ* или *къ варажьскоумоу*, например, *къ варажьскоумоу гости*.

Попытка реконструкции общего смысла грамоты (с конъектурами разной степени надежности): ‘... У Жирочки [вирных денег (?)] тринадцать гривен [без куны (?)]. [Чьих-то (например, Ивановых, немчиновых)] денег у Говши [столько-то] гривен. А князь [повелел такому-то], чтобы он вел Го[вшу (?)] на свод (?) от] тебя к дружине [и (далее) с отроком (?)] ...киным (например, Лукиным) — к варяжским [купцам (?)]. Приветствую тебя’.

Об имени Жирочка (и других на *Жиро-*, *Жир-* *Жи-*, *Ж-*) см. в предисловии.

Гипокористическое имя *Говѣша* — почти наверное от *Говѣнь*: других подходящих имен не усматривается. Скорее всего здесь выступает то же лицо, что в грамоте № 867. Жирочка может быть тем же лицом, которое фигурирует в грамоте № 115; возможно также его тождество с Жирославом из № 657 и 573.

Отметим отпадение *те* в (*три* на *деса* ‘тринадцать’).

Грамота № 852

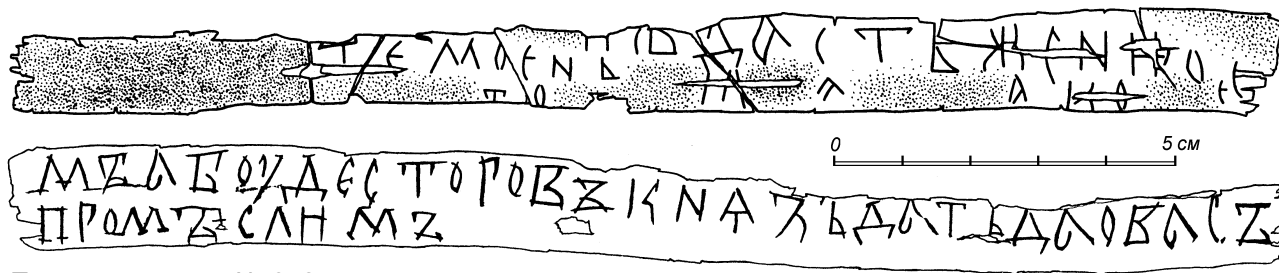
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1354, на уровне пласта 12 (глубина 2,40 м), в напластованиях усадьбы Е. Первоначальное письмо представляло собой двусторонний документ. Ныне на внешней стороне бересты сохранились отдельные слова из средней части документа, на внутренней стороне — полторы конечных строки.

Внешняя сторона

... | ...дасть же [ни]о[с]
-----[гѣ]моєн[ѣ]-----а-----ако-є

Внутренняя сторона

МЪАБОУДЕСТОРОВЪКНАЗЬДАТЬДАОВАСЪ
ПРОМЪСЛИМЪ

Прорись грамоты № 852

На внешней стороне текст большей частью изгладился. Удастся выявить лишь очень немногое.

Длина 17,2 см, ширина 1,6 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

На внешней стороне можно распознать (не считая разрозненных букв): *...дасть же ни ос...* *...те мое нѣ...*

На внутренней стороне: *...мѣ. А боуде сторовъ князь, дать да о васъ промыслимъ.*

Понятна только заключительная фраза грамоты (на внутренней стороне): ‘А если князь будет здоров и благополучен, то и о вас позаботимся’.

Грамота содержит очередной пример характерного для раннедревненовгородского периода диалектного *сторовъ* ‘здоров’.

Не встречавшийся ранее сложный союз *дать да*, судя по контексту, означает приблизительно ‘пусть же’, ‘пусть и’; ср. *дати (дать)* ‘пусть’.

Грамота № 853/898

Фрагмент № 853 найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1381, на уровне пласта 12 (глубина 2,20–2,40 м), в напластованиях усадьбы Е. Этот фрагмент впоследствии соединился с фрагментом № 898, найденным на Троицком раскопе, в квадрате 1366, на уровне пласта 12 (глубина 2,40 м), в напластованиях той же усадьбы Е (№ 898 — это *ис[нь]савъ и[с]... | ...аи т[а]...*).

Лицевая сторона фрагмента № 853/898 представляет собой левую часть двух первых строк письма. На оборотной стороне — всего одно слово: *Городьшинее*.

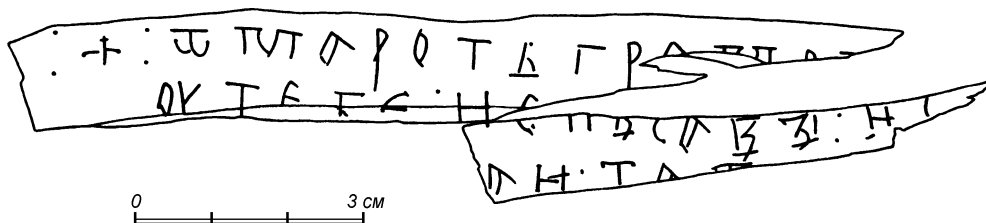
Фрагменты № 853/898, 874 и 893 написаны одним почерком. Это либо почерк женщины, которая в № 853 называет себя *Марьта*, либо почерк профессионального писца, исполнявшего в числе прочих заказы Марты.

Не исключено даже, что № 853/898 — это просто часть (а именно, левый верхний угол лицевой стороны и правый верхний угол оборота) того же берестяного листа, низ которого составлял фрагмент № 893. Но, к сожалению, прямых свидетельств этого нет.

Внутренняя сторона

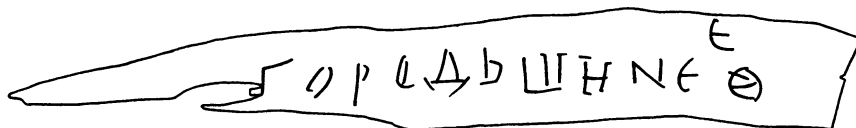
:+ : ѿ Мароть грам[от]...
оутебѣ: ис[нь]савъ и[с]...
...аит[а]...

Прорись грамоты № 853/898

Внешняя сторона

Городьшинее

В слове *Городьшинее* конечное *е* зачеркнуто, однако над ним вновь надписано *е*.

Длина фрагмента № 853 11,8 см, ширина 1,5 см; длина фрагмента № 898 7,0 см, ширина 1,1 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Левее слова *Городьшинее* и под ним никаких следов букв нет. Вполне возможно, что на обороте листа никакого другого текста и не было. В этом случае *Городьшинее* естественно понимать как сделанную в правом верхнем углу оборота владельческую запись (‘Городшиной жены’) или как указание адресата (‘Городшиной жене’), что, впрочем, может сводиться к одному и тому же. Менее вероятно, что какой-то другой текст все же был; в этом случае запись *Городьшинее* могла члениться и иначе (например, *Городьши не е...*).

Текст внутренней стороны делится на слова так: **ѿ Мароть грам(а ко) ...; ... оу тебе испьсавъ ис ...**
...аита ...

Перевод: ‘От Марты грамота [к ...]. ... у тебя, выписав из [такой-то книги] ...’

Несмотря на ничтожные размеры фрагмента, он содержит чрезвычайно интересную информацию. Во-первых, имя автора — *Марьта* — имеет необычный фонетический состав: с *t*, а не *φ* (Ѡ). Из имен с *t* (а не *φ*) на месте греч. θ в древней Руси (и в частности, в Новгороде) наиболее известно имя *Тудорь* (Тодорь). Известны также единичные примеры с *t* для имени Ѡѡмѣс; так, в смоленском договоре 1229 г. фигурирует *Тумашь*

смоляннинъ. Но *Марѣта* (вместо *Марѣфа*, *Марѣфа*) встречается в древнерусских памятниках, по-видимому, впервые.

Во-вторых, запись *Городъшине* подтверждает предположение, сделанное ранее (НГБ IX, с. 34–35) по поводу имени *Городко*, которое встретилось в грамоте № 633, найденной в 1985 г. на соседней усадьбе Ж (у самой границы с усадьбой Е) в слоях 10-х — начала 40-х гг. XII вв. Фигурирующий в этой грамоте *Городко* был тогда предположительно отождествлен с *Городшей*, который косвенно упомянут в НПЛ в записи под 1197 г.: *въ то^ж лѣтѣ постави манастирь стѣна Еоуѣимиа въ Плотнѣикихъ Полюжата Городъшинеца Жирошкѣина дѣци* (т. е. дочь *Жирошки*, вдова *Полюда* *Городшинича*). Судя по этой дате, основное время деятельности *Полюда* *Городшинича* приходится на вторую половину XII в., а его отца *Городши* — примерно на середину XII в. Ныне в грамоте № 854 имя *Городши* встретилось уже в том же самом варианте, что в летописи.

Грамота № 854

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1309, на уровне пласта 11 (глубина 2,15 м), в напластованиях усадьбы Е. Это частично поврежденное письмо, написанное на двух сторонах берестяного листа. Ныне на лицевой стороне сохранились, с утратами, пять строк (и две буквы шестой), на оборотной — четыре. Правый край листа обломился по складке; ныне он отделен от основной части листа разрывом шириной примерно в одну букву (поскольку в зоне складки береста выкрошилась).

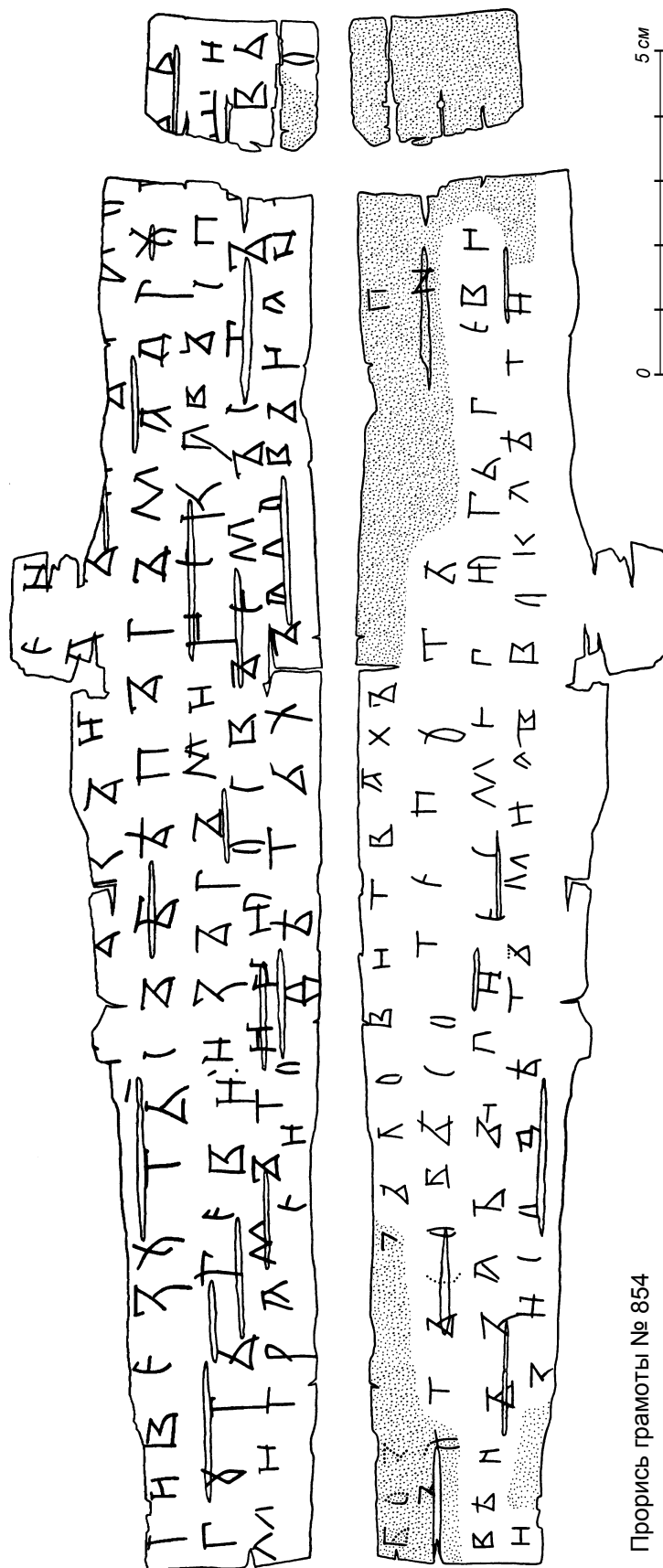
Внутренняя сторона

...єн...

...[тръ]кѣилъ[вѣц]ло---
 ривезѣтъсьбѣпѣрѣмадр[г]-[ѣ]
 гѣръгевѣ.изѣрѣмицекавѣсп-ши
 миграмѣтицюосвѣемѣстѣ[р]-въ
 єиодѣтъхѣаловѣцан--(-)о

Внешняя сторона

-----(-)[в]ѣловѣтвахъ...п...
 [з]ѣтъ[с]обѣсотепѣтъ----п...
 вѣн[ѣ]завѣзлиесмегюрьгевѣ---
 и--зисодѣтъ[ѣ]миаввоклѣти(...)

Прорись грамоты № 854

На внешней стороне текст в значительной мере изглажен. Чтение его крайне затруднено и не всегда надежно. Возможно, ниже сохранившихся четырех строк имелась еще одна строка, но в ней могло быть не более 10 букв.

Длина листа (без отделившегося фрагмента) 21,5 см, ширина 4,7 см; длина отделившегося фрагмента 2,0 см, ширина 2,6 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Текст делится на слова следующим образом.

Внутренняя сторона: ... (о)трѣкъ и лѣвца, о-- (п)ривезѣтъ събѣ пѣрма, дрѣг-ѣ Гѣргеви. Из ѣрмице ка въсп(и)ши ми грамѣтицю о съемѣ стѣ[р](ѣ)вѣе и о дѣтъхъ. А лѣвца н- -оѣ

Внешняя сторона: ----- въ ловитвахъ ---- п(риве)зѣтъ, собѣ сотепѣтъ; ---н-- (гри)вънѣ забыли есме Гѣргеви; ---и---зи со дѣтъми, а во клѣти ...

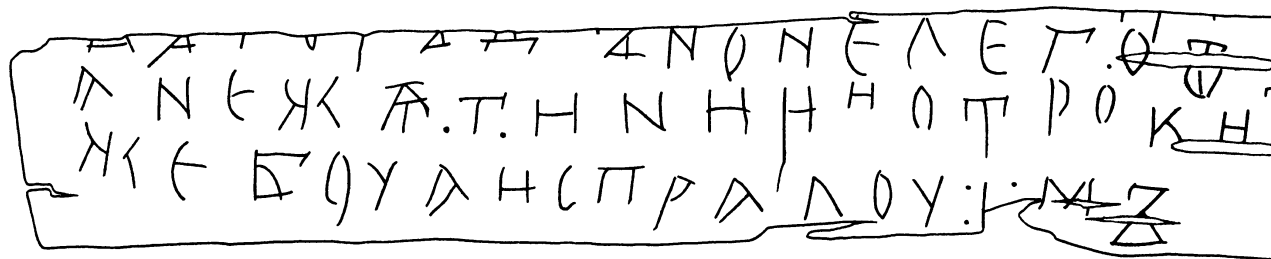
Грамота состоит из двух различающихся частей (хотя почерк единый). Их граница проходит между словами *о дѣтъхъ* и *а лѣвца* в последней строке внутренней стороны листа. По-видимому, вторая часть — это приписка, сделанная после некоторого перерыва: она написана более мелко и с несколько иными графическими особенностями.

К сожалению, утраты столь существенны, что целостная реконструкция документа невозможна. Единственная надежно читаемая фраза грамоты — *Из ѣрмице ка въсп(и)ши ми грамѣтицю о съемѣ стѣ[р](ѣ)вѣе и о дѣтъхъ* 'Из деревни (букв.: с пахоты или с пахотного поля) напиши-ка мне в ответ грамотку о своем здоровье и о детях'. Этой этикетной фразой первоначально письмо и кончалось.

Все прочее в той или иной степени гипотетично. Слова (о)[трѣ]къ и лѣ[вц]а 'отроков и ловца (т. е. охотника или рыболова)' — видимо, дополнения в Р. падеже при утраченном глаголе со значением типа 'не удерживай', 'не ограничивай'. Менее вероятно, что оба слова стоят в В. ед.: у них разные окончания и последующее (п)ривезѣтъ стоит во множ. числе, а не в двойственном. (Усматривать в ...[трѣ]къ слово *Петрѣкъ* в данном случае едва ли возможно.) Вместо лѣ[вц]а возможна также конъектура *Лѣ[нц]а* или *Лѣ[нц]а* (имя собственное); низ третьей буквы здесь даже больше похож на *п* или *н*, чем на *в*. Последующее о-- — это *оти* (*оть*) 'пусть', или *оже* 'если', 'что', или *ола* 'пока'. Далее: '... привезут себе "парома", в другой раз (?) — Гургию (Гюргию)'.
Слово *поромъ* означает как средство речной переправы, так и плату за такую переправу; ср. [по]рома 18 коуно в грамоте № 349. По-видимому, в грамоте № 854 речь идет о перевозном промысле, доходы с которого (получаемые скорее в натуральной, чем в денежной форме) частично поступают феодалу. Словоформу дрѣ[г]-[ѣ], судя по следам недостающей буквы, можно реконструировать как *дрѣгѣѣ* или как *дрѣгѣѣ*. Контекст позволяет предполагать здесь значение 'в другой раз', ср. *дружок* 'в другой раз', *въ дрѣгѣѣ* (то же); но какая именно грамматическая форма слова *другии* здесь использована, в точности неизвестно.

Гюргий — возможно, то же лицо, что в грамоте № 627 (ср. еще № 867, где фигурирует Дурѣдий).
В тексте приписки удается понять лишь отдельные короткие отрезки. После *а лѣвца*, может быть, стояло *не до|бѣдеши*. Далее шло *въ ловитвахъ* 'во время лова'. *Сотепѣтъ* (от *сѣтети*) — 'собьют (возможно, белок или птиц)'. *Забыли есме Гѣргеви* — 'мы забыли (т. е. простили) Гюргию'.
Написание *во клѣти* вместо *во клѣти* — очевидно, описка.

Чрезвычайно интересно то, что в двух частях грамоты различно распределение букв ѣ и о: в основной части представлен эффект *о* → ѣ, в приписке — эффект ѣ → о/ѣ. Это значит, что автор воспринимал эти две буквы как полностью эквивалентные, но мог настраиваться на письмо с предпочтением одной или другой из них.

Отметим прямое варьирование в передачи имени Гюргий: Д.ед. *Гѣръгеви* — *Гюргеви*.

Оромица — не засвидетельствованный ранее вариант к *орамица* (также *ораница*) ‘пашня, пахотное поле’, ‘пахота, время пахоты’ (см. Срезн.; Слов. XI–XVII; Даль). Ср. *орóмая земля* — ‘пахотная’ (Даль, II, с. 689), как вариант к *орáмая земля* (Срезн.; СРНГ, 23, с. 327, Арх.).

Въспиши — ‘напиши в ответ’, ср. выше грамоту № 824.

Сторовье ‘здоровье’ — производное от характерной для раннедревненовгородского периода диалектной основы *сторов-*.

Грамота № 855

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1496, на уровне пласта 11 (глубина 2,10 м), в напластованиях усадьбы Е. Это конечная часть документа, сохранившая три строки и одно слово еще одной строки:

...н[ѣ]не
[вѣгорѣ]дѣноне ле го ѿ дѣа : а зуоуь въ выбитъ
а не ж а т и н и ц и о т р о к и б и л и ш ь с т ь : і : х ѣ а д о у
же бо у а и с п р а л о у : і : м ѣ

В *били л* переправлено из *а*. Отметим *і* десятеричное с двоеточиями вместо точек.

Длина 34,5 см, ширина 3,3 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: XII в., предпочтительно не ранее середины (см. НГБ X, с. 308).

Текст делится на слова следующим образом: ... **ныне въ горьдѣ, но не ле го ѿ дѣа. А зуоуь выбитъ.**

А Нежатици отроки били шьсть ихъ. А доужебоу а испралоу имъ.

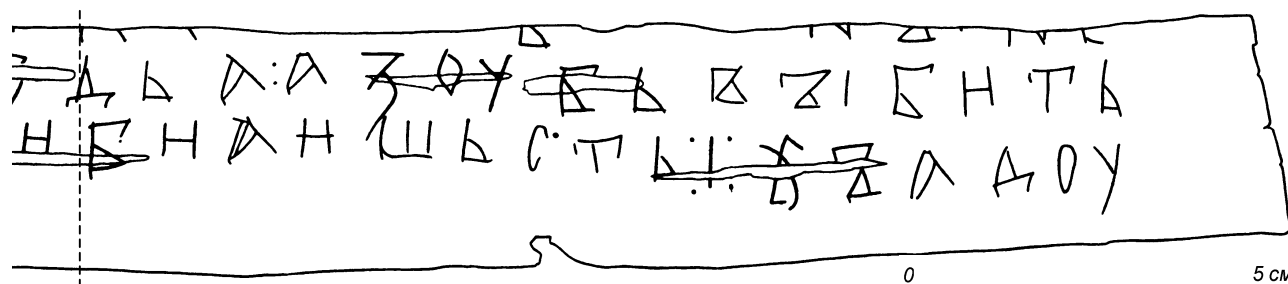
Перевод: ‘... [следовало бы ехать] ныне в город, но не позволяет дьяк. А выбит зуб. Нежатиичевы отроки били их шестерых. А [что касается денег на] лечение, то я выплачу им’. Нежатиич — сын Нежаты, видного боярина Людина конца, фигурирующего в пяти берестяных грамотах конца XI — 1 трети XII в. (№ 586, 635, 644, 742, 892; три из них — с усадьбы Е).

Характер описки в *ѿ дѣа* ‘от дьяка’ не совсем ясен: здесь либо просто недописан слог *ка*, либо пропущены буквы *ак* (т. е. имелось в виду либо *ѿ дѣака*, либо *ѿ дѣака*). Первый тип описки проще, но *дѣака* (= [д’еака], без йотации) — это книжный вариант (ср. *диаку* 739), а в данном случае, в отличие от грамоты № 739, никаких других признаков книжности нет.

Испралоу (из *исправлю*) — самое раннее свидетельство перехода *в’л’ > л’*. Относительно *лоу* (вместо *лю*) см. выше, № 821.

Не л(ь)го — ‘не позволено’, ‘нельзя’. Здесь выступает И. ед. сред. от **lьgь* ‘легкий’ (без суффикса *-ьk-*); ср. польск. диал. *lgi* ‘мягкий, легкий’, *lgo* ‘мягко, не холодно, оттепель’, см. ЭССЯ (17, с. 690, статья **lьgь(jь)*). Хорошо известны соответствующие формы с *-а*, в частности, *нелга* ‘нельзя’ в Синод. НПЛ, под 1128 г. (л. 12 об.), *nilga* ‘нельзя’ у Фенне (368, 374), соврем. диал. *нелгá* ‘нельзя’ Арх., Пск., Смол., Зап., Брян., Орл. (СРНГ, 21, с. 74); также без отрицания — см. ЭССЯ (17, с. 64), статья **lьga*. Но с конечным *-о* из вост.-слав. свидетельств можно указать лишь *nilgo* ‘нельзя’ (Фенне, 434), которое до сих пор казалось всего лишь ошибкой записи у Фенне, — как выяснилось после находки грамоты № 855, несправедливо.

Прорись грамоты № 855

Не л(ь)го ѿ дья(ка) — ‘не позволено дьяком’ (букв.: ‘со стороны дьяка’); ср. *От пана нам ниякой льги нетути* Смол. (СРНГ, 17, с. 230, статья *льга*).

Что касается записи *зоубь выбить*, то графическая система грамоты в принципе допускает ее истолкование и как *⟨зоубе выбите⟩* ‘выбит зуб’, и как *⟨зоубѣ выбитѣ⟩* ‘выбиты зубы’. Однако словоформы *отроки*, *Нежати-ници*, *били* показывают, что в идиолекте автора И. мн. муж. имел старое окончание *-и*, а не новое окончание *-ѣ*. Отсюда выбор интерпретации ‘выбит зуб’.

Нигде не засвидетельствованное слово *дужьба*, очевидно, означало ‘выздоровление, излечение’. Ср. русск. диал. *дужий* ‘сильный, крепкий, дюжий’ (СРНГ, 8, с. 302), укр. *дужий* ‘сильный, мощный, здоровый’, др.-русск. *недугъ* ‘нездоровье, болезнь’; далее **dužiti* ‘делать сильным, здоровым’ (см. ЭССЯ, 5, с. 167), ср. еще укр. *дужчати* ‘выздоровливать’ (Гринченко, 1, с. 454).

Особо отметим словосочетание *Нѣжати(ч)и отроки* ‘отроки (младшие дружинники, вооруженные слуги) Нежатинача (менее вероятно — Нежатиначей)’, где выступает притяжательное прилагательное *Нѣжатиначь* ‘Нежатиначев’, основа которого совпадает с основой исходного существительного. В отличие от ряда других примеров подобного рода, здесь синтаксическая конструкция идентифицируется однозначно. В самом деле, толкование ‘отроки Нежатиначи’ в данном случае исключается: из материала берестяных грамот Троицкого раскопа ясно, что Нежатиначами в это время в этом месте могли называть только детей боярина Нежаты, но отнюдь не “отроков” (не говоря уже о том, что “отроки” почти никогда не называются в древнерусских источниках по имени, при них может быть указано [в притяжательной форме] только имя их хозяина, например, *отроци Свѣньльжи* в ПВЛ, под 945 г.). Обозначение человека одним лишь отчеством, без имени, встречается в берестяных грамотах многократно, например: Гюргевич (№ 119), Несдич (№ 238), Рахович (№ 863), Розвадич (№ 877), Песковна (№ 818).

Примечательна конструкция со вторым *а* в *а доужебоу а испралоу имъ* (что можно передать приблизительно как ‘а лечение — так я оплачу им’): отчлененное *а доужебоу* вводит тему, но не переведено в И. падеж, как требовало бы обычное введение темы, а сохраняет В. падеж, диктуемый глаголом *испралоу*. Ср. современные разговорные конструкции типа *А книгу, так я отдам вам завтра*.

Грамота № 856

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1510, на уровне пласта 11 (глубина 2,00–2,20 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент средней строки документа:

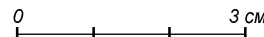
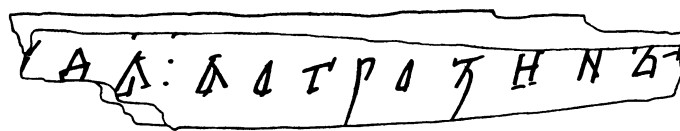
...да:аогрозинь...

Длина 8,8 см, ширина 1,5 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Фрагмент делится на слова так: *...да. А огрзи ны...*

Огрзити — ‘пристрашать’, ‘припугнуть’ (здесь, очевидно, но, в императиве); *ны...* — скорее всего начало от *нынѣ*.

Прорись грамоты № 856

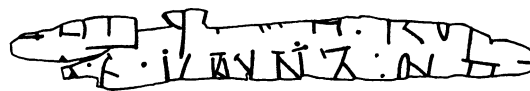
Грамота № 857

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1373, на уровне пласта 11 (глубина 2,09 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент двух средних строк документа:

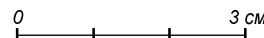
...-----()й: коу...

...а:ѣ:коунъ:оу[п]-...

Длина 6,9 см, ширина 0,9 см.

Прорись грамоты № 857

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Сохранившиеся отрезки делятся на слова так: ... 8 коу(нъ. Оу) ...а 5 коунъ. Оу П... Это фрагмент долгового списка.

Грамота № 858

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1365, на уровне пласта 12 (глубина 2,30 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая нижняя часть письма, сохранившая остатки двух строк:

...[оп]о-о[в]ъ:ко[г]о...
...роныиоусебедържи:ичелоуюте

Длина 29,9 см, ширина 4,2 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Текст делится на слова так: ...о по-овъ. Когороны и оу себе държи. И челоую те.

Вместо ...роны и могло быть и ...роныи (например, в тексте могло стоять чьроныи, т. е. чър(ъ)ныи).

Надежно интерпретируется только самый конец грамоты: '... у себя держи. Приветствую тебя'.

Интересно *те* вместо *та* в *челоую те*. Разумеется, возможна простая описка; но не исключено также, что этот пример параллелен имеющимся в берестяных грамотах случаям появления *се* вместо *са* (см. ДНД₂, § 2.36; трудность здесь, правда, в том, что все примеры *се* вместо *са* относятся к заметно более позднему времени).

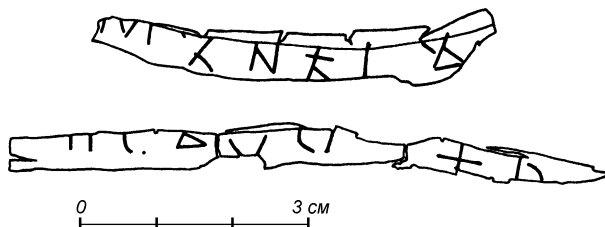
Грамота № 859

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1373, на уровне пласта 10 (глубина 2,00 м), в напластованиях усадьбы Е. Это два крошечных фрагмента:

1-й фрагмент:

...МЪНЪ-Ъ...

2-й фрагмент содержит нижние части шести букв, которые надежно не восстанавливаются.

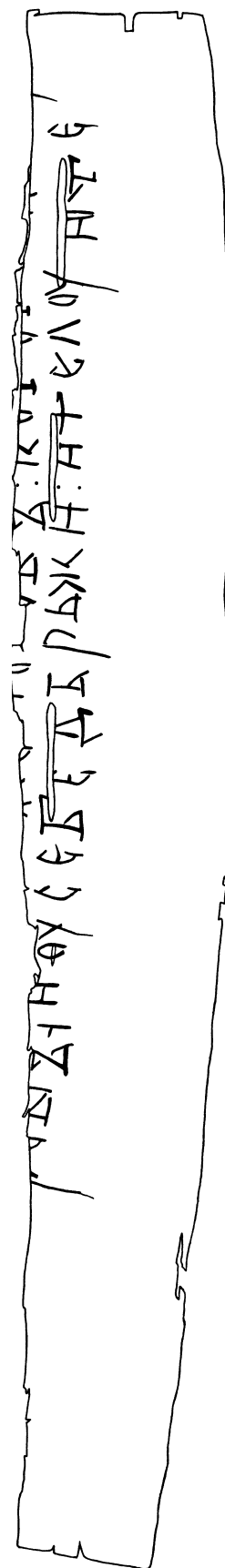

Прорись грамоты № 859

Длина фрагментов 5,3 и 8,0 см, ширина 0,9 и 0,6 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

В грамоте предположительно выделяется словоформа **мънъ** (но даже и это ненадежно).

Прорись грамоты № 858

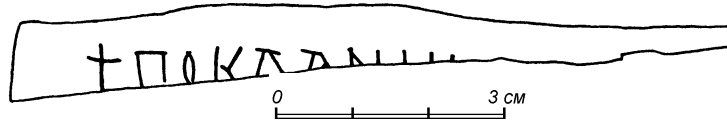

Прорись грамоты № 862

Грамота № 860

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1576, на уровне пласта 12 (глубина 2,38 м), в напластованиях усадьбы С. Это начало первой строки письма:

+пюклан[и]...

Прорись грамоты № 860

Длина 8,5 см, ширина 1,0 см.

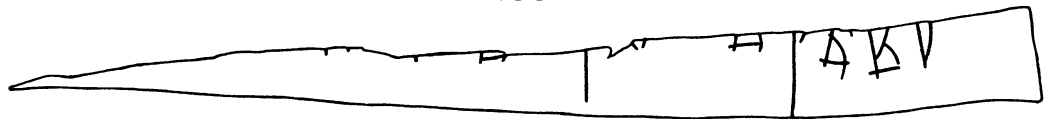
Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Сохранилась только часть первого слова адресной формулы: **Поклани...** По-видимому, автор пропустил в этом слове слог *на* (т. е. написал *поклание* вместо *покланание*).

Грамота № 861

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1394, на уровне пласта 12 (глубина 2,37–2,40 м), в напластованиях усадьбы Е. Это крошечный фрагмент:

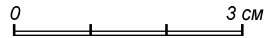
...р[ѣ]во

Длина 13,6 см, ширина 1,2 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Разделению на слова фрагмент не поддается.

Прорись грамоты № 861

Грамота № 862

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1393, на уровне пласта 12 (глубина 2,20–2,36 м), в напластованиях усадьбы Е. Это одна из средних строк письма:

ГРИВНѢВЪДАСИЛИАПОСЪЛЮНАТА

Длина 27,6 см, ширина 1,2 см.

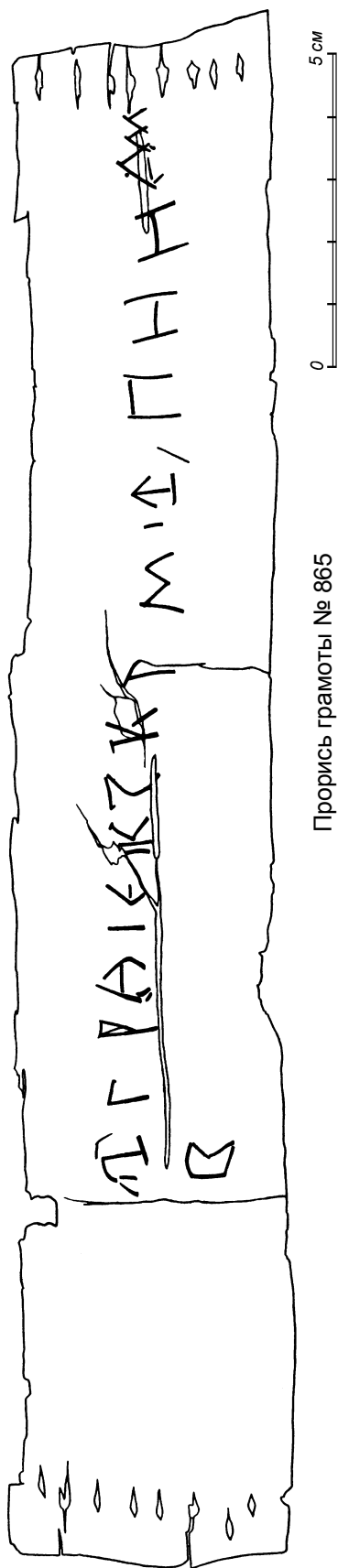
Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Текст делится на слова так: ... **гривнѣ. Не вѣдаси ли, а пошлю на та ...**

Перед нами обрывок сакраментальной фразы, представленной (с небольшими вариациями) также в целом ряде других берестяных грамот: '(Отдай) ... гривны. Если же не отдашь, то я пошлю на тебя (судебного исполнителя)'.
Прорись грамоты № 862

Грамота № 863

Найдена на Троицком раскопе в виде двух фрагментов: в квадрате 1378, на уровне пласта 12 (глубина 2,27 м), и в квадрате 1321, на уровне пласта 12 (глубина 2,30 м) в напластованиях усадьбы Е. Это нижняя часть документа, сохранившая полностью или частично шесть строк:

Длина 10,3 см, ширина 1,4 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Текст делится на слова так: **...и съ собоѡжъ възьль ... на ...**

Надежно читается только: '... с собою взял'.

Отметим редчайшую для берестяных грамот особенность — использование буквы *ѡж*.

В слове *възьль* написание *зь* вместо *за* — либо простая описка (предвосхищение *ь* следующего графического слога), либо ранний пример перехода [ʼa] в [ʼe] между мягкими согласными.

Грамота № 865

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1419 или 1420, на уровне пласта 11 (глубина 2,00–2,20 м), в напластованиях усадьбы Е. Написана на полоске бересты, вырезанной из донца туеса. Это целый документ:

а г (-) д | е ж з к - м [н] п и д м
в

Конечные буквы *дм* написаны слитно.

Длина 24,8 см, ширина 4,6 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Запись представляет собой упражнение в письме. Она сделана человеком, который лишь довольно приблизительно и неполно помнил алфавит и даже начертание букв освоил еще нетвердо.

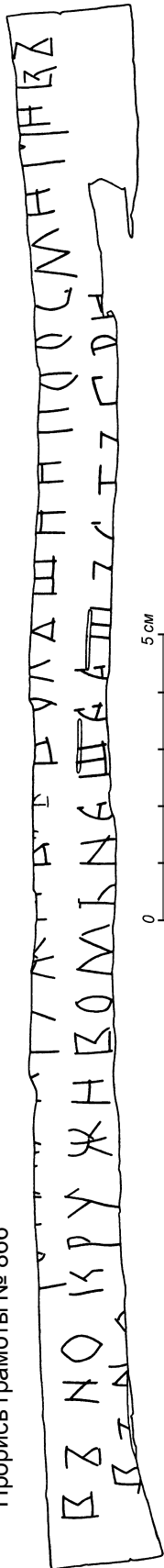
Воспроизведена, хотя и с пропусками, первая половина алфавита (до *п*). Почерк очень неумелый, начертание части букв неточно (особенно неуклюже вышло *а*; *а* и *н* вообще едва опознается). Букву *в*, приписанную под *а*, очевидно, следует понимать как вставку. Между *г* и *д* стоит знак, несколько похожий на *р*, — возможно, какая-то начатая и брошенная буква. (Не исключено, впрочем, и другое: что первые четыре буквы — это *а б г д*, где *б* недописано и выглядит как *г*, а *г* вышло похожим на *р*. Приписанное снизу *в* в этом случае выглядит логично.) Между *д* и *е* — вертикальная черта, вероятно, незначимая. Буква между *к* и *м* пришлась на сгиб бересты и плохо видна; она несколько похожа на *р*, но скорее всего это всё же неумело написанное *л*. Между *н* и *п* имеется какая-то черточка, по-видимому, незначимая (на *о* она не похожа).

Последние четыре буквы в алфавитный ряд не входят (правда, два *и*, поставленные после *п*, может быть, должны компенсировать пропуск букв *и*, *і* после *з*).

Грамота № 866

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1324, на уровне пласта 12 (глубина 2,35 м), в напластованиях усадьбы Е. Это три строки документа, возможно, заключительные:

[рѡ]-(-)[к]руж[ивѣъ]ол[ъ]шиипоосмигривъ
вѣнокруживомънешешъстѣгри
вѣн[ѡ]

Вторая строка заметно не доходит до правого края. При переходе с первой строки на вторую слог *въ* повторен. В третьей строке после *вън[о]* проходит обрыв.

Длина 27,2 см, ширина 2,1 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Текст делится на слова следующим образом:

...ро... круживѣ большии по осми гривѣвно. Круживо меньшее — шесть гривно.

Перед нами фрагмент списка товаров. Вполне ясна заключительная фраза: 'кружево меньшее — шесть гривен'. В предшествующей фразе, возможно, было сказано: '... двое кружев больших по восьми гривен'. Поскольку, однако, чтение [*к*]руж[ивѣ] (в частности, окончание *-ѣ*) не совсем надежно, полной уверенности в том, что в грамоте представлено именно двойственное число от *круживо*, всё же нет; не исключено также, что перед нами конец какой-то длинной фразы с более сложным синтаксисом.

Графика грамоты № 866 аномальна: писец реализует (по крайней мере, частично) два разных принципа, которые в нормальном случае исключают друг друга, а именно, древний принцип одноуровневого письма и более новый принцип смещения *ь*, *ь* с *о*, *е*. В результате диапазон графических замен оказывается ненормально широким. Так, на месте **ь* может быть написано *ь* (*гривно*, *ть* в *шѣсть* и др.), *ь* (*мь* в *меньшее*) и *е* (*не* в *меньшее*); в силу наложения двух смещений (*е* с *ь* и *ь* с *ь*) **е* в **шѣсть* оказывается записано как *ь* (*шѣсть*). Эту непоследовательную графику можно рассматривать как продукт переходного периода в развитии бытового письма, когда происходила смена древнего графического принципа более новым.

Грамота № 867

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1322, на уровне пласта 12 (глубина 2,24 м), в напластованиях усадьбы Е. Это левая часть первой строки письма и фрагменты второй:

отъ[нѣ]голаиотоговѣнако дурьдѣв...
п[р]иш-----[вѣдаи]х...

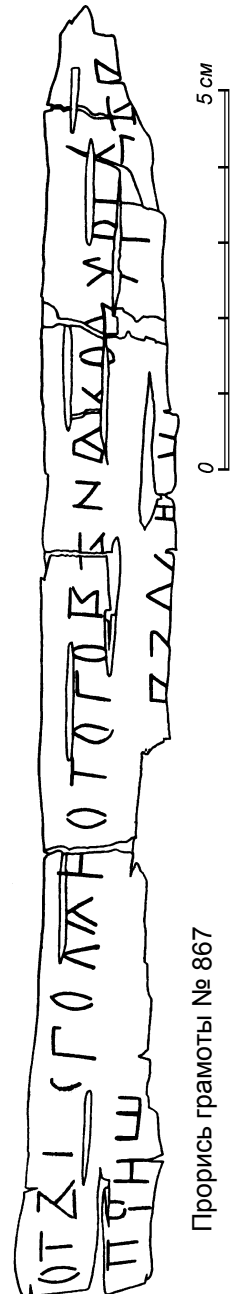
Грамота написана на внешней стороне бересты. Береста почернела (от близости огня); буквы видны очень плохо и читаются не вполне надежно.

Длина 17,0 см, ширина 1,7 см.

Стратиграфическая дата: 30-е–50-е гг. XII в.

Текст делится на слова так: **Отъ Негола и ото Говѣна ко Дурьдѣв... Приш... вѣдаи х...**

Негл — явно тот же, что в № 821. Говен — возможно, то же лицо, что Говша в № 851. *Дурьди* — вариант имени *Гюрьги* (*Гурьги*); ср. написания *Дюрди*, *Дюрги*, часто встречающиеся, в частности, в Ипат. (в Хлебниковском списке отмечено также и *Доурда*, см. Ипат., разночтения к л. 160 об.). Грамота могла быть адресована самому Гюргию (ко *Дурьдѣви*) или его жене (ко *Дурьдѣви*). Гюргий — вероятно, тот же что в № 854 (и, возможно, также в № 627).

Дохристианское имя *Говѣнь* (производное от **govēti* ‘благоговеть’, ‘хранить благоговейное молчание’) встретилось в звенигородской берестяной грамоте №2 (см. о нем ДНД₂, с. 324); ср. также *Говен сочьский* (Мар., №2), *Говеновичь* (Тупиков, с. 573).

Прорись грамоты № 870

Грамота № 868

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1324, на уровне пласта 12 (глубина 2,27 м), в напластованиях усадьбы Е. Это крошечный фрагмент:

-[а]ѡа[т]а

Длина 7,5 см, ширина 1,0 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Разделению на слова фрагмент не поддается.

Прорись грамоты № 868

Грамота № 869

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1322, на уровне пласта 12 (глубина 2,34 м), в напластованиях усадьбы Е. Это крошечный фрагмент:

...сѣлица·а...

Длина 6,5 см, ширина 0,6 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

В тексте усматривается только слово **сѣлица** (грамматическая форма неизвестна).

Прорись грамоты № 869

Грамота № 870

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1324, на уровне пласта 12 (глубина 2,35 м), в напластованиях усадьбы Е. Это первые две строки письма:

пѣклананіеотъвсѣхълоудьекъпетръ
виикъакъшѣсеесмеслы[шалио]жеграмът[ѣ]

Длина 23,5 см, ширина 2,3 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Текст делится на слова следующим образом:

Пѣклананіе отъ всѣхъ лоудье къ Петръви и къ Акъшѣ. Се есме слышали, оже грамътѣ ...

Перевод: ‘Поклон от всех людей Петру и Якше. Вот мы слышали, что грамоты ...’

Совершенно необычно обозначение авторов: ‘от всех людей’. Возможно, грамота имеет отношение к тем же делам, которым посвящена грамота № 877 (где многократно упоминаются ‘люди’). В этом случае ‘все люди’ — это все купцы, с которыми постоянно ведут дела Петр и Якша.

Грамота № 871

Грамота залегала в стенке Троицкого–XII раскопа в напластованиях усадьбы Е (данный участок стенки принадлежал ряду квадратов 1326, 1339, 1354, 1369, 1384). Это фрагмент двух средних строк письма:

...[с]ын[ъ]мъ;помѣ[т]...
...бриханицитри[с]л...

Прорись грамоты № 871

Длина 10,2 см, ширина 1,9 см.

Стратиграфической даты грамота не имеет. Палеографически вторая половина XII — XIII в. (предпочт. вторая половина XII в.).

Сохранившиеся отрезки текста делятся на слова так:

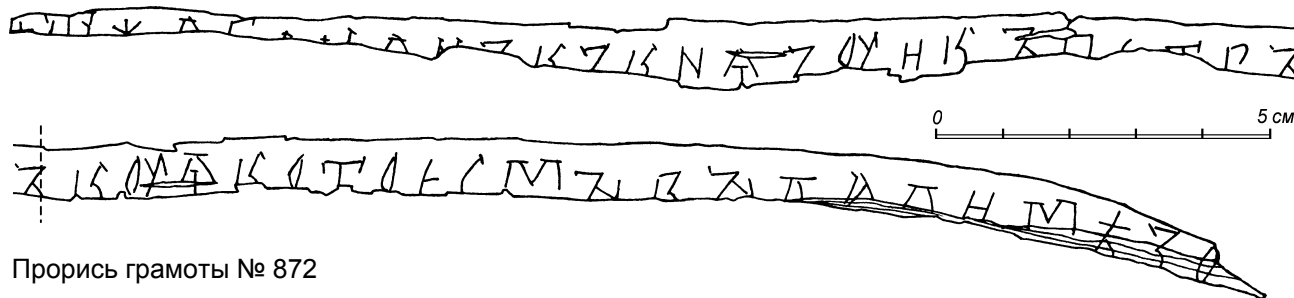
... сынъмъ. Помет... ... Бриханици три сл...

По-видимому, это фрагмент некоего реестра.

Грамота № 872

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1326, на уровне пласта 12 (глубина 2,31 м), в напластованиях усадьбы Е. Это первая строка письма, правый конец которой утрачен:

[+][ѡ]ж[абьна]нъкъкъназоуикъпетръкоуако то есмы выдали мѣзо...

Прорись грамоты № 872

Длина 37,7 см, ширина 1,0 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Текст делится на слова следующим образом:

ѡ жабьнанъ къ князоу и къ Петръкоу. Ако то есмы выдали мѣзо...

Перевод: 'От жабнян к князю и к Петроку. Поскольку мы выдали Мезо...'

Жабняне – жители Жабенского погоста, упоминаемые также ниже, в грамоте № 885.

Отметим *зоу* (а не *зю*) в *кназоу*; ср. такую же особенность в написании *къназоу* в грамоте № 745. Интересна словоформа *есмы*, отличная от обычного для древненовгородского диалекта *есме*; вероятно, в этом проявился восточноновгородский говор писавшего грамоту жабнянина.

Грамота № 873

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1321, на уровне пласта 11 (глубина 2,12 м), в напластованиях усадьбы Е. Это крошечный фрагмент:

н[ъ]нѣ...

Длина 4,9 см, ширина 0,9 см.

Имеется также еще один фрагментик, на котором видны нечитаемые элементы нескольких букв.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Читается только слово **нынѣ**.

Прорись грамоты № 873

Грамота № 874

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1309, на уровне пласта 12 (глубина 2,35 м), в напластованиях усадьбы Е. Это маленький фрагмент:

:оу--дие:...

...[є:]а тов[а]...

Прорись грамоты № 874

Как установила С.А. Шаповалова, фрагмент написан тем же почерком, что № 893 и 853/898.

Длина 11,6 см, ширина 0,6 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Надежное разделение на слова невозможно. В первой строке, возможно, стояло *оу (лю)дие*; во второй могло стоять, например, *а то ва(мь)*, *а това(рь)* и др.

Грамота № 875

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1309, на уровне пласта 12 (глубина 2,40 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая часть одной из средних строк письма:

...шар[ъ]цинъперьдъкъ

Прорись грамоты № 875

В конце строки после *къ* зачеркнута одна или две буквы.

Длина 14,0 см, ширина 1,3 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Фрагмент предположительно делится на слова так: **...ша Ръцинъ перьдъ къ...**

Если такое словоделение верно, то здесь могло стоять какое-то имя типа *Путьша* и отчество *Роцинъ*. Далее, возможно, стояли слова *перьдъ къ*|(назьмь).

Грамота № 876

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1367, на уровне пласта 13 (глубина 2,40–2,60 м), в напластованиях усадьбы Е. Это верхняя часть правой половины первой строки документа:

...--[зъм]-[л]оу[ди]изъ[а]жь[л]ъби

Прорись грамоты № 876

В начале сохранившегося текста перед [ъз] стояло *л* или *д*, после [ъз] — *ь* или *е*.

Длина 16,2 см, ширина 1,9 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

Фрагмент делится на слова так: ...зъм- лоуди. А изъ Ажьльби(ць) ...

Можно понять: '... люди. А из Яжелбиц ...' Грамота содержит древнейшее упоминание Яжелбиц. Яжелбицы — центр одноименного погоста Деревской пятины.

Грамота № 877/572

Грамота № 877 найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1312, на уровне пласта 12 (глубина 2,35 м), в напластованиях усадьбы Е. Впоследствии А. А. Гиппиус обнаружил, что фрагмент № 572 (найденный на 19 лет раньше на другом участке той же усадьбы Е) является частью грамоты № 877. Этот фрагмент включает конец первой строки ...*а запирае* и конец второй строки ...*людъмь хо[д]иль*; нижние части букв из этих двух слов видны и на грамоте № 877 (интерпретация букв *ъ* и *ь* в № 572 несколько изменена по сравнению с изданием, см. об этом ниже).

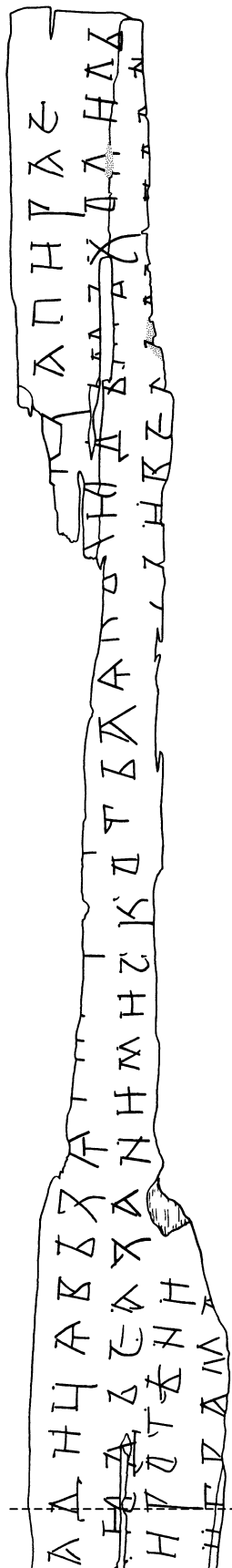
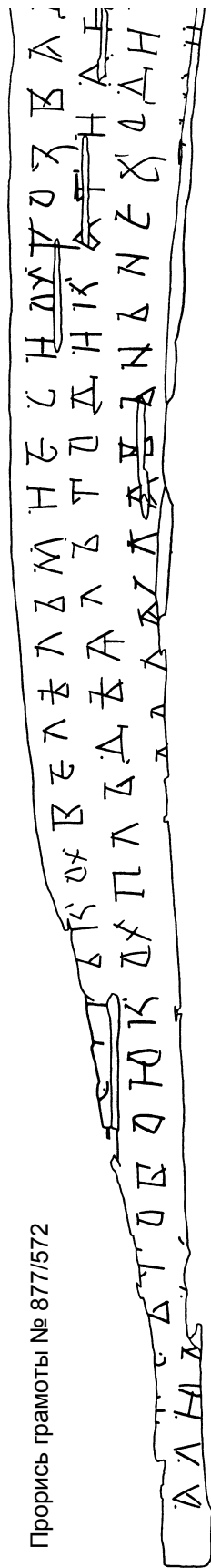
Грамота № 877/572 представляет собой первые четыре строки большого письма, в каждой из которых имеются, однако, те или иные утраты:

-----[пет]ръкоувелъльмиесиоурозвадицавъза[тигр]-----(-)-азапирае
 --[асъ]тобоюкоуплъдъалътодикатилюдъеазаинимискотъаакълюдъмъхо[д]иль
 алю[дъє]-----[а.д.а]славънънеходиротъни-----[єс]ивел[ъл]-----
 ...[зъм]играмо...

Длина 53,5 см, ширина 3,4 см.

Стратиграфическая дата фрагмента № 877: вторая четверть – середина XII в. Фрагмент № 572 имеет широкую и не очень точную стратиграфическую дату, поскольку грамота была найдена в траншее: последняя треть XII — первая половина XIII в.

Внестратиграфическая оценка грамоты № 877/572: 20-е – 70-е гг. XII в. (предпочтительно 20-е – 30-е; см. НГБ X, с. 301).

Судя по длине лакуны, имя автора содержало около пяти букв. Из числа уже известных на усадьбе Е лиц это мог быть, например, *Акѡша* или *Илька*. Между *въза[ти гр](ивъноу)* и *с[а запирае]* явно стоял какой-то противительный союз, например, *ано* (или *ань*). В начале второй строки ныне представляется наиболее вероятной конъектура *ни* (с синтаксической точки зрения она предпочтительнее, чем предлагавшиеся нами ранее конъектуры *ци* и *не*). В третьей строке после *а лю[дѣ]* естественно предполагать *скота не въдада*. Для следующей лакуны можно предложить (без особой уверенности) конъектуру *...кто же а цѣто*.

Вместе с наиболее вероятными конъектурами текст может быть представлен следующим образом:

(Ѡ) ----- (къ) Петръкоу. Велѣль ми еси оу Розвадица възати гр(ивъноу, ано с[а запирае: “(Ни) а съ тобою коупль дѣаль! То дикати людьє, а за ними скоть”. А а къ людьмъ ходиль, а людьє (скота не въдада. А Славнь не ходи ротѣ ни(къто же. А чѣто) еси велѣл(ь) (въ)зьми грамо(тоу) ...

Перевод (с конъектурами): ‘От ... к Петроку. Ты мне велел взять у Розвадича гривну, [но] он запирается, [говоря]: “Я с тобой [даже и не] вел торго! Это [делали] полудикие (?) (возможно, = кочевые) люди, за ними [и] деньги”. А я к людям ходил, а люди [денег не] дают. А в Славне (?) не приносит роты ни[кто] (?). А что касается того, что] ты велел ...’ После разрыва: ‘... возьми грамоту (или: грамоты) ...’

О Петроке см. при № 794. О возможной связи этой грамоты с письмом “от всех людей” см. № 870.

Грамота написана по одноеровой системе. При этом, однако, интерпретация буквы, стоящей здесь на месте этимологических *ѣ и *ѥ и условно переданной нами как ѣ, в действительности неоднозначна. Эта буква имеет вид *Ѥ* (иногда *Ѭ*). Но в данном почерке у всех острроверхих букв имеется покрытие (горизонтальный штрих вверху), поэтому такой же вид ожидался бы и для буквы *ѥ*. Иначе говоря, эту букву в принципе можно передавать и как *ѣ*, и как *ѥ*.

Дополнительная сложность состоит в том, что написание *Славнь* (или *Славьнь*) в данном контексте гораздо естественнее интерпретировать как *⟨Славьнь⟩* ‘в Славне (Славенском конце Новгорода)’, чем как *⟨Славьнь⟩* — личное имя (‘а Славен не приносит роты ...’). Имеется две возможности: 1) в конечной букве слова *Славьнь* (или *Славьнь*) автор забыл прочертить коромысло, т. е. это просто недописанный *ѣ*; 2) здесь представлен единичный случай графического смешения буквы *ѣ* (= *ѥ*) с буквой *ѣ*. Если верен второй вариант, то перед нами случай совмещения принципа одноерового письма со смешением *ѣ* и *ѣ*, довольно похожий на то, что наблюдается в графике грамоты № 866 (см. выше). Но ввиду единичности данного примера более вероятным представляется первый вариант.

Самая трудная фраза грамоты — *то дикати людѣ*. Из различных мыслимых интерпретаций этой фразы (в т. ч. предполагающих иное словоделение) в настоящее время представляется предпочтительной та, при которой *дикати* трактуется как И. мн. муж. от незасвидетельствованного прилагательного *дикатыи* ‘дииковатый’, ‘полудикий’. Правда, прилагательные на *-ат-ый* почти всегда образуются от существительных (большей частью от названий частей тела): *рогáтый*, *брюхáтый*, *полосáтый* и т. п. Но в говорах имеются всё же и некоторые производные от прилагательных: *сѣдáтый* ‘седоватый’ (Даль, с пометой “новг.”), *зеленáтый* (о лесе — в частушке) Саратов. (СРНГ, 11, с. 246), *безмозгáтый* Петерб. (СРНГ, 2, с. 193), также *лысáтый* ‘лысый’ Волог., Новг., Ленингр., Олон., Влад., ‘с белым пятном на лбу (о животном)’ Калинин. (СРНГ, 17, с. 223), *пегáтый* ‘пегий’ Арх., Новг., Калинин. (СРНГ, 25, с. 32) (у последних двух слов в деривации участвовали в качестве промежуточного звена субстантивированные **lysa*, **péga*, ср. ЭССЯ, 17, с. 37, статьи **lysать(jь)* и **lysать(jь)*); но с точки зрения нашей проблемы это мало что меняет).

Важно также наличие далеко идущего параллелизма между суффиксами *-ат-ый* и *-аст-ый*; ср. *зубáтый* и *зубáстый*, *носáтый* и *носáстый*, *мордáтый* и *мордáстый* и т. п. Аналогично: *лысáтый* и *лысáстый* (Даль), *пегáтый* и *пегáстый* (см. в СРНГ, 25, с. 312 *пегáстенкий* Новг.), *зеленáтый* и укр. *зеленáстий* ‘зеленоватый’ (которое входит здесь в длинный ряд — *білáстий*, *червонáстий*, *сивáстий* и др.). Отметим еще зафиксированные в СРНГ отадъективные *любáстый*, *мудрáстый*, *журнáстый*. Ввиду такого параллелизма существенным доводом в пользу реальности др.-русск. *дикатыи* оказывается наличие диалектного (забайкальского) *дикáстый* ‘дииковатый’, ‘неразумный’ [Элиасов 1980, с. 101]; ср. еще словен. *divjast* ‘нелюдимый’, ‘застенчивый’ (от **divъj-*, синонимичного **dik-*).

Не исключено, что *дикати людѣ* было одним из возможных обозначений для кочевников; ср. “вежников”, упоминаемых в грамотах № 550 и 664.

Грамота № 878

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1569, на уровне пласта 12 (глубина 2,39 м), в напластованиях усадьбы С. Это полторы строки из середины документа:

а а ж -- [б] а [г] орю в а с [ъ] а з а полоу [д] а
... и [л] и к с т е ...

Между *а* и *за Полоу[д]а* зачеркнуты две буквы (по-видимому, *оу*, т. е. автор вначале хотел написать *оу Полоуда*). Перед *и[л]и ксте* стояло *л* или *д*.

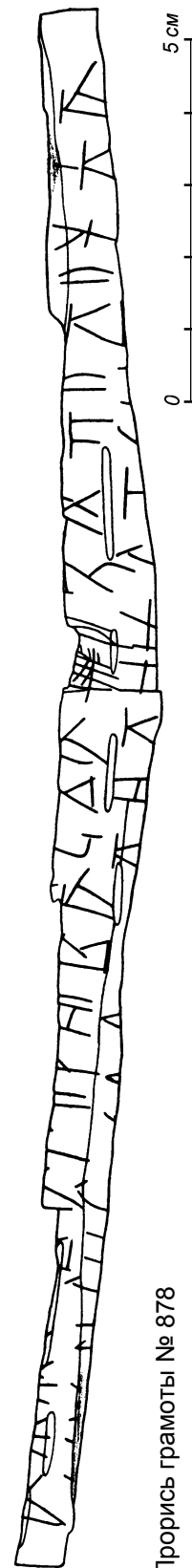
Длина 21,4 см, ширина 1,4 см.

Стратиграфическая дата: первая четверть XII в.

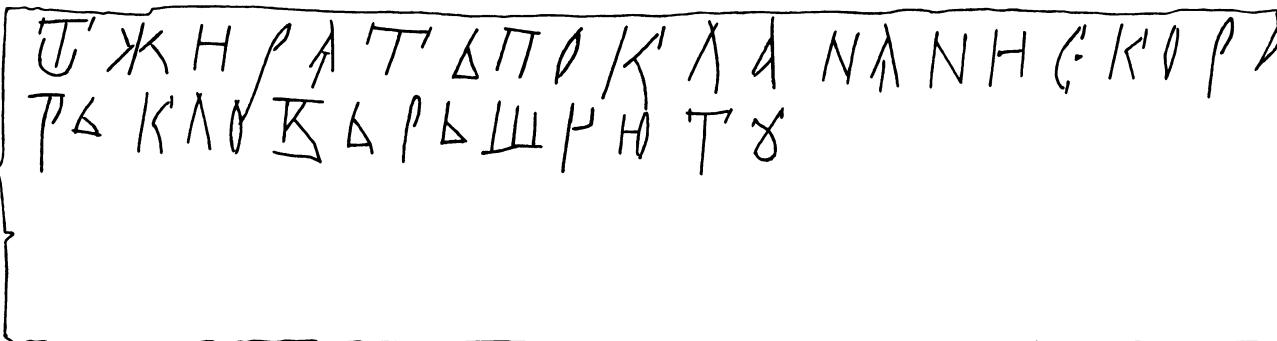
Фрагмент предположительно делится на слова так: ... а а ж(е) обагорю вась, а за Полоуда ... или ксте ...

Реконструкция *обагорю* ‘обагрю’ вызывает некоторые сомнения ввиду изысканности слова; но никакого другого осмысленного прочтения для сохранившихся остатков букв найти не удастся. Возможно, в древнерусском это слово носило более технический характер, чем позднее. Дефектность контекста не позволяет установить здесь его реальное значение (‘окровавить’, ‘пролить кровь?’).

В написании *Полоуда* такая же особенность (*лоу* вместо *лю*), как, например, в *лоубо* ‘любо’ 824 (см. об этом при № 824).

Прорись грамоты № 878

Прорись грамоты № 879

Грамота № 879

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1312, на уровне пласта 12 (глубина 2,37 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целое письмо из двух строк:

Ѡ жирать покланание ко Радать в доди семъ еже
рькло вьрьщютъ

Длина 37,4 см, ширина 5,0 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка: XII в., предпочтительно вторая четверть – середина (см. НГБ X, с. 302).

Текст делится на слова так:

Ѡ Жирать покланание ко Радать. Водди семъ, еже рькло, вьрьщютъ.

Об интерпретации конца этой грамоты, с которым связаны значительные сложности, см. статью А. А. Гиппиуса в настоящем томе, с. 205.

Перевод: 'Поклон от Жиряты к Радате. Выдай подателю сего то, что он скажет (букв.: что он сказал), — то зернецо'. Податель письма должен был от имени Жиряты потребовать у Радаты какое-то количество зерна (о котором, вероятно, уже имелась некая предварительная договоренность) и в подтверждение своих полномочий показать Радате данную грамоту. Менее вероятно истолкование *рькло* ('рекль') не как 'то, что он сказал', а как 'то, что ты сказал (= обещал)', поскольку в этом случае нормальным было бы наличие *еси*.

Радата упоминается также в грамоте № 799. Об имени Жиряты (и других на *Жиро-*, *Жир-*, *Жи-*, *Ж-*) см. в предисловии.

Вьрьща — уменьшительное к *вьрьшь* 'зерно, хлеб'.

Грамота № 880

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1364, на уровне пласта 12 (глубина 2,40 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент двух строк из середины документа:

...--о-[с]А...
...о не вь да [д]А...

Длина 5,3 см, ширина 1,8 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

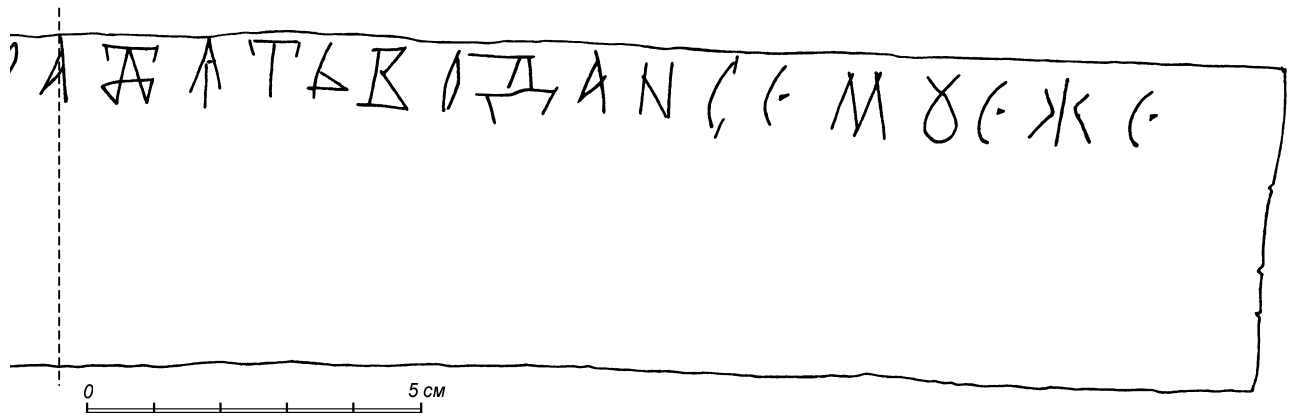
Сохранившиеся отрезки предположительно делятся на слова так:

...о-е са... ...о не вь да да ...

Можно понять только *не вь да да* или *не вь да да(ть)* — от *вь да ти* 'дать, выдать'.

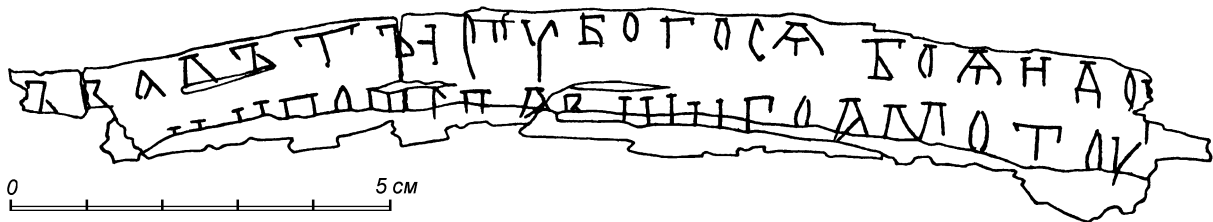
Прорись грамоты № 880

Грамота № 881

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1349, на уровне пласта 12 (глубина 2,31 м), в напластованиях усадьбы Е. Это средняя часть двух начальных строк письма:

...ъвальтыроубѣго са боаидоу...
 ...ипо[щ]епав[ш]играмотоу...

Прорись грамоты № 881

Длина 15,9 см, ширина 2,1 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Сохранившиеся отрезки текста делятся на слова так: ...ъ Вальтыроу, ^{бѣ}го са боа. Идоуи пощепавши грамотоу ...

Бого вместо *Бога* — описка (повторение гласной предшествующего слога).

Представляет значительный интерес имя *Вальтырь*. Это явно адаптация немецкого имени *Walter*. Адресату, по-видимому, предлагалось что-то выплатить (или вернуть) немцу Вальтыру, “побоявшись Бога”. Передача нем. *te* (где согласная не смягчена) через *ты* — такая же, как, например, в др.-р. *пансырь* из ср.-ниж.-нем. *panser*, др.-р. *пластырь* из ср.-верх.-нем. *pflaster* (Фасмер, III, с. 199, 274).

Не менее интересны слова *пощепавши грамотоу* во второй строке: автор прямо указывает адресату, что тот должен не забыть уничтожить это письмо, а именно, пощепать его (как лучину), т. е. раздрать вдоль волокон на много узеньких полосок-щепочек. Становится ясно, почему столь часто археологи находят именно такие щепочки, а не целые грамоты.

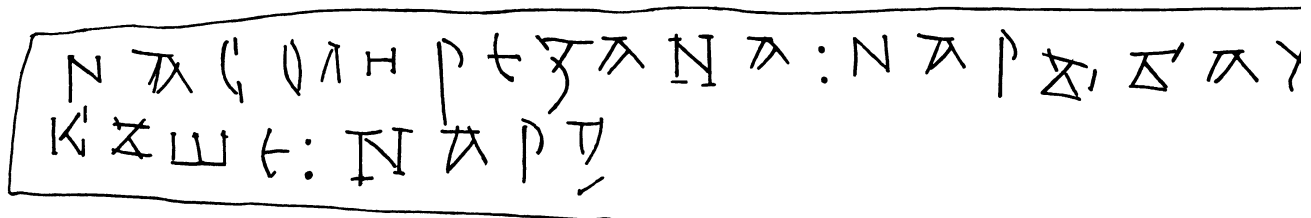
Грамота № 882

Найдена в выбросе Троицкого-XII раскопа.

Это недописанный документ из двух строк, дошедший до нас в целости:

насолире за на : на рыба хъ ре за на : на ко по усъ : д : ве
 къ ше : на р-

Длина 36,1 см, ширина 3,1 см.

Прорись грамоты № 882

Стратиграфической даты нет. Внестратиграфическая оценка: вторая – четвертая четверти XII в., предпочтительно не ранее середины (см. НГБ X, с. 401).

Текст делится на слова следующим образом:

На соли резана. На рыбахъ резана. На копоу съ 4 векъше. На р-...

Перевод: 'За соль резана. За рыб резана. На выплату (очевидно, наемному работнику) примерно четыре векши'. Вероятно, это смета расходов, составленная автором для себя самого.

Интересно слово *копа*, которое выступает здесь, судя по контексту, в значении 'плата', 'денежное вознаграждение', засвидетельствованном донныне только в Русской Правде (ст. 57 и 59).

Грамота № 883

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1310, на уровне пласта 12 (глубина 2,21 м), в напластованиях усадьбы Е. Это левая часть двух средних строк документа:

внуарад...
гривн...

Длина 6,2 см, ширина 2,1 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Сохранившиеся отрезки делятся на слова так: ... (гри)вну, а

Рад... гривн... Это фрагмент некоего реестра.

Прорись грамоты № 883

Грамота № 884

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1321, на уровне пласта 11 (глубина 2,19 м), в напластованиях усадьбы Е. Это левая часть узкой полоски бересты:

азъ же ГИ[к]...

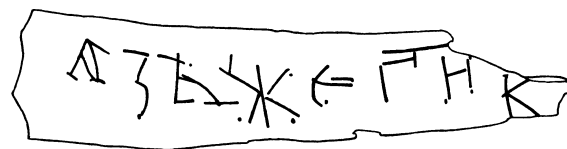
Длина 9,1 см, ширина 2,1 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

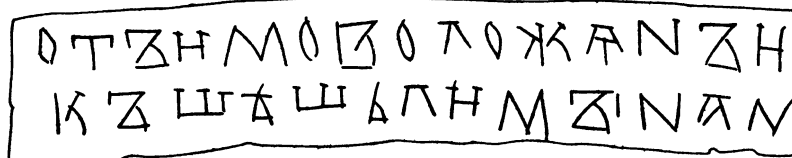
Текст делится на слова так: **Азь же, Г(оспод)и, [к]...**

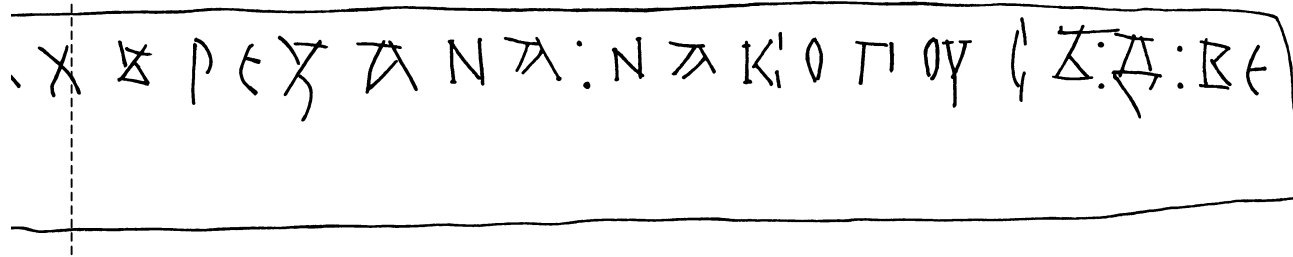
Грамота содержала отрывок из некоего церковнославянского текста (вероятно, псалма или молитвы). Частица *же* показывает, что отрывок был взят не из начала текста, а из середины.

Судя по характеру текста и по конфигурации берестяного листа, грамота, возможно, играла роль оберега (талисмана) — подобно грамоте № 674 (содержавшей псалтырный текст).

Прорись грамоты № 884

Грамота № 885

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1321, на уровне пласта 11 (глубина 2,17 м), в напластованиях усадьбы Е. Это первые две строки письма:

Почерк — тот же, что в № 844.

ОТЪ ИМОВОЛОЖАНЪ И ОТЪ ЖАБЛАНЪ КЪ ПЕТРУ И КЪ
 КЪ ШЪШЪЛИМЪ И НА МЪЛЕВЪ АИ [ВА] НЕ [КЪ] НА МЪ НЕ [СЪ]

Между *жаблань* и *къ Петру* стоит зачеркнутая буква *и*.

Длина 26,2 см, ширина 1,9 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Текст делится на слова следующим образом: **Отъ имоволожанъ и отъ жабланъ къ Петру и къ Акъшѣ. Шлы мы на Мълевѣ, а Иване къ намъ не съ...**

Перевод: 'От имоволожан и жаблян к Петру и Якше. Мы пошли на Млев, а Иван к нам не ...'

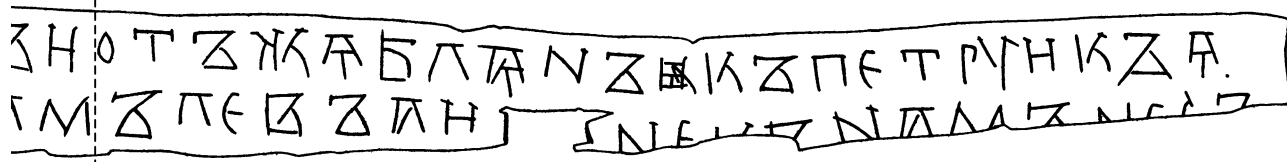
Термин *жабляне* (в грамоте № 872 *жабьяне*) означает жителей Жабенского погоста, расположенного восточнее северных плесов оз. Селигер, у южной границы Деревской пятины (НПК, I, с. 612–652). Пункт *Мълевъ* или *Мълево* находится на правом берегу р. Мсты в 18 км от ее истока из оз. Мстино. В средневековье он был центром громадного погоста, который при организации пятин был разделен на три одноименных: его левобережная часть стала Млевским погостом Деревской пятины (НПК, I, с. 130–153), а правобережная — Млевским Егорьевским и Млевским Спасским погостами Бежецкой пятины (НПК, VI, с. 304–355, 567–606). Термин *имоволожане* (в берестяных грамотах № 885 и 844; ср. также № 573) — обозначение жителей Имоволожского погоста, местоположение которого оставалось загадочным (его нет в писцовых и изгонных книгах), хотя о самом его существовании хорошо известно из докончаний Новгорода с великими князьями 1268, 1424, 1456 и 1471 гг. (ГВНП: №№ 3, 19, 22, 26) и из записи, которую оставил *бывый попинъ Илия* в сентябрьской-февральской Праздничной минее XII в. (РГАДА, ф. 381, № 131, л. 136 об.; Каталог, № 76).

Грамота № 885 позволяет локализовать этот топоним. Между Жабенским и Млевским погостами, согласно показанию писцовой книги, расположен Коломенский погост, заметной особенностью которого является наличие как бы двух центров: его западная часть тяготеет к сельцу Коломно на оз. Коломно, а восточная — к сельцу Березка на оз. *Имоложье* (НПК, I, с. 71–100). Совместное упоминание всех трех топонимов в едином контексте берестяной грамоты не оставляет сомнений в том, что восточная часть Коломенского погоста прежде составляла особый Имоволожский погост.

Этот погост расположен в местности, контролирующей волок из Тверцы в Мсту, т. е. в наиболее ответственном пункте главного торгового пути из Новгорода в среднерусские земли. Указанное обстоятельство разъясняет смысл формулярного постановления новгородских докончаний, касающегося финансового обеспечения князя (*А на Имоволожскомъ погостѣ куны ти [князю] имати*). Договор 1268 г. в той же позиции упоминает

Прорись грамоты № 885

наряду с Имоволожским также Важанский погост, который находился в среднем течении р. Свирь, т. е. на главном пути из Новгорода в Заволочье и другие северные земли.

Грамота № 886

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1372, на уровне пласта 12 (глубина 2,32 м), в напластованиях усадьбы Е. Это левая часть двух строк из середины документа:

Д[Ъ]К[Ъ]НАЗ[ЪМЬ]О[Б]А[В]-[В]...
НИБЕЗВАСЪАЛИМАИМЪЕ[Т]...

Прорись грамоты № 886

Почерк обнаруживает некоторое сходство с почерком грамоты № 878.

Вместо *к[Ъ]наз[ЪМЬ]* можно прочесть и *к[Ъ]наз[ЪМЬ]*.

Длина 15,3 см, ширина 1,3 см.

Стратиграфическая дата: первая треть XII в.

Сохранившиеся отрезки текста делятся на слова так: ... (пере)дъ кѣназьмь обав(и)в...; ...ни без васъ. Али ма имѣт...

Перевод: '... перед князем объявив...; ... без вас. Если же вы меня держите за ... (или: Если же он меня держит за ...)'.
Представляет интерес глагол *обавити* 'объявить', где в положении после приставки сохраняется древняя безйотовая форма корня *ав-*. При этом данный глагол здесь, по-видимому, следует расценивать как древнерусский, а не как церковнославянский (поскольку в берестяных грамотах церковнославянизмы в нормальном случае отсутствуют).

Грамота № 887

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1321, на уровне пласта 11 (глубина 2,20 м), в напластованиях усадьбы Е. Это два крохотных фрагмента документа, написанного на двух сторонах берестяного листа.

Внутренняя сторона

1-й фрагмент: ...ираб...

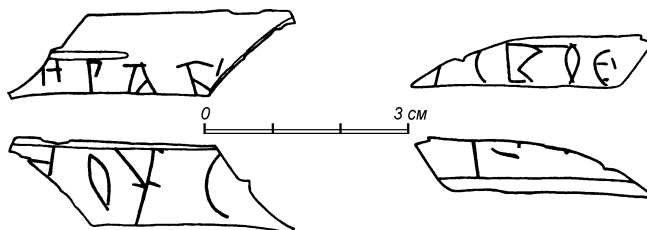
2-й фрагмент: ...свое...

Внешняя сторона (1-й фрагмент): ...[и]оус...

Длина фрагментов 4,2 и 3,5 см, ширина 1,3 и 0,7 см.

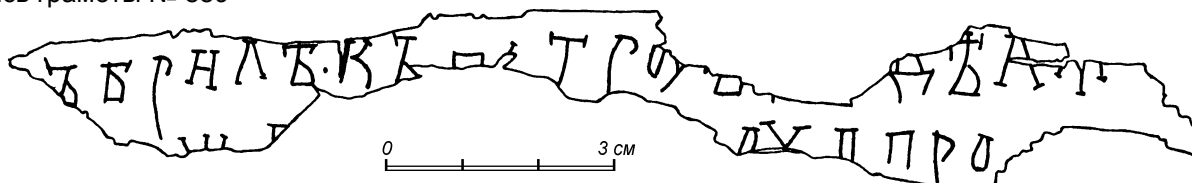
Стратиграфическая дата: середина XII в.

Разделению на слова фрагменты не поддаются.

Прорись грамоты № 887

Прорись грамоты № 889

Грамота № 888

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1320, на уровне пласта 12 (глубина 2,25 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая часть строки из середины письма:

...[БР]ѢСЪТ[В]ОРИ-КЛ(А)НАЮТИС-----А-ЕМЕБОУДИШЕЖЕ

Длина 48,0 см, ширина 2,0 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Фрагмент делится на слова так:

... (до)брѣ сътвори (и) кл(а)наю ти с(а) -----а-еме

Боудише же ...

Читаются только этикетные формулы и упоминание некоего Будиши (гипокористическое имя от *Будимирь* и т. п.). *Добрѣ сътвори* ‘сделай милость’, ‘пожалуйста’ — один из вариантов распространенной в XI–XII вв. формулы вежливости.

Грамота № 889

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1308, на уровне пласта 12 (глубина 2,35 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагмент двух начальных строк письма:

...ѢБРИЛѢ·КЪП[Ъ]ТРОУ[·БГ]-ДѢЛА
...оуопро...

Длина 15,7 см, ширина 2,1 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Текст делится на слова так: (...) (Ѣ) Дѣбрилѣ къ Пѣтроу.

Бг(а) дѣла ... оу о про...

Это очередное послание к Петру. Перевод: ‘От Добрилы к Петру. Бога ради, ...’

Грамота № 890

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1313, на уровне пласта 12 (глубина 2,30 м), в напластованиях усадьбы Е. Это левая часть двух строк из середины письма:

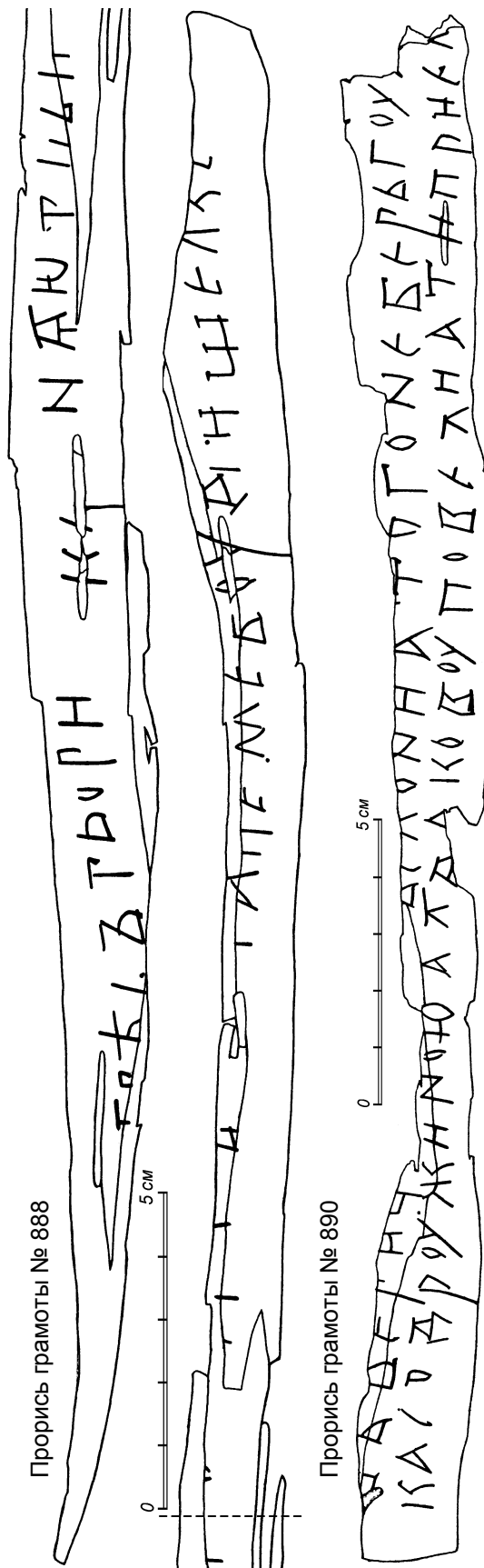
[ВѢ]ѦРИЦ-----[БѢ]ЛОНИАТОГОНЕБЕРЬГОУ[А]...
КАСОДРОУЖИНОЮАЛА[А]КОВОУПОВЕЛИАТИПРИЕ[М]...

Длина 26,9 см, ширина 2,2 см.

Стратиграфическая дата: середина XII в.

Текст делится на слова так: ... **въвериц-** -----**бе лони, а того не берьгоу. Ака со дружиною, ала Аковоу повели, ати прием(ле)...**

А того не бер(е)гоу — ‘а я этим пренебрегаю’ или ‘а они эти пренебрегают’; по контексту предпочтительно второе. *Ала* — ‘а иначе’, ‘в противном случае’, ‘или же’. Глагол *прияти* здесь скорее всего выступает в значении ‘арестовать’.

Перевод: ‘... деньги ... в прошлом году, а они этим пренебрегают. Так [пошли же (?)] ...ка (возможно, Петро-ка) с дружиной или же прикажи Якову, чтобы арестовал (?) ...’

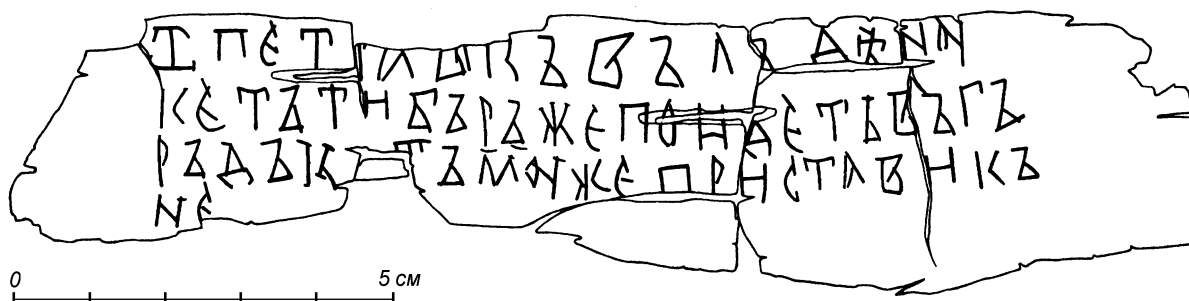
Это жалоба, вероятно, адресованная князю, на то, что жители некоторой волости, обязавшиеся в прошлом году выплачивать князю какие-то деньги, теперь этого обязательства не выполняют.

Яков — возможно, то же лицо, что Якша.

Грамота № 891

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1322, на уровне пласта 12 (глубина 2,35 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целое письмо из четырех строк:

Ѡпетракъвъльдьноу
кетътибрьжепойдетъвъ
гърьдъкътъмоужепроставикъ
не

Прорись грамоты № 891

Между *Петра* и *къ* одна буква, по-видимому, зачеркнута (скорее всего это было *в*).

Длина 15,6 см, ширина 3,7 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Текст делится на слова следующим образом:

Ѡ Петра къ Вльдьноу. Кетъ ти брьже поидеть въ гърьдъ, к(ъ) тъмоу же присти кне.

Это письмо уже хорошо известного нам Петра. Перевод: ‘От Петра к Володену. Кто раньше всех поедет в город, тому придай коня (т. е. с тем отправь в город коня)’.

Исключительный интерес с точки зрения древненовгородской морфологии представляет словоформа *кетъ* (<*кето*> ‘кто’, известная донныне по единственному примеру *кето* из сильно фрагментированной берестяной грамоты № 12 из Старой Руссы.

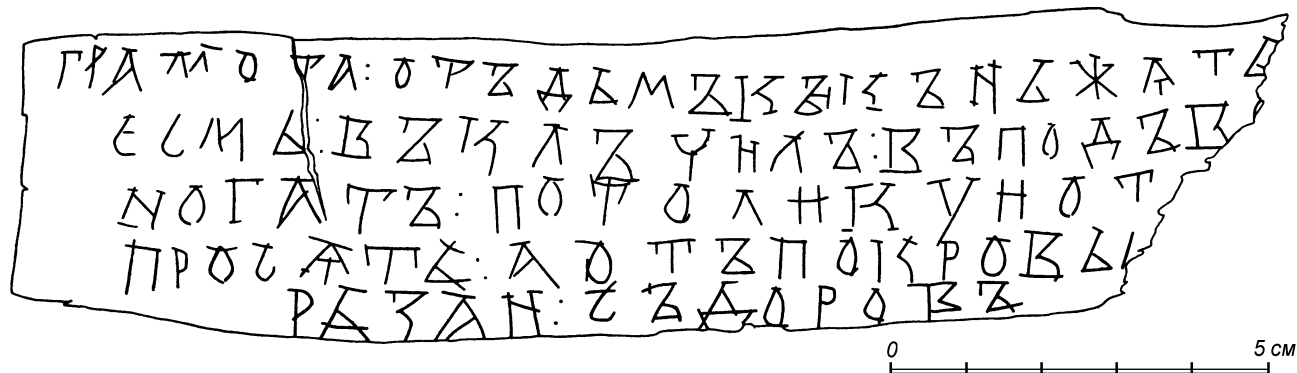
Брьже — ‘скорее’ (компаратив от *брьзъ*, *брьзо*).

Володѣнь — дохристианское имя отпричастного типа (от *володѣти*).

Грамота № 892

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1389, на уровне пласта 12 (глубина 2,26 м), в напластованиях усадьбы Е. Это левая часть письма из пяти строк:

грамота:отъдъмъкъкъньжать...
есмь:въкльчилъ:въподъв...
ногатъ:потоликуиот...
просать:аотъпокрывъ[ц]-...
ръзан:съдоровъ...

Длина 16,9 см, ширина 4,0 см.

Прорись грамоты № 892

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка: вторая – четвертая четверти XII в., предпочтительно не ранее середины (см. НГБ X, с. 302).

Текст делится на слова следующим образом:

Грамота отъ Дѣмькы къ Нѣжаты. ... есмь въкльчиль въ подѣв... ... ногать. По толику и от..., ... просать. А отъ покровьць(ь) рьзан. Съдоровъ (боуди).

Перевод с элементами реконструкции: 'Грамота от Демки к Нежате. ... я вложил в подволоки (?) [по столько-то] ногат. По такой цене и от[дай, если] спросят. А от покровцев ... [на столько-то] резан. Будь здоров'.

Нежата, видный боярин Людина конца, хорошо известен по более ранним находкам. Он фигурирует еще в четырех берестяных грамотах конца XI — 1 трети XII в. (№ 586, 635, 644, 742), а его сын (или сыновья) — также в № 855. Большинство этих грамот (все, кроме № 586 и 742) происходят с той же усадьбы Е. Демка может быть тем же лицом, что Демша в № 849.

Подволока — женская верхняя одежда. *Покровьць* — плат, покрывало различного назначения; слово известно прежде всего как церковный термин ('покрыв на чашу и дискос'), но оно могло означать и покрывало бытового назначения (см. Слов. XI–XVII, 16, с. 178, статья *покровецъ*, знач. "д").

Словам *есмь въкльчиль* предшествовало всего одно фонетическое слово; скорее всего это было наречие (например, *нынѣ*) или союз, соотнесенный по смыслу с *по толику* в следующей фразе (например, *како, како ти, како то*). Конъектура *подѣв(олокы)* представляется наиболее вероятной: судя по слову *покровьць*, речь шла о торговле изделиями из тканей. После *а отъ покровьць* могло быть сказано, например, 'возьми (*или*: осталось, и т. п.) на столько-то резан'.

Слово *въкльчити* ранее не засвидетельствовано. Ср., однако, *съклочити* 'истратить' (Срезн.), *кльчить* деньги 'мотать, сорить [деньгами]' (Даль); хорошо представлено также значение, связанное с влезанием в долги: *кльчити на себя долгъ* 'брать на себя, накапливать долги' (Слов. XI–XVII, 7, с. 180), *много на себя долгу вскловичь* (из акта 1518 г., см. Фасмер, статья *склока*), *кльчить долги* 'накапливать, увеличивать долги' Перм., Прикам. (СРНГ, 13, с. 307), *печка дровичт, долги клочит* (лакомая еда навлекает долги) (Даль, статья *дрочить*), *накльчил на себя долгу-ту как шелку* Перм., Урал. (СРНГ, 19, с. 330). Эти параллели позволяют предположить для *въкльчити* значение 'потратить [деньги], вложив их во что-то' или даже более узкое значение, при котором, кроме того, имеется в виду, что закупка производится в долг.

Грамота не имеет никаких признаков древненовгородского диалекта.

Грамота № 893

Найдена на Троицком раскопе в виде трех фрагментов, в квадрате 1321, на уровне пласта 12 (глубина 2,22, 2,25, 2,25 м), в напластованиях усадьбы Е. Это сохранившиеся лишь частично четыре заключительные строки первоначального текста, к сожалению, с большими разрывами текста между строками.

Первоначальная длина берестяного листа была не менее 62 см (это самая длинная по размеру из известных ныне берестяных грамот). Если первоначальная ширина листа была, допустим, около 20 см, то такой лист мог содержать порядка 800 слов. Разумеется, текст мог быть записан и на нескольких листах.

Грамота написана тем же почерком, что письмо Марты (№ 853/898) и фрагмент № 874. Таким образом, либо Марта пользовалась при написании писем услугами третьего лица, либо это именно она переписала для себя поучение. Как уже отмечено при грамоте № 853/898, не исключено, что № 893 — это конец того же самого письма Марты.

...[ε:]-[ъшьницъ:в:осминѣи] ...

самъабьноже:промышлаа:въдомоу:рано:въстани:апоздола[аги:а]азо[ти:есм]...

...[ти:б]оу[д]оуть:ичъревиѣ:ивъхо:ачитинебоудть:солили:соущ[а]-(--)[п]рисовестъ:[съпы]

...[б]ε[д]ь[л]а:алити:[нед]ьлаета:анаѣми:въна:наимито:

Длина лакуны между *соущ[а]* и *[п]рисовестъ* (в строке 3) в точности неизвестна; предположительно она составляет от 1 до 4 букв.

Длина основной части 52,1 см, ширина 2,3 см. Длина правого фрагмента 9,3 см, ширина 1,2 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Внестратиграфическая оценка блока грамот № 893+853/898+894: первая половина – середина XII в. (см. НГБ X, с. 303).

Текст делится на слова следующим образом.

Строка 1: ...е (п)ъшьницъ 2 осмине и ...

Строка 2: ... самъ. Аьно же промышлаа въ домоу, рано въстани, а поздо лаги. А азо ти есм(ь) ...

Строка 3: ... ти бооудуть, и чъревиѣ и въхо. Ачи ти не боудть солили соуща, (а) (--) присовестъ, съпы(та)...

Строка 4: ...бе дьла. Али ти не дьлаета, а наѣми въ на наимито.

Перевод. Строка 1: ‘... пшеницы две осмины ...’ Строка 2: ‘... [делай] сам. Если же ведаешь домом, то рано встань, а поздно ляг. А я ...’ Строка 3: ‘... [рыбу солите как] есть — и потроха, и всё. Если же не будете солить суща, [а где] случаем сведаете — испробовав, [купите] ...’ Строка 4: ‘... ради; если же они (родители) [уже] не могут трудиться, то найми для них работника’.

Это фрагмент литературного произведения — поучения об управлении домом, своего рода “Домостроя” XII века. Очевидно, оно состояло из слабо упорядоченных отдельных предложений частью нравоучительного, частью конкретно-хозяйственного характера. Центральная фраза находит ближайшее соответствие в “Поучении” Владимира Мономаха (если отвлечься от его собственно военной стороны): *ни питью, ни ъденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами нараживайте; и ночь, ъвсюду нарадивше ѡколо вои, то же лазите, а рано встанѣте* (Лавр., л. 80 об.). Ср. также прямое упоминание дома у Мономаха, причем, как и в № 893, в контексте требования, чтобы хозяин делал все необходимое сам: *са^м твориль, что было надобѣ, весь нарадѣ, и в дому свое^м то на твориль е(с)мь* (л. 83).

Если верно предположение о том, что фрагмент № 853/898 принадлежит этому же документу, то перед нами обширное послание Марты, в котором вначале сообщалось о том, откуда выписаны нравоучительные предложения, а затем следовали сами предложения.

В корпусе берестяных грамот, если не считать грамот церковного и учебного характера, крайне мало таких, где записан не только что родившийся под пером автора текст, а уже готовое произведение. Это прежде всего заговоры (№ 521, 715, 734); к числу народно-литературных произведений можно отнести также школьную шутку (№ 46). До находки грамоты № 893 к собственно литературным текстам можно было отнести только грамоту № 10, которая содержит загадку, взятую из апокрифической литературы (причем это не берестяная грамота в обычном смысле слова, а надпись на ободке берестяной чашечки, т. е. запись, имеющая несколько особую функцию).

На этом фоне находка грамоты № 893 оказалась подлинной сенсацией. Береста была в древней Руси элементом (и как бы символом) повседневного быта — в отличие от пергамента, принадлежавшего миру церкви и

книжников. Грамота № 893 показала, что в этот “берестяной мир” могли входить и литературные произведения. (А через два года это открытие получило решающее подтверждение с находкой грамоты Торж. 17 [см. ниже в настоящем томе, с. 131–134].)

Следующий сюрприз, связанный с грамотой № 893, состоит в том, что, вопреки естественному ожиданию, содержащийся в ней литературный текст оказался написан не на стандартном древнерусском языке (не говоря уже о церковнославянском), а на древненовгородском диалекте. Это видно из словоформ *въхо* ‘всё’ (с *x*, а не *c*), *самь* <*same*> ‘сам’ (с окончанием *-e*), *лаги* ‘ляг’ (с *z*, а не *z*).

Важно также то, что текст записан не по книжной, а по бытовой системе, т. е. тем же способом, что и обычные письма. Это показывает, что данная система расценивалась как приемлемая и для литературных текстов, если они переписывались для домашнего употребления. (Также и этот вывод был в дальнейшем подтвержден находкой грамоты Торж. 17.)

Из лексических особенностей грамоты нужно прежде всего отметить нигде более не встречающееся слово *абыно*, которое, судя по контексту, означает ‘если’, ‘когда’, ‘коль скоро’. Следует полагать, что *но* здесь — частица (та же, что в *ано*, *ино*, *оконо* и т. д., ср. выше, № 809), а часть *абы* родственна наречию *абиж* (*абыж*) ‘тотчас’. Сохранение начального *a* (без йотации) определяется здесь теми же причинами, что в союзах *a*, *аче*, *аже*, *ати* и т. п.

Промышлати въ дому — ‘заботиться о доме’, ‘заниматься домашним хозяйством’, ‘ведать домом’.

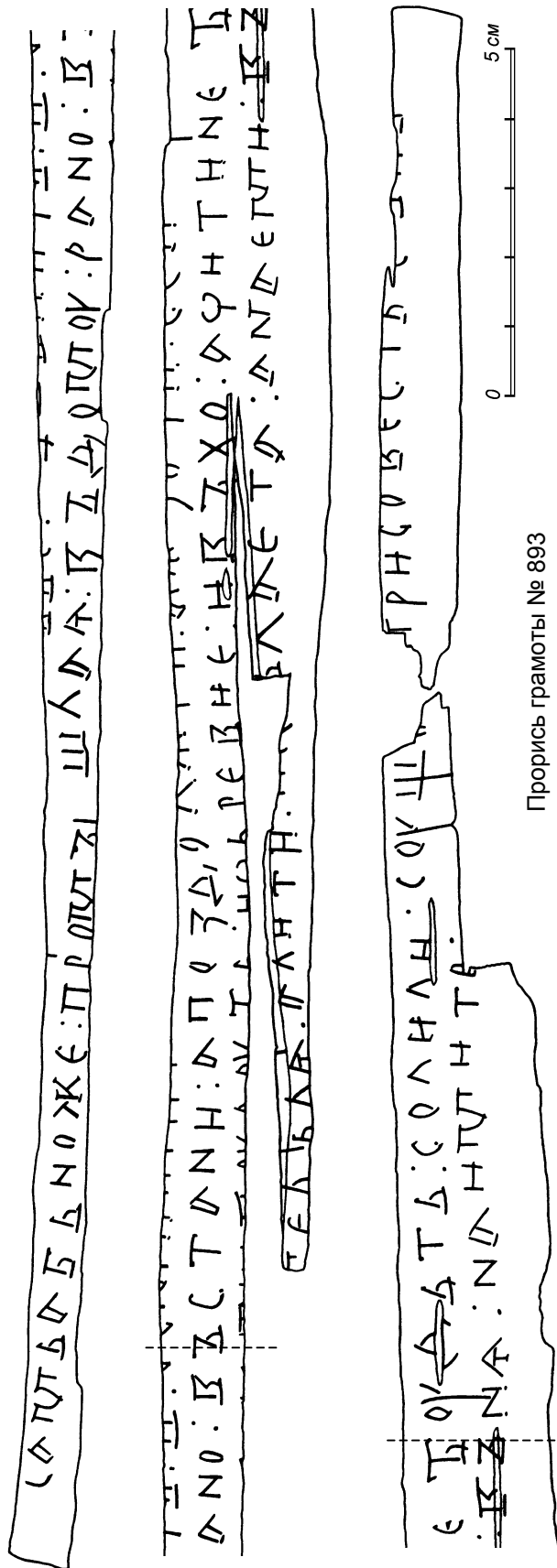
Собирательное *черевьє* — ‘внутренности’, ‘потроха’.

Суць — ‘сущик’ (мелкая соленая и сушеная рыба).

Написание [*n*] *присовєсть* следует интерпретировать как <*присъвьѣсте*> — 2 мн. презенса от не засвидетельствованного другими источниками глагола *присъвьѣдѣти*. Морфологическая структура и контекст позволяют предположить для него значение ‘при случае узнать’ (о подходящем товаре и т. п.). Ср. др.-русск. *съвьѣдѣти* (и *съвьѣдати*) ‘знать, узнать’; также у Фенне (363): *svedaies ty takoff tovar vinich kuptzoff, y ty mnie bez vesti ne dirsi*. С другой стороны, ср. у Даля (III, с. 463): *присовѣдомиться* (о чем) ‘осведомиться при случае’. Приставка *при-* в составе *присъвьѣдѣти* могла также привносить значение ‘для себя’, ср. *присмотрѣть*, *приискать*. При этом значения ‘для себя’ и ‘при случае, попутно’ вполне совместимы, ср., например: *гуляя по городу, присмотрел себе в витрине шляпу*, и т. п.

Дѣлати — здесь ‘работать’, ‘трудиться’.

Наимить — ‘наемный работник’, ‘батрак’.

Прорись грамоты № 893

Грамота № 894

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1324, на уровне пласта 12 (глубина 2,39 м), в напластованиях усадьбы Е. Это крохотный фрагмент:

...ТЕТЫНЬПО...

Длина 7,8 см, ширина 0,9 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Надежного разделения на слова фрагмент не имеет.

Возможно, в тексте имеется словоформа **Тетынь** (от имени собственного *Тетына* или *Тетына*).

Прорись грамоты № 894

Грамота № 895

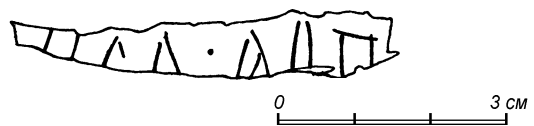
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1308, на уровне пласта 12 (глубина 2,38 м), в напластованиях усадьбы Е. Это крохотный фрагмент:

...[ИСА]·АОП...

Длина 5,0 см, ширина 0,8 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Ни одного целого слова, кроме союза *а*, выделить нельзя.

Прорись грамоты № 895

Грамота № 896

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1417, на уровне пласта 12 (глубина 2,20–2,40 м), в напластованиях усадьбы Е. Это концы двух строк из середины документа:

...ЕШИКНАЗЮ

... ААЗЪТИ

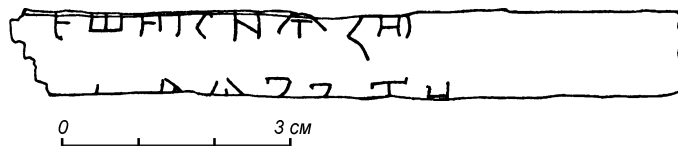
Длина 8,7 см, ширина 1,1 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

Сохранившиеся отрезки делятся на слова так:

...еши князю ...; а азъ ти ...

Важно упоминание князя. Перед *князю* могло стоять, например, *речеши*, *покажеши*, *боудеши* и т. п. Словами *а азъ ти* начиналась новая фраза ('а я вот...') или заключительная формула *а азъ ти са кланю*.

Прорись грамоты № 896

Грамота № 897

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1540, на уровне пласта 12 (глубина 2,32 м), в напластованиях усадьбы С. Это левая часть двух строк письма (возможно, заключительных):

НАНЬНАИВНАИИВЫВЪДАИ...

[Д]А[С]Т[ЪЗ]А(-)-----ОУМОЛАСА

Длина 23,1 см, ширина 1,8 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

Текст делится на слова так: ... **на нь на Ивана. А и вывѣдай(...)** ... **дасть за (-)-----оу моласа (...)**.

Понятны лишь отдельные отрезки: '... на него, Ивана. Выведай же ...'. Далее можно усмотреть: '... даст за [такого-то], молясь (*или*: прося) ...' или, несколько иначе, '... даст, за [такого-то] молясь ...'

Иван — вероятно, тот же, что в грамотах № 586, 633, 736, 903 (ср. еще Иванко в № 907), т. е. предположительно посадник Иванко Павлович.

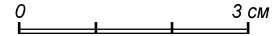
Грамота № 898

Во время полевого сезона этот фрагмент получил отдельный номер. В ходе последующего изучения полевых материалов его удалось соединить с фрагментом № 853. См. выше № 853/898.

Грамота № 899

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1427, на уровне пласта 12 (глубина 2,40–2,60 м), в напластованиях усадьбы Е. Это средняя часть первой строки письма:

...тръкоу:ижьтоход...

Длина 11,6 см, ширина 1,0 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

Фрагмент делится на слова так: ...тръкоу. Ижь то ход...

Скорее всего ...тръкоу — это конец от *Петръкоу* (т. е. это еще один документ, относящийся к Петроку). По-видимому, в грамоте говорилось: 'От такого-то к Петроку. Тот, кто ходил...'.
Прорись грамоты № 899

Отметим *ижь то* (= *иже то*) 'тот, кто', с релятивизатором *то* (см. ДНД₂, § 4.35).

Грамота № 900

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1584, на уровне пласта 12 (глубина 2,38 м), в напластованиях усадьбы Е. Это начальная строка без правого края и фрагмент следующей строки:

отъгъбъницькъстаростѣпрадаи хотъжъръ: не можемъ его тищат...
-[в]ъсе[л]ѣгривън--та...

Длина 29,8 см, ширина 1,8 см.

Стратиграфическая дата: 20-е–30-е гг. XII в.

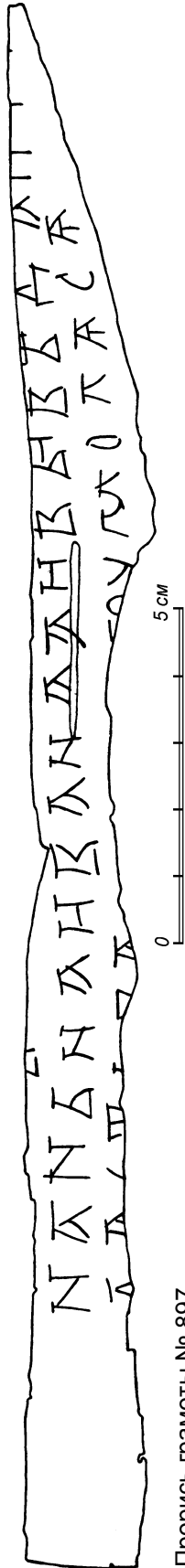
Текст делится на слова следующим образом:

Отъ гъбъниць къ старостѣ. Прадаи Хотъжъръ: не можемъ его тищат(и) ...; въ селѣ гривън- -та...

Перевод: 'От гобничей (или: гибничей) к старосте. Наложити штраф на Хотъжера: не можем его терпеть ...'; после лакуны: '... в селе гривна ...'

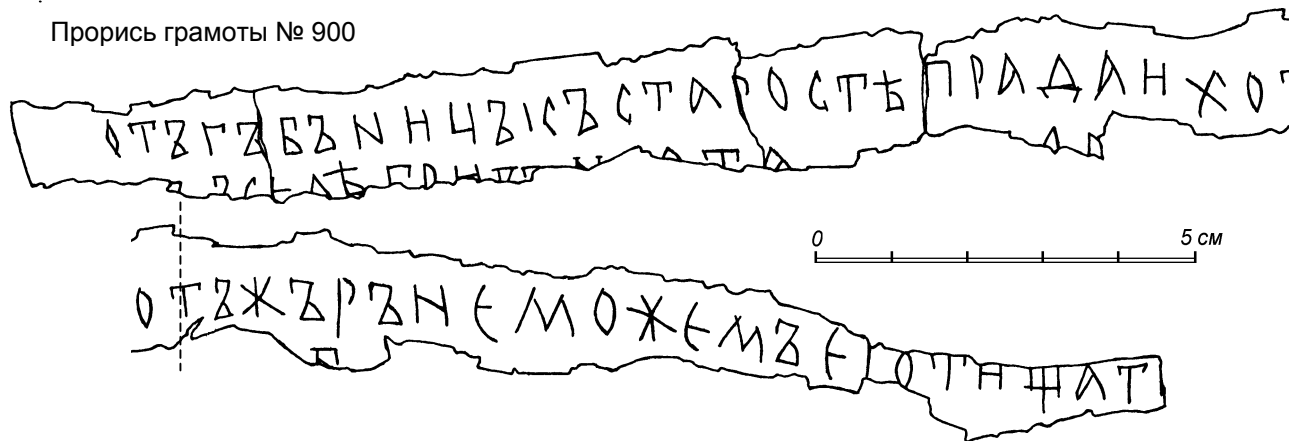
Грамота написана по одноеровой системе. В *прадаи* написание *a* вместо *o* — очевидно, простое предвосхищение следующего *a*.

Письмо исходит от жителей села *Гъбно*. По-видимому, это тот же населенный пункт, который в НПК, II, с. 500 называется *Гибно* (из ранне-др.-р. *Гыбно*). Вариантность *гъб-/гыб-* — такая же, как, например, в чеш. *hebký* (также *hebný*) 'гибкий, мягкий' — *hubký* 'то же'; см. ЭССЯ 7, с. 189, 219, статьи **гъбъкъжь*, **гъбъпъжь*, **губъкъжь*. Впрочем, нельзя исключать и того, что автору этой грамоты просто был свойствен эффект *ы* → *ь*, т. е. что за *гъб-* здесь стоит ⟨*гыб-*⟩.

Прорись грамоты № 897

Прорись грамоты № 900

Уникальное языческое имя *Хотьжьрь* можно сопоставить с топонимом *Люджерцы* (НПК, III, с. 822), предполагающим исходное имя *Люджьрь*. В обоих случаях мы скорее имеем здесь дело не с *жьр-* 'пожирать', а с *жьр-* 'приносить жертву'.

С лингвистической точки зрения очень важно то, что в словоформе В. ед. *Хотьжьрь* выступает древнее окончание *-ъ* (а не новое *-а*).

Тицати — 'терпеть', 'переносить' (см. Срезн., III, с. 966); слово неоднократно встречается, в частности, в Жит. Андр. Юрод.

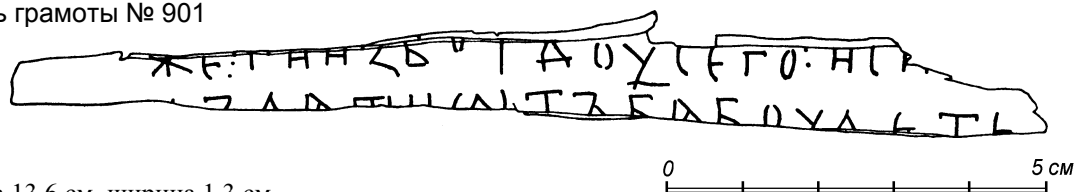
[1999]

Грамота № 901

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1387, на уровне пласта 13 (глубина 2,44 м), в напластованиях усадьбы Е. Это левая часть двух строк из середины документа:

же ти избоудоусего: иск[к]...
 --[з.д.]атиштъбабу[д.]ет[ь]...

Прорись грамоты № 901

Длина 13,6 см, ширина 1,3 см.

Стратиграфическая дата: первая четверть XII в.

Текст делится на слова так: ... **же ти избоудоусего:иск...**, (мъ)зда ти ѿтъ **ба** боудеть ...

Перевод: '... если избавлюсь от этого ..., мзда тебе будет от Бога ...'

Грамота № 902

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1395, на уровне пласта 14 (глубина 2,71–2,78 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целое письмо из четырех строк:

Ѡдомагостикъ хотѣноуѣзьскѣ
роздробилипольпатадесатегривнѣ
да азъ титоусѣжоувълъчиноусипо
сѣлимоужьинѣ:

Длина 20,3 см, ширина 4,0 см.

Стратиграфическая дата: рубеж XI/XII вв.

Текст делится на слова следующим образом:

Ѡ Домагости къ Хотѣноу. Ѣзьскѣ роздробили поль пата десате
гривнѣ. Да азъ ти тоу сѣжоу, а Вълъчиноу си посьли моужь инѣ.

Перевод: 'От Домагостя к Хотену. В Езьске разверстали сорок пять
гривен. Да я-то тут сижу, а в Волчино пошли другого человека'. Это сооб-
щение сборщика дани о положении дел на местах.

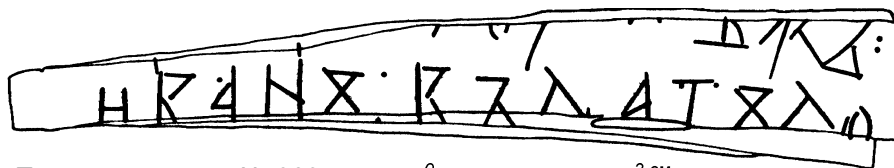
Хотен — одна из важнейших фигур усадьбы Е второй половины XI —
начала XII в. Ему адресованы письма № 902, 909, 912; возможно, от него ис-
ходит письмо № 742; его именем помечены деревянные цилиндры № 15 и 21.

Отметим *здр* в *роздробили*. Представляют интерес Р. ед. *i*-склонения
Домагости и беспредложные М. ед. *Ѣзьскѣ* и Д. ед. *Вълъчиноу*.

Грамота № 903

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1422, на уровне пласта 14
(глубина 2,72 м), в напластованиях усадьбы Е. Это полторы строки из
середины документа:

...[оу]-(-)[ѣ]ж[ѣ]:
ИВАНЪ:ВЪДАТЪДО

Прорись грамоты № 903

В конце первой строки могло стоять и [ѣ], а не [ѣ]: верха нет; но судя по
наклону, ѣ вероятнее. Если это действительно ѣ, то грамота одноеровая.

Длина 12,1 см, ширина 1,6 см.

Стратиграфическая дата: рубеж XI/XII вв.

Текст делится на слова так: ...оу --(-)ѣжъ Иванъ: вѣда Тѣдо(р)- ...

Может быть, в верхней строке стояло *повѣжъ*. Тогда фрагмент можно
истолковывать так: '... скажи Ивану: дал Тудо[р] ... (или: дай Тудо[ру])' (где
вѣда — либо аорист, либо недописанное *вѣдаи*); менее вероятно 'даст Ту-
до[р] ...' (где *вѣда* — презенс).

Судя по месту находки и по дате, Иван — тот же, что в грамотах № 586,
633 и 736, т. е., по-видимому, будущий посадник Иванко Павлович. Очевидно, он же упоминается под именем
Иванько в грамоте № 907 (см. ниже). Об имени *Тудоръ* см. при № 789.

Представляет значительный интерес буква ѣ (полый юс большой), встретившаяся в этом тексте дважды (к
сожалению, правда, самый низ буквы в обоих случаях оторван, что несколько уменьшает надежность этих при-
меров). Ранее эта буква была отмечена только в существенно более поздних берестяных грамотах — в азбуке
№ 778 (нач. XIII в.) и в фрагменте № 151 (2 четв. XIII в.).

Прорись грамоты № 902

Грамота № 904

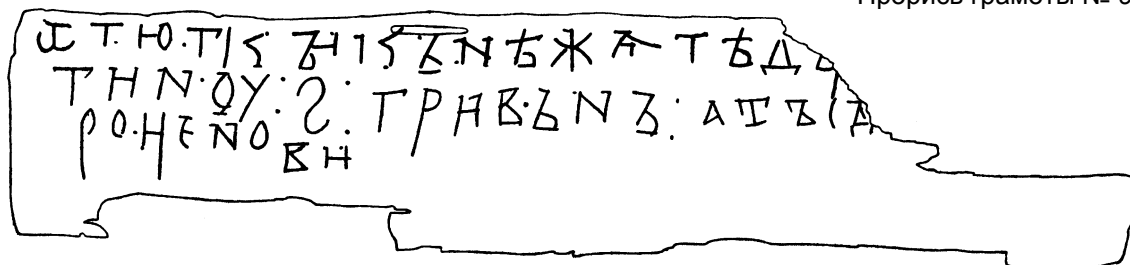
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1515, на уровне пласта 14 (глубина 2,64 м), в напластованиях усадьбы Е. Это письмо из трех строк, утратившее концы первых двух строк:

ЎТЮТКЫКЪНЪЖАТЪД[а]-----(-)

ТИНОУ:З:ГРИВЪНЪ:АТЫД-----(-)

роценови

Прорись грамоты № 904

Длина 14,9 см, ширина 3,1 см.

Стратиграфическая дата: первая четверть XII в.

Для первой лакуны наиболее вероятна реконструкция $\delta[а(и\ Късна)]\mid$ тиноу; речь шла скорее всего о том же человеке, которому адресована грамота № 915.

В конце документа, вероятно, фигурировало имя *Дрочень*. Можно предложить реконструкцию $\delta(аи \dots Д)\mid$ роценови, где после *даи* стояла какая-то цифра. Менее вероятно, что было сказано просто $\delta(аи Д)\mid$ роценови (поскольку в этом случае места было бы вполне достаточно, чтобы не делать нехарактерного для данной эпохи переноса через согласную).

Текст (с конъектурами) делится на слова следующим образом:

Ў Тюткы къ Нѣжатѣ. Да(и Късна)тиноу 6 гривень. — А ты д(аи ... Дроченови.

Последняя фраза грамоты (начинающаяся с *а ты*) написана другим почерком, несколько более мелким (отличаются от основного почерка в особенности начертания букв *р*, *ы*, *т*). Судя по словам *а ты*, эта часть обращена уже не к Нежате, а к другому лицу. О возможных вариантах коммуникативной ситуации, стоящей за документом такой структуры, см. статью А. А. Гиппиуса в настоящем томе, с. 227.

Перевод (с конъектурами): 'От Тютки к Нежате. Дай Коснятину шесть гривен'. Вторая часть: 'А ты дай [столько-то] Дрочену'.

Нежата — лицо, хорошо известное по целому ряду берестяных документов конца XI — первой трети XII в., найденных на той же и соседних усадьбах Троицкого раскопа: № 586, 635, 644, 742, 892. В грамоте № 855 середины XII в. фигурируют Нежатиничевы отроки, т. е. косвенно упомянут сын (или сыновья) Нежаты. Имя Нежаты стоит также на деревянном цилиндре № 14.

Имя *Тют(ь)ка* — либо иноязычного, либо звукоподражательного происхождения. У Даля отмечены, в частности: *тjóтя* 'дворовая птица', 'тихий, смиренный человек, "мокрая курица"' (вятск.), 'увалень, неряха, замарашка' (пск.); *тjóтька* 'щенок, котенок', 'собачонка, собачка' (зап.); *тjóтень* 'глиняный плавильный горшок кубышкой, под горлом широкий'. По Фасмеру, *тjóтя* 'курица и т. п.' — звукоподражательное (от *тю-тю-тю* — подзывание кур); этимология слова *тjóтень* неясна. В древнем Новгороде имена с корнем *тют-* были достаточно известны: в НПК находим деревни *Тютково* (V, с. 633; VI, с. 440), *Тютковичево* (I, с. 115), *Тютницы* (III, с. 12, 568, 569), также *Тютковское* поле (V, с. 631) (ср. еще *Тюшино*, *Тюхино*), из антропонимов — *Тютевъ*, *Тютчевъ*, *Тютихинъ*, *Тютюхинъ*, также *Тюша*, *Тюшинъ*, *Тюхинъ*. Из Тупикова (с. 851) особо отметим: *Данило Тюткинъ*, вологодский земский целовальник XVII в. (но *Яцко Тютка* [западн., XVI в.], возможно, относится не сюда: в данном случае это прозвище может восходить к *тетька*).

Словоформа *Тюткы*, засвидетельствованная в столь ранней грамоте, представляет значительный лингвистический интерес: во-первых, она показывает, что в эту эпоху уже допустимо сочетание [т'у], во-вторых, в ней

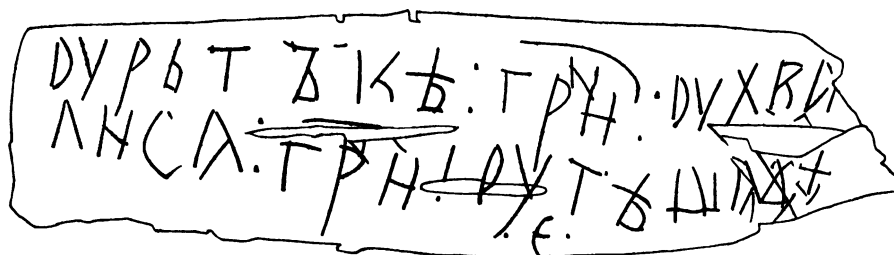
уже не обозначен редуцированный. Это самый ранний в нынешнем фонде берестяных грамот пример пропуска редуцированного между двумя шумными согласными.

Имя *Дрочень* — отрицательное ('ласкаемый, заласканный'); корень тот же, что в именах *Дрочка* (в грамоте № 87), *Дрочила* (в № 344, 775).

Грамота № 905

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1394, на уровне пласта 15 (глубина 2,80–2,90 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целый документ из трех строк:

оурьтъкъ:гри:оухва
 лиса:гри:оутъшадъ
 •ε•

Прорись грамоты № 905

По-видимому, этим же почерком написаны также грамоты № 908 и 910 (неполная уверенность связана с тем, что все три грамоты очень кратки).

Длина 11,7 см, ширина 3,2 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XI в.

Текст делится на слова так: **Оу Рьтъкъ гри^и. Оу Хвалиса гри^и. Оу Тъшадъ 5.**

Перевод: 'У Ретки гривна. У Хвалиса гривна. У Тешаты 5 [гривен]'.
 Хорошо известное имя *Тъшата* в данном случае записано с *д* вместо *т* (в суффиксе); см. об этом ниже, при грамоте № 908.

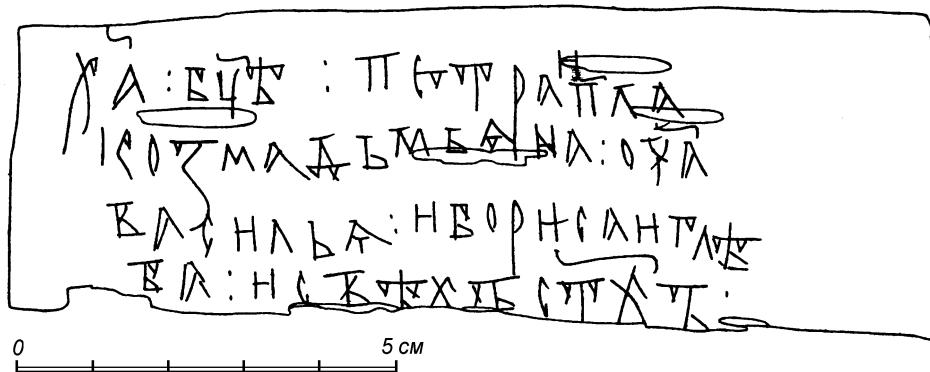
Первое из имен могло иметь вид *Рьтъка* или *Ретька*. В первом случае его допустимо связывать с глаголом **rbt-*, отразившемся, как предполагают, в слове *рнуть* < **rbotь*, ср. лит. *ritù, risti* 'катиться' (см. Фасмер, III, с. 509). Во втором случае это производное от *реть* 'распря', 'ссора', 'свара'; неясно, есть ли здесь связь со старопольским *Retka* (SSPNO, IV, с. 463) и именем писца Супрасльской рукописи *Ретько* (поскольку для этих имен обычно предполагают *re-* из *ra-*).

Имя *Хвались*, возможно, представляет собой этноним, используемый как прозвище (ср. *Чюдинъ, Грьчинъ* и т. п.); *хвалиси* 'хорезмийцы' упоминаются в Повести временных лет, *Хвалисьскоѡ море* — Каспийское. Другая возможность — связь с собственно славянским **xvališь/*xvališa* 'хвастун' (см. ЭССЯ, 8, с. 119); ср. также в НПК (V, с. 250) деревню *Хвалитово*.

Грамота № 906

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1409, на уровне пласта 16 (глубина 3,13 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целый документ из четырех строк:

х̄а:б̄ц̄ъ:п̄етра̄п̄ла^и
 козмадьмьана:о̄ѡ
 василья:иборисаигл̄ъ
 ба:исв̄ъх̄ъст̄х̄ъ

Прорись грамоты № 906

Длина 12,1 см, ширина 4,3 см.

Стратиграфическая дата: третья четверть XI в.

Текст делится на слова следующим образом:

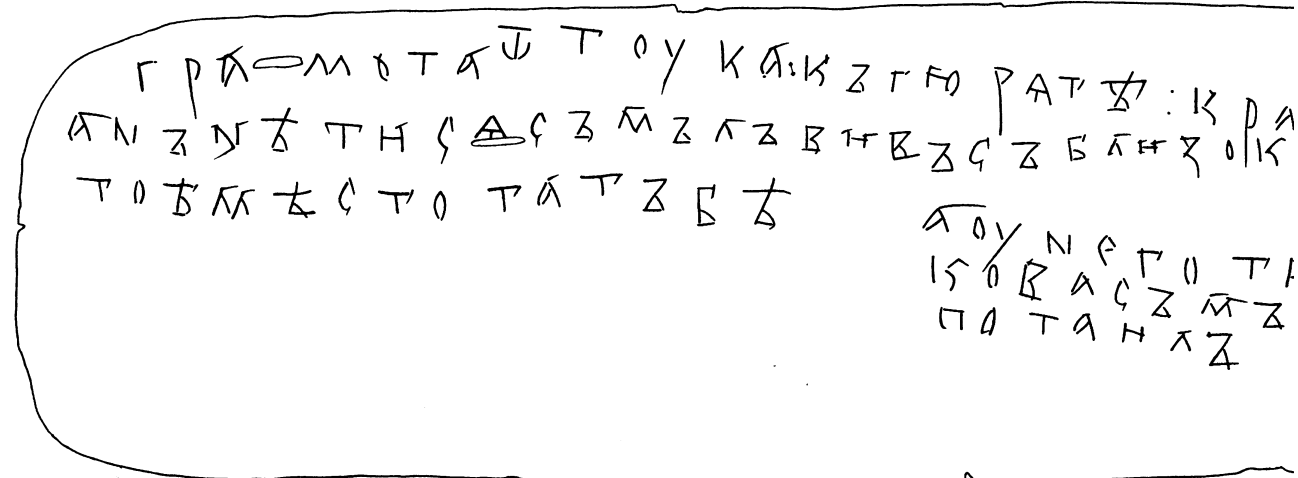
Х(рист)а, Б(огороди)ць, Петра и П(ав)ла, Козмадьмьана, о(тъ)ча Василья, и Бориса и Глѣба, и свѣхъ с(ва)т(ы)хъ.

Грамота написана безупречно каллиграфическим книжным почерком. Поп записал себе для памяти ключевые слова отпуска, т. е. литургической формулы, завершающей службу. Выбор святых в составе этой формулы (кроме заключительного “всех святых”) непостоянен — он зависит от дня года, от храма и др. Родительные падежи определяются подразумеваемым *молитвами* (или *молитвъ ради*).

Исключительный интерес представляет упоминание Бориса и Глеба. Это самый ранний ныне известный подлинный документ с их именами, и они уже выступают в перечне святых. Борис и Глеб были канонизованы в 1071 г. Грамота № 906, очевидно, относится ко времени, очень близкому к этой дате. Это свидетельствует об исключительной скорости распространения их культа.

Под отцом Василием здесь, согласно Б. А. Успенскому (2000, с. 44), следует понимать отца Бориса и Глеба Владимира, в крещении Василия.

Отметим отсутствие ъ в имени Глеба — такое же, как в Тьмутараканской надписи 1068 г., в отличие от *Глѣбѣ* в Изборнике 1073 г., л. 1 об. (см. об этом также ДНД₂, с. 279). Написание *Козма* (без вставного ъ) для памятников XI в. обычно (в частности, так в Остромировом и Архангельском евангелиях). Запись *свѣхъ* (вместо *вьсѣхъ* или *всѣхъ*) с точки зрения истории редуцированных малопоказательна: автор написал *св-* явно под влиянием последующего слова *святыхъ*. Вдобавок, ошибке здесь способствовало то, что для него форма *с-* (а не *-х-*) вообще была чуждой: ни *свѣхъ*, ни *вьсѣхъ* (или *всѣхъ*) не совпадало с его диалектным *вхѣхъ*.

Грамота № 907

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1483, на уровне пласта 14 (глубина 2,62 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целое письмо из шести строк (с небольшой незаконченной записью на обороте).

Внешняя сторона

грамота ѿ тоука : къ гюратѣ : крали ти братъни холопи а оу брата
 а нъ нѣ ти са съмъ лъ вивъ съ близо къ : въ тѣ ка лѣ въ [т] оу татѣ боу въ
 то ѣ мѣ стотатѣ бѣ

а оу него ти крадено : а тѣ ти възалъ оу Иванъ
 кова съмъ рѣ да : ꙗ г ривнъ : а татѣ боу кнѣ жоу
 потаилъ

Внутренняя сторона

а оу него тик

В строке 2 в словах *въ [т]оу* буква *т* написана поверх *н* (или наоборот). Скорее всего автор сперва хотел написать *въ не* 'в это' или *въ ню* 'в нее', но, дойдя до *н*, передумал и исправил на *въ тоу татѣ боу*.

Грамота тщательно обрезана; обоим краям придана овальная форма.

Текст отчетливо делится на основную часть и добавление (приписку). Закончив (словом *татѣ бѣ*) основную часть, автор вначале перешел на оборот листа; но, написав *а оу него ти к*, передумал и вернулся на лицевую сторону. Здесь он поместил приписку правее и ниже основной части письма. Возможно, ему не понравилось, что оборот листа слишком черный и на нем плохо видны буквы.

Длина 38,5 см, ширина 7,4 см.

Стратиграфическая дата: начало XII в.

Внестратиграфическая оценка: первая четверть XII в. (см. НГБ X, с. 299).

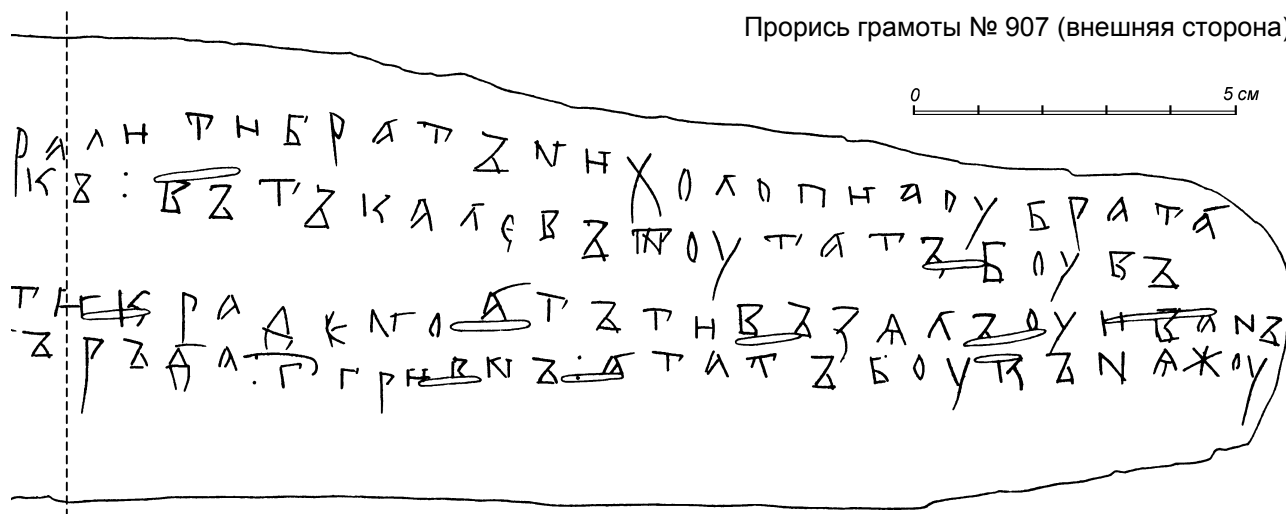
Текст делится на слова следующим образом:

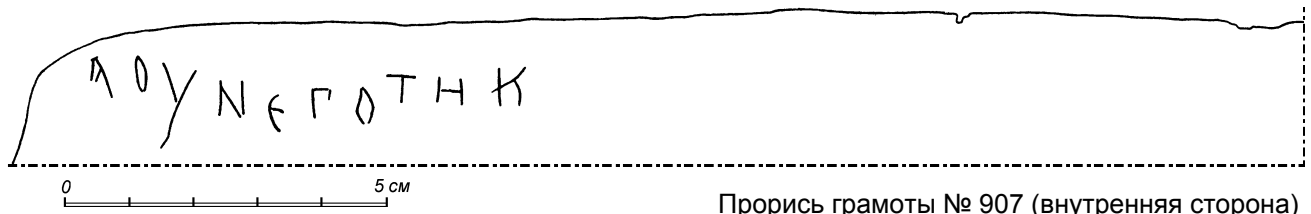
Грамота ѿ Тоука къ Гюратѣ. Крали ти братъни холопи, а оу брата. А нъ нѣ ти са съмъ лъ вивъ съ близо къ, въ тѣ ка лѣ въ тоу татѣ боу въ то ѣ мѣ стотатѣ бѣ.

А оу него ти крадено; а тѣ ти възалъ оу Иванъ кова съмъ рѣ да 3 г ривнъ, а татѣ боу кнѣ жоу потаилъ.

Перевод: 'Грамота от Тука к Гюряте. Крали-то братнины холопы, [крали] у брата. А теперь он (хозяин дома), сговорившись с родственниками, свалил [всё] на эту кражу, вместо [того, чтобы объявить] о той краже. А у него (в его ведомстве) действительно украдено, а он ведь он взял (за свое молчание) у Иванкова смерда три гривны, а кражу княжеского имущества скрыл'. В строке 2 автор, возможно, вначале хотел сказать, что хозяин свалил всё на иную (чем на самом деле) кражу вместо той (которая была на самом деле), но потом решил выразиться прямее: 'свалил на эту кражу'.

Прорись грамоты № 907 (внешняя сторона)

Прорись грамоты № 907 (внутренняя сторона)

Это крайне сжатое и поэтому трудное для интерпретации послание можно понимать только как не первое звено в некотором обмене информацией. Перед нами отчет административного лица, посланного на расследование преступления, перед главой администрации — очевидно, посадником. Пример такого отчета среди берестяных грамот уже есть: это грамота № 247 (XI в.), к сожалению, фрагментированная, автор которой сообщает, что заявление о взломе и грабеже оказалось ложным, и требует наказать обвинителя.

Можно предложить следующую версию событий. Не названное по имени лицо (“X”), о котором в грамоте говорится просто “он”, — чиновник, в ведении которого находится какое-то княжеское (т. е. государственное) имущество. Иванков смерд украл нечто из этого имущества (скажем, пушнину из подати, поступающей на имя князя). X это знал, но не объявил, взяв за свое молчание с Иванкова смерда три гривны. О недостатке через какое-то время всё же стало известно, и посадник поручил расследование этого дела Туку. А в доме X-а незадолго до этого случилась кража: у X-ова брата что-то украли его собственные холопы. Тогда X решил списать недостачу за счет именно этой кражи. Поскольку были необходимы свидетели того, что именно пропало, X сговорился с родственниками об их лжесвидетельстве в его пользу. Умелый следователь Тук смог всё это распутать и посылает посаднику свой лаконичный отчет — грамоту № 907.

Чрезвычайно ценно то, что адресат грамоты практически надежно отождествляется с посадником Гюрятой (отцом посадника Мирослава Гюрятинича и дедом посадника Якуна Мирославича). При этом, судя по содержанию грамоты, в момент ее написания Гюрята находился именно в данной должности. Точных дат посадничества Гюряты летопись, к сожалению, не дает: Гюрята относится к той ранней части новгородской истории, от которой до нас дошел лишь простой перечень посадников. По примерному расчету лет Гюрята должен был посадничать в какой-то момент между концом XI в. и началом 1110-х годов. Посадник Гюрята с высокой вероятностью отождествляется также с новгородцем Гюрятой Роговичем, со слов которого летописец Нестор передает в Повести временных лет (под 1096 г.) красочный рассказ о народах северного Урала. Беседа Нестора с Гюрятой состоялась, как можно заключить из сообщения Нестора, в 1114 г.

Иванко, косвенно упомянутый в грамоте, — вероятно, будущий посадник Иванко Павлович (ср. выше, № 903).

Грамота написана по одноеровой системе: ср. *братъни, татъбоу, татъбѣ, съмърѣда* вместо *братъни, татъбоу, татъбѣ, съмърѣда*. Кроме того, в ней представлен редкий эффект последовательной замены *ы* на *ѣ*: ср. *нѣнѣ, съ близокѣ, 3 гривнѣ* вместо *нынѣ, съ близокы, 3 гривны*.

Словоформы *вътъкале* и Р. ед. *татъбѣ* выдают новгородское происхождение автора; но сам он старался писать по общерусской норме, ср. *-лъ* в *възаль, потаиль, (-ы) в 3 гривнѣ (= гривны)*.

Исконное состояние редуцированных сохранено уже не полностью: в *3 гривнѣ (= гривны)* уже нет буквы для редуцированного; в *съмърѣда* первый *ѣ* — неисконный. Написания *съмърѣда* в № 907 и *Дроздьѣ* в № 526 (сер. XI в.) — самые ранние примеры вставных редуцированных. При этом написание *съмърѣда* информативнее, чем *Дроздьѣ*: буква *ѣ* в *Дроздьѣ* в принципе может истолковываться либо как знак для гласной, либо как чистый показатель смягчения предшествующей согласной; между тем *ѣ* после *с* в *съмърѣда* показателем смягчения быть не может, т. е. перед нами несомненный пример смешения *см* и *сьм*.

Вътъкале означает буквально ‘воткал’ (или ‘тычками вогнал’); здесь в переносном смысле — ‘вплел’, ‘приплел (к чему-л.)’, ‘списал за счет (чего-л.)’. Ср. с другой приставкой псковское диалектное *заткъать* ‘заткнуть’, ‘запрятать’ (СРНГ, 11, с. 95).

Союз *атъ* означает примерно то же, что *анъ* — ‘ан’, ‘но’, ‘однако’; он вводит предложение, выражающее несоответствие тому, что ожидается на основе предшествующего предложения. Ср. в современных говорах: *ат* — междометие, выражающее возражение, отрицание, пренебрежение, укоризну, досаду, недовольство и т. п.

(СРНГ, 1, с. 288), например: *Принеси воды!* — *Ат, не пойду* (там же); также *átó* (союз и частица) ‘да нет же’, ‘ан’, ‘ан вот же’, ‘в противном случае’ и др. (см. СРНГ, 1, с. 290). Сюда же польск. *at* ‘да ну’, ‘вот еще’, ‘эх’. Заметим, что за написанием *атъ* в одноеровой грамоте в принципе могло бы стоять и *<атъ>*; но союз *атъ* ‘пусть’ в данном контексте по смыслу неуместен.

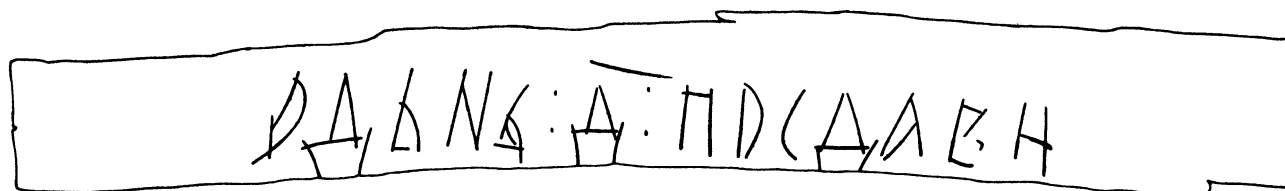
Фраза *оу него ти крадено* в древненовгородском диалекте в принципе двусмысленна: это может быть как ‘у него ведь крали’, так и ‘он ведь крал’. В данном случае контекст заставляет предпочесть первое понимание.

Имя *Тукъ* может быть просто прозвищем (‘сало’, ‘жир’); но не исключено и иноязычное происхождение. Ср. в НПК деревню *Туково* (IV, с. 273), также *Туковской* десяток (II, с. 710).

Грамота № 908

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1425, на уровне пласта 16 (глубина 3,00–3,20 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целый документ из одной строки:

ОДЪНЬ:Д:ПОСДАВИ

0 5 см

Почерк — по-видимому, тот же, что в № 905 и 910.

Длина 34,4 см, ширина 2,6 см.

Стратиграфическая дата: третья четверть XI в.

Текст делится на слова так: **О днь 4 посави.**

Прорись грамоты № 908

О днь — ‘днём’, ‘на протяжении дня’; ср. часто встречающееся в древних памятниках выражение *об ноць* ‘ночью’, ‘всю ночь’, ‘на протяжении ночи’.

Написание *посдави* — явно вместо *постави*; ср. *д* вместо *т* в *оу Тъшадѣ* 905. Неустойчивость в отражении звонкости–глухости в принципе может быть связана с финно-угорским влиянием. С другой стороны, для *посдави* можно предположить также эффект гиперкоррекции, связанный с тем, что *с(ь)доровъ* в живом произношении уже превратилось в *сторовъ*, создав тем самым пример соотношения “звучание [ст] — традиционная запись *сѣд* или *сѣд*”.

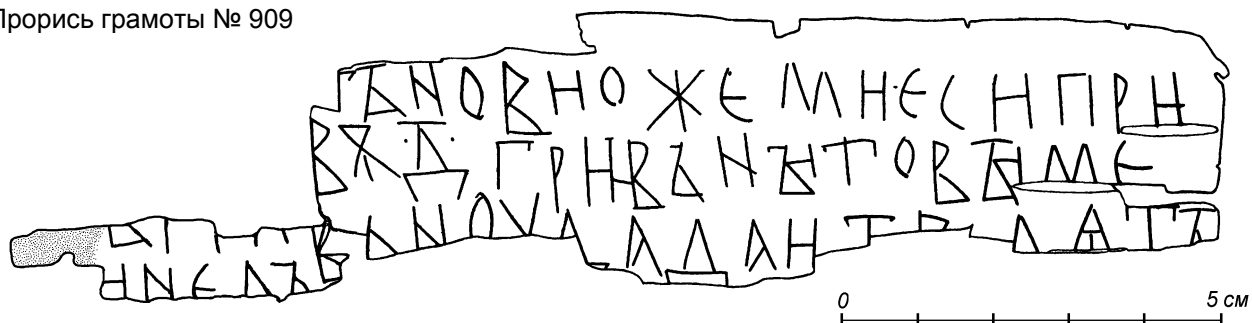
Поставъ здесь может означать либо ‘кусочек ткани определенного размера’, либо ‘блюдо’, ‘кушанье’ (каждое отдельное блюдо за столом). В первом случае записка гласит: ‘За день четыре поставы (сукна и т. п.)’; это могло быть сообщение о ходе поступления товара или податей. Во втором случае — ‘В течение дня четыре блюда’; это уже указание по поводу чьего-то рациона. Отсутствие контекста делает выбор затруднительным.

Грамота № 909

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1427, на уровне пласта 16 (глубина 3,00–3,20 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая верхняя часть письма, частично сохранившая четыре строки:

...[Г]ѢНОВИОЖЕМИЕСИПРИ
 ...ВЖ·Д·ГРИВЪНЪИТОВЪИМЕ
 ...[ГРИ]ВЪНОУДАДАИТ[В]--АТЪ
 ...ИНЕ[Д]Ъ...

Прорись грамоты № 909

Перед [гри]вьноу (строка 3) стоял ъ, ь или ѿ. Перед еси (строка 1) и перед [д]ь... (строка 4), возможно, стоят точки.

Длина 16,0 см, ширина 3,6 см.

Стратиграфическая дата: третья четверть XI в.

Текст делится на слова так: **...тѣнови. Оже ми еси при... ..вж 4 гривны, то выме... ..гривноу, да дан Тв-- атѣи не дѣ...**

Сохранившееся ...[т]ѣнови — почти наверное конец словоформы *Хотѣнови*, завершавшей адресную формулу, т. е. перед нами еще одно письмо к Хотену (ср. № 902).

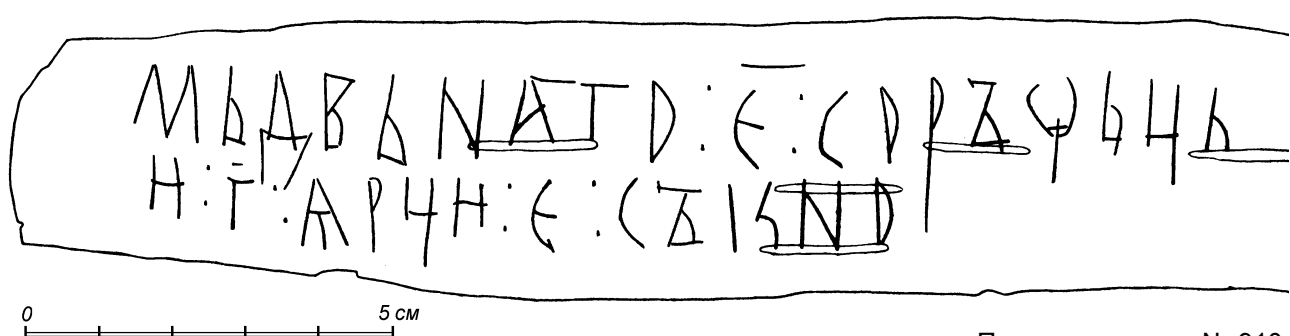
Для последнего слова третьей строки наиболее вероятна, судя по остаткам букв, реконструкция *П[вд]атѣ*; чтение *П[вор]атѣ* практически исключено. Возможно, автор пропустил *рь* в *Твьрьдатѣ* (или *р* в *Твьрдатѣ*).

Надежное восстановление утрат невозможно. Можно лишь строить предположения, например, о том, что *выме...* — это начало от *вымечи* 'вычти', *при...* — начало от *причьль* (или *придаль*), *...вж* — конец от *лихвж*.

Грамота № 910

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1453, на уровне пласта 14 (глубина 2,79 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целый документ из двух строк:

мѣдвѣнаго:ѣ:соръчьць
и:г:арци:ѣ:съкно

Прорись грамоты № 910

Почерк — по-видимому, тот же, что в № 905 и 908.

Длина 23,2 см, ширина 3,7 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XI в.

Текст делится на слова так: **Мѣдвѣнаго 5 соръчьць и 3 арци; 5 съ кно.**

Медвѣнок — явно то же, что известный из более поздних документов термин *медовок* (род подати).

Яръць — ‘годовалый бобер’; ср. Даль, IV, с. 860 (с примером из старых актов: *А бобры к бобрамъ, а ярцы къ ярцомъ, цѣнити прямою цѣбною*).

Конечное *съ кно*, по-видимому, следует понимать как *съ коунъ* ‘с денег’. Сокращение *кн-*, вместо *коун-* (часто без титла), встречается в берестяных грамотах многократно (№ 219, 609, Ст. Р. 13, Ст. Р. 16 и др.).

Записка гласит: ‘Медового — 5 сорочков и 3 годовалых бобра; 5 (не указано, каких единиц) [сбора] с денег’.

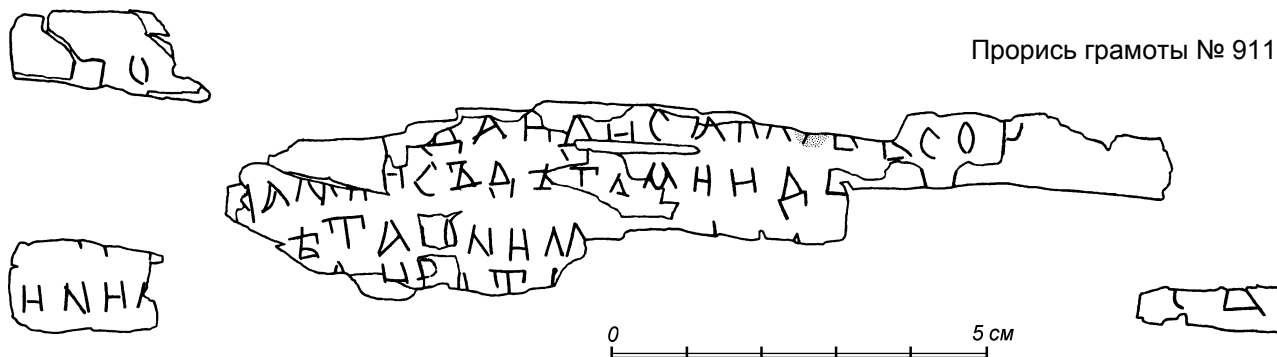
Блок 905+908+910 — один из наиболее ранних документов со смешением *ь – о, ь – е*.

Написание *арци* — самый ранний в нынешнем фонде берестяных грамот пример пропуска исконного редуцированного между сонантом и шумной согласной.

Грамота № 911

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1380, на уровне пласта 16 (глубина 3,00–3,20 м), в напластованиях усадьбы Е. Это фрагменты не менее чем пяти строк письма:

по...
 ...даидисам[ъвъ]со[р]...
 ...нам[и]исъдѣтьмиид...
 ...ѣта-оним...
 ини-... ...-ир[о]т-... ...съ

Расположение малых фрагментиков лишь предположительно.

Длина основного фрагмента 12,5 см, ширина 2,5 см.

Стратиграфическая дата: третья четверть XI в.

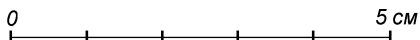
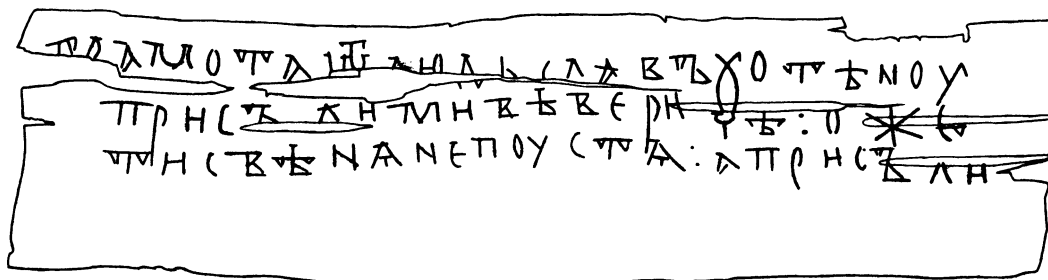
Сохранившиеся отрезки текста предположительно делятся на слова так: **По(кланание); да иди самъ въ сор... ..нами и съ дѣтьми ид... ..ѣта-оним... ини-... ..-ирот-... ..съ (...)**

Понятны лишь отдельные отрезки: ‘да иди сам в ...’, ‘и с детьми’; *...нами* — это, возможно, (*съ же*)нами, но не исключено и (*съ*) нами.

Грамота № 912

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1365, на уровне пласта 16 (глубина 3,14 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целое письмо из трех строк:

грамота ѿ [л] юдъславъ хотѣноу
 присълимивѣверичѣ оже
 тисвѣна не поуста: а присъли

Прорись грамоты № 912

Перед *Хотѣноу* (строка 1) автор по ошибке вместо двух слогов *ва-къ* написал один: *въ* (с гласной из *къ*).

Почерк очень похож на № 913 и, возможно, просто совпадает с ним.

Длина 13,8 см, ширина 3,5 см.

Стратиграфическая дата: 50-е–70-е гг. XI в.

Текст делится на слова следующим образом:

Грамота ѿ Людъслава Хотѣноу. Присъли ми вѣверичѣ. Оже ти Свѣна не поуста, а присъли.

Перевод: 'Грамота от Людъслава к Хотену. Пришли мне деньги. Даже если не пошлешь Свеня, всё равно пришли'. О Хотене см. выше, при № 902.

Возможно, предполагалась поездка Свеня в город, где находится Людъслав, и было естественно передать деньги для Людъслава именно с ним. Другой вариант: Хотен мог отказать Людъславу в деньгах под тем предлогом, что ему для этого необходимо вначале послать куда-то (может быть, для сбора денег) Свеня.

Имя *Свѣнь* восходит к древнескандинавскому *Svæinn* (часто встречающемуся в рунических надписях); ср. соврем. шведск. *Sven*. Имя *Свѣнь* носил отец новгородца Ивача Свеневича, казненного в Новгороде в 1186 г. Написание *Свеневица* в старшем изводе НПЛ при *Свиневица* в младшем указывает на исходное *Свѣнь* (с *ѣ*), т. е. на точно такую же форму, как в грамоте № 912.

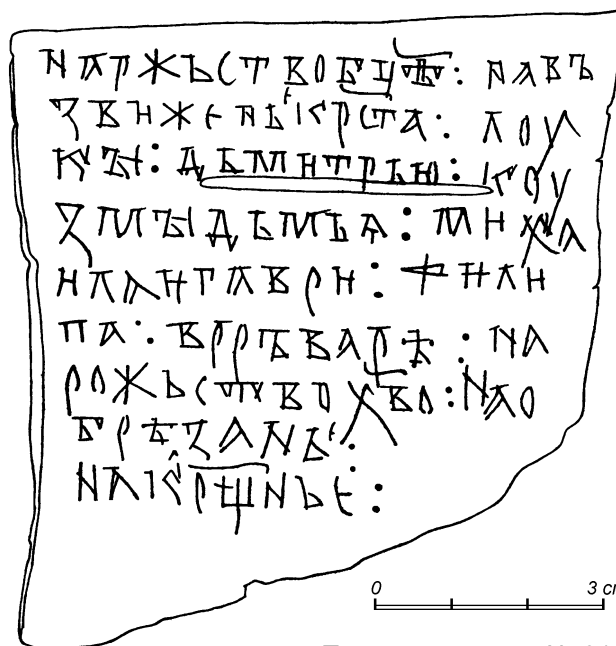
Не поуста — причастие (предполагать здесь форму 3 мн. презенса нет ни синтаксических, ни семантических оснований).

Грамота № 913

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1363, на уровне пласта 16 (глубина 3,15 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целый документ из девяти строк:

наржѣствоѿѣ: навъ
звизень^екрѣста: лоу
кы: дѣмитрю: коу
змыдѣмьа: миѣа
илагаври: фили
па: врьварѣ: на
рожьствоѿѣ: нао
брѣзань^е:
накрѣщенье

Берестяной лист обрезан необычно: он приближается по форме к четверти круга. Почерк каллиграфический, довольно похожий на почерк грамоты № 906 (но

Прорись грамоты № 913

всё же не совпадающий с ним); возможно тождество почерка с №912 (см. выше). Автор писал на бересте с той же тщательностью и эстетизмом, что при переписке церковной книги. Внешний вид текста сходен, например, с календарными записями в составе Остромирова евангелия.

Длина 8,0 см, ширина 8,2 см.

Стратиграфическая дата: третья четверть XI в.

Текст делится на слова следующим образом:

На Ро(ж)ество Б(огороди)цѣ, на Възвигенье кр(ь)ста, Лоукы, Дмитрью, Коузмы Дьмѣа, Михаила и Гаври, Филипа, Вррѣварѣ, на Рожество Х(ристо)во, на Обрѣзанье, на Кр(ь)щ(е)нье.

Текст записан с обычными сокращениями. Как род сокращения можно рассматривать также *Дьмѣа* и *Гаври* (без конечного слога). Но *Врр-* вместо *Вар-* в *Вррѣварѣ* — просто описка.

Запись представляет собой перечень важнейших церковных праздников и дней памяти святых, приходящихся на осень и начало зимы: Рождество Богородицы — 8 сентября; Воздвижение Креста — 14 сентября; память св. апостола и евангелиста Луки — 18 октября; св. Димитрия Солунского — 26 октября; св. Космы и Дамияна — 1 ноября; собор архангела Михаила (ср. в Архангельском евангелии, л. 137 об.: *съньмь архангѣла Михаилоу и Гаврилоу*) — 8 ноября; память св. апостола Филиппа — 14 ноября; св. Варвары — 4 декабря; Рождество Христово — 25 декабря; Обрезание Господне — 1 января; Крещение — 6 января. Поп составил для себя или для кого-то другого памятную записку о днях, требующих определенных видов службы.

Как и в грамоте №906, в имени *Коузмы* нет вставного *ь*. Нет вставного редуцированного и в *Гаври(ла)*; ср. такое же написание, в частности, в Архангельском евангелии. Напротив, в *Вррѣварѣ* вставной *ѣ* есть; ср. *Варѣвары*, например, в Путятинной минее (л. 4 об.). Написание *Дьмитрью* (с начальным *Дь-*) находит аналогию в *Дьмитра* (Остромирово ев., л. 272а).

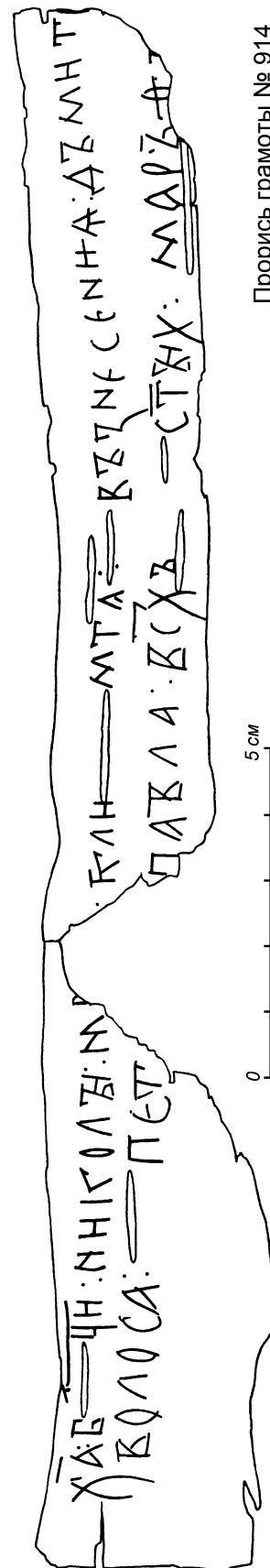
Отметим упрощение *зdv > zv* в *Възвигенье*, хорошо известное по северновеликорусским говорам; см. статью *Звѣженье* в СРНГ (11, с. 219).

Выбор падежа при обозначении дня памяти святых неустойчив: ср., например, родительный *Лоукы, Михаила* и дательный *Дьмитрью*. В этом отношении грамота №913 совершенно сходна, в частности, со многими календарными записями в Остромировом ев., например: *стра стѣихъ мкъ • Куриякоу патриархоу • и Зиновию епѣпоу • и Зиновиа сестры юго* (л. 238б); *па стѣмоу • Маминоу • и Генадию • и стѣаго Григора новааго чоудотворьца* (л. 242в). В связи с этим падеж словоформы *Вррѣварѣ* устанавливается не совсем надежно: судя по *-ы* в *Лоукы* и *Коузмы*, это должен быть дательный; но не исключено и влияние диалектного родительного.

Грамота № 914

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1375, на уровне пласта 16 (глубина 3,02 м), в напластованиях усадьбы Е. Это документ из двух строк, дошедший до нас с небольшими утратами, в виде двух фрагментов:

ХАБ:БЦИ:НИКОЛЫ:М[р]... :КЛИМТА:ВЪЗНЕСЕНИЯ:ДЪМИТ[р]...
 ВОЛОСА:ПЕТР... ПАВЛА:ВСХЪСТЪХ:МАРЪФ[ы]

Прорись грамоты № 914

Длина 1-го фрагмента 8,6 см, ширина 3,3 см, длина 2-го фрагмента 15,1 см, ширина 1,9 см.

Стратиграфическая дата: третья четверть XI в.

Текст делится на слова следующим образом:

Х(ри)ста, Б(о)городици, Николы, Мр..., Климта, Възнесениа, Дьмитр..., Волоса, Петр(а и) Павла, в(ь)с(ѣ)хъ с(ва)тых, Марьѣы.

Запись совершенно аналогична грамоте № 906. Но в данном случае, помимо имен святых, в перечень входит также слово *Възнесениа*, т. е. название одного из двенадцатых праздников. Ныне включение названия праздника в формулу отпуска составляет одну из особенностей старообрядческого богослужения, тогда как в официальном православном богослужении оно не допускается. Грамота № 914 демонстрирует, таким образом, глубокую древность этой литургической особенности.

Имя Марфы писавший, очевидно, пропустил, и ему пришлось добавить его в самом конце, уже после слов *всѣхъ стѣх*.

Климта — сокращение (вместо *Климента*). *Павла* записано без вставного *ь*; ср. *Павѣа* в Архангельском ев., л. 137 об., 155 об. (наряду с этим в памятниках XI в. находим *Паула* и *Павѣла*). В *Марьѣ[ы]* вставной *ѣ* есть; ср. *Марьѣа* в Архангельском ев., л. 127 (2×) (при более обычном *Марѣа*, *-ы*, *-оу*); в Остромировом ев. регулярно *Марѣа* (л. 217в, г).

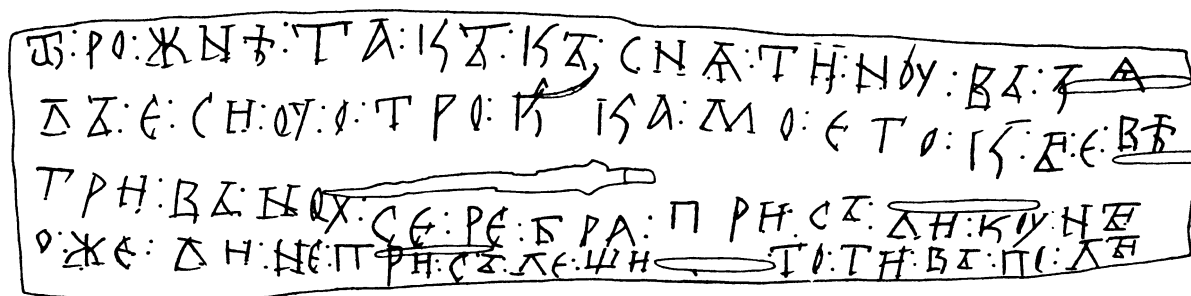
Словоформа *Бѣи* — скорее дательный падеж (в силу такого же колебания в выборе падежа, как в № 913), чем родительный с новым окончанием.

Особый интерес представляет включенное в этот перечень святых имя Волоса. Грамота № 914 показывает, что уже в XI в. это языческое имя стало признанным эквивалентом имени святого Власия.

Грамота № 915

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1313 или 1339, восточная траншея (глубина, вероятно, 3,20–3,60 м), в напластованиях усадьбы Е. Это целое письмо из четырех строк:

Ѡ:ро:жнѣ:та:къ:къ:сна:ти:ноу:въ:за
лъ:ѣ:си:оу:о:тро:кка:мо:ѣ:го:кы:ѣ:вѣ
гри:въ:ноу:се:ре:бра:при:сѣ:ли:коу:ны
о:же:ли:не:при:сѣ:ле:шито:ти:въ:по:лы

0 5 см

Прорись грамоты № 915

Во второй строке в слове *отрока* у буквы *к* верхний косой штрих попал на трещину. Автор вначале пытался его подрисовать, а потом просто выписал всю букву *к* заново рядом.

Длина 15,7 см, ширина 3,7 см.

Стратиграфическая оценка затруднена, поскольку грамота найдена в дренажной траншее; наиболее вероятно третья четверть XI в.

Текст делится на слова следующим образом:

Ѡ Рожнѣта къ Къснатиноу. Възалъ еси оу отрокка моего Кыевѣ гривноу серебра. Присъли коуны. Оже ли не присълеши, то ти въ полы.

Перевод: ‘От Рожнета к Коснятину. Ты взял в Киеве у моего отрока гривну серебра. Пришли деньги. Если же не пришлешь, то [это станет займом] “в половину” (т. е. под 50% роста)’. Иначе говоря, если Коснятин не отдаст долг немедленно, в дальнейшем ему придется отдать в полтора раза больше.

Имя *Рожнѣта* известно из летописи (НПЛ под 1135 г.) и из берестяной грамоты № 336 (сер. 10-х — сер. 30-х гг. XII в.), где фигурирует тот же самый человек. Но отождествить его с адресатом грамоты № 915, по-видимому, невозможно: слишком велика хронологическая дистанция.

При письме автор отмечал каждый слог двоеточием. Тем самым мы получили уникальный образец слогаделения XI века, из которого непосредственно видно, например, что *сна* — это один слог, а *съли* — два.

Весьма важен тот факт, что *Рожнѣта* написано без *ь*; ср. *Рожнѣтови* в № 336 (где *ь* переправлен из *е*). Отметим, кроме того, ассимилятивный переход *ъ* в *ь* в словоформе *възалъ*; ср. *въза* в Архангельском ев. (л. 114), в Изборнике 1073 г. (л. 166), а также частые *възати*, *въза*, *възаша*, *възалъ* в Мстиславовом ев. Представляет интерес также написание *серебра* (с *ере*, а не *ьре*).

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. БЕРЕСТЯНАЯ ИКОНКА (= грамота № 915-И)

Найдена в 2000 г. на Троицком раскопе, в квадрате 1493, на уровне пласта 18 (глубина 3,40–3,60 м), в напластованиях усадьбы Е.

Высота 9,3 см, ширина 5 см.

Стратиграфическая дата: первая треть XI в.

На обеих сторонах берестяного листа процарапаны изображения человеческих фигур, поясненные соответствующими надписями. Изображение на внутренней стороне листа опознается как образ Иисуса Христа. Фигура на другой стороне — образ св. Варвары. Он передан в полном соответствии с каноном: святая в короне держит в руке мученический крест.

Находка сразу же породила проблему. Усадьба Е, на которой она была обнаружена, находится на древней Черницыной улице, которая получила свое название от некогда расположенного на ней девичьего монастыря св. Варвары. Разумеется, в первой трети XI века никакого монастыря здесь быть еще не могло: самые ранние монастыри на Руси возникают лишь во второй половине XI века, а новгородский Варварин монастырь впервые упомянут в летописи под 1138 годом, т. е. более чем на сто лет позднее нашей находки. Известно, что культ св. Варвары был широко распространен в славянском мире. Но если в отдаленных от моря зонах она оберегала прежде всего тех, кто работал под землей, то на славянском побережье южной Балтики, с которым у Новгорода обнаруживаются и другие многообразные связи, св. Варвару считали покровительницей рыбаков и мореходов. Отметим, что в тех слоях, в которых обнаружена эта находка, предметы, связанные с рыболовством, встречены в изобилии.

При обоих изображениях имеются также надписи. Совокупность этих надписей может быть обозначена как **грамота № 915-И** (И — икона)¹.

Надпись при изображении Иисуса Христа:

Ⓐ
ӣс̄ х̄с̄

Надпись над изображением св. Варвары:

Ⓐ варвара

Надпись под изображением св. Варвары:

а[??]з

Стоящая перед надписью **варвара**, а также перед надписью **ӣс̄ х̄с̄** буква **а** в кружке — обычное сокращение греческого *ἅγιος* 'святый'. Заметим, что если перед именем св. Варвары этот символ естествен, то перед именем Иисуса Христа он весьма необычен.

Надпись под изображением св. Варвары — не что иное, как дата (без титла). Правда, второй и третий из четырех знаков этой надписи двусмысленны. Второй знак — это либо искаженное **φ** (без левой дуги), либо, как предположил С. Г. Болотов, латинское **D**. В обоих случаях цифровое значение знака — "500". Заметим, что если действительно одна из цифр передана латинским знаком, то это важное свидетельство прямых связей с запад-

¹ В палеографическом разделе тома НГБ X данный документ был обозначен номером 916.

Прорись берестяной иконки

ной традицией. Третий знак — либо \circ , либо λ (его правая часть попала на чечевичку, а штришок под чечевичкой, который должен был бы отличить \circ от λ , очень слабый). В первом случае это '70', во втором — '30'. Таким образом, перед нами дата 6577 (= 1069 год н. э.) или 6537 (= 1029 год н. э.). Стратиграфической датировке лучше соответствует вторая из этих дат (для первой даты пришлось бы предположить, что документ случайно попал в несколько более глубокий слой).

В берестяной письменности обозначение даты — вещь почти беспрецедентная. Единственный известный до сих пор пример — запись некоей даты в грамоте № 206, написанной мальчиком Онфимом. Но Онфим плохо справился с этой записью, исказив две цифры из четырех (а именно, вторую и третью), так что остается даже не вполне ясно, какую именно дату он хотел изобразить (см. НГБ X, с. 91–92). Характерно, что и в нашем случае писавший не очень удачно справился ровно с теми же звеньями цифровой записи. По-видимому, при обращении с цифрами оба писавших испытывали сходные затруднения: они твердо знали обозначения единиц (а тем самым и тысяч) и менее твердо — обозначения десятков и в особенности сотен (при невысоком уровне опытности такая ситуация вполне естественна).

Зачем писавший изобразил дату при иконе? Очевидно, затем же, зачем люди тех далеких веков оставляли точно такие же записи (не содержащие ничего, кроме даты) на стенах церквей. Нам сейчас уже нелегко угадать, какой именно смысл находили в этом люди того времени. Возможно, само умение выставить дату воспринималось как трудное и престижное искусство, в котором писавшему время от времени хотелось себя испытать.

Записи на иконе ставят перед нами также следующий важный вопрос: точно ли, что эти записи сделаны по-древнерусски, а не по-гречески? Ведь все буквы, из которых состоят надписи $\text{и}\dot{\text{с}} \text{х}\dot{\text{с}}$ и варвара, в этих двух языках одинаковы. Более того, в древнерусской записи 1-й пол. XI в. могло бы быть написано варьвара (хотя, конечно, возможно и варвара). И всё же записи должны быть квалифицированы как древнерусские, а не греческие: на это указывает вид цифры '6', а именно, знак з , отсутствующий в греческом. Кроме того, как видно из записи $\text{а} \text{варвара}$, где $\text{а} = \circ + \lambda$ (от $\acute{\circ} \text{й}\acute{\iota}\text{о}\text{с}$ 'святой' — форма мужского рода, а не женского), писавший считал знак а уже просто символом святости, не понимая, что в нем заключен артикль мужского рода, а для грека это было бы неестественно.

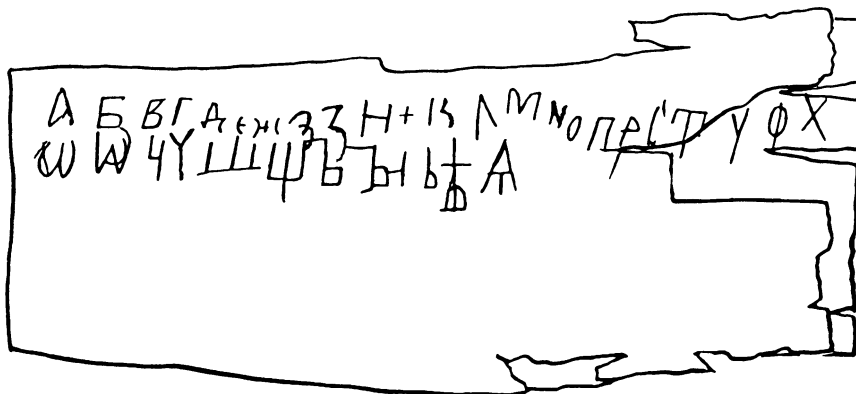
2. БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ № 24–32 ИЗ СТАРОЙ РУССЫ

Грамоты этой группы найдены в Старой Руссе на Борисоглебском (XVI) раскопе в 1988–1998 гг. в ходе работ Старорусской археологической экспедиции под руководством В. Г. Мироновой.

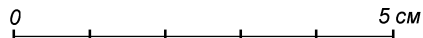
Грамота № 24

Найдена в 1988 г., в квадрате 44, глубина 1,20 м. Это целый документ — азбука:

а б в г д е ж [ж?] з и к л м н о п р с т у ф х
[ѿ?] ѡ ц ч ш щ ы ь ѣ а

Прорись грамоты Ст. Р. 24

В двух точках стоят буквы, идентификация которых ненадежна. После ж стоит буква, которая отличается от следующего за ней з по существу только тем, что у нее круглая, а не угловатая головка. По-видимому, это неумело написанное з (менее вероятно, что автор просто дважды поставил в алфавитный ряд одну и ту же букву з). Аналогична ситуация в начале второй строки (т. е. в позиции после х): здесь стоят две буквы, которые выглядят одинаково как ѡ. Но у первой из них поврежден верх, так что это в принципе могло быть и ѿ (таким образом, и здесь автор написал либо ѿ ѡ, либо просто ѡ ѡ).

Длина 11,2 см, ширина 4,5 см.

Стратиграфическая дата: XIV в.

Палеографическая оценка: 20-е гг. XIV – первая половина XV в. (см. НГБ X, с. 411).

Состав азбуки — в основном обычный для азбук XIII–XIV вв. (см. Зализняк 1999: 553, 567–568). Но есть и несколько особенностей: 1) место для [ф] занимает буква ф (а не ѳ) (это объединяет данную азбуку с азбуками XV–XVII вв. и тем самым, по-видимому, указывает на конечную часть стратиграфического интервала; ср. палеографическую оценку); 2) вместо ѿ (или ѡ) стоит ѿ ѡ (или ѡ ѡ); 3) отсутствует ю (скорее всего простой пропуск); 4) отсутствуют ѝ и ж (это может быть как пропуск, так и отражение особой ветви азбучной традиции).

Грамота № 25

Найдена в 1988 г., в квадрате 44, глубина 1,40 м. Это сохранившийся в целости лист бересты, на котором была выписана азбука. Но текст ныне почти изгладился. За исключением левого края, он читается с чрезвычайным трудом (прочитан неполностью):

а б в г н о ---
т у ѳ х [ѿ] [ъ] - [ь]
ѣ ж - ...

Прорись грамоты Ст. Р. 25

В третьей строке от буквы после *х* виден *о*-образный знак, т. е. это либо *ѡ* с маленькими усами, либо зеркальное *Ѡ*.

Длина 11,6 см, ширина 6,3 см.

Стратиграфическая дата: XIV в., вероятно, первая половина.

Для палеографической оценки мало данных.

Насколько можно судить по сохранившейся части документа, азбука принадлежала к тому же типу, что предыдущая. Но есть и некоторые отличия: 1) место для [ф] занимает буква *Ѡ* (что нормально для азбук XIII–XIV в. и хорошо согласуется с тем, что данная азбука старше, чем № 24); 2) после *ѣ* стоит *х*, т. е. такой же особый вариант большого юса, как в грамотах Онфима середины XIII в. (№ 199, 201, 205) (где, однако, эта буква стоит не непосредственно после *ѣ*, а после *ѣ ѡ ю*).

Грамота № 26

Найдена в 1989 г., в квадратах 37, 46 (траншея), глубина 2,00–2,20 м.
Это маленький фрагмент:

...доуплю...
...тебере[к]...
...ерекове...

Длина 4,5 см, ширина 3,1 см.

Стратиграфическая дата: XIII в.

Сохранившиеся отрезки делятся на слова так:

...а. Оу Плю... ...те бере[к](овеско) ...; ... (б)ерекове(ск)- ...

Легко опознается повторяющееся слово *берековеск*- 'берковец'; речь явно шла о берковцах соли. Перед нами фрагмент некоей росписи поставки соли (по модели: 'у такого-то столько-то берковцев соли').

Прорись грамоты Ст. Р. 26

Грамота № 27

Найдена в 1989 г., в квадрате 29, глубина 2,00–2,20 м. Это фрагмент, на котором практически ничего не читается, — вероятно, проба пера. Прорись не делалась.

Стратиграфическая дата: XIII в.

Грамота № 28

Найдена в 1992 г., в квадрате 27, глубина 2,40–2,60 м. Это полторы строки из середины письма:

...-----[и]возеє
 халеалитицегавосхоцеамолисаце

В первой строке перед [и] стояло *с* или *е*.

Длина 24,0 см, ширина 1,6 см.

Стратиграфическая дата: XIII в.

Фрагмент делится на слова так: ...и возеехале. Али ти цега восхоце, а молиса це...

Перевод: '... взъехал (т. е. въехал, вступил во владение [землей, усадьбой]). Если же чего-нибудь захочет, то проси ...'

Для глагола *въѣхати* Слов. XI–XVII (2, с. 162) дает, в частности, значение: 'въехать на кормление', 'прибыть на правах владельца'. Для данной грамоты оно представляется наиболее вероятным.

Большой интерес для грамматики представляет словоформа *цега* 'чего', ранее не встречавшаяся; ср. *тога* 'того' в грамотах № 227 и 222 (2-й пол. XII и нач. XIII в.).

Грамота № 29

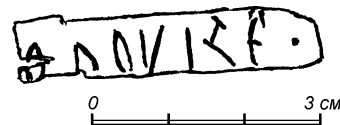
Найдена в 1997 г., в квадрате 28, глубина 3,12 м. Это крошечный фрагмент:

...о[р]оукє.

Длина 4,0 см, ширина 0,8 см.

Стратиграфическая дата: XII/XIII в.

Скорее всего это конец словоформы **пороукє**; но не исключено и, например, **по роукє** и др.

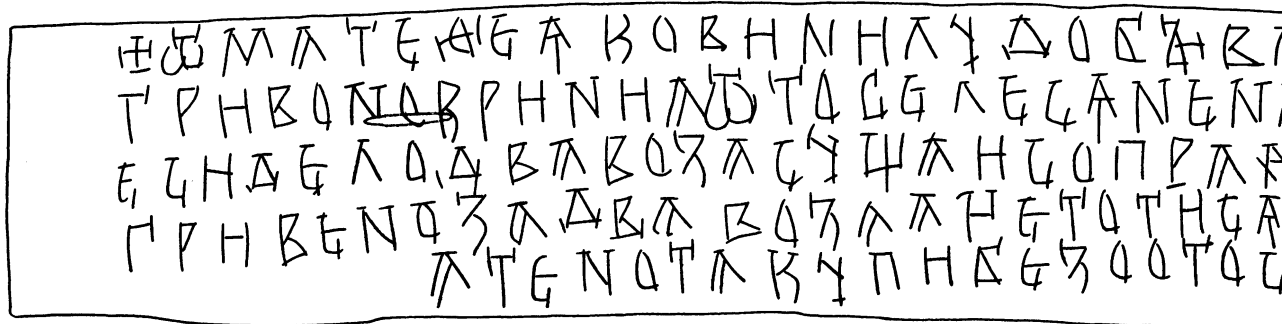
0 ————— 3 см

Прорись грамоты Ст. Р. 29

Грамота № 30

Найдена в 1997 г., в квадрате 44, глубина 3,35 м. Это целое письмо из пяти строк:

+ѿма те ѿеаковину лудобываивереидомаипопати
 гривноокриниаѿтоселесанаенадеиамоловипотрукамо
 есидело два во засущаисо правинеисо правилиаство
 гривено за два во за ацетотисаостало суща то остави ести
 атенота купибезоотоступа

Крест в начале грамоты внешне похож на букву ѣ. В строке 3 в *исоправи* перед *в* зачеркнуто *и*, в строке 4 в *остало* перед *с* зачеркнуто *т*.

Длина 32,7 см, ширина 4,2 см.

Стратиграфическая дата: XII в.

Внестратиграфическая оценка: последняя четверть XII в. (см. НГБ X, с. 411).

Текст делится на слова следующим образом:

+ **Ѡ Матеѣа ко Винилу. Добываи верей дома и по пяти гривону крини, а ѡтоселе са не надеи. А молови Потру: “Камо еси дело два воза суща? Исоправи. Не ископравиши ли, а сто гривено за два воза”. А цето ти са остало суща, то остави ести. А тенота купи безо отоступа.**

Перевод: ‘От Матфея к Винилу. Веревки для сетей ищи [в продаже] у себя и покупай по пяти гривен, а отсюда их [получить] не надейся. А Петру скажи: “Куда ты дел два воза сущика? Доставь [их]. Если же не доставишь, то [заплатишь] сто гривен за два воза”. А что из сущика у тебя осталось, то оставь на еду. А сети купи непременно’.

В принципе возможно, впрочем, что заявление, которое Винил должен сделать Петру, кончается не словами *за два воза*, а лишь вместе с концом грамоты. Но такая интерпретация представляется все же менее вероятной, чем предложенная выше.

Заметим, что сто гривен — неправдоподобно большая цена для двух возов сушеной рыбы. Возможно, это здесь лишь фигура речи — в значении ‘заплатишь огромный штраф’.

Поскольку в грамоте речь идет о рыбе, из разных значений слов *верѣя* и *тенета* следует предпочесть те, которые связаны с рыболовством: *верѣя* — ‘веревка, на которой посажен невод, подбора’ (арханг., Даль); *тенета* — ‘сеть’ (любая, в т. ч. рыболовная, птицеловная и т. п.). Ср. грамоту № 501 (XIV в.), где тоже содержится указание о покупке веревок для невода (там такая веревка называется *подборь*).

В грамоте представлен ряд примечательных графических особенностей.

Слоги с [’о] автор записывает через *о* (а не *е*): *Потру, тенота, гривону* (наряду с *гривено*).

Очень интересно написание *щ* вместо *ш* в *ископравиши* (других *ш* в грамоте нет) — совершенно аналогичное написанию *присълеши* в грамоте № 247 (XI в.). Можно предполагать, что в обеих этих грамотах мы сталкиваемся со следами первоначального неразличия (или непоследовательного различия) букв *ш* и *щ* (другим проявлением которого является отсутствие буквы *щ* в древнейших азбуках).

В грамоте частично представлен скандирующий эффект: ср. “лишнее” *о* в *исоправи, ископравиши*. Вполне возможно, что грамота отражает уже позднерусское состояние, а вставка *о* или *е* подчиняется чисто механическому правилу: согласная + *р* (вероятно, также + *л*) и сочетания *ст, дв* на письме не разделяются, в прочих двусогласных сочетаниях и любых трехсложных пишется вставная гласная (реально встретились *ц-т, т-с, т-ѡ, л-в, т-ст, с-пр*).

С морфологической точки зрения следует отметить стандартное (<ь> в перфекте *дело*, показывающее, что в данном пункте автор стремился избежать диалектизма. Для грамот из Русы это редкость.

Прорись грамоты Ст. Р. 30

Из лексики интересны слова *верѣя* и *тенета*, о которых см. выше, а также выражение *без(ъ) от(ъ)ступа* — ‘не отступая от своего обещания (намерения)’, ‘не передумывая’. Фразу *а ѿтоселе са не надеи* естественно сравнить с *а сдисе не надиися* в грамоте № 354 (XIV в.).

Имя *Виниль* до сих пор не встречалось; ср. имя *Винко* и отчество *Винков* (Веселовский 1974: 68), др.-польск. *Winek, Winko*. Вероятно, это производные от *вина*, *винити*.

Грамота № 31

Найдена в 1998 г., в квадрате 31, глубина 3,36 м. Это целое письмо из двух строк:

ПОКЛОНОѠКОЛЕНЕЧАКОСАМОУИЛЕНЕПЕЧАЛИСЕ
ЛЕТИЕСЕМОКОЛОМЕНЕНАЛОДИЮ

Длина 21,8 см, ширина 1,6 см.

Стратиграфическая дата: XII в.

Внестратиграфическая оценка: последняя четверть XII в. (см. НГБ X, с. 412).

Текст делится на слова следующим образом:

Поклоно Ѡ Коленеча ко Самоуиле. Не печали: селе ти есемо Коломене на лодию.

Перевод: ‘Поклон от Коленца к Самуиле. Не беспокойся: я сел в Коломне на ладью’. Коломно — сельцо на берегу реки Полы, основного водного пути, соединявшего Новгород с районом Селигера (ср. также грамоту № 580, XIV в.).

Наименование Коленце — очевидно, прозвище.

Грамота содержит самый ранний ныне известный пример адресной формулы со словом *поклонъ*.

Коломене (= *Коломьнѣ*) — самый поздний ныне известный пример беспредложного локатива в берестяных грамотах. Сочетание этого примера с формулой *поклонъ* составляет основу внестратиграфической датировки данной грамоты (см. НГБ X, с. 412 и 422–423).

Печалити (без *са*) имеет здесь практически то же значение, что *печалитиса* ‘заботиться’, ‘беспокоиться’. (Не исключено, впрочем, что имелся в виду все-таки глагол *печалитиса*, но в конце первой строки из двух сходных слогов — *сасе* — один оказался пропущен.)

Грамота № 32

Найдена в 1998 г., в квадрате 22, глубина 3,40 м. Это два не смыкающихся между собой фрагмента. На большем из них сохранилась правая часть одной строки:

...[:]в[:]коунеѠоужидене:в:нога

На меньшем фрагменте сохранилось: ...оун[ε]оу-

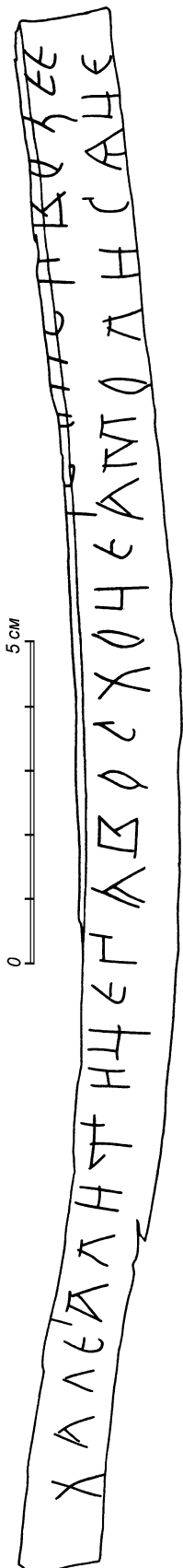
Длина большего фрагмента 22,3 см, ширина 1,7 см. Длина меньшего фрагмента 9,2 см., ширина 0,8 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XII в. Грамота, вероятно, синхронна грамотам № 30 и 31.

Текст большего фрагмента делится на слова следующим образом: ... **2 коуне, а оу Жидене 2 нога(те)** ... На малом фрагменте: ... **(к)оуне, оу** ...

Это обрывки долгового списка.

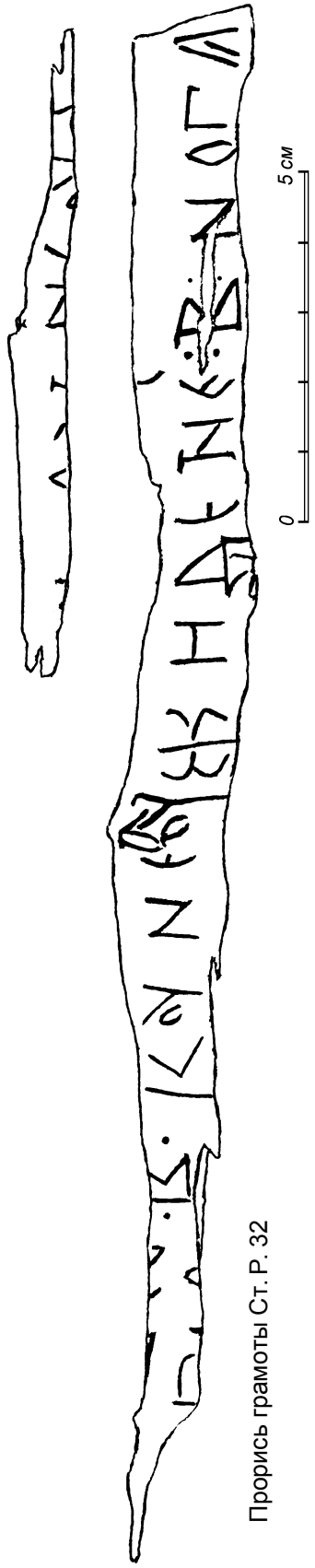
Имя *Жидена* ранее не встречалось; ср. известные имена *Жидиславъ*, *Жидьта*, *Жидила* (с тем же корнем, что в *жидеть* ‘ждет’, *ожидати*).

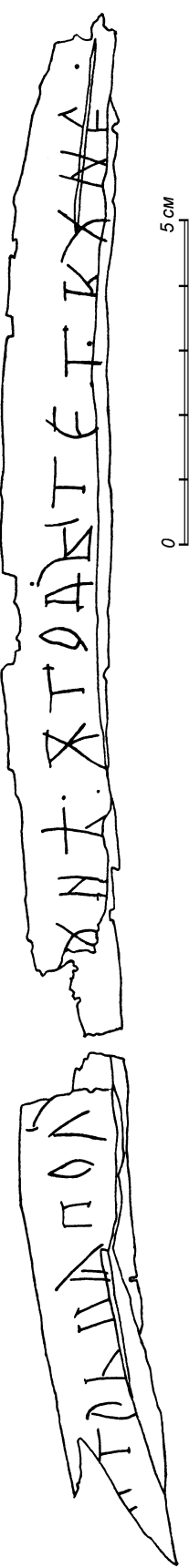
Прорись грамоты Ст. Р. 28

Прорись грамоты Ст. Р. 31

Прорись грамоты Ст. Р. 32

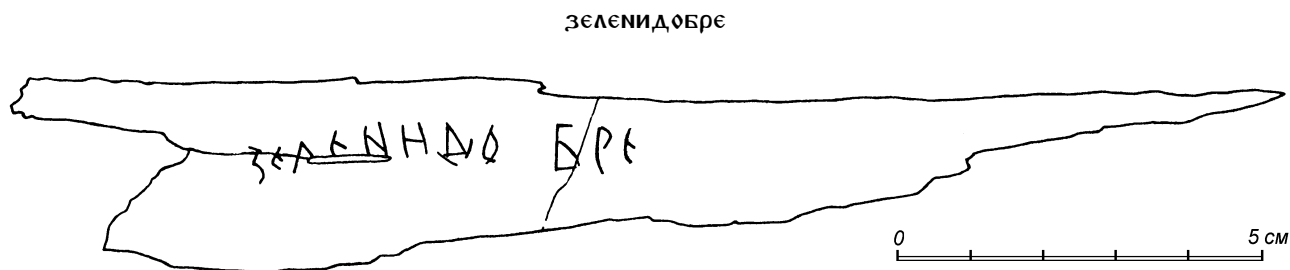
Прорись грамоты Ст. Р. 34

3. БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ № 33–36 ИЗ СТАРОЙ РУССЫ

Грамоты этой группы найдены в Старой Руссе на Борисоглебском (XVI) раскопе в 1999 г. в ходе работ Старорусской археологической экспедиции под руководством Е. В. Тороповой.

Грамота № 33

Найдена в 1999 г. в квадрате 16, на уровне пласта 19 (глубина 3,6–3,8 м), в напластованиях усадьбы Б (к востоку от настила мостовой Борисоглебской улицы). Это небольшая записка из двух слов, написанная на необработанном куске бересты неправильной формы:

Прорись грамоты Ст. Р. 33

Длина 17,5 см, ширина 2,6 см.

Стратиграфическая дата: 50-е–60-е гг. XII в.

Текст легко делится на слова: **Зелени добре.**

Перевод: 'Всходы хороши'. Это записка о том, каково положение дел на полях. Ср. новгородскую берестяную грамоту № 195 (нач. XIV в.) — ответ на сообщение точно такого же рода: *реклъ кси былъ во своємъ селѣ верши всѣ добры и араа жита* 'ты говорил, что в твоём селе хлеба все хороши и яровой ячмень'.

Заметим, что этот предельно лаконичный текст с чисто грамматической точки зрения допускает и другое прочтение: 'Озелени (т. е. покрась в зеленый цвет) хорошо' (как записка при посланной кому-то ткани). Но гораздо более реалистичным является всё же первое прочтение.

Грамота № 34

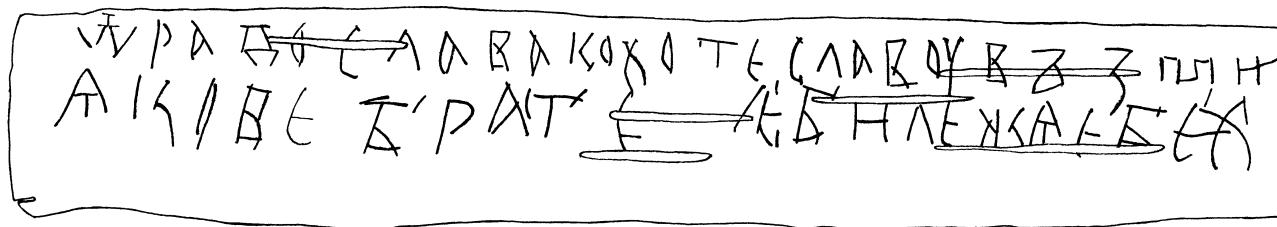
Найдена в 1999 г. в квадрате 36, на уровне пласта 20 (глубина 3,8–4 м), в напластованиях усадьбы Б, к востоку от настила мостовой Борисоглебской улицы. Это два фрагмента одной из строк документа, почти смыкающихся между собой:

...[и]грѣ[ц]аполь-ѣнѣ:жгодыг-г-кѣне[:]...

Длина фрагментов 8,0 и 15,7 см, ширина 1,7 см.

Стратиграфическая дата: 20-е–50-е гг. XII в.

Фрагмент делится на слова так: **(Ж) Игрѣца поль (к)ѣнѣ. Ж Годыге 3 кѣне.**

Это обрывок долгового списка. Интересны не встречавшиеся ранее дохристианские имена (прозвища) *Игръць* и *Годыга*. Первое можно сопоставить в именем *Играть* в грамоте Ст. Р. 14. Второе производно от *годити*; ср. имя *Годунъ*, топонимы *Годыня* (НПК, II, с. 454), *Годышовъ Бродъ* (НПК, I, с. 634).

Архаичная черта графики — употребление буквы *ж*.

С морфологической точки зрения следует отметить диалектное древненовгородское окончание <-ѣ> в Р. ед. ж *Годыге* <-ѣ>, *поль* (к)ѣнѣ и в И. мн. 3 кѣне <-нѣ>.

Грамота № 35

Найдена в 1999 г. в квадрате 3, на уровне пласта 20 (глубина 3,98 м), в напластованиях усадьбы А (к западу от настила мостовой Борисоглебской улицы). Это целый документ из двух строк:

Ѡрадославакохотеславувъзмиоупрасъла:ѠгривенеиѠкоуно
аковеbrateебилежаебехотодесово

Вторая строка написана иным почерком, чем первая; соответственно, документ делится на части 35а и 35б. По-видимому, адресат немедленно отреагировал на полученное письмо, попросту приписав к нему свой ответ.

Длина 39,5 см, ширина 3,5 см.

Стратиграфическая дата: 20-е–50-е гг. XII в. (предпочтительно 30-е–40-е гг. XII в.).

Текст делится на слова следующим образом.

№ 35а: Ѡ Радослава ко Хотеславу. Возми оу прасъла 2 гривене и 5 коуно.

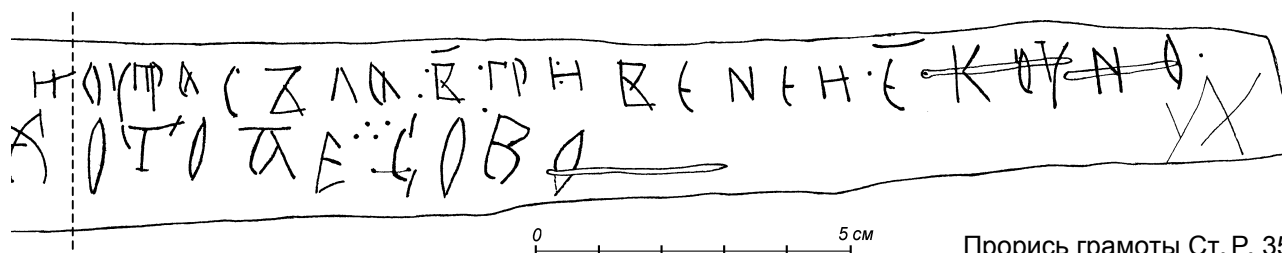
№ 35б: Акове брате, еби лежа, ебехото, аесово!

Радослав дает указание своему брату Хотеславу: “Возьми у прасола (торговца) 2 гривны и 5 кун”. Это указание Хотеславу резко не понравилось; возможно, брат отсылает его к прасолу вместо того, чтобы просто отдать свой долг (ср. новгородскую берестяную грамоту XIV в. № 690). Он ответил язвительно и не стесняясь формой выражения. Обращение *Акове брате* (а не *Радославе*) — по-видимому, ироническое или даже саркастическое: Хотеслав называет брата не мирским, а крестильным именем, да еще со словом *брате*; надо полагать, что это было уместно лишь в церковной или в особо торжественной ситуации, но никак не в сочетании с последующей грубостью. Примерный смысл его ответа — ‘Не оригинальничай (веди себя как все)’. По общей тональности такую реплику можно сравнить с современными репликами типа ‘А ну, полегче!’ К этому Хотеслав присовокупил два замысловатых эпитета для Радослава-Якова: *ебехота* ‘похотливый’ и менее ясное *акова* — по-видимому, сложное слово из *ак* ‘яйцо’ и *совати*. Весь ответ Хотеслава — яркое свидетельство высокой изобретательности древнерусского человека в сфере небанальных ругательств.

Обращение *брате*, вообще говоря, не является гарантией того, что перед нами действительно родные братья. Но в данном случае вероятность этого все же велика: имена *Радославъ* и *Хотѣславъ* совершенно однотипны, а это в особенности характерно именно для родных братьев.

Графика двух половин документа слегка различна. В тексте Радослава ѣ смешивается с о, ѡ — с е; ѣ заменяется на е. В ответе Хотеслава этих смешений нет (правда, он так краток, что, возможно, они просто случайно не проявились).

Очень интересны экспрессивные сложные слова на *-хота* и *-сова*. В современном русском языке в классе существительных общего или мужского рода на *-а* с основой, состоящей из приставки и корня или из двух

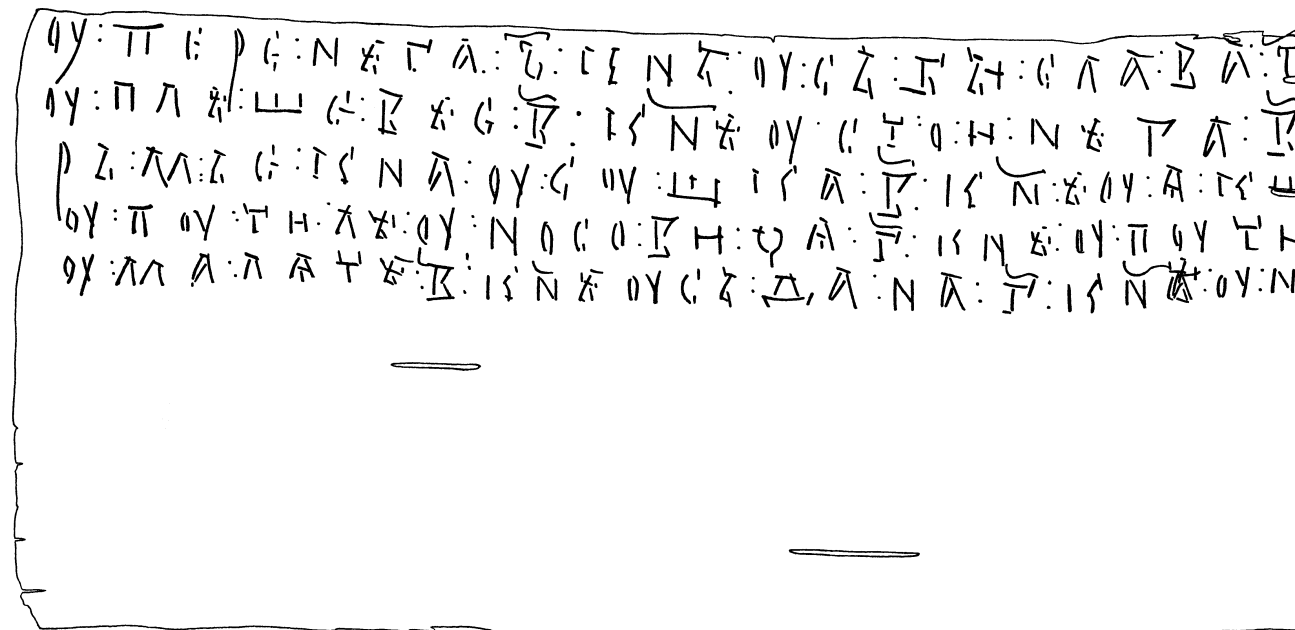
Прорись грамоты Ст. Р. 35

корней, ничтожно мало слов с положительной или нейтральной коннотацией. Таковы в сущности лишь древнейшие слова *вельможа* и *воевода*, сохранившиеся в основном лишь как исторические термины. Практически все остальные имеют более или менее ярко выраженную отрицательную коннотацию (насмешливую, пренебрежительную, уничижительную и т. п.), носят экспрессивный характер и свойственны в основном разговорной речи. Из общеизвестных таковы, например: *выжига*, *недоtroга*, *надоеда*, *привереда*, *непоседа*, *подлиза*, *растрёпа*, *растяпа*, *задира*, *обжора*, *повеса*, *пустомеля*, ср. также *расстрига*. Очень много таких слов имеется на периферии словарного состава языка и в говорах. Так, в словаре Даля находим, например, *заброта*, *завида*, *зацепя*, *заеда*, *провора*, *прóжига*, *пролыга*, *пройда*, *ужима*, *пустовира*, *пустозёва*, *пусторёва*, *пустогрыза* 'брюзга', *пустожира* 'дармояд', *пустохлёба* 'водохлёб' (и целый ряд других с *пусто-*), *гологрыза* 'нищий, голыш', *кривоньра* 'пролаз, пройдоха', *рукомоя* 'белоручка' и множество других. В СРНГ см., например, *заблуда*, *заплёва* 'бесстыжий', *колоброта*, *непросыта*, *ненажора* — опять-таки среди многих других. Уникальное свидетельство грамоты Ст. Р. 35 показывает, что описанная коннотация данной морфологической модели существовала уже в XII в. Заметим, что в свете этого становится понятной коннотация слова *пажиро* 'пожиратель, губитель' в Усп. сб.: *вълче и хыщъниче, пажиро дѣшамъ* (119в).

Грамота № 36

Найдена в 1999 г. в квадрате 22, на уровне пласта 21 (глубина 4,2 м), в напластованиях усадьбы А (к западу от настила мостовой Борисоглебской улицы). Это целый документ из пяти строк:

оу:пе:ре:нѣ:га:ѣ:кнѣ:оу:сѣ:бъ:сла:ва:ѣ:кнѣ:оу:бра:то:нѣ:га:ѣ:кнѣ
 оу:плѣ:ше:вѣ:ѣ:кнѣ:оу:сто:и:нѣ:га:ѣ:кнѣ:оу:за:ви:жѣ:ѣ:ѣ:кнѣ:оу
 рь:мь:ѣ:кна:оу:соу:шка:ѣ:кнѣ:оу:а:кшѣ:ѣ:кнѣ:оу:жа:дѣ:на:ѣ:рзнѣ
 оу:поу:ти:лѣ:оу:носо:ви:ѣ:ѣ:кнѣ:оу:поу:ти:лѣ:кна:оу:не:бе:ре:ши:нѣ:ѣ:ѣ:кнѣ
 оу:ма:ла:тѣ:ѣ:кнѣ:оу:сѣ:да:на:ѣ:кнѣ:оу:но:са:тѣ:кѣ:ѣ:кнѣ:оу:се:стра:тѣ:кна

Прорись грамоты Ст. Р. 36

В оу Съдана 3 $\overline{\text{кнѣ}}$ (строка 5) буква ѣ переправлена из a .

Длина 37,0 см, ширина 9,5 см. (ширина 9 см.)

Стратиграфическая дата: 20-е–50-е гг. XII в. (предпочтительно 20-е–30-е гг.).

Внестратиграфическая оценка: XII в., предпочтительно 20-е–50-е гг. (см. НГБ X, с. 412).

Текст делится на слова следующим образом:

Оу Перенѣга 6 к(оу)нѣ. Оу Събыслава 6 к(оу)нѣ. Оу Братонѣга 3 к(оу)нѣ. Оу Плѣшевѣ 2 к(оу)нѣ. Оу Стоинѣга 2 к(оу)нѣ. Оу Завижѣ 3 к(оу)нѣ. Оу Рѣмѣ к(оу)на. Оу Соушка 2 к(оу)нѣ. Оу Акшѣ 2 к(оу)нѣ. Оу Жадѣна 3 р(е)з(а)нѣ. Оу Путилѣ оу Носовича 3 к(оу)нѣ. Оу Путилѣ к(оу)на. Оу Неберешинѣ 3 к(оу)нѣ. Оу Малатѣ 2 к(оу)нѣ. Оу Съдана 3 к(оу)нѣ. Оу Носатѣкѣ 2 к(оу)нѣ. Оу Сестратѣ к(оу)на.

Это долговой список. Имена должников: Перенег, Сбыслав, Братонег, жена Плеша, Стойнег, жена Завида, Ремья, Сушко, Якша, Жаден, Путила Носович, другой Путила, жена Небереша, Малеяга, Сдан, Носатка, Сестрата. Как и в целом ряде других аналогичных реестров из Русы, значительную часть списка составляют женщины: помимо жен, это Носатка и Сестрата; имя Ремья в этом отношении двусмысленно.

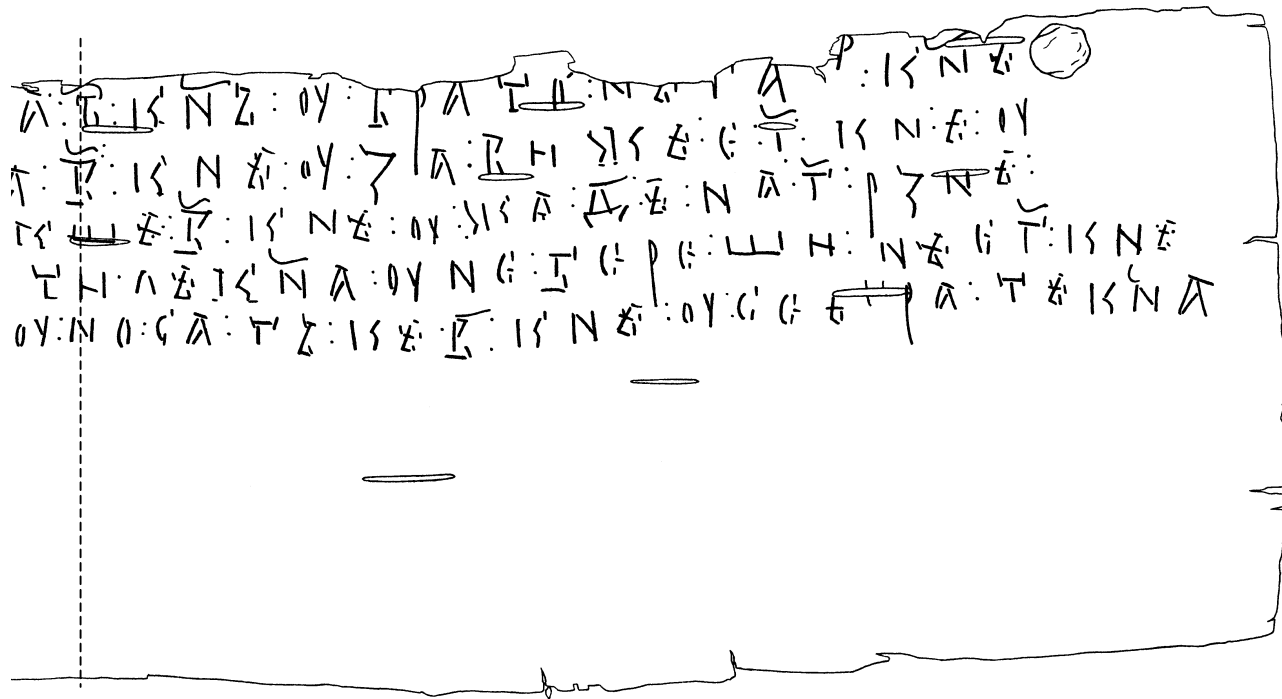
Характерны имена с популярным в Новгородской земле элементом $-\text{нѣг}-$: *Перенѣгъ, Братонѣгъ, Стоинѣгъ.*

Носатка, Сестрата — имена-прозвища. Первое имя — прозрачное производное от *носатыи*. Второе отражает неизвестное в свободном употреблении прилагательное *сестратыи* 'имеющий сестер (или сестру)', построенное так же, как *женатыи* и *мужатыи* (*мужатага* — 'замужняя'). *Плѣшь* (муж. рода) — очевидно, 'плешивый'. Имя *Сушко*, часто встречающееся в древнерусских документах, — уменьшительное к *Сухъ* (ср. фамилии *Сушков, Сухов*). *Съданъ, Жадѣнъ* — отричастные имена.

Никогда не встречавшееся ранее имя *Рѣмья* можно сопоставить с представленным в новгородской берестяной грамоте № 725 (кон. XII в.) именем *Рѣмьша*.

Грамота написана по книжной орфографии (если не считать написания e вместо ѣ после гласной, которое, впрочем, встречается и во многих книжных памятниках). Архаичная графическая особенность: почти все слоги текста разделены двоеточиями (слабые двоеточия, которые ныне уже практически невозможно различить невооруженным глазом, на прориси не отражены).

Морфология диалектная: в оу *Путилѣ, оу Малатѣ, оу Носатѣкѣ, оу Сестратѣ* выступает окончание $-\text{ѣ}$; в оу *Плѣшевѣ, оу Завижѣ, оу Неберешинѣ* — окончание $-\text{ѣе}$ (вероятно, = $\langle -\text{ѣѣ} \rangle$).

0 5 см

4. БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ № 1–19 ИЗ ТОРЖКА

Новоторжская археологическая экспедиция под руководством П. Д. Малыгина начала планомерные исследования Торжка в 1980 г. До 1991 г. организатором экспедиции выступал Калининский (ныне Тверской) государственный университет, а с 1990-х гг. — Всероссийский историко-этнографический музей, находящийся в Торжке. Большую помощь экспедиции оказывали Тверской государственной объединенный музей и Новгородская археологическая экспедиция. Наиболее масштабными были работы Новоторжской археологической экспедиции в 1999–2001 гг., когда непосредственными начальниками раскопов, где были найдены берестяные грамоты, выступали В. В. Романов, Е. А. Романова, О. М. Олейников (Воздвиженский 1А), В. И. Кильдюшевский и Н. А. Сарафанова (Воздвиженский 2), Г. Е. Дубровин (Воздвиженский 3), Н. А. Сарафанова и Г. Е. Дубровин (Воздвиженский 4). В 2000 и 2001 гг. раскопки в Торжке были поддержаны РГНФ.

В 1985 г. в Торжке была найдена первая берестяная грамота. Хотя она не содержала какого-либо связного текста, она продемонстрировала сам факт существования новоторжских берестяных грамот. Следующей такой находки предстояло, правда, ждать целых 14 лет, поскольку основные исследования в Торжке сосредоточились в этот период на нагорной части, где культурные напластования плохо сохраняют органические остатки (см. Малыгин 1989а). Но после столь долгого перерыва в 1999 г. в Торжке на подольной части с влажным культурным слоем было найдено сразу 13 берестяных грамот. В 2000 г. к ним прибавилось еще две, в 2001 г. — еще три.

В результате по количеству берестяных грамот Торжок прочно занял третье место после Новгорода и Старой Руссы. Среди новоторжских берестяных текстов: № 14 — тысячная берестяная грамота, найденная на территории Древней Руси, а № 17 — уникальный литературный текст. Культурный слой Торжка по праву может считаться ценнейшим историческим источником государственного значения, требующим эффективной охраны и дальнейшего изучения. Новоторжские берестяные грамоты вместе с многочисленными находками и выявленными конструкциями и сооружениями позволяют в настоящее время говорить о домонгольском Торжке как крупном торгово-ремесленном и культурном центре на границе Северо-Западной и Северо-Восточной Руси.

С лингвистической точки зрения открытие новоторжских берестяных грамот представляет собой важный шаг в расширении наших знаний о языковой ситуации в древней Руси и о существовавших в ту эпоху диалектах и говорах. Положение Торжка было двойственным: в политическом отношении он относился к Новгородскому государству, географически же находился в большей близости к Твери и Москве, чем к Новгороду. Поэтому вопрос о том, к какой зоне — северо-западной (новгородской) или северо-восточной — тяготел древний говор Торжка, был неясен.

Хотя имеющаяся ныне совокупность новоторжских берестяных грамот для далеко идущих лингвистических выводов пока еще недостаточна, предварительный ответ на этот вопрос она все же позволяет получить. Он состоит в том, что говор Торжка представлял собой одну из местных разновидностей древненовгородского диалекта. Лишь одна из ныне известных новоторжских берестяных грамот (№ 10), возможно, отражает говор северо-восточного типа (и тем самым свидетельствует о некотором участии северо-восточных уроженцев в жизни Торжка). Остальные грамоты (кроме совсем маленьких обрывков) с большей или меньшей определенностью указывают на то, что их авторы пользовались в быту древненовгородским диалектом.

Основные диалектные новгородские черты, проявившиеся в этих грамотах, таковы.

Фонетика: 1) цоканье (проявилось в № 3, 4, 17); 2) смешение *щ* и *шьк* (*Кошькѣи* № 15); 3) смешение *ѣ* и *и* (*ко Ростили* № 8); 4) *ро* вместо *оро* (*срочеке* № 3); 5) *сторов-* вместо *сѣдор-* (*оусторовѣ* № 19).

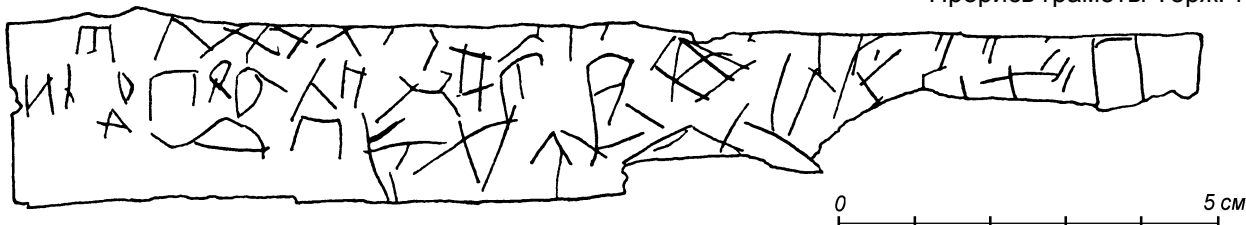
Морфология: 1) И. ед. на *-е* (*срочеке* № 3; возможно, также в № 2 и 12); 2) Р. ед. на *-ѣ* (в № 2, 9, 18); 3) В. мн. на *-ѣ* (в № 7, 9); 4) отсутствие *-ть* в презенсе (в № 7, 13, 19).

Грамота № 1

Грамота № 1 найдена в июле 1985 г. в раскопе 2 в южной части средневекового боярского центра Торжка — Нижнего городища на правом берегу р. Тверцы; квадрат 9, пласт 8 (VIII), глубина 2,94 м, ярус — ниже 8. Грамота залегала в предматериковых слоях черно-коричневого гумуса с древесным тленом, имеющих конструкцию с дендродатой 1098–1099 гг. (дендроанализ Н. Б. Черных).

Это оборванный сверху и частично снизу лист бересты, содержащий упражнение в письме. Человек (возможно, ребенок), еще не освоивший по-настоящему буквы, пытался воспроизвести какие-то части азбуки (в частности, в начале второй строки можно опознать **н о п р**), а также записывал отдельные буквы и буквообразные знаки в беспорядке. Документ отчасти сходен с новгородской берестяной грамотой № 74.

Прорись грамоты Торж. 1

Длина 15,5 см, ширина 2,5 см.

Грамота № 2

Все последующие новоторжские грамоты на бересте (№ 2–19) происходят из Воздвиженских 1А, 2, 3 и 4 раскопов, расположенных на заречной, левобережной части города, на древнем посаде Торжка. Район этих раскопов приурочен к расположенной в 150–200 м от него Крестовоздвиженской церкви и подножию холма коренного берега Тверцы, на вершине которого возвышается Воскресенский (Девич) монастырь, известный по письменным источникам с XVI в.

Берестяные грамоты №№ 2–5 и 7 найдены на усадьбе А в ее свободной от построек юго-западной части, примыкающей к мостовой Воздвиженской улицы, во влажном слое со щепой на участке размерами 3,2×2 м, на расстоянии 40–80 см друг от друга. Достаточно компактно расположены эти берестяные грамоты и относительно пластов (16–19)², между нивелировочными отметками –159 и –183. Данные обстоятельства могут свидетельствовать в пользу единого хронологического комплекса берестяных грамот №№ 2–5 и 7; к тому же, почерки грамот № 3 и 5 совпадают. Объединяет эти грамоты и тематика текстов – грамоты №№ 3–5 и 7 являются, судя по всему, долговыми записями или расписками.

Слой, в котором обнаружены все эти грамоты, соответствует 3 ярусу деревянной мостовой или слою между 3 и 2 ярусами мостовой (дендродаты 1187–1197 гг.).³ Не противоречат этой датировке и индивидуальные находки, в том числе стеклянные браслеты, которые начинают бытовать в Торжке с 1160-х годов (см. Малыгин 1989б). Частокол, отделяющий усадьбы А и Б, был впервые сооружен, как показывает дендрохронологический анализ, в 1155–1164 гг. и ремонтировался в 1169–81 и 1191–92 гг.

Из шести берестяных грамот, найденных на усадьбе А, лишь грамота № 3 найдена в слое в частично свернутом виде, остальные оказались перегнутыми и найденными в развернутом состоянии.

Грамота № 2 найдена 10.08.1999 на усадьбе А Воздвиженского 1А раскопа; квадрат Д–48, пласт 18, глубина 1,77 м. Это первая строка письма и несколько букв из второй:

†Ѡманоуилѣ·кѣсъбѣнепоклананіе·продалѣсѣмѣ·паволокоу
...[и][в][ъ]нѣ·о-ъ...

² На Воздвиженском 1А раскопе пласт равнялся по толщине 10 см.

³ Здесь и далее анализ Н. Б. Черных и А. А. Карпухина.

В слове *есъмь* буква *ь* вставлена над строкой.

Длина 27,9 см, ширина 1 см.

Стратиграфическая дата: 1187–1197 гг.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно последнее 40-летие XII в. (см. НГБ X, с. 414).

Текст делится на слова следующим образом:

+ **Ѡ Маноуилѣ къ Събыне поклонание. Продаѣ есѣмь паволокоу ... (гр)ивнь ...**

Перевод: 'Поклон от Мануйлы Сбыне. Я продал (*или*: мы продали) шелк ...'; далее упоминались гривны.

Имя *Събына* (или *Събына*) — гипокористическое от *Събыславъ*. Возможно, Сбыслав был хозяином усадьбы А.

Паволока — шелковая ткань.

Запись *продалѣ есъмь* двусмысленна: либо в *продалѣ* буква *ѣ* есть графическая замена для *е* и тогда это 'я продал' (мена *е* и *ѣ* в данной грамоте в принципе возможна: в *Събыне* конечное *е* стоит вместо *ѣ*); либо *ѣ* здесь стоит на своем месте и тогда это 'мы продали' (словоформа *есъмь* в роли 1 мн. хотя и редко, но встречается).

Грамота № 3

Общие сведения см. выше при № 2.

Грамота № 3 найдена 11.08.1999 на усадьбе А Воздвиженского 1А раскопа; квадрат Г–47, пласт 16, глубина 1,59 м. Она залегала в слое в частично свернутом виде. Это целый документ, содержащий одну строку:

уХотѣ[н]асроцеке

Почерк совпадает с грамотой № 5.

Длина 23,3 см, ширина 2,0 см.

Стратиграфическая дата: 1187–1197 гг.

Текст делится на слова так: **У Хотѣна сроцеке** 'У Хотуна сорочок'.

Сорочекъ (или *сорокъ*) — товарно-денежная единица. Большой интерес представляет написание *сро-* вместо обычного *соро-* — точно такое же, как в новгородской берестяной грамоте № 336 (где представлено *срочькъ*, *срочька*); см. об этом ДНД₂, § 2.6.

Имя *Хотунъ* стоит в том же ряду антропонимических производных от корня *хот-*, что *Хотѣславъ*, *Хотѣжерьъ*, *Хотѣнь*, *Хотила*, *Хотьша* и др. Суффикс *-унъ* — тот же, что, например, в *Хъмунъ*. Имя *Хотунъ* отразилось в топониме *Хотуниче*, упоминаемом в новгородской договорной грамоте 1270 г. (ГВНП, № 3).

Грамота № 4

Общие сведения см. выше при № 2.

Грамота № 4 найдена 14.08.1999 на усадьбе А Воздвиженского 1А раскопа; квадрат Г–47, пласт 18, глубина 1,73 м. Это одна целая строка и остатки еще двух строк из средней части документа:

...-оу
боцеве две гривне возврати опа
[кы]т-мон...

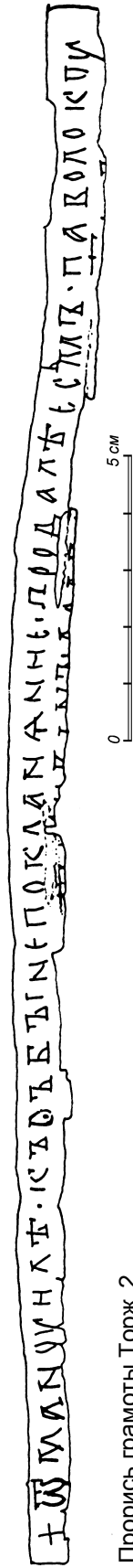
Длина 23,7 см, ширина 2,6 см.

Стратиграфическая дата: 1187–1197 гг.

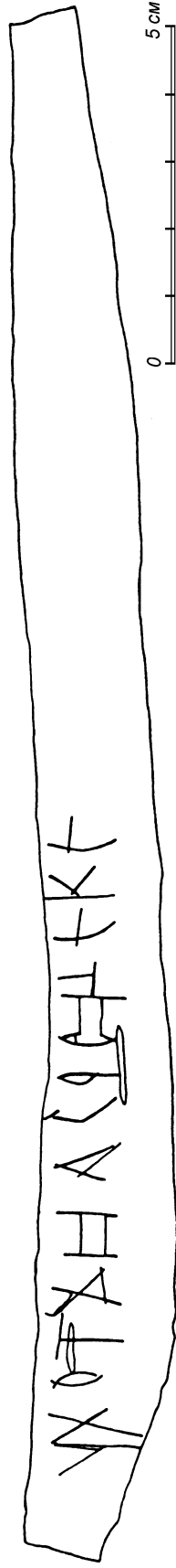
Внестратиграфическая оценка: последнее 40-летие XII в. (см. НГБ X, с. 415).

Текст делится на слова так: **...оу боцеве две гривне возврати опа кы т-мон...**

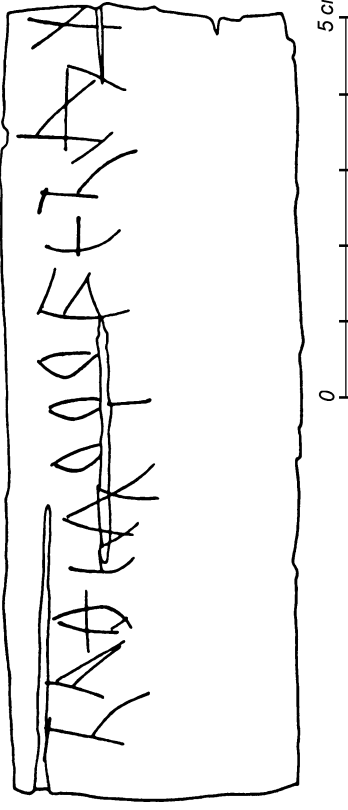
Вполне понятны только слова '... две гривны' и 'верни назад ...' (но входят ли они в единую фразу или в две разных, неизвестно). Словоформа *боцеве* (имя собственное?) выделяется ненадежно; в тексте могло стоять и притяжательное прилагательное *...оубоцеве* ('принадлежащие ...убочу').

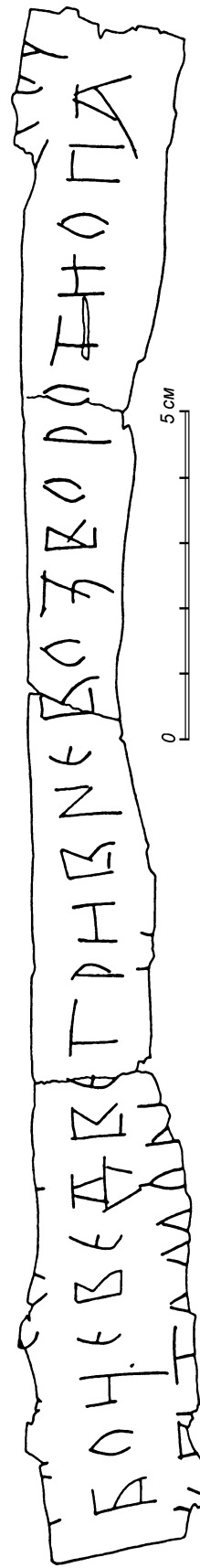
Прорись грамоты Торж. 2

Прорись грамоты Торж. 3

Прорись грамоты Торж. 5

Прорись грамоты Торж. 4

Грамота № 5

Общие сведения см. выше при № 2.

Грамота № 5 найдена 14.08.1999 на усадьбе А Воздвиженского 1А раскопа; квадрат В-47, пласт 17, глубина 1,64 м. Это записка из одной строки, правая половина которой, по-видимому, отрезана:

За Ѡєдорѡ без дѠ...

Почерк совпадает с грамотой № 3.

Длина 10,4 см, ширина 4,8 см.

Стратиграфическая дата: 1187–1197 гг.

Текст делится на слова так: **За Ѡєдѡро без дѠ...**

За Ѡєдѡро — скорее всего просто описка, вместо *за Ѡєдѡромѡ* или вместо *за Ѡєдѡра* (предполагать здесь архаичный В. ед. *за Ѡєдѡрѡ*) нет достаточных оснований).

Грамота № 6

Четыре грамоты (№ 6, 13, 16 и 19) происходят с усадьбы В, частокольные границы которой начинают формироваться в середине 1160-х гг., а окончательно оформляются в первой трети XIII в. (1206–1232 гг.). находки всех грамот локализируются в центральной, свободной от построек, части усадьбы.

Грамота № 6 найдена 19.08.1999 на усадьбе В Воздвиженского 2 раскопа; квадрат О-6, пласт 7, глубина 1,30 м. Она происходит из коричнево-серого со щепой слоя. Грамота подрезана по краям и имеет щелевидное сквозное отверстие в центре. Текст нанесен на толстый, практически не расслоенный кусок бересты, который в момент обнаружения был несколько выгнут дугой и выглядел очень прочным.

Грамота № 6 (как и № 16) найдена на участке значительно перемешанного еще в древности слоя, где встречены фрагменты деревянных конструкций, имеющих широкую датировку от 1185 до 1223 г.

Это фрагмент, сохранивший по 5–7 букв из средней части четырех строк:

...[ѢѠѢѢ]...
...тиѡисв...
...ѡуѡиць...
...ваѢла...

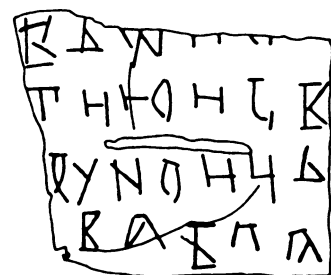
Длина 4,1 см, ширина 4,2 см.

Стратиграфическая дата: 1185–1223 гг.

Сохранившиеся отрезки предположительно делятся на слова так:

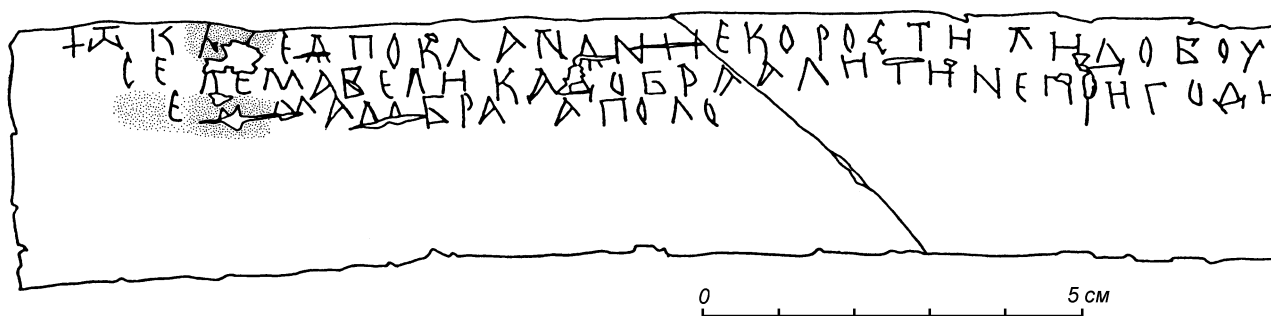
...ѢѠ ѢѢ Но... ...тиѡ и св... ... (ѡ)ѡуѡ и ць... ...ва Ѣла...

Для интерпретации данных практически нет.

0 3 см

Прорись грамоты Торж. 6

Грамота № 7

Общие сведения см. выше при № 2.

Грамота № 7 найдена 20.08.1999 на усадьбе А Воздвиженского 1А раскопа в виде двух фрагментов, залегавших в соседних квадратах на расстоянии 1,2 м с друг от друга и с разницей глубин в 4 см; квадрат Д-48 и Д-47, пласт 19, глубина 1,83 и 1,87 м. Это две конечные строки письма:

**БѢНѢВОДАСИЛИАЛЖ[Ѣ]ТИ[Ѡ]А[Ѡ]М[ИТ]РОВА
ДѢНИПОТРИРѢЗАНАМЕСАЦЕ**

Длина 26,6 см, ширина 3,2 см.

Стратиграфическая дата: 1187–1197 гг.

Текст делится на слова следующим образом:

...бѢ. НѢ водаси ли, а лажѢ ти о^т Дмитрова дѢни по три рѢзане на месаце.

Перевод: '... Если же не отдашь, то на тебя ляжет [обязанность выплачивать], начиная с Дмитрова дня, по три резаны в месяц'.

Грамота № 8

Грамота № 8 найдена 27.08.1999 на усадьбе А Воздвиженского 1А раскопа; квадрат Е-50, пласт 21, глубина 2,04 и 2,08 м. Она находилась в 50–100 см от частокола, отделяющего усадьбу А от мостовой Воздвиженской улицы. На усадьбу А грамота в принципе могла попасть и через частокол с улицы (ее адресат — иной, чем в № 2). Грамота залегала приблизительно на 20 см выше уровня древнейшего настила мостовой, сооруженного во второй половине 1180-х гг.

Это целое письмо, которое в древности разорвали на две части, оказавшиеся в слое на расстоянии 50 см друг от друга, с разницей глубин в 4 см:

**+Ѡк[ѡ]-єапокланиєкоростилидобоудимикона
се[л]ємавеликадобраалитиєпригодитьса
[с]є[лє]мадобрааполо**

Левый край грамоты истерт и частично поврежден. Его реконструкция не вполне надежна. В имени автора вторая буква читается с большим трудом, а третья почти целиком вырвана (может быть, это *p*).

Длина 30,2 см, ширина 3,8 см.

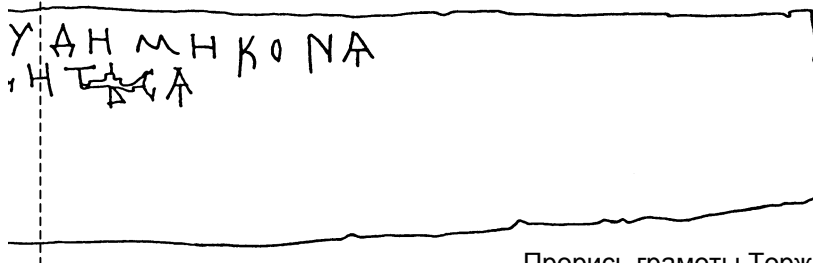
Стратиграфическая дата: 1187–1192 (1197) гг.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно последнее 40-летие XII в. (см. НГБ X, с. 415).

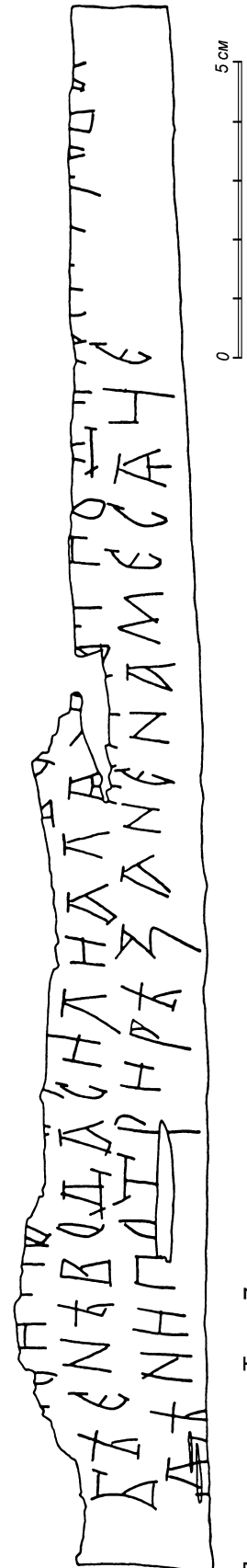
Текст делится на слова следующим образом:

Ѡ Кы-єа покланіє ко Ростили. Добоуди ми кона, селема велика, добра.

Али ти не пригодитьса селема добра, а поло.

Прорись грамоты Торж. 8

Прорись грамоты Торж. 7

Перевод: 'От Кирея (?) поклон Ростиле. Добудь мне коня, такого большого, хорошего. Если же тебе не попадетсЯ такого хорошего, то половину'. Этот на первый взгляд странный текст становится ясным, если осознать, что речь идет о покупке конины, а именно, целой конской туши.

Сельма — 'столь', 'настолько' (см. Слов. XI–XVII, 24, с. 49); ср. более известное *тольма*.

Грамота № 9

Семь берестяных грамот (№ 9, 11, 12, 14, 15, 17, 18) найдены на усадьбе Б, границы которой начали формироваться уже в середине 1150-х гг., в слое коричневого гумуса со щепой.

Грамоты №№ 9, 11, 12 приурочены к южной части усадьбы и обнаружены в 1–2 м к северо-востоку и северу от сруба, связанного с бронзолитейным производством. Грамоты найдены в обрывках, причем не в свернутом рулончиком, а в развернутом виде.

Грамота № 9 найдена 30.08.1999 на усадьбе Б Воздвиженского 1А раскопа; квадрат В-52, пласт 28, глубина 2,72 м. По глубине залегания грамота № 9 соответствует уровню производственного сруба, имеющего дендродаты 1189–1195 гг. Это средняя часть трехстрочного письма:

...роужинекогостиле...
...пиливрьбаго-а--...
...икоуневотретье

Длина 17,1 см, ширина 3,3 см.

Стратиграфическая дата: 1189–1195 гг.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно середина – вторая половина XII в. (см. НГБ X, с. 415).

Сохранившиеся отрезки текста делятся на слова так:

(...) (Ѡ дружинѣ ко Гостиле.пили врьбаго -а--... ..и коуне во третьѣ.

Можно понять: '... от дружины к Гостиле'; '... купили (?) ивовую рощу ...'; '... деньги в третьѣ'.

Слово *врь(ь)багъ* ранее не засвидетельствовано. Это явно производное от *врьба* 'верба', 'ива', однотипное с диалектными *липѣгъ* 'возвышенность, покрытая липовым лесом' Петерб., Тамб., Ворон. (СРНГ, 17: 60), *листвѣгъ* 'лиственничный лес' Сибирь (17: 65), *волмѣгъ* 'заросли ивняка' Новг. (5: 43), также *соснѣгъ*, *ельнѣгъ*, *ольшнѣгъ* и т. п.

Въ третьѣ (давать или брать деньги) — 'под отдачу одной трети в качестве процентов'; это выражение неоднократно встречается в берестяных грамотах (например, в новгородской № 75, смоленской № 12).

Имя *Гостила* известно как из летописи, так и из берестяных грамот.

Грамота № 10

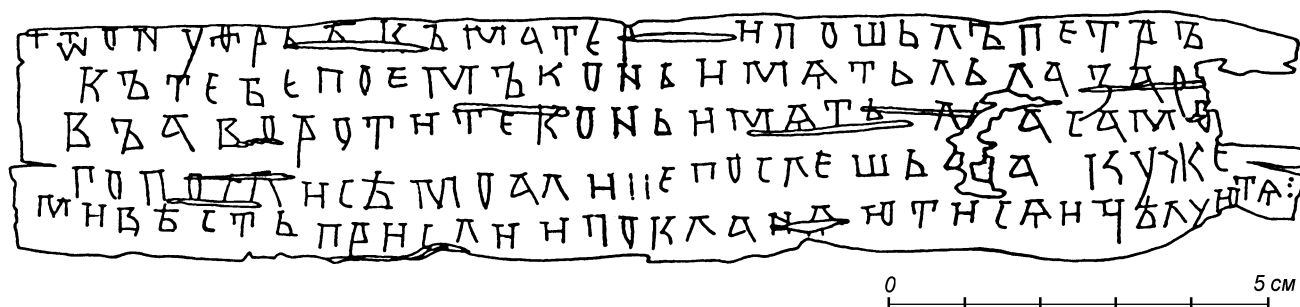
Грамота № 10 найдена 3.09.1999 на усадьбе Г Воздвиженского 2 раскопа; квадрат Ж-5, пласт 9, глубина 1,75 м. Это единственная грамота, происходящая с частично вскрытой Воздвиженским 2 раскопом усадьбы Г. Грамота найдена на останце размерами не более 1×1 м средневекового культурного слоя (коричневый гумус со щепой), зажатого фундаментами и ямой XVIII–XIX вв. (ср. ниже ситуацию с местом находки грамоты № 18).

Грамота залегала в непосредственной близости от южного частокола усадьбы Г, имеющего дендродаты в пределах 1228–1235 гг., и сохранившегося участка настила из плах, связанного с переулком, отделяющим усадьбу Г от усадьбы В и имеющим дендродату 1190 г. Таким образом, стратиграфически датировать грамоту приходится довольно широко: 1190–1235 гг.

Внестратиграфическая оценка: последнее 40-летие XII в. (см. НГБ X, с. 416).

В момент находки документ представлял собой аккуратный небольшой рулончик бересты с текстом на его внутренней стороне. Это целое письмо из пяти строк:

+Ѡнуфрьѣкъматерипошьльпетръ
кътебепоемъконьиматьльлазаръ
въаворотитеконьиматьльасамо
гопослисѣмолинепослешь[а]тукуже
мивъстьприслиипокланяютисаицѣлюта :

Длина 17,1 см, ширина 3,2 см.

Прорись грамоты Торж. 10

Текст делится на слова следующим образом:

Ѡ Онуфрьѣ къ матери. Пошьль Петрѣ къ тебе, поемъ конь и матьль Лазар(е)въ. А воротите конь и матьль, а самого послисѣмо. Али не послешь, а такую же ми въсть присли. И покланяю ти са и цѣлюю та.

Перевод: 'От Онуфрии к матери. Пошел Петр к тебе, взяв Лазарева коня и плащ. Верните (очевидно, Лазарю) коня и плащ, а самого [Петра] ты пошли сюда. Если же не пошлешь, то пришли мне об этом весть. Кланяюсь тебе и приветствую тебя'.

Автор грамоты Онуфрия, возможно, был хозяином усадьбы Г.

С морфологической точки зрения следует отметить окончание *-ъ* в И. ед. *Петръ* и перфекте *пошьль*. Большой интерес представляет *Д. къ тебе* (очевидно, вместо *къ тебѣ*): в новгородских берестяных грамотах встречается только *Д. тобѣ*.

Грамота не имеет никаких черт древненовгородского диалекта. Ее можно рассматривать как самый ранний ныне известный образец восточнорусского говора.

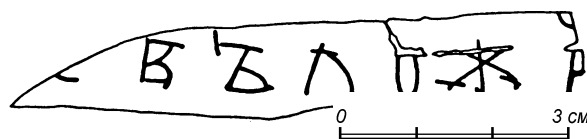
Грамота № 11

Общие сведения см. выше при № 9.

Грамота № 11 найдена 3.09.1999 на усадьбе Б Воздвиженского 1А раскопа; квадрат Б–52, пласт 28, глубина 2,71 м. По глубине залегания грамота № 11 (как и № 9) соответствует уровню производственного сруба, имеющего дендродаты 1189–1195 гг.

...[ѣ]вълож[и]...

Длина 7,4 см, ширина 1,2 см.

Прорись грамоты Торж. 11

Стратиграфическая дата: 1190–1235 гг.

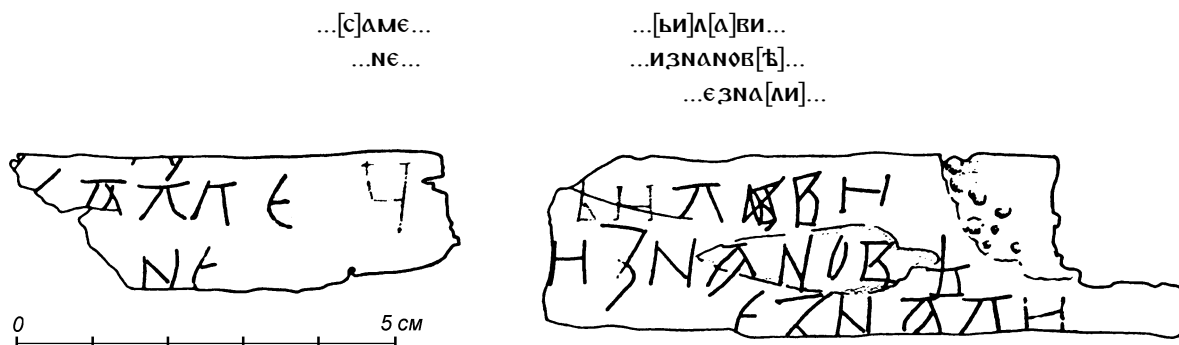
Предположительно читается только **въложи(...)** — какая-то словоформа глагола *въложити* (часто в значении 'погрузить [на подводы, на судно]').

Грамота № 12

Общие сведения см. выше при № 9.

Грамота № 12 найдена 11.09.1999 на усадьбе Б Воздвиженского 1А раскопа; квадрат Б–54, пласт 30, глубина 2,98 м. Она состоит из двух частей, написанных на толстых нерасслоенных кусках бересты. По глубине залегания грамота № 12 соответствует уровню сруба с дендродатами 1189–1195 гг.

Это два не смыкающихся друг с другом фрагмента, сохранившие небольшие остатки соответственно двух и трех строк текста:

Прорись грамоты Торж. 12

Длина 1-го фрагмента 5,6 см, ширина 1,7 см; длина 2-го фрагмента 8,4 см, ширина 2,3 см.

Стратиграфическая дата: 1189–1195 гг.

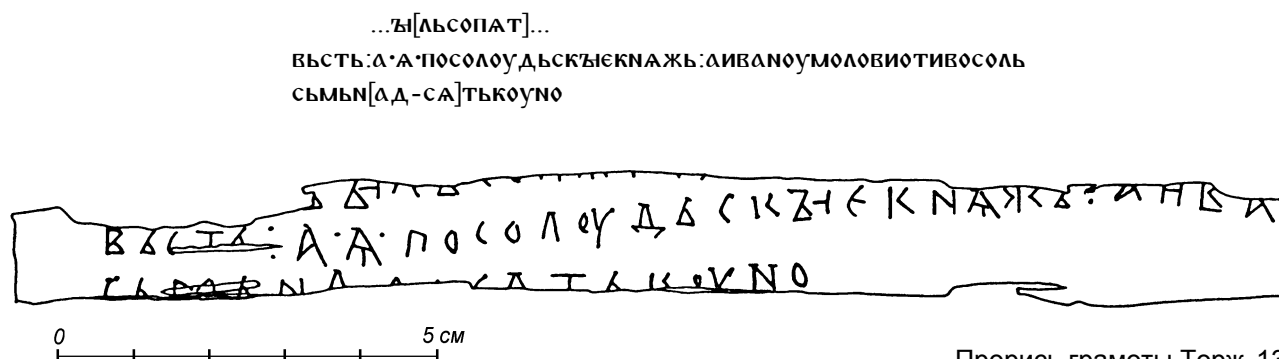
Словоделение ненадежно. Можно лишь предположительно выделить некоторые разрозненные словоформы: **саме**, (**признано**, **знали**).

Грамота № 13

Общие сведения см. выше при № 6.

Грамота № 13, к сожалению, попала в руки археологов лишь с некоторой задержкой, и ее документация не вполне надежна. Она найдена в августе 1999 г. на усадьбе В Воздвиженского 2 раскопа (вероятно, квадрат Р–7, пласт 7, глубина около 1,30 м).

Это две конечные строки письма (и несколько букв предшествующей строки):

Прорись грамоты Торж. 13

Длина 30,7 см, ширина 1,7 см.

Стратиграфическая дата: полигоны распределения стеклянных браслетов и шиферных пряслиц позволяют предположить, что грамота происходит из слоя конца XII — начала XIII вв.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно середина – вторая половина XII в. (см. НГБ X, с. 416).

Текст делится на слова следующим образом:

...ЫЛЬ СО ПАТ... ... ВЕСТЬ, А А ПОСОЛОУ ДЬСКИЕ КНАЖЬ. А ИВАНУ МОЛОВИ, ОТИ ВОСОЛЬ СЪМЬ НА Д(Ь)САТЬ КОУНО.

По аналогии с грамотой Ст. Р. 12 можно предположить, что в утраченной части текста было, в частности, сказано примерно следующее: 'если кто-то не послушается, то ты шли мне ...' Далее идет сохранившийся текст: '... весть, а я пошлю княжеского детского. А Ивану скажи, чтобы прислал семнадцать кун'.

Отметим написание *посо́лоу* 'пошлю', с *лоу* вместо *лю* (см. ДНД₂, § 2.44). Написание *дьские* (= *дѣськии*) отражает специфическое фонетическое развитие: [-т'ьск-] > [-т'ск-] > [-ц'к-] > [-с'к-].

В *дьские княжь* представлена древняя форма В. падежа (не совпадающая с Р.).

Грамота № 14

Общие сведения см. выше при № 9.

Грамота № 14 найдена 9.08.2000 на усадьбе Б Воздвиженского 3 раскопа, в слое темно-коричневого гумуса со щепой и углем; квадрат 25, пласт 5, глубина 0,81 м.

Грамоты № 14 и 15 залежали на одинаковой глубине в 1 м от восточного частокола усадьбы Б и в 80 см друг от друга, у восточной стены сруба № 28 4-го строительного яруса. Глубина залегания этих грамот в слое соответствует контакту уровней 4 и 5 строительных ярусов, которые из-за плохой сохранности древесины не датированы. Однако мы имеем даты 3 (1195 г.) и 6 (1171 г.) строительных ярусов. Именно к периоду 1171–1195 гг. и следует отнести берестяные грамоты № 14 и 15.

Грамота № 14, ставшая тысячной берестяной грамотой, обнаруженной на территории древней Руси, представляла собой 11 фрагментов, которые В. И. Поветкину удалось соединить в четыре; но порядок их следования неизвестен.

...ЕВЬНИК...
...[п]ИСЪДЪ[в]...

...[ъ]Д...
...СОЛИИЕ...

[х]ОД---МА[а]КО[ш]...
[ѣ]НЕК[ѣ]ПИ-АТОВОЮТ[-]...

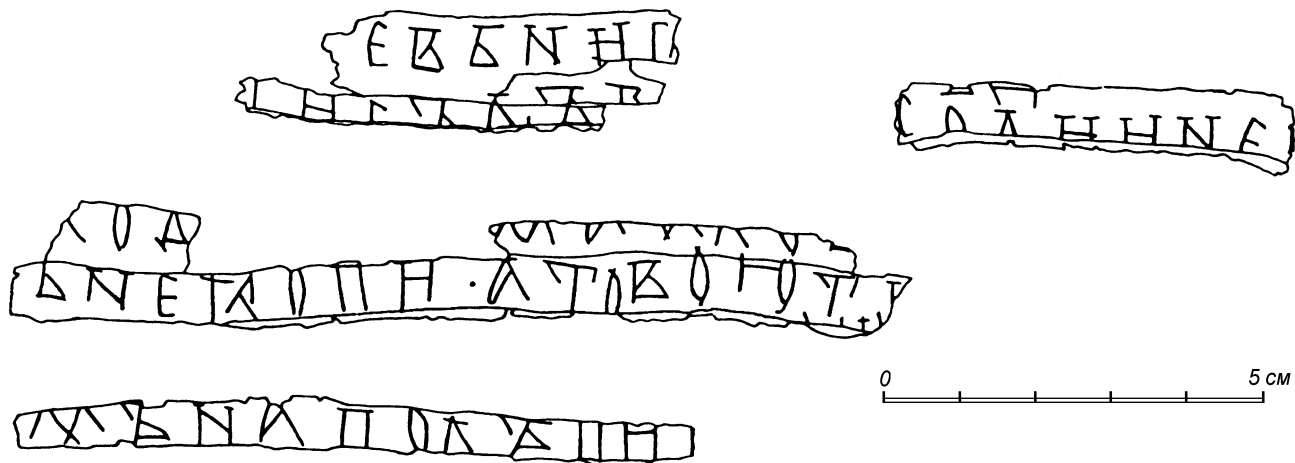
МЪНАПОЛЬ[-]И...

Длина и ширина — 1-го фрагмента: 6 и 1,5 см; 2-го фрагмента: 5,3 и 1,1 см; 3-го фрагмента: 11,9 и 1,5 см; 4-го фрагмента: 8,9 и 0,7 см.

Стратиграфическая дата: 1171–1195 гг.

Сохранившиеся отрезки предположительно делятся на слова так: а) **...евъник... ...д... ... (кѣ)пи съ дѣв(а) ... соли и не ...;** б) **... ход---ма, а Кош(ѣ)- ...ѣ не кѣпи; а то Воют... (или: а товою т...); в) ...мъ на поль ...**

ИВАНУ МОЛОВИ ОТИ ВОСОЛЬ

Прорись грамоты Торж. 14

Первоначальный документ представлял собой деловое письмо. Оно содержало указания о том, что следует и что не следует покупать; в частности, упомянута соль. Вероятно, это документ из переписки компаньонов (складников).

Отрезок *ко[щ]*... (если он правильно восстановлен) может быть началом имени *Кошѣи*, т. е. того же самого, которое содержится в следующей грамоте (см. ниже).

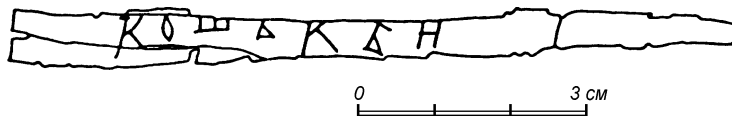
Грамота № 15

Общие сведения см. выше при № 9.

Грамота № 15 найдена 11.08.2000 на усадьбе Б Воздвиженского 3 раскопа, в слое темно-коричневого гумуса со щепой; квадрат 25, пласт 5, глубина 0,80–0,82 м. Документ был скручен в рулончик. О датировке см. при № 14.

Это целый ярлычок, содержащий одно слово:

кошькѣи

Прорись грамоты Торж. 15

Длина 9,5 см, ширина 0,7 см.

Стратиграфическая дата: 1171–1195 гг.

За написанием **Кошькѣи** здесь стоит известное древнерусское имя (прозвище) *Кошѣи*.

Человек по имени Кошей, фигурирующий в этой и в предыдущей грамоте, — вероятно, хозяин (или по крайней мере просто житель) усадьбы Б.

Написание *шьк* на месте ожидаемого *щ* — весьма ценный лингвистический факт. Оно вполне аналогично случаям обратной замены (*шк* или *шьк* на *щ*), например, *оу Тимоше* ‘у Тимошки’ в новгородской берестяной грамоте № 78 или *ѡ Тимощѣ* в № 300, и является важным дополнительным подтверждением того, что в некоторых говорах *щ* реализовалось в виде [ш’к’] (см. ДНД₂, § 2.10).

Грамота № 16⁴

Общие сведения см. выше при № 6.

Грамота № 16 найдена 8.09.1999 на усадьбе В Воздвиженского 2 раскопа; квадрат Н-5, пласт 8, глубина 1,55 м. Грамота № 16 найдена в 3-х метрах от № 6. Стратиграфически она должна быть древнее, чем № 6. Однако обе эти грамоты найдены на участке значительно перемешанного еще в древности слоя, где встречены фрагменты деревянных конструкций, имеющих широкую датировку от 1185 до 1223 г.

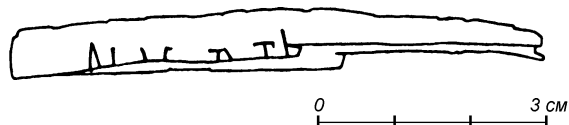
Это фрагмент долговой записки, от которой сохранилась только верхняя часть начальных букв первой строки:

[оухо]г-...

Длина 6,9 см, ширина 0,8 см.

Стратиграфическая дата: 1185–1223 гг.

Наиболее вероятное словоделение — **Оу Хот...** ('у Хотена', 'у Хотуна', 'у Хотеслава' и т. п.). Ср. начало грамоты № 3.

Прорись грамоты Торж. 16

Грамота № 17

Общие сведения см. выше при № 9.

Грамота № 17 найдена 25.07.2001 на усадьбе Б Воздвиженского 4 раскопа (в северо-восточном не занятом постройками углу этой усадьбы), в слое несколько подсушенного темно-коричневого гумуса со щепой; квадрат 84, пласт 6/7, глубина 1,20 м. Несмотря на свои огромные размеры, береста лежала не свернутой в рулон, а в горизонтальном положении со сложенными краями. Судя по изгибам, она неоднократно сильно придавливалась сверху.

Грамота найдена фактически на стыке Воздвиженских 3 и 4 раскопа. Данное обстоятельство позволяет привлечь для датировки этой находки разработанную ярусологию соседнего Воздвиженского 3 раскопа. Местоположение в слое по нивелировочным отметкам дает право связать ее с 4 строительным ярусом (между 1171 и 1195 гг.). Таким образом, стратиграфическая дата грамоты № 17 близка к дате грамот №№ 14 и 15. При этом все три грамоты связаны с жилым срубом № 28 указанного яруса.

Грамота № 17 представляет собой целый документ из семи строк:

мацешинижедетисесоутегордосте:непокорение:прекословее:пре
зоресво:хоула:кевета:зломыслие:глево:вражда:пеанесво:игрыне
приазнинъивсакадзlobe:аклоестеклевета:хоула:гневоосоужение
прекословее:сваро:бои:зависте:вражда:зломинание:непокорение
злосердее:злипомысли:смехотворение:ивсаигрыбесовескыа:таже
пакызапоисво:резоимание:грабление:разбои:татба-дшегоубление
потвориноклепоотравблудипрелюбодеаниецаротворение

Длина 55,5 см, ширина 9 см (до реставрации); длина 54,3 см, ширина 8,6 см (после реставрации).

Стратиграфическая дата: 1171–1195 гг.

Общая внестратиграфическая оценка: первое 20-летие XIII в. При этом язык документа выглядит немного моложе, чем палеография: по палеографии и графике (без учета данных языка) документ получил бы датировку 1160-е – 1210-е гг.

⁴ Номер данной грамоте был присвоен в конце 2000 г., но грамота фактически найдена в 1999 г.

~~МАЧЕШНИЖК~~ ДЕТН(Е)Т(Е)Г
 ПОР(Е)ВО: Х(А)ЛА: К(Е)В(Е)Т(А): З(А)О(М)З(А)С(А)Н(А)
 П(Р)Е(К)А(Е)В(Е)Т(А): З(А)О(М)З(А)С(А)Н(А)
 З(А)О(М)З(А)С(А)Н(А): Б(О)Ж(Е)С(Т)В(Е)Н(А)
 П(Р)О(М)С(Т)В(Е)Н(А): З(А)О(М)З(А)С(А)Н(А)
 П(Р)О(М)С(Т)В(Е)Н(А): З(А)О(М)З(А)С(А)Н(А)
 П(Р)О(М)С(Т)В(Е)Н(А): З(А)О(М)З(А)С(А)Н(А)

5 cm

Д(О)Т(Е): Н(Е)П(О)К(О)Р(Е)Н(Е): П(Р)Е(К)А(Е)В(Е)Т(А)
 З(А)О(М)З(А)С(А)Н(А): П(Р)Е(К)А(Е)В(Е)Т(А)
 Л(О)С(Т)Е(К)А(Е)В(Е)Т(А): Г(О)У(Л)А: Н(Е)П(О)К(О)Р(Е)Н(Е)
 П(Р)О(М)С(Т)В(Е)Н(А): З(А)О(М)З(А)С(А)Н(А)
 П(Р)О(М)С(Т)В(Е)Н(А): З(А)О(М)З(А)С(А)Н(А)
 П(Р)О(М)С(Т)В(Е)Н(А): З(А)О(М)З(А)С(А)Н(А)
 П(Р)О(М)С(Т)В(Е)Н(А): З(А)О(М)З(А)С(А)Н(А)

Текст делится на слова следующим образом:

Мацешини же дети — се соуте: гордосте, непокорение, прекословее, презоресво, хоула, клевета, зломыслие, глево, вражда, педнесво, игры неприязнины и всакаа злобе.

А кало есте: клевета, хоула, гнево, осужение, прекословее, сваро, бои, зависте, вражда, злопоминание, непокорение, злосердее, злии помысли, смехотворение и вса игры бесовескыя; та же пакы запоисво, резоиमानье, грабление, разбой, татба, д(у)шегоубление, потвори, поклепо, отрава, блоуди, прелюбодеяние, царотворение.

Описки: *клевета, глево* (вместо *клевета, гнево*).

После большинства слов стоит разделительный знак: троеточие, двоеточие или точка.

Грамота содержит извлечение из литературного произведения, а именно, “Слова о премудрости” Кирилла Туровского или по крайней мере приписываемого ему (Кирилл Туровский использовал в свою очередь одно из слов Иоанна Златоуста — см. Калайдович 1821, с. 89–90; Сл. XI–XVII, 9, с. 50).

Перевод: ‘Мачехины же дети — это гордыня, непокорность, переченье, высокомерие, хула, клевета, злоумышление, гнев, вражда, пьянство, сатанинские игрища и всякое зло. А грязь — это клевета, хула, гнев, осуждение, переченье, ссора, драка, зависть, вражда, злопамятство, непокорность, злобность, злые помысли, забавы со смехом и все игрища бесовские; также упивание, ростовщичество, грабеж, разбой, воровство, убийство, напускание порчи, поклеп, отравление, блуд, прелюбодеяние, колдовство’.

Приводим для сравнения фрагмент “Слова о премудрости” Кирилла Туровского по изданию Калайдович 1821 (с. 89–91; полное название — “Слово о премудрости, притча”); разделение на абзацы условное, только для удобства сравнения с грамотой Торж. 17).

Отгнахомъ отъ себе матеръ, а мачеху пріяхомъ, ейже имя величанье,

дѣти же ея суть: гордость, непокореніе, прекословье, презорство, хула, клевета, зломыслье, гнѣвъ, вражда, пьянство, игры неприязнины и всякая злоба.

Да аще хочещи матере ся лишити, а мачеху любити и ея дѣти; то съ тѣми обряцещи собѣ гордаго дьявола, вязяцаго въ тмѣ кромѣшинѣи и въ огни негасимѣмъ, идѣже и ты будещи привязанъ съ нимъ. Аще не отженещи отъ себе мачехы и ея дѣтій, то не приѣмещи матере съ дѣтми ея, то будетъ ти послѣдняя горша первыхъ. Ты же ми рци: како могу пріяти матеръ, а Отца разгнѣвивъ, а порты Хрестьяныя искалявъ? азъ же тя, брате, научю: порты искаляныя измый, и тогда ты приѣмешь Отець, и начнетъ тя любити паче первая любви. Порты же суть: крещеніе, вѣра;

а калъ: клевета, хула, осуженье, гнѣвъ, прекословье, сваръ, бой, зависть, вражда, злупоминанье, непокореніе, злосердіе, зліи помысли, смѣхотвореніе, и всяка игра бѣсовская; также пакы: запоиство, рѣзоиманье, грабленье, разбой, татба, душегубство, потвори, поклепъ, вѣлхвованія, чародѣянія, прелюбодѣянья, и всяка злоба.

Как можно видеть, списывая “Слово о премудрости”, наш переписчик решил выбросить весь отрезок между двумя списками грехов, в частности, пассаж про “порты” (‘одежду’), где упоминаются некоторые добродетели. Его явно интересовали только перечни грехов. Соответственно, из трех аллегорий — мачехины дети, одежды и грязь (“кал”) на этих одеждах — он оставил только первую и третью. Вполне возможно, что его цель состояла в том, чтобы с помощью Кирилла Туровского получить текст, который непосредственно помогал бы ему готовиться к исповеди и покаянию (или готовить паству, если это был священник).

Грамота Торж. 17 — первый случай, когда до нас дошел записанный на бересте полностью сохранившийся собственно литературный текст заметной длины (о ранее известных берестяных грамотах, в той или иной мере близких к этой категории, см. выше при № 893). Эта находка решительно подтвердила предположение о том, что в древней Руси на бересте иногда записывались и литературные тексты. В частности, теперь уже есть основания полагать, что с грамотой Торж. 17 был сходен по общему характеру содержания и даже по внешнему виду тот первоначальный документ, обрывки которого составили грамоту № 893.

Естественно предполагать, что в отличие от писем и записок, посвященных текущим делам, берестяные документы этой категории сохранялись дольше и тщательнее. Как новоторжская грамота № 17, так и новгородская № 893 написаны на очень длинных (55 и 62 см) берестяных листах, которые, насколько можно судить, хранились не в виде рулонов, а в развернутом состоянии. Чтобы удержать упругие листы в таком состоянии, их,

по-видимому, необходимо было при хранении покрывать сверху дощечкой. Разумеется, таким способом можно было хранить и не одиночный берестяной лист, а несколько листов (возможно, даже целую кипу).

Прямой аналогией здесь могут служить комплекты записей (нередко с красочными иллюстрациями) на пальмовых листьях, составлявшиеся в средневековой Индии. Серия таких листов обрезалась в виде сильно вытянутых прямоугольников единого размера (иногда со слегка овальными краями), причем в двух строго определенных точках прямоугольника прорезались небольшие круглые отверстия. Эта серия заключалась между двумя досками того же размера, нижняя из которых имела шпеньки, проходившие сквозь отверстия листов (верхняя доска могла быть украшена резным орнаментом). Образцы таких комплектов можно видеть, в частности, в Далемском музее в Берлине. Сходным образом могли оформляться и записи на бересте. В частности, в рукописях V–VII вв. на бересте, найденных в 1931 г. в Гильгите (Кашмир), листы, размером 30×8 см, “складывались стопкой, один на другой, и зажимались между двух дощечек, по размеру равных листу рукописи. Листы из бересты, как правило, не скреплялись, каждый можно было вынуть из пачки. <...> Чтобы не повредить лист из бересты, отверстие не делали, но место, где это отверстие следовало делать, обводили кружочком и оставляли без текста” (Воробьева-Десятовская 1988: 37).

Никаких прямых свидетельств того, что грамота № 893 и/или Торж. 17 есть часть более длинного текста, написанного на нескольких листах, нет; в частности, в обеих грамотах последняя строка кончается намного левее правого края листа. Но следует заметить, что и в индийских комплектах ясно видна тенденция к тому, чтобы каждый лист был оформлен как некое законченное письменное произведение (например, каждый лист несет ровно одну миниатюру и относящийся именно к ней текст). Можно предполагать, что в культурах, использовавших подобные комплекты листов, такие не сшитые между собой листы воспринимались как нечто аналогичное не страницам книги, а скорее картам в некоей колоде или открыткам в альбоме; отсюда требование законченности каждого отдельного листа.

Текст грамоты Торж. 17 записан по бытовой орфографии, причем применен совершенно последовательный ее вариант: все *ъ* заменены на *о*, все *ь* и все *ѣ* заменены на *е*. Грамота являет собой, таким образом, чрезвычайно чистый и выразительный пример того, как церковно-литературный текст, проникая в бытовую среду, переписывается по бытовой орфографии. До находки этой грамоты столь бесспорных примеров такого рода еще не было. В пергаменных или бумажных рукописях мы никогда не встретим подобного сочинения, написанного целиком по бытовой орфографии (возможны только единичные отклонения в сторону такой орфографии). Таким образом, оригинал, с которого списывал наш переписчик (или по крайней мере его предшественник в цепи копирования), был написан по-книжному. Мы знаем теперь, что, списывая для домашнего употребления подобный нравоучительный текст, древнерусский грамотей считал допустимым и даже уместным не копировать книжную орфографию, а писать “по-домашнему”. (Важно еще, что почерк здесь очень тверд и устойчив — он исключает всякую мысль о том, что дело тут в неумелости писца.)

В грамоте последовательно отражено позднерусское состояние; буква *е* на месте срединного *ь* присутствует только перед суффиксами *-ск-ьи* и *-св-о* (из *-ств-о*).

Язык — церковнославянский; но в записи отражено цоканье (*мацешини*, *царотворение*). Запись конечного *-ие* неустойчива: наряду с правильным церковнославянским *-ие* трижды встретилось русское *-е* (= *<ье*).

С диалектологической точки зрения представляет большой интерес написание *-сво* вместо *-ство* (три раза, т. е. описка исключена). Здесь явно отразилось упрощение *ст* в *с*. Это явление хорошо известно в современных говорах — как в конечной позиции (например, *мос*, *шесть* вместо *мост*, *шесть*), так и в сочетании *ств* (например, *богасво*, *вешво*, *дурачво*, *есва*, *есво*, *знакомсво*, *княжесво*, *мальсво*, *мусво*, *обчесво*, *одинасво*, *одиносво*, *окурасво*, *бчесво*, *пасва*, *пасво* и т. п. — см. эти статьи в СРНГ). Явление характерно для севернорусских говоров и западной части среднерусских.

В морфологии и морфонологии никаких отклонений от церковнославянских норм нет.

Грамота № 18

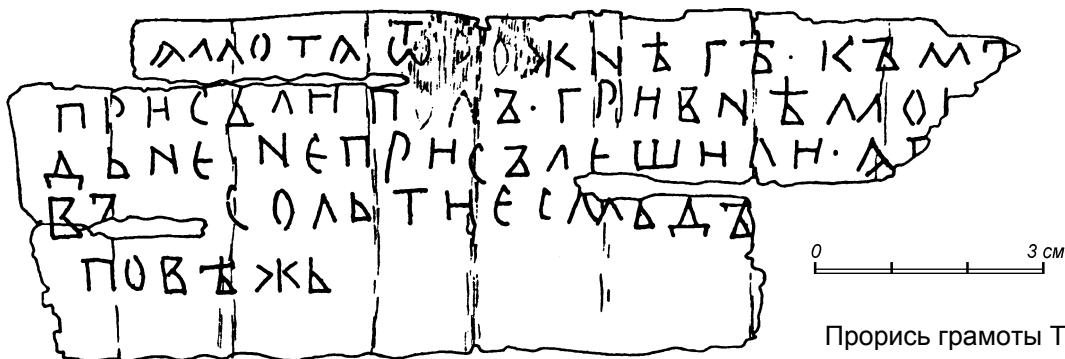
Общие сведения см. выше при № 9.

Грамота № 18 найдена 8.08.2001 на усадьбе Б Воздвиженского 4 раскопа (в северо-восточном не занятом постройками углу этой усадьбы); квадрат 93, пласт 9, глубина 1,64 м. Она лежала в трех метрах к западу от грамоты № 17 на чудом сохранившемся участке темно-коричневого слоя, буквально в нескольких сантиметрах от стены белокаменного погребца XVIII–XIX вв. Грамота найдена в виде рулона, который был втопан в грунт и из-за этого имеет в нескольких местах глубокие трещины поперек строк текста.

В стратиграфическом отношении грамота № 18 близка к грамотам № 14, 15 и 17.

Это письмо из пяти строк, утратившее правую часть:

--амота ѿрожнѣ гѣ кѣм[ѣ]...
 присъли·поль·гривнѣмо...
 дъне не присълѣшили·а...
 въ сол[ѣт]и есмь дѣ...
 повѣжь

Прорисъ грамоты Торж. 18

В конце второй строки после *мо* видна левая часть *ю* или *и*, в конце третьей после *а* — левая часть *н*, *з*, *б* или *в*.

Длина 14,2 см, ширина 4,4 см.

Стратиграфическая дата: 1171–1195 гг.

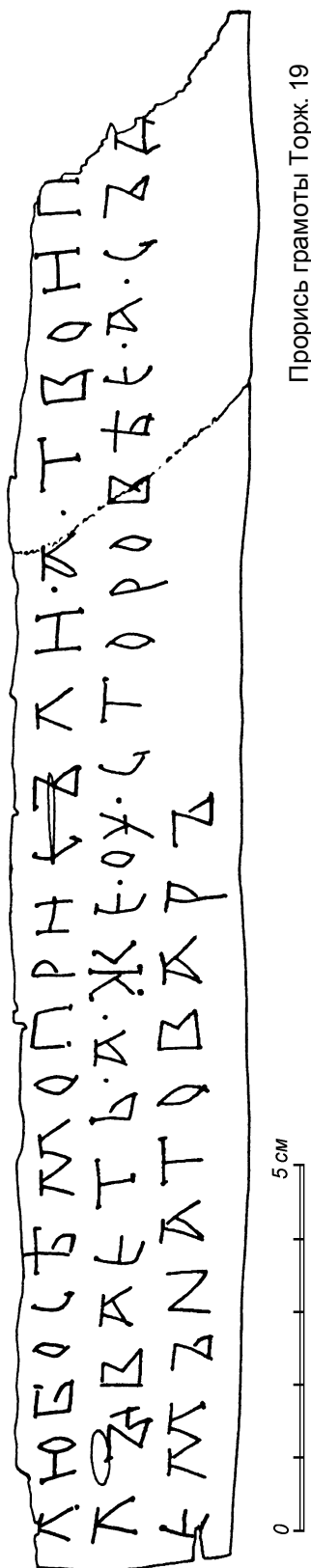
Внестратиграфическая оценка: 20-е–70-е гг. XII в.

Имя адресата — возможно, *Мѣстата* или какое-то более длинное с тем же началом (скажем, *Мѣстатѣка*). Первые две фразы письма явно построены по часто встречающейся в берестяных грамотах схеме: “пришли деньги, которые ты мне должен; если же не пришлешь, то ...” (следует та или иная угроза). Можно предполагать, в частности, что первая фраза читалась так: *присъли поль гривнѣ мо[ю] (до Петрова) дъне* (конечно, день мог быть и иным; но именно Петров день чаще всего служил предельным сроком для расчетов с долгами). Конец второй фразы менее ясен. Поскольку утраченная правая часть грамоты, по-видимому, была не очень велика, угроза должна была быть краткой; ср., например, в новгородской берестяной грамоте № 915: *присъли коуны; оже ли не присълѣши, то ти въ полы*. Угроза *а [ѣ] (ѣ полы) 'то [это станет займом] в половину (т. е. под 50% роста)’* могла стоять и в настоящей грамоте.

Последняя фраза письма скорее всего означала примерно следующее: ‘Если же я тебе что-то должен за соль, то сообщи’ (т. е. автор хочет выяснить, не потому ли адресат не возвращает долг, что, по его мнению, автор сам ему должен за соль). С учетом вероятной величины утрат можно предположить, например: *(али) въ сол[ѣ] ти есмь дѣ (лъжьне чимъ а) повѣжь*. Но детали конъектур могут быть и иными (например, вместо *али* мог стоять какой-то другой условный союз, слова *что* могло и не быть и т. п.).

Итак, вместе с наиболее вероятными конъектурами текст может быть представлен следующим образом:

(Грамота ѿ Рожнѣ гѣ къ Мѣ(статѣ). Присъли поль гривнѣ мо(ю до) ... дъне. Не присълѣши ли, а; ... въ соль ти есмь дѣ(лъжьне ..., а) повѣжь.

Прорись грамоты Торж. 19

Въ соль — здесь 'за соль' (см. ДНД₂, § 4.8).

Интересно не встречавшееся прежде имя *Рожнѣга* (неизвестно, мужское или женское); по-видимому, это такое же производное от *рожьнь*, как и *Рож(ь)нѣтъ* (в берестяных грамотах № 336 и 915), но с другим суффиксом. Менее вероятно, что это женский вариант к имени *Рознѣзь* (ср. № 119), с труднообъяснимым *жн* вместо *зн*.

Грамота № 19

Общие сведения см. выше при № 6.

Грамота № 19 найдена 14.08.2001 на усадьбе В Воздвиженского 4 раскопа; квадрат 103, пласт 14, глубина 2,62 м, ярус — ниже 5. Грамота находилась в слоё темно-коричневого гумуса с небольшим количеством щепы. Она лежала в сложенном, а не скрученном виде. Судя по нивелировочным отметкам, это древнейшая берестяная грамота на Воздвиженских раскопах. Она залегала непосредственно над предматериковым слоём на 40 см ниже строительного яруса № 3, который может датироваться 1160–1180 гг. Стратиграфические наблюдения позволяют связать ее с древнейшим 7-м строительным ярусом Воздвиженского 3 раскопа, имеющего наиболее ранние дендродаты периода 1139–1148 гг. или даже с более ранним периодом начала XII в.

Это конечные три строки письма:

ЛЮБОСѢМОПРИСЪЛИ·А·ТВОИП---
 ЛЪВАЕЪТЪ·А·ЖЕ·ОУ·СТОРОВѢ·А·СЪД--
 ЕМЪНАТОВАРЪ

В конце первой строки лакуна размером в три буквы, в конце второй — размером в две буквы. Конъектура *п(рип)лываеть* практически надежна: она единственная, дающая разумный смысл. Для конъектуры *съд(еж)емь* 'снимем', 'сложим' возможны также варианты *съд(ѣн)емь* и *съд(ѣ)емь* (с тем же значением); но иных правдоподобных решений не усматривается.

Длина 21,2 см, ширина 3,1 см.

Стратиграфическая дата: начало XII в. – 1148 г.

Внестратиграфическая оценка дает немного более позднюю дату: 2-я половина XII в.

Вместе с наиболее вероятными конъектурами текст может быть представлен следующим образом:

..., **любо сѣмо присъли. А твои п(рип)лываеть. Аже оусторовѣ, а съд(еж)емь на товарь.**

Стоящая за данным фрагментом ситуация есть предмет гипотез. С нашей точки зрения, речь скорее всего идет о перевозке товара на судах, а именно, во фразе *а твои п(рип)лываеть* опущенное существительное (муж. рода) — это название какого-то товара (скажем, *воскъ, медь, хмель, льнь, тимь* и т. д.) или слово со значением 'судно' (*насадъ, учань, корабль*). Слова *любо сѣмо присъли* — конец делового распоряжения, касающегося, по-видимому, аналогичного товара (или судна), принадлежащего автору. Далее сказано, что если воск (мед и т. д.) адресата, отправленный на судне, которое уже в пути, прибудет благополучно, то он будет сложен *на товарь*.

Последнее выражение, однако, может пониматься по-разному: а) ‘на подводь’ (см. в Срезн. значение ‘обоз’, ‘подводь’ у слова *товарь*); б) ‘на стан’ (т. е. в некое место временного хранения; см. в Срезн. значение ‘стан’, ‘лагерь’); в) ‘в качестве товара’ (т. е. *съд(еж)емь на товарь* ≈ ‘положим на продажу’; *оусторовѣ* в этом случае может пониматься как ‘не испортится’).

Перевод: ‘... либо сюда пришли. А твой приплывает — если уцелеет, то ...’ Далее возможны варианты: ‘сгрузим на подводь’; ‘сгрузим на стан’; ‘положим на продажу’.

В грамоте шла речь о движении торговых судов, видимо, по Тверце, которую в договорных грамотах XIV–XV вв. иногда называли “Новоторжским путем”.

В грамоте отразилась диалектная древненовгородская основа *сторов-* ‘жив-здоров’, ‘цел’, ‘благополучен’ (см. ДНД₂, § 2.48, 5.14). Она выступает здесь в составе нигде ранее не засвидетельствованного глагола *усторовѣти* ‘уцелеть’. Это слово показывает, между прочим, что термин *сторовь* мог применяться не только к людям, но и к вещам. Словообразовательная модель — та же, что в *уцѣлѣти* от *цѣль*; далее ср. *устояти*, *уцѣдѣти*, *утѣриѣти*, *удѣржатиса* и т. п.

Для предполагаемого в данном тексте слова *съдѣти* ‘снять’, ‘сложить’ ср. у Даля *сдѣть* (кафтан, рубаху) ‘снять’, ‘скинуть’, ‘сорвать’. Ср. также известные из древних памятников глаголы с *-дѣти* в первичных значениях, прямо связанных с древним *дѣ-* ‘класть’: *придѣти* ‘приложить’, *вѣдѣти* ‘вложить’, *вздѣти* ‘поднять’ и др. (см. Срезн.). У этих глаголов древняя форма презенса была *-дежеть*, поздняя — *-дѣнеть*. В несовершенном виде выступал презенс *-дѣють*. Какой из этих презенсов представлен в данной грамоте, из-за лакуны неясно.

С морфологической точки зрения чрезвычайно важно, что в грамоте прямо противопоставлены презенс *-ть* в простом предложении (*приплываеть*) и презенс без *-ть* в условном придаточном (*аже оусторовѣ*).

Уже давно замечено, что в новгородских грамотах (берестяных и пергаменных) имеется некоторая статистическая зависимость между выбором окончания без *-ть* или с *-ть* и типом предложения: самый высокий процент примеров без *-ть* отмечен в предложениях, выражающих условие (вводимых специальным условным союзом или просто союзом *а*) или цель, т. е. там, где глагол передает не осуществляемое, а лишь предполагаемое действие (см. НГБ VIII, с. 143–144). В ранних берестяных грамотах в этом классе предложений словоформы 3 ед. первого спряжения имеют окончание *-е* (а не *-еть*) почти всегда, например: *ати боуде воина* 527, *аци ти присъле къ тѣбѣ* 794, *оже князь поиде* 332а, *а боуде сторовъ князь* 852, *оте побоуде сыно у мене* 705. В словоформах с другими окончаниями этот эффект менее регулярен. (Менее регулярен он также в поздних грамотах.) Грамота Торж. 19 — это первый пример прямого семантически обусловленного противопоставления двух моделей презенса в рамках текста из двух фраз: *а твои (при)плываеть; аже оусторовѣ, а съд(еж)емь на товарь*.

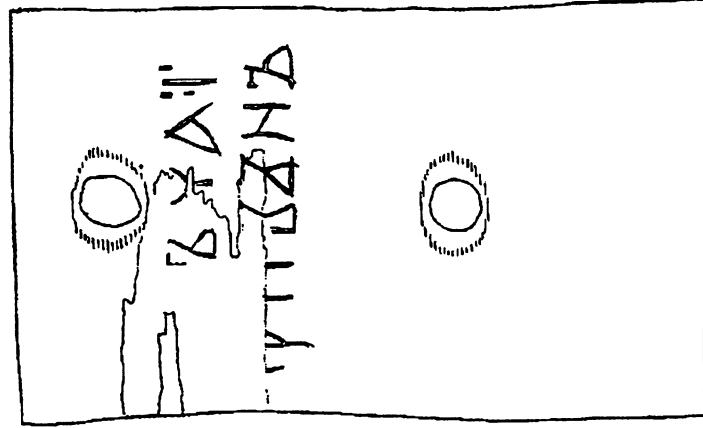
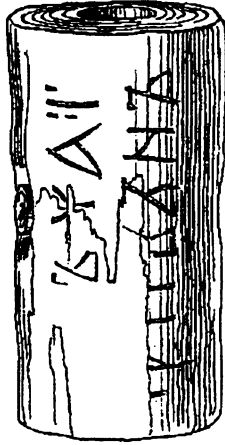
5. НАДПИСИ НА ЦИЛИНДРАХ

Чтобы представить сразу весь комплекс документов этой категории, ниже приводятся не только новонайденные надписи, но и находки прежних лет. Используется принятая ныне единая нумерация цилиндров. См. также Янин 2001, с. 93–150 (с библиографией по каждой надписи).

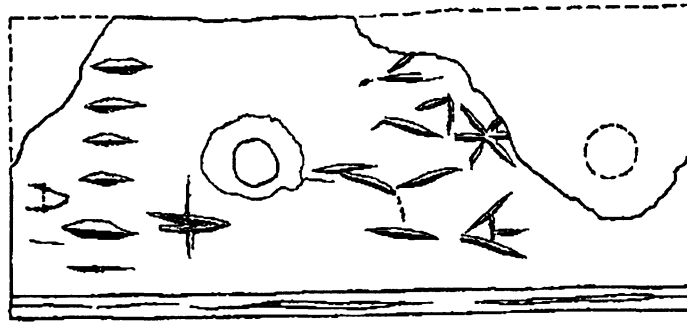
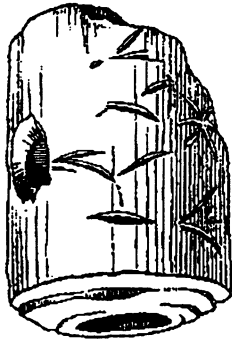
Цилиндр № 1

Найден в 1951 г. в напластованиях усадьбы Б Неревского раскопа. В НГБ I (с. 44) этот документ значится как надпись № 2. Надпись в три строки:

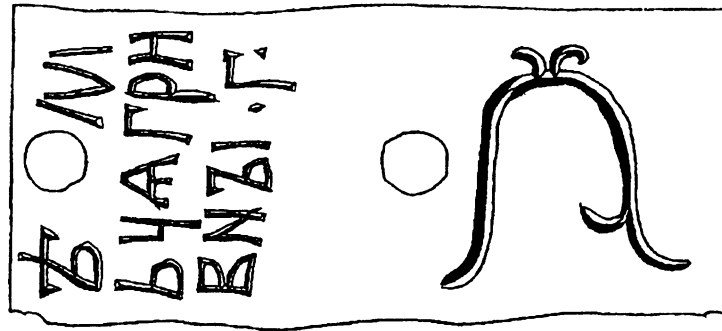
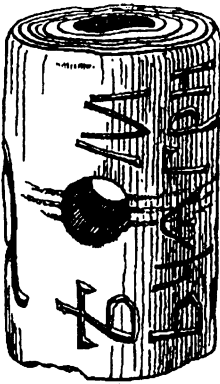
ѣм
ьцагри
вныг·

№ 5

№ 2

№ 1

Стратиграфическая дата: третья четверть XI в.

Текст делится на слова так: **Ъмьца. Гривны 3.**

Для слова *Ъмьца* ныне представляется предпочтительной предложенная Н. А. Макаровым (2003: 150) интерпретация 'Емца' — название реки (левого притока Северной Двины) и прилегающей к ней волости (вместо прежней интерпретации как Р. ед. от *къмьць* 'сборщик дани', 'мечник'); т. е. указание 'Емца' здесь такое же, как 'Вага' на цилиндре № 30 и 'Усть-Вага' на № 19 (см. ниже).

Цилиндр № 2

Найден в 1955 г. в напластованиях усадьбы Б Неревского раскопа. Надпись в две строки:

кЪн
аж-

Заметим, что букву после **к** можно истолковать и как **ь**, а не **ъ**.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XI в.

Текст состоит из одного слова: **кънаж-** (т. е. *кънажсь* или *кънажсе*) 'княжеский (-ское)'.

Цилиндр № 5

Найден в 1972 г. на Легощенском раскопе. Надпись в две строки:

...ъча-г
гривънъ

Стратиграфическая дата: XI в.

Текст делится на слова так: **...ъча 10 гривнънъ**. Поврежденное первое слово восстанавливается неоднозначно (возможно, это было *Ъмьча*, ср. надпись № 1).

Запись сделана по одноеровой системе.

Цилиндр № 6

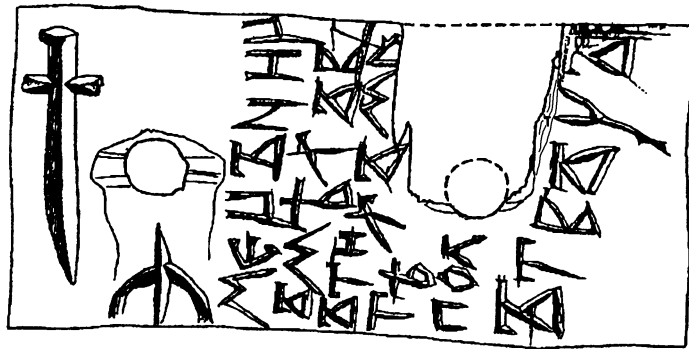
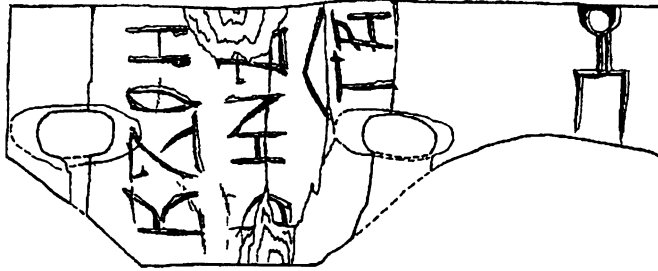
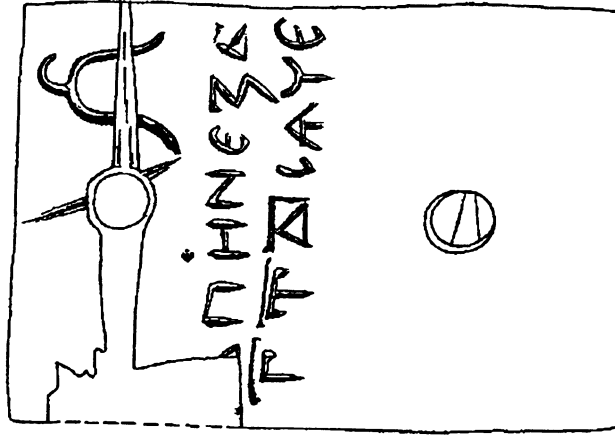
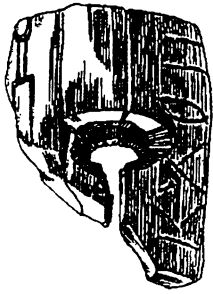
Найден в 1980 г. в напластованиях усадьбы Е Троицкого раскопа. Надпись в шесть строк:

мецъниц
ъмъхъв
ътихъм-
[г]ъ
пол...
ътвъ[р]ъ

Стратиграфическая дата: последняя четверть X – первая половина XI в.

Можно предполагать, что этот цилиндр, найденный в 1980 г., относится к тому же мощному комплексу деревянных цилиндров XI — нач. XII в., который был обнаружен на той же усадьбе Е Троицкого раскопа в 1999 г. В связи с этим датировка этого цилиндра самым начальным отрезком его стратиграфического интервала, предлагавшаяся ранее, ныне оказывается под некоторым сомнением. Новонайденные цилиндры позволили также установить, из каких элементов складывается формуляр надписей этой категории (ср. в особенности цилиндр № 19), что привело к пересмотру прежней интерпретации данной надписи.

В строке 4 первая буква должна интерпретироваться скорее как *г*, чем как *т*. В строке 3 последняя буква (от которой сохранился только самый верх) — *о*, *а* или *а* (альтернативные интерпретации *ъ*, *ь*, *ѣ* ныне следует отвергнуть).

0 5 cm

0 3 cm

0 5 cm

№ 11

№ 7

№ 6

Текст делится на слова так: **Мецьницъ мѣхъ. Въ Тихъм-гѣ пол(ъ) цѣтвѣрь(гѣ).**

Запись сделана по одноеровой системе.

Перевод: 'Мешок мечника. В Тихм-ге три с половиной' (подразумевается: гривны). Для последних двух строк использована (с небольшим изменением) интерпретация А. А. Медынцева (1984б), предполагающая, в частности, для предпоследней буквы текста чтение [p], а не [q].

Заключительное (ц)ѣтвѣрь[p]ѣ — очевидно, недописанное *цетвѣрьтѣ* или *цетвѣрьты*: последний слог не уместился, и автор этим пренебрег. Что касается ѣ вместо е в первом слоге, то здесь скорее следует видеть простую опisku под влиянием двух последующих ѣ, нежели рефлекс западнославянского типа (*чѣтв-), предполагаемый А. А. Медынцевой.

Название места, к сожалению, устанавливается неоднозначно: *Тихъмага*, *Тихъмага* или *Тихъмога* (варианты мужского рода, типа *Тихъмагъ*, следует отвергнуть, так как в этом случае не было бы предлога *въ*, см. § 4.7). Название *Тихманьга* (или *Тихменка*) носит река, впадающая с запада в озеро Лача, и так же называется группа деревень в ее низовье; в документах XVI в. название имеет вид *Тихменга* или *Тихмонга* (Макаров 2003, с. 155). Поскольку все эти варианты названия содержат *н*, в надписи скорее всего стояло *въ Тихъмагѣ*, где *а* — древнейший способ передачи иноязычного сочетания с носовым (тогда как *ен*, *он*, *ань* — более поздние способы его передачи).

Надпись представляет собой один из самых ранних письменных документов с отражением цоканья (*мецьницѣ*) и с отсутствием эффекта второй палатализации (*ѣ*, а не *з* в *Тихъм-[ѣ]ѣ*).

Цилиндр № 7

Найден в 1980 г. в напластованиях усадьбы Е Троицкого раскопа. Надпись в три строки:

въ[?]и
[?]инѣ
...гри

Две буквы неясны: в первой строке после *въ* стоит *ѣ*, *о* или *р*; во второй строке начальная буква — *ѣ* или *р*. Буквы *ин* в *инѣ* и буквы *ри* в *гри* образуют лигатуры.

Стратиграфическая дата: последняя четверть X – первая половина XI в. (синхронен предыдущему).

Структура надписи прозрачна: 'В таком-то пункте столько-то гривен'. Но название населенного пункта пока что надежно восстановить не удается.

Цилиндр № 11

Найден в 1991 г. в напластованиях усадьбы П Троицкого раскопа. Надпись в две строки:

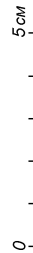
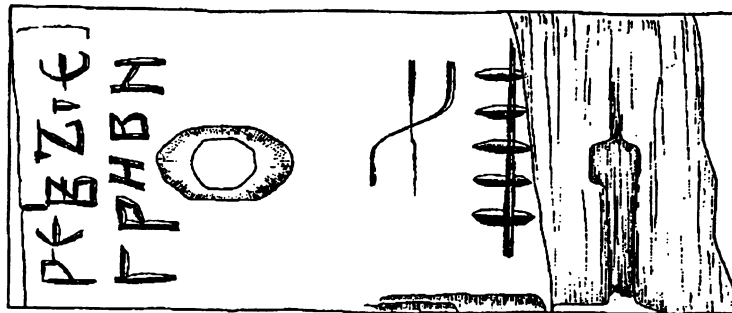
-[ѣ]пинезѣ
гтысаѣ

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

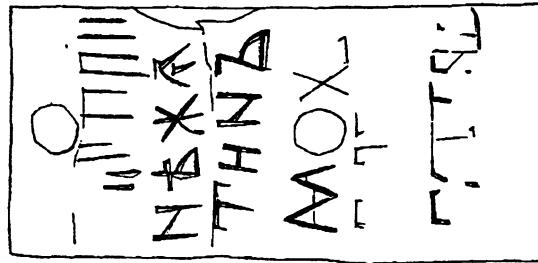
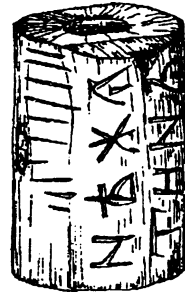
Текст делится на слова так: **(В)ѣ Пинезѣ 3 тысяче.**

Перевод: 'На Пинеге 3 тысячи' (указана сумма собранной дани).

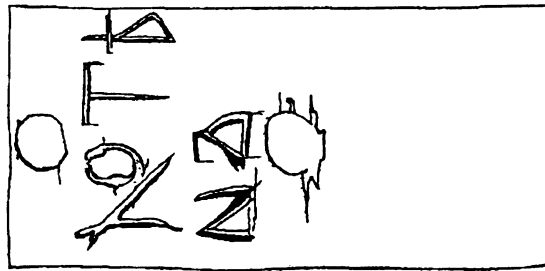
В словоформе *Пинезѣ* представлен эффект второй палатализации. Возможно, это просто текст на наддиалектном древнерусском. С другой стороны, не исключено, что надпись была сделана на месте сбора дани, т. е. в двинской земле, и отражает местный говор. Но особенно существенно то, что географическое обозначение типа *въ Пинезѣ*, *на Волоцѣ*, *на Вълзѣ* (с М. ед.) функционировало как основное наименование места (гораздо более актуальное, чем словоформа И. ед.) и поэтому могло употребляться во всех частях Руси как цельное речение в том же фонемном составе, как в самой называемой местности.

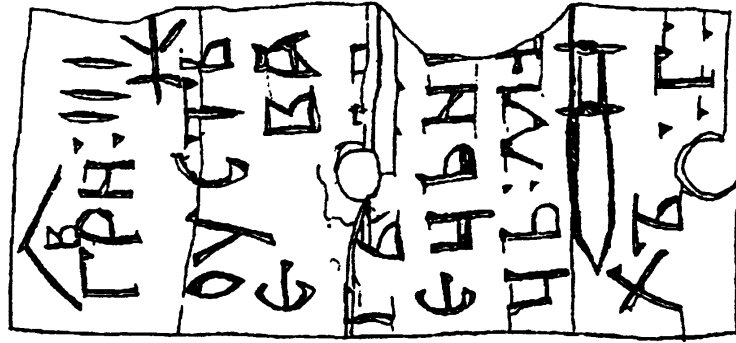
№ 13

№ 14

№ 15

№ 19

Цилиндр № 13

Найден в 1997 г. на Федоровском раскопе, в квадрате 580, на уровне пласта 19 (глубина 3,75 м). От надписи сохранились только две последние строки:

...
рѣвъ·є·
гривн

Стратиграфическая дата: последняя четверть XI в.

Текст делится на слова так: **...рѣвъ 5 гривн.**

Отрезок *рѣвъ* мог быть концом, например, от *мѣхъ Лазоревъ* или чего-то похожего; ср. ниже № 14, 21 и 50; но возможны, конечно, и другие варианты.

Цилиндр № 14

Найден в 1999 г. на Троицком раскопе, в квадрате 1478, на уровне пласта 13 (глубина 2,51 м), в напластованиях усадьбы Е. Надпись в пять строк (часть букв ныне уже не читается):

нѣжа
тинъ
м-х-

г[р]----

Стратиграфическая дата: начало XII в.

Текст делится на слова так: **Нѣжати^н м(ѣ)х(ъ) ... гр(ивн)-.**

Перевод: 'Нежатин мешок – [столько-то] гривен'. О Нежате см. выше при грамоте № 904.

Цилиндр № 15

Найден в 1999 г. на Троицком раскопе, в квадрате 1463, на уровне пласта 13 (глубина 2,47 м), в напластованиях усадьбы Е. Надпись в две строки:

хотѣ
нѣ

Стратиграфическая дата: начало XII в.

Текст состоит из одного слова — имени **Хотѣнѣ**. О Хотене см. выше при грамоте № 902.

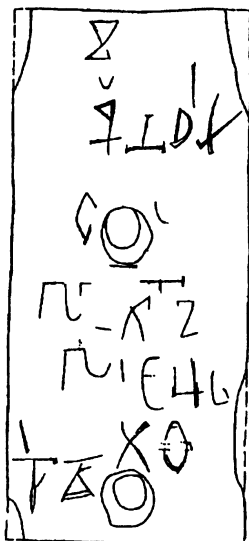
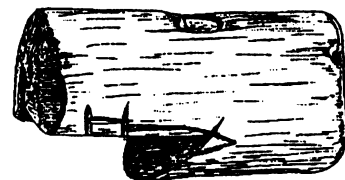
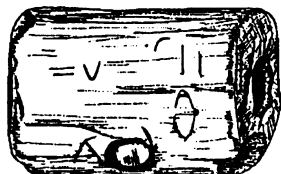
Цилиндр № 19

Найден в 1999 г. на Троицком раскопе, в квадрате 1469, на уровне пласта 14 (глубина 2,75 м), в напластованиях усадьбы Е. Надпись в семь строк:

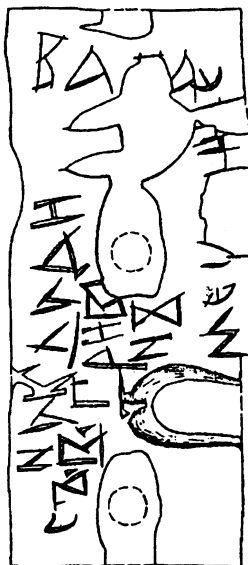
оустъ
ева
гъм
ѣцьн[и]
ць:мѣ
хъ:г:
г_рн:

Стратиграфическая дата: последняя четверть XI – начало XII в.

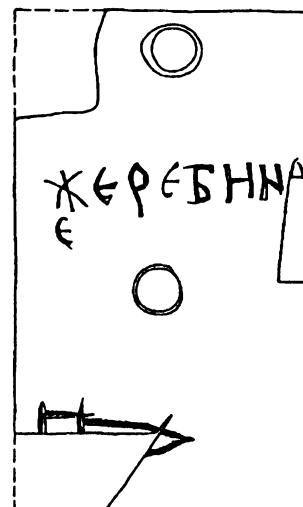
Текст делится на слова так: **Оустѣ Вагы. Мецьницъ мѣхъ – 3 гр(и)в(ѣ)н(ы).**

№ 21

№ 30

№ 35

Здесь представлен полный формуляр подобных надписей. Указаны: место сбора подати (Усть-Вага); принадлежность ('мешок мечника'); стоимость (три гривны).

Цилиндр № 21

Найден в 1999 г. на Троицком раскопе, в квадрате 1457, на уровне пласта 14 (глубина 2,71 м), в напластованиях усадьбы Е. Надпись в пять строк:

с-
 м-х[Ъ]
 мец[Ъ]
 [Н]---ХО
 т[Ъ]--

От этой надписи остались лишь следы: уже в древности ее стесали. По стесанному вырезано (с поворотом на 180°):

ХОТЪ
 -Ъ

Стратиграфическая дата: начало XII в.

Текст делится на слова так: С(е) м(ѣ)хъ мецьн(ичъ) Хотѣ(н)-. Последнее слово могло быть *Хотѣнь* (притяжательное прилагательное) или *Хотѣна* (родительный падеж).

Перевод: 'Это мешок мечника Хотена'. О Хотене см. выше при грамоте № 902.

Дописанное слово: Хотѣ(н)ъ.

Цилиндр № 30

Найден в 1999 г. на Троицком раскопе, в квадрате 1459, на уровне пласта 16 (глубина 3,05 м), в напластованиях усадьбы Е. Надпись в четыре строки:

НАКЛАДИ
 съ·в·г^{ри}в[ъ]
 н[ѣ]
 меч-[ниц]ѣ

Кроме того, с поворотом на 90° написано: вл[г]а

В третьей строке знак после **н** интерпретируется неоднозначно — как **ѣ**, **ѣ** или **ъ** (с грамматической точки зрения подходят первые два).

Стратиграфическая дата: последняя четверть XI в.

Текст делится на слова так: **Наклады съ 2 гривън- Меч(ъ)нице**. И далее: **Вага**.

Перевод: 'Проценты с двух гривен. Мечниково'. Указано также место сбора: Вага.

Цилиндр № 35

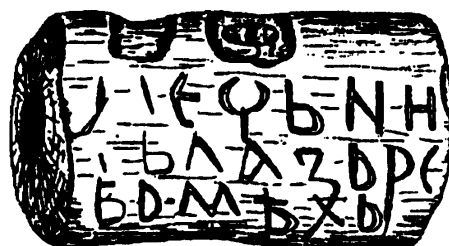
Найден в 1999 г. на Троицком раскопе, в квадрате 1512, на уровне пласта 14 (глубина 2,74 м), в напластованиях усадьбы Е. Надпись в две строки:

жеребино
 ѣ

Стратиграфическая дата: последняя четверть XI – начало XII в.

Текст состоит из одного слова: **Жеребиное** (одиночное *и* стоит здесь вместо двойного, т. е. это *жеребиное*).

Перевод: 'Собранное по жеребьям (участкам)'.

Цилиндр № 50

Найден в 1999 г. на Троицком раскопе, в квадрате 1423, на уровне пласта 18 (глубина 3,59 м), в напластованиях усадьбы Е. Надпись в три строки:

мечъни
 [ѡ]ѡлазоре
 вомѡхо

Кроме того, с поворотом на 90° была вырезана еще одна надпись, от которой можно прочесть: [гр]-[ъ]

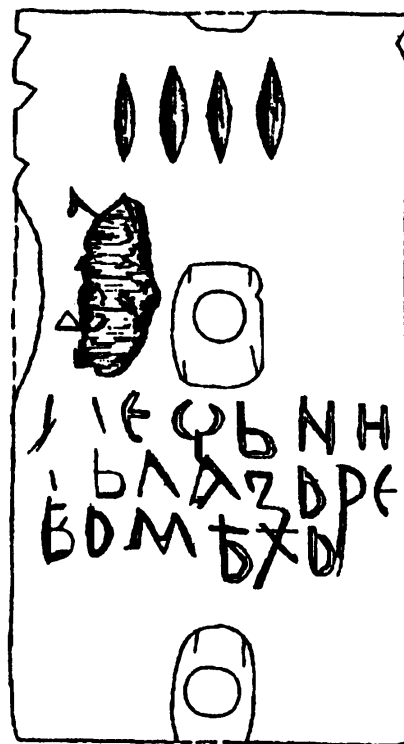
Стратиграфическая дата: 10-е–30-е гг. XI в.

Текст делится на слова так: **Мечъничъ Лазорево мѡхо**.

Перевод: 'Мешок мечника Лазоря'.

Вторая запись — сокращение от *гривънъ*.

Надпись представляет собой один из самых древних письменных памятников русского языка вообще и самый древний из тех, которые записаны со смешением букв **ъ** и **о** (*Лазоревъ* вместо *Лазоревъ* и *мѡхо* вместо *мѡхъ*).

0 5 см

№ 50

6. СВИНЦОВАЯ ГРАМОТА

Свинцовая грамота № 2

Найдена в 1997 г. на Федоровском раскопе, в квадрате 586, на уровне пласта 14 (глубина 2,75 м). Это дошедший до нас в целости документ — первые 12 букв азбуки, записанные в две строки:

А Б В Г Д
Е Ж З И К

Прорись грамоты Свинц. 2

Длина 6,2 см, ширина (высота) 6 см.

Предположительная стратиграфическая дата: вторая половина XII в. (надежной даты нет, поскольку документ был найден в перекопе).

Внестратиграфическая оценка: вторая половина XII в. (см. НГБ X, с. 401).

ЛИТЕРАТУРА

- Вас. Нов. — Житие Василия Нового (рукопись РГБ, фонд 98, № 162, 1 пол. XV в.).
- Веселовский 1974 — *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974
- Виноградов 1994 — *В.В. Виноградов.* История слов. М., 1994.
- Вопрошание Кириково // РИБ, т. 6. СПб., 1908.
- Воробьева-Десятковская 1988 — *М. И. Воробьева-Десятковская.* Рукописная книга в культуре Индии // Культура народов Востока. Материалы и исследования. Рукописная книга в культуре народов Востока (очерки). Книга вторая. М., 1988.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Гринченко — *Б. Д. Гринченко.* Словарь украинского языка. Т. I–IV. Киев, 1907–1909.
- Даль — *В. И. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- ДНД₂ — *А. А. Зализняк.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Жит. Андр. Юрод. — Житие Андрея Юродивого. Цитируется по публикации в кн.: *А. М. Молдован.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Зализняк 1999 — *А. А. Зализняк.* О древнейших кириллических абecedариях // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 1999. С. 543–576.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- Калайдович 1821 — *К. Калайдович.* Памятники российской словесности XII в. М., 1821.
- Каринский 1909 — *Н. М. Каринский.* Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.
- Карский 1955 — *Е. Ф. Карский.* Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского языка. М., 1955.
- Каталог — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI–XIII вв.). М., 1984.
- Комисс. НПЛ — Комиссионный список Новгородской I летописи.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.
- Лингв. — *А. А. Зализняк.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // НГБ VIII. С. 89–219.
- Макаров 2003 — *Н. А. Макаров.* “Заволоцкие топонимы” новгородских берестяных грамот и деревянных цилиндров на археологической карте // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 149–163.
- Мальгин 1989а — *П. Д. Мальгин.* Культурный слой средневекового Торжка // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 195. М., 1989. С. 42–51.
- Мальгин 1989б — *П. Д. Мальгин.* Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли в XII–XIII вв. // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 149–150.
- Марасинова — *Л. М. Марасинова.* Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966.
- Медынцева 1978 — *А. А. Медынцева.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978.
- Медынцева 1984 — *А. А. Медынцева.* Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси // Советская археология, 1984, № 4. С. 49–61.
- Молдован 2000 — *А. М. Молдован.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Напьерский — Русско-ливонские акты, собранные К.Е.Напьерским. СПб., 1868.
- НГБ I — *А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.
- НГБ IV — *А. В. Арциховский, В. И. Борковский.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.
- НГБ VIII — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
- НГБ IX — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- НГБ X — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000.
- НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I–VI и указатель. СПб.; Пг., 1859–1915.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- ПВЛ — Повесть временных лет. Цит. по Лавр.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов в Москве (ранее: ЦГАДА).
- РГБ — Российская Государственная библиотека в Москве (ранее: ГБЛ).
- РИБ — Русская Историческая библиотека.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–. М., 1988–.
- Синод. НПЛ — Синодальный список Новгородской I летописи.
- Слов. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- Слов. XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–. Л., 1984–.
- Слов. рус. гов. Карел. — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 5 в. Вып. 1 / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994.
- Срезн. — *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1950–1965.

- ССУМ — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1–2. Київ, 1977–1978.
- Тамож. кн. — Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов. СПб., 1996.
- Тупиков — *Н. М. Тупиков*. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Усп. сб. — Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- Успенский 2000 — *Б. А. Успенский*. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.
- Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- Фенне — *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian (Pskov, 1607)*. V. II. Copenhagen, 1970. (Ссылки даются на страницы оригинала.)
- Флав. — “История Иудейской войны” Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. I–II. М., 2004 (по рукописи посл. трети XV в.).
- Шахматов 1915 — *А. А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Шахматов 1957 — *А. А. Шахматов*. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
- Элиасов 1980 — *Л. Е. Элиасов*. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974–.
- Янин 2001 — *В. Л. Янин*. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.
- Popkonstantinov, Kronsteiner 1994 — *К. Popkonstantinov, O. Kronsteiner*. Старобългарски надписи. I. Altbulgari-sche Inschriften // Die Slavischen Sprachen. Bd. 37. (Salz-burg), 1994.
- SSPNO — *Słownik staropolskich nazw osobowych*. Т. I–VIII. Wrocław etc., 1965–1987.

СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ К БЕРЕСТЯНЫМ ГРАМОТАМ
№ 776–915, Ст. Р. 24–36, Торж. 1–19

А

- а союз — saepissime
абно (ранн. -бън-) союз 'коль скоро', 'если': абно же 893
аесова м. (знач.?): Зв. ед. аесово Ст. Р. 356
аже и ажъ (из-за смешения е и ь эти варианты трудноразличимы) союз: аже Торж. 19, ажъ 790; — ср. оже
аже ти союз: ажо ти 815 (возм. 'если тебе'); — ср. оже ти
али союз 804, 850, 886, Торж. 10
али ти союз: 893, Ст. Р. 28, Торж. 8 (возм. 'если тебе')
ала союз 'или же', 'а иначе' 890
ати союз 890
атъ ти союз 'ан', 'но', 'однако же' 907
аче союз 777
аче ти союз 793 (возм. 'если тебе')
ачи (или аци) союз: аци 800
ачи ти (или аци ти) союз: ачи ти 893, аци ти 794
ачи то ти союз 820

Б

- Бездѣдъ м. личн.: И. ед. Бездѣде 788
безъ (ранн. без) предл. (с Р.): безо Ст. Р. 30, без 886, Торж. 5, бе(...) 851 (?)
Бервно см. Бревно
беречи г.: през. 3 мн. (малOVER. 1 ед.) а того не берьгоу 890
берковескъ (ранн. бърковьскъ) м.: Δ фрагменты: Ст. Р. 26 (2×)
бити г.: перф. мн. м. били 855
благословити г.: пвл. 3 ед. благлови та БѢГО 831; перф. ед. м. та благловило (1 ед.) 831 (NB отсутствие го в обоих случаях)
близокъ м. 'свойственник': Т. мн. съ близокъ (-кы) 907
Богородица жс. (церк.): Р. ед. БѢЦъ 906, 913; Д. (возм. Р.) Бци 914

- Богъ м.: И. ед. БѢГО 831, БѢ 831; Р. БѢга дѢЛА 850, Ба дѢЛА 839, [БѢ]- дѢЛА 889, ѡтъ Ба 901, Бого са боа (го!) 881
боле н. сравн.: бол[е] 777 (?)
болии п. сравн.: И. мн. м. (?) [б]ол[ѣ]шии 866
борже (ранн. бърже) н. сравн.: бърже 891
Борзь (ранн. Бързь) м. личн.: Р. ед. ѿ Бърза 850
борзьи (ранн. бърз-) п.: М. мн. (наречн.) ...рзѣхо 829
Борисъ м. личн.: И. ед. Борисе 806; Р. Бориса 906; Д. къ Борисѣ 819
Бората м. личн.: Р. ед. ѿ Борате 819
боатиса г.: прич. наст. ед. м. БѢГО (!) са боа 881
братьень (ранн. -тън-) п. прит.: И. мн. м. братьни холопи 907
брати г.: Δ бери(...) 836 (?)
Братила м. личн.: Р. ед. о[г]ѣ Братилѣ 803
Братонѣгъ м. личн.: Р. ед. оу Братонѣга Ст. Р. 36
братъ м.: Зв. брате Ст. Р. 356, [б]ра[гъ] 829; Р. оу брата 907; Д. братоу 818
Бревно и Бервно, (ранн. Бървно) м. личн.: И. ед. Бървьнь 808 (малOVER. нарицат.)
Бриханичь м. отч. или жит.: И. мн. Бриханици 871 (?)
Будиша м. личн.: Д. ед. Боудише 888
бъти г.: наст. 1 ед. есмь 779, 814, 819, 831, 892, Торж. 18, есм[ѣ] 826, [е]с[ѣ]мь 800, есьмь 834, Торж. 2 (малOVER. 1 мн.), есемо Ст. Р. 31, 37; также слитно с отрицанием: несми 820 (= <нѣсми>); 2 ед. еси 776, 831 (2×), 850, 877 (2×), 909, 915, Ст. Р. 30; см. также си; 3 ед. есть 819 (2×); 1 мн. есме 854, 870, есмы 872; 2 мн. ксте 878; буд. 1 ед. боудоу 831; 3 ед. боуде 852, [б]оуде 850, боу[д]ет[ѣ] 901, не буд[етъ] 844; 3 ед. боудѣтъ 831; 2 мн. не боудѣтъ 893; 3 мн. [б]оу[д]оутъ 893; аор. (в составе формы сосл.) 1 ед. бы[хъ] 847; 3 мн. (приобретающее функцию частицы) быше (= <бышь>) 809 (окънь быше); имперф. 3 ед. [б]ешь <бѣше> 831; Δ боуд... 781; фрагмент: 893
бъшь см. быти (аор.)

В

Валтъръ (ранн. -лт-) *м. личн.: Д. ед.* Валтъроу 881
Варвара (ранн. -рѡв-) *жс. личн. II. ед.* 915-И; *Д. (возм. Р.)* Вррѡварѡ (pp!) 913
варажъскѣи *п.:* *Д. (число неизв.)* къ вараж... 851
Василии *м. личн.: Р. ед.* Ѡча Васильа 906
Васъ *м. личн.: Р. ед.* отъ Васа 845
вдати (ранн. въ-) *г.:* *през. 1 ед.* [в]ѡдамъ 815; *2 ед.* не вѡдаси ли 862, нѡ водаси ли *Торжс.* 7; *3 мн.* во[дад]аѡт 812, не вѡда[д]а(...) 880 (*возм. прич. през.*), ...[ада] 877 (?); *пвл.* вѡдажъ 798; *2 мн.* [в]ѡдад[и]те 786, вѡдади... 786 (?); *перф. ед. м.* еси вѡдале 850, вѡд[а]ле (*в составе предположит. 2 ед. м.?*) 834, вѡдал[ѡ] есемо *Ст. Р.* 37; Δ вѡда 903 (*возм. пвл. от* вѡдати); не вѡда... 815
вдати (ранн. въ-) *г.:* *пвл.* [вѡдаи] 867, вѡдаѡ 846, вѡдаи 879; *пвл.* (?) вѡда[ѡ] 850; *см. также* вдати
вѡжка (ранн. -жѡк-) *жс.:* *М. ед.* въ Радъко[в]ѡ(ѡ) [в]ѡжѡкъ ("башенке?") 805
вѡзти *г.:* *пвл.* вѡзи же 793
вѡликѣи *п.:* *кр. Р. ед. м.* кона се[л]ѡма велика *Торжс.* 8
вѡлѡти *г.:* *перф. ед. м.* вѡлѡлъ ми еси 877, [ес]и вѡл[ѡл]- 877
вѡрѡбагъ (ранн. вѡрѡб-) *м.* 'ивовая заросль': *V. ед.* вѡрѡбаго *Торжс.* 9
вѡрѡшь (ранн. вѡрѡшь) *жс.* 'хлеб в скирдах', 'зерно': *И. ед.* вѡр[ѡ]шь 798; *T.* вѡрѡшью 798
вѡрѡшьца (ранн. вѡрѡш-) *жс.* (*уменьшит. к* вѡрѡшь 'зерно'): *V. ед.* вѡрѡшьцю т8 879
вѡрѡѡ *жс.:* *R. мн.* вѡреи ('веревок для невода') *Ст. Р.* 30
вѡсти *г.:* *през. 3 ед. (маловаж. 2 мн.)* [д]ати вѡдете 851
вѡсь (ранн. вѡсь) *мест.:* *T. ед. с.* надо вѡсьмъ 831; *R. мн.* отъ вѡсьхъ 870, ото вѡсьхо 831; — *ср.* вѡхъ
вѡтѡѡи (ранн. -тѡх-) *п.:* *И. В. ед. с. (возм. м.)* [в]ѡтѡѡ хѡе 823
вѡворотити (ранн. вѡвѡ-) *г.:* *пвл.* вѡворотити *Торжс.* 4
Вѡдвиженъе (ранн. Вѡвѡ-) *с. (церк.): V. ед.* на Вѡвѡвиженъе 913 (*NB зв*)
вѡдирати (ранн. вѡвѡ-) *г.* 'задираться', 'придираться': *през. 2 ед.* вѡдиратеши 831
Вѡздоеѡ (ранн. вѡвѡ-) *м. личн.:* Δ Вѡздое... 816 (*возм. нарицат.*) (?)
Вѡзнесенье (ранн. Вѡвѡ-) *с. (церк.): R. ед.* Вѡзнесениа 914
вѡвѡхати *г.:* *перф. ед. м.* вѡвѡехале *Ст. Р.* 28
вѡзати (ранн. вѡвѡ-) *г.:* *инф.* вѡз[а]ти 877; *пвл.* вѡвѡми 819, ...[зѡм]и 877; *перф. ед. м.* вѡвѡале 794, вѡвѡлъ

907, вѡвѡлъ еси 915 (*NB вѡ*), вѡвѡлъ 864 (*NB зѡ*) (?); *прич. наст. ед. м.* вѡвѡма 849; *прич. страд. II. ед. с.* не вѡвѡто 799

Винилъ *м. личн.: Д. ед.* ко Винилу *Ст. Р.* 30
Виноватѣи *п.:* *кр. II. ед. м.* а не виновате есьмъ ни вѡк(ѡ)шею 834
Вирѡѡи (ранн. -рѡн-) *п.:* *R. мн.* вѡрѡних- 812 (*возм. от* вѡрѡнии)
Вѡложити (ранн. вѡклѡч-) *г.* 'вложить (деньги), затратить': *перф. ед. м.* есмъ вѡклѡчилъ 892
Вѡкупникъ (ранн. вѡкупн-) *м.:* *И. мн.* вѡкоупникѡ ('соарендаторы') 821
Вѡжити (ранн. вѡ-) *г.:* Δ вѡлож[и](...) *Торжс.* 11 (?)
Вѡзъ *м.:* *V. ед.* съ вѡзъ 793; *V. счетн.* два вѡза *Ст. Р.* 30, за два вѡза *Ст. Р.* 30
Вѡината *м. личн.: Р. ед.* оу Вѡинатѡ 863
Вѡлодѡѡ *м. личн.: Д. ед.* къ Вѡлѡдѡѡноу 891
Вѡлосъ *м. личн.: Р. ед.* Вѡлоса (*церк.*) 914
Вѡлѡѡ (ранн. Вѡлѡч-) *с. геогр.:* *Д. ед.* Вѡлѡѡѡноу 902; *M.* Вѡлѡѡѡнѡ 789
Вѡротити *г.:* *пвл.* (?) *2 мн.* вѡротите *Торжс.* 10
Вѡслати (ранн. вѡсьл-) *г.:* *през. 3 ед.* оти вѡсолъ *Торжс.* 13; *перф. ед. м.* вѡсьлале 824
Вѡткати (ранн. вѡтѡк-) *г.* 'воткать', 'вплести': *перф. ед. м.* вѡтѡкале 907
Вѡхъ (ранн. вѡхъ, вѡхъ) *мест.:* *V. ед. м.* въ вѡхъ 806; *V. ед. с.* вѡхо 818; *И. В.* вѡхо 893; *R. ед. жс.* отъ вѡхѡѡ 850; — *ср.* вѡсь
Вѡписати (ранн. вѡспѡс-) *г.* 'написать в ответ': *пвл.* в[ѡсп]иши 824, из ѡрѡмице ка вѡсп-ши ми 854
Вѡпросити (ранн. вѡс-) *г.:* *през. 3 ед.* вѡ[сп]роситъ 849
Вѡстати (ранн. вѡс-) *г.:* *пвл.* вѡстани 893
Вѡсѡтѡѡти *г.:* *през. 3 ед.* вѡсѡѡе *Ст. Р.* 28
Вѡходити (ранн. вѡ-) *г.:* *през. 3 ед.* а вѡходить (*знач.?*) ма погосте рѡтѡ 834
Вѡ *предл.:* *с V.* — въ 776 (3 \times), 793, 799 (2 \times), 804, 806 (2 \times), 832, 855, 891, 892, 893, 907 (2 \times), 911, 915, *Торжс.* 18, во 831 (5 \times), *Торжс.* 9, в 788 || *с M.* — въ 776, 789, 805, 818, 850 (?), 854, 893, 900, во 831 (2 \times) || *с M.* или *с V.* — въ 815, вѡ 854
Вѡ *мест. (мн.): V.* вѡс[ѡ] 878; *R.* без вѡсь 886, оу вѡсо 781; *M.* о вѡсь 852
Вѡбити *г.:* *прич. страд. II. ед. м.* вѡбитъ 855
Вѡвѡдати *г.:* *пвл.* вѡвѡдаи(...) 897 (*возм. пвл. 2 мн.*)
Вѡдати *г.:* *перф. мн. м.* ако то есмъ вѡдали 872
Вѡвѡрица *жс.* (*только в мн., в знач. 'деньги'*): *V. мн.* вѡвѡричѡ 912; *И. В.* вѡвѡричѡ 809; Δ [вѡв]ѡриц... 890
Вѡдати *г.:* *през. 2 ед.* тѡ ('ты') вѡдаеши 788, вѡдаешь 794

вѣкша (ранн. -къш-) жс.: Т. ед. а не виновате есьмъ ни вѣк-шею 834; В. съ 4 векъше 882
вѣра жс. 'клятва': М. ед. вѣрѣ 820
вѣсть жс. В. ед. Торж. 10, вѣсть Торж. 13

Г

Гаврилъ или Гаврила (ранн. -вѣр- или -вѣр-) м. личн.: Р. ед. Гаври (недопис.) (церк.) 913
Глѣбъ (ранн. Гъл-) м. личн.: Р. ед. Глѣба 906
Гобничь (ранн. гъбън-) м. житн.: Р. мн. отъ гъбъниць 900 (возм. от гыбничь)
Говша (ранн. -въш-) м. личн.: Р. ед. оу Гвъшѣ 851
Говѣнъ м. личн.: Р. ед. ото Говѣна 867
годно (ранн. -дън-) н. (?): годно 820
годныи (ранн. -дън-) п.: кр. И. ед. с. колико ти годно 819
Годыга личн.: Р. ед. ж Годыге Ст. Р. 34
гонити г.: през. 3 ед. гонить 805
Городѣчьско (ранн. -дъч-) с. геогр.: М. ед. Городѣчьскѣ 789
Городно (ранн. -дън-) с. геогр.: Р. ед. съ Городъна 863
городъ м.: В. ед. въ городъ 804, въ гъръдъ 891, [въ горъ]дъ 855
Городышина жс. по мужу: Р. ед. (возм. Д. ед.) Городышинее 853 (?)
горозно н. (вероятно, вариант к горазно): горъзно 831
Гостила личн.: Д. ед. ко Гостиле Торж. 9
грамота жс. И. ед. 776, 892, 907, 912, грам[от]- 853, --амота Торж. 18; В. грамотоу 824, 839, 881, ...мотоу 839, грамо... (возм. В. мн.) 877; В. мн. (?) грамѣт[ѣ] 870
грамотица жс.: В. ед. грамѣтицю 854
графья жс. 'подготовительный рисунок для живописи': И. ед. графия 780
гривна (ранн. -вън-) жс. (часто записывается сокращенно): И. ед. гривна 789, 818, 833, [грив]ена 828, грѣна 789, гри^н 905 (2×); В. гривноу 788, гривноу серебра 915, [гри]въноу 909, [гривъ]ноу 831, ...вну 883; Р. гривнѣ 776, 799, [гривъ]... 831, гривнѣ Торж. 18; Т. гривною 831; М. дв. во довоу гривноу 831; Р. мн. гривнѣ 804, 815, 818, 849, 902, 904, ...[ив]ънѣ 777, гривно 831, 843, гривено Ст. Р. 30, гривн[о] 866, гривн[ѣ]въно (!) 866, гривоно Ст. Р. 30; И. счетн. 4 гривнѣ серебра 818; В. 2 гривнѣ 819, 2 гривене Ст. Р. 35а, 3 гривнѣ <-ны> 907, 4 гривны 909; И. В. две гривне Торж. 4, (т)ри надеса гривнѣ 851; Δ гривнѣ 788, 862, [гр]ивнѣ 851, гривн-

900, гривн- 883; фрагменты: 788, 790, 806, 854, 877, Торж. 2

гридь жс. собир. 'княжеские дружинники': Д. ед. гриди 788
Гурьги м. личн.: Д. ед. Гъръгеви 854; — ср. Гурьги, Дурьди
Гурьги м. личн.: Д. ед. Гурьгеви 854; — ср. Гурьги, Дурьди
Гюрата м. личн.: Д. ед. къ Гюратѣ 907

Д

да союз 831 (3×), 902, 909, 911, даъ да 852
дань жс.: И. В. ед. дань 811 (?);
даръ м.: В. мн. дары 831
дати г.: през. 3 ед. (...)дасть же 852, (...)д[а]с[т]ѣ 897 (в последних двух примерах, возможно, имелась еще приставка)
дати союз 'чтобы', 'пусть': д[а]ти 851 (?); см. также даъ да
даъ жс. 'даяние', 'дар': В. ед. дат[ѣ]тъ 798 (повтор. т на стыке строк)
даъ да союз 852
даати г.: през. 1 ед. даю 818; 3 мн. не дають 812; пвл. даи 849 (2×), не даи 849; перф. ед. м. А даало 806, дааль 831
два (ранн. дѣва) числ.: В. м. дова 831, два Ст. Р. 30, за два Ст. Р. 30; И. В. дова 812; И. жс. дѣвъ 863 (3×), дови 810; И. В. две Торж. 4; В. (род неизв.) съ дѣ[в]- Торж. 14; далее без различия родов — М. во довоу 831
дворъ м.: В. ед. во дворо 831; И. В. дворъ 847, дво-ро 796, двѣръ 784
дѣваносто (ранн. -сѣт-) числ.: въ дѣвано[сѣ]... (М. или В.) 815
дѣнь (ранн. дѣнь) м.: Δ дѣне Торж. 18 (?)
дѣмка (ранн. Дѣмка) м. личн.: Р. ед. отъ Дѣмькы 892
дѣмша (ранн. Дѣмша) м. личн.: Д. ед. къ Дѣмшѣ 849
дѣмьганъ (ранн. Дѣм-) м. личн.: Р. ед. Коузмы Дѣмья (недопис.) (церк.) 913; — ср. Козьмадемьянъ
дѣнь (ранн. дѣнь) м.: В. ед. о дѣнь 908; Р. [ѣ] Д[о]м[ит]рова дѣни Торж. 7
дѣржати (ранн. дѣрж-) г.: пвл. дѣржи 858
дѣсатѣи числ. порядк.: кр. Р. ед. ж. поло дѣсате 833
дѣсать числ. И. 833; В. [дѣс]а[тѣ] 831, во дѣсать 831; М. (в составе числительных от 11 до 19) н[а] д-са[тѣ] Торж. 13, надеса 851; см. также поль патадѣсать

ДИКАТЪИ *п.* 'дииковатый, полудикий' (?): *И. мн. м.* дикати людьє 877 (?)

ДМИТРИИ (*ранн. Дъм-*), *м. личн. (церк.): Д.ед.* Дъмित्रью 913; — *ср.* Дмитръ

ДМИТРОВЪ (*ранн. Дъм-*) *п. прит.: Р.ед. м.* [Ѡ] Д[о]м[ит]рова дѣни *Торж. 7*

ДМИТРЪ (*ранн. Дъм-*) *м. личн.: И.ед.* Дъмитръ 839; *Р.отъ* Дъмитра 776, ѿ Дъмитра 846, Дъмит[р]-914, отъ Дъ 797 (?); — *ср.* Дмитрии

Δ Добр... (*И.ед.*) 806; ѿ Дъ[б]р... (*Р.ед.*) 779

ДОБРИЛА *м. личн.: Р.ед.* -ѣбрилѣ 889

ДОБРО *с.: В.ед.* [сот]вори жь ми добро (*формула вежливости: 'пожалуйста'*) 829

ДОБРЪИ *п.: кр. Р.ед. м.* конѧ ... добра *Торж. 8*, добра *Торж. 8*; *И. мн. жс.* зелени добре *Ст. Р. 33*

ДОБРѢ *н.: добрѢ* же створа 849, 788, ...[бр]ѣ [с]т[вор]ѧ 841, ...[бр]ѣ сът[в]ори 888

ДОБЫВАТИ *г.: пвл.* добываи *Ст. Р. 30*

ДОБЫТИ *г.: пвл.* добоуди ми *Торж. 8*

ДОИТИ *г. (от ити): перф.ед. с. (?)* дош[ь]-[ѣ] 831

ДОМА *н. Ст. Р. 30*

ДОМАГОСТЬ *м. личн.: Р.ед.* ѿ Домагости 902

ДОМАНЪ *м. личн.: Р.ед.* ж Домана 789

ДОМЪ *м.: М.ед.* въ домоу 893

ДРОУЄНЪ *м. личн.: Д.ед.* ...[ро]єнови 904 (?)

ДРУГЪИ *п.: В.ед. жс.* друоугоу 831; Δ дрѣ[г]-[ѣ] 854

ДРУЖИНА *жс.: Р.ед.* отъ вѣхоѣ дружинѣ 850, -роужине *Торж. 9*; *Д.* къ дружинѣ 851; *Т.* со дружиною 890

ДУЖБА (*ранн. -жъб-*) *жс.* 'выздоровление, излечение': *В.ед.* доужебоу 855

ДУРЪДИ *м. личн.: Д.ед.* ко Дурьдѣв... 867 (*возм. от Дурьдеваѣ*); — *ср.* Гурьги, Гурьги

ДЪАКЪ *м.: Р.ед.* ѿ дѣака 842, ѿ дѣа 855 (*вм. ѿ дѣака или ѿ дѣака [последнее от деакъ?]*)

ДѢЖА *жс. (как мера количества зерна и т. п.): Д.ед.* по дѣжѣ 863; *И.счтн.* дѣвѣ дѣжѣ 863 (2×), дѣвѣ дѣжѣ 863; Δ д[ѣ]жѣ 863

ДѢЛАТИ *г.: през. 3 дв.* али ти [не д]ѣлаета ('не трудятся', 'не могут работать') 893

ДѢЛА *послелог (с Р.)* 839, 850, 889, [д]ѣ[л]ѧ 893

ДѢТИ *мн.: В.* на мое дети 831 (2×); *Р.* отъ дети его 831 (*не выражен j перед последующим j*); *Т.* съ дѣтѣми 911, со дѣт[ѣ]ми 854, съ дѣтѣми 831; *М.* о дѣтѣхъ 854

ДѢТИ *г.: перф.ед. м.* камо еси дело *Ст. Р. 30*

ДѢТКЪ (*ранн. -тѣк-*) *мн.: Р.* [д]ѣтѣкъ 836

ДѢТЪСКЪИ *м.: В.ед.* дѣские княжъ *Торж. 13*

ДѢЯТИ *г.: през. 3 ед.* тажоу дѣет[ѣ] 831; *перф.ед. м.* дѣѧль 877

ДѢЯТИСА *г.: през. 3 ед.* цто са оу васо дѣе 781

Ї

ЇБЕХОТА *м.: Зв.ед.* ебехото *Ст. Р. 35б*

ЇМИ *союз 'если': ѣли* 776

ЇМАТИ *см.* имати

ЇТИ *г.: пвл.* еби *Ст. Р. 35б*

Ж

ЖАБЛАНИНЪ *м. жсн.: Р. мн.* отъ жабланѣ 885; — *ср.* жабнанинѣ

ЖАБНАНИНЪ (*ранн. -бън-*) *м. жсн.: Р. мн.* ѿ ж[абън]нѧ 872; — *ср.* жабланинѣ

ЖАДѢНЪ *м. личн.: Р.ед.* оу Жадѣна *Ст. Р. 3б*; *Д.* Жадѣ[н]оу 850

ЖЕ и **ЖЬ** (*из-за смешения е и ѣ эти варианты трудноразличимы*) *част.: противительная или усиительная* — же 776, 788 (2×), 793, 806, 819, 839, 849 (4×), 888, 893, жь 805 (2×), 829, 831, жо 847 || *отожествительная* — же 788, 798, 807, 819, *Торж. 10* || *во второй части относит. конструкции* — же 891 (къ тѣмоу же) || *функция неясна из-за обрывов* — же 809, 837, 852, жо 848 (?)

ЖЕМЪЮЖНЪИ (*ранн. жьмьчюжън-*) *п.: кр. В. мн. (м. или жс.)* жемецюженѣ 809

Δ Ж[и]... (*И.ед.*) 806

ЖИДЕНА *личн.: Р.ед.* оу Жидене *Ст. Р. 32*

ЖИРКО (*ранн. -рѣк-*) *м. личн.: Р.ед.* ѿ Жирька 824

ЖИРОУКА (*ранн. -чѣк-*) *м. личн.: Р.ед.* оу Жирьцкъ 851

ЖИРАТА *м. личн.: Р.ед.* ѿ Жиратѣ 879

ЖИТИЦЕ *с.* 'поле из-под ячменя': *В.ед. (?)* житищ- 805

З

ЗА *предл.: с В.* — 800, 819, 847, 878, 897, *Ст. Р. 30* || *с Т.* — 835, 877 || *с Т. или В.* — *Торж. 5*

Δ къ За... (*Д.ед.*) 803

ЗАБЫВАТИ *г.: пвл.* [н]ѣ забываи 841

ЗАБЫТИ *г.: перф.ед. м. (?)* азъ ти заб[ы]... 784; *мн. м.* забыли есме 854

ЗАВИДЪ *м. личн.: Р.ед.* оу Завида 818, о^т Завида 798; *Д.* къ Завидоу 824

ЗАВИЖАМЪ *жс. по мужу: Р.ед.* оу Завижѣе *Ст. Р. 3б*

ЗАХАРЪИ *м. личн.: И.ед.* Заха... 824

ЗАМАТИ *г.: перф.ед. м.* заале еси 776

заѣць м.: *В. счетн.* 3 заѣцьѣ 842
зелень ж.: *И. мн.* зелени ('всходы') *Ст. Р.* 33
земла ж. *В. ед.* землю 850, [з]емлю 805, землоу 821
(*NB* лоу), зь[м]... 779
зимуси н. 'этой зимой': зимѣси 794
зубъ м.: *И. ед.* зюубъ 855
зять м.: *М. ед.* на ... зати 789

И

и союз и част.: и, і — саере; а и 829, 897
и мест.: *В. ед. м. и* 821 (*возм. союз*), на нь 897, его 849; *Р. ед. м. (в т. ч. в прит. функции)* его 806, 831, 900, оу него 907 (2×); *Д. ем8* 794, е[м]... 806; *В. ед. ж. ю* 820; *В. дв. м. въ на* 893; *Р. мн. (в т. ч. в прит. функции)* ихъ 855, ото нхо 831 (*пропуц. и или н в м. и*); *Д. їмъ* 855; *Т. за ними* 877
Иванковъ (*ранн. -нѣк-*) *п. прит.:* *Р. ед. м.* оу Иванъкова съмъръда 907
Иванъ м. *личн.:* *И. ед.* И[ва]не 885; *В. на* Ивана 897; *Д. Иваноу Торжс. 13,* (къ Иваноу 835, Иванъ 903
Игрець (*ранн. -ръц-*) м. *личн.:* *Р. ед. (ж)* [И]грѣ[ц]а *Ст. Р.* 34
иже *мест. (относит.):* *В. ед. с.* еже 879
иже то *мест. (относит.):* *И. В. ед. м.* ижъ то 899
избѣгати г.: *през. 1 ед.* избоудоу 638, 901
изгоя м.: *Р. ед. ж* Тоудорова изгоя ('выкупившегося холопа') 789
изъ (*ранн. из*) *предл. (с Р.):* [изъ] 876, из 854
Илька м. *личн.:* *Зв. ед.* Илько 834; *Р. ѿ* Илькѣ 842, оу Илькѣ 793
Ильа м. *личн.:* *Р. ед.* отъ Їли (*или Їлий*) 776
имати г.: *пвл. емли* 819
имоволожанинъ м. *жит.:* *Р. мн.* отъ имоволожанъ 885, -[м]оволожан[ъ] 844
имѣти г.: *през. (2 мн. или 3 ед.) али ма* имѣ[т]- 886
инъи п.: *кр. В. ед. м.* моужъ инъ 902
исписати (*ранн. испсь-*) г.: *прич. прош. (род и число неизв.)* [ис[пъ]саво 853/898
исправити г.: 'выполнить (обязательство, обещание)', 'заплатить': *през. 1 ед.* испралоу 855 (*NB отсутствие в; NB лоу*); *2 ед.* не исправиши ли (щ!) *Ст. Р.* 30; *пвл. исправи же* 849, исправи *Ст. Р.* 30
испсати *см.* исписати
испытати г.: Δ исп[ы]... 807 (?)
истерати г.: *през. 2 ед.* истерашъ 809
Исусъ *см.* Христосъ

ити г.: *инф.* ити т[и] ми 829; *пвл. иди* 911; *перф. мн.* м. шьли мы 885, мы шьли ш[ъ]ли же 837; *прич. прош. (род неизв.)* шьдъ 847; Δ идоу(...) 881 (?)

К

ка част.: из ѣрмице ка въсп(и)ши ми 854
кадь ж. *В. ед.* 810
камо н. (*вопросит.*) *Ст. Р.* 30
кадѣ и кае, (*ранн. къд-*) н.: *относит.* — къде 832
кадѣ ти и кае ти, (*ранн. къд-*) н. (*относит.*): къде ти 788
кланатиса г.: *през. 1 ед.* и кланаяу ти са 809, [и] кланаяу ти с- 888
Климентъ м. *личн. (церк.):* *Р. ед.* Климта (*сокращ.*) 914
Климата м. *личн.:* Δ Клѣма[т]... 823 (?)
клѣтъ ж.: *М. ед. (?)* вво клѣти 854
книга (*ранн. кън-*) ж.: *Т. мн.* съ къни... 846
кнажъ (*ранн. кън-*) *п. прит.:* *В. ед. м.* дѣскые кнажъ *Торжс. 13;* *В. ед. ж.* татъбоу кънажоу 907
кназь (*ранн. кън-*) м.: *И. ед.* кназь 794, 852; *Зв.* кнаже 794; *Д.* кназю 896, ...азю 839, къ кназоу 872 (*NB* зоу); *Т. (перед[ъ] к[ъ]наз[ъ]мъ)* 886; Δ къназы 851; *фрагмент:* 839
кобажанинъ м. *жит.:* *И. ед.* кобажанино 831
Козьмадѣмьянъ (*ранн. -дѣм-*) м. *личн.* 'Козьма и Дамиян как единство' (*церк.*): *Р. ед.* Козмадѣмьяна 906; — *ср.* Кузьма, Демьянъ
колбаса (*ранн. кълб-*) ж.: *В. ед.* кълѣбасоу 842
колико *числ. В.* 819
Коломно (*ранн. -мън-*) с. *геогр.:* *М. ед.* Коломене *Ст. Р.* 31
Колѣньце м. *личн.:* *Р. ед.* ѿ Коленеча *Ст. Р.* 31
конь м.: *И. ед.* конь 781; *В.* конь *Торжс. 10* (2×), къне 891; *Р. конѧ* *Торжс. 8;* *В. счетн.* конѧ 2 — 842
копа ж.: *В. ед.* на копоу ('плату') 882
Кормилецъ (*ранн. Кърмильць*) м. *личн.:* *Д. ед.* Коро милѣцоу *Ст. Р.* 37 (*возм. нарицат.*)
кормилица ж.: Δ -оромилице 781 (*возм. собств.*) (?)
корова ж.: *В. ед.* коръвоу 831, ...[р]-воу 831 (?)
которъи *мест. (относит.):* *Р. ед. м.* оу котораго 798
Коцѣи м. *личн.:* *И. ед.* Кошькѣи *Торжс. 15* (*NB* шьк); Δ Ко[щ]... *Торжс. 14* (?)
красти г.: *перф. мн. м.* крали ти 907; *прич. страд. И. ед. с.* а оу него ти крадено 907
крестъ (*ранн. крьсть*) м. (*церк.*): *Р. ед.* крѣста 913
Крещеньє (*ранн. Кръ-*) с. (*церк.*): *В. ед.* на Крщньє 913

крити г. 'купить': пвл. крени 809, крини *Ст. Р.* 30; перф. ед. м. криль ти есмь 779, кри... (1 ед.) 831

кромѣ предл. (с Р.) 805

круживо с. *И. В. ед.* 866; *Т. ед. (или Т. мн.)* к[роу]... 809 (?); *И. В. дв. (?)* [к]руж[ивѣ] 866

Кснатинѣ (ранн. Къс-) м. личн.: *Д.* къ Къснатиноу 915, ...тиноу 904 (?)

кто (ранн. къто) мест.: *относит.* — *И.* кетъ ти 891, кото 831; *Т.* (т)[ер]е[дъ къ]... 834 (?) || функция неясна из-за обрыва — *Р. В.* ко[г]о 858 (?)

кубица жс. (какое-то вместилище): *В. мн.* коубицѣ 846

Кузьма м. личн.: *Р. ед.* ѿтъ (!) Коузьме 831, Коузьмы Дѣмѣа (недопис.) 913; — *ср.* Козьмадемьянѣ

куна жс.: *денежная единица* — *И. ед.* коуна 799, кѣна *Ст. Р.* 36 (2×), *Ст. Р.* 36; *Р.* коуне 833, -ѣнѣ *Ст. Р.* 34; *Р. мн.* коунѣ 789, 818 (2×), 857, коуно 831, 833, *Ст. Р.* 35а, 37 (2×), *Торж.* 13, кжно 776, коу^н 789, кѣнѣ *Ст. Р.* 36 (2×), коу... 857; *И. счетн.* 2 коуне *Ст. Р.* 32, 2 кѣнѣ *Ст. Р.* 36 (4×), *Ст. Р.* 36 (3×), 3 кѣне *Ст. Р.* 34, 3 кѣнѣ *Ст. Р.* 36, 3 кнѣ *Ст. Р.* 36 (3×); *В.* трѣи кжнѣ 776, въ трѣи кжнѣ 776, въ цетыри кжнѣ 776 || *мн. в знач. 'деньги'* — *В.* коуны 915; *В. (?)* коу... 806; *И. В.* коуне *Торж.* 9; *Р.* [к]оуно (знач.?) 831, -оуно *Торж.* 6, съ кно 910 (?)

купецъ (ранн. -пыц-) м.: *В. мн.* кѣпцѣ 794

купити г.: пвл. купи *Ст. Р.* 30, не к[ѣ]пи *Торж.* 14

купала жс.: *Р. мн.* коуплѣ 877

къ предл. (с Д.) 794 (2×), 795, 798, 802, 803, 804, 806, 819 (2×), 821 (2×), 824 (2×), 831, 844, 846, 849, 850, 851 (2×), 870 (2×), 872 (2×), 877, 885 (3×), 889, 891 (2×), 892, 900, 902, 904, 907, 915, *Торж.* 2, 10 (2×), ко 776 (2×), 781, 785, 793, 812, 825, 826, 831, 867, 879, *Ст. Р.* 30, 31, 35а, *Торж.* 8, 9

Кыевѣ м. геогр.: *Д. ед.* К[ы]е[в]ѣ 829; *М.* Кыевѣ 915

Кырѣи м. личн.: *Р. ед.* ѿ К[ы]е-ѣа *Торж.* 8 (?)

Кышка (ранн. -шкъ-) м. личн.: *Д. ед.* Микоулѣ Кышкѣ 849

Кыганинѣ м. жс.: *Т. ед.* съ кыганиномо *Ст. Р.* 37

Л

Лазаревѣ п. прит.: *В. ед. м.* конь и матѣль Лазар-въ *Торж.* 10

Ламма жс. геогр.: *М. ед.* въ Ламѣ 789

льга жс.: *И. ед.* [л]ѣга ми е ('мне можно, позволено') 815 (?)

лежати г.: прич. през. ед. м. лежа *Ст. Р.* 356

лечи г.: през. 3 ед. лаж[ѣ] ти *Торж.* 7; пвл. л[аги] 893

ли част. и союз 804, 824, 831, 862, 915, *Ст. Р.* 30, *Торж.* 7

либинѣ м. жс.: 'лив': *Д. ед.* ко либинж 776

ловець (ранн. -въц-) м.: *Р. ед. (?)* ловьца 854, лѣ [въц]а 854 (?)

ловитва жс.: *М. мн.* [в]ѣ ловитвахѣ 854

лодыа жс.: *В.* на лодию *Ст. Р.* 31

ложникѣ (ранн. -жън-) м. 'одеяло', 'покрывало на постель': *И. ед.* ложнике 776

лони н. 890

лоньскѣи п.: *В. ед. жс.* лоньскоую гривноу 788

лукио (ранн. -кън-) с.: *Р. мн.* лоукънѣ 842

льгѣи п.: *кр. И. ед. с.* не леги ('не позволено', 'нельзя') ѿ дѣа (вм. дѣака) 855

лѣто с.: *Р. мн.* лѣтъ 821

любо союз и част.: *люб*о *Торж.* 19, *лоуб*о ли 824 (*НВ* лоу)

любѣи п.: *кр. И. ед. с.* кѣде ми [л]ю[бо] 832

людѣ мн. м.: *И.* людѣе 877, лю[дѣе] 877; *В. (?)* [л]ю[ди] (*НВ* лоу) 876 (?); *Р.* отъ всѣхъ лоудѣ (*НВ* лоу) 870; *Д.* къ людѣмъ 877/572; *Т.* (пе) [р]е[д]ѣ [л]юд[ѣ]ми 790

Людѣславѣ м. личн.: *Р. ед.* ѿ [Л]юдѣславѣ (въ см. ва!) 912

М

малѣи п.: *В. ед. жс.* мою ѿ малжю нитокж 776

Малата м. личн.: *Р. ед.* оу Малатѣ *Ст. Р.* 36

Мануила м. личн.: *Р. ед.* ѿ Маноуилѣ *Торж.* 2

Марена жс. личн.: *Р. ед.* оу Маренѣ 849; *Д.* Маренѣ 798, къ Маренѣ 794, ко М[а]... 825 (?); *Т.* передѣ Мареноу 849

Марта (ранн. -рът-) жс. личн.: *Р. ед.* ѿ Маротѣ 853; — *ср.* Марфа

Марфа (ранн. -ръф-) жс. личн. (церк.): *Р. ед.* Марѣѣ 914; — *ср.* Марта

масло с.: *Р. ед.* масла 842

мати жс.: *Д. ед.* къ матери *Торж.* 10

Матѣи (ранн. -тъф-) м. личн.: *Р. ед.* ѿ Матѣѣа *Ст. Р.* 30

медвеноѣ (ранн. -двѣн-) с. 'медовое' (род подати): *Р. ед.* мѣдвѣнаго 910

Медовникѣ (ранн. -вѣн-) м. личн.: *Р. ед.* оу Медовника 833 (возм. нарицат.)

Δ Мѣзо... (*В. ед. от имени собств.*) 872

меньш- см. мнии

мертвѣи (ранн. мър-) п.: *И. ед. м.* ...тве ти 803 (?)

мзда (ранн. мьзда) *жс.*: *И.ед.* --[зд]а 901
Микола *м. личн.*: *Д. ед.* Микоулъ 849
Михаилъ *м. личн.* (церк.): *Р.ед.* Михаила 913; — *ср.* Михаль
Михаль *м. личн.*: *Д. ед.* М[и]ха[лю] 777
Млевъ (ранн. Мъл-) *м. геогр.*: *В. ед.* на Мълевъ 885
мнии (ранн. мьн-) *п. сравн.*: *И. В. ед.* с. мьнешее 866
мои *мест.*: *И. ед.* с. мое 852; *Р. ед.* м./с. моего 841, 915; *В. ед.* ж. мою 776, 790; *В. мн. м.* на мое 831 (2×); *Р. мн.* мьихъ 836; Δ мо... *Торжс.* 18
моливити (ранн. мълв-) *г.*: *пвл.* мълъви 794, *моллови* *Ст. Р.* 30, *Торжс.* 13
молитиса *г.*: *пвл.* молиса *Ст. Р.* 28; *прич. наст.* (род и число неизв.) моласа 897
молодогъ *м.* 'солод': *Р. ед.* молодого 847, 863 (4×)
молоствъ *м.* 'горшок для молока, масла': *В. счетн.* 3 *молоствъ* 842
мольба *жс. И. ед.* 846
моръ *м.*: *И. ед.* мьре 794
Мостка (ранн. Мьстька) *м. личн.*: *Д. ед.* ко либинж ко Мостокъ 776
мочи *г.*: *през.* 1 *мн.* не можемъ 900; *пвл.* не моги 779, не мог- 793
мужь *м.*: *В. ед.* моужъ 902; *Р. мн.* мѣжь 794; *И. В. счетн.* дова моу... 812 (?)
мы *мест.* *И.* 837, 885; *В.* ны 850; *Д.* [къ] намъ 885, н[а]... 850 (?)
мѣсто *с.*: *В. ед.* въ тоѣ мѣсто татъбѣ 907
мѣсаць *м.*: *В. ед.* н(а) мѣсачъ 806, на месеце *Торжс.* 7
матель (ранн. -гъл-) *м.* 'плащ': *И. ед.* матьль 776; *В.* матьль *Торжс.* 10 (2×)

Н

на *предл.*: с *В.* — на 806, 819, 821, 831 (6×), 834, 862, 882, 885, 897 (2×), 913 (5×), *Ст. Р.* 31, *Торжс.* 7, 14 || с *М.* — на 789 (3×), 799 (3×), 810, 819, 842, 843, 882 (2×), *Торжс.* 13 || с *М.* или *В.* — на 882
надъ *предл.* (с *Т.*): надо 831
надѣливати *г. инф.* 794
надѣлатиса *г.*: *пвл.* а ѿтоселе са не надеи *Ст. Р.* 30
наимитъ *м.*: *В. ед.* наимито 893
нарадити *г.*: *пвл.* наради жо 847
наѣти *г.*: *пвл.* наеми 893
не *част.* 776, 777, 779, 790, 791, 793, 799, 804, 812 (2×), 815, 834, 849, 855, 862, 877, 880, 885, 890, 893 (2×), 900, 909, 912, 915, *Ст. Р.* 30 (2×), 31, *Торжс.* 8, 10, 14, нь 841, нѣ *Торжс.* 7
не льго *см.* льгын

Неберешина *жс. по мужу*: *Р. ед.* оу Неберешинѣ *Ст. Р.* 36
недоимати *г.*: *през.* 3 *ед.* недоем[л]е (возм. недоем[а]е) 788
Незналко (ранн. -нѣк-) *м. личн.*: *Р. ед.* отъ Незнанъка 804
Неслуи *м. личн.*: *И. ед.* Неслоуе 821 (?) (возм. не слоуе — 3 *ед.* *през.* от слуги)
ни *част.* и союз 831 (2×), 834, 843, 847 (2×), 877 (?)
Никола *м. личн.*: *Р.ед.* Николы 914
нитка (ранн. -тѣк-) *жс.*: *В. ед.* нитокж 776
но (ранн. нѣ) союз: но 855
ногата *жс.*: *Р. мн.* ногатъ 892, ногато 813; *И. счетн.* 2 нога... *Ст. Р.* 32
Носатка (ранн. -тѣк-) *жс. личн.*: *Р. ед.* оу Носаткъ *Ст. Р.* 36
Носовичъ *м. отч.*: *Р. ед.* оу Носовича *Ст. Р.* 36
нынѣ *н.*: а нынѣ 821, 850, н[ы]нѣ 873 (?), н[ы]не 855 (после обрыва), а нѣнѣ <ны> 907, нни (сокращ.) 788 (?)
Нѣголъ (ранн. -гъл-) *м. личн.*: *Р. ед.* отъ Нѣгъла 821, отъ [Не]гола 867
Нѣгосѣмъ *м. личн.*: *М. ед.* на Нѣгосѣмѣ 789
Нѣжата *м. личн.*: *Д. ед.* къ Нѣжатѣ 904, къ Нѣжатъ 892
Нѣжатинычъ *п. прит.* 'Нежатинычъ': *И. мн. м.* Нежатиныци отроки 855
Нѣжизнѣ *м. личн.*: *Р. ед.* оу Нѣжизна 863
Нѣжикъ *м. личн.*: *Р. ед.* оу Нѣжика 863
нѣкто (ранн. -кѣт-) *мест.*: *Д.* нѣкъмоу 809
нѣсми *см.* быти

О

о *предл.*: с *М.* — о 824, 852, 854 (2×) || с *В.* — о 908
оба *числ.* *И. В. м.* 843
обагрити (ранн. -гѣр-) *г.*: *през.* 1 *ед.* а ѣ ж(е) -[ѡ]а[г]оꝛрю вас[ѣ] 878 (?)
обавити *г.* 'объявить': *прич. прош.* (род и число неизв.) о[ѡ]а[в]-[в]... 886 (?)
Обрѣзаныѣ *с.* (церк.): *В. ед.* на Обрѣзанье 913
обѣстити *г.* 'известить', 'сообщить': Δ обѣсти(...) 801
овесь (ранн. овьсь) *м.*: *Р. ед.* овьс- 863, -[вѣ]са 793 Δ оу Ога... (*Р. ед.*) 828
огрозити *г.* 'припугнуть': *пвл.* огрози 856
оже союз 781, 798, 870, 909; — *ср.* аже
оже ли союз 915
оже ти союз 805, 912, ож[е] (т)[и] 805; — *ср.* аже ти

окладъ м. 'жалованье' (?): *Р. ед.* оклада 788

оконо союз 'как будто': окънь быше ('как будто бы') 809

Онуфриа м. личн.: *Р. ед.* ѿ Онуфрьѣ Торжс. 10

опакън н.: опа[кън] Торжс. 4 (?)

оправити г.: *нвл.* оправ[ъ]и ны 850 (возм. -в[ъ]и) (*т. е.* -въ или -въ исправлено на -ви)

опать н. 798

орати г. 'пахать': *през.* 3 мн. оти орють 805

орогъ м. 'лощина', 'низина' *В. ед.* 805

оромица жс. 'пахотная земля', 'пахота': *Р. ед.* из ъръмице 854

ослушатиса г.: *инф.* не моги са ослоушати 779

осмина жс.: *В. счетн.* дови осмини 810; *И. В.* [2 осъмине] 893

осмь числ.: *Д.* по осми 866

оставити г.: *нвл.* остави *Ст. Р.* 30

остатиса г.: *перф. ед. с.* а цето ти са остало *Ст. Р.* 30

отдати (*ранн.* отъ-) г.: *през.* 3 мн. оти ѿбдада 798

отець м.: *Р. ед.* ѿча Васильа 906

оти и **отъ**, союз: оти 798, 805, Торжс. 13, о[тъ] 844, ѿ 809

отплатитиса (*ранн.* отъ-) г.: *през.* 1 ед. а азо ти са отоплачѣ 829

отрокъ м. 'младшее должностное лицо', 'младший дружинник': *В. ед.* отрокъ 834, за свои отрокъ 819; *Р.* оу отрокка (кк!) моего 915; *И. мн.* отроки 855; *В.* а трокѣ 831 (*NB* отсутствие о), отрок- (*знач.?*) 805; *Д.* ...[р]окомъ (*знач.?*) 805; *В. счетн.* дова отрока 831; Δ от[р]ок[ъ] 822, -[тръ]къ 854 (?); *см. также* Петрокъ

отселъ (*ранн.* отъ-) н.: ѿтоселе (ѿт!) *Ст. Р.* 30

отступъ (*ранн.* отъ-) м.: *Р. ед.* безо отоступа *Ст. Р.* 30

отъ *предл. (с Р.)* 776 (2×), 794, 797, 804, 806, 821, 831 (2×), 845, 850 (2×), 867, 870, 885 (2×), 892 (2×), 900, о[тъ] 803, ото 831 (2×), 867, ѿтъ 901, ѿтъ (!) 831, ѿ 779, 797, 819, 824, 825, 842 (2×), 846, 849, 850, 853, 855, 872, 879, 891, 902, 904, 907, 912, 915, *Ст. Р.* 30, 31, 35а, Торжс. 2, 6, 8, 10, ѿ 798, [ѿ] Торжс. 7 (?)

отъ см. оти

отагчитиса (*ранн.* -гъч-) г. 'взять на себя труд, бремя': *нвл.* а Ба дѣла отгънци[... 839 (*предвосх.* ъ)

охромитиса г.: *перф. ед. м.* конь са охроми[л]ъ 781

Ошевъ м. *геогр.:* *В. ед.* в Ошевѣ 788

ошити г.: *нвл.* ошее же 809

П

Павель (*ранн.* -въл-) м. личн.: *Р. ед.* Павѣла 914, Пѣла 906

паволока жс.: *В. ед.* паволокоу Торжс. 2

парвокоъ (*ранн.* -бѣк-) м.: *В. ед.* парѣбоко 831

передъ *предл. (с Т.)* 849, -[ер]е[дъ] 834, перьдъ 875 (?); Δ *фрагмент:* 790, 886

Перенѣгъ м. личн.: *Р. ед.* оу Перенѣга *Ст. Р.* 36

переписати (*ранн.* -пѣс-) г.: *прич. прош. ед. м.* пѣрьпесаво 831

Петрокъ (*ранн.* -рѣк-) м. личн.: *Д. ед.* къ Петръкоу 821, 850, 872, [Пет]ръкоу 877, ...ръкоу 839 (*маловѣр. от* отрокъ), ...тръкоу 899 (*возм. от* отрокъ)

Петръ м. личн.: *И. ед.* Петръ Торжс. 10; *Р.* Петра 906, отъ Петра 794, ѿ Петра 849, 891, Петр- 914; *Д.* къ Петръви 870, къ П[ъ]троу 889, къ Петру 885, Потру *Ст. Р.* 30; *Т.* за Петръмъ 835

печалити г. 'печалиться', 'беспокоиться': *нвл.* не печали *Ст. Р.* 31

пискупъ м.: *Д. ед.* писк(-)[п]оу 831 (*возм. от* пископъ)

платити г. *инф.* 804

Плѣшеваа жс. *по мужу:* *Р. ед.* оу Плѣшевѣ *Ст. Р.* 36

плати (*ранн.* пѣн-) г. 'растягивать', 'тянуть': *инф.* п[ъ]нати 820

по *предл.:* с *Д.* — 806, 863, 866, 892, *Ст. Р.* 30, п (*вм. по*) 810 || с *В.* — Торжс. 7

повелѣти г.: *нвл.* повели 798, 890, пѣвели 809

повозъ м.: Δ пѣвозъ 847

повѣдѣти г.: *нвл.* повѣжъ 806, Торжс. 18, ...[ѣ]ж[ъ] 903 (?)

погостъ м.: *И. ед.* погостѣ 834; *В.* на погостъ 834, въ погостъ 806, за погостъ 800

подволока (*ранн.* -дѣв-) жс.: Δ въ подѣв... 892 (?)

поздо н. 893

поити г. (*от* ити): *през.* 3 ед. поидеть 891; *перф. ед. м.* пошьль Торжс. 10

покланание с.: *И. В. ед.* (*в начале грамоты*) покланание 879, Торжс. 2, 8, [покл]анание 785, пѣкланание 870, ...кланание 816, ...[н]ание 798, ...[а]ние 803, поклананье 850, ...нанье 801, покланани (!) 825, поклан[и]... (!) 860; Δ *фрагменты:* 911 (?)

покланатиса г.: *през.* 1 ед. и покланая ти са 798, 839, Торжс. 10

покласти г.: *прич. страд. И. ед. с.* [п]окладено 844

поклепати г. 'обвинить': *перф. м. мн. (?)* пок[л]----- (т)и ма 834

поклоуъ м. *И. В. ед.* (*в начале грамоты*) поклоно *Ст. Р.* 31

- покровецъ** (ранн. -вѣц-) м.: Р. мн. (?) отъ покровѣ[ц]... 892 (?)
- пологъ** м.: И. ед. по[л]оге 780
- положити** г.: прич. страд. И. ед. ж. положена 799
- Полотескъ и Полтескъ**, (ранн. Полотьскъ) м. геогр.: М. ед. Полотьскѣ 803
- полоть** (ранн. полть) м. 'половина мясной туши': В. ед. пол[ѣ]ть 831
- полстыца** (ранн. пѣлст-) ж. 'кошма', 'коврик': В. ед. полостецю 809
- полтора** (ранн. поль вѣтора) числ.: В. ж. во полоуторь 831
- поль** м. 'половина': И. поль Ст. Р. 34, по[л]ь 835, поло 833; В. поль 902, Торж. 18, на поль Торж. 14, поло Торж. 8, въ поло 776; И. В. поль 788, 799; Д. по пол... 806; В. дв. въ полы 915
- поль патадьсать** (ранн. поль пата десате) числ. 'сорок пять': В. поль пата десате 902
- Полюдъ** м. личн.: В. ед. за Полоу[д]а 878 (NB лоу)
- Полюжъ** п. прит.: Р. ед. м. оу Полюжа старость 793
- помолити** г.: вкл. помоли(..) 841 (возм. от помолитиса)
- попередъ** предл. (с Т.): пропередъ мьною 820 (пред-восх. р; возм. от пропередъ предл.)
- попъ** м.: Д. ед. попови 831
- попытати** г.: вкл. попытаї 846
- поромъ** м.: Р. ед. пѣрма ('платы за перевоз') 854
- порука** ж.: Δ -о[р]оуке Ст. Р. 29 (?)
- посадити** г.: вкл. посади же 805
- посадникъ** (ранн. -дѣн-) м.: Д. ед. посад[ник]о(у) 831 (возм. посад[ник]о, И. ед.)
- послати** (ранн. -сѣл-) г.: през. 1 ед. посылю 862, посолоу Торж. 13 (NB лоу); 2 ед. не послешъ Торж. 10; вкл. посьли 834, 902, посьли же 805, посьли жъ 831, посли 781, Торж. 10; аор. 1 дв. се посьлаховѣ 842
- поставъ** м. (знач. ?): И. счетн. 4 посади 908 (NB д)
- пострѣкати** г.: през. 3 ед. пострѣчьтъ 831
- потаити** г.: перф. ед. м. потаиль 907
- почати** г.: през. 3 ед. почѣне 820, пѣц[ѣ]не 794
- поцѣпати** г.: прич. прош. (род и число неизв.) по[щ]ѣ пав[щ]и 881
- поѣхати** г.: през. 3 ед. [п]оедь 781; вкл. по[ѣ]ди 847, поеди 804
- пояти** г.: перф. ед. м. [ес]и поаль 831; прич. прош. ед. м. поемъ Торж. 10
- правити** г. 'выполнять (обязательство)', 'платить': през. 1 ед. пр-[в]лю 805; вкл. прави же 788
- правъи** п.: кр. И. ед. м. правъ ти есть 819 (2×)
- прасоль** м. 'торговец': Р. ед. оу прасъла Ст. Р. 35а
- предати** г.: прич. прош. ед. м. предаво 817
- привезти** г.: през. 3 мн. -ривезѣтъ 854
- привести** г.: Δ привед(-)[а] 849
- пригодитиса** г.: през. 3 ед. али ти не пригодитиса Торж. 8
- приимати** г.: през. 3 ед. ати прие[м]... 890
- приплывати** г.: през. 3 ед. п---|пываетъ Торж. 19
- присвѣдѣти** (ранн. -сѣв-) г. 'узнать при случае' (?): през. 2 мн. [п]рисовестъ 893
- прислати** (ранн. -сѣл-) г.: през. 2 ед. не присълеши 915, не присълеши ли Торж. 18, не присолеши 776; 3 ед. присъле 794; вкл. присъли 776, 912, 915, Торж. 18, присъли ми 912, присъли же 776, присли Торж. 10
- приставити** г.: вкл. пристави 891
- прити** г.: през. 1 ед. ъ придоу 798; 3 ед. приде 784; прич. прош. (несогл.) пришъ 821 (NB отсутст-вие дѣ); Δ п[р]иш... 867 (?)
- про** предл. (с В.) 777
- продати** г.: перф. ед. м. продалѣ есьмъ (возм. 1 мн. м.) Торж. 2
- продати** г.: вкл. прадаи ('оштрафуй') 900 (пред-восх. а)
- промыслити** г.: през. 1 мн. дать да о васъ промыслимъ 852; вкл. промысли о томъ 824
- промышлати** г.: прич. наст. ед. м. промышла (NB ла) въ домоу 893
- пропередъ** см. попередъ
- просити** г.: през. 3 мн. (...)просать 892 (вероятно, имелась еще приставка)
- Псковъ** (ранн. Пльсковъ) м. геогр.: Д. ед. Пльсковж 776, ко Пльсков- 781
- пустити** г.: прич. през. ед. м. не поуста 912; Δ поуст... 806
- Путила** м. личн.: Р. ед. оу Поутилѣ Ст. Р. 36 (2×)
- путь** м.: И. В. ед. поуть 850
- Путьша** м. личн.: Р. ед. отъ Поутеши 850
- пшеница** (ранн. пѣш-) ж.: В. ед. пѣшеничю 805; Р. [пѣ]шениц[ѣ] 863, -[бѣ]шениц[ѣ] 893
- Пѣсковна** (ранн. Пѣськовьна) ж. отч.: Р. ед. оу Пѣскоковнѣ 818
- Патѣли** м. личн.: Р. ед. оу [Патѣлѣ]- 809
- патница** (ранн. -тѣн-) ж.: В. ед. въ патѣницоу 799
- пать** числ.: В. п[а]т[ѣ] 790; Д. по пати Ст. Р. 30
- патъи** числ. порядк.: кр. Р. ед. м. поль пата 902

Р

- Рагуиць** *м. личн.: Д. ед. ко Рагоуилови 831*
Δ Рад... 883; *ко Ра...* (Д. ед.) 793
Радковъ (ранн. -дѣк-) *п. прит.: М. ед. жс. въ Радько[в]- [в]ежъкъ 805*
Радославъ *м. личн.: Р. ед. ѿ Радослава Ст. Р. 35а*
Радата *м. личн.: Р. ед. ж Радатъ 799; Д. ко Радатъ 879*
рало *с. 'поральное' (подать с плуга, сохи) В. ед. 805*
рано *п. 893*
Раховиць *м. отч.: Р. ед. оу Раховица 863*
Ревата *личн.: Р. ед. (?) Раватъ 743 (предвосх. ▲) (?)*
Режковъ (ранн. Рѣжк-) или **Рѣжковъ** (ранн. -жк-), *п. прит.: М. ед. м. на Рѣжковъ зати 789*
Ремья (ранн. Рѣм-) *личн.: Р. ед. оу Рѣмье Ст. Р. 36*
Ретка (ранн. Рѣтъка или Ретъка) *личн.: Р. ед. оу Рѣтъкъ 905*
речи *г.: перф. ед. м. рѣкло 879*
роба *жс.: В. ед. робоу 831, роубоу 831 (предвосх. оу)*
Рожнѣга (ранн. -жн- [?]) *личн.: Р. ед. ѿ Рожнѣгъ Торжс. 18*
Рожнѣтъ (ранн. -жн-) *м. личн.: Р. ед. ѿ Рожнѣта 915*
Рождество *с.: В. ед. на Рождество Хво 913, на Рждество (сокращ.) Бѣъ 913*
Розвадичъ *м. отч.: Р. ед. оу Розвадица 877*
розрубити *г. 'разверстать': перф. мн. м. роздроби- ли 902 (NB здр)*
Рокышь *м. личн.: М. ед. на Рокыши 789*
Ростила *личн.: Д. ед. ко Ростили Торжс. 8*
Δ [росход]... 777
рота *жс. 'клятва': Д. ед. а въходить ма погосте ротъ 834, а Славнъ не ходи ротъ ни ... 877*
рути *г. 'подвергать конфискации имущества': инф. а ржти та хоцъ 776*
рыба *жс.: М. мн. на рыбахъ 799 (2×), 882*
Рѣжковъ *см. Режковъ*
рѣзана *жс. И. ед. 799, резана 882 (2×); Р. мн. рѣзан 892, ризано 810; И. счетн. 3 рзнъ Ст. Р. 36; В. по три рѣзане Торжс. 7*
Рюра *м. личн.: Д. ед. къ Рюръ 804*

С

- Самуила** *м. личн.: Д. ед. ко Самоуиле Ст. Р. 31*
самъ *мест.: И. ед. м. самъ 893, ...ме 667 (?), самъ 849, [с]амъ 793, сам[ъ] 849, 911, са... 824; В. самого Торжс. 10*
Сѣйна или **Сѣйна**, (ранн. Сѣб-) *личн.: Д. ед. къ Сѣбыне Торжс. 2*

- Сѣбиславъ** (ранн. Сѣб-) *м. личн.: Р. ед. оу Сѣбислава Ст. Р. 36*
Сѣйти (ранн. сѣ-) *г.: инф. событ[и] м[и] 814*
Сватата *м. личн.: М. ед. на Свататъ 819*
Свергнути (ранн. сѣвѣрг-) *г.: през. 3 ед. сѣв[ъ]р[ъ]ж[е]-- 805*
Свинья *жс.: В. счетн. 2 свиньи 842*
Сводъ (ранн. сѣ-) *м. 'очная ставка': В. ед. на сводъ 819*
Свои *мест.: В. ед. м. за свои 819; И. В. ед. с. свое 814; М. о свѣемъ 854*
Сватополкъ (ранн. -пѣлкъ) *м. личн.: И. В. ед. Сватопѣ--къ 850*
Сватъи *п.: Р. мн. вѣсхъ стѣхъ 914, свѣхъ стѣхъ 906*
Сгонити (ранн. сѣ-) *г.: перф. мн. м. сѣгонилъ 821*
Сдана (ранн. Сѣд-) *м. личн.: Р. ед. оу Сѣдана Ст. Р. 36*
Сдоровъи (ранн. сѣ-) *п.: кр. И. ед. м. сѣдоровъ 892; — ср. сторови*
Сдѣти (ранн. сѣ-) *г.: през. 1 мн. сѣд--|емъ Торжс. 19 (?)*
се *част. 'вог' 811 (?), 824, 834, 842, 850, 870, сѣ 831 (2×)*
себе *мест.: В. сѣ 779, 781 (2×), 791, 793, 798, 800, 809, 829, 839, 881, 888, 907, Ст. Р. 30 (2×), Торжс. 10 (не учтено сѣ, стоящее непосредственно после глагольной словоформы); Р. оу себе 858; Д. [с]обѣ 854, сѣбѣ 854, собѣ 843; Т. [сѣ] собож 864*
сеи (ранн. сѣ) *мест.: В. ед. с. се 818; Р. ед. м./с. сего 901; Д. сем8 879*
селище *с.: Δ селища 869*
село *с.: В. ед. въ село 793, про село 777; М. [в]ъ сел[л]ѣ 900*
сельма *н. 'столь': сел[л]ема Торжс. 8, [с]ел[л]ема Торжс. 8*
селанинъ *м. жит.: Д. мн. къ селаномъ 819*
семь *числ.: В. сѣмь н[а д-сѣ]тъ Торжс. 13; М. на семи 843, во сѣми 831*
семьнадѣсать (ранн. сѣмь на десате) *см. сѣмь*
серебро *с.: Р. ед. серебра 818, 915*
середѣ *жс.: В. ед. въ середоу 799; М. середѣ 842*
Сестрата *жс. личн.: Р. ед. оу Сестратъ Ст. Р. 36*
си *част.: а Вѣльчиноу си посьли моужъ инъ 902*
сигъ *м.: Р. мн. [сиг]ово 831*
сиръ *см. сыръ*
скотъ *м.: 'деньги' — И. ед. скотъ 877; Р. скѣта 851*
скудатина *жс. (о бедном): И. ед. скоуд[дѣ]тина 831 (NB -дѣ- <де-)*

СЛАВНО (ранн. -вѣн-) с. геогр.: М. ед. (?) Славѣнь 877 (вероятно, нѣ вм. нѣ) (малолер. И. ед. от м. личн. Славень)

СЛАТИ (ранн. съл-) г.: пвл. съли же 819

СЛУЖЕБНЫИ (ранн. -жѣбѣн-) п.: Р. ед. жс. слоужь[б]... 846

СЛЪШАТИ г.: перф. мн. м. се есме слы[шали] 870

СМЕРДЪ (ранн. смърдѣ) м.: Р. ед. оу Иванѣкова смърѣда 907

СМОЛА жс.: М. ед. на смолѣ 799 (возм. собственное)

СМОЛВИТИСА (ранн. съмълв-) г.: прич. прош. ед. м. а нѣнѣ ти са съмълвѣвѣ съ близокѣ <-кы> 907

СНАГАТИ (ранн. съ-) г. 'совместно арендовать': перф. ед. м. (3 ед. [?]) сънаале 821 (?) (возм. съ наале 'этот нанял')

СНОВИДЪ (ранн. сън-) м. личн.: И. ед. Сновиде 780

СОЛИТИ г.: предположит. мн. м. ачи ти не боудѣть (2 мн.) солили соуш[а] 893

СОЛЬ жс.: В. ед. въ сол[ѣ] Торжс. 18; Р. соли Торжс. 14; М. на соли 882

СОРОКЪ м.: 'сорочок' (товарно-денежная единица) — И. В. счетн. оба сор[о]... 843 (?) || 'число 40' — Д. ед. п (вм. по) сорокоу 810

СОРОЧЕКЪ (ранн. -чѣк-) м. 'сорочок' (товарно-денежная единица, то же, что сорокъ): И. ед. сороцекѣ Торжс. 3 (NB ро)

СОРОЧЕЦЪ (ранн. -чѣц-) м. 'сорочок' (товарно-денежная единица, то же, что сорокъ, сорочекѣ): Р. мн. сорѣчѣцъ 910

СОЧИТИ г.: перф. ед. м. сочилѣ есмь ('я расследовал') 819

СРУБЪ (ранн. съ-) м.: Δ [сор]оубѣ 847

СТАРИИ см. старѣи

СТАРѣИ п. сравн.: Д. ед. м. ко Рагоуилови ко старѣшоум[о]- <рѣш-> 831 (возм. <рѣш-> — от варианта старии)

СТАРОСТА м. И. ед. 821; Р. оу Полюжа старостѣ 793; Д. къ старостѣ 900

СТАРЪШ- см. старѣи

СТВОРИТИ (ранн. съ-) г.: пвл. [сот]вори жѣ ми добро (формула вежливости: 'пожалуйста') 829, ...[бр]ѣ сът[в]ори 888; прич. през. ед. м. добрѣ же створѣ 849, добрѣ же створѣ (Δ переправл. из о) 788, (до)[бр]ѣ [с]т[вор]ѣ 841

СТЕПАНЪ м. личн.: И. ед. Стѣпане 808 (ст написано дважды) (возм. И. ед. с. от п. прит. Степань); Зв. Спепане 831 (предвосх. п); Р. отъ Степана 806

СТЕТИ (ранн. съ-) г. 'сбить' (?): през. 3 мн. сотепѣтъ 854

СТО (ранн. съто) с.: В. ед. [вѣ] съто 832; И. В. сто Ст. Р. 30

СТОИНѢГЪ м. личн.: Р. ед. оу Стоинѣга Ст. Р. 36

СТОРОВЪИИ (ранн. съд-) п.: кр. И. ед. м. -торове 823, а боуде сторовѣ князь 852; В. счетн. м. а конѣ 2 и сторова 842; — ср. сдоровыи

СТОРОВЪКЪ (ранн. съд-) с.: М. ед. о своемѣ стѣ[р]-вѣе 854

СТРАШКА (ранн. -шѣк-) личн.: И. ед. Стрѣшка 780

СТРѢЛКА (ранн. -лѣк-) жс.: И. В. мн. стрѣ[лѣкы] 809

СУДИТИ г.: пвл. (?) 3 ед. соуди 821

СУЛИТИ г.: перф. ед. м. несми ... соу[л]и[лѣ] 820 (?)

СУШКО (ранн. -шѣк-) м. личн.: Р. ед. оу Соушка Ст. Р. 36

СУЩЪ м. 'сушеная мелкая рыба': Р. ед. соуш[а] 893, суща Ст. Р. 30 (2x)

СЪЧЕТКА (ранн. съчѣтъка ?) жс. (знач.?): Р. ед. съчѣтъкѣ 846

СЪ предл.: с Т. — съ 831, 846, 864, 877, 907, 911, Ст. Р. 37, со 831 (?), 854, 890 || с Р. — съ 863, 910 (?) || с В. — съ 793, 882, Торжс. 14

Δ [съпы]... 893 (вероятно, от спытати [ранн. съ-])

СЫНЪ м.: Р. ед. оу котораго ти сыноу 798; Т. [с]ын[ѣ]мѣ 871

СЫРЪ или **СИРЪ**, м. 'сыр': В. мн. [сирѣ] 831

СѢМО н. Торжс. 10

СѢМА с.: съмѣ[н]- (Р. мн. или В. мн.) 779

СѢСТИ г.: перф. ед. м. селе ти есемо Ст. Р. 31

СА см. себе

Т

ТАКЪИ же п.: И. В. ед. с. такоѣ же 807; кр. В. ед. жс. [т]аку же Торжс. 10

ТАМО и **ТАМЪ**, н.: тамо 815, там- 832

ТАТЬБА жс.: В. ед. татѣбоу 907, въ [т]оу татѣбоу 907; Р. въ тоѣ мѣсто татѣбѣ 907

ТВОИ мест. И. ед. м. Торжс. 19; Д. ед. м./с. твоемоу 831; В. ед. жс. товою Торжс. 14 (?); В. мн. м. тво[е] 831

Δ Т[в]-атѣ (Д. ед.) 909 (возможно, Т[вѣд]атѣ)

ТЕНЕТО с.: В. мн. тенота ('рыболовные сети') Ст. Р. 30

ТЕТЕРЕВЪ м.: В. мн. тетеревѣ 842

ТЕТКА (ранн. -тѣк-) жс.: Д. ед. къ т[е]--(с)|кѣ 798 (?)

ТЕТЫНА* личн.: Δ Тетынѣ 894 (?)

ТИ част. 779, 784 (возм. 'тебе'), 788, 800 (возм. 'тебе'), 803, 812 (возм. 'тебе'), 814 (возм. 'тебе'), 815 (возм. 'тебе'), 819 (2x), 829, 849 (возм. 'тебе'), 891, 893 (2x), 896 (возм. 'тебе'), 901, 902, 907 (4x), Ст. Р. 28, 31, оже ти 912, [о]же ти 805, ож[е]-[и] 805, али ти 893, Торжс. 8 (возм. 'тебе'), аче ти

793 (возм. 'тебе'), ачи ти 794, 893, ачи то ти 820, ать ти 907, ци ти 794, то ти 776, 812, 835, 915, цего ти хота(...) 843 || союз — ти 798 || см. также дати (союз), дати да, кроме того, ты (Д. надеж) и тотъ (И. мн.)

тищати г. 'терпеть': инф. тищат- 900

то: союз — то 831 (2×), 877 (?), 909 (?) || част. (в составе относит. слов) — то 872 (ако то), 899 (ижь то)

то же союз 806

то ти союз 776, 812, 835, 915, ачи то ти 820

товаръ м.: В. на товаръ Торж. 19

тогда (ранн. тъгда) н.: тъгда 831

Тоилиричь* м. отч.: М. ед. на Тои[л]иричи 810

только (ранн. толико): числ. 'столько' — Д. по толику 892

Тотовъ м. личн.: Р. ед. оу Тотова 863 (возм. от п. прит.)

тотъ (ранн. ть) мест.: В. ед. с. то 806, 831, Ст. Р. 30, во то 831, за то 847; И. В. то 831 (2×); Р. ед. м./с. того 890; Д. томоу 849; М. въ томъ 776, о томъ 824; В. ед. ж. т8 879, въ [т]оу 907; Р. тоѣ 907

тотъ же мест.: Д. ед. м. к(ъ) тьмоу же 891; В. счетн. ж. тѣ же 2 гривнѣ 819

третии числ. порядк.: кр. Р. ед. ж. поль третьѣ 799, поль третье 788

треть ж.: В. ед. во трьте Торж. 9

триє числ.: В. ж. по три Торж. 7, трѣи 776, въ трѣи 776; И. В. ж. -ри надеса 851; И. В. (род неизв.) три 871

тринадьсать (ранн. три на десате) см. триє

ту н.: тоу 831, 902

Тудорко (ранн. -рѣк-) м. личн.: Р. ед. ѿ Тоудорока 825

Тудоровъ п. прит.: Р. ед. м. ж. Тоудорова изгоа 789

Тудоръ м. личн.: Δ Тѣдо... 903

Тукъ м. личн.: Р. ед. ѿ Тоука 907

туль м. (или тула ж.) 'укрытие', 'тайное место': В. ед. въ тоулѣ 818

ты мест. И. 794 (2×), 831, 839, 904, ть 788 (ъ в. м. ы); В. та 776, 829, 831 (3×), 849, 851, Торж. 10, т-823, на та 862, те 858 (NB е); Р. оу тебе 853; Р. В. [т]ебе 851; Д. ти 798 (2×), 809, 819, 829, 839, 888, 901, Ст. Р. 30, Торж. 7, 9, къ тѣбѣ 794, тебе 831 (2×), то[бѣ] 831, къ тебе Торж. 10; Т. тобою 824, [сѣ] тобою 877; М. [в]ѣ тобѣ 850

Δ оу Тыше (Р. ед.) 776 (возможно, ошиб. в. м. оу Поутьше и т. п.)

Тѣшата личн.: Р. ед. оу Тѣшадѣ 905 (NB д)

Тютка (ранн. -тѣк-) личн.: Р. ед. ѿ Тютки 904

тажа ж.: В. ед. тажоу 831

У

у предл. (с Р.) Торж. 3, оу 776, 781, 793 (2×), 798, 809, 818 (3×), 828, 831, 833 (2×), 849, 851 (2×), 853, 858, 863 (7×), 877, 905 (3×), 907 (4×), 915, Ст. Р. 26, 32, 35а, 36 (18×), ж 789 (2×), 799, Ст. Р. 34

уже н.: оужь 831

усторовѣти 'уцелеть' г.: през. 3 ед. аже оусторовѣе Торж. 19

учинити г.: през. 3 мн. ѿ ('пусть') оуцина[тъ] 809

ушко (ранн. -шьк-) с. (знач.?): Р. мн. оушькѣ 799

Ф

Фѣдоръ м. личн.: Т. ед. (?) за Фѣдору (недопис.) Торж. 5 (возм. В. ед. с ро в. м. ра)

Филипъ м. личн.: Р. ед. Филипа 913

Фима личн.: Р. ед. оу Фимѣ 818

Фома м. личн.: Д. ед. ко Фоме 795

Х

харотья ж. 'пергамен': В. ед. пьрьпесаво на харотити[ти]ю 831 (повтор. ти на стыке строк)

Хвались м. личн.: Р. ед. оу Хвалиса 905

ходити г. а Славьнѣ не ходи ротѣ ни ... (през. 3 ед. или пвл.) 877; перф. ед. м. хо[д]иль 877/572; Δ ход.. . 899

холопъ м.: И. мн. холопи 907

Хотославль п. прит.: В. ед. ж. Хото---[в]лю [з]емлю 805

Хотунъ м. личн.: у Хотѣ[н]а Торж. 3

Хотъжеръ (ранн. -жър-) м. личн.: В. ед. Хотъжеръ 900

Хотыша м. личн.: Р. ед. оу Хотышѣ 863

Хотѣнъ м. личн.: Р. ед. оу Хотѣна 863; Д. къ Хотѣноу 902, Хотѣноу (в. м. къ Хотѣноу) 912, ...[т]ѣнови 909

хотѣти г.: през. 1 ед. хоцж 776; 2 ед. хоцеша ли 804, али не хоцеша 804

хота част.: цего ти хота(...) 843 (?), хот[а] 806 (?)

хреветъ (ранн. хрьбѣть) м.: В. счетн. хрьбѣта 2 — 842

Христовъ п. прит. (церк.): В. ед. с. на Рожьство Хѣво 913

Христосъ м. личн. (церк.): И. ед. Иѣс Хѣс 915-И; Р. Хѣа 906, 914

Ц

ци ти см. чи ти

цѣловати г.: през. I ед. и цѣлоую та 849, и чѣлоую т(а) 823, и цѣлюю та Торж. 10, а и чѣлѣю та 829, и челоую те (!) 858, ...[л]оую та 851

цѣлы жс. 'исцеление', 'здоровье': И. В. ед. (в начале грамоты) цѣльвь 849

Ч

чєревыє с. 'рыбьи внутренности (икра, молоки)': И. В. ед. чєревиє 893

чєрнѣи (ранн. чьрн-) п.: кр. В. ед. жс. полостєцю ... черьноу 809

чєтвертина (ранн. -вьрт-) жс.: В. ед. ...ьртиноу 810

чєтвертъи (ранн. -вьрт-) числ. порядк.: Р. ед. жс. по пол(оу) -----рътъ 806 (?)

чєтырє числ.: В. жс. въ чєтыри кжнѣ 776

чи ти (или **ци ти**) союз: ци ти 794, 849 (возм. 'если тебе')

чстити (ранн. чьст-) г.: перф. ед. м. [ч]истилю есмь 831 (предвосх. и)

что (ранн. чьто) мест.: относит. — И. цєто Ст. Р. 30, цто 781; В. цєто 809, цьт- 794 ||
вопросит. — В. чєто (наречн.: 'почему?') 831 ||
неопред. — И. В. цьто 800; Р. цєга Ст. Р. 28, цєго ти хота(...) 843

Ш

шєсть числ.: И. шьсть 866; В. шєсть 776, шьсть 855, 6 на 10 — 842; И. В. шьсть 831

шєстьнадєсать (ранн. шєсть на десатє) см. шєсть

Шидовичи мн. м. геогр.: М. Шидовицихъ 789 (2×)

Шишакъ м. личн. И. ед. 805 (2×)

Ъ

Ъзєскъ (ранн. -зьск-) м. геогр.: М. ед. Ъзьскъ 902

ѣсти г.: инф. ести Ст. Р. 30

Ю

юбрусъ м. 'платок': И. ед. юбржє 776

Ј

Јужєлбицѣ (ранн. -жьлб-) мн. жс. геогр.: Р. [изъ А]жь[л]ьби... 876

јзъ мест.: И. азъ 784, 896, 902, азо 829, 893, а 798, 805, 806, 831 (3×), 847, 877 (2×), 878, Торж. 13; В. ма 834 (2×), 886; Р. оу мъне 831; Р. В. мене

806; Д. ми 800, 814, 829 (2×), 831, 832, 854, 877, 909, 912, Торж. 8, 10, къ мънѣ 824, [к]о мо[нѣ] 826; Т. пропередь мъною 820; Д. М. мънѣ 859

јко то союз: ако то 872

Јковъ м. личн.: Зв. ед. Акове Ст. Р. 35б; Д. [А]ковоу 890

Јкша (ранн. -къш-) м. личн.: Р. ед. оу Акъшѣ Ст. Р. 3б; Д. къ Акъшѣ 870, 885, ко Акоше 812, къ Акъши 821

јрецъ (ранн. -рьц-) м. 'годовалый бобер': И. счєтн. 3 арци 910

Јрко (ранн. -рък-) м. личн.: И. ед. Аръко 849

јтиса г.: перф. ед. м. але ти с[а е]с[ъ]мъ за погость 800

Словоуказатель к грамотам с церковнославянским текстом
(№ 884, Торж. 17)

- а союз** Торж. 17
азъ мест. И. 884
блудъ м.: И. мн. блонди Торж. 17
бои м. И. ед. Торж. 17
быти г.: наст. 3 ед. есте Торж. 17; 3 мн. соуе Торж. 17
бѣсовьскыи п.: И. мн. жс. игры бесовескыа Торж. 17
весь (ранн. вьсь) п.: И. мн. жс. вса игры Торж. 17
вражда (ранн. -ждь-) жс.: И. ед. вражда Торж. 17 (2×)
всакыи п.: И. ед. жс. всакаа Торж. 17
гнѣвъ м.: И. ед. гнево Торж. 17, глево (!) Торж. 17
гордость (ранн. гърд-) жс.: И. ед. гордосте Торж. 17
Господь м.: Зв. ед. Гѣи 884
граблениѣ с.: И. ед. грабление Торж. 17
душегублениѣ с.: И. ед. дшегоубление (без титла) Торж. 17
дѣти мн. И. дети Торж. 17
же част. 884, Торж. 17 (2×)
зависть жс.: И. ед. зависте Торж. 17
запоиство с.: И. ед. запоисво Торж. 17 (NB св)
злѡбь (ранн. зъл-) жс.: И. ед. злобе Торж. 17
зломьслиѣ (ранн. зъл-) с.: И. ед. зломьслие Торж. 17
злопоминаниѣ (ранн. зъл-) с.: И. ед. злопоминание Торж. 17
злосердыѣ (ранн. зълосьрд-) с.: И. ед. злосердее Торж. 17
злыи (ранн. зъл-) п.: И. мн. м. злии помысли Торж. 17
и союз Торж. 17 (2×)
игра жс.: И. мн. игры Торж. 17 (2×)
каль м.: И. ед. кало Торж. 17
клевѣта жс. И. ед. Торж. 17, кевѣта (!) Торж. 17
мацѣшинь п. прит.: И. мн. м. мацѣшини же дети Торж. 17
непокорениѣ с.: И. ед. непокорение Торж. 17 (2×)
неприазниѣ п. прит.: И. мн. жс. игры неприазнины Торж. 17
осуженіѣ с.: И. ед. осужение Торж. 17
отрава жс. И. ед. Торж. 17
пакы част. Торж. 17
поклѣгь м.: И. ед. поклѣпо Торж. 17
помысль м.: И. мн. помысли Торж. 17
потворь м.: И. мн. потвори Торж. 17
презорьство с.: И. ед. презоресво Торж. 17 (NB св)
прекословыѣ с.: И. ед. прекословее Торж. 17 (2×)
прелюбодѣлниѣ с.: И. ед. прелюбодѣлание Торж. 17
пыльство с.: И. ед. пѣанесво Торж. 17 (NB св)
разбои м. И. ед. Торж. 17
рѣзоманиѣ с.: И. ед. резоимание Торж. 17
сварь м.: И. ед. сваро Торж. 17
се част. Торж. 17
смѣхотворениѣ с.: И. ед. смехотворение Торж. 17
та же союз Торж. 17
татьба жс.: И. ед. татба Торж. 17
хула жс.: И. ед. хоула Торж. 17 (2×)
царотворениѣ с.: И. ед. царотворение Торж. 17

КОММЕНТАРИИ
И ИССЛЕДОВАНИЯ

О НЕСКОЛЬКИХ ПЕРСОНАЖАХ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ XII ВЕКА

1. Петр и Якша (Троицкая усадьба Е)

Круг персонажей берестяных грамот, отождествляемых с лицами, известными из летописей и других исторических источников, постоянно растет и на сегодняшний день насчитывает уже несколько десятков имен. Публикуемые в настоящем томе грамоты XII в., происходящие с усадьбы Е Троицкого раскопа, позволяют пополнить его несколькими новыми фигурами. Центральные персонажи этого комплекса — Петр (Петрок) и Якша — могут быть, на наш взгляд, отождествлены соответственно с боярином Петром Михалковичем, выдавшим в 1156 г. дочь за княжившего в это время в Новгороде Мстислава Юрьевича, и одним из наиболее видных деятелей новгородской истории XII в. посадником Якуном Мирославичем (см. Гиппиус 1999а, Гиппиус 2003а). При этом Петр Михалкович, личность которого до настоящего времени не привлекала внимания историков, является, согласно нашей гипотезе, заказчиком двух центральных произведений новгородского искусства середины XII в.: одного из серебряных кратиров Новгородского Софийского собора, а также иконы “Богоматерь Знамение” — прославленной святыни республиканского Новгорода (Гиппиус 1999б, Гиппиус 2003б).

Ответственность этих заключений заставляет нас в данной публикации несколько изменить, по сравнению с предыдущими вариантами работы, порядок изложения, сосредоточившись на разборе системы обосновывающих их аргументов, безотносительно к последовательности приводящих к ним выкладок. Не предлагая читателю повторить шаг за шагом пройденный нами путь, мы вместо этого попробуем проверить на прочность собственное построение, попытавшись занять наиболее взвешенную точку зрения.

Степень надежности идентификации персонажей берестяных грамот с летописными персонажами колеблется в очень значительных пределах, находясь в зависимости от ряда факторов. Важнейшими из них (помимо совпадения стратиграфической датировки грамот с летописными датами) являются:

1) степень социальной охарактеризованности персонажа в грамоте (упоминание только по имени или также по отчеству или прозвищу; наличие/отсутствие упоминания должности или информации, позволяющей судить о ней, и т. д.);

2) степень распространенности имен отождествляемых лиц;

3) наличие/отсутствие “поддержки” в виде параллельной идентификации других лиц, упоминаемых в тех же и/или хронологически и территориально смежных грамотах.

При особо благоприятном стечении обстоятельств гипотетичность идентификации оказывается сведена к нулю и она приобретает статус бесспорного факта; классический пример этого — переписка посадника Онцифора Лукиничича в грамотах Неревского раскопа. В отдельных случаях достаточной гарантией надежности отождествления выступает редкое сочетание имени и прозвища (пример — Онанья Курицкий, упоминаемый в грамоте № 264 и в НПЛ под 1345 г.). Иными, но также весьма надежными, являются основания идентификации персонажей грамоты № 724: тождественность упоминаемых в ней Захарии и Андрея с новгородским посадником Захарией и князем Андреем Боголюбским вытекает из идеального соответствия, в котором описанная в грамоте ситуация находит с парным упоминанием имен. Парный характер идентификация носит и в случае с Иваном и Павлом, выступающими в грамотах № 745 и 736 и отождествляемыми с посадником Иванком Павловичем и его отцом. И здесь в основе отождествления — сочетание в грамотах имен, связанных между собой и в летописи, однако не столь однозначная, как в грамоте № 724, социальная охарактеризованность персонажей грамот делает эту идентификацию более гипотетичной, хотя и весьма вероятной.

Обращаясь к персонажам грамот усадьбы Е, начнем с констатации обстоятельства, наименее благоприятного для их идентификации: в грамотах

они названы только по именам, причем имена эти вовсе не принадлежат к числу редких. Более того, имя *Якши* может быть в принципе трактовано как гипокористика от трех полных имен: *Яков*, *Яким*, *Якун*, то есть раскрытие его как сокращенной формы последнего представляет собой лишь одну из возможностей. Таким образом, фактор частотности имени работает в данном случае против нас. На нашей стороне, однако, два других фактора: мы имеем дело с парой персонажей, социальные роли которых вырисовываются из грамот усадьбы Е вполне определенно.

Главным основанием для идентификации Петра и Якши с названными историческими лицами середины XII в. является однозначно вытекающая из совокупности археологического материала характеристика усадьбы Е как местопребывания крупного судебно-административного центра. Как нигде более в Новгороде, к поиску среди персонажей грамот известных летописям фигур подталкивает сама экстраординарность этого комплекса, обнаруживающая себя в целом ряде признаков. Специально обратим внимание на такую особенность грамот усадьбы Е, как наличие среди них сразу четырех коллективных обращений: № 850 “от всей дружины”, 870 “от всех людей”, 872 “от жаблян”, 885 “от имоволожан и от жаблян”. Если в более позднее время тексты с коллективным авторством (прежде всего в форме челобитных) весьма многочисленны, то для домонгольского периода они до этого вообще известны не были. Отметим также два ярких лексических индикатора социальной элитарности переписки усадьбы Е: на грамоты этой усадьбы приходится около трети употреблений в новгородских берестяных грамотах слов *князь* (8 из 20) и *дружина* (3 из 9).

В. Л. Янин (2000, с. 6–11), отмечая связь содержания значительной части грамот усадьбы Е с судебной процедурой, приходит к заключению, что в середине XII в. эта усадьба служила местопребыванием “сместного” суда князя и посадника.

С совместным (“сместным”) характером этого института хорошо согласуется тот факт, что четыре из найденных на усадьбе Е грамот судебного содержания, относящихся к этому времени (№ 812, 821, 870 и 885), адресованы двум лицам — Петру (называемому также Петроком) и Якше. Эти лица и выступают, по мысли В. Л. Янина, как действительные вершители “сместного” суда, представляющие две его стороны — княжескую и посадничью. Центральной фигурой комплекса является Петр (Петрок). Характер пребывания его на усадьбе Е отличен от характера пребывания на ней Як-

ши. Если упоминания Якши ограничиваются названными четырьмя документами (не исключено, впрочем, что то же лицо упоминается еще и в грамоте № 890 как Яков, см. об этом ниже), то с именем Петра связывается в общей сложности 19 грамот. Для домонгольского периода это — абсолютный рекорд. В девяти из этих грамот Петр выступает как адресат (помимо уже названных — № 872, 850, 877, 889 и, возможно, 899), в пяти — как автор (№ 550, 604, 794, 849, 891), и еще в пяти просто упоминается (№ 835, 839, возможно, также 800, 846, 890).

Для характеристики фигуры Петра исключительно важна грамота № 872, адресованная князю и Петроку “жаблянами”, жителями Жабенского погоста, и непосредственно демонстрирующая связь Петра с княжеской администрацией. Названный по имени князь Святополк (1142–1148) упоминается в грамоте № 850 — послании “от Путьши и от Борза, и от всей дружины к Петроку”. Еще одно упоминание князя содержит грамота № 794, исходящая от самого Петра.

Княжеский характер должности Петра позволяет, в рамках данной гипотезы, связать фигуру Якши с посадничьей стороной в сместном суде. Но если князь, постоянно проживавший на Городище, должен был осуществлять свои функции в суде через своего представителя (каковым, очевидно, и является Петрок), то посадник, как новгородский боярин, вполне мог и сам участвовать в судебной процедуре. В таком случае идентификация Якши оказывается однозначной — из новгородских посадников XII в. так мог быть называем лишь Якун Мирославич, занимавший эту должность трижды, в 1136–1141, 1156–1160 и 1167–1170 гг.

Эту линию рассуждений легко упрекнуть в чрезмерной гипотетичности. Действительно, гипотезой является уже лежащее в ее основе допущение, что единственным существовавшим в это время в Новгороде судом был сместный суд князя и посадника, который и располагался на усадьбе Е. Также гипотезой, но уже основанной на первой, является и представление о том, что посадник, в отличие от князя, должен был участвовать в этом суде собственной персоной. Сколь бы убедительными ни были эти предположения, сами по себе они не составляют достаточной основы для идентификации Якши с Якуном Мирославичем.

Важно поэтому, что обосновать данное отождествление можно и не прибегая к указанным гипотезам, опираясь лишь на факты, непосредственно получаемые из анализа содержания грамот усадьбы Е. Таким фактами являются: 1) пребывание на

этой усадьбе в середине XII в. судебно-административного центра; 2) доминирующее положение в этом центре Петра (Петрока); 3) связь Петра с князем; 4) рассмотрение Петром судебных тяжб вместе с Якшей.

Ключевой аргумент для идентификации фигуры Якши дает сопоставление этих фактов с картиной деятельности той же судебной инстанции, засвидетельствованной в конце XII в. на смежной с усадьбой Е (через мостовую Пробойной улицы) усадьбе А грамотами № 502 и 603. Помимо общего судебного содержания, эти два документа соединяют имена Гречина и Мирослава: последний является автором грамоты № 502 (записки, посланной им Олисею Гречину, по-видимому, непосредственно во время судебного заседания) и, вместе с Гречином, адресатом грамоты № 603. Хорошо обоснованная гипотеза В. Л. Янина отождествляет Гречина этих грамот с Гречином Петровичем, расписавшим в 1193 г. надвратную церковь Ризоположения в Детинце (усадьба А в это время размещала мастерскую церковного художника), а Мирослава — с посадником Мирославом Нездиничем, чья фамильная церковь св. Образа находилась неподалеку от усадьбы А (НГБ VII, с. 20–27, 66–67).

В свете этого отождествления решающее значение приобретает параллелизм адресных формул грамоты № 603 (*къ Грѣцинови и к Мирославоу*) и грамот усадьбы Е, адресованных Петру (Петроку) и Якше. Отчество Гречина — Петрович — дает основание видеть в нем сына Петра-Петрока (данное предположение было высказано В. Л. Яниным еще до исследования основной территории усадьбы Е, когда имя Петра было известно только из грамоты № 550, см. Янин 1998, с. 324). Что же касается Якши, то его место в возникающей пропорции оказывается аналогичным месту Мирослава в паре с Гречином. Как бы ни трактовать ситуацию, в которой при обращении к двум членам суда имя посадника ставится вторым (к ее трактовке нам еще предстоит вернуться), грамота № 603 иллюстрирует ее со всей определенностью, позволяя и в Якше грамот усадьбы Е видеть посадника. В таком случае, как уже говорилось, единственной подходящей кандидатурой оказывается Якун Мирославич.

Базируясь на сопоставлении с ситуацией конца XII в., идентификация Якши с Якуном Мирославичем находит дополнительное подтверждение в фактах, характеризующих положение усадьбы Е в самом начале этого столетия. Уже после того, как было сделано данное предположение, в культурных напластованиях начала XII в. была найдена грамота № 907, адресованная Гюряте и представ-

ляющая собой донесение новгородской администрации в связи с расследованием дела о краже. Адресат с высокой вероятностью отождествляется с посадником Гюрятой, известным по летописным спискам новгородских посадников и, по-видимому, тождественным упоминаемому под 1096 г. в “Повести временных лет” Гюряте Роговичу (см. комментарий к тексту грамоты в настоящем томе). С другой стороны, дендрохронологическая дата помоста, являвшегося в середине XII в. центром административного комплекса усадьбы Е, — 1126 г. — совпадает с годом избрания на посадничество Мирослава Гюрятинича, сына Гюряты и отца Якуна (см. Янин 2000, с. 22, 29).

Карьера самого Якуна Мирославича была долгой и полной драматических взлетов и падений. Его имя многократно упоминается в летописи на протяжении сорока лет — с 1137 по 1176 г. За это время Якун трижды становился посадником. Впервые он получил эту должность в 1137 г., став первым посадником республиканского Новгорода, избранным после переворота 1136 г. Четыре года спустя, в 1141 г., Якун бежал из Новгорода вместе с князем Святославом Ольговичем, но был пойман, избит до полусмерти, сброшен с волховского моста и лишь чудом спасся. После уплаты Новгороду колоссальной суммы в 1000 гривен Якун был заточен в Чудской земле, откуда опального посадника вызволил Юрий Долгорукий, предоставивший ему убежище в Суздале. В очередной раз Якун сделался посадником весной 1156 г., снова в результате переворота: его предшественник Судило, занимавший этот пост на протяжении десяти лет, был отрешен от должности и через несколько дней умер. Второе пребывание Якуна у власти продолжалось, вероятно, до 1160 г., под которым летопись упоминает о передаче посадничества Нежате. Спустя еще шесть лет, в 1167 г., в критической ситуации, когда Новгород в течение полугода находился без князя, в политической изоляции и раздираемый внутренними конфликтами (посадник Захария был убит на вече, обвиненный в измене), новгородцы вновь призвали Якуна. Кульминацией его третьего посадничества стала организация обороны Новгорода от войск Андрея Боголюбского в феврале 1170 г., завершившаяся полным разгромом суздальцев. Однако торжество новгородцев было недолгим, и в том же 1170 г. они вынуждены были, изгнав недавнего триумфатора князя Романа Мстиславича, просить у Андрея мира. По-видимому, именно тогда Якун Мирославич в третий раз лишился посадничества. Последний раз его имя появляется на страницах летописи под 1176 г., когда бывший новго-

родский посадник выдал дочь за князя Мстислава Ростиславича.

К какому из трех сроков, проведенных Якуном Мирославичем на посадничестве, относятся адресованные Петру и Якше берестяные грамоты усадьбы Е? Ввиду их размытой стратиграфической датировки ответ на этот вопрос всецело зависит от идентификации Петрока. Этот персонаж, как уже говорилось, отождествляется нами с боярином Петром Михалковичем, выдавшим в 1156 г. дочь за князя Мстислава Юрьевича. Попробуем обосновать это отождествление.

Фигура Петра Михалковича привлекает наше внимание уже потому, что другие новгородские бояре Петры в рассматриваемую эпоху летописям не известны. Конечно, отсутствие других претендентов само по себе — не повод видеть в Петре Михалковиче Петрока грамот усадьбы Е. Предполагать это позволяет исторический контекст новгородского брака Мстислава Юрьевича. Характерно, что сообщение о нем отсутствует в Новгородской летописи: по причинам, о которых можно лишь гадать, этот важный эпизод новгородской истории XII в. оказался обойден вниманием местного летописца или же был намеренно изъят из городской хроники при ее редактировании. Владимирская и киевская летописи сообщают о нем в разных выражениях:

Лавр. (с. 346): *Тое же зимы ожениши новгородци Мстислава Гюргевича и пояши за нь Петровну Михалковича.*

Ипат. (с. 482): *Тои же зимѣ повелѣ Дюрги Мстиславу сынови своему Новѣгородѣ женитися Петровою Михалковича, и оженися.*

Очевиден политический характер этого брака. Согласно Лаврентьевской летописи, инициатива в нем принадлежала Новгороду, согласно Ипатьевской — отцу Мстислава Юрию Долгорукому. Поскольку Лаврентьевская летопись в этой ее части основывается на южнорусском источнике типа отразившегося в Ипатьевской, сообщение последней следует признать оригинальным, а формулировку Лаврентьевской летописи — его переделкой, отражающей недружественную в отношении Новгорода позицию владимирского летописца времени Андрея Боголюбского. Новгородскому браку Мстислава Юрьевича предшествовало утверждение самого Юрия на киевском великокняжеском столе (весной 1155 г.) и замирение его со своими соперниками, после чего, по выражению новгородского летописца, “бысть тишина в Русстѣи земли” (НПЛ, с. 29). Стремясь закрепить в Киеве, Юрий зимой

того же 1156 г. женит другого сына, Глеба, на дочери своего давнего врага черниговского князя Изяслава Давыдовича. Связь между этим событием и практически синхронным ему новгородским браком Мстислава Юрьевича не подлежит сомнению. Последний выступает, таким образом, одним из звеньев политики Юрия Долгорукого в качестве киевского великого князя, подводя черту под полосой сложных и в основном враждебных отношений Юрия с Новгородом. Понятно, сколь значимой фигурой оказывается в этом политическом контексте боярин Петр Михалкович — тесть новгородского и сват великого киевского князя.

Время деятельности Петра Михалковича, его принадлежность к боярской элите, близость к князю — все это отлично согласуется с тем, что известно о Петре-Петроке из берестяных грамот усадьбы Е (следует особо отметить, что одна из печатей, обнаруженных на усадьбе Е, принадлежит именно Мстиславу Юрьевичу, см. Янин и Гайдуков 2000, с. 291). Это отождествление, однако, не было бы столь надежным (Петр — слишком распространенное христианское имя), если бы не одновременная идентификация Якши с Якуном Мирославичем. Дело в том, что женитьба князя Мстислава Юрьевича на дочери Петра Михалковича непосредственно предшествовала второму появлению Якуна Мирославича на посадничестве. Хронологический интервал, разделяющий эти события, был в действительности меньше, чем может показаться. Брак Мстислава, датированный летописями зимой мартовского 6663 г., мог быть заключен только между Крещением и началом великого поста, то есть уже в январе-феврале 1156 г. Изгнание же Судилы и передача посадничества Якуну Мирославичу (с сообщения о которых начинается статья НПЛ 6664 г.) состоялись заведомо до 20 апреля 1156 г., когда умер архиепископ Нифонт, сообщение о смерти которого продолжает статью 6664 г. Таким образом, оба события произошли в период с 6 января по 20 апреля 1156 г.; реальный же временной промежуток между ними был, несомненно, еще меньше. Причем ничего другого, что бы привлекло внимание летописца, в Новгороде за это время не произошло: исторически одно событие следовало за другим.

События начала 1156 г., теснейшим образом связывающие между собой новгородских бояр Петра Михалковича и Якуна Мирославича (см. их более подробный анализ: Гиппиус 1999а, с. 371–374), составляют весьма подходящий исторический контекст для появления в документах новгородского суда имен Петра и Якши. Идентификация этих центральных фигур грамот усадьбы Е с названными

ми историческими персонажами представляется поэтому высоковероятной.

Берестяные грамоты, адресованные “Петру (Петроку) и Якше”, могут быть, таким образом, датированы временем второго посадничества Якуна Мирославича (1156–1160). Еще более сужать их хронологические рамки, ограничивая время создания этих документов княжением в Новгороде Мстислава Юрьевича, нет достаточных оснований. После женитьбы на дочери Петра Михалковича Мстислав прокняжил в Новгороде недолго и уже в 1157 г. был изгнан из города.¹ Между тем Петр Михалкович, по-видимому, продолжал исполнять свои административные функции на усадьбе Е и после изгнания Мстислава. Этот этап его деятельности отражают грамота № 550, стратиграфически датируемая сер. 60-х – сер. 90-х гг. XII в., а также грамота № 794, упоминающая жертв мора: единственная эпидемия с большими человеческими жертвами, упоминаемая летописью в рассматриваемый период, — это мор 1158 г. (НПЛ, с. 30). С другой стороны, пребывание Петрока на усадьбе Е в качестве административного лица отражено грамотой № 850, упоминающей Святополка и скорее всего написанной или при этом князе, или вскоре после вывода этого князя из Новгорода в 1148 г. Следовательно, начало административной карьеры Петра также нет оснований связывать ни с вокняжением в Новгороде Мстислава Юрьевича, ни с женитьбой его на дочери Петра. Ясно, таким образом, что судебные полномочия Петрока не были обусловлены его статусом княжеского тестя. Причинная зависимость была здесь, скорее, обратной: выбор невесты для Мстислава Юрьевича был обусловлен высоким общественным положением Петра Михалковича. Это положение, как мы видели, отличалось завидной стабильностью: Петр сохранял его при разных

князьях и разных посадниках. Как бы ни определять его социальную функцию (уточнить ее содержание мы попытаемся ниже), очевидно одно: Петр Михалкович, более известный современникам как Петрок, был одной из крупнейших фигур в Новгороде середины XII в.

Именно этот вывод лежит в основе нашей второй гипотезы, предполагающей в Петре Михалковиче — Петроке заказчика одного из новгородских кратиров и иконы “Богоматерь Знамение”. Подробное обоснование данной атрибуции дано в работе Гиппиус 2003б. Ограничимся поэтому здесь пунктирным воспроизведением общей схемы аргументации.

Признанные шедевры древнерусского декоративно-прикладного искусства, новгородские кратиры были изготовлены в XII в. мастерами Братилой и Костой как причастные чаши Новгородского Софийского собора (см. обобщающую характеристику этих памятников в работе Стерлигова 1996).² Кольцевые надписи на поддонах сосудов называют имена заказчиков: Петрилы и его жены Варвары (кратир Братилы); Петра и его жены Марьи (кратир Косты). Очевидно, что ктиторами обоих кратиров могли быть лишь представители высшего новгородского боярства. Единодушное мнение исследователей считает заказчиком сосуда Братилы посадника Петрилу Микульчича, занимавшего этот пост в 1132–1134 гг. и погибшего в битве на Ждане горе в 1135 г. Вопрос о ктиторе кратира Косты до последнего времени оставался открытым, как и вопрос о том, какой из двух чрезвычайно похожих друг на друга сосудов является копией, а какой — оригиналом.

Сопоставление данных стилистического анализа, обнаруживающего приоритет сосуда Косты, и филологического анализа подписей мастеров, демонстрирующего обратное соотношение, заставляет предполагать, что главным образцом для обоих сосудов послужил не дошедший до нас кратир, сохранившийся до начала XVII в. в Софийском соборе, но затем утраченный (известен и вес этого кратира, равный весу двух сохранившихся сосудов). Этот несохранившийся кратир, на который ориентировались Братила и Коста, был, по-видимому,

¹ Небезразличной для просопографии грамот Троицкого раскопа кажется и дальнейшая судьба Мстислава Юрьевича. Спустя пять лет после его изгнания из Новгорода Мстислав Юрьевич вместе с братом Васильком был изгнан и из Владимиро-Суздальской земли Андреем Юрьевичем Боголюбским. Вместе с матерью (второй женой Юрия Долгорукого, по-видимому, родственницей Мануила Комнина) и захватив с собой семилетнего брата Всеволода, Мстислав и Василько отправились в Византию, где были милостиво встречены императором Мануилом, который, по свидетельству Ипатьевской летописи, дал Васильку четыре города на Дунае, а Мстиславу — “волость Оскалана”, предположительно отождествляемую с палестинским Аскалоном (Ипат., с. 520). Надо думать, судьбу Мстислава Юрьевича разделила и его жена, дочь Петра Михалковича. Не этими ли перипетиями семейной истории объясняется прозвище сына Петра Михалковича Олисея — Гречин? Подробнее об этом см.: Гиппиус, в печати.

² Точка зрения Б. А. Рыбакова, видевшего в кратирах частный заказ для “домашней каплички”, не выдерживает критики хотя бы ввиду громадных для причастных чаш объемов обоих сосудов (3,3 и 3,5 л). Этого не учитывает и П. С. Стефанович (2002, с. 48), полагающий, что в изготовлении кратиров отразилось стремление их заказчиков к “уединенности в отпращивании их религиозных потребностей”.

вложен в Софийский собор одним из новгородских князей XI в. (возможно — строителем св. Софии Владимиром Ярославичем). Дошедшие до нас кратиры представляют собой боярские реплики этого княжеского прототипа. Этим объясняется и своеобразная иконография кратиров, включающая, помимо изображений Христа, Богоматери и апостола Петра, также изображения мучениц — Варвары на кратире Братилы и Анастасии на кратире Косты, — не имеющие аналогов в произведениях византийской торевтики. Она может быть объяснена как результат внесения патронального мотива в имевшую строго символический, богословский смысл иконографию княжеского кратира, на котором, как и на ранневизантийских причастных чашах (с которыми стадильно сопоставляют новгородские кратиры), напротив апостола Петра был изображен апостол Павел. Переосмысление фигуры апостола Петра как изображения святого патрона заказчика должно было повлечь за собой помещение в симметричной позиции фигуры патрональной святой его жены, что мы и находим в иконографии кратира Братилы. Это позволяет рассматривать исполненный по заказу Петрилы Микульчича сосуд Братилы как первую реплику княжеского кратира, относя работу Косты к более позднему времени.

К такому же решению вопроса о соотношении памятников подталкивают и историко-культурные соображения. Относить работу Косты к концу XI в. (что предлагает И. А. Стерлигова, считая заказчиком сосуда посадника Петряту) не позволяет сугубо княжеский характер новгородской культуры этого времени. Появление на престоле св. Софии второго, “боярского” кратира, символически уравнивающего первый, “княжеский”, — примета иной, более поздней эпохи. Посадничество Петрилы Микульчича, при котором в 1132 г. Новгород переживает первый серьезный конфликт с Всеволодом Мстиславичем, приходится на самое начало этой эпохи. Приоритет сосуда Братилы относительно сосуда Косты представляется поэтому и с этой точки зрения более вероятным.

До последнего времени слабой стороной построений, располагавших кратиры Братилы и Косты в такой последовательности, была невозможность указать для сосуда Косты конкретного ктитора. В свете новых данных это препятствие оказывается снятым: Петр Михалкович — Петроок, каким его личность вырисовывается из сопоставления летописного упоминания с показаниями берестяных грамот, является более чем подходящим кандидатом на ктирование третьего (второго из двух дошедших до нас) новгородского кратира.

Вероятность того, что заказчиком кратира Косты был именно Петр Михалкович, резко возрастает ввиду следующего обстоятельства. В грамотах усадьбы Е в связи с Петром дважды упоминается Марена. Судя по морфологической структуре этого имени, оно может принадлежать только женщине (как женское, имя *Марена* известно из средневековых украинских и польских источников, см. SSPNO 3, с. 413; Молдован 2000, с. 267). В грамоте № 794 Петр дает указания Марене на случай, если к ней обратится за советом князь. В грамоте № 849 он просит Демшу передать деньги третьему лицу, взяв их у Марены и обязательно в присутствии Марены. Женщина, которой Петр на время его отсутствия поручает действовать от своего имени, скорее всего — жена Петра.

Как мы знаем, жену Петра — заказчика кратира Косты — звали Марьей. Могут ли имена Марья и Марена принадлежать одной женщине? Ответ на этот вопрос должен быть безусловно положительным. И дело не просто в формальном сходстве имен (*Марена*, в принципе, вполне может рассматриваться как уменьшительное от *Марья*, как *Настена* от *Анастасия*), сколько в том, что Марья — имя христианское, а Марена — языческое, причем имеющее глубокие мифологические и фольклорные корни. В летней календарной обрядности так называлась деревянная кукла, чучело, которое сжигали или топили в воде в ходе купальских игрищ как символ умирания и воскресения природы. В христианскую эпоху, когда образ Купалы слился в народном сознании с фигурой Иоанна Крестителя (Иван-Купало), Марена, как женская параллель Купалы, стала, по созвучию имен, ассоциироваться с Богородицей — девой Марией (см. Афанасьев 1869, с. 720). Нагляднее всего параллелизм имен *Марья* и *Марена* обнаруживает себя в названии купальского цветка — *Иван-да-Марья*, в котором сквозь христианскую оболочку явственно проступает сочетание имен языческих персонажей — Купалы и Марены. Жена Петра (Петрока) Марья вполне могла, следовательно, в обиходе именоваться Мареной.

Тождественность Петра и Марьи — заказчиков кратира Косты — Петру и Марене — персонажам троичских берестяных грамот делается таким образом в высшей степени вероятной. Однако преимущества такой атрибуции не исчерпываются этим парным отождествлением. Как мы знаем из летописи, у Петра Михалковича была дочь, выданная в 1156 г. за князя Мстислава Юрьевича. Не ее ли святая покровительница изображена на кратире Косты? И не этот ли брак послужил Петру Михалковичу поводом для вклада в Софийский собор драгоценного кратира?

Появление на кратире Косты патронального изображения св. Анастасии иногда объясняется тем, что жена заказчика Мария была тезоименита Богородице, что оставляло вакантным место четвертого рельефа. Это объяснение, однако, не может быть принято по следующей причине: считается, что в русской церковной традиции имя Мария никогда не нарекалось в честь Богородицы, оно давалось лишь в честь других святых Марий, например, Марии Египетской или Марии Магдалины (см. Успенский 1969, с. 39–40). Одна из этих святых вполне могла бы быть изображена на кратире. Почему же вместо этого мы находим напротив изображения небесного патрона заказчика фигуру святой Анастасии? Естественное объяснение как раз и заключается в том, что кратир был вложен Петром Михалковичем в Софийский собор по случаю бракосочетания его дочери с Мстиславом Юрьевичем — события, несомненно имевшего в Новгороде большой общественный резонанс.³

Обстоятельства создания кратира Косты вырисовываются, таким образом, с еще большей определенностью, чем для кратира Братилы. Если о тождественности заказчика последнего Петриле Микульчичу мы заключаем лишь на основании совпадения формы имени, то отождествление заказчика кратира Косты с Петром Михалковичем подтверждается не только параллельной идентификацией его жены Марии с женой Петрока Мареной, но и возможностью указать конкретный повод, по которому кратир был изготовлен и вложен в Софийский собор.

Примечательно вместе с тем, что и ктидор кратира, изготовленного Братилой, возможно, находится среди персонажей берестяных грамот. В рамках гипотезы В. А. Булова (1988) с Петрилой Микульчичем, его братом Константином (Коснятином) Микульчичем и их отцом Микулой идентифицируются Петр, Коснятин и Микула, фигурирующие соответственно в грамотах № 336, 241, 109, найденных на двух соседних усадьбах Неревского раскопа (Д и И). Связь этой посадничьей семьи с Неревским концом подтверждают и наблюдения В. Л. Янина над территориальной принадлежностью боярских группировок, конкурировавших в XII в. в борьбе за посадничество (см. НГБ IX, с. 9–10).

³ К сожалению, известные нам летописные упоминания об этом браке не содержат имени жены Мстислава Юрьевича. Загадочна поэтою информация, сообщаемая, без ссылки на источник, А. Е. Мусиным: «Мстислав княжит в Новгороде в 1153–1157 годах и в это время женится на Настасье (! — А. Г.) Петровне, т. е. обростае связями с боярской патриимией» (Мусин 1996, с. 155).

Происхождение заказчиков двух кратиров из разных городских концов кажется далеко не случайным и может служить дополнительным подтверждением правильности атрибуции обоих памятников. Рассмотренная с этой точки зрения, история кратиров оказывается символическим воплощением борьбы соперничающих политических сил Новгорода за патронат над престолом св. Софии. Поначалу на этом престоле располагался единственный «княжеский» кратир с изображениями Петра и Павла, скорее всего, вложенный в Софийский собор еще его основателем — Владимиром Ярославичем. Около 1132 г., в посадничество неревлянина Петрилы Микульчича, в условиях обострения отношений Новгорода с Всеволодом Мстиславичем, на софийском престоле появляется еще один кратир, иконография которого носит уже подчеркнuto патрональный характер. Будучи актом самоутверждения новгородского боярства, появление этого второго кратира приводит вместе с тем к определенному дисбалансу в символическом соотношении сил Неревского и Людина концов. Равновесие восстанавливается в 1156 г., когда Петр Михалкович, виднейший представитель людинского боярства, вкладывает в Софийский собор еще один кратир (сосуд Косты), отметив таким образом бракосочетание его дочери с князем Мстиславом Юрьевичем. Начиная с этого момента на престоле Софийского собора находятся три кратира — один княжеский и два боярских, взаимно уравновешивающие друг друга.⁴

⁴ (Корректирующее примечание.) Изложенная здесь схема, по-видимому, нуждается в следующем уточнении. В. Л. Янин, опираясь на нашу атрибуцию кратира Косты, предположил, что вклад в Софийский собор кратира Братилы был также связан с княжеским браком, а именно с женитьбой Всеволода Мстиславича в 1123 г. на дочери Петрилы Микульчича (Янин 2003, с. 182). Хотя происхождение невесты в летописи не указано (сказано лишь, что Всеволод женился в Новгороде, см. НПЛ, с. 21), такое предположение кажется весьма правдоподобным, объясняя избрание Петрилы Микульчича посадником в 1130 г. и последующую приверженность Всеволоду представителей этого боярского клана. Независимо к такой же атрибуции кратира Братилы пришла Т. В. Круглова (2003). Как справедливо замечает исследовательница, для принятия данной гипотезы необходимо предположить, что новгородский брак Всеволода был вторым; учитывая вполне вероятный возраст Всеволода в 1123 г., это кажется вполне возможным. Создание кратира Косты Т. В. Круглова связывает с женитьбой в Новгороде Святослава Ольговича в 1136 г., почему-то считая заказчиком этого сосуда Якуна Мирославича (будто бы носившего в зрелом возрасте имя *Петр*). Опираясь на домыслы В. Н. Татищева и не подтверждаемые источниками допущения построения исследовательницы в этой его части не может быть принято. Тем не менее общая идея, согласно которой поводом к изготовлению о б о и х сохранившихся кратиров послужили браки князей с представительницами крупнейших боярских родов Новгорода, представляется очень верной.

Идентификация заказчика кратора Косты влечет за собой и пересмотр атрибуции иконы “Богоматерь Знаменье”. Связь между этими памятниками уже отмечалась в литературе. На обороте Знаменской иконы изображены двое святых, молитвенно предстоящих Христу. Согласно поздним надписям, это апостол Петр и мученица Наталья. Поскольку, об особом почитании в Новгороде святой Натальи ничего не известно (это имя, как кажется, вообще не упоминается в древнерусских источниках домонгольского времени, за исключением месяцесловов), у исследователей давно возникали сомнения в том, что на иконе действительно изображена св. Наталья. В последнее время были предложены две альтернативные трактовки этой композиции. По мысли Э. С. Смирновой (1995, с. 301), она представляет собой изображение святых Иоакима и Анны, образы которых символически соотносятся с изображением Богоматери на лицевой стороне иконы. Иная точка зрения была предложена (независимо друг от друга) Э. А. Гордиенко и И. А. Стерлиговой (1996, с. 317), считающими, что изображенные святые — это апостол Петр и мученица Анастасия.

Из этих двух точек зрения значительно более убедительной представляется вторая. Принять интерпретацию Э. С. Смирновой мешает в первую очередь несоответствие иконографического типа изображенного святого иконографии Иоакима в новгородском искусстве XII в.: фрески Мирожь, Старой Ладоги, церкви Благовещения на Мячине согласованно изображают отца Марии черноволосым средовеком, тогда как святой на обороте “Знамения” — седой старец. К тому же ближайшей стилистической аналогией к изображению “Иоакима” на новгородской иконе все равно остается лик апостола Петра в деисусе Мартирьевской паперти Новгородской Софии (см. Смирнова 1995, с. 305). С другой стороны, в рамках данной гипотезы невозможно объяснить, каким образом изображения Иоакима и Анны оказались впоследствии переосмыслены как образы Петра и Натальи. Между тем “превращение” святой Анастасии в святую Наталью выглядит вполне правдоподобным, как ввиду иконографического сходства двух мучениц, так и, особенно, вследствие сходства начертаний их имен в иконных надписях: записанное с выносной буквой *Настасия* легко превращается в *Натасия*, откуда при поновлении надписи естественно возникает *Наталья*.

В такой интерпретации иконография оборота Знаменской иконы составляет настолько явную параллель к парному изображению Петра и Анаста-

сии на краторе Косты, что совместное рассмотрение двух памятников делается практически неизбежным. Что стоит за этим параллелизмом? По мысли И. А. Стерлиговой, исполненная богословской символики иконография кратора была затем воспроизведена на иконе. Однако в свете предложенной выше реконструкции трактовка изображения Анастасии на краторе Косты как имеющего в первую очередь символическое значение не кажется убедительной. Трудно представить себе, чтобы фигура апостола Павла в классической византийской иконографии причастной чаши была заменена русским мастером на фигуру Анастасии из соображений богословского характера. Непонятно также, что могло побудить художника, работавшего несколько десятилетий спустя, перенести эту композицию на икону — другие случаи подобного воспроизведения в станковой живописи иконографии церковных сосудов, как кажется, неизвестны.

Думается поэтому, что объяснить совпадение в иконографии кратора и иконы можно лишь предположив патрональный характер этой иконографии, то есть рассматривая оба памятника как созданные одновременно и в рамках единого ктиторовского замысла. Предложенная выше атрибуция кратора Косты может быть, следовательно, распространена и на икону “Богоматерь Знамение”. Иначе говоря, можно думать, что кратор и икона были парным вкладом, сделанным Петром Михалковичем в Софийский собор в связи с бракосочетанием его дочери Анастасии с князем Мстиславом Юрьевичем.

Предлагаемая нами атрибуция Знаменской иконы позволяет лучше понять обстоятельства прославления ее в феврале 1170 г. Церковное предание приписывает инициативу обращения на Торговую сторону за иконой Богородицы архиепископу Илье-Иоанну. В то же время лежащий в основе легенды летописный рассказ о битве с суздальцами особо подчеркивает роль, принадлежавшую в организации обороны города посаднику: “новгородьци же сташа твърдо о кнзи Романѣ о Мъстиславлице о Изаславли вьнуце и о посадницѣ о Юкунѣ и оустроиша острогъ около города” (НПЛ, с. 33). В связи с этим кажется глубоко не случайным, что в критический момент обороны на вал острога была вынесена икона Богоматери, в свое время заказанная ближайшим сподвижником Якуна Мирославиича Петром Михалковичем в ознаменование брака его дочери с князем Мстиславом Юрьевичем — родным братом Андрея Боголюбского, войска которого зимой 1170 г. осаждали Новгород.

Новгородская икона оказывается, таким образом, еще одним звеном, связывающим между собой Петра Михалковича и Якуна Мирославича, отождествляемых нами с Петроком и Якшей грамот усадьбы Е. Дополнительные данные, проясняющие характер отношений между этими фигурами и косвенно подтверждающие правомерность предложенной идентификации, позволяет получить рассмотрение вопроса о принадлежности Петра и Якуна к городским боярским группировкам и родовым кланам. В отличие от Якуна Мирославича, чья генеалогия хорошо прослеживается по восходящей линии, происхождение Петра Михалковича нам неизвестно. И все же некоторые соображения на этот счет высказать можно. Имя *Михалко*, известное в княжеской среде, обладало, по-видимому, определенным социальным престижем. Каноническое имя *Михаил* было более распространено в форме *Михаль*. Примечательно, что Новгородская летопись, упоминая в XII–XIII вв. многих Михалей, знает только двух Михалков — Михалка Степанича, посадничавшего (с перерывами) в 1180–1205 гг., и его правнука, также Михалка Степанича, занимавшего этот пост в 1255–1258 гг. Совпадение имен и отчеств прадеда и правнука чрезвычайно характерно: род Михалка Степанича демонстрирует повторяемость имен из поколения в поколение: Степан — Михалко Степанич — Твердислав Михалкович — Степан Твердиславич — Михалко Степанич. Симптоматично, что первый Михалко Степанич впервые упоминается летописью под 1176 г., в котором он, еще не будучи посадником, заново отстраивает сгоревшую годом раньше церковь архангела Михаила на Прусской улице (НПЛ, с. 35, 224). Патрональный характер посвящения церкви, которая и в дальнейшем остается объектом попечения семьи Михалковичей, позволяет предполагать, что основателем ее был дед Михалка Степанича, также Михалко (относить основание храма еще на поколение раньше, вглубь XI в., нет оснований). Не этот ли Михалко и был отцом нашего Петра Михалковича, который в таком случае должен был доводиться посаднику Михалку Степаничу дядей?

С “прускими” Михалковичами В. Л. Янин связывает и род Якуна Мирославича. Веским основанием для этого является сообщение НПЛ под 1210 г. о добровольном отказе от посадничества Твердислава Михалковича в пользу Дмитра Якунича как “старейшего”: “прииде Дмитръ Якуниць из Руси, и съступися Твърдиславъ посадничества по своей воли стареишу себе” (НПЛ, с. 52, 249; Янин 1991, с. 12–13). Ссылка на старшинство вполне

определенно указывает на принадлежность Дмитра и Твердислава не просто к одной боярской группировке, но и к одному роду. Теперь к этому роду мы можем предположительно отнести и Петра Михалковича. Его отец, Михалко, должен был принадлежать к поколению Мирослава Гюрятинича и, в принципе, вполне мог быть его родным братом (обратим в связи с этим внимание на совпадение начальных слогов имен *Мирослав* и *Михаил*).

Принадлежность Петра Михалковича и Якуна Мирославича к одному роду позволяет не только лучше понять события 1156–1157 гг., но и объяснить примечательное совпадение в биографиях двух бояр: через двадцать лет после того, как Петр Михалкович выдал дочь за Мстислава Юрьевича, дочь Якуна Мирославича сделалась женой Мстислава Ростиславича, внука Долгорукого. Женитьба князя на боярской дочери — явление, вообще говоря, экстраординарное для дома Рюриковичей⁵ и — какова бы ни была политическая подоплека таких браков — несомненно требовавшее какого-то генеалогического оправдания. Таковым, видимо, могло быть только происхождение невесты из особо знатного аристократического рода, число которых в Новгороде не могло не быть крайне ограниченным. Восхождение Михалковичей и Мирославичей к одному древнему корню делается тем самым еще более вероятным.⁶

Длительное присутствие Петра Михалковича на усадьбе Е, находившейся относительно далеко от Прусской улицы в самом сердце Людина конца, не противоречит его предполагаемой нами родовой принадлежности к “прускому” боярству. Ари-

⁵ За весь домонгольский период известно, помимо названных, лишь два таких случая: в 1122 г. овдовевший Мстислав Владимирович женился на дочери уже умершего к этому времени посадника Дмитра Завидича (НПЛ, с. 21), а в 1137 г. в Новгороде женился Святослав Ольгович (НПЛ, с. 22). В последнем случае летопись не называет имени невесты, и это умолчание симптоматично: брак Святослава Ольговича сопровождался скандалом — князь вынужден был венчаться на Городище “своими попы”, так как “Нифонт его не венча, сице молвя: не достоить ея пояти” (НПЛ, с. 24, 209). Приводимые летописцем слова епископа возможно понимать как указание на недостаточно знатное происхождение невесты.

⁶ Весьма заманчивым кажется в этой связи предположение А. А. Молчанова (1997), возводящее род Гюрятиничей к знатному выходцу из Скандинавии Рёгнвальду Ульвссону, двоюродному брату Ингигерды, жены Ярослава Мудрого, вместе с нею прибывшему на Русь и получившему в управление Ладогу как “ярлство”. Матримониальный интерес со стороны Рюриковичей именно к этому боярскому роду становится в таком случае вполне объясним. Подробнее о происхождении и родственных связях Михалковичей и Мирославичей см. в работе Гиппиус 2001.

стократическая Прусская улица, по-видимому, уже в XII в. начинает задавать тон в жизни Людина конца, что делает появления выходцев с нее в кончанском административном центре вполне закономерным.

Впрочем, связывать родовое гнездо боярского клана, объединявшего Михалковичей с Мирославичами, исключительно с Прусской улицей тоже нет достаточных оснований. Собственно “прусами” были Михалковичи, чья родовая церковь Михаила Архангела находилась на Прусской улице. Аналогичный духовный центр естественно предполагать и у другой ветви этого рода — потомков Мирослава Гюрятинича. Ближайшим к Михаило-Архангельскому приходу был приход церкви св. Иакова на Добрыне улице. Яковлевская церковь впервые упоминается в летописи под 1175 г., когда она сгорела вместе с церквями Михаила Архангела и Вознесения на Прусской улице (НПЛ, с. 34). Однако сообщение Синодального списка Новгородской первой летописи под 1188 г. о смерти Германа Вояты, прослужившего “у святого Иакова” сорок пять лет (НПЛ, с. 39), позволяет отнести строительство этого храма ко времени до 1143 г. Можно думать, что, как и у большинства новгородских церквей, посвященных отдельным святым, посвящение престола церкви св. Иакова носило патрональный характер. Если так, то в качестве потенциального ктитора Яковлевской церкви мы можем предположить Якуна Мирославича. Сохранение “варяжского” имени Якун (сканд. *Hakon*) в древнерусском антропонимиконе скорее всего объясняется его соотносительностью с именем *Яков* (см. о данном типе соотношения языческого и христианского имени на Руси: Гиппиус и Успенский 2000). В берестяных грамотах усадьбы Е Якун Мирославич упоминается как *Якуша* — форма, которая, как уже говорилось, может в равной степени быть гипокористикой и от *Яков*, и от *Якун*. Ничто не мешает предположить, таким образом, что крестильное имя Якши — Якуна Мирославича было *Иаков*.

В этой связи представляет существенный интерес грамота № 890, происходящая из того же комплекса, что и грамоты усадьбы Е, адресованные Петроку и Якше. Несмотря на фрагментарность её текста, содержание его в общих чертах может быть восстановлено. Адресату письма сообщается, что некоторая группа лиц (скажем, жители погоста) не выполняет своих финансовых обязательств, и предлагается в ответ на это принять меры репрессивного характера: послать к неплательщикам Х-ка с дружиной или приказать Якову арестовать (видимо, находящихся в городе представи-

телей этой группы). Вторая часть этого предложения находит прямую параллель в НПЛ под 1215 г.: “а Якунъ заутра иде съ посадникомъ къ князю и князь *повѣле* (подразумевается: посаднику) *яти* сына его Христофора” (стоит оговорить, что упоминаемый здесь Якун — это тысяцкий Якун Намнежич, к Якуну Мирославичу отношения не имеющих; в данном сообщении нас интересует сама модель, а не совпадение имен). Арест как функция посадника выступает и в грамоте № 502 (см. НГБ VII, с. 96–99). Повелеть посаднику провести аресты может, как кажется, только князь, который, скорее всего, и является адресатом грамоты № 890. В этом нет ничего удивительного, так как князю (и Петроку) адресована и грамота № 850 из того же комплекса. В таком случае в лице, которое предлагается послать с дружиной, естественно видеть (Петроку), а в Якове — Якшу, то есть все того же Якуна Мирославича.

Замечательно, что, согласно гипотезе В. Л. Янина, атрибутировавшего группу печатей с патрональным изображением и русской благопожелательной надписью новгородским посадникам 1117–1136 гг., Иаковом звали в крещении и отца Якуна Мирославича — Мирослава Гюрятинича (Янин 1970, с. 72–73). Яковлевская церковь, следовательно, могла быть основана и им. В любом случае вероятность того, что эта церковь была патрональной церковью Мирославичей, представляется весьма высокой.

Высказанное предположение о возможных ктиторах церкви св. Иакова на Добрыне улице снова возвращает нас к истории Знаменского культа, позволяя, по-видимому, предложить ответ на давно интригующий исследователей вопрос: почему праздник Знамения отмечается православной церковью не 25 февраля, когда произошла битва, а 27 ноября, в день св. Иакова Перского? Для объяснения этого несоответствия были предложены две конкурентоспособные гипотезы. Р. Игнатьев объяснил празднование Знаменской иконе 27 ноября тем, что в этот день были именины посадника Якуна — одного из главных организаторов победы новгородцев. Альтернативное предположение высказал В. Л. Янин, связавший дату праздника с тем, что церковь св. Иакова была в XII в. ближайшей к месту битвы (в 1327 г. на этом месте был основан Десятинный монастырь) и, следовательно, — возможным местом погребения павших в битве воинов. “Допустимо предположить, что в храмовый праздник 27 ноября служба св. Иакову соединялась с воспоминанием о победе, добытой новгородцами около этой церкви, в которой, видимо, должен был

совершиться и первый благодарственный молебен после битвы 1170 г.” (Янин 1988, с. 235).

Предположение, что ктитором церкви св. Иакова был посадничавший в 1170 г. Якун Мирославич или его отец Мирослав Гюрятинич, снимает эту альтернативу, позволяя признать правоту обеих точек зрения. Оно объясняет не только дату праздника, но и выбор места битвы. Следует полагать, что церковь св. Иакова не просто оказалась ближайшей к месту событий, но с самого начала была, как патрональная церковь Мирославичей, “штабом” новгородской обороны, вокруг которого (“о посадницѣ о Якунѣ”) и сплотились новгородцы во время осады.

С другой стороны, сделанное предположение позволяет решить также важный вопрос, относящийся к истории новгородского летописания. Как показал еще Д. И. Прозоровский, к сложению текста НПЛ были причастны по крайней мере два представителя клира Яковлевской церкви: в середине XII в. — священник Герман Воята, а столетие спустя — пономарь Тимофей. Традиционно счита-

лось, что летописные записи, ведшиеся при церкви св. Иакова, послужили, наряду с владычной летописью, дополнительным источником старшего извода НПЛ. Однако, как было недавно установлено (см. Гиппиус 1992; Гиппиус 1997, с. 8–12), роль яковлевских клириков в истории текста НПЛ была в действительности большей. Тимофей пономарь выполнял в середине XIII в. функции владычного секретаря и летописца. Можно думать, что в той же роли выступал в свое время и Герман Воята, который, согласно нашей реконструкции истории текста НПЛ, был и составителем летописного свода конца 1160-х гг. Объяснить столь тесную связь церкви св. Иакова с новгородской владычной кафедрой ранее не представлялось возможным. Теперь такая возможность появилась, коль скоро выяснилось, что Яковлевская церковь была, наряду с церковью Михаила Архангела, одним из двух духовных центров крупнейшего боярского клана, доминировавшего в политической жизни Новгорода XII–XIII вв.

2. Иванко и Мирошка (Неревские усадьбы К и Б)

Сочетание этих имен представлено в грамоте № 226, найденной на усадьбе К Неревского раскопа в слоях последней четверти XII в. в виде трех разрозненных фрагментов. Первым публикаторам удалось разобрать лишь имена адресатов *ко Иваноку и ко Мирошьке* и часть фразы *въ полюдьѣ семо*.

Новый этап в жизни документа начался после того, как В. И. Поветкину и А. А. Зализняку удалось соединить три фрагмента друг с другом и прочитать текст несколько более полно. В очередном томе издания была опубликована новая прорись грамоты и ее текст (НГБ IX, с. 141). Вместе с конъектурами текст грамоты был еще раз воспроизведен в книге А. А. Зализняка (1995, с. 317). Приводим его по этой публикации.

(̅̅ ... покла̅̅) [А]ни̅̅ ко [и] (в)аноку и ко мирошь [к] (є) ...
... (г)осподина : а испыгал- [т]и есьмо к...
...з̅̅ы ти есьм- ----- въ полюди̅̅е семо м...
...попаш̅̅е (...)

В этом новом прочтении грамота № 226 стала важным звеном гипотезы А. А. Зализняка, связывающей ряд берестяных грамот второй половины XII — начала XIII в. Неревского раскопа с посадниками Иванком Захарьиничем и Гюргием Ивановичем и их окружением (НГБ IX, с. 182–185). Обосновывая идентификацию первого из адреса-

тов грамоты с Иванком Захарьиничем (посадничал в 1171 и в 1172–1175 гг., умер в 1175 г.), А. А. Зализняк следующим образом характеризует содержание документа: «Адресная формула с почтительным словом (в данном случае *покланяние*) в XII в. встречается еще сравнительно редко — почти всегда в письмах к лицам более высокого социального положения, чем автор. Еще более показательным в этом отношении (*з̅̅осподина*, фигурирующее в тексте грамоты (по-видимому, обращение: “два господина”): в XII в. именование адресата господном — исключительно редкое явление. Из обрывков текста письма можно, в частности, понять, что автор выполнял какую-то порученную ему проверку и что речь идет о полюдьѣ. Таким образом, письмо посвящено делу государственного характера, и автор обращается к своим адресатам предельно почтительно» (НГБ IX, с. 183).

Полностью соглашаясь с такой оценкой содержания этого письма, мы хотели бы предложить альтернативную идентификацию его адресатов, небезразличную, как кажется, для понимания общественного устройства Новгорода в XII в. Прежде, однако, попробуем несколько более полно реконструировать текст этого интереснейшего документа.

Попытаемся для начала оценить первоначальные размеры грамоты. Согласно записи текста у

А. А. Зализняка, в утраченной левой части первой строки должно было читаться не менее 11–12 букв (в случае, если в имени автора было 4–5 букв). Соответственно, во второй и третьей строках утрачено 12–13 и 13–14 букв. Утраченный правый край содержал как минимум 9–10 букв в первой строке, шесть во второй и одну в третьей. В таком случае в лакуне между именем второго адресата и словом *господина* во второй строке пропало 18–20 букв, и примерно столько же составляет разрыв между концом второй строки и началом третьей. Понятно, что столь значительные утраты делают реконструкцию утраченных частей грамоты невозможной.

Имеется, однако, альтернативная возможность восстановления текста первой строки, при которой размеры утрат оказываются не столь значительными. Она заключается в том, что имя автора стояло не в начале, а в конце адресной формулы, имевшей вид: *Покланание ко Иванокоу и ко Мирошьке ѿ X-а*. Правда, такое взаимное расположение компонентов адресной формулы со словом *покланание* представлено лишь в грамоте № 670 (70-е–80-е гг. XII в.): (*Покланание к Онотану ото матери*. Оно встречается, однако, в формуляре челобитных как частный случай характерной для этого жанра препозиции имени адресата относительно имени автора. Ср. № 310 (10-е – нач. 20-х гг. XV в.): *Цьлобитие осподину посаднику новгороцкому Онедрию Ивановичу от твѣго ключника от Вавулы и от твоихъ хрестияно*. Та же модель, но со словом *поклонъ*, представлена в грамоте № 184/185 (70-е–нач. 80-х гг. XIV в.): *Поклонъ ко Захарии і ко Дмитру ото вьхо-...* Очевидно, что такое расположение компонентов адресной формулы сопряжено с особо почтительным обращением к адресату. Но именно этот оттенок предельной почтительности, нехарактерный для раннего периода, как раз и отмечает А. А. Зализняк в рассматриваемом документе. Таким образом, ничто не мешает предположить, что наша грамота начиналась словом *покланание*, а имя автора стояло в конце первой строки.

Это допущение кардинально меняет соотношение сохранившейся и утраченной частей текста. Минимальный размер лакуны между концом первой и началом второй строки сокращается до 13–14 букв, из которых от 4 до 10 приходились на имя автора. Следовательно, теоретически длина утраченной части первой фразы могла составлять не 18–20, а всего 3–4 буквы (при наибольшей возможной длине имени автора).

Понятно, что все эти рассуждения могут привести к какому-то результату только в том случае, если первая фраза основного текста грамоты пред-

ставляла собой стандартную формулу, известную по другим документам. Фраза эта, несомненно, заканчивалась формой *господина*, которую А. А. Зализняк относит к адресатам письма, квалифицируя как Зв. дв. или Им. дв. Предполагать здесь звательную форму едва ли возможно: вокатив в древнерусской фразе чаще всего занимает вторую или первую позицию, но никогда не заканчивает самостоятельной фразы. Перед нами, следовательно, скорее всего И. дв. Форма именительного падежа может быть в предложении подлежащим или именной частью составного сказуемого. (Третий теоретически возможный вариант — дополнение при инфинитиве типа *трава косити* — мы можем в данном случае не учитывать.) Однако и первую возможность необходимо исключить: она означала бы, что автор говорит о лицах, к которым обращается, в третьем лице, что невероятно. Если же форма *господина*, называющая адресатов письма, является частью сказуемого, подлежащее такой фразы восстанавливается однозначно: им может быть только местоимение *вы*.

“Вычисляемая” таким образом начальная фраза находит себе прямую аналогию в грамоте № 579 (3 четв. XIV в.), так же, как и грамота № 226, имеющей двух адресатов: *Поклоно от Бориса к Зенови и Федору вы моя ога дайте коницка до Видомира вѣрѣци до Мстѣ*. Комментируя этот текст, А. А. Зализняк пишет: “Слова *вы моя ога* в принципе можно понимать двояко: как утверждение (в этом случае *ога* — И. ед.) или как обращение (тогда *ога* — Зв. ед.); какое из двух пониманий имел в виду автор, установить затруднительно” (Зализняк 1995, с. 475). Предпочтительной все же представляется первая возможность, так как при альтернативном прочтении форма *ога* (*оспода*) оказывается единственным в фонде берестяных грамот примером совпадения Зв. ед. с И. ед. у *a*-основ (Зализняк 1995, с. 80; ср., в частности, двукратное *осподо* в относящейся к еще более позднему времени грамоте № 307).

Между тем, понятая как утверждение, формула “вы — мои господа” находит хорошую параллель в летописи в виде формулы “ты — наш князь”, двукратно засвидетельствованной в НПЛ. См. под 1228 г. обращение новгородцев к Ярославу Всеволодичу: *на всѣи воли нашей и на вьсехъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ кнѣзь, или ты собе а мы собе* (НПЛ, с. 67), а также под 1232 г., в изолированном употреблении: *придоша пльсковци, поклониша са кнѣю: ты нашъ кнѣзь* (НПЛ, с. 72). Перед нами разные варианты формулы признания зависимости или суверенитета, которая, как можно думать, выступает и в грамоте № 226. Начало текста грамоты может

быть, таким образом, восстановлено в следующем виде: (Поклан)[А]ние ко [И]ванокоу и ко Мирошь[к](е) ... | (Вы моа дэсподина.

О содержании лакуны между концом второй и началом третьей строки можно лишь гадать — очевидно лишь, что именно здесь и было сказано, что именно “испытал” автор письма. С большей определенностью заполняется разрыв в середине третьей строки. Надежно вычленяемая словоформа *есьмь* должна была, как энклитика, занимать второе место во фразе, в которой также должен был находиться глагол движения, управляющий вин. падежом *въ полюдие*. Поскольку первая позиция явно занята не глаголом, этот глагол мог стоять только в утраченной средней части строки. Судя по размерам лакуны, в нем могло быть 6–7 букв, причем скорее шесть, чем семь. Фактически возможны только три варианта: *пришель, пошель, ходиль*. Выбор первого означал бы, что письмо написано из полюдья. Длине лакуны, однако, лучше соответствуют второй и третий варианты, из которых по смыслу лучше подходит третий. С ним согласуется и наиболее вероятная конъектура для утраченного начала строки, предложенная А. А. Зализняком в ходе обсуждения данной работы: (*три р*)[а]зы (частично сохранившаяся буква перед ...зы могла быть только *а* или *я*, при этом других словоформ, заканчивающихся на *-азы/-азы* и дающих удовлетворительный смысл, указать не представляется возможным).

Наибольший интерес представляет буквенная последовательность *попаше*, сохранившаяся от последней строки. Она может быть трактована как отдельное слово или же разделена только двумя способами: *попа ше...* или *по паше...* Видеть в ней производное от глагола *пахать* (М. ед. слова *попаша*, начало от *пашья* или 3-е л. ед. ч. глагола *попахать* без конечного *-ть*) не приходится по содержательным соображениям. Тематически малоподходящим является и слово *попъ*; с другой стороны, предполагать его в грамоте мешает последующее *ше*: оно в таком случае должно было бы начинать новое слово, тогда как, скорее всего, грамота на этом заканчивалась (расстояние от последней буквы до края превышает все остальные пробелы, а сам этот край производит к тому же впечатление специально обрезанного; подобный обрез имеется, например, в грамоте № 820).

Крайне малая конкурентоспособность осталь-

ных вариантов делает, на наш взгляд, весьма вероятным чтение, предложенное Л. В. Черепнинным (1969, с. 205), но в дальнейшем не привлекавшее к себе внимания: *по Паше*. Река Паша впадает в Онежское озеро с юго-востока. Два обстоятельства делают упоминание ее в рассматриваемой грамоте особенно правдоподобным. Грамота № 226 происходит, как уже говорилось, с усадьбы К Неревского раскопа. На расположенной напротив нее относительно Великой улицы усадьбе И в слое 70-х – 80-х гг. XIV в. была найдена грамота № 279, принадлежащая к комплексу текстов, связанных с Мишиничами-Онцифоровичами: *Поклонъ ѿ старостѣ от Михалѣ и ѿ всѣхъ пашезерцевѣ къ сотьскимъ къ Маѣмѣ и ко Ѡнани и къ Кѣст...* Грамота исходит от жителей округа Пашозера, из которого вытекает Паша. На Паше находилась и волостка Братиловичи, упоминаемая в найденной на той же усадьбе грамоте № 361 (см. Анкудинов 1986). Хорошо известный устойчивый характер связей новгородских боярских усадеб с северными вотчинными территориями позволяет считать эти совпадения неслучайными.

Еще более важным для толкования грамоты № 226 представляется то, что Паша дважды упоминается в приписке к Уставу Святослава Ольговича 1137 г. об Обонежском ряде: *устье Паши грив(на), у Пахитка на Паши поль грив(ны)* (Щапов 1976, с. 148). Обонежский ряд описывает территорию округа, в судебном и фискальном отношениях, в отличие от основных новгородских “волостей”, всецело подведомственного князю. Упоминание Паши, таким образом, отлично согласуется с упоминанием полюдья как архаичного способа сбора дани, непременным участником которого был сам князь.

В каком контексте могла упоминаться Паша в последней фразе грамоты, неясно. Следует думать, впрочем, что, подобно подавляющему большинству берестяных писем, и это письмо не только констатировало некоторое положение дел, но и содержало просьбу автора к адресатам. Эта просьба, по-видимому, как раз и заключалась в последней фразе, упоминающей Пашу. Автор мог, например, просить, учитывая его неоднократное участие в полюдье в этих местах, предоставить ему участок для сбора дани по течению Паши.

Сочетание сделанных и принятых нами конъектур позволяет реконструировать текст грамоты в следующем виде:

(поклан)[А]ние ко [И](в)анокоу и ко мирошь[к](е) ѿ...

(вы моа г)осподина : а испытал- [т]и есьмо к...

...(три р)[а]зы ти есьмь(ь ходиль) въ полюдие семо м...

... по паше

Несмотря на остающиеся большие лакуны, композиция письма в целом может быть восстановлена. Заверив адресатов в своей полной лояльности этикетной формулой ‘вы — мои господа’, автор доводил до их сведения информацию, полученную в ходе некоей проверки. Он подчеркивал, что несколько раз ходил в полюдь туда, где находится в настоящий момент. Заключительная фраза могла содержать просьбу разрешить автору и далее собирать дань на Паше.

Переходя к вопросу об адресатах грамоты, подчеркнем, что их предлагаемая ниже идентификация вполне независима от сделанной нами попытки более полного прочтения текста. О принадлежности Иванка и Мирошки к высшим кругам новгородского общества текст грамоты свидетельствует и в том виде, в каком он читается без конъектур. Именно это дало основание А. А. Зализняку отождествить Иванка с посадником Иванком Захарьиничем. Эта идентификация, как уже говорилось, является лишь одним звеном гипотезы, связывающей участников берестяной переписки нескольких неревских усадеб с летописными персонажами второй половины XII — первой четверти XIII в.

С некоторыми из положений этой гипотезы нельзя не согласиться. Это относится, в частности, к трактовке летописного известия 1177 г. о пожаре Неревского конца *ѿ Иванковее* как подтверждающего принадлежность умершего в 1175 г. Иванка Захарьинича к неревскому боярству (что на основании косвенных аргументов предположил В. Л. Янин (1962, с. 106, 117)). Весьма вероятной представляется и тождественность Гюргия, фигурирующего в грамотах усадеб К и Б вместе с Иванком, Степаном и Путилой, с Гюргием Иванковичем, посадившим в 1215–1216 г. и ушедшим в 1217 г. из Новгорода вместе с двумя боярами, носившими отчества Степанич и Путилович.

Одно звено в этом построении остается, однако, недоказанным — предположение, что Гюргий Иванкович был сыном Иванка Захарьинича. Несколько моментов внушают сомнения в правомерности проведения этой генеалогической связи.

Как отмечает сам А. А. Зализняк, Гюргий Иванкович был избран на посадничество (1215) через сорок лет после смерти Иванка Захарьинича (1175). Столь значительная хронологическая дистанция сама по себе не является неправдоподобной. И все же нельзя не отметить, что для всех новгородских посадников XII–XIII вв., чьи отцы упоминаются летописью, разрыв между последним упоминанием отца и избранием на посадничество сына составля-

ет существенно меньший срок. Приведем соответствующие цифры: Иванко Павлович — 4, Якун Мирославич — 2, Судила Иванкович — 7, Иванко Захарьинич — 4, Мирошка Нездинич — 22, Дмитр Мирошкинич — 2, Твердислав Михалкович — 3, Иванко Дмитрович — 9, Степан Твердиславич — 6, Михалко Степанич — 12, Павша Ананьич — 12, Матвей Семенович — 3, Андриан Елевферьевич — 18. Из общей картины выбивается только Дмитр Якунич, ставший посадником в 1211 г., через 35 лет после последнего упоминания его отца Якуна Мирославича (1176). Замечательно, однако, что именно в этом случае собственно избрания на посадничество и не было: Твердислав Михалкович сам уступил должность пришедшему “из Руси” и, по-видимому, уже довольно пожилому Дмитру как старшему в роде (НПЛ, с. 52). Если бы Гюргий Иванкович был сыном Иванка Захарьинича, избрание его через сорок лет после смерти отца составляло бы исключение из правила.

С другой стороны, идентификация Иванка, упоминаемого в грамотах № 80, 117 и 226, с Иванком Захарьиничем встречает и некоторые стратиграфические затруднения. Конечно, минимальный зазор, отделяющий год смерти Иванка Захарьинича (1175) от нижней границы 17-го строительного яруса, в котором была найдена грамота № 80 (1177), не может рассматриваться как препятствие к такому отождествлению. Вместе с тем нельзя не отметить, что и грамота № 226 отнесена к 17–18 ярусам “с возможным предпочтением 17-го” (НГБ IX, с. 183). К числу связанных с Иванком грамот следует, на наш взгляд, отнести еще один документ последней четверти XII в. Это грамота № 87 (Неревск., усадьба А) — письмо попа Дрочки, адресованное *ко Демьяноу и къ Мине и къ Вануоукоу и къ вьхемо вамо*. Записанное здесь с ошибкой имя *Ванько* — вариант к *Иванько*. Поскольку другая грамота, связанная с Демьяном (№ 163, см. Зализняк 1995, с. 330–331), найдена на смежной (через улицу) с усадьбой А усадьбе Б, где найдена и грамота № 80, адресованная Иванку, Ванка (№ 87) и Иванка (№ 80) можно считать одним лицом. В адресатах грамоты № 87 скорее, чем членов одной семьи, следует видеть владельцев соседних усадеб, окормляемых одним священником. Грамота № 87 относится к 17-му строительному ярусу, к которому, таким образом, определенно тяготеют грамоты, связанные с Иванком. Найденная в 19-м ярусе (1134–1161) грамота № 117 — единственная бесспорно относящаяся ко времени жизни Иванка Захарьинича — стоит в этом отношении особняком.

С Иванком Захарьиничем Гюргия Иванковича сближает принадлежность к неревскому боярству,

должность посадника и отчество. Этого, возможно, было бы достаточно, если бы отец Гюргия был носителем какого-нибудь более редкого, чем *Ивань*, древнерусского имени. Между тем вероятность присутствия в социальной элите Неревского конца второй половины XII в., помимо Иванка Захарьинича, еще одного Иванка представляется довольно значительной. Ничто не заставляет с обязательностью искать отца Гюргия Иванковича в списке новгородских посадников. Следует учесть, что за сорок лет, отделяющих смерть Иванка Захарьинича от избрания Гюргия Иванковича, посадником от Неревского конца был лишь Завид Неревинич в 1175–1186 гг.; все остальное время посадничество находилось в руках прусско-людинского боярства.

В связи с этим нельзя не отметить, что в рассматриваемом хронологическом интервале Новгородская летопись знает еще одного боярина Иванка, упоминаемого под 1195–1196 г. — время, соответствующее 17-му строительному ярусу Неревского раскопа и более, чем годы посадничества Иванка Захарьинича, подходящее в качестве периода политической активности отца Гюргия Иванковича. Предполагать в этом Иванке отца Гюргия и адресата грамоты № 226 было бы, конечно, невозможно, если бы не следующее обстоятельство: в названных статьях Иванко выступает в паре с Мирошкой (Нездиничем). События, в связи с которыми летопись упоминает Иванка и Мирошку, описаны ею с необычной для НПЛ подробностью.

Зимой 1195–1196 гг. Всеволод III пригласил Новгород к участию в походе на Чернигов. Однако когда новгородцы с князем Ярославом Владимировичем выступили в поход, Всеволод неожиданно прервал его, приказав новгородцам вернуться в Новгород. Оскорбленные Всеволодом и недовольные Ярославом, новгородцы отправили к Всеволоду послов, “Мирошку посадника и Бориса Жирославица, Микифора съдъсага, просяче сына, а Ярослава негодующе”. Требование Новгорода Всеволод не удовлетворил, а послов задержал (“и прия Всеволодъ Мирошку и Бориса и Иванка и Фому и не пусти ихъ въ Новгородъ”). В конце лета 1196 г. новгородцы потребовали от Всеволода вернуть их послов (“исходящю лѣту слаху ся новгородьци къ Всѣволоду посадника дѣля Мирошке и Иванка и Фомѣ; пустилъ бо бѣше Бориса и иные муже с нимъ”). Вместо этого Всеволод, чтобы гарантировать лояльность Новгорода, отправляясь в поход на Чернигов, взял с собой удерживаемых им новгородцев как заложников (“и вожаше съ собою посадника новгородьсаго Мирошку и Иванка и Фому”). Вернувшись из похода, закончившегося при-

мирением с черниговцами, Всеволод “пусти Фому Новгороду, а Мирошке и Иванка не пусти”. Разгневанные новгородцы ответили на это, выгнав поздней осенью 1196 г. Ярослава Владимировича. Через год с лишним, в январе 1198 г., конфликт с Всеволодом был урегулирован, и Ярослав Владимирович вернулся в Новгород. Тогда же “и Мирошка приде посадникъ, съдевь 2 лѣта за Новгородъ, и вси придоша неврежени ничимъже, и ради бѣша Новегородѣ вси от мала и до велика” (НПЛ, с. 42–43).

Последовательность, с которой Всеволод на протяжении двух лет постепенно отпускал новгородских послов, представляет исключительный интерес. Первоначальный список задержанных включает четырех человек: посадника Мирошку, Бориса Жирославица, Иванка и Фому. Характерно, что названный вначале сотский Микифор, представлявший, очевидно, новгородских “меньших”, здесь не упоминается: можно думать, что Борис, Иванко и Фома были из числа “передних” или “старейших мужей”, из которых как правило формировалось посольство к князю. Чтобы представлять интересы всего новгородского боярства, такое посольство, видимо, должно было включать представителей разных городских концов, во всяком случае, Людина (с Прусской улицы) и Неревского как основных конкурентов в борьбе за посадничество в XII–XIII вв. Так, в 1216 г. с посольством к Ярославу Всеволодовичу были отправлены посадник Гюргий Иванкович и Степан Твердиславич; первый принадлежал, как мы знаем, к неревскому боярству, второй — к боярству Прусской улицы (см. Янин 1991, с. 12–13). Следует думать, что паритетное представительство концов имело место и в посольстве 1196 г.

Мирошка Нездинич, как ныне установлено, был боярином Людина конца (НГБ VII, с. 96–99; НГБ VIII, с. 66–67). Борис Жирославич — скорее всего, сын Жирослава, посадничавшего в 1171–1175 г. и, по-видимому, также принадлежавшего к людинскому боярству (Янин 1991, с. 12). В таком случае вероятными представителями Неревского конца оказываются Иванко и Фома. Высказав это предположение, можно понять логику дальнейших действий Всеволода. Отпустив Бориса Жирославица, он оставляет в заложниках от Людина конца (и “всего Новгорода”) посадника Мирошку, а от Неревского — Иванка и Фому. Отпустив затем Фому, Всеволод оставляет при себе Мирошку и Иванка, продолжая таким образом сдерживать политическую активность новгородского боярства в целом. Роль Иванка в этом раскладе вырисовывается, таким образом, довольно ясно: он выступает

главным в новгородском посольстве представителем Неревского конца.

Все сказанное, на наш взгляд, дает серьезное основание считать адресатами грамоты № 226 неревского боярина Иванка и посадника Мирошку Нездинича, совместно упоминаемых в летописных статьях 1195–1196 гг. Даже считая неизвестной кончанскую принадлежность летописного Иванка, упоминание его в паре с Мирошкой само по себе нужно признать важнейшим аргументом в пользу такого отождествления. Имя *Мирошка* не относится к числу частотных. В Новгородской летописи единственным его носителем является Мирошка Нездинич. Аналогичным образом, и в корпусе берестяных грамот это имя представлено лишь в рассматриваемом документе. Из других памятников древненовгородской письменности оно упоминается только в церковном Уставе Всеволода, где фигурирует бирич Мирошка — несомненно, сын убитого в 1167 г. бирича Незды, то есть тот же Мирошка Нездинич до его избрания на посадничество (см. Флоря 1999, с. 92).

3. Заключительные замечания

Предложенная выше идентификация адресатов грамоты № 226 еще несколько лет назад встретила бы труднопреодолимое препятствие. Вопрос, можно ли видеть во втором адресате этой грамоты Мирошку Нездинича, уже был затронут А. А. Зализняком, заметившим, что “даже если это действительно так, Мирошка в момент написания данной грамоты еще не был посадником, иначе он был бы назван первым” (НГБ IX, с. 183). Теперь, однако, данное препятствие отпадает: мы располагаем уже целым рядом грамот, обращенных к двум лицам, вторым из которых является посадник. Тот же Мирошка Нездинич — как Мирослав — назван вторым в грамоте № 603, где он выступает в паре с Гречином. Вторым, после имени Петра, стоит и имя Якши — Якуна Мирославича — в грамотах усадьбы Е. Грамота № 226 пополняет эту категорию документов.

Характерно, что, как и Петрок, Иванко в связанных с ним грамотах выступает и как единственный адресат (№ 80), а также в комбинации с другими лицами (№ 87), тогда как Мирошка и Якша получают письма только в парах с Петром и Иванком. То же справедливо и относительно пары Гречин — Мирослав. Можно сказать, таким образом, что присутствие Петра, Гречина и Иванка на соответствующих усадьбах более разнообразно, чем

Имеется еще один аргумент в пользу предложенной идентификации. На усадьбе Б, с которой происходит адресованная Иванку грамота № 80, в том же 17-м ярусе была найдена грамота № 82, письмо от Творимира к Фоме. Таким образом, если на усадьбе К Иванко получает грамоту, адресованную ему и Мирошке, то на усадьбе Б он выступает вместе с Фомой. Фома, как мы видели, четыре раза упоминается в статьях 1195–1196 гг., три из них — вместе с Мирошкой и Иванком. При этом, как и в грамотах, в летописи Иванко соотносим, с одной стороны, с Фомой (вместе с которым, как мы предположили, он представлял в составе посольства неревское боярство), а с другой — с Мирошкой (с которым он остался “сидеть за Новгород” после того, как остальные заложники были отпущены). Таким образом, тройка “Мирошка, Иванко и Фома”, возвращения которой добивался от Всеволода Новгород в 1196 г., обнаруживается в письменной продукции связанных друг с другом усадеб К и Б Неревского раскопа в полном составе, в слое, идеально отвечающем летописной дате⁷.

присутствие на них Якши и Мирослава (Мирошки), которые, не живя на этих усадьбах, выступают лишь получателями поступающих туда официальных обращений.

Это, однако, еще не объясняет того обстоятельства, что имя посадника в этих обращениях устойчиво стоит на втором месте. Князь также не жил на усадьбе Е, но грамота № 872 адресована все же “князю и Петроку”, а не наоборот. В случае с документами усадьбы Е первое положение имени Петра в письмах к нему и Якше, по-видимому, и обусловлено его связью с князем. В. Л. Янин, отождествляющий административный центр, располагавшийся на усадьбе Е, со смешным судом князя и посадника, видит в этом проявление главенствующей

⁷ Справедливости ради нужно отметить, что сочетание тех же трех имен имеется в подходящий период и в грамотах Троицкого раскопа, в которых наряду с Мирославом (отождествляемым с Мирошкой Нездиничем, о чем см. ниже) фигурируют также Иванко (№ 667 и 654) и Фома (№ 671 и 795). Однако здесь эти персонажи никак не связаны между собой, тогда как в грамотах Неревского раскопа такие связи имеются, и именно им мы придаем решающее значение. С другой стороны, “троицкий” Иванко, в отличие от “неревского”, в обоих случаях выступает в качестве автора и, следовательно, не обязательно должен был проживать в этой части города. Ничего не известно и о высоком социальном ранге этого персонажа.

шего положения в сместном суде княжеской стороны.

Грамота № 226, в предлагаемой ее трактовке, позволяет, на наш взгляд, несколько скорректировать это представление. Она свидетельствует о существовании в Неревском конце административного центра, аналогичного тому, который в Людине конце находился в середине XII в. на усадьбе Е. Наличие такого центра следовало бы предполагать даже исходя только из общих соображений: его отсутствие входило бы в слишком явное противоречие с равноправным противостоянием Людина и Неревского концов как стержнем всей общественной жизни Новгорода этой эпохи. Подобно тому, как вклад в Софийский собор серебряного кратира неревлянином Петрилой Миккульчичем должен был быть уравновешен аналогичным вкладом Петра Михалковича, сделанным со стороны прусско-людинского боярства, судебный орган, заседавший в Людине конце, не мог не иметь себе соответствия в Неревском. В рамках гипотезы о сместном суде эти существовавшие в обоих концах параллельные административные структуры можно рассматривать как его местные “филиалы”, осуществлявшие свою деятельность от имени князя (через его представителя) и при участии посадника. Вместе с тем функции главных фигур, заправлявших делами этих кончанских судебных управ, очевидно, не исчерпывались ролью княжеских представителей. Точнее, сама эта роль, слишком эфемерная, если принять во внимание калейдоскопичность перемен на новгородском столе, едва ли могла существовать без опоры на некое устойчивое положение, которым исполнявшие ее лица обладали в кончанском сообществе. Таковым, как представляется, могло быть положение предводителя местного боярства или, говоря по-другому, кончанского старосты.

В летописях и других традиционных источниках этого времени такая должность не упоминается, что не мешает, однако, предполагать ее существования: для ранней эпохи наши сведения об организации боярского населения города в пределах концов вообще крайне скудны, если не равны нулю. Сведения о кончанских и уличанских старостах, содержащиеся в документах XIV–XV в., могут быть поэтому, с известной осторожностью, экстраполированы и на более ранний период, что делал уже В. О. Ключевский (1919, с. 189), допускавший, в частности, что в роли кончанских старост могли выступать и бывшие посадники. В связи с этим стоит, как кажется, обратить внимание на берегскую грамоту № 676 (Троицк. 3, сер. 50-х – сер. 90-х гг. XII в.), в которой об отпирающемся долж-

нике сказано: *или нь вода [а] вьди ко старость ко Акоюну* (‘Если же не отдаст, то веди [его] к старосте Якуну’) (Зализняк 1995, с. 320). Это указание явно имеет в виду не сельского и не купеческого старосту, а городского чиновника, облеченного судебной властью. Не следует ли видеть в нем всё того же Якшу — Якуна Мирославича, сменившего пост посадника на должность старосты Людина конца?

В связи с данным вопросом нельзя обойти вниманием и грамоту № 831 (Троицк. Е, 2-я четв. XII в.) — письмо от Кузьмы и его детей, адресованное *къ Рагоуилови ко старьшоумоу*. Рагуил, как следует из содержания документа, — родовитый боярин, имеющий не только собственную дружину, но и своего священника (и следовательно — фамильную церковь), занимающий крупный административный пост, скорее всего — тот же, который некоторое время спустя занимал Петр. Все это позволяет, на наш взгляд, видеть в форме *старьшоумоу* не компаратив, противопоставляющий адресата письма другому, младшему Рагуилу, а указание его должности — “старший”, или, вернее, “старшóй”, то есть то же, что и *староста*.⁸

О личности этого персонажа можно также высказать некоторые предположения, которыми мы и завершим настоящие заметки. Имя *Рагуил* (специально о нем и его носителях на Руси см. Гиппиус 2003в) — уникальное явление в древнерусском именослове. Библейское по происхождению, оно отсутствует в святцах (как православных, так и ка-

⁸ (Корректирующее примечание.) Вполне вероятно, что как староста в грамотах усадьбы Е упоминается и сам Петр (Петрок). Грамота № 821 (“От Негла к Петру и Якше”) заканчивается фразой, читавшейся до последнего времени *И соуди староста и Неслоуе* ‘Пусть же судит староста (и) Неслуй’. Что за староста имеется здесь в виду, оставалось при этом неясным, как и то, упоминаются в этой фразе два человека или один — староста Неслуй. Учитывая сложности графического порядка, которые встречает такое прочтение, А. А. Зализняк в качестве “дерзкой, но все же не совсем исключенной” альтернативы предложил словоделение *и не слоуе*, “где *слоуе* = словен. *slúje* ‘слывет’, ‘имеет репутацию’. Если допустить здесь значение, близкое к ‘пользоваться авторитетом’, то вся фраза будет истолкована примерно так: ‘А судит староста, и не слушают его’” (“Древненовгородский диалект”, 2-е изд., с. 319). Проблематичной эту морфологически и графически привлекательную версию делает предполагаемый смысл фразы. Между тем, при том же словоделении, для этого места можно предложить иной перевод, основанный на хорошо засвидетельствованном для *слути* значении ‘распространяться (о слухах, молве)’, см. Сл. XI–XVII, 25, с. 146): ‘Пусть же судит староста, и [тогда] не будет молвы’. В таком случае оказывается возможным (а с учетом общей ситуации на усадьбе Е — и весьма вероятным), что староста грамоты № 821 — это сам Петр (Петрок), которому в такой форме предлагается рассмотреть дело Негла.

толических) и как личное представлено исключительно в Новгороде. Единственный Рагуил, известный на юге Руси, при ближайшем рассмотрении также оказывается новгородцем. В тысяцком киевского князя Владимира Мстиславича Рагуиле Добрыниче (Ипатьевская летопись, 1147 и 1169 гг.) сочетание имени и отчества позволяет опознать сына новгородского воеводы Мстислава Владимировича Добрыни Рагуиловича (ПВЛ, 1096 г.). Последний предположительно отождествляется с посадником Добрыней († 1117), по имени которого, скорее всего, получила свое название Добрыня улица Людина конца. Рагуил Добрынич, относимый тем самым к боярству Людина конца, прежде чем занять свой пост при Владимире Мстиславиче (родившемся в 1130 г. и возмужавшем к началу 1140-х гг.), вполне мог сделать карьеру в Новгороде. С ним поэтому возможно отождествить, с одной стороны, Рагуила, получившего в 1132 г. посадничество в Ладого (НПЛ, с. 23), а с другой — Рагуила “старшего” грамоты № 831, деятельность которого на усадьбе Е можно в таком случае отнести к концу 1130-х — началу 1140-х гг. Тождественность этих персонажей предполагать более естественно, чем допускать существование в новгородской элите этого времени сразу трех носителей этого весьма

необычного имени. Интересно заметить, что одновременно с получением Рагуилом ладожского посадничества в 1132 г. псковское посадничество получил Мирослав Гюрятинич, через церковь св. Иакова также связанный с Добрыней улицей. Можно думать, что фамильной церковью Рагуила из грамоты № 831 была другая находившаяся на Добрыне улице церковь — св. Образа. Она, как уже говорилось, выступает в конце XII в. как патрональная церковь Нездиничей. Мирошку Нездинича особо тесные отношения связывали с князем Ярославом Владимировичем — сыном Владимира Мстиславича, которому служил Рагуил Добрынич.

Мы намеренно эскизно проводим сейчас эти линии, соединяющие фигуру Рагуила с другими персонажами летописи и грамот, чтобы на данном примере продемонстрировать многочисленность и разнообразие таких связей, плотность историко-культурной среды, существующей вокруг грамот усадьбы Е и прилегающих к ней усадеб Троицкого раскопа в XII в. Необычная полнота, с которой эта среда поддается восстановлению, во многом объясняется именно тем, что среди участников берестяной переписки этих усадеб были лица, удостоившиеся упоминаний летописцев или иными путями попавшие на страницы истории.

ЛИТЕРАТУРА

- Анкудинов 1986 — *И. Ю. Анкудинов*. К интерпретации берестяной грамоты № 361 // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Тезисы докладов и сообщений научного симпозиума. Новгород, 1986. С. 15–18.
- Афанасьев 1869 — *А. Н. Афанасьев*. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869. Т. 3.
- Буров 1988 — *В. А. Буров*. О родословии новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей (по материалам Неревского раскопа 1951–1962 гг.) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 119–125.
- Гиппиус 1997 — *А. А. Гиппиус*. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). С. 3–72.
- Гиппиус 1999а — *А. А. Гиппиус*. К идентификации персонажей берестяных грамот середины XII в. усадьбы Е Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 8. Новгород, 1999. С. 366–379.
- Гиппиус 1999б — *А. А. Гиппиус*. К атрибуции новгородских кратиров и иконы “Богоматерь Знамение” // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 8. Новгород, 1999. С. 379–394.
- Гиппиус 2001 — *А. А. Гиппиус*. “Суть людие новгородци от рода варяжска”: опыт генеалогической реконструкции // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001. Материалы конференции. М., 2001. С. 59–65.
- Гиппиус 2003а — *А. А. Гиппиус*. Петр и Якша. К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII века // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 18–31.
- Гиппиус 2003б — *А. А. Гиппиус*. О происхождении новгородских кратиров и иконы “Богоматерь Знамение” // Новгородский исторический сборник. 9 (19). СПб., 2003. С. 32–47.
- Гиппиус 2003в — *А. А. Гиппиус*. *Рагоуиль*. Страница из истории русского именослова // Русистика. Славистика. Лингвистика. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag. Hgg. Sebastian Kempgen, Ulrich Schweier, Tilman Berger. Verlag Otto Sagner, München, 2003. S. 144–154.
- Гиппиус, в печати — *А. А. Гиппиус*. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице. К 800-летию памятника.

- Гиппиус и Успенский 2000 — *А. А. Гиппиус, Ф. Б. Успенский*. К вопросу о соотношении языческого и христианского имени: древнерусские антропонимические дублеты в типологическом освещении // *Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. Сборник тезисов XIX конференции памяти В. Д. Королюка*. М., 2000. С. 29–36.
- Зализняк 1995 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Игнатъев 1850 — *Р. Игнатъев*. Краткое историческое описание новгородского Детинца // *Новгородские губернские ведомости*. 1850, № 3. Ч. неофициальная. С. 14.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- Ключевский 1919 — *В. О. Ключевский*. Боярская дума Древней Руси. 5-е изд. Пг., 1919.
- Круглова 2003 — *Т. В. Круглова*. Из истории княжеских браков в Новгороде в XII в. (О семейных связях Всеволода Мстиславича и Святослава Ольговича) // *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции*. Вып. 17. Великий Новгород, 2003. С. 218–230.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. М., 1962.
- Молчанов 1996 — *А. А. Молчанов*. Ярл Регнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (О происхождении ладожско-новгородского посадничего рода Роговичей-Гюрятиничей) // *Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого*. СПб.–Псков, 1997. С. 80–84.
- Мусин 1996 — *А. Е. Мусин*. 1165 год. Архиепископ Илья-Иоанн и комплекс церковных древностей с Федоровского раскопа // *Новгород и Новгородская земля: История и археология*. Вып. 10. Новгород, 1996.
- НГБ VII — *А. В. Арциховский, В. Л. Янин*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978.
- НГБ VIII — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
- НГБ IX — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.
- Смирнова 1995 — *Э. С. Смирнова*. Новгородская икона “Богоматерь Знамение”. Некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. // *Древнерусское искусство: Балканы. Древняя Русь*. СПб., 1995. С. 288–305.
- Стерлигова 1995 — *И. А. Стерлигова*. Новгородские кратиры и икона “Богоматерь Знамение”. Некоторые проблемы иконографии // *Древнерусское искусство: Балканы. Древняя Русь*. СПб., 1995. С. 311–322.
- Стефанович 2002 — *П. С. Стефанович*. Боярство и церковь в домонгольской Руси // *Вопросы истории*. 2002, № 7. С. 41–59.
- Стерлигова 1996 — *И. А. Стерлигова*. 1) Памятники серебряного и золотого дела в Новгороде XI–XII вв.; 2) (Каталожные описания кратиров) // *Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV в. М.*, 1996. С. 26–68, 108–116.
- Успенский 1969 — *Б. А. Успенский*. Из истории русских канонических имен. М., 1969.
- Флоря 1999 — *Б. Н. Флоря*. К изучению Церковного устава Всеволода // *Россия в Средние века и раннее Новое время. Сборник статей к 60-летию Л. В. Милова*. М., 1999. С. 83–96.
- Щапов 1976 — *Я. Н. Щапов*. Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. М., 1976.
- Янин 1962 — *В. Л. Янин*. Новгородские посадники. М., 1962.
- Янин 1991 — *В. Л. Янин*. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин 1998 — *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту... 3-е изд. М., 1998.
- Янин 1988 — *В. Л. Янин*. Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1999.
- Янин 2001 — *В. Л. Янин*. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.
- Янин 2003 — *В. Л. Янин*. Новгородские посадники. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 2003.
- Янин и Гайдуков 2000 — *В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998–1999 гг. // *Новгород и Новгородская земля: История и археология*. Вып. 14. Новгород, 2000.
- SSPNO — *Słownik staropolskich nazw osobowych*. T. VIII. Wrocław etc., 1965–1987.

К ПРАГМАТИКЕ И КОММУНИКАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

Вводные замечания

§ 1. Среди ранневосточнославянских письменных памятников берестяные грамоты выделяет особенно глубокая укорененность в повседневной жизни древнерусского общества. За исключением документов церковно-литургического, учебного, литературного и фольклорного характера основной массив берестяных грамот составляют тексты, в той или иной форме отражающие конкретные жизненные ситуации, участниками которых являются авторы грамот и связанные с ними лица, находящиеся между собой в разного рода семейных, денежных, имущественных, торговых и административных отношениях. Соотнесенность текста с конкретной бытовой (в широком смысле слова) ситуацией объединяет такие жанры берестяной письменности, как частные письма и челобитные, всевозможные реестры (долгов, податей, товаров и проч.), частные акты (завещания, рядные, купчие) и другие материалы документального характера (судебные жалобы, протоколы и т. п.).

Отраженная берестяной грамотой ситуация лишь изредка полностью разъясняется в самом тексте, чаще ее приходится реконструировать с большей или меньшей гипотетичностью. Эта реконструкция является важным компонентом комплексной интерпретации берестяных грамот и находится в непростом соотношении с другими составляющими этой процедуры, в частности, с задачей перевода. С одной стороны, адекватное истолкование ситуации грамоты возможно лишь при правильном ее прочтении (идентификации букв, словоделении, членении на синтагмы) и переводе. В то же время одним из главных препятствий к этому нередко оказывается как раз недостаточность ситуативного контекста. Смысл текста (передать который стремится перевод) и его соотношение с внетекстовой действительностью (ситуацией) выступают часто как два взаимообусловленных неизвестных, установить значения которых или, во всяком случае, приблизиться к этому можно лишь путем согласованных встречных усилий филолога и историка.

Восстановлению ситуативного контекста берестяных грамот препятствует в первую очередь фрагментарность большинства находимых текстов. Однако и для грамот, сохранившихся целиком, решение этой задачи иногда сопряжено с очень большими трудностями, что связано уже со специфической прагматикой берестяных грамот и, особенно, наиболее распространенной их разновидности — берестяных писем.¹

А. А. Зализняк, резюмируя наблюдения над текстовой структурой древненовгородских писем на бересте, отмечает как главные две самые общие их особенности: практическую целенаправленность и лаконичность (Зализняк 1987, с. 180). Каким образом второе из этих свойств препятствует реконструкции ситуативного контекста, достаточно очевидно. Что же касается первого, то оно обуславливает полную подчиненность в берестяных письмах описательного, нарративного начала прагматике активного воздействия на адресата. «Древнерусские люди, — пишет А. А. Зализняк (там же), — “брались за писало”, за редкими исключениями, лишь в связи с настоятельной житейской необходимостью». Сообщение фактов, за редкими исключениями, не было для авторов берестяных писем самоцелью; оно осуществлялось лишь постольку, поскольку было необходимо для выполнения соответствующих речевых установок: просьбы, распоряжения, упрека, угрозы, самооправдания и т. д. Об отраженной грамотой жизненной ситуации мы судим поэтому чаще всего на основании косвенных указаний, содержащихся в этих ненарративных элементах текста.

Указанные особенности древнерусской бытовой эпистографии накладываются на свойства

¹ Применительно к берестяным грамотам термин “письмо” употребляется в настоящей работе как общее обозначение письменных сообщений, посылаемых от одного лица к другому и при этом, как правило, снабженных адресной формулой. Функциональное наполнение этой коммуникативной формы и социокультурный статус таких текстов колеблется в очень широких пределах — от бытовых записок до официальных заявлений и челобитных.

частного письма вообще как письменного жанра, представленного в самых разнообразных культурных традициях. Таковым является в первую очередь ориентация на конкретного адресата, разделяющего с автором письма некоторый фонд общих знаний об окружающей действительности, которым не обладают “посторонние”. Этим частное письмо отличается от официального документа, круг потенциальных адресатов которого может включать (согласно известной актовой преамбуле) “всякого, кто на сей лист воззрит или его услышит”. Приватным характером берестяной переписки объясняется, в частности, то, что упоминаемые в ней лица как правило называются лишь по именам, поскольку их социальные роли полагаются известными адресату. Сходным образом обходятся молчанием и известные адресату факты и обстоятельства (в том числе важные для понимания ситуации), если только автор не хочет специально привлечь к ним внимания адресата. При этом, как отмечает

А. А. Зализняк (1987, с. 180), практически все берестяные письма посвящены “действиям автора и/или адресата (или непосредственно затрагивающим их событиям)”; иначе говоря, участники берестяной переписки являются одновременно и главными фигурантами отраженных ею ситуаций. В силу всего этого на долю остающегося за рамками текста фонового знания ситуации авторами и адресатами писем приходится львиная доля информации, необходимой для ее понимания. Не обладающему этим фоновым знанием исследователю как “постороннему”, для которого текст не предназначался, остается лишь реконструировать ситуацию грамоты на основании ее эксплицированных в тексте фрагментов: ситуация берестяной грамоты, как айсберг, возвышается над поверхностью текста лишь своей верхушкой. Тяжелейшие трудности, с которыми подчас встречается ее реконструкция, в конечном счете — не что иное, как расплата за чтение “чужих писем”.

Бытовая и коммуникативная ситуации. Эталонная коммуникативная ситуация

§ 2. Понятие ситуации применительно к любому устному или письменному высказыванию включает в себя два аспекта. С одной стороны, можно говорить о ситуации как предмете речи, то есть том фрагменте действительности, которого касается содержание высказывания. Такую ситуацию мы условно называем бытовой, и именно о ней в основном говорилось выше. С другой стороны, речь может идти о ситуации общения, в которой протекает речевой акт, или коммуникативной ситуации. Коммуникативная ситуация может рассматриваться как опосредующее звено между бытовой ситуацией и ее проекцией в высказывании.

В изучении берестяных грамот акцент традиционно делается на бытовой ситуации: социальном статусе персонажей грамоты и характере связывающих их отношений. Проблематика коммуникативной ситуации, естественно, так или иначе также затрагивалась в литературе (прежде всего, в работах, посвященных текстовой структуре берестяных грамот и их литературному статусу, см. Ворт 1985,

Зализняк 1987, Факкани 1995, Буланин 1998), однако до сих пор не становилась предметом самостоятельного разбора. Главная причина этого — в кажущейся элементарности коммуникативной организации берестяных писем. Отчасти такое впечатление справедливо: большинство грамот действительно устроено в этом отношении довольно просто, ничем принципиально не отличаясь от современных частных писем и записок; отличия, если и есть, никак не сказываются на переводе и толковании текста.

Между тем, как будет показано ниже, довольно значительное число берестяных грамот обладает своеобразной и непривычной для современного восприятия коммуникативной организацией, без учета которой сами тексты и стоящие за ними бытовые ситуации не могут быть адекватно переведены и истолкованы. Многие противоречия и странности, с которыми до сих пор встречались интерпретация этих текстов, объясняются, на наш взгляд, не специфичностью бытовых ситуаций грамот, но нестандартностью их коммуникативных ситуаций.

§ 3. В основе любой коммуникативной ситуации лежит противопоставление отправителя и получателя сообщения или, что то же самое, автора речи и ее адресата. В устной коммуникации оно реализуется в виде оппозиции говорящего и слушающего. В письменной коммуникации это основополагающее противопоставление осложняется рядом дополнительных коммуникативных функций, которые

могут выполняться специальными лицами. Со стороны отправителя необходимо различать: а) инициативу создания письменного текста, б) составление текста, его вербальное оформление, в) запись. Со стороны адресата — а) прочтение текста и б) его восприятие тем, для кого текст предназначен. Помимо этого письменный текст должен быть еще доставлен от отправителя к адресату.

Таким образом, полная цепочка участников письменного речевого акта складывается из следующих коммуникативных ролей:

- 1) отправитель сообщения (S),
- 2) составитель текста (C),
- 3) пишущий (“писец”, Sc),
- 4) посыльный (курьер, гонец и т. п., M),
- 5) читающий (L),
- 6) получатель сообщения, адресат (Ad).

В определенных ситуациях (например, в дипломатической переписке высокого ранга) каждая из этих коммуникативных ролей может иметь специального исполнителя, то есть имеет место соотношение $S \neq C \neq Sc \neq M \neq L \neq Ad$. Чаще, однако, имеет место та или иная форма их совмещения, которая и определяет специфику коммуникативной ситуации конкретного текста. Отправитель сообщения может совпадать с составителем текста ($S = C$), составитель текста — с пишущим ($C = Sc$), адресат — с читающим ($Ad = L$), пишущий — с посыльным ($Sc = M$) и т. д.

Среди различных форм совмещения коммуникативных ролей целесообразно — ввиду его особой распространенности — выделить совпадение

§ 4. Анализируя коммуникативные ситуации берестяных грамот, мы будем отправляться от представления об “эталонной” ситуации письменного сообщения, определяя специфику конкретных текстов через их отношение к этому “эталону”.² В качестве эталонной будем рассматривать коммуникативную ситуацию, типичную для (современного) частного письма. Такой выбор объясняется не только тем, что к данной категории — со сделанной выше оговоркой — может быть отнесено большинство берестяных грамот, но и тем, что частное письмо как способ общения двух индивидов в принципе представляет собой наиболее элементарную, можно сказать, типичную форму письменного речевого акта: недаром на разных языках этот речевой жанр обозначается тем же словом, что и письменный

² В лингвистической прагматике аналогичную роль выполняет введенное Дж. Лайонзом представление о “канонической” или “полноценной” речевой ситуации. Таковой считается ситуация, удовлетворяющая следующим условиям: “I. Говорящий и слушающий присутствуют в контексте сообщения. II (единство времени). Момент произнесения высказывания говорящим совпадает с моментом его восприятия слушающим. III (единство места). Говорящий и слушающий находятся в одном и том же месте; обычно отсюда следует, что они могут видеть друг друга и имеют общее поле зрения” (Падучева 1996, с. 259). Понятно, что по отношению к этому эталону всякая ситуация письменного сообщения является неканонической.

отправителя (инициатора) сообщения с составителем текста. Эту объединенную коммуникативную роль мы будем обозначать как автора (Au) текста, употребляя это привычное понятие и тогда, когда соотношение указанных функций нам неизвестно или не является предметом обсуждения.

Коммуникативные ситуации могут быть подразделяемы также по признаку наличия у письменного сообщения одного или нескольких авторов и/или адресатов. При наличии у текста более одного автора и/или адресата существенно, выступают ли они как нерасчлененное целое или же по отдельности. В первом случае коммуникативная ситуация ничем принципиально не отличается от ситуации с одним автором (адресатом), с той лишь разницей, что авторское “я” и “ты” адресата заменяются соответственно на “мы” и “вы”. Значительно больший интерес представляет второй случай, когда оформленное как единый текст письменное сообщение распадается на части, обладающие различной ролевой структурой, то есть имеющие разных авторов или адресатов. Тексты такого рода будем называть коммуникативно неоднородными, и им в данной работе будет уделено особое внимание.

текст вообще или сам феномен письма, письменности (ср. русск. *письмо* и лат. *litterae*).

Коммуникативная ситуация, принимаемая нами за эталон, характеризуется следующими признаками:

- 1) сообщение имеет одного отправителя и одного адресата, будучи тем самым коммуникативно однородным;
- 2) отправитель сообщения тождествен составителю текста, являясь таким образом “автором” письма ($S = C = Au$);
- 3) автор и адресат находятся в разных местах, и доставляемое “посыльным” (почтой) письмо служит средством сообщения между ними;
- 4) письмо написано автором собственноручно ($Au = S$);
- 5) письмо читается адресатом самостоятельно ($Ad = L$).

Перечисленным условиям удовлетворяет, по видимому, большинство берестяных писем. Относительно признаков 1 и 3 это можно утверждать со всей определенностью, исходя из содержания грамот. Следует полагать, что нормой было и соблюдение условия 2, хотя в отдельных случаях (например, при написании крестьянских челобитных) можно говорить о несовпадении отправителя сообщения с составителем текста. Сложнее обстоит дело с при-

знаками 4 и 5. Сколько-нибудь точно определить соотношение в фонде берестяных писем текстов, написанных их авторами собственноручно и третьими лицами, не представляется возможным, очевидно лишь, что имело место и то, и другое, причем многие письма писались их авторами самостоятельно (см. Зализняк 1999, с. 303–305). Ограничимся поэтому пока простой констатацией, что коммуникативная ситуация, взятая нами за эталон для сравнения, была и для своего времени преобладающей.

Отклонения от эталонной ситуации — а именно они в первую очередь будут интересовать нас в дальнейшем — возможны как в направлении увеличения числа участников коммуникативного акта,

так и в сторону его сокращения. Первое может иметь место при несоблюдении условий 1, 2, 4 и 5, то есть при появлении дополнительных отправителей и/или адресатов сообщения и при исполнении специальными лицами функций составления, записи и прочтения текста; второе — при несоблюдении условия 3, примером чего может служить записка, которую адресат находит там же, где ее оставил автор, — функции посыльного эта ситуация не предполагает.

Обзор “нестандартных” (по отношению к эталонной) коммуникативных ситуаций начнем с грамот, обладающих свойством коммуникативной неоднородности.

Коммуникативная неоднородность текста и формы ее проявления в берестяных грамотах

§ 5. Рассмотрим сначала случаи, в которых коммуникативный рубеж, разделяющий отрезки текста с разной ролевой структурой, проходит между адресной формулой и основным текстом (содержательной частью) письма.³ Авторов и адресатов, указанных в адресной формуле, будем называть титульными, в отличие от фактических авторов и адресатов основного текста грамоты. Реально представлены две разновидности этой ситуации: 1) письмо имеет двух или более титульных адресатов, но реально обращено к одному лицу; 2) письмо имеет двух или более титульных авторов, но фактически написано от лица одного из них. Приведем все примеры первого и второго типа, выписав из грамот адресные формулы и показательные с точки зрения ролевой структуры фрагменты основного текста; короткие тексты приводятся полностью.

1. Два и более титульных адресата — один фактический.

№ 87 (посл. четв. XII в.) *Ѡ Дрочке Ѡ папа пь-кланяние ко Демьяну и къ Мине и къ Вануоукоу и къ въхемо вамо. Добре створѧ...* Как замечает А. А. Зализняк (ДНД, с. 330), судя по тому, что в грамоте № 87 причастие стоит в ед. числе, “поп Дрочка скорее всего обращался с просьбой фактически к одному лишь Демьяну, а не ко всем адресатам письма”.

³ Заметим, что деление на адресную формулу и основной текст далеко не всегда совпадает с проводимым А. А. Зализняком (1987, с. 148–149) разграничением этикетной и содержательной части письма. Поскольку, однако, у большинства берестяных писем этикетная часть ограничивается адресной формулой, понятия “основной текст” и “содержательная часть письма” используются нами как частичные синонимы.

№ 289 (10-е – 30-е гг. XIV в.) *Поклонъ Ѡ Дорофеѧ к Осипу съ братеею. Попецалуисѧ мною, позвале дворянине Ѡедоре Внездове внукѧ. А что даси дворянину ...*

№ 690 (40-е – 80-е гг. XIV в.) *Поклоно Ѡ Кура ко Борану і ко Кузми. Возми свою полтину ...*

№ 134 (50-е – 80-е гг. XIV в.) *Приказо Ѡ Григорифъ ко Домонѧ и ко Репеху. Нарѧжа истѧбку и клетѧ, а Недана пошци во Лугу ко Илину дни.*

№ 67 (первое 20-летие XIV в.) + *Поклоно Ѡ Акова ко (В)асилью и ко Васильеви. Иди, господинѧ, ко Тимофью ...*

№ 370 (стратигр. 70-е – нач. 80-х гг. XIV в.). *Поклонъ ко Юрью и к Миѧсиму Ѡ всихъ сиротъ. Цто ѧси даль намъ за клуцка ... а да намъ смирного члвѧ. А на томъ тобѧ цоломъ.*

№ 463 (кон. XIII – нач. XIV в.) *Поклонъ Ѡ Ѡедорѧи Ѡ Коузми и Ѡ хого десѧка Сидору и Мафшо. Перѧми посадници кунами, неси подаи ...*

2. Два титульных автора — один фактический.

№ 731 (50-е – 70-е гг. XII в.) *Покланание Ѡ Анокъ со Сьлатою ко Аринѧ. ... и ала есмо са емѧ по рѧкѧ ... А кодъ ти мнѧ хльбѧ, тѧ и тобѧ.*

Отметим, что из восьми текстов, демонстрирующих данное явление, семь содержат в адресной формуле слова *поклонъ* и *покланяние*. А. А. Зализняк характеризует такие формулы как “почтительные”, противопоставляя их “нейтральным” формулам *отъ X-а къ Y-у, грамота отъ X-а къ Y-у, X молвилъ Y-у* (Зализняк 1987, с. 151). В отличие от нейтральных формул, которые можно определить также как собственно адресные, почтительные формулы вместе с указанием адреса передают приветствие, что сообщает им определенную коммуника-

тивную автономность. Несовпадение ролевой структуры адресной формулы и основного текста грамоты объясняется, надо полагать, именно этим. Поп Дрочка в № 87 сначала приветствует Демьяна вместе с его окружением, а затем обращается с просьбой к самому Демьяну. В № 731 адресата, сваху Ярину, сначала приветствуют оба родителя жениха, после чего речь продолжает уже одна мать. Введение в адресную формулу “лишнего” титульного автора или адресата коррелирует, таким образом, с осложнением ее дополнительной функцией приветствия, имеющего, по сравнению с содержательной частью письма, более широкую адресацию. Так, введение в адресную формулу № 67 имени “Васильевой” функционально аналогично заключительным пассажам современных писем типа “передавайте привет Вашей жене”.

Иначе обстоит дело с грамотой № 134, входящей в блок Григория (ДНД, Г 56). Адресная формула со словом *приказъ*, обычно выражающая в поздних грамотах позицию “сверху вниз” по отношению к адресату, образует с последующим распоряжением определенное единство. Тот факт, что

§ 6. Изменение ролевой структуры может происходить и в пределах основного текста грамоты, который может распадаться на фрагменты, имеющие разных адресатов. Прежде чем перейти к рассмотрению таких случаев, коснемся особой категории грамот, в которых адресат сообщения остается неизменным на всем протяжении письма, а меняется лишь модус обращения к нему. Примером этого может служить грамота № 187 (стратигр. 40-е–60-е гг. XIV в.): ... *поѣдите -- сокорѣа, уѣмли сѣнику и камѣнѣа, и что надоби, вы вѣдаѣте. А поѣдите [д]о пожѣного веремани*. Комментируя этот текст, А. А. Зализняк замечает: “Интересно, что автор обращается к адресатам то во множественном числе, то в единственном — очевидно, в соответствии с тем, думает ли он в данный момент о своем главном адресате или о всей группе людей, которые должны исполнить его указания” (ДНД, с. 503). Такое же чередование форм единственного и множественного числа представлено и в грамоте № 219 (кон. XII — 1 четв. XIII в.): ...*девать гривень възми ... за три гривене възимить верышью*. Собственно говоря, адресат у такого рода текстов один — им является старший в группе, исполняющей распоряжения автора, так сказать, “ответственный исполнитель”. Употребляя формы множественного числа, автор продолжает обращаться к этому единственному адресату — такое же в точности колебание числовых форм возможно и в устном распоряжении, от-

это распоряжение Григорий отдает одной Домне, при том что титульными адресатами являются Домна и Репех, несомненно, объясняется тем, что Репех, как это следует из другой грамоты того же Григория (№ 259/265, см. ниже § 7), находится в подчинении у Домны; приказание готовить избу и клеть относится, следовательно, и к нему. Можно сказать, что, являясь одним из титульных адресатов грамоты, Репех выступает в то же время косвенным адресатом ее основного текста, прямым адресатом которой является Домна. К соотношению титульной и фактической, а также прямой и косвенной адресации берестяных писем нам еще не раз предстоит обращаться.

Следует заметить, что рассмотренные тексты с разной степенью эксплицитности отвечают на вопрос, кто из титульных адресатов или авторов грамоты является фактическим адресатом или автором основного сообщения. Только в трех случаях (№ 289, 67, 731) это явствует из текста с полной определенностью; в остальных пяти можно лишь предполагать, что адресатом основного сообщения является первый из титульных адресатов.

даваемом одному лицу. Таким образом, изменения ролевой структуры текста здесь не происходит.

Нечто похожее имеет место и в грамоте № 644. Ее автор — Нежка, обращаясь к единственному титульному адресату — Завиду, употребляет, естественно, формы единственного числа (*не восолеши, восоли, не даси*), но затем вдруг переходит на множественное (*не сестра а вамо, оже тако дѣлаете, не исправит ми ничетоже*). Р. Факкани (1995, с. 126–127) заключает на этом основании о наличии у письма Нежки, помимо “эксплицитного” адресата — Завида, еще и “имплицитного” адресата, каким, по его мнению, является упомянутый в грамоте Нежата. Вводимое таким образом противопоставление “эксплицитных” и “имплицитных” адресатов во многом созвучно пафосу настоящей работы, однако в данном случае считать Нежату дополнительным адресатом письма вряд ли следует. Примечательно, что Нежка в своем письме употребляет формы единственного и множественного, но не двойственного числа, которые в тексте начала XII в. обязательно предполагало бы обращение к двум лицам. “Это значит, что Нежка имеет в виду не только Завида и Нежату, но также и каких-то других родственников, с которыми она их объединяет” (ДНД, с. 244). Однако считать всех этих родственников адресатами грамоты нет оснований — единственным ее адресатом на всем протяжении текста остается Завид. Обращение во множественном числе несет в пись-

ме Нежки чисто риторическую нагрузку, оно создает эффект обобщения, представляя действия, а точнее бездействие адресата как типичное для ее мужской родни поведение.

Противоположную ситуацию демонстрирует грамота № 725 (2 пол. XII в.): *Ѡ Рѣмьѣѣ поклананье къ Клима(тѣ) и къ Павъл[ѣ]. ·Бѣ· дѣла, котореи любо потрудиса до владѣчѣ. Съка(ж)ита владѣчѣ мою обиду и мои бои желѣза. А а емоу не дѣлѣжне ничимѣже. И молю ва са ‘От Ремши поклон Климяте и Павлу. Ради Бога, пусть кто-нибудь из вас (двоих) доберется до архиепископа; скажите архиепископу о моей обиде и о том, как я был бит и закован в кандалы. А я ему (т. е. обидчику) ничего не должен. Прошу же вас’. Грамота имеет двух адресатов, к которым в равной степени обращена просьба автора. Заявление владыке должно быть сделано от лица их обоих, что и передает форма *скажита*. Однако сам поход к архиепископу автор представляет как функцию одного из адресатов, который и должен выступить исполнителем его просьбы.*

К той же категории можно отнести и грамоту № 622 (60-е гг. XIV — нач. XV в.). Автор этого письма, имеющего двух титульных адресатов (*Приказо Ѡ Матфеѣ ко Марк[ѣ] і ко Саве*), начинает с формы единственного числа (*про не[п]рѣнок серебр[п](о) ...ге донаболиса*), а затем переходит на множе-

ственное: *да а са дивлю, [ц](ем)[ѣ м]не вести Ѡ [в]асо нетѣ. Тако ---- (мо)мо животомо зоблетеса ... [не] хоте при(с)[л]ати. Лихо ли вамо, добро ли, і о мо(ѣ)[м]о животе о Аколи вамо наболи[т]иса мо(мо) приказомо болимо, цюжисмо ли наболити[са. О](же в)[ѣ] тако дѣкте, Бѣ са бо(те) ----- (б)людите, ни о Сменове то(варе) ----- шлете. По мнению А. А. Зализняка, в первой фразе автор имеет в виду одного Марка, а затем обращается к обоим адресатам. Прагматический смысл противопоставления числовых форм в этом тексте может, однако, быть понят и несколько иначе. Содержательная часть грамоты отчетливо распадается на две части: конкретную просьбу и увещание общего характера, при этом первая выражена в единственном числе, второе — во множественном. Можно думать, что, употребляя форму единственного числа, автор имел в виду, что выполнять это его конкретное поручение будет кто-то один из адресатов (ср. *котореи любо* в № 725), по сути же и эта просьба обращена к обоим.*

Рассмотренные в этом параграфе тексты не могут считаться коммуникативно неоднородными в том смысле, какой мы договорились вкладывать в это понятие: момент переключения на нового адресата в них отсутствует и ролевая структура текста остается постоянной на всем его протяжении.

§ 7. Самые очевидные примеры грамот с коммуникативно неоднородной содержательной частью представляют письма, авторы которых сначала обращаются к одному адресату, а затем к другому, называя этого второго, не “объявленного” в адресной формуле адресата по имени. Таким образом, при одном титульном адресате грамота может иметь двух и более фактических адресатов. Данное явление симметрично уже рассмотренному “исчезновению” в содержательной части письма одного из титульных адресатов. Весьма выразительно эту симметрию демонстрирует переписка Григория. Если в уже рассмотренной грамоте № 134 он формально обращается к Домне и Репеху, а фактически — только к Домне (хотя участие Репеха в выполнении распоряжения здесь подразумевается), то в грамоте № 259/265 соотношение адресатов прямо противоположное: титульным адресатом является здесь одна Домна, тогда как фактическими — также Фовра и Репех, появляющиеся в последней фразе: *А ты, Репехо, слушатѣ Домни, и ты, Фовро*. Ту же модель переадресовки письма (“а ты, X”) находим в письме Максима Онцифоровича (№ 253): Ѡ

*Маскима ко десасцѣнамо. Дать Мелеану ·ѣ· дѣже накладо и веши (описка, вм. вереши). А ты, старосто, сberi. Она представлена также в письме Онцифора Лукинича (№ 358), которое, будучи формально адресовано матери, содержит в основном указания управляющему Нестеру; эта часть письма начинается словами: *А ты, Нестере, про чицѣкъ пришли ко мни грамоту*.*

Особый случай употребления данной модели содержит грамота № 831 (сер. XII в.) — письмо от Кузьмы и его детей к Рагуилу “старшему”. Пространное письмо, в котором автор защищает себя от притеснений, чинимых ему адресатом — высокопоставленным административным лицом, заканчивается обращением к другому лицу: *А ты, Степане, пѣрьпеса во на харотитию, посьли жѣ ‘А ты, Степан, переписав на пергамен, пошли’*. В отличие от других приведенных примеров, в которых модель “а ты, X” соединяет однотипные в коммуникативном плане фрагменты сообщения, здесь вводимая ею фраза представляет собой метатекст, обращенный к переписчику (см. комментарий к грамоте в настоящем томе и § 27).

Грамоты со скрытой коммуникативной неоднородностью

§ 8. Приведем полностью тексты двух писем Онцифора Лукинича (40-е – 60-е гг. XIV в.), из которых одно уже было упомянуто выше.

№ 354

челомъ битиѣ к ѡбѣи мѣри ѡ Онцифора · вели нестерю · рубль · скопити · да ити · к юрию · к складнику · молиса ѡм | что бы конь купилъ да иди с обросиємъ к степану жеребии возма · или возметъ рубль · купи и други конь · да проши оу юриа · полтини · да купи соли · с обросиємъ · а михи и серебра не добудеть · до | пути · пошли с нестеромъ симъ · да пошли · б · кози коракую патенъ | польсти · веретица михи и медвидно · вели оу максима оу ключни|ка пшенки попрошати ··

На внешней стороне листа:

и диду молиса что бы ихалъ | в юриевъ · монастырь пшенки по|прошалъ · а сдесе не надиса ·

№ 358

поклонъ ѡспѣи мѣри · послалъ ѡсмъ с посадницимъ мануиломъ · к · бѣлъ · к тобѣ · а ты нестере | проуицакъ приши ко мни грамоту с кимъ будешь послалъ · а в торжокъ прихавъ · кони корми добрымъ синомъ · к житници свои замокъ приложи · а на гумни стои коли молотать · а кони корми ѡвсомъ при | [соби] а в ми[ру] а в [кл](и)т[ь] р[жи] [с]----- [п]еремиръ и ѡвесъ тако же · а сказываи кому надоби рож ли · или ѡ(весь) ...

Замечательно само сходство этих документов. Оба письма обращены к матери; оба посвящены мелким хозяйственным делам, имеют примерно одинаковую длину. Объединяет эти тексты и имя Нестера; но если во втором письме, как уже говорилось, Нестер является одним из адресатов (причем большая часть письма обращена именно к нему), то в первом он, казалось бы, только упоминается. Стоит заметить, что изучение грамоты № 358 прошло несколько этапов, прежде чем ее ролевая структура, ныне кажущаяся очевидной, была правильно истолкована. На роль Нестера как адресата инструкций Онцифора первым указал Л. В. Черепнин (1969, с. 303); А. В. Арциховский считал мать единственным адресатом грамоты.

Присмотримся внимательнее к композиции грамоты № 354. Онцифор просит мать приказать Нестеру собрать рубль и пойти к его складнику Юрию. Юрия нужно попросить купить коня и, испросив у него полтину, отправиться вместе с Омбросием к Степану, чтобы на собранный рубль попытаться купить у него еще одного коня. С тем же Омбросием нужно купить еще соли, очевидно, на взятую у Юрия полтину.

К кому обращены все эти распоряжения? По мнению А. В. Арциховского, молчаливо разделяемому всеми писавшими о грамоте, адресатом их является мать Онцифора Лукинича. «Мать Онцифора сама должна была вместе с Амвросием идти, взяв “жеребий”, к какому-то Степану, чтобы купить второго коня» (НГБ VI, с. 45). Такое понимание дела вроде бы предполагается логикой развер-

тывания текста, заставляющей относить все императивы к единственному адресату грамоты. И все же предположение, что за конем и солью Онцифор Лукинич посылает вместе с Омбросием собственную мать (при том что отправленный к Юрию Нестер куда-то бесследно исчезает!), кажется выходящим за рамки здравого смысла. При ближайшем рассмотрении оно встречает противоречия и в содержании грамоты. Из текста следует, в частности, что купить соль нужно на деньги, взятые у Юрия, а общение с ним поручено Нестеру. С другой стороны, последовательность фраз *молиса ѡм* [т. е. Юрию], *что бы конь купилъ, да иди с Обросиємъ к Степану, жеребии возма* [у Юрия] также показывает, что поход к Степану с Омбросием, как и просьба к Юрию купить коня, — функции одного лица. Можно, конечно, предположить, что переговоры с Юрием представлены как действие матери, осуществляемое при помощи Нестера; однако остальные формы исключают такое не прямое толкование.

Все эти противоречия снимаются, если допустить, что обращенная Онцифором к матери *п р о сь б а п р и к а з а т ь* Нестеру собрать рубль, пойти к Юрию и т. д. в тексте грамоты плавно перетекает в приказ, обращенный уже к самому Нестеру. По сути дела, перед нами с самого начала приказ Онцифора Нестеру; но до определенного момента он выступает как бы заключенным во внешнюю коммуникативную оболочку, какой является обращение к матери, а затем от нее освобождается.

При таком понимании грамоты № 354 сходство ее с грамотой № 358, и без того значительное,

существенно возрастает: реальными адресатами обоих текстов являются мать Онцифора и Нестер. Разница в том, что переключение на нового адресата, в грамоте № 358 отмеченное конструкцией “а ты, Х”, в грамоте № 354 прямо не выражено.

С точки зрения техники такой переадресации любопытно присутствие в соседних (второй и третьей) строках грамоты № 354 двух внешне похожих сегментов: *да и ти* (к *Июрию к сукладнику*) и *да и ди* (с *Обросиемъ к Степану*). Инфинитив *ити*, грамматически зависящий от императива *вели*, обращенного к матери, лишь одной буквой отличается от императива *иди*, обращенного уже к Нестеру. Он как бы подготавливает смену коммуникативной перспективы, происходящую в следующей фразе. Ее существенно облегчает и то, что семантический субъект глагольного ряда (*скопити, ити, молися, иди, купи...*), являющийся одновременно и объектом приказа, остается неизменным; он лишь меняет свое место в речевой ситуации, превращаясь из третьего лица в адресата сообщения.

Можно понять, зачем этот коммуникативный сдвиг понадобился автору именно здесь. Первый императив, относящийся к Нестеру (*молися*), имеет при себе придаточное с изъяснительно-модальным *что бы*. Продолжение письма в прежнем коммуникативном режиме неизбежно сделало бы фразу слишком громоздкой (*вели ... просить ... чтобы купи!*), чего авторы берестяных грамот старались избегать. Онцифор нашел выход в перестройке ролевой структуры письма, выдвинув Нестера на роль адресата.

Замечательна легкость, с которой автор, завершив “инструктаж” Нестера, затем вновь возвращается к прежней коммуникативной перспективе и

продолжает обращение к матери. Начиная со слов *а михи и серебра не добудеть до пути* текст, несомненно, снова обращен к ней. При этом, как и в случае первой смены адресата, какие бы то ни было внешние маркеры очередной переадресации сообщения в тексте отсутствуют. Автор явно не видел никакой необходимости эксплицитно очевидное для адресатов разделение их социальных и коммуникативных ролей — мать Онцифора Лукинича и управляющий Нестер и без этого могли разобраться, кому из них адресован приказ купить коня и соли, а кому — просьба прислать посуду и теплые вещи.

К тому, как реально воспринимался устроенный таким образом текст его адресатами, мы еще вернемся. Пока же сформулируем главный вывод, к которому нас привел анализ писем Онцифора. Согласно нашей гипотезе, коммуникативная неоднородность берестяного письма может выступать как в явной, так и в скрытой форме. В первом случае фрагменты сообщения, предназначенные разным адресатам, соответствующим образом маркируются в тексте; во втором — такая маркировка отсутствует, вследствие чего структура сообщения, очевидная самим участникам коммуникативного акта благодаря наличию у них общего фонового знания ситуации, оказывается скрытой от глаз стороннего читателя, и распознавание ее требует специальных усилий.

Прежде чем продолжить анализ грамот со скрытой коммуникативной неоднородностью, сделаем несколько замечаний общего характера, поместив данный феномен в более широкий лингвистический контекст.

§ 9. Носителю современного русского литературного языка предложенное выше прочтение грамоты № 354 может показаться нарушающим общие принципы построения связного текста и противоречащим здравому смыслу. Аналогичную реакцию у неподготовленного читателя вызывает и такое характерное для берестяных грамот явление, как нарушение принципа проективности (то есть разрыв словосочетания вставкой слова или группы слов, не подчиненных ни одному из его членов, см. ДНД, с. 171–172). “Необъявленное” переключение сообщения на нового адресата создает для интерпретации текста трудности того же порядка, что и, например, дистантное расположение членов именных групп во фразе: *и велѣль ми старѣиѣи мои и сѣмана и ѣмана молотить ваша Иване* ‘А велел мне

молотить весь ваш хлеб (букв.: зерно и семенное и пищевое) старший мой — Иван’ (№ 755).

Сходные затруднения в понимании текста может вызывать и необозначенность в нем границ прямой речи. Это относится не столько к кавычкам, в принципе неизвестным древнеславянской письменности, сколько к вводящим прямую речь глагольным формам типа *рекль, река*, которые в берестяных грамотах сплошь и рядом опускаются. См., например, № 697 (60-е–90-е гг. XIV в.): *... что есте мнѣ велѣли оу Путила конь взати, инѣ мнѣ не дать: не виноватъ есмь Кузмѣ. А еще мене зазва(ль) ----родѣ, а рка такъ: за тобою хлѣбъ мои и жи(во)тъ вѣсь*. То, что слова *не виноватъ есмь Кузмѣ* принадлежат Путилу, а не автору, становится ясно лишь из анализа содержания грамоты.

Отсутствие здесь маркирующего прямую речь элемента, при наличии его строкой ниже (*а река*), — явление, вполне аналогичное наличию/отсутствию прямого обращения *а ты, Нестере* в двух письмах Онцифора Лукиничя. В обоих случаях имеет место изменение режима интерпретации текста, которое автор или акцентирует при помощи специального индикатора, или же оставляет необозначенным, полагаясь на способность адресата правильно воспринять структуру сообщения исходя из ситуативного контекста.

Ориентация на ситуацию, а не на логическое развертывание текста, одним из проявлений которой является интересующий нас феномен, свойственна в первую очередь устной диалогической коммуникации и не характерна для литературного языка, стремящегося к логической упорядоченности и эксплицированности смысловых отношений между частями высказывания (см. Живов 2003, с. 287–288). Именно поэтому в древнерусской письменности областью преимущественного распространения черт “ситуационной” организации текста является берестяная переписка, наиболее тесно связанная с разговорным узусом. Это в особенности относится к интересующему нас явлению, так как оно (в отличие, например, от нарушения проективности, широко представленного в летописном нарративе) может быть наблюдаемо лишь в текстах “адресной” структуры, среди которых берестяные письма составляют подавляющее большинство.

Впрочем, отдельные факты, важные для понимания рассматриваемого ниже материала берестяных грамот, можно обнаружить и в текстах других типов. Приведем, в частности, следующее место из Русской Правды пространной редакции: *А се наклады: 12 гривень отроку 2 гривны и 20 кунь, а са-мому ѣхати со отрокомъ на дву коню; сѹти же на ротъ овесъ, а мясо дати овенъ любо полоть, а инѣмъ кормомъ, что има черево возметъ, писцо 10 кунь, перекладнаго 5 кунь, на мѣхъ двѣ ногатѣ* (ПР, с. 112). Выделенный фрагмент представляет собой последовательность трех инфинитивных предложений, из которых только первое содержит эксплицитно выраженный субъект. При таком развертывании текста естественно было бы ожидать, что этот субъект будет общим для всего ряда. В действительности же субъектом второго и третьего предложений являются вовсе не княжеский дружинник (“сам”) с отроком, а те, кто обеспечивает его поездку. Таким образом, ролевая структура текста меняется в пределах одной фразы, причем какие-либо внешние индикаторы этого изменения отсутствуют.

Подобное безразличие к ролевой структуре, а точнее, свободное манипулирование ею, находим и

в одном из древнейших русских частных актов — новгородской духовной Климента (около 1270 г.). Как и большинство завещаний, духовная Климента написана от первого лица; однако в части, перечисляющей суммы, которые определенные лица остались должны завещателю, его первое лицо неожиданно заменяется на третье: *а на поральское серебро наклада възати Климантъ на Борькъ .ѣ. ногате и грѣна, а оу Савиница съимати Климанте съ Борь--ою пать грѣнь* и т. д. Можно думать, что это делается для большей ясности денежных расчетов: упоминание завещателя по имени в большей степени, чем обозначение его местоимением первого лица, эксплицирует описываемые отношения: Борька, Савинич и другие должны именно Климанте, а не безымянному “мне”. С коммуникативной точки зрения эта экспликация избыточна, так как референция форм 1-го лица однозначно задана интуитивной всей документом: *Се азъ рабъ бѣжи Климантъ...* Для составителя акта, однако, это совершенно неважно, как и то, что при таком построении текста единство его ролевой структуры оказывается нарушенным. Это единство он свободно приносит в жертву убедительности звучания конкретных положений акта.

Особый интерес представляет для нашей темы следующий пример из статьи 1216 г. Синодального списка Новгородской 1-й летописи о битве на Липице. Битве, согласно древнерусскому военному обычаю, предшествовал обмен “речами”, следующим образом описанный летописцем: *И ста Ярославъ и Гюрги съ бра^ткю на рѣче Хзѣ, Мьстиславъ же и Костантинъ и два Володимира съ новгородци стаиша на рѣцѣ Липичи; и Оузрѣиша пѣлкъ стояща, и послаша Лариона сочьскаго къ Гюргю: «кланяемъ ти са, нѣтоу ны съ тобою обиды, съ Ярославомъ ны Обида: поу^с моуж^ж мои новгородьци и новотържыци, и что кси зашьль волости нашеи новгородьскои, Волокъ възпяти; миръ с нами възьми а кр^стъ къ намъ цѣлоуи, а крѣви не проливаиме». Оувѣташа же: “мира не хочемъ, а моужси оу мене, а далече ксте шли, и вышли ксте, акы рѣбы на соухо”.*

Обратим внимание на следующие моменты. Речь новгородского посла формально обращена к Юрию, однако начиная со слов *пусти мужи мои...* адресатом ее является уже Ярослав. Механизм такого переключения понятен: упомянув об “обиде”, нанесенной Новгороду Ярославом, летописец, устами посла, начинает излагать содержание этой “обиды” и делает это в форме обращения к самому Ярославу, что никак специально не оговаривается. Получается, таким образом, что речь новгородцев к Ярославу как бы “вложена” в их обращение к

Юрию (сходным образом, как мы видели, в письме Онцифора Лукинича инструкции Нестеру “вложены” в обращение к матери). Кажущаяся алогичность такого построения (ведь сказано, что посольство отправилось к Юрию!) несколько не препятствует правильному пониманию ситуации. Читатель летописи уже знает, что Ярослав и Юрий стояли одним лагерем, и может понять, что в действительности посол был отправлен к ним обоим, и даже в большей степени к Ярославу, чем к Юрию. Конструкция же ‘послали к Юрию: “...”’ — не более чем экономная замена более громоздкого ‘послали к Юрию и Ярославу, сказав Юрию: “...”’; а Ярославу сказали: “...”’.

Не менее важно то, от чьего лица говорит посол. В начале и в конце его речи представлено недифференцированное “мы”, за которым стоит Мстислав с новгородцами и союзными ему князьями; однако требования к Ярославу четко распадаются на сформулированное от лица Мстислава (*поу^с моуж^ж мои новгородьци и новотържъци*) и от лица новгородцев (*что кси зашьль волости нашеи новгородскои, Волокъ въспати*). Аналогично и ответная речь, начавшись от лица всей княжеской коалиции (*Ѡвѣташа же: мира не хочемъ*), продолжается от лица одного Ярослава (*а моужси оу мене*).

Своеобразие такого построения текста, свободное соединяющего в рамках одной большой “речи” высказывания, имеющие разных авторов и разных адресатов, наглядно отражает редактура, которой приведенный пассаж подвергся в летописях XV в. “новгородско-софийской” группы. В Новгородской Карамзинской летописи, ближе всего стоящей к протографу этой группы, он читается в следующем виде:

И узръша плъкы стояща Ярославли и Юрьевы, и послаша Лариона соцкого къ Юрью: “Кланяем ти ся, нѣту намъ с тобою обиды, обида намъ съ Ярославом”. Отвѣща же Юрь: “Одинъ есмь братъ съ Ярославом”. И послата къ Ярославу, ркуше: “Пусти

мужи новгородци и новотържъци, и что зашол еси волости Новгородския, Волокъ вспати, а миръ с нами възми, а крестъ к намъ цѣлуи, а крови не проливаи”. Отвѣща же Ярослав: “Мира не хочу, а мужси у мене, но далече есте или, а вышли есте как рыба на сухо” (НКЛ, с. 108).

Как видим, редакторское перо коснулось в точности тех элементов текста, которые мы отметили выше. Редактор разбил первоначально единую речь новгородского посла, введя ответ Юрия и отдельное обращение к Ярославу, устранил местоимение *мои*, вносящее отличную от новгородской точку зрения Мстислава, и, напротив, заменил множественное число на единственное в ответной речи, тем самым полностью выдержав ее с точки зрения Ярослава.

Выравнивая таким образом коммуникативные “шероховатости” своего оригинала, редактор XV в. руководствовался представлением о правилах построения связного текста, принципиально сходным с тем, которым обладает носитель современного литературного языка.⁴ В эпоху создания оригинала статьи 1216 г. это представление, очевидно, еще не оформилось, во всяком случае — не приобрело характер императива в пределах летописной языковой традиции. Новгородскому летописцу XII в. ничего не стоило, например, составить абсолютно немислимый с современной точки зрения перечень обвинений, предъявленных в 1136 г. Всеволоду Мстиславичу: *а се вины кго творахоу: ·ā· не блюдетъ смердь; ·б· чемоу хотель кси сести Переяславли ·ѣ· е ехаль кси съ плку переди всѣхъ а на то много на початы⁵ · велевъ ны ре^ч къ Всѣволоду пристоупити, а накы ѡстѣпити велить* (НПЛ, с. 24). (Заметим, что тот же редактор XV в. попытался навести порядок и в этом тексте, заменив *чемоу хотель кси* на 3-е л. *хотѣль*.) Подобные образцы языка раннего новгородского летописания следует иметь в виду, анализируя специфику коммуникативной организации берестяных писем.

§ 10. Продолжим разработку нашей гипотезы и рассмотрим текст грамоты Ст. Р. 15 (1 пол. XII в.)

(Ѡ) петра къ василеви вѣдди :з: коунъ и гривьноу възшатѣ
али ти не дастъ а пристави на нь отро
(к)ъ

⁴ Неудивительно, что издатели и исследователи новгородских летописей воспринимают эту отредактированную версию как первоначальную, предполагая утрату текста в обоих изводах НПЛ (см. НПЛ, с. 56, 256, а также Юрасовский 1989, где из данного разночтения делается вывод о более полном отражении летописями “новгородско-софийской” группы текста повести о Липицкой битве).

⁵ Значение слова и синтаксис фразы останутся неясными. Возможно, следует читать: *На почат(ь)и* (‘сначала’) *велевъ ны ре^ч, къ Всѣволоду пристоупити...*

Содержательная часть этого письма складывается из двух фраз вполне стандартной структуры, однако попытка согласовать их между собой наталкивается на серьезные препятствия. Ситуация осложняется тем, что перед *ти* во второй строке имеются две вертикальные черты, напоминающие, по словам издателей, “*и* или *п* без вертикальной черты” (НГБ IX, с. 104). А. А. Зализняк, публикуя грамоту в ДНД, восстанавливает эту букву как *и*, предлагая два варианта перевода: ‘От Петра к Василию. Дай шесть кун и гривну Вышате. Если он идти не даст (другой вариант: Если же он не даст — не указано, что именно), то пошли на него отрока’. Как отмечает А. А. Зализняк, “о существе конфликта можно только догадываться. Очевидно, Вышата либо не разрешает (Василю или Петру) куда-то идти, либо не отдает им какое-то имущество. Петр считает, что гривны и шести кун должно быть достаточно для того, чтобы удовлетворить претензии Вышаты” (ДНД, с. 276). В реконструкции В. Л. Янина ситуация выглядит несколько иначе: “По-видимому, Петр был должен Вышате указанную сумму, добываясь возврата которой, Вышата захватил какое-то имущество Петра. Если Василий, уплатив долг Вышате, не добьется возвращения этого имущества, то на него нужно послать отрока” (НГБ IX, с. 104).

Как видим, сложность интерпретации этого короткого документа отнюдь не сводится к выбору между вариантами *ити* и *ти*. В обоих вариантах перевода смысл инструкции, данной Петром Василию, парадоксален: санкцию в виде посылки отрока предлагается применить не к тому, с кого надлежит получить деньги (что мы находим во всех без исключения остальных документах, упоминающих отроков как судебных исполнителей), а к тому, кому они должны быть переданы, то есть не к должнику, а к займодавцу. Попытки объяснить этот парадокс ведут к реконструкции довольно замысловатых отношений между Петром, Василем и Вышатой.

Между тем имеется возможность понять содержание документа, не прибегая к такой реконструкции. Для этого нужно лишь допустить, что начинающая со слов *али ти не дасть* грамота обращена уже не Василию, а к Вышате, которому предлагается послать отрока на Василя, если тот откажется платить. В таком случае в грамоте Ст. Р. 15 мы имеем дело со столь же элементарным конфликтом, как и в других аналогичных документах. Разница в том, что в нашем тексте оказались контаминированы две модели, по которым может строиться такой документ: 1) “дай такому-то столько-то. Если не дашь, pošлю на тебя отрока” и 2) “Возьми у тако-

го-то столько-то. Если он не даст, пошли на него отрока”. Выбор одной из этих моделей обуславливается обращением к должнику (вариант 1) или же к кредитору (или судебному исполнителю, сборщику податей и т. п. — вариант 2). Петр, автор грамоты Ст. Р. 15, начал свое письмо, обращаясь к Василию, т. е. по модели 1, но, упомянув Вышату, которому надлежало отдать деньги, далее обращается уже к нему, используя модель 2. Важно заметить, что и в такой формулировке фраза косвенно продолжает адресоваться Василию, который из обращения Петра к Вышате должен заключить, какие последствия может повлечь за собой его отказ. Таким образом, будучи титульным адресатом всей грамоты и фактическим адресатом ее первой части, Василь является и косвенным адресатом второй части, формально адресованной Вышате.

Характерно, что фраза, адресатом которой мы считаем Вышату, своим внешним оформлением отличается от обращения к Василию. Утрата левого края грамоты несколько маскирует это отличие, однако исходный вид текста восстанавливается без труда. При этом выясняется, что вторая и третья строки были начаты писавшим не на уровне начала первой строки, но по крайней мере на ширину двух букв правее. Поскольку граница первой и второй строк совпадает с границей фраз, это значит, что всё обращение к Вышате было записано с небольшим отступом. При этом если первая строка (с учетом утраченного \ddot{w}) содержала 40 букв, то вторая — всего 30, таким образом, плотность письма во второй строке на 25% меньше. Благодаря такому размещению текста вторая фраза зрительно воспринималась отдельно от первой, что, видимо, должно было подчеркнуть различие в их коммуникативном статусе.

Предлагаемая трактовка грамоты Ст. Р. 15 способна, как кажется, объяснить и странное начертание во второй строке, в котором до сих пор усматривалось недописанное *и* или *п*. Естественнее, на наш взгляд, видеть в нем недописанное *и*: по всей видимости, Петр сначала по инерции стал строить фразу, обращенную к Василию, и уже начал писать *али не дасть*..., но затем спохватился и, бросив начатое *и*, продолжил в соответствии с изменившейся коммуникативной установкой. Симптоматично направление этой правки. Если бы оно было обратным (т. е. если бы имел место отказ от *али ти не дасть*... в пользу *али не дасть*), можно было бы думать, что смена модели произошла произвольно, спровоцированная упоминанием имени Вышаты. Между тем всё говорит о том, что Петр сознательно отступил от стандартной логики построения текста, адресовав вторую фразу Вышате, а не Василию.

Формулировка угрозы Василию в виде обращения к Вышате могла показаться автору синтаксически более удобной или же более действенной с точки зрения восприятия ее Василем — как бы то ни было, автор явно находил такое построение фразы прагматически оптимальным. И действительно, избранная коммуникативная модель создает своеобраз-

разный “эффект присутствия” в общении автора с его адресатами. Письмо построено так, как если бы Петр давал устные распоряжения стоящим перед ним Василию и Вышате. В этой воображаемой ситуации последовательность реплик, которую находим в грамоте Ст. Р. 15, была бы абсолютно естественной: сказав Василию “дай 6 кун Вышате”, говорящий взглядом или жестом указывает на Вышату и далее обращается уже к нему. Эксплицирующее эту переадресацию “а ты, Вышата” оказывается при этом факультативным или даже излишним.

Этот невербальный компонент речевой ситуации, естественно, отсутствует в ее письменной проекции, что, однако, не препятствует восприимчивости сообщения: автор и без этого имел все основания предполагать в адресатах способность “распознать” относящиеся к ним части текста. Но, помимо этой общей для подобных случаев предпосылки успешной коммуникации, здесь необходимо было также соблюдение еще одного условия: в момент чтения грамоты ее титульным адресатом (Василем) второй адресат (Вышата) должен был находиться рядом — в противном случае обращение к Вышате было бы лишено всякого смысла.

Как конкретно можно представить себе это “совместное” чтение грамоты обоими ее адресатами? Думается, что такое было возможно лишь в одном случае: если грамота была доставлена Васи-

лю посланным к нему Вышатой. В целом ситуацию, в которой была создана и выполнила свою задачу грамота Ст. Р. 15, можно попытаться реконструировать следующим образом. Вышата, желая взыскать долг с Василя, является к Петру как к представителю власти. Петр пишет грамоту Василию, в которой предписывает ему отдать Вышате деньги, а Вышате, в случае отказа Василя, разрешает прибегнуть к услугам отрока (последнее указание, будучи обращено к Вышате, содержит, как уже говорилось, угрозу Василию). Заручившись этой “бумагой”, Вышата направляется к Василию и вручает ему грамоту, демонстрируя тем самым серьезность своего требования. Подлинным “читателем” обеих частей грамоты оказывается, таким образом, ее титульный адресат, Василь; Вышате, как бенефицианту этого документа, его содержание с самого начала известно.

Понятая таким образом, грамота Ст. Р. 15 предстает перед нами как документ с очень своеобразной прагматикой. Это, по существу, не столько письмо Петра к Василию, сколько своего рода “мандат”, выданный Петром Вышате и выполняющий двоякую функцию: с одной стороны, он предписывает должнику (Василю) отдать деньги предьявителю (Вышате), а с другой — уполномочивает предьявителя в случае отказа применить соответствующую санкцию.

§ 11. Грамота № 509 (стратигр. 50-е–70-е гг. XII в.)

оу воислава възъми :і: коунъ истинь а :е: коунъ намомъ
не въдале дъвоихъ намъ ; оу нѣжать възъми деса
ть коунъ и гривнюо ; оу боудотъ възъми гривнюо на
мѣною ;: оу боана възъми шестѣ коунъ намъноюу
озеревахъ а отрокоу въдаите по коунѣ моужь

Грамота представляет собой распоряжение сборщику податей, то есть принадлежит к довольно распространенной категории берестяных документов. Несколько необычным этот текст делает появление в конце его, после четырехкратного *възъми*, формы множественного числа *въдаите*. На первый взгляд это колебание кажется аналогичным тому, какое мы наблюдали выше в относящейся к тому же типу грамоте № 219, где чередуются формы *возми* и *возмите*, в зависимости от того, выделяет ли автор главного адресата в группе выполняющих его распоряжение лиц или нет. Трактовка грамоты, предложенная в издании, основывается именно на таком понимании дела. Согласно издателям, речь в грамоте идет «о поездке группы “мужей”, принимающих участие в доходах от ростовничества, для сбора процентов и возвращения

самих данных взаймы сумм по истечении срока займа. <...> Вместе с “мужами” едет помощник, который получает вознаграждение от каждого участника этой поездки» (НГБ VII, с. 105).

Сомнения в правильности такой интерпретации вызывает предполагаемый ею состав группы сборщиков. Она должна была состоять из по меньшей мере четырех человек: трех “мужей” и отрока (если бы “мужей” было двое, в тексте стояла бы форма двойственного числа). Нужно предполагать также, что из трех мужей один — к которому относятся императивы *възъми* — является старшим. Кажется странным, что столь представительная компания отправляется за в общем-то незначительными суммами: с четырех должников надлежит собрать в общей сложности две гривны и тридцать одну куну. Для сравнения: в грамоте № 219 речь

идет о суммах общей сложностью более двадцати гривен, причем значительную часть предписывается взять натуральным продуктом (упоминаются, в частности, пятнадцать кадей овса), что оправдывает участие в поездке нескольких лиц. В грамоте № 509 фигурируют только деньги, что вообще характерно для раннего периода. Порядок сбора разного рода денежных платежей отражен в домонгольскую эпоху целым рядом источников. Как правило, их сборщики ездили вдвоем, причем пару могли составлять как “муж” и “отрок” (что засвидетельствовано, например, “поконом вирным” в Русской Правде), так и два отрока (см., например, грамоты № 831, Ст. Р. 12). С другой стороны, отрок мог действовать и в одиночку, что также отражено значительным числом грамот (№ 241, Ст. Р. 6, Ст. Р. 15 и др.). Ситуацию, в которой один отрок сопровождает в поездке нескольких “мужей”, В. Л. Янин реконструирует только на основании рассматриваемого документа (Янин 2001, с. 41).

Не в пользу такой реконструкции говорит и одно чисто графическое обстоятельство. Заключительная фраза грамоты содержит характерный пример стилистической правки, детально разобранный А. А. Зализняком: «Сперва автор написал *a отрокоу въдаите по коунѣ оу моужа* “а отроку дайте по куне у (каждого) мужа”, но фраза показалась ему плохой (по-видимому, справедливо: такое управление закономерно лишь для фразы типа “пусть отрок получит по куне у мужа”). Тогда он ее стилистически улучшил: заменил *оу моужа* на *моужь* (“каждый муж”). Для этого он зачеркнул предлог *оу* и приписал к *моужа* другое окончание — *ь*, но зачеркнуть *a* он при этом забыл или не счел нужным» (НГБ VIII, с. 111). Как выяснилось впоследствии (НГБ X, с. 112), буква *a* была в действительности также зачеркнута, то есть правка была осуществлена до конца. Возникает вопрос: чем была вызвана первоначальная неудачная формулировка? Изложенная выше трактовка ответа на него не дает.

Объяснение этой правки, устраняющее и аномальность ситуации в целом, заключается, на наш взгляд, в признании документа коммуникативно неоднородным. Коммуникативный рубеж проходит после слова *Озервахъ*, которым заканчивается ос-

новной текст, обращенный к сборщику платежей. Заключительная же фраза грамоты адресована уже тем, с кого надлежит собрать означенные суммы, то есть Воеславу, Нежате, Будоте и Бояну — это они должны заплатить отроку по куне вдобавок к основному платежу. Таким образом, как и грамота Ст. Р. 15, грамота № 509 может быть понята как содержащая обращения к обоим взаимодействующим сторонам: сборщику платежей и самим плательщикам.

В рамках такого понимания структуры текста конкурирующими оказываются два толкования ситуации. Согласно первому, в поездке принимают участие два лица — сборщик и его помощник (отрок), причем автор сначала дает распоряжения сборщику, а затем, обращаясь к плательщикам, предписывает каждому из них дать отроку по куне. В этой ситуации нужно предполагать, что сам сборщик получает какой-то процент от платежа, тогда как отрок — фиксированную куну. Второй вариант предполагает, что сбор платежей осуществляется одним отроком, действующим самостоятельно и получающим за свой труд по куне с каждого из должников. В обоих случаях переправленное *по коунѣ оу моужа* предстает как рудимент первоначального замысла, от которого автор по ходу написания грамоты решил отказаться. Это могла быть или безличная фраза **a отрокоу възати по коунѣ оу моужа* (если основной текст понимать как обращенный к отличному от отрока сборщику), или, во втором случае, обращенная, как и основной текст, к отроку фраза **a собѣ възми по коунѣ оу моужа* (ср. аналогичное построение текста в № 640: *оу д[ь]акѣ оу Хоудьца · г · рѣзанѣ, а собѣ [коу]ноу, а оу Добрыцевичъ оу Романи[ца] к[оу]ноу, а собѣ [коу]ноу* ----- *(коу)ноу, а собѣ коуноу*). Как бы то ни было (а отдать предпочтение одному из вариантов затруднительно), писавший в какой-то момент решил построить фразу иначе, для большей убедительности адресовавшись непосредственно к плательщикам, но сразу перестроиться не смог. Аналогичной инерцией исходной модели в Ст. Р. 15 объясняется, как мы видели, недописанное *n*, также отражающее изменение коммуникативной стратегии по ходу написания грамоты (**али не даси* → *али ти не дасть*).

§ 12. Грамота № 420 (30-е – 60-е гг. XIII в.)

Ѡ панка къ захарь · и ко шга·фонуу продалъ есмь сорокъ
 бобровъ милате на десяти гривнъ сьеребра олна же ·
 възмь сьеребро то же дди бобры а да[и] сьеребро за-
 харьи

Перевод в ДНД: ‘От Панка к Захарье и к Огафону. Я продал Миляте сорок бобров за десять гривен серебра. Когда получишь деньги, тогда отдай бобров. А деньги отдай Захарье.’

Комментируя грамоту, издатели пишут: “Письмо, адресованное Захарии и Агафону, кончается поручением дать серебро Захарии. Очевидно, это сказано Агафону, а двойной адрес обязывает его показать письмо Захарии для ясности расчетов. Агафон, вероятно, приказчик или младший родственник Панка, продавшего бобров. Бобры эти хранились у Агафона, он должен был получить от покупателя их цену. В свою очередь Панко должен десять гривен серебра Захарии, которому Агафон уполномочен вернуть этот долг” (НГБ VII, 28). А. А. Зализняк также считает, что “хотя грамота адресована двум лицам, автор фактически дает распоряжения только одному из них — Огафону” (ДНД, с. 391–392).

Очевидно, что коммуникативно неоднородным данный текст должен быть признан при любом истолковании. Единодушное мнение интерпретаторов противопоставляет в этом отношении адресную формулу основному тексту письма. Однако видеть в Огафоне единственного фактического адресата грамоты мешает ряд моментов. Непонятно, во-первых, почему в таком случае имя Огафона названо в адресной формуле вторым, а имя Захарии, только упоминаемого в самом конце письма, — первым. Неясно также, в чем состояла большая ясность расчетов, для которой, по мысли издателей, Огафон должен был показать письмо Захарии. Если Панко действительно был должен Захарии, то последнего едва ли могли интересовать детали происхождения возвращаемой суммы. Наконец, как мы уже видели (§ 6), практически во всех случаях, когда письмо, реально обращенное к одному лицу, имеет двух и более титульных адресатов, его

адресная формула является одновременно приветственной и включает слова *покланание* или *поклонь*. Грамота № 420 была бы единственным исключением из этого правила.

Избежать этих трудностей позволяет альтернативная трактовка ситуации грамоты, предполагающая коммуникативную неоднородность ее содержательной части. Распределение ролей четырех персонажей грамоты видится нам следующим. Панко и Милята — состоятельные новгородцы, договорившиеся о продаже бобров. Захарья — приказчик Панка, у которого в данный момент находятся бобры. Огафон — приказчик Миляты, ведающий его деньгами. Первая фраза имеет в виду обоих адресатов, в ней Панко констатирует сам факт состоявшейся сделки. Вторая фраза обращена к Захарье и содержит предписание ему отдать бобров Огафону только по получении у того денег. Третья фраза обращена уже к Огафону: ему предписывается дать деньги Захарье. Таким образом, последовательность имен адресатов в адресной формуле в точности соответствует последовательности обращения к ним в основном тексте. Ситуация же в целом предстает вполне симметричной и кажется более правдоподобной, поскольку вырученные за бобров деньги поступают самому продавцу, а не отдаются в третьи руки.

По-видимому, как и предположили издатели, грамота должна была быть предъявлена одним адресатом другому, однако не Огафоном Захарье, а наоборот. Именно Захария должен был показать грамоту Огафону, чтобы тот убедился в полномочиях своего контрагента взять у него серебро и в том, что Захарья исполняет наказ своего патрона, требуя деньги вперед. Таким образом, мы снова встречаемся с ситуацией, когда грамота функционирует как “мандат” — в данном случае на осуществление торговой операции.

§ 13. Рассмотрим в интересующем нас аспекте два письма Максима Онцифоровича (50-е–70-е гг. XIV в.).

№ 177

поклоно ѿ максима ко попу
у дай ключи фоми а тѣ
ѣ поши григорию ѿнеѣ
ѿфимова что б(у)[д]ѣ наѣ
доби ---ат-----ѣ
ѣ фома

Перевод: ‘Поклон от Максима попу. Дай ключи Фоме — пошли Григория Онфимова. Если что будет надобно, ... (может быть: из товара [из припасов], то доставит) Фома’.

№ 253

ѿ максима ко десасцанѣ
амо дать мелеяну ·й· дѣ
еже накладо и вешн
а ты старосто сѣбри

Перевод: ‘От Максима к десятчанам. Дать Мельяну (Емельяну) 8 кадей [зерна — само] зерно и наклад (т. е. проценты). А ты, староста, собери’.

Комментируя второй документ, А. А. Зализняк замечает, что, “как и в ряде других берестяных грамот, здесь автор письма сперва обращается к одному адресату, а потом к другому” (ДНД, с. 489). Думается, что такая же смена адресата имеет место и в № 177, где она, однако, до сих пор не была рас-

познана. Трактовка императивов *даи* и *пошли* как обозначающих действия одного лица (попа) делает труднообъяснимым появление разделяющего их *а ты*. Поскольку такое же *а ты* есть и в № 253, где оно маркирует смену адресата, естественно считать, что ту же функцию этот элемент выполняет и в другом письме Максима. В таком случае *а ты пошл(и) Григорию Онефимова* сказано уже не попу, а Фоме, названному в конце предыдущей фразы.⁶ Это упоминание делает излишним повторение имени в вокативе, заставляя воспринимать последующее *а ты* как имплицитующее этот вокатив (*а ты, [Фома]*, ...).

Можно думать, что за ключом к попу должен был явиться с настоящей грамотой не сам Фома, а посланный им по распоряжению Максима Григо-

§ 14. Сходство коммуникативных ситуаций разобранных выше грамот не ограничивается их неявной коммуникативной неоднородностью, но носит более специальный характер. Во всех этих текстах (если наша трактовка отраженных ими ситуаций верна) адресатами грамоты являются лица, связанные между собой двусторонним отношением передачи некоторого объекта (денег, продукта, ключа и т. д.). Сама же грамота выступает при этом как документ, призванный подтвердить полномочия одной из сторон в глазах другой.

Отношение передачи принадлежит к числу семантических конверсивов и описывается в языке при помощи эквивалентных по смыслу соотносительных конструкций с противоположной ролевой структурой. Фразы “X дал Y-у рубль” и “Y взял у X-а рубль” по-разному обозначают одно и то же. Соответственно, с точки зрения третьего лица, контролирующего эту ситуацию, синонимичными и обладающими одной и той же предметной отнесенностью (референцией) будут конструкции «дай Y-у рубль» и «возьми у X-а рубль». Специфика рассмотренных текстов — в том, что эти две формы представления одной и той же бытовой ситуации, обычно находящиеся в дополнительном распределении, в них совмещены. Тем самым ролевые структуры частей, на которые распадается грамота,

оказываются обратными: адресат первой части упоминается во второй как объект действия адресата, и наоборот, объект действия адресата первой части во второй сам становится адресатом.

Понятно, что в действительности каждый из адресатов устроенной таким образом грамоты воспринимает ее текст полностью, а не только в части, адресованной ему непосредственно. Более того, текст может писаться именно в расчете на его полное прочтение одним из адресатов. Разбирая грамоту Ст. Р. 15, мы видели, что обращение к Вышате по существу содержит угрозу Василию и, таким образом, косвенно адресуется ему. Точно так же в грамоте № 509 предписание сборщику взять указанные суммы с перечисленных лиц косвенно адресуется самим плательщикам (которым напрямую адресована последняя фраза): с их точки зрения оно может быть прочитано как требование эти суммы заплатить. В грамоте № 420 косвенным адресатом обращения к Захарии является Огафон, в грамоте № 177 косвенным адресатом обращения к Фоме является поп и т. д. Таким образом, на противопоставление титульной адресации грамоты и ее фактической адресации накладывается противопоставление прямой и косвенной адресации отдельных частей, из которых складывается сообщение.

§ 15. Другой аспект рассматриваемого явления демонстрирует грамота № 406 (сер. XIV – нач. XV в.)

... | и рибѣи и масло [и си]р[и] а [то п]р[а]з[к]а [·г· го]д(о) ----[даи]
 то а ми тоби ѿгнѣ офоносе клапаемсе а даро ведаѣ
 еше ·г· куници ·г· годо а поцне прошати жени или синови
 жени ·г· бели а сину белка

¹ На возможность такого понимания фразы впервые указал Л. В. Черепнин (1969, с. 216).

Для конца первой строки А. А. Зализняк предлагает конъектуру (*a ve*)[*dau*] или (*ouve*)[*dau*].

Перевод: ‘... и рыбы и масло и сыры — это празга (арендная плата) за три года, [ты знай (?)] это. А мы тебе, господин Офонос, кланяемся. А дар (оброк) ты знаешь: три куницы за три года; а если он (кто-то упоминавшийся в утраченной части грамоты) начнет просить для жены или для сына, то жене две белки, а сыну белка’.

Характеризуя этот текст как “договор крестьян с феодалом об уплате натурального оброка” (НГБ VII, с. 11), издатели указали на ближайшую аналогию ему в грамоте № 136 (40-е – 70-е гг. XIV в.). Оба документа, действительно, трактуют об одном и том же, но по-разному. В отличие от грамоты № 136, оформленной по всем правилам дипломатики (см. начальную формулу *се доконецаху*), грамота № 406 написана в форме обращения к феодалу. В этом ключе была первоначально трактована и последняя фраза документа. Согласно ее переводу в издании, в роли просителя здесь выступает сам феодал: “а если попросишь жене или сыну...” (НГБ VII, с. 11). Этот перевод был подвергнут критике А. А. Зализняком, отметившим, что наличие в тексте формы 3-го лица *почне* исключает возможность такого толкования фразы. Сам А. А. Зализняк считает поэтому, что здесь имеется в виду кто-то другой, упоминавшийся в утраченной части грамоты. Такое понимание текста отражает и приведенный выше перевод в ДНД.

Лингвистически такая позиция столь же безупречна, сколь убедительна в историческом отношении позиция издателей, полагающих, что в последней фразе речь идет о жене и детях феодала. Аналогия с грамотой № 136, также содержащей обязательство давать “детям по белке”, не оставляет никаких сомнений: начать “просить” дополнительного оброка для жены и детей может только тот, кому предназначаются основные подати.

Разрешить этот парадокс, примирив правду историка с правдой лингвиста, позволяет признание грамоты № 406 коммуникативно неоднородной, состоящей из двух частей: обращения крестьян к феодалу, извещающего его о размере оброка и арендной платы, и указания крестьянскому представителю на случай, если феодал не удовлетворится предложением и начнет просить большего. Последняя фраза как раз и содержит такое указание. Можно думать, что окончательный размер оброка определялся в результате торга крестьян с феодалом; об этом свидетельствует и грамота № 136, где к основному тексту ниже более мелким почерком приписано *борань оу новину* — очевидно,

позднейшее добавление, сделанное в процессе переговоров по настоянию феодала. Разница между двумя документами — в том, каким образом они отражают эту ситуацию торга. Грамота № 136 сразу оформлена как договор и в процессе торга была лишь слегка отредактирована. Грамота № 406 — документ иного типа, носящий черновой, предварительный характер. В части, обращенной к феодалу, грамота содержит только исходное предложение крестьян. Их посланец должен был, по-видимому, зачитать это предложение феодалу и ждать его реакции, имея при себе на том же берестяном листе письменную инструкцию общины по дальнейшему ведению переговоров.

Итак, в составе грамоты № 406 отчетливо выделяется основной текст, имеющий быть зачитанным феодалу, и метатекст, предписывающий, как вести себя крестьянскому представителю. Особая ценность грамоты № 406 — в том, что ее коммуникативная неоднородность, не будучи эксплицитно маркирована, устанавливается тем не менее с полной однозначностью, подтверждая реальность существования тех нестандартных коммуникативных моделей, которые в других случаях мы предполагаем с большей или меньшей гипотетичностью.

Структурную аналогию прочитанной таким образом грамоте № 406 представляет в более позднюю эпоху такой письменный жанр, как посольская “наказная память”. Такие памяти выдавались в XVI в. русским дипломатам и содержали, во-первых, тексты речей, которые посылаемое лицо должно было произнести от лица московского государя, и, во-вторых, инструкцию, как вести себя дальше по ходу аудиенции (переговоров, встречи иностранного посла и т. д.), что отвечать на те или иные вопросы и т. д. Как образец этого жанра приведем начало наказной памяти, выданной в 1581 г. Захарье Михайловичу Болтину, отправлявшемуся в Холмогоры для встречи английского посла Джерома Боуса: «*А приѣхавъ на Колмогоры, говориши от джоры Елизаветъ-королевину послу Еремѣю Боусу: “Бога въ Троицы славимаго милостыю великий государь царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии ... (полный титул), тебѣ, сестры своей любной королевны Елизаветы Аглинской и Францовскои, и Хибирскои, и иныхъ послу Еремѣю Боусу велѣлъ поклонитися. Божиею милостыю великий государь царь и великий князь Иванъ Васильевичъ велѣлъ тебѣ о здорově спросити: здорово ли еси дорогою ѣхаль?” А будетъ о чемъ Захарья спроситъ посол о котормъ о посольскомъ дѣле, и ему отказати: я у государя парбокъ молодои — о такихъ о большихъ дѣлехъ говориши не пригоже, да не говориши ни о которыхъ о большихъ дѣлехъ, а розговаривати о рядовыхъ дѣлехъ, о которыхъ пригоже»* (Англ., 74–75).

При всем различии ситуаций, несомненное структурное сходство этого документа с грамотой № 406 позволяет и в последней видеть (конечно, с известными оговорками) своего рода “наказную память”, выданную крестьянскому представителю на переговоры с феодалом.

§ 16. Сходную коммуникативную организацию имеет на наш взгляд, и смоленская берестяная грамота № 12 (сер. XII в.). Текст ее написан на двух сторонах берестяного листа.

Внутренняя сторона

(Ѡ) [и]вана ко русиле въправи ми дѣбр...
---ю арине възьми оу кнѣзюа грѣноу оу неж[А]...
лл[и] ти не въдасть а възьми (в)ъ треть а ати ...
къ да же ти ми боудете дѣбр[о] (а) присълоу ти ...
оже хъчѣши пѣ-ъне а присъли -----[є] чѣлѣв[є](к)...

Внешняя сторона

чи ти почѣнете (ч)ѣтъ лести(ти) ...
а не мѣзи чѣтъ (м)ѣлѣвити

Перевод в ДНД: 'От Ивана к Русиле. Добудь мне хороший (-ую, -е, -их и т. д.) ... Возьми гривну у Конозюя Нежатица (*или*: брата, Нежатица внука и т. п.). Если же он не даст, то займи в треть, а взять ... Если у меня [всѣ] будет хорошо, то пришлю тебе ... Если хочешь ..., то пришли ... человека ... Если же он (из контекста неясно, кто именно) начнет как-либо хитрить (?) ..., то не вздумай (букв.: не моги) ничего сказать'. Попытку более полной реконструкции текста грамоты см. в § 27.

Коммуникативные ситуации берестяных грамот: статус посылного

§ 17. Две рассмотренные выше категории берестяных грамот объединяет, помимо общего свойства коммуникативной неоднородности, следующий признак: один из адресатов этих текстов является одновременно лицом, доставляющим грамоту к другому адресату, то есть, пользуясь принятой выше терминологией, посылным или курьером.² Статус посылного является вообще весьма важным признаком, противопоставляющим коммуникативные ситуации. Имеет смысл различать собственно курьеров и "курьеров-персонажей". Функции первых (выступающих в эталонной коммуникативной ситуации) исчерпываются доставкой адресату данного письма; к отраженной грамотой бытовой ситуации такой посылный никакого отношения не имеет. Курьер-персонаж, напротив, сам является участником этой ситуации, выполняя, по-

² Подчеркнем условность такого словоупотребления. Очевидно, например, что посылным в обычном смысле слова не может быть назван Вышата из грамоты Ст. Р. 15, сам являющийся бенефициантом этого документа. Расширенно употребляя данное понятие, мы вкладываем в него чисто коммуникативное содержание, обозначая таким образом лицо, при посредстве которого автор сообщения вступает в контакт с адресатом (или с одним из адресатов).

Судя по расположению текста на внешней стороне, он не является прямым продолжением предыдущей фразы, да и по смыслу с ней плохо согласуется. Связать эту приписку с кем-то из лиц, упомянутых в тексте письма, тоже затруднительно. Это явно не может быть "человек", которого Русила должен прислать к автору письма. Теоретически это мог бы быть Конозюй, у которого Русила должен взять гривну, но хитрить перед занимающим у него деньги Русилой ему вроде бы незачем. Между тем начало фразы: *чи ти поченете чѣтъ лестити* удивительно напоминает последнюю фразу № 406 (*а поцне прошати жени или синову*), прогнозирующую возможную реакцию адресата на сообщаемое ему известие. Очень похоже, что и здесь перед нами метатекст — указание автора письма тому, кто понесет это письмо Русиле. Предвидя, что Русила может не захотеть выполнить его достаточно сложное поручение и начать "хитрить", отговариваться, Иван запрещает своему посланцу вступать с ним в переговоры, тем самым отнимая у Русилы возможность избавиться от возложенного на него поручения. Отметим и содержательное сходство этой инструкции с приведенной выше памятью Захарье Болтину, также запрещающей ему вести самому какие-либо серьезные разговоры с послом.

мимо "почтовой", также какую-то другую функцию, указанную в грамоте. Позволив себе вольную, но достаточно точную лингвистическую аналогию, можно сравнить собственно курьеров с союзами, соединяющими части сложного предложения, не являясь при этом их членами, а курьеров-персонажей — с союзными словами, входящими в грамматический состав придаточного предложения.

Курьер-персонаж может быть одним из адресатов грамоты или же упоминаться в ней в третьем лице. В рассмотренных выше грамотах "взаимного действия" обе эти возможности совмещаются. Так, в грамоте Ст. Р. 15 посылный (Вышата) является объектом действия адресата первой части письма (Василя) и адресатом второй части. Чаще встречаются грамоты, в которых реализуется только одна из этих возможностей. В грамотах типа № 406 и Смол. 12 посылный является адресатом метатекста. С другой стороны, существует значительная категория коммуникативно однородных грамот с курьером-персонажем, упоминаемым в 3-м лице.

Таковыми посылными являются в первую очередь "податели сего", выступающие в текстах, подобных грамоте № 735 (сер. – 2-я пол. XII в.): + Ѡ Акима и Ѡ Сьмьона къ Дѣмитроу. Въдаи паробѣкоу

семоу конь полоубоувивъ же шизыи и сътвори добръ помощи емоу поправити любо и до Коростомля. Перевод: 'От Якима и Семьюна к Дмитру. Дай этому слуге (т. е. подателю сего) коня дурковатого (?) сивого и, пожалуйста, помоги ему доставить [груз] — хоть и до Коростомля (т. е. если нужно, то даже и до Коростомля)'. Ср. также № 739 (... [въ]да[ите] сему диаку :ѣ: и гри^н църквнью ...), № 227 (... водае семоу :в: гривне ...) и др.

В грамоте Торж. 10 (2 пол. XII в.) тематизирована сама отправка курьера: + *Онуфрьѣ къ матери. Пошьль Петрѣ къ тебе, поемъ конь и матьль Лазар(е)въ. А воротите конь и матьль, а самого послѣ сѣмо. Али не послешъ [а т]аку же ми вѣсть пришли. И покланяю ти са и цѣлую та* 'От Онуфрии к матери. Пошел Петр к тебе, взяв Лазарева коня и плащ. Верните (очевидно, Лазарю) коня и плащ, а самого [Петра] ты пошли сюда. Если же не пошлешь, то пришли мне об этом вестъ. Кланяюсь тебе и приветствую тебя'⁸.

Имеется немало случаев, когда ситуация грамоты может быть истолкована по-разному в зависимости от того, предполагаем ли мы доставку ее собственно курьером или курьером-персонажем. Особенно остро этот вопрос встает применительно к грамотам, построенным по модели "От X-а к Y-у. Дай (или: заплати) Z-у ...". Если такую грамоту доставлял обычный курьер, то Z — это третье лицо, которому Y должен нечто отдать или заплатить. Но тот же Z может быть и "подателем сего", т. е. до-

ставившим Y-у грамоту посыльным; тогда конечным получателем денег или товара оказывается уже сам автор грамоты — X. В ряде случаев очевидно, что дело именно так и обстоит. Например, в грамоте Звен. 2 вдова Говена, требуя с Неженца возвращения денег за лодью (дае :ѣ: деса[т]и(о) коуно лодие-ною), затем дублирует это требование: *а дае Луцѣ*. Лука здесь — явно посланец Говеновой вдовы, явившийся к Неженцу за деньгами. Упоминание его имени потребовалось для заверения адресата в том, что податель грамоты действительно уполномочен автором получить с него долг, а не является самозванцем.

Более сложный случай представляет грамота № 241 (кон. XI – 1 треть XII в.): *ѿ Къснати́на къ Жьданъ. Запла[ти] Стъпаньцю к[ѣ] Ро[жеств]ѣ. Н[е] з[апла]тиши, а на отроке [о] д[ѣ]во[е] то[го] бжди* 'От Коснятина к Ждану. Заплати Степанцу к Рождеству. Не заплатишь — [потеря] на отроке (т. е. при взыскании долга через отрока) раза в два больше, пожалуй, будет'. В грамоте можно было бы видеть письмо, доставленное от автора к адресату казенным курьером (Коснятин предположительно отождествляется с посадником Константином Микульчичем) и призывающее его заплатить долг некоему Степанцу. Однако аналогия с грамотой Ст. Р. 15, которой данный документ чрезвычайно близок по содержанию, делает более вероятным другой вариант: грамота выдана самому Степанцу, который, как бенефициант этого распоряжения, и должен предъявить ее Ждану для взыскания с того долга.

§ 18. Соотношение M=Ad, при котором посыльный является одновременно и одним из адресатов коммуникативно неоднородной грамоты, нарушает второй из сформулированных выше критериев эталонной ситуации: автор и адресат находятся в момент написания такого текста в одном пространстве. Грамота не служит установлению контакта между ними, поскольку этот контакт уже существует и информация может быть передана в устной форме. Отличаясь этим от частного письма, устроенная таким образом грамота сближается в своей прагматике с письменным распоряжением,

³ Обратим внимание, что перфект *пошьль* в данном случае обозначает действие, только имеющее совершиться, то есть мы имеем здесь дело с таким же переносным употреблением прошедшего времени, как и в современных записках вроде "ушел, буду через полчаса" или классического "ушла на базу". В корпусе берестяных грамот то же значение еще раз выступает скорее всего в грамоте № 723 (сер. XII в.): *шьль ти есмь Кучькъву* 'я пошел в Кучков'. Считать письмо отправленным с пути нет необходимости: более вероятно, что автор написал его непосредственно перед отъездом в Кучков (Москву).

приказом, который подчиненный получает непосредственно из рук начальника.

В рассмотренных выше коммуникативно неоднородных текстах эта прагматика прямого распоряжения выступает, так сказать, в "связанной" форме, составляя один из аспектов более сложного коммуникативного целого. По-видимому, ее можно наблюдать и в "чистом" виде у целого класса грамот, имеющих только одного адресата. Подозрение в именно такой организации падает прежде всего на тексты, представляющие собой распоряжения, но при этом лишённые адресной формулы: отсутствие последней проще всего объяснить тем, что в ситуации передачи письменного приказа "из рук в руки" адресация его является очевидной и не нуждается в экспликации. Самый короткий документ такого типа — грамота № 79 (посл. четв. XII в.), сохранившаяся целиком и состоящая из одной фразы: *а водаи Михалеви*. Характеристика грамоты как "ярлычка при какой-то вещи, которую нужно было передать Михалу" (ДНД, с. 317), не вызывает возражений, однако с коммуникативной точки зре-

ния существенно, что этот “ярлычок” имеет вид распоряжения. Нет оснований считать, что писавший и исполнитель этого указания были пространственно отделены друг от друга — скорее, отданное из рук в руки вместе с вещью предписание должно было служить памяткой исполнителю.

Приведем еще два текста, для которых можно (хотя и без полной уверенности) предполагать сходную прагматическую направленность. Грамота № 153 (посл. четв. XII – 1-я четв. XIII в.): *Крини лосиноу 8 Фодора оу Уроке в[о] ... а живе во Славне, сокоуи же*. Перевод (по НГБ X, с. 89): ‘Купи лосиную шкуру у Фодора Уроки ... (может быть: за такую-то сумму); а живет он в Славне — отыщи’. Грамота № 78 (60-е – 70-е гг. XII в.): + *Възми оу Тимоше одиноу на десатѣ гривѣноу оу Въщица шуурина на конѣ и сани и хомут[о] и воже и оголове и попоноу* ‘Возьми у Тимошки, Войцына (или Войчина) шурина, одиннадцать гривен за коня, а также сани, хомут, вожжи, оголовье и попоны’ (новую трактовку бытовой ситуации грамоты № 78 см. в НГБ X, с. 85). Можно, конечно, предположить, что неназванные авторы этих писем сначала посылали с ними гонцов к их неназванным адресатам, после чего те отправлялись исполнять полученные таким образом распоряжения, однако такое предположение кажется чересчур громоздким. Логичнее думать, что участия посыльного как такового эта ситуация не предполагала: письменное распоряжение выдавалось исполнителю самим автором, с тем чтобы посыльный мог, при надобности, показать его своему контрагенту.

Особую разновидность в рамках данного класса составляют распоряжения сборщикам податей и долгов типа уже рассмотренных грамот № 219 и № 509. Обе грамоты не имеют адресных формул, при этом коммуникативно неоднородная грамота № 509 содержит обращение к должникам и, следовательно, рассчитана на предъявление. Думается, есть основания видеть в этих текстах не письма, посланные их авторами к сборщикам, а предписания, выданные им непосредственно самими авторами. Такое предписание выполняло роль памятки сборщику, перечисляя, что и у кого он должен взять, и одновременно служило как “удостоверение”, подтверждающее в глазах плательщиков полномочия сборщика.

Такая трактовка вполне согласуется с точкой зрения А. А. Зализняка, рассматривающего “безадресные” грамоты вида «*возьми у X-а столько-то, у Y-а столько-то*» как явление, промежуточное между письмами и реестрами (Зализняк 1987, с. 149). Действительно, такой текст может быть как “свер-

нут” до простого реестра, что достигается устранением императива *возьми*, так и “развернут” до полноценного обращения, каким он становится, снабженный адресной формулой. За этими структурными вариантами совсем не обязательно предполагать прагматические различия. Функционировать как памятка-предписание мог, вероятно, и обычный реестр. В то же время добавление адресной формулы может лишь сообщать такому тексту вид письма, не меняя его прагматики. В грамоте, содержащей распоряжение и при этом оформленной как письмо, адресная формула может выполнять не столько адресную, сколько авторизирующую функцию. Текст вида “От А к В. Возьми у X-а столько-то” может быть, с точки зрения X, прочитан как сообщение: “Настоящим А уполномочивает В взять у X-а столько-то”.

Вполне допустимой (хотя, к сожалению, недоказуемой) такая интерпретация представляется, например, для грамоты № 84 (1-я пол. XII в.): + *Отъ Твърдыты къ Зоубери. Възми оу господыни три на десате рѣзанѣ, а ...* (грамота осталась недописанной). По всей вероятности, Зубрь — слуга Твердыты, а “госпожа”, у которой нужно взять деньги, — кто-то из его домашних, например, жена или мать. В таком случае перед нами, скорее всего, не “письмо от Твердыты к Зубрю”, а записка, с которой Зубрь был послан к госпоже, фиксирующая отданное ему устное распоряжение, своего рода письменная “копия” этого приказа. В предъявлении ее госпоже, видимо, и заключался смысл написания записки. Ту же роль могло бы выполнить и обращение к самой госпоже, вроде представленного в № 227: (*Ѡ ... покл[а]нїи ко матери. Водае семоу :в: гривне ...*

Ту же коммуникативную модель, но с иным прагматическим наполнением демонстрирует, возможно, грамота № 690 (сер. XIV в.): *Поклоно ѿ Кура ко Борану іко Кузми. Возми свою полтину у Ювана у Вяынина во Плотницкомо конци подо Борисоглибмо*. По очень правдоподобному предположению Р. Факкани, данная грамота представляет собой “упрощенный, зачаточный, если угодно, вариант переводного векселя, тратты, т. е. денежного документа, обязывающего три юридические лица — в данном случае Кура, Борана с Кузьмой и Евана” (Факкани 2003, с. 231). По этому “векселю” Боран и Кузьма могли получить у Ивана Вяынина полтину, которую тот был должен Куру. Необходимость письменного обращения к адресатам и в этом случае диктуется не отсутствием прямого контакта с ними (Боран и Кузьма вполне могли получить грамоту непосредственно из рук Кура), а последую-

шим предъявлением документа указанному в нем лицу. Адресная формула со словом *поклонъ* лишь “маскирует” этот документ под обычное письмо.

Размытость границы между собственно письмами и формальными документами характерна для различных культурных традиций. Р. Факкани, отмечая “официальный или полуофициальный характер” некоторых берестяных текстов, сближает их в этом отношении с позднеантичными египетскими папирусами (Факкани 2003, с. 231). Практика оформления документов в виде писем (отчасти сохраняющаяся, вообще говоря, до настоящего времени) хорошо известна и западному Средневековью. Отмечает-

§ 19. В связи с рассмотренными в предыдущих параграфах чертами коммуникативной организации берестяных грамот представляет большой интерес запись эпистолярного характера в новгородском евангелии конца XIII – нач. XIV в. (РНБ, Соф. 8).⁴ Приведем ее по публикации Л. В. Столяровой (2000, с. 426), восстановив сокращения на основе СК XIV, с. 610:

Поклонъ ѿ Фрола ꙗну игумену Микитѣ. Гче игумень, доправи ми, гче, Ба дѣла, книги си на Двину к стѣму Михаилу. Книгы же си дадѣтъ Григорию Сѣрину. А ты, гче Григориш, вѣзми собѣ оу игумена .ѣ. сорочекъ, а еуаѣлие даи ѣму, а мне дали Степанъ да Василей два сорока. А ты, гче Григориш, возми .ѣ. сороко^в и п[...]⁵ будет .ѣ. сороко^в. А ра^д мои ѿ писмени взати .ѣ. сороковъ, да телатини ми было взати, за телатини же сорочекъ, а .ѣ. ѿ писмени. А се ж вамъ книги. А ѣзь вамъ бию челомъ своим старейшим Степану и [Васили]ю Гри[гору].

В отличие от части рассмотренных выше берестяных грамот, коммуникативная неоднородность этого элегантного послания, автор которого поочередно обращается к нескольким лицам, носит открытый характер. Несмотря на это, реконструкция отношений, связывающих автора с его адресатами, составляет весьма простую задачу.

Помимо автора записи Фрола, игумена Микиты, Григория Серина, Василия и Степана в послании упоминается также игумен, которому Григорий должен отдать книги в обмен на пять сорочков. В нем принято видеть игумена “святого Михаила”, т. е. Михаило-Архангельского монастыря в устье Северной Двины (на месте современного Архан-

гельска), для которого было заказано евангелие и представителями которого выступают Василий и Степан. С Михаило-Архангельским монастырем надежно связывается и Григорий Серин, идентифицируемый с Григорием Серицыным — послухом грамоты ГВНП № 233. Отметивший эту связь В. Л. Янин следующим образом толкует ситуацию записи: причитающиеся ему по договору пять сорочков писец Фрол уже получил (дополнительно к полученным ранее от Василия и Степана двум сорочкам) от Григория Серина, которому надлежит теперь взыскать свои деньги (*вѣзми собѣ*) с игумена двинского монастыря (Янин 1991, с. 311).

Эта трактовка обладает одним существенным недостатком: предполагая прямой контакт Фрола с Григорием, а Григория — с игуменом двинского монастыря, она оставляет непонятной роль игумена Микиты, посредство которого в данной ситуации оказывается, вообще говоря, излишним.

По мысли Л. В. Столяровой (2000, 428), Микита является игуменом монастыря, в скриптории которого Фролом было написано евангелие, а Григорий — представителем этого монастыря, которому надлежит доставить книги на Двину. Неясно, однако, зачем работающему в монастырском скриптории Фролу сообщать игумену собственного монастыря, кого тот отправит на Двину с евангелием.

Нужно признать, что в тексте письма отсутствует указание на факт написания книги в монастырском скриптории — игумен Микита выступает лишь посредником в передачи кодекса на Двину. С другой стороны, Л. В. Столярова (которой работа В. Л. Янина осталась неизвестной) не учитывает двинской принадлежности самого Григория Серина.

Указанные противоречия снимаются, на наш взгляд, если видеть в игумене, у которого Григорию Серину предписано взять пять сорочков, не безымянного настоятеля двинского Михаило-Архангельского монастыря, а титульного адресата письма — игумена Микиту, которому Григорий Серин должен отдать книгу для дальнейшей пере-

⁴ Благодарю А. А. Зализняка и А. А. Турилова, указавших мне на этот важный текст при обсуждении положений настоящей работы.

⁵ Согласно примечанию Л. В. Столяровой (2000, с. 426), после плохо читаемых букв *ит* смыты одна или две буквы. В таком случае наиболее вероятна конъектура *и па^к будет .ѣ. сороко^в* ‘и как раз будет семь сорочков’. Ср. *пакъ* в значении ‘как раз’ в берестяной грамоте № 69 (ДНД, с. 416).

дачи ее на Двину. Отсутствие имени игумена при втором упоминании становится в таком случае вполне понятным: ведь это имя уже названо в адресной формуле письма.

В целом ситуация данного текста видится нам следующей. Михайло-Архангельский монастырь на Двине, для которого его старостами Степаном и Василием был заказан список Еванглия, находился с монастырем, в котором игуменствовал Микита, в тесном общении (возможно, был по отношению к нему дочерним), поэтому для доставки книги заказчику писец и прибегает к посредничеству этой обители. Григорий Серин, также связанный с Михайло-Архангельским монастырем, но в настоящий момент находящийся в Новгороде, заплатил Фролу из собственных денег пять сорочков, которые ему и предписывается взять у Микиты — игумена монастыря-посредника. Обеспечив доставку книги на Двину, игумен Микита должен был, очевидно, в свою очередь получить пять сорочков с непосредственных заказчиков кодекса — Василия и Степана.

То, что в письме упоминается только один игумен, а не два, придает построению письма особое сходство с берестяными грамотами, рассмотренными в § 13. Сообщив игумену Миките, что книгу ему доставит Григорий (за формой 3-го л. во фразе *Книгы же си дадять Григорию Сѣрину* стоит, очевидно, действие самого автора), автор сразу же обращается к Григорию с разъяснением, какую сумму и за что он должен взять у игумена (ср. в грамоте № 177: *Дай ключи Ѡми. А ты пошлѣди Григорию ѠнеѠмова ...*). Поскольку выступающий в роли посыльного Григорий находится с автором в непосредственном контакте, это разъяснение по

существо (но не формально) адресовано не ему, а всё тому же игумену Миките. Письмо Фрола в этой его части обладает уже знакомой нам прагматикой векселя, по которому Григорий может получить свои деньги у игумена Микиты (ср. выше о грамоте № 690). Хотя ту же идею автор вполне мог выразить, продолжая обращаться к игумену, он счел более уместным и вежливым обратиться к самому Григорию.

Этим, однако, он не ограничился и в конце напрямую обратился еще и к заказчикам книги — Василию и Степану, ранее упомянутым в обращении к Григорию. В результате круг адресатов записи (игумен Микита, Григорий, Степан и Василий) замечательным образом совпадает с числом персонажей, упоминаемых в ней в третьем лице. Адресованный по очереди всем, кого так или иначе затрагивает его содержание, рассмотренный текст представляет собой древнерусский вариант обращения *to whom it may concern*, которое каждое из упомянутых в нем лиц может воспринимать и использовать по-своему. Перед нами одновременно и просьба к игумену монастыря-посредника о доставке книги на Двину, и документ, по которому Григорий может получить деньги у игумена, и расписка Фрола в получении им денег от Василия и Степана; наконец — его отчет перед заказчиками рукописи и мемориальная запись, увековечивающая причастность всех поименованных лиц к созданию книги. Последнее немаловажно, учитывая, что запись помещена непосредственно на страницах евангельского кодекса. Ее эпистолярная форма — не более чем условность, скрывающая за собой целый пучок прагматических функций.

Устный фактор в берестяной переписке. К проблеме чтения и записи берестяных грамот

§ 20. Анализ коммуникативных ситуаций берестяных грамот невозможен без учета устного аспекта осуществлявшейся посредством их коммуникации. По ходу изложения нам уже приходилось обращаться к этой стороне дела. Мы видели, в частности, что такой специфический феномен, как скрытая коммуникативная неоднородность берестяного письма, во многом объясняется имитацией в письменном тексте структуры устного диалогического общения с характерной для него опорой на ситуативный контекст и факультативностью вербальной маркировки моментов переключения с одного собеседника на другого. Рассматривая одну из форм данного явления, при которой грамота, помимо основного сообщения, содержит обращение к

посыльному, мы заметили, что основное сообщение в таком случае должно было зачитываться адресату вслух. Для грамоты № 84 мы предположили своеобразное соотношение устной и письменной форм сообщения, различающихся своей адресацией: посыльный действует на основании отданного ему устного приказа, тогда как запись этого приказа предназначена для предъявления ее контрагенту автора.

Все эти необычные, с современной точки зрения, коммуникативные структуры, хотя и встречаются в текстах разного времени, должны так или иначе восходить к древнейшей эпохе, когда принявшая крещение, еще совсем недавно бесписьменная Русь только начинала осваивать обретенное

культурное сокровище, нащупывая пути применения письма к различным, в том числе сугубо светским практическим целям. Письменная коммуникация в бытовой и деловой сфере носила в эту эпоху принципиально вторичный и факультативный характер, а передача информации, отправление юридической процедуры и заключение сделок осуществлялись преимущественно устным путем. Это положение дел в значительной мере сохранялось на протяжении всего домонгольского периода (см. Франклин 1985).

Формам устной коммуникации в домонгольской Руси и их роли в становлении светской письменной традиции посвящен ряд исследований¹¹. Применительно к берестяным грамотам данная проблема поставлена в недавней работе Д. М. Буланина (1997). Исследователь справедливо отмечает важность того обстоятельства, что берестяные письма доставлялись их адресатам “в открытом виде”, гонцом, как правило знакомым с их содержанием. Поскольку гонец мог доставить сообщение и в устной форме, практической необходимости в его письменной фиксации не было. И если сообщения все же записывались, следовательно, запись выполняла не чисто практическую, а какую-то иную функцию. Такой функцией, опирающейся на представление о сакральной сущности письма, Д. М. Буланин считает “символическое санкционирование устного сообщения”, передававшегося вместе с грамотой. Значимым оказывается при этом не столько то, что именно записывается, сколько то, что запись вообще производится.

По-видимому, данный фактор действительно играл довольно значительную роль в берестяной переписке. Очень соблазнительно, в частности, предложение Д. М. Буланина (1997, с. 159) рассматривать так называемые “ярлычки” с именами как передававшиеся вместе с устным сообщением “знаки

§ 21. Большой интерес в связи с рассматриваемой проблемой представляет грамота № 656 (сер. XII в.):

... коулотъке грамъта къ хоудъ
... иди реки пльсковоу

Предположение издателей, согласно которому в утраченной левой части грамоты было названо событие, о котором адресату предстояло известить псковичей, маловероятно уже потому, что при наличии у грамоты еще одного автора сообщение об

присутствия” автора. Особенно правдоподобно данное предположение исследователя выглядит в отношении грамоты № 397 (кон. XII – 1-я пол. XIII в.): *Къснятина грамота*. Предложение А. В. Арциховского (НГБ VI, с. 98) видеть в этом документе ярлычок к хранившемуся в семейном архиве берестяному или пергаменному акту кажется довольно фантастичным; более естественно считать, что перед нами сама “Коснятинова грамота”, переданная посыльным адресату в качестве письменного “приложения” к устному сообщению.

Укажем в этой связи также на грамоту № 443, представляющую собой отдельно записанную адресную формулу: *Ѡ Домитра ко Ѡеларю и ко Несодиле*. Трактовать его как “ярлычок при письме” (ДНД, с. 371) затруднительно: непонятно, зачем нужно было выносить адрес на отдельный лист. Между тем, если само “письмо” было устным, всё становится на свои места.

Той же верой в особую силу письменного слова может объясняться и прямо противоположное явление — письменная фиксация высказываний, которые, по логике вещей, в таковой не нуждаются, например, обращения к доставляющему грамоту гонцу или элементарного распоряжения, отдаваемого исполнителю в его присутствии. Предание таких текстов бересте, вполне возможно, само по себе воспринималось как достаточная гарантия исполнения распоряжения. Впрочем, как мы видели, часть устроенных таким образом грамот была рассчитана на предъявление третьим лицам, являющимся их косвенными адресатами. По отношению к ним запись выполняет удостоверяющую функцию. Следует, однако, иметь в виду, что сама эта функция, в условиях отсутствия таких признаков подлинности, как подпись или печать, основывается всё на той же вере в письменное слово, доверии к письменному тексту как таковому.

этом событии должно было бы состоять самое большее из 10–11 букв (при максимально возможной длине имени первого автора и минимальной длине имени адресата), что, при всем лаконизме берестяных посланий, кажется недостаточным. Реалистичнее поэтому полагать, что документ утратил лишь узкую полоску с начальным *Ѡ* в первой строке и окончанием имени адресата во второй. Полный текст грамоты скорее всего имел вид: *Ѡ Коулотъке грамъта къ Хоудъ(те). Иди реки Пльсковоу*.

Отсутствие пояснения, что именно надлежит сообщить “Пскову”, кажется странным лишь до тех пор, пока мы пытаемся осмыслить этот доку-

⁶ См. в особенности работу Д. С. Лихачева о древнерусском посольском обычае, статьи К. Д. Зеemannна (1983), Х. Бирнбаума (1991).

мент как обычное письмо, посланное автором находящемуся на некотором удалении от него адресату. Рассмотренные выше факты позволяют, между тем, понять грамоту иначе — как инструкцию, выданную посыльному в его присутствии и санкционирующую устное сообщение, с которым он отправляется во Псков.

Стоит также отказаться от соблазна видеть в миссии гонца оповещение всего Пскова о каком-то важном политическом событии. Естественнее, на наш взгляд, исходя из презумпции ординарности рассматриваемого документа, трактовать *иди-реки* как устойчивое сочетание, означающее ‘иди с речью’, а *Пльсковоу* — как дательный направления ‘во Псков’, зависящий от первого компонента этого сочетания. Настораживает только, что в таком случае не обозначенным оказывается адресат устного сообщения. Не исключено поэтому, что грамота № 656 устроена несколько более сложно, будучи коммуникативно неоднородной и совмещая в

§ 22. В том же ключе может быть, как кажется, понята и грамота № 879 (2 четв. XII в.). В предварительной публикации текст имел следующий вид:
Ѡ жирать покланание ко радать водди семѣ еже
рькло вьръщютѣ

Отмечая, что отрезок *вьръщютѣ* членится на слова неоднозначно, издатели первоначально трактовали его как содержащий личное имя *Верещь* или *Верещуть* в дательном падеже, переводя грамоту: ‘Поклон от Жиряты к Радяте. Выдай подателю сего то, что обещал Верещуту (или: Верещу тут)’ (Янин и Зализняк 1999, с. 22). Однако как по смыслу, так и с орфографической точки зрения такое чтение кажется небезупречным (смущает, в частности, необходимость предполагать уникальное употребление *иц* вместо обычного *и*). Предпочтительной представляется поэтому альтернативная трактовка данного отрезка как *вьръщю тѣ*, где *вьръщю* — это записанный с пропуском редуцированного в суффиксе В. ед. от *вьръшьца* (деминутив от *вьръшь* ‘хлеб’). Дальнейшее зависит от трактовки словоформы *рькле*. Если видеть в ней форму 2-го лица ед. числа, текст можно перевести

§ 23. Грамота № 879 может рассматриваться как составляющая промежуточное звено между грамотами, санкционирующими передаваемое изустно сообщение, и грамотами, письменно фиксирующими само передаваемое сообщение. Основанием для письменной фиксации сообщения могло быть как представление об особой действенности письмен-

себе две рассмотренных выше модели. Заметим, что за вычетом слов *иди-реки* все структурные элементы этой грамоты обнаруживаются в адресной формуле грамоты № 776, найденной на том же Троицком раскопе в слое того же времени (30-е – 50-е гг. XII в.): *Грамота отъ Или ѿ отъ Дмитра Пльсковж ко либинж ко Мостокѣ*. Не означает ли это, что и в № 656 упоминание Пскова по смыслу примыкает к адресной формуле? Но если так, тогда жителем Пскова, которому Кулотка посылает свою весть, является сам Худота, приказание же *иди-реки* относится не к нему, а к анонимному гонцу. ‘Грамота от Кулотки к Худоте’ в таком случае выполняет ту же функцию, что и грамоты № 397 и № 443: это своего рода ‘авторская метка’, санкционирующая устное сообщение, вместе с которым она должна быть предъявлена адресату. Специфика грамоты № 656 в том, что кроме адресной формулы она содержит дополнительное подтверждение полномочий гонца в форме обращения к нему.

так: ‘Поклон от Жиряты к Радяте. Выдай подателю сего то, что ты обещал, — то зернецо’. Однако в контексте наших рассуждений конкурентоспособной (а в грамматическом отношении, из-за отсутствия связи, и более вероятной) представляется квалификация этой словоформы как 3-го л. ед. числа, относящегося к ‘подателю сего’, имеющему явиться к адресату грамоты за хлебом. Форма перфекта оказывается в таком случае ориентированной на момент прочтения грамоты адресатом, т. е. аналогичной по значению формам *шьль*, *пошьль* в грамотах № 723 и Торж. 10 (см. §17, примеч. 8). В целом же текст может быть переведен: ‘Поклон от Жиряты к Радяте. Выдай подателю сего то, что он скажет (букв. сказал), — то зернецо’. Если так, то перед нами еще одна ‘верительная грамота’, подтверждающая полномочия посыльного передать адресату устное сообщение автора. Психологически понятно и дополнение *вьръщю тѣ*: перестраховываясь, автор решил все же пояснить, что именно он желает получить от адресата, ограничившись, однако, лишь общим указанием объекта — детали курьер должен был сообщить в устной форме.

ного слова (см. выше), так и вполне ‘современное’ стремление избежать потери и искажения информации, сопряженных с устной передачей. Очень важно, однако, что текст занесенного на бересту сообщения по крайней мере в части случаев доходил до адресата в устной форме, зачитанный доставившим ‘почту’ гонцом.

Прямым свидетельством этого является уже рассмотренная нами грамота № 406. Характер содержащегося в ней обращения к крестьянскому посланцу, оговаривающего уступки, на которые можно пойти в переговорах с феодалом, позволяет с уверенностью утверждать: эта часть текста не предназначалась для глаз основного адресата грамоты и, следовательно, основное сообщение было зачитано ему вслух. То же можно сказать и о грамоте Смол. 12, в которой обращение к посыльному также носит сугубо конфиденциальный характер. Тот факт, что Смол. 12, в отличие от № 406, представляет собой частное письмо, позволяет не связывать данную практику с официальностью текста, но видеть в ней характерную черту берестяной коммуникации в целом.

Способ построения берестяного письма, при котором оно, помимо основного сообщения, содержит метатекст, адресованный посыльному, находит частичную типологическую параллель в эпистолярной практике древней Месопотамии. Типичное вавилонское письмо строится по модели: “Скажи такому-то: так говорит такой-то...”. Характерно, что в нововавилонский период эта модель уступает место более лаконичной формуле “Письмо от такого-то...” (Оппенгейм 1990, с. 219), что, конечно, не означает, что письма перестали зачитываться адресатам.

Фигура посыльного, зачитывающего письмо адресату, позволяет объяснить и некоторые другие особенности берестяной переписки. В частности, оказывается возможным понять, каким образом на одном берестяном листе могут быть написаны письма разным людям, никак не связанные между собой. Именно такой вид имеет грамота № 589 (сер. XIV в.), содержащая два письма Жилы — к Чудину и к Саве. При этом второе письмо начинается в той же строке, где оканчивается первое, следовательно, отделить их друг от друга, передав каждое по назначению, было технически невозможно. То, что второе письмо оказалось в конечном счете почти полностью утрачено (кроме адресной формулы и фрагмента второй строки), видимо, объясняется тем, что грамота была разорвана гонцом после того, как оба письма были зачитаны адресатам.

Сходным образом, хотя и несколько иначе, устроена, по-видимому, и грамота № 750 (конец XIII – 1-я пол. XIV в.), также содержащая два не связанных между собой текста. На внешней стороне берестяного листа располагается изысканное по своей стилистике письмо от Степана к Потке, в котором автор взывает к совести адресата, не возвращающего ни товаров, ни денег; на внутренней — запись: *У Зубеца поло гривнѣ новаѣ и ножѣ во ѡсминацтѣмѣ*. Комментируя это сочетание текстов, издатели отмечают: “Записка расположена на вну-

тренней, более удобной для писания стороне листа; очевидно, она была написана раньше, чем письмо. Либо автор, не найдя другого листа бересты, написал письмо на обороте записки и послал его, не обращая внимания на наличие записки, либо перед нами не само письмо, а его черновик; ср. записки Моисея (грамота № 521), куда входят как списки долгов, так и черновик официальной жалобы” (НГБ X, с. 44). Аналогия с № 521 кажется не вполне точной: последняя представляет собой большой лист бересты, по которому хаотично разбросаны несколько записей совершенно разного содержания, включая и любовный заговор; черновой характер этого документа очевиден. В отличие от него, грамота № 750 написана на аккуратно вырезанном листе, в точности соответствующем по формату письму на внешней стороне коры. Лист был обрезан под это письмо, и если к этому времени на внутренней стороне уже была сделана запись, это может означать только, что оба текста были специально написаны на одном листе. Объяснить это можно, предположив, что письмо Степана не было послано им Потке в современном смысле этого слова. Видимо, посыльный Степана должен был лишь зачитать (а может быть, и показать) письмо Потке, после чего направиться к очередному должнику, имея на обороте того же листа памятку о том, что необходимо взять у него. О том, что записки вида “у X-а столько-то” могли выполнять ту же функцию, что и предписания вида “возьми у X-а столько-то”, речь уже шла выше (см. § 18).

Подчеркнем, что прочтение письма адресату третьим лицом совсем не обязательно связывать с неграмотностью адресата: в значительной мере такая практика носила, очевидно, этикетный характер, восходя к традиции обмена устными посланиями. В то же время она имеет под собой и более общие социо- и психолингвистические основания. Как известно, чтение вслух, при котором декодирование записанного сопровождается его произнесением, является наиболее примитивной и древней формой навыка чтения как такового. Фигура человека, пробегающего глазами письменный текст, не произнося его, возникает лишь на определенном этапе развития цивилизации. Хрестоматийным стал эпизод из “Исповеди” бл. Августина, в котором автор (прошедший, заметим, античную школу), зайдя в келью к своему учителю Амвросию Медиоланскому, застал того читающим книгу, не шевеля при этом губами, и был глубоко поражен этой способностью Амвросия. Для раннеписьменного древнерусского общества предполагать жесткую увязанность процесса чтения с произнесением читаемого текста оснований куда больше. С другой стороны, для текста адресной структуры наиболее органичной формой восприятия является восприятие на слух, при которой референция форм второго лица осуществляется с наибольшим автоматизмом. Произнесение такого текста самим адресатом, напротив, препятствует этой референции. На этом фоне вопрос о том, кто должен читать принесенную курьером грамоту — адресат этой грамоты или сам курьер, — решается однозначно в пользу последнего.

§ 24. В ситуации зачитывания письма его адресату последний предстает в роли “слушателя”, а не в роли “читателя”, которую он выполняет в эталонной ситуации. Известно, что глаголы *слушати* (*слышати*) и *читати* (*чѣсти*) могут применительно к письменному тексту употребляться как синонимы; ср., например, параллельные контексты из “Поучения” Владимира Мономаха: *Да дѣти мои, или инь кто, слышавъ сю грамотищу, не посмѣтеса...* и *Да не зазрите ми дѣти мои, но инь кто прочеть...* (Лавр., л. 78, 83). Следует полагать, что и в берестяных письмах (которые, кстати сказать, сами их авторы иногда называют “грамотицами” — № 424, 655, 854) *слышати* может обозначать восприятие письменного сообщения.

С этой точки зрения интересно рассмотреть текст грамоты № 705 (нач. XIII в.):

+ покланание ѿ домажира ко аковоу а оу тебе слышоу цето ты моловише оце є тебе н[є] годена а попровѣди ко мене сестроу азъ бѣле лони наделиа а ныне бѣхѣ посолале а ныне слышо болену сестроу оце ю бѣ | поемете а присоли соно ко мене со єе знатебоу оте побоуде сыно у мене а а са имо потешоу и посолю ю опате во городо пакы ли не оуправише того а а та передамо сватее богородице ко нее же еси заходиле роте

Переводя начальную фразу ‘До моего слуха доходит то, что ты говоришь’, А. А. Зализняк замечает, что “*слышати* у кого слегка отличалось по смыслу от *слышати* отъ кого. По-видимому, предлог у был более уместен в случаях, где коммуникативный акт был чем-то осложнен (например, услышавший получал лишь пересказанную информацию или обращенную не специально к нему)” (ДНД, с. 351). Таким осложняющим коммуникативный акт фактором может быть, очевидно, любая форма трансляции высказывания. Можно думать поэтому, что в данном случае речь идет не о доходящих до Домажира слухах из окружения Якова, но о выслуханном им послании самого Якова, в котором тот открыто высказывал недовольство в связи с какими-то действиями Домажира в отношении его жены — сестры Домажира. Первая фраза грамоты может быть тогда переведена: ‘Я выслушал (букв.: слышу) то, что ты [через твоего посланца] говоришь’.

§ 25. В грамоте № 705 представление адресата в роли “слушающего” корреспондирует с представлением автора как “говорящего” (*слышоу, цето ты моловише*). Яркую параллель последнему составляет адресная формула грамоты Ст. Р. 11: *Иванаа мо-*

В пользу такого понимания дела может свидетельствовать и фраза *азъ бѣле лони наделиа, а ныне бѣхѣ посолале*. Совершенно непонятная вне ситуативного контекста (кого и чем наделил? что послал?), она имеет смысл только в качестве ответа на некоторую конкретную реплику-стимул, видимо, и содержащуюся в послании Якова. Это тем более вероятно, что недовольство автора тем, что адресат ему чего-то не присылает, является одной из постоянных тем берестяной переписки.

Если наше предположение верно, то и фраза *а ныне слышо болену сестроу* отсылает не к новой информации, полученной автором, а к тому же самому посланию Якова. Автор как бы следует по тексту этого послания, последовательно реагируя на отдельные его положения. В современном письме это место могло бы иметь вид: *а еще ты пишешь, что сестра больна*.

По той же модели может быть осмыслена грамота № 231 (60-е – 90-е гг. XII в.):

†
ѿ тврьдилѣ къ да[н]... ...
ль есмь њжилѣ пыпѣвъ
дѣвъ гривьнь вѣдаль за та а њвѣ
нь в[ѣд]ае стѣпан[оу] (| ...)

А. А. Зализняк (ДНД, с. 316) с полным основанием предполагает, что в утраченном конце первой строки “стоял глагол с общим значением типа ‘узнал’ (например, *увѣдале*, *слышале*, *чюле*)”, и переводит грамоту: ‘От Твердилы к Дан... Я [узнал (?), слышал (?)] Нежил, попов [сын], две гривны отдал тебе (в твои руки). Тогда отдай [их] Степану’. В уточнении нуждается, на наш взгляд, не этот перевод, а стоящее за ним общее понимание ситуации. Хотя теоретически источником информации, на которую ссылается автор, могли быть и третьи лица, кажется значительно более вероятным, что утраченный глагол *слышале* и в данном случае, как и в № 705, отсылает к письму, полученному автором от самого Нежила. Заметим также, что Степан, которому предписывается отдать деньги, является, скорее всего, посыльным автора, доставившим грамоту адресату. Общий смысл письма представляется, таким образом, следующим: “Нежил, попов сын, сообщил мне, что он отдал в твои руки [предназначаящиеся для меня] две гривны. Так дай же их [подателю сего] Степану”.

ловила Оумь: любо коунь восоли, па^к ли дорго продаю (перфект имеет здесь перформативное значение: ‘говорит этим своим письмом’, см. ДНД, с. 157).

Следует полагать, что и в некоторых других случаях глаголы *молвити* и *речи* обозначают в

берестяной переписке высказывания, передававшиеся при помощи самих берестяных грамот, но по ряду причин интерпретируемые участниками коммуникации как устная речь. См., например, начало грамоты № 550: *Поклананіе ѿ Петра к Аврамоу. Матьеви еси молвилъ: “толико мнѣ емати скота, боле же за мьне скота не поустѣ”*. Ср. также № 605: *а соромъ ми оже ми лихо мѣвлаше*; № 731: *ако ты си мловила емѣ: “ты дни придьши томо дни поимѣ”*; № 195: *реклъ кси былъ во своємъ селѣ верши всѣ добры и араа жита* и др. Глаголы речи в подобных контекстах могут в равной степени отсылать к устным и письменным высказываниям адресатов.

Конечно, трактовка письменного сообщения в терминах взаимодействия говорящего и слушающего может быть и, скорее, всего во многих случаях является эпистолярной условностью. Однако, как и за всякой условностью, за ней просматриваются некогда существовавшие реальные практики. Это, с одной стороны, прочтение писем адресатам вслух доставившим грамоту курьером — следы его мы пытались выявить выше. На другом конце коммуникативного акта зеркальным соответствием этой практики является написание писем под диктовку — автор при этом действительно, а не метафорически, выступает в роли “говорящего”.

Типологические параллели заставляют думать, что соотношение этих двух практик не было симметричным и что вторая была распространена значительно шире первой. В средневековой Европе грамотность человека определялась способностью “читать и диктовать”, а не “читать и писать”. Как замечает исследователь культуры письма в средневековой Англии, «letter writing was /.../ an intellectual skill using the mouth rather than the hand» (Клэнчи 1979, с. 219). И хотя данная констатация имеет в виду более развитую эпистолярную традицию, чем представленная берестяными письмами, она в какой-то степени приложима и к последним.

Накопленные в настоящее время данные показывают, что практика написания берестяных писем третьими лицами, хотя и не являлась господствующей, была тем не менее достаточно распространена (см. Зализняк 1999, с. 303–305). Напрямую она свидетельствуется, во-первых, письмами, исходящими от одного лица и при этом написанными разными почерками (самый яркий пример — письма Петра на усадьбе Е Троицкого раскопа), и, во-вторых, письмами, написанными одним почерком и исходящими от разных лиц (единственную такую пару составляют грамоты № 710 и 664).

Отличными от авторов “писцами” берестяных грамот могли быть, в принципе, как лица, для ко-

торых письмо было профессиональным занятием, так и просто грамотные люди в окружении авторов — подчиненные, слуги или домочадцы. Оценивая соотношение этих возможностей, следует иметь в виду, что понятие “профессиональный писец” для древней Руси по существу синонимично понятию “церковный писец”: особого, противопоставленного книжному канцелярского письма Русь в XI–XIV вв. не знала (отличаясь этим как от Византии, так и от латинского Запада); ограниченные бюрократические потребности светской администрации вполне могли быть удовлетворены выходцами из церковной среды.

Основной сферой использования в берестяной письменности труда профессиональных писцов можно а priori считать формальные документы и официальную корреспонденцию, доля которых в фонде берестяных грамот с течением времени возрастает. Один из наиболее надежных примеров работы профессионала, причем духовного звания, видится нам там, где он до сих пор не усматривался, — в грамоте № 610 (60-е – 80-е гг. XIV в., челобитная от Роха к Фефилату). Стандартная концовка челобитной *а азъ тобѣ, гнѣ, цоломъ бию* в этом документе продолжена припиской *Аминь. Гнѣ, помилуй дѣака бѣльского*, в которой издатели видят “подпись” самого челобитчика. Можно согласиться с тем, что данная фраза “в соответствии с древнерусским словесным этикетом равносильна подписи” (ДНД, с. 476). Вопрос только — чьей? Такой же подписью является и формула “Х писалъ”, часто встречающаяся в разного рода актовых материалах и всегда называющая при этом имя писца. На этом основании, а также учитывая хорошую каллиграфическую выучку писавшего, можно заключить, что и здесь перед нами автограф писца — “дѣака бѣльского”, написавшего для Роха его челобитную.

Отсутствие подобных свидетельств для раннедревнерусской эпохи логично, вслед за С. Франклином (1985, с. 9), объяснять отсутствием в домонгольской Руси развитого бюрократического аппарата. Впрочем, находки последних лет заставляют существенно скорректировать это представление, показывая, что начатки официального делопроизводства, в том числе частного акта, существовали на Руси уже в начале XII в. Важным свидетельством этого является уже упоминавшаяся берестяная грамота № 2 из Звенигорода Галицкого (10-е – 30-е гг. XII в.), автор которой — вдова Говена, требуя от адресата выплаты шестидесяти гривен за ладью, ссылается на предсмертное распоряжение своего мужа, записанное попом (*повѣдало Говѣно уда на*

соудо, а пошь ѡль; обоснование такой трактовки данного места см. Гиппиус 1991). Упомянутый таким образом текст был, по-видимому, древнейшим известным нам древнерусским завещанием (если, конечно, не считать явно литературного завещания Ярослава Мудрого в Повести временных лет). Был ли это пергаменный или берестяной документ — не так важно: как показала находка грамоты № 818 (2-я пол. XII в.), подобные тексты могли составляться и на бересте.

Публикуемый в настоящем томе комплекс берестяных грамот XII в., происходящих с усадьбы Е Троицкого раскопа, представляет в данном отношении исключительный интерес. Помимо только что названного завещания № 818 письменная продукция этой усадьбы включает целый ряд официальных обращений к властям, в том числе исходящих от жителей целых погостов (аналог позднейших коллективных челобитных); черновик жалобы, имеющий быть переписанным на пергамен (№ 831); записку дьяка и Ильки (№ 842), вероятно, написанную рукой первого из авторов, с типичным для позднейшей актовой письменности началом: *се посьлаховѣ*... Дьяки как представители светской администрации упоминаются также в грамотах № 739 и 855; вместе с автографами Петра, “Остромирова дьяка”, в Новгородской Софии и “Давыдова дьяка” Ивана в Софии Киевской (см. Высоцкий 1966, с. 58–59; Медынцева 1978, с. 94–97) эти свидетельства дают достаточно оснований говорить о существовании элементов светской бюрократии на Руси уже в XI–XII вв.

В неформальных контекстах, при написании частных писем и записок, использование труда профессиональных писцов, в принципе, также могло иметь место: А. А. Зализняк (1999, с. 300) допускает, в частности, что в роли писца выступает Серафьян (судя по имени — монах) в написанном его рукой письме бытового содержания. Работу профессионала он предполагает также в уже упомянутых грамотах № 664 и 710: “палеографические, орфографические и морфологические особенности заставляют предполагать в писавшем попа или монаха” (там же; ДНД, с. 721). Нужно, впрочем, заметить, что отмечаемые особенности — каллиграфический почерк, книжная графическая система, преобладание наддиалектной морфологии, формула *и цѣлью та* — выглядят в свете находок последних лет не столь показательны: в письменной продукции троицкой усадьбы Е и прилегающей к ней территории Людина конца эти черты — не редкость. Их следует трактовать, скорее, не как свидетельство работы писцов духовного звания, а как прояв-

ление социокультурной элитарности подвизавшегося на этой территории населения.

Тем более примечательно, что именно в этой культурной среде практика написания писем третьими лицами свидетельствуется особенно широко. Как уже отмечалось (Янин, Зализняк 1999, с. 3), письменная продукция троицкой усадьбы Е позволяет выявить корреляцию между количеством грамот, написанных не собственноручно, и социальным статусом их авторов. Так, все письма Петра (Петрока) — центрального персонажа этого комплекса — написаны разными почерками. Причина этого, конечно, не в неграмотности Петра, а в том, что свои письма он имел обыкновение диктовать подчиненным. Чем выше на социальной лестнице стоял автор письма, тем большими он располагал возможностями, чтобы поручить записать его кому-то из окружающих. Это вполне могли быть и клирики, проживавшие на окрестных усадьбах, но также и грамотные “отроки”, которых в дружинной среде было более чем достаточно. Для писем Петра, присланных в Новгород из деловых поездок, второе намного более вероятно.

В зависимости от того, в каких социальных отношениях находятся между собой отправитель письма и писец, роль последнего может наполняться различным коммуникативным содержанием. “Отрок”, записывающий под диктовку своего господина его письмо, и сельский дьяк, пишущий челобитную для неграмотного крестьянина, оба являлись “писцами”. Но если в первом случае роль составителя текста принадлежит отправителю (S=C), то во втором ее может в значительной степени или даже полностью брать на себя писец (C=Sc). Такой писец может даже становиться одним из титульных авторов грамоты, что мы находим, например, в № 310 (кон. XIV – нач. XV в.) — челобитной посаднику Андрею Ивановичу от ключника Вавилы и крестьян Захарка и Нестерка. Никакого отдельного от просьбы крестьян обращения ключника данный документ не содержит; роль Вавилы заключается, очевидно, в самом оформлении этой просьбы, доведении ее до сведения адресата.

Зная, что многие берестяные письма писались под диктовку, и предполагая, что некоторые грамоты доставившие их посылные зачитывали адресатам вслух, логично думать, что в части случаев курьер мог выступать и в роли писца. Разделение функций пишущего и посылного было необходимо лишь при неграмотности последнего, но как раз в таком случае автор мог написать грамоту и собственноручно. Если же посылаемый с берестяной грамотой сам был грамотен, естественно было про-

диктовать грамоту ему, не привлекая для этого специального писца. Показательна в этом отношении грамота № 739 (20-е – сер. 50-х гг. XII в.): *Отъ Глѣбѣка к[ъ] воло[ча](н)[омь. Вѣ]да[ите] сему диаку :ѣ: и гри^н: църкѣвную стрѣже...* Использование в качестве посыльного дьяка коррелирует здесь с церковными элементами в языке (см. в первую очередь написание самого слова *диакъ*). Отправляя дьяка за “церковной гривной”, не было надобности затруднять написанием сопроводительной грамоты еще одно духовное лицо. Грамота, врученная волочанам

§ 26. В свете изложенного в предыдущих параграфах рассмотрим такую особенность ряда берестяных писем, как упоминание авторов в третьем лице.

Древнейшая из грамот, в которых представлено данное явление, — № 745 (кон. XI – 1-я четв. XII в.): *Ѡ Павѣла из Ростова къ Братонѣжскоу. Аже то лодиа присѣлана кыанина обѣсти ж кыназоу, дати не боуде присловѣа ни тобѣ ни Павѣлови ‘От Павла [письмо] из Ростова к Братонежку. Если ладья киевлянина [уже] прислана, то сообщи о ней князю, чтобы не было худой славы ни тебе, ни Павлу’.*

Аналогичное употребление фиксируется также в грамотах № 422 (40-е – 50-е гг. XII в., от Местяты к Гавше и Сдиле), № 275/266 и № 260 (письма Сидора, 70-е – 80-е гг. XIV в.) и № 243 (челобитье Семенка-карела, 20-е гг. XV в.). Не вполне надежно относящаяся к автору форма третьего лица выделяется в грамоте № 821 (сер. XII в., от Негла к Петроку и Якше).

Сразу же отметим два обстоятельства. Во-первых, “авторское” третье лицо — редкость в берестяной переписке; во-вторых, ни в одном из названных текстов данный принцип не проведен последовательно: в тех грамотах, где отправитель упоминается в основном тексте письма более одного раза, относящиеся к нему формы третьего лица сосуществуют с формами первого лица (№ 422, 275/266, 243).

По мнению А. А. Зализняка (ДНД, с. 240, 266, 506–507), упоминание авторов писем в третьем лице показывает, что грамоты писались не ими собственноручно, а третьими лицами — профессиональными писцами или кем-то из окружения авторов. Несколько иначе трактует данный феномен Р. Факкани, полагая, что в третьем лице могут иногда говорить о себе и сами авторы грамот, — этот эффект сопоставляется им с встречающейся в итальянской разговорной речи заменой первого лица выражением *sottoscritto* (“нижеподписавшийся”) (Фак-

кани 1995, с. 104, 141). Такое перенесение в устную коммуникацию оборота, заимствованного из письменной речи, является, конечно, весьма отдаленной аналогией рассматриваемому явлению. Однако и объяснение его отражением точки зрения писца имеет свои недостатки: трудно представить, например, чтобы писец грамоты № 745 в диктуемой ему фразе *дати не буде присловѣа ни тебе ни мнѣ сознательно заменил мнѣ на Павѣлови, исходя из собственной коммуникативной перспективы; с другой стороны, считать эту замену спонтанным “прорывом” личности пишущего также нет оснований.

Особенно любопытно, что два письма, в которых фиксируется данное явление, исходят от одного автора (Сидора, № 275/266 и № 260). С одной стороны, это означает, что по крайней мере одно из писем действительно написано Сидором не собственноручно. Но как объяснить, что в третьем лице Сидор называется и в другом письме? Очевидно, что упоминание автора в третьем лице не было нормой для грамот, писавшихся третьими лицами. Вероятнее поэтому, что здесь мы имеем дело не со случайным совпадением в поведении двух писцов, которым диктовал свои письма Сидор, а с особенностью эпистолярной манеры самого Сидора.

Особенно любопытно, что два письма, в которых фиксируется данное явление, исходят от одного автора (Сидора, № 275/266 и № 260). С одной стороны, это означает, что по крайней мере одно из писем действительно написано Сидором не собственноручно. Но как объяснить, что в третьем лице Сидор называется и в другом письме? Очевидно, что упоминание автора в третьем лице не было нормой для грамот, писавшихся третьими лицами. Вероятнее поэтому, что здесь мы имеем дело не со случайным совпадением в поведении двух писцов, которым диктовал свои письма Сидор, а с особенностью эпистолярной манеры самого Сидора.

Впрочем, сама постановка вопроса: кто говорит об авторе в третьем лице — писец или сам автор? — кажется до некоторой степени искусственной; во всяком случае, она явно не исчерпывает существа дела. Анализируя такое употребление, естественно исходить из презумпции его преднамеренности, видя в нем этикетный отказ от авторской коммуникативной перспективы, произведенный в интересах адресата. Кому бы ни принадлежало это речевое поведение — самому отправителю сообщения или же отличному от него писцу, — значимым является не момент записи, а момент восприятия сообщения адресатом, на который ориентируется составитель текста.

Приблизиться к пониманию данного явления можно, поставив его в более широкий контекст.

Обозначение в третьем лице автора или/и адресата высказывания встречается, вообще говоря, в самых различных речевых ситуациях — от дипломатической переписки до разговора с детьми, — соответствующим образом варьируя свою прагматику (см. Шмелев 2002, с. 167–172). В древнерусской письменности такое употребление с разной регулярностью представлено в ряде жанров.

В актовом формуляре авторское третье лицо делит свои позиции с первым, что наглядно демонстрируют уже два древнейших русских пергаменных акта: в то время как Мстислава грамота 1130 г. последовательно выдержана в формах первого лица (*Се азъ Мъстиславъ ... повелѣлъ ѥсмь* и т. д.), в данной Варлама Хутынского (1192–1210) столь же последовательно употребляется третье лицо (*Се вѣдале Варламе* и т. д.). Чередование форм первого и третьего лица возможно и в пределах одного документа — мы уже наблюдали это на примере духовной Климента 1270-х гг. (см. § 9).

Намного реже в третьем лице говорят о себе книжные писцы. См., например, запись в новгородском стихираре XII в. (РГАДА, ф. 381, № 145): *Псалъ грамотицю съю члвкъ има емоу крстьнокъ Юковъ, а мирьски Творимиръ, понамарь стѣго Николы...* (Каталог ЦГАДА, с. 74).

Наконец, формы авторского третьего лица представлены в настенной храмовой эпиграфике, где они входят в состав двух основных моделей: “X пьсалъ” и “Господи, помози рабу своему X”. В надписях более сложной структуры нередко наблюдается чередование личных форм. Приведем два примера из надписей в новгородском Софийском соборе (Медынцева 1977). № 200: *хот[ь]ць пѣвъ въ бѣ^а его о сѣаа софѣе избави ма бѣды* (текст приведен по работе А. А. Зализняка в настоящем издании); № 209: *о сты петре прости ѿдаждь все елико ти съгршихъ рабу своему михайлоу аминь*. Особый интерес представляет надпись № 26, в которой наряду с авторским третьим лицом представлено третье лицо адресата: *олисѣи молить са свѣти софи*. Этот текст, который можно было бы понять как подпись к изображению молящегося, в действительности представляет собой само молитвенное обращение.

Формульный и ритуализованный характер, присущий формам третьего лица во всех этих контекстах, подчеркивает независимость такого употребления от фактора несовпадения пишущего с отправителем сообщения: как в акте, составляемом профессиональным писцом, так и в автографе молящегося на стене храма транспозиция личных форм объясняется прагматикой текста, ориентацией на

воспринимающего субъекта: потенциальную аудиторию документа, читателя книги, наконец, Бога или святого, к которому обращена молитва. Такое отчуждение высказывания от говорящего, письменной речи от ее автора может обуславливаться разными причинами: стремлением к большей ясности формулировок или же смиренным отказом от авторского “я” — в любом случае она представляет собой сознательный прием, явление речевого этикета.

Представляется поэтому, что анализ употребления форм авторского третьего лица в берестяной переписке не может быть ограничен рассмотрением нескольких случаев, в которых данное явление фиксируется в основном тексте писем, но должен принимать во внимание и их этикетную часть, в первую очередь — адресные формулы.

Наиболее открыто авторское третье лицо выступает в формулах типа “X молвил Y-у” и “Бьет челом X Y-у”; однако, отвлекаясь от чисто глагольной репрезентации данного явления, его с полным основанием можно видеть во всех разновидностях адресных формул, коль скоро отправители (и адресаты) писем представлены в них своими именами, а не личными местоимениями. Собственно говоря, в коммуникативном плане адресная формула тем и отличается от основного текста письма, что автор и адресат обозначаются в ней формами третьего лица, тогда как в основном тексте — соответственно первого и второго.

От этого общего правила возможны отклонения двоякого рода. С одной стороны, модус обозначения участников коммуникации, нормальный для основного текста грамот, может проникать в адресную формулу. В фонде берестяных грамот имеется единственный, но очень важный пример этого — грамота № 771: *Офимиа каже весте къ тебе: грвиѣ серебра присли на дѣвке ...* (вместо тебе здесь ожидалось бы имя адресата, ср. Ст. Р. 11: *Иванѣа молвила Оимь*).

Упоминание автора в третьем лице в содержательной части берестяных писем можно рассматривать как симметричное этому явление, объясняя его коммуникативной “инерцией” адресной формулы, перенесением в основной текст письма свойственного ей “объективного” модуса обозначения отправителя. Показательно, что при чередовании в основном тексте относящихся к отправителю форм первого и третьего лица последние тяготеют к началу сообщения. Так, в грамоте № 275/266 находим: *Приказъ ѿ Сидора къ Грѣгорию. Что оу подо^а клити Оленини, выдаи сторѣжю в цркѣвь. А что дви корѣби Сидорови ... [до]мень и [д]о Остафши ...*

А про к[о]н[ѣ] поими може цалца ... Аналогично, и в № 243 челобитчик сначала упоминается в третьем лице (дважды), а затем — в первом: *Поклонъ ѿ Сменка ѿ корѣлина. Пришле, гнѣ, т кобѣ на село на Пытареве. Цимъ же пожалуешь, и ты, ѿспднѣ, прикажи всакоє слово. А язъ тобѣ своему гнѣ цолмъ бѣю.* Непосредственно за адресной формулой неохарактеризованная по лицу перфектная словоформа (в которой по аналогии с № 243 можно видеть третье лицо) следует и в грамоте № 821: *Отъ Нѣгъла къ Петръкоу и къ Акъши. Сънаале землоу на :ѣ: лѣтъ ...* Невыраженность субъекта при сънаале явно объясняется тем, что эта фраза мыслится как прямое продолжение адресной формулы, составляя с ней коммуникативное целое.

Такая интерференция между адресной формулой и основным текстом письма оказывается возможной из-за в целом нежесткого характера их противопоставления. С одной стороны, адресная формула в принципе является лишь одним из компонентов этикетной части грамоты, которая может иметь свои “вкрапления” также в основном тексте; с другой стороны — она сама может вбирать в себя отдельные элементы содержания сообщения (см. Зализняк 1987, с. 149). Особенно показательна в этом отношении уже упомянутая в предыдущем параграфе грамота № 310: *Цѣлобитикъ ѿсподину посаднику новгороцкому ѿнедрию Ивановицо ѿ твѣжѣгъ клоуцика ѿ Вавулы и ѿ твоихъ хрестяно, которые хрестяни с Ылова пришли за теба Захарка да Нестерке, жили за ѿлексеж за Шукою. Ноне, ѿсподине, ѿлекси не хоже намъ ржы дати ...* (далее употребляются только формы первого лица). Информация о переходе крестьян здесь синтаксически включена в адресную формулу, вследствие чего граница между нею и основным сообщением перестает существовать.

Специального разбора в контексте рассматриваемой проблемы заслуживает грамота № 422 (40-е–50-е гг. XII в.):

ѿ мѣ:ста:ть : ко га:во:шь : и :
 ко : со:ди:ль : по:пы:та:и:та ми : ко
 на : а : мѣ:ста:та : са : ва:ма покла
 на : а:же : ва : цѣ:то : на:до:бѣ : а соли
 та : ко монѣ : а грамотуо : водаита
 а уо павла : скота попроси:та а мѣ:ста

В отличие от А. А. Зализняка, по-мнению которого обрывающаяся на полуслове грамота представляет собой первый лист двухлистового или многолистового письма (ДНД, с. 265), Р. Факкани считает возможным трактовать ее как полностью сохранившийся документ. Недописанное *Мѣста* является, считает исследователь, частью повторенной еще раз формулы *а Мѣста(та са вама покланаеть)*, которую автор во второй раз сократил, “чтобы не повторяться” (Факкани 1995, с. 104). В пользу такой трактовки говорит, на наш взгляд, и резкое возрастание плотности письма в последней строке

(число букв по строкам грамоты: 16/21/19/22/27), — оно показывает, что писец не собирался переходить на новый лист и текст грамоты на этом скорее всего заканчивался.

При такой трактовке грамоты формы авторского третьего лица оказываются признаком, последовательно противопоставляющим этикетную часть письма его содержательной (информативной) части, т. е. собственно сообщению. В последнем отправление дважды обозначен формами первого лица, тогда как в этикетной части он трижды называется по имени, то есть выступает как третье лицо.

Это распределение находит близкую аналогию в древнерусском посольском обычае, каким мы знаем его по летописным описаниям (см. Лихачев 1946/1986). Как пример приведем описание в Галицко-Волынской летописи одного из посольств к Владимиру Васильковичу. Исполнявший роль посла перемышльский епископ Мемнон *воиде к нему (Владимиру) и поклонивса емоу до землѣ, река: “Братъ ти са кланаеть”. И велѣ емоу състи. И нача посольство правити: “Братъ ти, гнѣ, молвить: стръи твои Данило король, а мои ѿѣ, лежить в Холмѣ оу стѣби Бѣци ...”* (Ипат., 1288 г.). Ср. также в Лавр. под 1176 г. о посольстве князя Глеба Ростиславича к Михалку Юрьевичу: *оусрѣтоша и посла Глѣбови рекуци: “Глѣбѣ са кланаеть: азъ во всемъ виноватъ ...”*. В обоих случаях текст послания передается от первого лица, за исключением формулы “такой-то тебе кланяется”. Как видно из первого контекста, произнося эту формулу, посол кланялся, “изображая” поклон автора речи. Упоминание последнего в третьем лице призвано было, видимо, отделить этот жест от его непосредственного исполнителя, подчеркнуть его вторичность.

Не означает ли это, что и текст грамоты № 422 был доведен до ее адресата в устной форме, сопровождаемый двумя ритуальными поклонами? Сама же грамота могла служить памяткой передающему сообщение курьеру. В пользу этого говорит, как кажется, и недописанное имя автора в последней строке. Оборванную таким образом формулу вежливости трудно представить себе в тексте, рассчитанном на предъявление адресату, — это было бы равносильно подмене учтивого поклона небрежным кивком. Такой обрыв между тем легко объясним, если грамота зачитывалась адресату послыльным: недописанное *Мѣста...* в таком случае должно пониматься как сокращение, имеющее быть “развернутым” в устном исполнении и функционально аналогичное сокращенной записи стандартных концовок молитвословий в литургических книгах. В связи с этим неслучайным кажется и то,

что данная формула осталась недописанной до конца и в первом случае (см. *поклана* вм. *покланае* или *покланаеть*), в то время как другие описки в грамоте отсутствуют.

Точка зрения лица, зачитывающего текст письма его адресату, является, вообще говоря, именно той позицией в пределах коммуникативного акта, с которой адресат предстает как второе лицо, а отправитель — как третье. “Ни тебе ни Павлу” мог реально сказать, обращаясь к Братонежку, посланец Павла, и грамота № 745 фиксирует, по-видимому, именно это высказывание.

Что же касается писца, то отражением его точки зрения упоминание автора в третьем лице может быть, как представляется, лишь при следующем условии: если характер отношений, связываю-

щих писца с отправителем, делает его коммуникативно “независимым”. Такую коммуникативную независимость писца мы уже наблюдали в грамоте № 310: пишущий крестьянскую челобитную ключник вместе с функцией писца выполняет роль “докладчика”, доводящего до адресата сведения об отправителе. Весьма вероятно, что именно такое происхождение имеют формы авторского третьего лица в челобитной Семенка-карела (№ 243).

Как видим, упоминание авторов берестяных писем в третьем лице представляет собой сложное коммуникативное явление, обусловленное действием целого ряда прагматических факторов и в зависимости от специфики коммуникативной ситуации конкретного текста допускающее различные объяснения.

Приложение

§ 27. Основу настоящего Приложения составили наблюдения над коммуникативной организацией и текстовой структурой отдельных берестяных грамот, которые по композиционным причинам или в силу большей гипотетичности предлагаемых решений не нашли себе места в основном тексте. В Приложение включены также поправки к чтению и переводам грамот, непосредственно не связанные с темой работы.

№ 27 (80-е – 90-е гг. XIV в.). В ДНД текст и перевод грамоты имеют следующий вид:

поклоно ꙗꙋ фалеа ко есифу послале
азо к тоби · беросто написаво въз
шли за[п]------[оє беросто] ... (|...)

‘Поклон от Фалея Есифу. Я послал к тебе берестяную грамоту, написавши [в ней]: вышли ...’.

В комментарии к грамоте А. А. Зализняк отмечает, что “*вышли* — по-видимому, от *выслати*, а не от *выйти*” и что “далее в тексте еще раз упоминалась берестяная грамота”. В более ранней работе исследователь предположил также, что словом *бересто* грамота могла и заканчиваться (НГБ IX, с. 127). Это предположение, не использованное при публикации текста в ДНД, заслуживает между тем решительной поддержки. Сохранившаяся часть нижнего края грамоты столь же ровная, как и верхний край, и, по-видимому, обрезана. Никаких штрихов, которые могли бы принадлежать буквам следующей строки, на ней не видно. Важнее всего, однако, следующее: в нижнем правом углу, где должна была бы заканчиваться третья строка, если

бы она, как и первые две, доходила до края листа, также нет никаких следов букв. Таким образом, есть все основания считать, что грамота дошла до нас полностью, за исключением небольшой (по оценке А. А. Зализняка, в 7 букв) лакуны в третьей строке. Это позволяет заново осмыслить общую структуру документа.

Согласно традиционному толкованию, автор грамоты ссылается на свое более раннее письмо к тому же адресату и цитирует его. Данная трактовка предполагает, что утраченная часть письма содержала продолжение цитаты и какое-то новое сообщение или просьбу. Но как быть, если никакого продолжения не было и за словом *написавъ* следовала всего одна короткая фраза? В принципе можно было бы допустить, что фраза ‘я послал к тебе берестяную грамоту’ относится к данному письму; ср. уже цитированную выше адресную формулу грамоты Ст. Р. 11: *Иванаа моловила Оимь*, где *моловила*, как уже говорилось, означает именно ‘послала (настоящую) грамоту, написав’. Однако в нашем случае это объяснение не проходит, так как письмо уже имеет адресную формулу обычного вида.

Все это заставляет пересмотреть принятое членение грамоты на синтагмы. Начало письма Фалея Есифу следует, на наш взгляд, читать: *Послале азо к тоби, беросто написаво* ‘Я послал к тебе [своего человека], написав “бересто”’. Важным, хотя и косвенным аргументом в пользу такого чтения является то, что между *тоби* и *бересто* стоит единственная в грамоте точка. Хотя расстановка точек в берестяных грамотах далеко не всегда соотносится с синтаксическим членением текста, в данном случае

такая пунктуация кажется вполне осмысленной, позволяя считать В. ед. *бересто* зависящим не от *послале*, а от *написаво*. Что же касается *послати*, то употребление его без прямого объекта хорошо известно древнерусским текстам и неоднократно встречается в берестяных грамотах. Подразумеваемым объектом является в таких случаях гонец, несущий весть, или же сама эта весть.

В предложенном прочтении первая фраза предстает как синтаксически законченная “экспозиция” грамоты (см. Зализняк 1987, с. 165). Вторая, содержащая императив *вышли*, выражает просьбу или требование, с которым автор обращается к адресату. Есиф, в ответ на посылку к нему Фалеем челоука с “берёстом”, должен выслать нечто Фалею. Что же именно? Слово *бересто*, которым заканчивается грамота, может быть в этом контексте лишь формой вин. падежа, управляемой или непосредственно императивом *вышли*, или же, как и в первой фразе, — относящимся к нему причастием, которое в таком случае должно было начинаться на *за-*. На *-ое* могла заканчиваться только согласованная с *бересто* форма местоимения, прилагательного или страд. причастия. Многое зависит от того, как понимать в этом контексте само слово *бересто*. Кажущееся очевидным значение ‘берестяная грамота’ нуждается, на наш взгляд, в некотором уточнении. Помимо данной грамоты, термин *бересто* представлен только в грамоте № 40: ... *неи звозду, а стоать во потклѣтѣ, кто придетъ з берестомъ ...* Несмотря на фрагментированность этого текста, ясно, что автор сообщает адресату, где находятся некие вещи или продукты, на случай, если кто-то придет за ними “с берёстом”. *Бересто* здесь скорее всего — не просто берестяная грамота, а грамота вполне определенного содержания, по-видимому, представляющая собой перечень подлежащего передаче, который пришедший за ним должен был предъявить. Это могло быть предписание типа “возьми у такого-то столько-то” или “дай такому-то столько-то”, или же просто долговая запись — в любом случае “берёстом” назван здесь именно документ или, во всяком случае, запись документального характера. Прямую параллель к такому специализированному значению термина, называющего письменный текст по материалу, на котором он написан, представляет современное русское в *бумага* в значении ‘документ’.

Предполагая то же значение слова и в грамоте № 27, можно думать, что написанное Фалеем “берёсто” содержало перечень сумм или вещей, которые должен был выслать ему Есиф. При этом последний должен был что-то сделать с берёстом Фа-

лея или же написать свое “берёсто”. Речь в грамоте идет, таким образом, о некой финансовой или торговой операции, сопровождаемой обменом фиксирующими эту операцию записями.

Утраченный текст можно предположительно реконструировать. Заметим, что от буквы перед лакуной, восстанавливаемой А. А. Зализняком как *n*, хорошо видны только левая мачта и горизонталь. Следовательно, это может быть и *г*. На *заг-* в берестяных грамотах начинается только глагол *загладити*, обозначающий операцию вычеркивания возвращенных сумм из долгового реестра (см. о ней НГБ IX, с. 139). Это значение идеально подходит к контексту и позволяет предложить для утраченной части следующую конъектуру: *вышли, загладиво м[ое бересто]*. Смысл такого указания достаточно ясен: возвращая долг, полностью или частично, должник сам вычеркивал соответствующую запись в “берёсте” — это предохраняло от недобросовестности посылного и служило гарантией того, что деньги в целости дойдут до кредитора.

№ 103 (кон. XII – 1 четв. XIII в.). С поправками, предложенными в НГБ IX, текст грамоты читается так:

пооклана ѿ завидѣ ко ѱ...
апо жь возми коро...
ги во [сь] гривѣ]н[о](у)

Отказавшись от словоделения издателей а *пожсь возми*, с вычленением слова *пожсь* (‘земля’, ‘пожня’), А. А. Зализняк предположил, что «*жсь* — это частица “же”, а *-апо* — конец какого-то слова, переходящего из первой строки». Однако подыскать словоформу, которая бы заканчивалась таким образом, затруднительно. По-видимому, *пожсь* — это все-таки отдельное слово, но только не существительное, а союз *поже* ‘и, а также’, образованный слиянием предлога *по* и частицы *же*. Оставшийся до последнего времени не описанным, этот союз совсем недавно был идентифицирован В. Б. Крысько (2001, с. 103–105). К двум приведенным в СДРЯ (6, с. 565) примерам из записей псковского писца XIV в. Козьмы-поповича можно теперь добавить еще один из рассматриваемой грамоты. В письме Завида, по-видимому, говорилось: ‘сделай нечто, а также возьми ...’. Слово, начинающееся с *коро-*, — это, очевидно, “корова” (виден и верхний левый угол от *в*), с чем хорошо согласуется и последующее *во [сь] гривѣ]н[о](у)* ‘за это (или на это) гривну’: гривна — подходящая цена для коровы (см., например, № 831). Из словоформ, оканчивающихся на *-зи*, к контексту более всего подходит *моги*. Допустима, в частности, конъектура: *пожсь*

возьми коро[в](оу оу X-а, а добыти мого во [св] гри-
в[б]н[о](у). Ср., с одной стороны, а цълье могий до-
бы(ти) в № 411, а с другой — добыво серебра в № 436.

Ближайшую структурную параллель к *поже* составляет остававшееся до последнего времени загадочным *приже* в Звен. 2, которое, по подтвердившемуся теперь предположению А. А. Зализняка (ДНД, с. 292), членится на *при* и *же*.

№ 112 (кон. XII – нач. XIII в.). После ряда поправок начальная часть грамоты читается в настоящее время следующим образом:

Ɱ ...а : ко : флароу : [се : е:с]и : полле : и:спо-
ло:вницоу : мою : те:лицоу : вода|... --[р]-во- со :
пле:ме:не:мо и:ли : ти : та:жа : а по:е:ди : во го:родо :

Понимание этого текста значительно продвинула предложенная в работах Орел, Кулик 1995 и Журавлев 1997 трактовка слова *испововница* как ‘корова, взятая на время на договорных условиях’. Эта принципиальная лексическая поправка должна быть, на наш взгляд, дополнена и иным синтаксическим членением текста. При сохранении предложенного в издании деления на фразы (*полле испововницоу мою, телицоу вода-*) получается, что взявший испововную корову адресат должен отдать назад телку и корову с потомством. Почему наряду с потомством коровы отдельно упоминается телка, остается в таком случае неясным. Ситуация между тем проясняется и приходит в полное соответствие с этнографически засвидетельствованной практикой, если переместить запятую на слово влево, отнеся слово *телицоу* не ко второй фразе, а к первой: *Се еси полле испововницоу мою телицоу, водае коровоу со племенемо* ‘Вот ты взял мою телку испововницей, отдай же корову с потомством’. В грамоте, таким образом, упомянуты не два разных животных — телка и корова, а одно, изменившее за время его использования арендатором свой “статус”, превратившись из телки в корову. Лингвистическая ценность такого переосмысления заключается в том, что в новом прочтении грамота содержит яркий пример употребления существительного в роли второго винительного, которое до сих пор было засвидетельствовано исключительно книжными памятниками (см. Потенба 1958, с. 301–304).

№ 156 (сер. 30-х — 50-е гг. XII в.). Это, безусловно, один из наиболее загадочных берестяных документов. Грамота сохранилась полностью, и основной ее текст имеет вид:

отъ завида къ мън къ женѣ и къ
дѣтьмъ а женоу ти били не измоучили
чѣго же

После того, как этот текст был написан, между строк (над первой и второй строками) в средней части грамоты той же рукой, хотя и более мелким почерком, была вписана фраза:

къ лоукѣ иди

В издании для основного текста грамоты был предложен перевод: ‘От Завида к Мон... к жене и к детям. Жену твою били, жаль, что совсем не замутили’. Сознавая всю нелепость получающегося смысла, А. В. Арциховский мог объяснить его разве что “раздраженным состоянием автора”. Неудовлетворительность такого толкования попытался преодолеть Л. В. Черепнин (1969, с. 43–44), направивший обсуждение текста в юридическое русло. В этом направлении ориентированы также перевод и комментарий А. А. Зализняка (ДНД, с. 266): “От Завида к жене и к детям. А вот женщину-то били, почему же не поставили ее на пытку? /.../ Очевидно, речь идет об известном автору и адресатам событии — расправе над какой-то провинившейся женщиной (по-видимому, из чужих, поскольку иначе она была бы названа по имени)”.

И в таком прочтении, однако, грамота продолжает производить крайне странное впечатление. Не оставляет ощущение изуверской жестокости автора, особенно поражающей в письме “к жене и детям”. Загадочным остается также начатое и брошенное *къ Мън* (имя первого адресата?), не говоря уже о странной приписке между строк, непонятно к кому обращенной и как связанной с основным текстом письма.

Разорвать этот порочный круг попытался А. Б. Страхов (1999, с. 299–302), предложивший словоделение и перевод основного текста грамоты, не оставляющие от традиционного чтения буквально камня на камне, т. е. ни одного однозначного слова: *а женоу ти били не измоучи, личе гоже* ‘А охочусь на белок, не лова. “Лицевая” шкурка хорошая’.

Эту отчаянную попытку вписать в строки грамоты “человеческий” смысл трудно признать удачной. Обладая некоторой видимостью достоверности, создаваемой интересным лексикографическим материалом по промыслу белки и вообще пушного зверя, чтение А. Б. Страхова, по существу, складывается из одних только натяжек и аномалий — фонетических, грамматических, лексических. Если прочтение *били* как *бѣль* в оговорках еще можно было бы принять (хотя это написание — при правильном употреблении *ѣ* в трех других случаях — и оказывается в таком случае древнейшим свидетельством перехода *ѣ* в *и* в берестяных грамотах), то выделение словоформы *измоучи*, трактуемой как несогласованное действительное причастие на-

стоящего времени со значением ‘ловя’, — есть уже откровенное насилие над лексикой и грамматикой. Вернее, по отдельности и с лексикой, и с грамматикой вроде бы всё обстоит хорошо: с одной стороны, имеются примеры презентных форм глагола *изъяти*, в том числе и с пропуском *ь*; с другой — в диалектах представлен глагол *изымать* ‘поймать, изловить’. При этом А. Б. Страхова нимало не беспокоит совершенный вид этого глагола и то, что приставка *из-* выступает в нем именно как средство образования перфектива. Напротив, в *изъяти* (коррелирующем с *вы(и)яти*) приставка, не меняя вида глагола, создает новое лексическое значение, не имеющее отношения к ловле зверя. *Изымати*₁ как несов. вид к *изъяти* внешне совпадает с *изымати*₂ — сов. вид к *имати*; между тем это разные глаголы, противопоставленные и по значению, и в формальном плане. Предполагаемое же А. Б. Страховым *из(ь)мучи* ‘ловя’ невероятным образом соединяет вид *изымати*₁, значение *изымати*₂ и форму *изъяти*. То, что этот лексико-грамматический гибрид выступает еще и в несогласованной форме жен. рода (в то время как в данной синтаксической позиции причастия в берестяных грамотах в раннедр.-русс. период последовательно сохраняют согласование), само по себе уже большого значения не имеет. Очень странной оказывается в переводе Страхова и заключительная фраза. Что может означать “лицевая” шкурка хорошая, если “лицевая” шкурка — это, согласно цитируемому Герберштейну, и есть по определению самый хороший мех, причем прилагательное *личной* в этом сочетании является производным от *лице* ‘образец товара’, имеющего весьма отдаленное отношение к ситуации охоты?

Отказавшись таким образом от идеи видеть в грамоте № 156 письмо домой лихого охотника, бьющего белок “не ловя”, мы остаемся перед загадкой, которую ставит перед интерпретатором традиционное словоделение. Попробуем предложить свой вариант ответа, опирающийся на предположение о нестандартности коммуникативной организации этого текста.

Обратим внимание на два обстоятельства. В письме, адресованном жене (и детям), речь идет об избииении “жены”. Случайно ли это совпадение, и не означает ли оно, что избита была именно жена, а не просто женщина? Употребленное без определения, слово *жена* может относиться либо к жене адресата, либо к жене автора. Тупиковость первого варианта продемонстрирована самим издателем грамоты. Не была ли избитая женщина женой самого автора письма? В избивших в таком случае следует предполагать кого-то из его детей. Глагол

во фразе *а женоу ти били* ‘а вот избиили [мою] жену’ может быть как 2-м л. без связки (что, впрочем, грамматически маловероятно), так и 3-м, если автор, обращаясь ко всем детям, имеет в виду только виновников происшествия.

Продолжение фразы *не измочили чего же* может быть понято в этом контексте как облеченная в форму риторического вопроса издевка и угроза. Риторика здесь сходна с той, к которой прибегает Владимир Мономах в письме к Олегу, предлагая недавнему убийце своего сына, если он желает крови, не останавливаться и убить еще и младших братьев (*Али хочещи тою убити — а то ти еста!*). Можно вспомнить также Анну из грамоты № 531, предлагающую брату убить ее, если выяснится, что она действительно виновата (*ты же ма и потени не зерж на Федора*).

Жену автора вряд ли могли избить ее родные дети — в таком случае ожидалось бы “мать”, а не “жену”. “Вычисляемая” таким образом ситуация — мачеху избиили пасынки — типичный для древней Руси семейный конфликт, рассматриваемый в целом ряде юридических текстов. В фонде берестяных грамот его иллюстрирует грамота № 415 (40-е – 50-е гг. XIV в.): *Поклоно ѿ Фовронее к Филиксу с плацою. Убиле ма пасынке • и • выгониле ма изо двора. Велише ми ехате в гоородо, или самъ поеди семо, убита есемо* ‘Поклон от Фовронии Филиксу с плачем. Избил меня пасынок и выгнал со двора. Велишь ли мне ехать в город? Или сам поезжай сюда. Я избита’.

Обратимся теперь к еще одной загадке нашего текста — последовательности *къмън*, содержащей, по общему мнению всех писавших о грамоте, недописанное имя первого адресата письма. Несколько обстоятельств делают такую трактовку сомнительной. Во-первых, древнерусские имена, начинающиеся на *Мън-*, неизвестны. Более того, корень *мъног-* — единственный подходящий — в богатейшем фонде славянских языческих антропонимов вообще не представлен, что практически лишает почвы предположение о незасвидетельствованном имени типа **Мъноговои*. Не сильно меняет дело и допущение, что *ъ* в данном случае соответствует *о* (само по себе маловероятное, ввиду отсутствия в грамоте других отклонений от графического стандарта). Славянские имена с начальным *Мон-* тоже, как кажется, неизвестны. Но даже если предположить, что первым адресатом грамоты был некий **Монуйла* (такого рода замены *а* на *о* в христианском именослове берестяных грамот имеются), остается вопрос: почему имя главного адресата грамоты осталось недописанным?

Важно и то, что слово было не просто недописано. Его окончание не было пропущено писавшим по невнимательности — оставленное пустым место перед последующим *къ* показывает, что слово, начинавшееся на *мьн-*, было начато и брошено, после чего писец взял новое начало с небольшим отступом (заметим, что никаких дефектов береста в этом месте не имеет). Причина могла быть только в том, что писавший осознал неправильность выбранной им поначалу формулировки и отказался от нее.

Что же в таком случае стоит за недописанным *мьн-*? Рискнем предположить — сознавая всю парадоксальность такой гипотезы, — что недописанной оказалась наиболее частотная древнерусская словоформа, начинающаяся таким образом, — дат. падеж ед. числа личного местоимения 1-го л. *мьнѣ*. Предположение, что письмо должно было первоначально быть адресовано “ко мне”, может показаться абсурдным. Однако в контексте наших наблюдений над нестандартными коммуникативными структурами берестяных писем такая формулировка представляется далеко не бессмысленной. Вспомним, что в фонде берестяных грамот имеется документ, адресованный “к тебе” (грамота № 771), что также представляет собой явную аномалию. Природа ее достаточно очевидна. Любое частное письмо является, в сущности, обращением “от меня к тебе”, и это непосредственное ощущение прорывается в данном случае сквозь правила эпистолярного этикета, требующие указания в адресной формуле имен автора и адресата.

Как было показано выше, формальным адресатом грамоты или определенной ее части может быть отправляемое с этой грамотой лицо (курьер). С другой стороны, как мы видели, посыльный может принимать на себя и роль писца (см. § 2.6). На пересечении этих возможностей мы вправе предполагать и такую гипотетическую ситуацию, когда грамота пишется под диктовку автора одним из ее адресатов. Не с этой ли ситуацией мы встречаемся в рассматриваемом документе?

Представим себе теперь следующую картину. Избитая пасынками жена Завида является к мужу, находящемуся где-то вне Новгорода (таков один из вариантов развития событий в грамоте № 415). Разгневанный муж, чтобы приструнить обидчиков, обращает к ним свою издевательскую реплику, однако записывает ее под диктовку мужа сама пострадавшая. “К тебе и к детям”, — диктует Завид. “От Завида ко мн(е и к детям)”, — начинает писать жена, но, осознав нелепость такого обращения, исправляется: “к жене и к детям”.

Объясняя таким образом появление недописанного *мьн-* в адресной формуле, мы должны отве-

тить еще на один вопрос: почему письмо адресовано жене и детям, если его фактическими адресатами являются только дети Завида, избившие свою мачеху. Выше мы видели, что расхождение между фактической и титульной адресацией берестяных писем связано, как правило, с семантикой приветствия, передаваемой адресной формулой со словами *покланяние*, *поклон* и др. В данном случае о ней, естественно, говорить не приходится. Следовательно, если верно наше понимание грамоты, в письме должен присутствовать смысловой компонент, адресатом которого является жена Завида. Это заставляет нас вспомнить необычную приписку между строк: *къ Лоукѣ иди*. До сих пор, заметим, оставалось вообще без объяснения, к кому обращена эта форма императива единственного числа в письме, адресатом которого является группа лиц. Невозможно было объяснить и странное расположение приписки — между строк в середине текста грамоты, при том, что писавший располагал большим пустым пространством внизу берестяного листа, на котором при желании можно было бы разместить еще пару фраз. Предлагаемая трактовка позволяет понять, почему, несмотря на это, для приписки было выбрано столь неудобное место. Элементом текста, к которому оказалась “привязана” приписка, является все то же недописанное *къ мьн-*. Не означает ли это, что слова “иди к Луке” как раз и обращены к жене Завида? О смысле этого указания можно лишь догадываться. После конфликта с пасынками жена Завида должна была найти себе какой-то временный кров в Новгороде, и с этой целью муж мог направить ее к кому-то из родственников.

При известной экстравагантности предлагаемого толкования оно кажется единственным, которое, объясняя странности оформления текста, представляет бытовую ситуацию грамоты как заурядный семейный конфликт. Как и в других рассмотренных выше случаях, нестандартной оказывается не бытовая, а коммуникативная ситуация грамоты, а также своеобразная риторика, которую, видимо, вслед за А. В. Арциховским, следует объяснять “раздраженным состоянием автора”.

№ 186 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.):

поклоно ѿ стѣпана ко смьнку
возми · оу · кануниковыѣ · де
сать лосои · а · другую деса
ть возми · оу · далилки оу бѣ
шкова · а · да · и · смьну фларе
ву · а · а · зо тобѣ са кла
на · ю ·

Хотя традиционное толкование этого текста, согласно которому адресат грамоты Семенко должен передать собранную им рыбу Семену Флареву, в принципе вполне удовлетворительно, обратим внимание на возможность альтернативной интерпретации. После пересмотра ситуации грамоты № 420 (см. § 12) грамота № 186 остается единственной в фонде берестяных документов, построенной по сценарию “возьми у X-а нечто и дай Y-у”. Кажется несколько странным, что в этом единственном случае имя Y-а совпадает с именем адресата грамоты: Семенко должен отдать рыбу Семену. Это, конечно, может быть и простым совпадением, но аналогия с грамотой № 420 делает, на наш взгляд, более вероятным другое решение: Семенко и Семен Фларев — одно лицо, а грамота, начиная со слов *a dai*, обращается к тем, у кого надлежит забрать рыбу, — Данилке Бешкову и Канунниковым (в лице кого-то одного из них). При этом, в отличие от № 509, где последовательность императивов *возьми*, обращенных к сборщику платежей, включает обращение к плательщикам во множественном числе (*даите*), здесь мы находим единственное число *dai*. Примечательно, что перед заключительной формулой *азо тобѣ са кланяю* стоит еще одно зачеркнутое *даи*. Похоже, что автор, имея в виду двух лиц (кого-то из Канунниковых и Данилку Бешкова), хотел было обратиться к обоим по отдельности, но справедливо решил довольствоваться одним обращением, которое каждый из его контрагентов мог отнести на свой счет. Еще раз подчеркнем гипотетичность такого решения.

№ 206 (и другие грамоты Онфима, 2-я треть XIII в.). Грамота содержит запись складов на *a* (*ба, ва, га ...*), которой предшествует отрезок *иже во ѿчѣ насѡ*. Предметом острой дискуссии стал вопрос, следует ли видеть в этом фрагменте запись даты, и если да, то какой именно. Обобщив высказанные на этот счет точки зрения, А. А. Зализняк (НГБХ, с. 91–92) пришел к заключению, что Онфим, еще по-настоящему не освоивший цифр, неумело имитировал написание даты 6771, т. е. 1263 г. Относительно контекста, в котором эта дата находится в упражнении Онфима, А. А. Зализняк замечает: “К сожалению, вообще нет гарантии, что отрезок *иже во ѿчѣ насѡ* — это часть какой-то единой фразы: например, грамота № 207 показывает, что Онфим мог иногда просто нанизывать слова или даже куски слов. Если все-таки исходить из того, что этот отрезок связан, мыслимы разве что вольные предположения вроде: *благословленъ Господь иже въ* (подразумевается: *лѣто*) *ꙗꙋꙋа насъ живить* (или:

насъ милуютъ; или: *насъ допровади* и т. п.); церковная стилистика подсказывается словом *иже*. Однако если для фраз с таким смыслом, не содержащих точной даты, можно найти аналоги (например, у Мономаха: *и похвалихъ Ба иже ма сихъ днѣвь грѣшнаго допровади* [Лавр., л. 78]), то сходных примеров с указанием даты мы привести не можем. Таким образом, серьезной привязки к контексту дата в грамоте № 206 не имеет”.

Представляется, что вопрос этот все же может быть решен. Поскольку многие слова в записях Онфима оборваны, нет оснований видеть в отрезке *насѡ* обязательно форму личного местоимения. Рядом с годовой датой его, на наш взгляд, естественнее всего трактовать как начатую и не доведенную до конца дневную дату “святочного” типа: *на со(боръ)*. Из святочных дат, представленных в НПЛ, “на собор” — одна из наиболее часто встречающихся; см., например: *новгородьци послаша са по Романа Смольньскоу и въниде на соборъ по чстѣи не^д* (1178 г.); *и постави ю вѣдка на соборъ стѣна Евѣфиміе* (1195 г.); *тѣгда же на соборъ оубиша проусі Овьстрата и сѣѣ юго Лоуготоу* (1215 г.); *и поставиша и игоуменомъ марта въ .ii. на стѣго Феѣилакта на соборъ* (1226 г.); *поставленъ бѣѣ по^пмъ въ сѣропоу^сю не^д, архієписмъ по чстѣи не^д на соборъ* (1230 г.).

Уверенность в таком прочтении этого отрезка придает то, что непосредственно за ним начинаются склады (*ба, ва, ...*), и таким образом *б*, необходимое для чтения *на соборъ*, фактически имеется в тексте. Можно считать, что Онфим стал писать слово *соборъ* и, дойдя до *б*, бросил его и переключился на запись складов, начинающих с этой буквы. А. А. Зализняк уже обратил внимание на неслучайность перехода от текста к складам в другой грамоте Онфима (№ 204): *ако же бе ве ге де же ...*, где огласовка ряда складов явно задана последним гласным текстового фрагмента. Тот же принцип он предполагает и в грамоте № 206, считая *a*-огласовку складов спровоцированной последним ударным гласным в *насѡ*. Однако в отличие от № 204 в № 206 действие этого принципа далеко не очевидно: выбор огласовки складов здесь в специальном объяснении не нуждается, так как записывается их абсолютное начало. С другой стороны, в № 204 существенным кажется не только единство гласного, но и то, что текстовый фрагмент заканчивается односложной частицей, которая сама по себе является одним из первых складов. Именно это скорее всего и подтолкнуло Онфима к такому продолжению: начав записывать склады, он через три позиции снова дошел до *же*. Всё это позволяет не-

сколько иначе понять логику соединения фрагментов в № 206, увидев связующий элемент не в гласном *a*, а в согласном *b*, в равной степени принадлежащем предыдущему и последующему фрагментам.

Это дает нам ключ и к начальной части грамоты. В позиции абсолютного начала текста последовательность *иже во* (связать которую с продолжающей ее датой в рамках сколько-нибудь правдоподобно выглядящей единой фразы, как уже говорилось, не удастся) получает естественное объяснение как часть стандартной формулы *иже въ (святыхъ отца нашего)*. С другой стороны, предлог *въ*, которым заканчивается этот отрезок, органично сочетается со следующим за ним обозначением года. Таким образом, в грамоте № 206 мы имеем дело с соединением трех самостоятельных фрагментов — формулы *иже во (святыхъ отца нашего)*, записи даты *во ѿшѡа на събѡ(орь ...)* и складов *ба, ва, га ...*, — произведенным “внахлест”, при помощи общих для них подчеркнутых элементов.

Тот же принцип соединения фрагментов можно наблюдать и в грамотах Онфима, содержащих обрывки литургических текстов:

№ 207: ако со нами бѡ | ѡслъшите | до посл ѡ
ако|ко же мо ли|ѡе твоѡ на ра|ба твоѡго бѡ

№ 331: ... |го слово пло|щ|... |гю аще на не азо |
ги не дростию .

В первом из этих текстов Н. А. Мещерским были опознаны три фрагмента из следованной Псалтыри: *ако со нами бѡ; ѡслъшите до послѣднихъ земли*; (*обратѣ*) *личе твоѡ на раба твоѡго бѡ(родице)*. Тот факт, что третий фрагмент, в отличие от первых двух, Онфим начал с середины фразы, вряд ли случаен. Его можно объяснить тем, что слово *личе* “выросло” под пером Онфима из недописанного *моли(мъ ся)* или *моли(тва)*. Точно так же и изолированное *ѡ*, соединяясь с предшествующим *посл* из *послѣднихъ земли*, дает начало одной из словоформ *послу(шати)*, вполне уместной в молитвенном контексте. В последовательности *послѡко|коже моли* (с ошибочно повторенным при переходе на новую строку слогом *ко*) можно даже усмотреть начала смежных фрагментов вроде *послу(шаеши ...)*, *яко же моли(мъ ти ся ...)*; ср. отрезок *ащананазо* в № 331, в котором опознаются начала обеих частей стиха 3 псалма 26: *аще (въстанеть на ма брань), на нѣ) азъ) (оуповаю)*. В самой грамоте № 331 интересующий нас эффект также представлен: отрезок *словопло|щ|* явно представляет собой результат наложения *слово* и *воплощ-* (*воплощено? воплощся?*), в котором, на фоне других рассмотренных выше фактов, едва ли следует видеть обычную гаплографию.

Наконец, в том же ряду следует рассматривать и странное *доложикѣ* 202, в котором, как уже отмечалось (ДНД, с. 387), последовательность *жзик* скорее всего перенесена из азбуки. Вряд ли Онфим случайно сбился в написание азбуки именно в этом месте. По сути дела, и здесь мы находим соединение двух фрагментов (словоформы *доложкѣ* и азбучной последовательности *жзик*) при помощи общих элементов (*ж* и *к*), с той разницей, что один из фрагментов не продолжает другой, а вклинивается в него посередине. По-видимому, последовательность *жк* в записываемом слове навела Онфима на мысль об азбуке, в которой эти буквы занимают близкие позиции, и он обыграл эту ассоциацию, включив соответствующий азбучный фрагмент в свою запись.

Указанный принцип соединения фрагментов обнаруживается, таким образом, в пяти из двенадцати дошедших до нас грамот Онфима. Если же вычестъ из общего числа грамоты, содержащие только склады и азбуки (№ 200, 201, 205), а также обрывок (№ 208) и подпись к рисунку (№ 210), то доля текстов, охваченных данным принципом, окажется еще более впечатляющей (5 из 7). Важнее, однако, что ученические записи Онфима выглядят в предложенном прочтении далеко не столь хаотичными, какими казались до сих пор: в них обнаруживаются явные признаки словесной игры. Смысл ее заключался в нанизывании фрагментов текста — частей фраз, слов, складов, фрагментов азбуки, — сцепленных между собой общими элементами. Порядок этой игры “в слова” представляется примерно следующим. Онфим начинал записывать какую-то фразу и, миновав точку, в которой текст становился узнаваемым, “уходил в сторону”, используя последние написанные буквы в качестве начала новой фразы (слова, складов).

Стоит заметить, что предлагаемая трактовка записей Онфима несколько не противоречит традиционному взгляду на них как на ученические упражнения; более того, игровой эффект, достигаемый необычной записью текста, сближает их с грамотой № 46 — читаемой по вертикали столбец за столбцом школьной шуткой.

Хотя прямых аналогий игре Онфима в древнерусском материале не просматривается, общий принцип, на котором она строится, хорошо известен: он лежит в основе лигатурного письма, суть которого состоит именно в соединении фрагментов письменного текста через общие элементы. То, что делает в своих грамотах Онфим, есть по существу распространение этого принципа с буквенного уровня на словесный. Нечто похожее можно

наблюдать в декоративном письме на иконах, где на фоне интенсивного использования буквенных лигатур не кажется случайной гаплографией и следующее обозначение сюжета “Воскрешение Лазаря” на иконе середины XV в. из Русского музея: *лазоревоскресенье* (Смирнова, Лаурина, Гордиенко 1982, с. 243–244).

№ 259/265 (из блока Григория). Полностью текст грамоты в настоящее время читается так: *Приказо ѿ Григорий ко Домѣнѣ. Послало късмо к тобѣ вѣ[дѣ]роко ѿ[се]тринѣ за[не]...⁷ ... [а] само тамо не леж[и ть] восплатѣ во Лугу иди. А ты, Репехо, слушаѣ Домни и ты, Фовро. Для первой фразы после разрыва А. А. Зализняк предлагает два варианта перевода, выбор между которыми зависит от истолкования слова *само*: ‘... А там не очень задерживайся (*или*: А сам там не задерживайся) — иди обратно в Лугу’. Как бы то ни было, кажется весьма вероятным, что “наказ о возвращении в Лугу относится уже не к Домне, а к кому-то из мужчин (при переводе ‘а сам ...’ такая гипотеза становится даже обязательной)” (ДНД, с. 504). Таким образом, помимо титульного адресата (Домны) и Репеха с Фоврой, к которым обращена последняя фраза, грамота имеет еще одного адресата. Судя по указанию идти “назад в Лугу”, этим адресатом вполне мог быть Недан, упоминаемый в другом письме Григория к Домне (№ 134): *а Недана пошли во Лугу ко Илну дни*. Каким же образом имя Недана (или любого другого пришельца из Луги) вводилось в грамоте? В принципе можно допустить, что за адресованным Домне сообщением о посылке осетрины следовало указание Недану сделать нечто и, не задерживаясь, отправиться назад в Лугу, однако такая реконструкция кажется довольно надуманной и тяжеловесной. Более вероятно, что в продолжении первой фразы было сказано, каким образом и с кем отправлено ценное ведро. К упомянутому таким образом посылному автор и обращался далее: ‘а сам там (т. е. в Новгороде) не задерживайся — иди назад в Лугу’. Ср. в приведенной выше (§ 17) грамоте Торж. 10: *а самого послы сѣмо*, где ‘сам’ также относится к курьеру, хотя курьер этот выступает не в роли адресата, а как объект действия автора.*

⁷ Для данной словоформы представляется вероятной конъектура *запе(чатано)* или *запе(чатавъ)*. Употребление данного глагола в отношении ценных пород рыбы свидетельствуется примером из Сл. XI–XVII (5, с. 263): *А на всякой гсдрь подводе всякая рыба на нити пронизана и запечатана за печатью стряпчего Стефана Тимофева Скарятина*.

№ 295 (стратигр. 20-е – 30-е гг. XIII в., Неревск. Е)

(... |) ... з[натъ]вз свою : и] жер[ебъ] р[ощѣ]пив]ше [сѣ] вами : по|... ... (м)[ѣ]жмъ вѣдание опять : и о старыхъ княхъ о :н: грнъ : пакы ли али [а сл]ю [дѣ]---|... ... вѣде · погона :

Перевод грамоты в ДНД: ‘... [поставив (?)] знак свой и расцепивши с вами жеребей (здесь: деревянную палочку с зарубками) ...’ После разрыва: ‘... [вам с тем (?)] мужем расчет заново также и по поводу пятидесяти гривен старыми кунами (*другой вариант*: по поводу прежних денег — пятидесяти гривен). В противном случае я посылаю [детского и такая-то сумма] будет погона’.

Этот перевод и соответствующее ему понимание ситуации грамоты нуждаются, на наш взгляд, в некоторой коррекции. Частичная конъектура для разрыва между концом первой и началом второй строки исходит из того, что упоминаемый здесь “муж” — это лицо, с которым адресатам грамоты предстоит расчет. Странно, однако, что не указано имя этого лица и что рассчитаться с ним нужно “опять”. Эти странности снимаются, а ситуация грамоты становится вполне тривиальной, если считать, что “муж” — это доставивший грамоту курьер, с которым автор предлагает адресатам отправить ему обратно (*опять*) отчет (*вѣдание*) о выполнении поручения. Вероятной конъектурой для этого места представляется, таким образом: *По(слите же съ симъ м)[ѣ]жмъ вѣдание опять*. Аналогию такой ситуации находим в грамоте № 296, автор которой, обращаясь к брату с просьбой прислать ему денег, добавляет: *а есть мжжъ, съ нимъ*. При этом становится ясен и смысл заключительной фразы грамоты № 295: предлагая адресатам прислать отчет с тем же “мужем”, который доставил им его письмо, автор заявляет, что иначе он вынужден будет прибегнуть к услугам официального лица — детского, дорожные расходы которого (*погонъ*) адресатам придется оплатить. Очень похожая ситуация представлена в грамоте Звен. 2: там, как мы уже видели, автор тоже предписывает адресату отдать деньги явившемуся к нему с грамотой посылному и угрожает в противном случае приехать с княжеским детским, что обойдется адресату значительно дороже.

Слово *вѣдание* можно было бы в этом контексте понимать просто как ‘извещение, уведомление’. Это значение засвидетельствовано словарями, однако представлено исключительно в сочетании *дати вѣдание*, то есть является фразеологически связанным. Правильнее поэтому, вслед за А. А. Зализняком, связывать данное словоупотребление с глаголом *вѣдатися* ‘рассчитываться’, видя в нем,

однако, обозначение документа, фиксирующего расчет, а не расчета как действия, то есть *nomen acti*, а не *nomen actionis*.

То же значение слова представлено скорее всего и в грамоте № 719, где данная лексема до сих пор опознана не была. В издании текст грамоты опубликован в следующем виде:

ПОКЛАНАНИЕ ѿ ДОМА... .. (ПОС)АДЪНИКУ ГОДЪ ТИ СЪЛО
ВОЗАТИ А СЫНО ТИ М[Ъ]... (...) ...[Ъ] ДАНИЕ ВОСОЛИ

Вычленяемое здесь слово *дание* ‘дар’ не очень хорошо подходит к контексту как по значению, так и стилистически, неся на себе явный отпечаток книжности. Параллель с грамотой № 295 позволяет членить и понимать текст иначе: (ѿ)[Ъ]дание *восоли* ‘вышли расчет’. Заметим, что буква, трактованная в издании как *ь*, может быть, судя по прориси, с бóльшим основанием определена как *ѣ*, что делает конъектуру (ѿ)ѣдание практически гарантированной.

В начальной фразе грамоты № 295 отражена, согласно комментарию в ДНД, «процедура изготовления долгового документа на деревянной бирке: на деревянной палочке или плашке делались зарубки, символизирующие суммы долга (денежного или натурального), после чего палочку расщепляли на две одинаковые части; одну из них получал заимодавец, ее копию — должник. На бирке могла делаться также запись (см. НГБ VIII, с. 81–82) или ставиться особый знак (“знятьба”) участника сделки» (ДНД, с. 389). То, что в грамоте действительно говорится о расщеплении долговой бирки, вряд ли может быть поставлено под сомнение. Спорной представляется, однако, трактовка “знятьбы” как особого личного знака. Новгородские долговые бирки, материал которых в настоящее время обстоятельно исследован Р. Ковалевым (2001), не несут на себе, помимо зарубок и записей, никаких других знаков, которые могли бы претендовать на роль “знятьбы”. Оставаясь в рамках гипотезы о связи “знятьбы” с процедурой изготовления бирки, можно предположить, что таким образом назывались сами зарубки, обозначающие сумму долга. Для непротиворечивого истолкования грамоты № 295 данного предположения в принципе достаточно. Однако в более широком контексте оно представляется лишь шагом к решению вопроса.

В фонде берестяных грамот слово *знятьба* еще раз представлено в грамоте № 705, где его значение также составляет проблему. Автор грамоты Домажир предлагает Якову в случае смерти своей сестры (жены Якова) прислать к нему сына “с ее знятьбой”: *оце ю Бо поемете, а присоли соно (вм. сыно) ко мене со ее знатебою, оте побоуде сыно у мене, а а са имо потешоу, и посолю ю опате во городо*. Коммен-

тируя грамоту при первой публикации, В. Л. Янин высказал предположение, что «под “знятьбой” можно понимать некий документ со знаком (печатью, свидетельством послухов), скорее всего — завещательное распоряжение сестры Домажира» (НГБ IX, с. 96). Альтернативное объяснение принадлежит В. Н. Топорову, предложившему толковать слово в данном контексте как синоним для *знание* ‘знакомые, родня’ (см. ДНД, с. 350).

Заметим, что второе из этих решений было предложено в то время, когда слово *знятьба* в грамоте № 295 еще не было прочитано. Между тем, располагая двумя словоупотреблениями, естественно исходить из презумпции того, что в обоих случаях мы имеем дело если не с одним и тем же, то по крайней мере с близкими значениями, связанными через семантический “общий знаменатель”, то есть с одной и той же лексемой, а не с омонимами. Очевидно также, что этот общий знаменатель может находиться лишь в области финансовых, а не семейно-бытовых отношений. В этом смысле исходное объяснение В. Л. Янина выглядит предпочтительным, нуждаясь, однако, в небольшой модификации.

Связующим два контекста значением является, на наш взгляд, ‘долговая запись’. Поясним эту мысль. Выше мы допустили, что “знятьбой” могли называться зарубки на долговых бирках, обозначающие суммы долга. В дописменную эпоху эти зарубки были единственным способом маркировки бирок. С распространением письма на бирках начинают появляться также записи (см. НГБ VIII, с. 81–88). Поскольку “знятьба” в самом широком смысле слова есть знак, точнее, совокупность знаков, данное название могло быть с легкостью перенесено с ряда зарубок на сопроводительный буквенный ряд. Чаще всего на бирках записывались имена должников, дополняя информацию о сумме долга, переданную зарубками. В других случаях (№ 4) запись могла включать и указание самой суммы; эта часть информации оказывалась, таким образом, выражена дважды — символически и словесно. Наконец, одна из записей (№ 2) по форме ничем не отличается от долговых записей на бересте вида “у X-а столько-то, у Y-а столько-то”. Допустимо предположить, что такие берестяные грамоты могли функционировать как своего рода словесное приложение к долговой бирке, эксплицирующее информацию, символически переданную зарубками. Название “знятьба” в таком случае могло распространяться и на грамоту. Другим термином для такого рода текстов была *дълъжьница*, упоминаемая в грамоте № 449 (см. ниже).

С другой стороны, что, как не долговую запись, представляет собой древнейшая форма заве-

шания? Самый ранний из известных сегодня образцов этого жанра — берестяная грамота № 818 (3-я четв. XII в.) — отличается от обычной долговой записи лишь упоминанием денег, находящихся “в туле”, и заключительной фразой *А се даю въхо братоу*. Примерно так, надо думать, выглядела и “знятьба” сестры Домажира, которую он, в случае смерти сестры, рассчитывал получить от Якова.

Принимая, таким образом, предложенное В. Л. Яниным толкование слова *знятьба* в грамоте № 705, мы должны сделать к нему следующую поправку: “знятьбой” этот текст назывался не потому, что содержал некий авторский “знак”, а потому, что в основе его была обычная долговая запись, генетически восходящая к зарубкам на долговых бирках, которые первоначально и назывались “знятьбой”.

Очерченная выше схема семантической эволюции слова *знятьба* как кредитно-финансового термина (‘зарубки на долговой бирке’ → ‘запись на бирке’ → ‘долговая запись’ → ‘долговая запись в функции завещания’) носит, конечно, гипотетический характер и нуждается в более обстоятельном обосновании. Что же касается грамоты № 295, то ее ситуация в свете нашей гипотезы видится следующей. Обращаясь к своим представителям, осуществляющим сбор денег с его должников, автор напоминает, что выдал им долговую запись (“знятьбу”), расщепив с ними жеребий (деревянную палочку с зарубками), и требует с этим же курьером прислать ему отчет (“веданье”) как о ходе данной операции, так и о ранее порученных адресатам деньгах (50 гривнах).

№ 346 (кон. XIII в.)

Ѡ микиѠора : ко тѣтоке молови ра-
темирѠ · оти са соцете со моноу молови
ж[ѣ] .. [а]ле во торожеж[ѣ]
... [р]ажает лихѠ деете

Для последней строки вероятной представляется конъектура: (*А Х-а не наражает: лихо деетъ* ‘А Х-а не отряжай: плохо исполняет’. Ср., с одной стороны, в № 160: *нарадите же мжсь*, а с другой — в № 163: *А Къзеке соци, абы не истърале кѣно: лихе есте*. Грамота № 163 содержат указание адресату продать коня; его непосредственным исполнителем должен, очевидно, выступить “дурной” Кузька. В рассматриваемом документе поручение тетке “сказать” нечто Ратмиру и еще кому-то также не означает, что тетка сама отправится разносить эти вести. *Молви* в этой ситуации следует понимать просто как ‘сообщи, передай’; очевидно, предполагается, что с этими сообщениями (в устной или пись-

менной форме) будет отправлен кто-то из слуг. Но только не Х, о котором автору известно, что такого рода поручения он исполняет плохо.

№ 377 (посл. треть XIII в.)

Основной текст грамоты, представляющей собой брачное предложение, прочитан в ДНД полнее, чем в издании: *Поиди за мене, азъ тѣбе хоцю, а ты мене. А на то послоухо Игнато Мо[исиевъ а во]ж[и] ...* Оставшееся неидентифицированным последнее слово допускает, на наш взгляд, единственное прочтение, подтверждаемое и изучением остатков еще двух букв: [*а во ж[и]во[т]*]-. Впрочем, судя по прориси, не исключено также чтение [*а по ж[и]во[т]*]-. Перед нами скорее всего остаток клятвенного заверения типа *а въ животь и въ смърть* или *а по животь мои ...*, более чем уместного в данном контексте. Для второго варианта ср., с одной стороны, *по еѣ животь* (Сл. XI–XVII, 5, с. 103), с другой — концовку грамоты № 749: *а до моего живота пособишьъ жсмъ тобѣ за твоѣ добро*.

№ 449. Прочитанный в ДНД значительно полнее, чем в издании, этот документ в настоящее время имеет следующий вид:

(Ѡ) ----- [къ] --л--оу [и] ко тоуд[ъроу и]з[ала еста
моу] дълож[ъ]ницоу оу аръш[ѣ]въ | [в]ъзала еста оу
неи :ѣ: гривнъ : и ець : въ дъложениц[ъ]

Перевод в ДНД: ‘От ... к ... и к Тудору. Вы забрали мою долговую запись у Ярышевых. Вы взяли по ней 6 гривен, и еще [остается] в долговой записи’. Как отмечает А. А. Зализняк, “такое письмо могло быть, например, ответом на требование о какой-то выплате: автор указывает адресатам, что они уже получили 6 гривен с его должников и могут получить еще”. Сопоставление с грамотой № 295 позволяет понять этот текст несколько иначе. В двух адресатах грамоты, на наш взгляд, следует видеть не кредиторов автора, а действующих по его поручению сборщиков. Выражение *изъяти дѣлжницу* следует при этом понимать не буквально (по логике вещей долговая запись должна храниться не у должника, а у кредитора), а в смысле ‘взыскать по долговой записи’. Такое значение *изъяти*, хотя и не засвидетельствовано другими источниками, вполне выводимо из внутренней формы глагола. Ср. близкое значение у *выбрати/выбирати* в примерах из Сл. XI–XVII вв.: *А что в моих селех у моих ключников моего серебра на руках ... и те мои ключники то серебро из люд(и) выбрав, да отдадут моеи жене* (Дух. и дог. гр., с. 348, до 1499 г.); *Государев ясак не выбран* (Гр. Сиб. Милл. I, с. 413, 1604 г.); *А тот, государь, человекъ мой Ивашко посыланъ былъ*

... на крестьянщикахъ моихъ и на всякихъ должныхъ людехъ выбирать долги (АХУ III, с. 38, 1627 г.). Презентация автора грамоты № 449 к ее адресатам состоит в том, что они, “выбирая долг” Ярышевых, взяли только часть сумм, указанных в долговой записи.

№ 510 (кон. XII — 1 пол. XIII в.)

сь сталь бышь коузма на здылоу и на домажировица | торговала еста сьломь бьз мьнь а а за то сьло по|роуцнь : и розвьли есть цьладь и скотинуу и кобыль | и рожь а домажирь побьгль нь ѡкоутивь оу ваць|слава из долгоу : како жь еста торговала тако жь | ----- [ис]тьрю мою :з: соть пакы жь ли по[с]л[и] (та) ... (|...)

Представляет интерес вопрос о жанре этого документа. Издатели грамоты, подробно охарактеризовав существо конфликта, обошли его стороной. А. А. Зализняк (ДНД, с. 385) допускает, что текст представляет собой “начало судебного протокола”, указывая аналогию в грамоте № 154. Последняя, однако, относится к значительно более поздней эпохе (начало XV в.), представляя собой характерный для этого времени образец судебной документации. Предполагать существование на Руси столь развитой судебной бюрократии уже в первой половине XIII в. другие источники оснований не дают (см. Франклин 1985). Свидетельство грамоты № 510 было бы в этом смысле весьма важно, но именно это заставляет отнестись к нему с особой осторожностью. Определению жанра документа как протокола противоречит, на наш взгляд, и то, что сохранившийся текст, за исключением начальной фразы, выдержан в формах второго лица. Структурно он схож с обычными берестяными письмами: за описанием ситуации следует вытекающее из него требование, после чего формулируется альтернатива на случай, если адресат откажется это требование выполнить. В данном случае альтернатива заключается в предложении послать автору нечто; в схеме эпистолярного текста ожидалось бы: “грамоту”.

Полагаем, что грамоту № 510 и следует рассматривать как письмо, а точнее — как формальное заявление Кузьмы Сдыле и Домажировичу об их неправоте. В терминах своего времени такое заявление могло называться “изветом” (см. НГБ VIII, с. 177). При таком понимании дела начальная формула с глаголом в 3-м л. находит аналогии в грамотах № 771: *Оѡимиа каже весте къ тебе* и Ст. Р. 11: *Иванаа моловила Оумь*. Переводить ее, на наш взгляд, следует: ‘Настоящим Кузьма обвиняет Сдылу и Домажировича’. Употребление плюсквамперфекта в нехарактерном для него перформативном значении может быть сопоставлено с широко

распространенным в актовой письменности использованием в том же значении аориста (древнейший пример — в находящемся при договоре 1263 г. списке договора 1191–1192 гг.: *се ... потвердохомь мира старого*; ср. также *се посьлаховь* в берестяной грамоте № 842, 1 пол. XII в.). Формульным характером такого употребления объясняется и уникальное в фонде берестяных грамот использование книжного варианта плюсквамперфекта.

№ 586 (кон. 80-х гг. XI – 1 четв. XII в., Троицк. Г)

отъ нѣжатѣ вишнѣ и вина и гароусъ
и моукоу кожоухъ иванѣ
и сковородоу

Хотя существующая трактовка грамоты как записки “о том, какие предметы надлежит получить (или, что менее вероятно, уже получены) от Нежаты” (ДНД, с. 243) не вызывает принципиальных возражений, документ допускает и альтернативную интерпретацию, на наш взгляд, более вероятную. Начальное *отъ Нѣжатѣ* наводит на мысль, что перед нами вариант адресной формулы, аналогичный представленному в грамоте № 119: *Отъ Рознѣга. Въдале есмь Гюрьгевицоу без девати коунь :ѣ: гривнѣ. Възьмѣши, въдаже прочь людѣмь*. Можно думать, что, подобно этому документу, грамота № 586 представляет собой записку самого Нежаты с просьбой прислать ему перечисленные продукты и вещи (формы род. и вин. падежа зависят от подразумеваемого ‘пришлите’).

№ 748 (2 пол. XII в.)

... | ... (въ чьс)[т]и ходити оу моего рода ци оумѣе
... (оу) [н]асъ въ чьсти ходити а нынѣ ты рекле
... (д)есати дѣва а за которъ ма [ѡ]дасть (|...)

Этот утративший верх и левую часть документ представлял собой, безусловно, одно из наиболее ярких по содержанию берестяных писем. В издании сохранившийся текст следующим образом разделен на фразы: ... (въ чьс)ти ходити оу моего рода ци оумѣеши ...; (оу) насъ въ чьсти ходити. А нынѣ ты рекле ...; ... (д)есати два, а за которъ ма ѡдасть, Согласно комментарию, “из последней фразы видно, что автором письма была девушка и речь идет о выдаче ее замуж. *Который* в др.-р. языке первоначально означало ‘который из двух’; вполне вероятно, что здесь это значение еще сохранено, т. е. речь идет о выборе из двух возможных женихов (связано ли с этим слово *дѣва* в предыдущей фразе, неизвестно). Девушка пишет мужчине (ср. *ты рекле*) — может быть, жениху, но, может быть, и какому-то родственнику. Начальная часть текста (до *а нынѣ ты рекле*) — это либо слова самой девушки (в

этом случае адресатом скорее всего является жених и речь идет о том, как ему оказаться в чести у новой родни), либо пересказ того, что раньше говорил адресат (ср. *a нынѣ ты рекле*; в этом случае сказанное относится к невесте)” (ДНД, с. 311).

Общую схему содержания грамоты можно попытаться восстановить более точно. Длина утраченной левой части документа была, судя по характеру лакун, сопоставима с длиной сохранившейся правой. В разрыве между концом второй и началом третьей строки должны были читаться цитируемые слова адресата-мужчины и начало ответа на них девушки. С другой стороны, словами *ци умѣ(ши)* скорее всего начиналась новая фраза, а не заканчивалась предыдущая: древнерусское *ци* в подавляющем большинстве контекстов выступает именно в начальной позиции. При этом фрагменты *умѣ(ши)* и *(оу) насъ въ чѣсти ходити* не могли непосредственно стыковаться: не говоря о странности получаемого смысла, предполагать это не позволяет размер лакуны; в этой лакуне, следовательно, пропали две глагольные словоформы: управляемый *умѣ(ши)* инфинитив и личная форма, управляющая инфинитивом *ходити*. Вероятная синтаксическая структура этой части грамоты была, таким образом, следующей: ... (*въ чѣсти ходити оу моего рода. Ци оумѣ(ши) ..., (почьнешь?) (оу) насъ въ чѣсти ходити*). Альтернатива: считать ли эту часть текста словами самой девушки или пересказом слов адресата? — оказывается при таком членении снятой: слова адресата пересказывались в первой фразе, тогда как вторая, оформленная как сложноподчиненное предложение с придаточным условия, представляет собой слова девушки.

Структура первой части грамоты оказывается при таком понимании аналогична структуре ее второй части, в которой также выделяются слова адресата и ответ на них автора. Слова *a нынѣ ты рекле* можно по аналогии с *a нынѣ слышу* в грамоте № 705 (см. § 24) трактовать как формулу следования по тексту письма, ответом на которое является настоящая грамота. Функционально обе формулы соответствуют современному “а еще ты пишешь...”, различаясь лишь коммуникативной перспективой.

Можно думать, таким образом, что грамота представляла собой ответ девушки на письмо жениха (точнее, одного из женихов), в котором тот высказывал желание быть в чести у новой родни и осведомлялся о собственных шансах. Ответ девушки мог выглядеть примерно так: ‘Ты пишешь [букв. сказал], что хочешь в чести быть у моего рода. Если умеешь [что-то вроде: правильно себя вести?], то будешь у нас в чести ходить. А еще ты сказал: ...’. Спрашивалось что-то насчет женихов, на что

девушка отвечает: осталось (?) из десяти два, за кого ее отдаст (отец, за того она и пойдет?).

№ 831. Содержательная часть грамоты коммуникативно неоднородна, складываясь из основного текста, обращенного к титульному адресату — Рагуилу, и заключительного обращения к Степану с просьбой переписать этот текст на пергамен и отослать его. Из последнего следует, что “перед нами лишь черновик послания Кузьмы к Рагуилу. Этот черновик был послан Степану с тем, чтобы тот переписал его на пергамен и лишь после этого отправил Рагуилу”. Этот вывод хотелось бы как-то согласовать с принадлежностью грамоты к комплексу документов, связанных с деятельностью судебно-административного центра, располагавшегося в середине XII в. на усадьбе Е Троицкого раскопа. Содержание письма позволяет считать, что оно было адресовано Кузьмой Рагуилу как представителю этого органа. Иначе говоря, письмо найдено именно там, где располагалась властная инстанция, к которой оно обращено. С ее деятельностью, следовательно, связан и Степан, в котором можно видеть секретаря этой инстанции, ведавшего всей поступающей в нее корреспонденцией. В функции такого секретаря должна была входить и пересылка писем начальству, туда, где оно в данный момент находилось. От него же, очевидно, зависело и то, в какой форме эти письма будут доведены до сведения властей. Грамота № 831 может в таком случае рассматриваться не столько как черновик, сколько как образец “входящей корреспонденции”, подлежащей соответствующей бюрократической обработке в виде переписки на пергамен.

Основной текст письма распадается на две части. Первая, заканчивающаяся словами *бласлови та бого*, содержит перечисление того, что автор передал Рагуилу, сделал для него и уступил ему. Во второй части, также заканчивающейся благословением, автор отводит от себя несправедливое, по его мнению, обвинение, возведенное на него и его детей Рагуилом, и дает соответствующие разъяснения. К сожалению, большие лакуны в двух последних строках на внутренней стороне берестяного листа и практически полная утрата двух первых строк на внешней стороне препятствуют связанной реконструкции содержания второй, наиболее драматической части грамоты. Тем не менее попытку такой реконструкции можно предпринять, основываясь на несколько ином, по сравнению с предварительной публикацией, прочтении сохранившихся фрагментов. Для удобства еще раз воспроизведем текст этой части грамоты по первой публикации:

Внутренняя сторона

а сѣ на ма чѣто въздирѣши и на мое дѣти кто ли на ма тажоу дѣ
ет[ѣ] ----- [та бѣ] пострѣчьть оужь на ма и на мое дѣти а во то еси
-----[и] дова отрока а а сѣ дѣтьми то кѣ-----
-- [к]оуно дош[ѣ]-[ѣ] писк-(-)[и]оу во дворе -----т[ѣ]к...

Внешняя сторона

...
... отъ по...
боудѣть да то тоу боудоу ото нѣхѣ посадь[ник]о(у) [с]о[пи]...
ото вѣсьхѣ шьсть а ни а тебе кобажанино ни а то[бѣ] скоу[дѣ]тина
а и горъзно ми [бѣ]шь тоу---- тѣгда да надо вѣ
сѣмь та благословило

Заполнение первой и второй лакун в общих чертах не вызывает затруднений. Перед *та бѣ* должен был находиться глагол типа *избави* (*съхрани*, *сънаси*), а после *еси* — *посълалъ* (*насълалъ*, *приставилъ*) на *ма*. При этом, однако, в обоих случаях остается место для еще одной синтаксической позиции. Представляется, что эта позиция может быть с высокой степенью надежности заполнена, причем одинаковым для обеих лакун образом. Заметим, что, в отличие от первой части грамоты, где автор говорит только от своего лица, во второй части (во всяком случае, в начале ее) он трижды, говоря о себе, упоминает и своих детей. Это упоминание явно не носит характера эмоционального аргумента, но связано с существом дела, которое в этой части послания касается именно детей Рагуила, являющихся, вместе с отцом, и титульными авторами грамоты в целом. Двукратное повторение сочетания на *ма* и на *мое дѣти* позволяет считать, что мы имеем дело с последовательно проведенным принципом, и предполагать действие этого принципа также на поврежденных участках текста. Было бы даже странно, если бы автор, упомянув своих детей, давая оценку действиям Рагуила и предполагаемого тяжбщика, не сделал этого при упоминании самой тяжбы, направленной против него и его детей.

Подстановка в первую лауну *и на мое дѣти* оставляет для императива всего около четырех-пяти букв — столько, сколько насчитывает сокращенная запись *сѣси* или *оуѣси*. Во втором случае достоверность реконструкции подтверждается не только подсчетом букв (*приставилъ* на *ма* и на *мое дѣт* — 23, что в точности соответствует предварительной оценке длины лакуны), но и сохранившимся и перед *дова отрока*. Таким образом, весь начальный пассаж может быть предположительно восстановлен в следующем виде: *А се на ма чѣто въздирѣши и на моѣ дѣти? Кѣто ли на ма тажоу дѣть (и на моѣ дѣти, — оуѣси) та бѣ!* — по-

*стрѣчьть оужь на ма и на моѣ дѣти. А во то еси (насълалъ на ма и на моѣ дѣт)и дѣва отрока 'А вот зачем ты придираешься ко мне и к моим детям? Если кто-то заводит тяжбу против меня и моих детей, — упаси тебя Бог! — это он уже подстрекает [тебя] против меня и моих детей. А ты и из-за этого насрал на меня и на моих детей двух отроков'. То, что автор не прибегает к местоимению *мы*, но каждый раз полностью выписывает "я и мои дети", очень показательно. Тавтологичность такого способа выражения и его коммуникативная избыточность объясняются характером текста, представляющего собой официальное обращение в административную инстанцию. В этом отношении письмо Кузьмы предвосхищает актовую стилистику более позднего времени с характерным для нее многократным повторением имен и титулов.*

Для понимания дальнейшего хода мысли автора ключевое значение имеет фрагмент *дош[ѣ]-[ѣ] писк-(-)[и]оу во дворе*. Реконструируя глагольную словоформу как *дошьдѣ* или *дошьдѣль*, можно было бы думать, что речь здесь шла о походе автора к епископу. Однако глагол *доити* имеет регулярное управление род. падежом и в сочетании с предложным аккузативом источниками не засвидетельствован. Представляется поэтому, что отрезок *дош[ѣ]-[ѣ]* следует (принимая во внимание наличие в грамоте эффекта $\dot{\text{ь}} = \text{о}$) трактовать как словоформу ср. ед. *дошьдѣло*, относящуюся не к автору, а к деньгам, поступившим ("дошедшим") в епископскую казну ("к епископу во двор"). Хотя в точности такое употребление глагола *доити* ранним памятникам не известно, именно оно составляет внутреннюю форму слова *доходѣ*. Ср. также следующий контекст из Устава Святослава Ольговича 1136 г. (по списку XIV в. в добавлении к Новгородской Кормчей 1282 г.): *имати пискѣпомѣ десатиноу ѿ дани и ѿ вирь и продажь, что входитъ въ княжь дворъ всего*.

Такое прочтение данного фрагмента позволяет реконструировать следующий ход рассуждений ав-

тора в этой части письма. Заявив о необоснованности обвинения, из-за которого Рагуил наслал на него и его детей двух отроков, Кузьма начинает оправдываться и приводить доказательства своей невиновности. Фраза, начинающаяся словами *а а съ дѣтьми то къ...* и заканчивающаяся словом *коуно* (в лакуне между ними пропало около 12 букв), могла иметь смысл: ‘А я с детьми разве кому-то недоплатил денег?’ Упоминание далее сумм, поступивших в епископскую казну, связано, по-видимому, с тем, что эти суммы представляют собой десятину, факт поступления которой во владычный двор является доказательством честности автора и его детей.

Осмысление общей структуры текста на внешней стороне листа зависит от понимания фразы *да то тоу боудоу ото нхо посадь[ник]о(у) [с]о[ни]... ото весьхо шьсть*. Очевидно, что речь идет о неких выплатах посаднику. Глагольная форма, сочетавшаяся с *боудоу*, могла быть лишь совершенным причастием (сочетание *буду* с инфинитивом появилось в русском языке несколькими столетиями позже). Теоретически это могло быть слово, начинающееся с *сопи-*, однако *списалъ* к контексту не подходит, а других семантически приемлемых вариантов не видно. Остается предположить, что причастие (*въдалъ, заплатилъ*?) пропало в лакуне, и, следовательно, отрезок *сопи...* не является частью глагольной словоформы. В поисках подходящей конъектуры вспомним, что выше в тексте упоминались деньги, поступившие “пискупу во двор”, в которых, как уже было сказано, возможно видеть церковную десятину с какого-то платежа, адресат которого нам неизвестен. Это дает нам право предположить, что в данном месте речь шла о выплатах, адресованных *посадыникоу со ни(скоупомь)*. Можно понять также, от чьего лица делались эти выплаты. По всей вероятности, и здесь Кузьма говорит о себе и своих детях. “От них от всех” им и было заплачено посаднику с епископом “шесть” (гривен? кун?).

Поскольку об этом платеже автор упоминает в предположительном наклонении, фраза может быть лишь частью более крупного синтаксического целого. Однако непосредственно продолжающее ее эмоциональное утверждение (*а ни а тобе кобляжанино, ни а то[бѣ] скоу[дѣ]тина*) еще не дополняет ее до этого целого. Таким дополнением это предложение становится лишь в сочетании со следующей фразой: *а и горьзно ми [бѣ]шь тоуз (жьно) тьгда* (с конъектурой *тоужьно*, предложенной А. А. Зализняком). Смысл этого сочета-

ния представляется нам следующим. Предполагая, что поводом для нападков на него Рагуила могло послужить то, что он от всех своих детей заплатил посаднику с епископом всего шесть гривен или кун, автор оправдывается: это не оттого, что он “кобляжанин” или бедняк (“скудытина”), а просто тогда (т. е. в момент платежа) он находился в очень стесненных материальных обстоятельствах.

Можно понять и смысл упоминания в этом контексте загадочного кобляжанина. Это слово, по-видимому, выступает здесь как экспрессивное обозначение скупца, синоним скряги, скупердяя. Таким же экспрессивным синонимом для бедняка, нищего является “скудытина”.

Остается понять, как была сформулирована возможная причина обвинения. Фразу, начинающуюся с *да то тоу боудоу*, можно было бы трактовать как придаточное условия, но предполагаемый таким образом смысл (‘если окажется, что я заплатил...’) кажется несколько натянутым. С другой стороны, контексты, в которых бы союз *да то* выступал с условным значением, как кажется, неизвестны. Альтернатива состоит в том, что значение условия выражала не эта фраза, а предыдущая, по отношению к которой данное предложение является придаточным изъяснительным. Эта фраза, заканчивавшаяся словом *боудеть*, могла означать примерно следующее: ‘Если кто-то тебе про меня и про моих детей сказал...’; при этом глагол, как и в следующей фразе, раскрывающей содержание этого гипотетического высказывания, стоял в предположительном наклонении (например, *реклъ будеть*). Изъяснительное значение *да то* представлено, по-видимому, в следующем контексте из Поучения Владимира Мономаха: *ли того са каю, да то языкомъ браѠи пожаловахъ* ‘или я раскаиваюсь в том, что язычникам братию предал (?) ...’. Ср. также другой пример из Повести временных лет, в котором этот союз используется при цитировании в значении, близком совр. *дескать*, хорошо подходящем и к нашему контексту: *и бѣ оу Юрoслава кормилецъ и воевода именовъ Буди, нача укарати Болеслава глагола, да то ти прободемъ трѣскою череву твою тольстое* (Лавр., 1019 г., л. 48 об.).

Все сказанное позволяет предложить для текста на внешней стороне листа следующий перевод (с конъектурами и реконструированным началом): ‘А если (кто про меня и моих детей тебе сказал), дескать я от них от всех заплатил посаднику с епископом [только] шесть [гривен?], — так [дело не в том, что] я “кобляжанин” или беднота, — а уж больно было мне тогда туго’.

№ 904. В предварительной публикации грамота получила следующий перевод (с коньектурами для утраченных окончаний первой и второй строки): 'От Тютки к Нежате. Даю (или: дал) Коснятину шесть гривен, а ты дай [столько-то] Дрочену (?)'. Придерживаясь такой реконструкции, бытовую ситуацию грамоты можно понимать двояко. С одной стороны, Коснятин может быть лицом, которому Тютка заплатил или передал шесть гривен, о чем он информирует Нежату; в таком случае речь в грамоте идет о взаимном денежном расчете между четырьмя лицами. Другая возможность состоит в том, что Коснятин — курьер, с которым автор посылает шесть гривен Нежате, подписывая последнему передавать эту сумму (или часть ее) Дрочену. Однако этой альтернативой проблемы, связанные с истолкованием документа, не исчерпываются.

Глагольная словоформа в первой строке, от которой сохранились буквы *д[а]...*, может быть не только 1-м л. презенса, аориста или перфекта, но также императивом *даи*. На первый взгляд, такая ее трактовка представляется невозможной из-за следующего *а ты д(аи)*, казалось бы, предполагающего противопоставление обозначаемого этим императивом действия адресата действию автора (такое *а ты* представлено, например, в грамоте № 109: *а се ти хочу: коне коупивъ и кънажъ моужь въсидивъ та на съводы. А ты, атче еси не възаль коунъ техъ, а не емли ничьто же оу него*). Однако, как было показано выше (§ 13), *а ты* в берестяных письмах может выполнять и другую функцию, маркируя смену адресата в коммуникативно неоднородном сообщении. Ср. в первую очередь № 177: *даи ключи Фоми. А ты пошди Григорию Онефимова*, где *а ты* вводит обращение к только что упомянутому Фоме. Следовательно, первая фраза грамоты № 904 вполне могла иметь вид: *даи Къснатиноу :з: гривнь* и продолжаться инструкцией самому Коснятину как курьеру: *а ты даи [столько-то] Дроценюви*. Ситуация грамоты в таком случае предстает следующей. Посланный Тюткой Коснятин должен был явиться с грамотой к Нежате и, получив у него 6 гривен, направиться к Дрочену, чтобы часть полученного от Нежаты передать ему.

Дополнительную сложность в интерпретацию этого текста вносит следующее обстоятельство. При внимательном изучении начертаний букв в грамоте оказывается, что палеографически она четко распадается на две части, граница между которыми проходит после слова *гривнь*, то есть совпадает с границей фраз. Из девяти допускающих сопоставление букв до и после этого рубежа различаются начертания шести (А, В, Н, Р, Т, Ы). Буква А в первой части имеет специфическое начертание с

удлиненной спинкой (см. Зализняк, Палеография, табл. 1, 152), тогда как во второй она представлена своим основным видом. Нижняя петля у В и петля у Ъ имеют вид треугольников, тогда как в первой части черта, соединяющая мачту и основание этих букв, имеет вид дуги. У букв Н, Т, Ъ (в составе ЪІ) во второй части имеются засечки (у Н — верхние, у Т также снизу); в первой части засечки отсутствуют. Буква Р во второй части имеет длинную изогнутую спинку и узкую, не смыкающуюся с мачтой внизу петлю; в первой части спинка у Р прямая, а петля по форме близка к полукругу. См. прорись грамоты на с. 96.

Названных отличий, на наш взгляд, достаточно, чтобы уверенно утверждать: вторая часть грамоты написана другим почерком.

Тот факт, что первоначально содержательная часть грамоты состояла только из одной фразы, является сильным аргументом в пользу реконструкции глагольной словоформы в этой фразе как *даи*: подавляющее большинство грамот такой длины содержит императив. Таким образом, исходный вид текста был: *Ѡ Тютки къ Нѣжатѣ. Даи Къснатиноу :з: гривнь*. Затем другой рукой было добавлено: *А ты даи (-) Дроценюви*.

Кем было сделано и кому адресовано это добавление? Считая автором второй фразы Тютку (что предполагается последней из вышеуказанных трактовок), непросто объяснить, почему она написана другим почерком. В принципе, изложенные в этой работе соображения дают такую возможность: нужно предположить, что первая часть грамоты написана автором собственноручно, а вторая — посылным под диктовку автора, или наоборот, что первую часть записывал посылный, а добавление сделал сам автор. Однако такое разделение труда все равно кажется несколько странным.

Вероятнее поэтому, что второй почерк грамоты принадлежит адресату ее первой части — Нежате. В таком случае рассматриваемый документ пополняет собой круг "писем с ответами", уже имеющих в фонде берестяных грамот (это грамоты № 736 и Ст. Р. 35). В ответ на просьбу Тютки передать шесть гривен Коснятину Нежата обращается к нему с встречным предложением передать какую-то сумму Дрочену. Заметим, что осуществляемый таким образом взаиморасчет зеркально симметричен тому, который предполагается приведенным выше переводом.

Смол. 12. Несмотря на утрату правого края, документ, на наш взгляд, может быть реконструирован более полно, чем это сделано в ДНД. *Выправи* может означать не только 'добудь', но и 'исполни'.

Дьбр- в таком случае — начало вежливой формулы *добрѣ сътвори*. Далее было сказано, что именно нужно было исполнить, видимо, речь шла о некоем обещании автора Ярине. Поскольку *-къ* в начале четвертой строки может быть, как указывает А. А. Зализняк, только окончанием словоформы типа (*Смольньскѣ*, *ати* в конце третьей строки вряд ли может быть инфинитивом (это плохо подходит к контексту). Дающее идеальный смысл *а я ти (N-скѣ* ‘а я (нахожусь) в N-ске’ также приходится отвергнуть, поскольку перед *ти* в берестяных грамотах представлено только *язь* (ДНД, с. 113). И все же кажется весьма вероятным, что фраза действительно сообщала о пребывании автора в N-ске и содержала местоимение *я*. С *ти* в таком случае могла начинаться только глагольная словоформа со значением ‘нахожусь’, и такая словоформа имеется. Вероятной конъектурой для этого места представляется: *а я ти(ро)ую N-скѣ*. Глагол *тировати* встречается в древнерусских текстах, обозначая временное пребывание (см. в первую очередь грамоту Пскова Риге начала XIV в. [ГВНП, № 332]: *здѣ тиrowаль Нездильце вашь...*). К контексту это значение

подходит идеально, так как из следующей фразы ясно, что положение автора в том месте, откуда написана грамота, еще не вполне устойчиво. Наиболее вероятное заполнение лакуны в конце четвертой строки — (*а*) *присълоу ти (такою же весть)*, где *такою же* восстанавливается, из соображений длины строки, по аналогии с № 736. Из обсуждаемых А. А. Зализняком вариантов восстановления одной утраченной буквы в *пъ-ъне* — *пъ(м)ъне*, *пъ(к)ъне*, *пъ(л)ъне* — наиболее вероятен первый, однако не в предлагаемом значении ‘по мне’ (= ‘в соответствии с моим желанием’, ‘по моему вкусу’), а в значении ‘(вслед) за мной’, ср. в Твер. 2: *а азо по тебе буду само*. С такими конъектурами (дающими строки приблизительно одинаковой длины) текст на внешней стороне грамоты может быть переведен так: ‘От Ивана к Русиле. Выполни, пожалуйста, мое обещание (?) Ярине. Возьми гривну у Конозюя Нежатича (*или*: брата, внука Нежаты). Если же он не даст, то займи в треть. А я остановился в N-ске. Если у меня [всѣ] будет хорошо, то пришлю тебе об этом известие. Если хочешь последовать за мной, то пришли ко мне человека ...’

Корректирующее добавление к § 27

Ст. Р. 35 (см. публикацию в настоящем томе). Этот документ был использован выше при разборе грамоты № 904 как пример “грамоты с ответом”. Такая его трактовка была предложена вскоре после находки грамоты, когда обнаружилось, что вторая строка, своим содержанием разительно контрастирующая с первой, написана другим почерком. Фраза *Акове брате, еби лежа, ебехото, аесово* была понята тогда как резкий ответ адресата первой части грамоты, Хотеслава, на предложение брата Радослава взять у прасола (торговца) две гривны и пять кун. При этом оставалось гадать, что в этом вполне обычном указании спровоцировало адресата на столь бурную и необычную по форме реакцию.

В настоящее время появилась возможность несколько иначе и, как кажется, более адекватно интерпретировать коммуникативную организацию этого в высшей степени экстравагантного текста. Ее открывают наблюдения С. Франклина (2002, с. 42–45) над типологически близкими берестяным грамотам британскими деревянными табличками римского времени, в большом количестве обнаруженными при раскопках пограничной крепости Виндоланды.

Как указывает С. Франклин, текст типичной виндоландской таблички распадается на две части, написанные разными подчерками: первая содер-

жит основное сообщение, вторая — заключительные приветствия. Последние, очевидно, приписывались автором собственноручно, тогда как основной текст послания записывался писцом.

В свете данного наблюдения структуру грамоты Ст. Р. 35 естественно понимать следующим образом. Ее последняя фраза представляет собой не язвительный ответ Хотеслава на показавшееся ему неуместным предложение Радослава, а автограф самого Радослава, шуточное приветствие, добавленное его рукой к написанной писцом (по всей вероятности, кем-то из подручных) деловой записке и сделанное в понятной между братьями грубовато-площадной манере.⁸ Контраст этого “братского приветия” с приводимой С. Франклином припиской, которую некто Клавдия Севера сделала в письме к жене префекта девятой когорты Флавия Цереала Сульпиции Лепидине (в англ. переводе: “Farewell, sister, my dearest soul, as I hope to prosper, and hail”), только оттеняет функциональную близость двух текстов.

⁸ В пользу такой трактовки косвенно свидетельствует и форма берестяного листа, представляющего собой длинную полосу, несколько сужающуюся к правому краю. Естественной такая форма выглядит при предположении, что к моменту обрезки листа не доходящая до правого края вторая строка уже была написана.

Разумеется, и при таком прочтении вторая строка грамоты остается “ярким свидетельством высокой изобретательности древнерусского человека в сфере небанальных ругательств” (ДНД₂, с. 335). Более того, в обращении к Хотеславу (а не к Радославу, что предполагалось первоначальной трактовкой) замысловатое сочетание эпитетов *ебехота* и *аесова*, которые Радослав присовокупил к христианскому (!) имени брата, выглядит особенно изощренным: вряд ли случайно, что входящие в эти композиты корни *хот-* и *сов-*, первый полностью, а второй в начальной и конечной согласных, совпадают с двумя корнями неназванного здесь, но выступающего в адресной формуле имени *Хотеславъ*. Похоже, что мы имеем дело с известным древнерусской смеховой культуре комическим обыгрыванием имен собственных, в духе скоморошин Даниила Заточника: *кому Боголюбово, а мне горе лютое*, и т. п.

Реинтерпретация коммуникативной структуры грамоты Ст. Р. 35 заставляет еще раз вернуться к грамоте № 904, написанной также двумя почерками. Из возможных объяснений этого обстоятельства мы выше отдали предпочтение версии, согласно которой фраза *А ты даи ... Дроценови* представляет собой ответ адресата первой части грамоты, Нежаты, на полученное им письмо, написанный на том же листе бересты. При этом мы опирались в первую очередь на грамоту Ст. Р. 35 (еще одна “грамота с ответом” — № 736 — существенно отличается по своему характеру: ответное письмо здесь оформлено как самостоятельный текст, по

всем правилам эпистолярного этикета). Без этой поддержки данная версия становится крайне уязвимой и, видимо, должна быть оставлена. Альтернатива ей, напомним, заключается в том, что фраза, начинающаяся с *А ты ...*, — это предписание посланцу Коснятину передать часть полученной от Нежаты суммы Дрочену. Почему эта фраза написана новым почерком, сложно сказать. Не исключено, что обращение к Нежате было написано под диктовку автора Коснятином, а поручение Коснятину записал сам автор. Так или иначе, факт участия двух лиц в написании грамоты находится в нетривиальной корреляции с ее коммуникативной неоднородностью.

Из грамоты Ст. Р. 35 можно извлечь и более общий урок. Если бы не обшечный автограф Радослава, мы никогда бы не догадались, что основной текст грамоты записан не ее автором собственноручно, а писцом. Это еще раз показывает, что в переписке на бересте разделение функций “автора” и “пишущего” было распространено значительно шире, чем можно предполагать, исходя из неформального характера этой переписки. Причем — как замечает С. Франклин относительно виндоландских табличек — обращение к услугам “писца” совсем не обязательно объяснялось неграмотностью автора. Дело, по-видимому, в том, что в раннеписьменном обществе, каким была и домонгольская Русь, письмо под диктовку в принципе рассматривалось как наиболее естественный и простой способ создания эпистолярного текста.

Заключение

§ 28. Исследование берестяных грамот в коммуникативном и прагматическом аспектах, опыт которого был предложен в настоящей работе, представляется закономерным этапом в продолжающемся уже более полувека изучении этого источника. Открытие берестяных грамот в 1951 г., позволившее впервые заглянуть в мир повседневных забот древнерусского человека, сопровождалось “эффектом узнавания” этого мира, ощущением близости и понятности его проблем, ситуаций и языка. Дальнейший прогресс в изучении берестяной письменности был во многом связан с преодолением этого начального впечатления, распознаванием неизвестного и специфичного за кажущимся очевидным. Фундаментальную роль в этом процессе сыграло открытие факта использования в берестяных грамотах особых “бытовых” графико-ор-

фографических систем, расчистившее путь к массовому уточнению чтений и установлению основных особенностей древненовгородского диалекта.

В настоящее время, когда черты бытовой графики и древненовгородского диалекта, выявленные и систематизированные А. А. Зализняком, составляют уже “азбуку” новгородистики, а подавляющее большинство берестяных документов удовлетворительным образом прочитано и переведено, необходимым и возможным является обращение к более высоким уровням организации текста для выяснения специфики самой системы письменной коммуникации, осуществлявшейся при помощи берестяных грамот.

Коммуникативно-прагматический подход предполагает рассмотрение текста погруженным в действительность, которую он отражает, в связи с сто-

ящей за ним бытовой (жизненной) и коммуникативной ситуацией. По отношению к первой текст выполняет определенную прагматическую функцию, являясь инструментом социального взаимодействия; в рамках второй он выступает как звено механизма коммуникации, связывающего между собой участников речевого акта. Коммуникативная ситуация опосредует представление в тексте соответствующей бытовой ситуации; ее правильная оценка является таким же неперемным условием адекватного истолкования текста, каким для его правильного прочтения и лингвистической интерпретации является понимание графической системы, в которой текст записан.

Как мы старались показать, характеристика большинства берестяных грамот как (частных) писем, опирающаяся на факт наличия у них адресных формул, является справедливой лишь в первом приближении. В действительности “адресная” структура скрывает за собой значительное разнообразие коммуникативных ситуаций, подчас весьма специфичных и, с современной точки зрения, “нестандартных”. Отправляясь от взятой за эталон коммуникативной ситуации современного частного письма, мы попытались охарактеризовать некоторые из специфических черт коммуникативной организации берестяной переписки.

Наиболее яркой из них является свойство коммуникативной неоднородности, присущее многим берестяным грамотам и заключающееся в несовпадении ролевых структур отдельных частей берестяного письма. Данное свойство может выступать как в явной, так и в скрытой форме, при которой момент переключения на нового адресата никак специально не маркируется в тексте. Коммуникативно неоднородные тексты могут быть также подразделяемы в зависимости от того, как соотносятся между собой фрагменты, имеющие разных адресатов. В простейшем случае они представляют собой независимые друг от друга сообщения. Чаще, однако, адресатами коммуникативно неоднородного письма становятся лица, связанные между собой некоторым двусторонним отношением. Обращенные к ним инструкции регулируют поведение этих лиц в отношении друг друга. Устроенный таким образом текст функционирует, по существу, как документ (“мандат”), удостоверяющий полномочия одного из контрагентов в глазах другого. Еще один случай коммуникативной неоднородности со-

ставляют грамоты, в составе которых выделяется основное сообщение и метатекст — инструкция по обращению с ним; адресатом такой инструкции может быть писец или, чаще, посыльный, доставляющий грамоту ее основному адресату.

Статус посыльного сам по себе является важным признаком, противопоставляющим коммуникативные ситуации берестяных грамот. От того, выполняет ли посыльный чисто “почтовые” функции или сам упоминается в грамоте в том или ином качестве, зависит и общее понимание отраженной грамотой бытовой ситуации. Целый ряд грамот могут быть трактованы как представляющие собой обращения к посыльным — исполнителям содержащихся в них поручений, написанные в их присутствии и рассчитанные на предъявление упоминаемым в этих грамотах лицам. И в этом случае текст, оформленный как письмо, обладает прагматикой документа.

В силу этих особенностей коммуникативной организации соотношение между ролевой структурой берестяного текста и его прагматической направленностью оказывается далеко не однозначным. Тексты одинаковой ролевой структуры могут выполнять различные функции, и напротив, одну и ту же прагматическую нагрузку могут иметь тексты, в ролевом отношении оформленные по-разному. Отсутствие строгой корреляции между структурой текста и его функцией, так же как и жестких границ между формальным и неформальным, восходит к эпохе, когда письменная коммуникация еще не сложилась в автономную систему и существовала как факультативное дополнение к устной, неся на себе ярко выраженный отпечаток этой последней. Важнейшими из форм проявления устного фактора в берестяных грамотах являются: 1) отражение письменным текстом структуры устного диалогического общения с характерной для него опорой на ситуативный контекст (чем объясняется, в частности, феномен скрытой коммуникативной неоднородности); 2) существование особой категории берестяных грамот, представляющих собой письменные авторские “знаки”, передаваемые с устными сообщениями (гипотеза Д. М. Буланина); 3) осмысление акта письменной коммуникации в терминах взаимодействия говорящего и слушающего, частично отражающее реальную практику записи текстов под диктовку и прочтения их адресатам вслух.

Указатель грамот

Курсивом набраны номера параграфов, в которых предлагаются уточненные прочтения и интерпретации грамот; прямым шрифтом — параграфов, в которых грамоты просто упоминаются. Запись 27~295 означает, что грамота комментируется в Приложении (§ 27) вместе с грамотой № 295.

27 — 27	227 — 17	443 — 20	731 — 5
67 — 5	231 — 24	449 — 27	735 — 17
78 — 18	241 — 17	463 — 5	739 — 17, 25
79 — 18	243 — 26	509 — 11, 18	745 — 26
84 — 18	253 — 7, 13	510 — 27	748 — 27
87 — 5	259/265 — 27	550 — 25	750 — 23
103 — 27	260 — 26	586 — 27	776 — 21, 27
112 — 27	275/266 — 26	589 — 23	818 — 25, 27~295
134 — 5	289 — 5	605 — 25	821 — 26
136 — 15	295 — 27	610 — 25	831 — 7, 27
144 — 18	331 — 27	622 — 6	879 — 22
153 — 18	346 — 27	640 — 11	904 — 27
156 — 27	354 — 8	644 — 6	Ст. Р. 11 — 24, 26
177 — 13	358 — 7, 8	656 — 21	Ст. Р. 15 — 10, 17
186 — 27	370 — 5	690 — 5, 18	Ст. Р. 35 — 27
187 — 6	377 — 27	697 — 9	Смол. 12 — 16, 17
195 — 25	397 — 20	705 — 24, 27~295	Торж. 10 — 17
206 — 27	406 — 15, 17	719 — 27~295	Звен. 2 — 17, 25
207 — 27	420 — 12	723 — 17	
219 — 6, 18	422 — 24	725 — 6	

ЛИТЕРАТУРА

- Англ. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею. Т. II (с 1581 по 1604 г.) // Сб. Русского Исторического Общества. Т. 38. СПб., 1883.
- Бирнбаум 1991 — *H. Birnbaum*. Orality, Literacy, and Literature in Old Rus' // *H. Birnbaum*. Aspects of Slavic Middle Ages and Slavic Renaissance Culture. New York, Bern, Frankfurt, Paris, 1991. P. 131–180.
- Буланин 1997 — *D. Bulanin*. Der literarische Status der Novgoroder "Birkenrinden-Urkunden" // *Zeitschrift für Slavistik* 42 (1997). S. 146–167.
- Ворт 1984 — *D. Worth*. Incipits in the Novgorod birchbark letters // *Semiosis: Semiotics and the History of Culture* (In Honorem Georgii Lotman). University of Michigan, 1984.
- Высоцкий 1966 — *С. А. Высоцкий*. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966.
- Гиппиус 1991 — *А. А. Гиппиус*. "Ида на суд..." (Комментарий к берестяной грамоте № 2 из Звенигорода Галицкого) // *Семиотика культуры. III Всесоюзная школа-семинар 15–20 сентября 1991 г. Тезисы докладов*. Сыктывкар, 1991. С. 3–5.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949.
- ДКУ — Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. М., 1976.
- ДНД — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- ДНД₂ — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Зализняк 1987 — *А. А. Зализняк*. Текстовая структура древнерусских писем на бересте // *Исследования по структуре текста*. М., 1987. С. 147–181.
- Зализняк 1999 — *А. А. Зализняк*. Проблема тождества и сходства почерков в берестяных грамотах // *Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина*. М., 1999.
- Зеemann 1983 — *K.-D. Seemann*. Die "Diglossie" und die Systeme der sprachlichen Kommunikation im alten Rußland // *Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress in Kiev 1983*. Köln–Wien, 1983 (Slavistische Forschungen, 40).
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- Клэнчи 1979 — *M. Clanchy*. From Memory to Written Record. England 1066–1307. London, 1979.
- Ковалев 2002 — *Р. Ковалев*. Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения // *Российская археология*. 2002, № 1. С. 38–50.
- Крысько 2001 — *В. Б. Крысько*. *Miscellanea palaeorossica // Papers in Slavic, Baltic and Balcan studies*. Helsinki, 2001. P. 101–113. (Slavica Helsingiensia, 21.)
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. М., 1962.

- Лихачев 1986 — Д. С. Лихачев. Русский посольский обычай XI–XIII вв. // Д. С. Лихачев. Исследования по древнерусской литературе. М., 1986. С. 140–153.
- Медынцева 1978 — А. А. Медынцева. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978.
- НГБ VII — А. В. Арциховский, В. Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978.
- НГБ VIII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
- НГБ IX — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- НГБ X — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000.
- НК — Полное собрание русских летописей. Том сорок второй. Новгородская карамзинская летопись. СПб., 2002.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.
- Оппенгейм 1990 — Л. Оппенгейм. Древняя Месопотамия. М., 1990.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. М., 1996.
- Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
- ПР — Правда Русская. Т. 1. М., 1940.
- СК XIV — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. М., 2002.
- Смирнова, Лаурина, Гордиенко 1982 — Э. С. Смирнова, В. К. Лаурина, Э. А. Гордиенко. Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982.
- Столярова 2000 — Л. В. Столярова. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000.
- Страхов 1999 — А. Б. Страхов. Филологические наблюдения над берестяными грамотами: XV–XVIII // *Palaeoslavica* VII (1999). P. 297–306.
- Факкани 2003 — Р. Факкани. Некоторые размышления об истоках древненовгородской письменности // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Материалы международной конференции. Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г. М., 2003. С. 224–234.
- Франклин 1985 — S. Franklin. Literacy and Documentation in Early Medieval Russia // *Speculum* 40 (1985). P. 1–38.
- Франклин 2002 — S. Franklin. Writing, Society and Culture in Early Rus. 950–1300. Cambridge, 2002.
- Черепнин 1969 — Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
- Шмелев 2002 — А. Д. Шмелев. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Штайнбауэр 1989 — R. Steinbauer. Rechtsakt und Sprechakt. Innsbruck, 1989.
- Юрасовский 1989 — А. В. Юрасовский. О соотношении пространной и краткой редакций “повести о Липицкой битве” // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С. 58–64.
- Янин 1991 — В. Л. Янин. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин 2001 — В. Л. Янин. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.
- Янин и Зализняк 1999 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты из раскопок 1998 г. // Вопросы языкознания. 1999, № 4. С. 3–27.
- Факкани 1995 — R. Faccani. Iscrizioni novgorodiane su corteccia di betulla. Udine, 1995.

К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕРУССКИХ НАДПИСЕЙ

§ 1. В настоящее время обнаружено и в той или иной форме опубликовано уже весьма значительное число древнерусских надписей-граффити, и этот фонд продолжает расти. Но, к сожалению, немалая часть этих публикаций неудовлетворительна, а именно, текст в них воспроизведен и истолкован на низком уровне достоверности, и использовать его без дополнительной самостоятельной проверки нельзя.

Анализируя ситуацию с изучением надписей, В. Л. Янин (1992, с. 21) указывает, что инициатива публикации надписей “всегда исходила от археологов, искусствоведов и реставраторов — первооткрывателей эпиграфических фактов, но никогда не от лингвистов”. “Транскрипция и истолкования, предлагавшиеся исследователями, не имевшими специальной филологической подготовки, — пишет он, — надо думать, вызывают недоверие, а порой и усмешку, — вероятно, во многих случаях вполне заслуженную. Однако сама важность открываемых и издаваемых текстов требует их профессиональной критики и возможного исправления или указания вариантов чтения”.

Этого рода работе и посвящена настоящая статья.

Выскажем вначале несколько общих соображений по поводу специфики чтения и воспроизведения плохо сохранившихся надписей.

Как известно, в нормальном случае буквы древней рукописи (на папирусе, пергамене, бумаге) видны вполне отчетливо, их идентификация не составляет особой проблемы. Отдельные участки, где это не так (оборванные, выкрошившиеся, выцветшие, залитые чернилами и т. п.), сравнительно редки и не определяют ситуацию в целом. Отсюда традиция “безоговорочного” воспроизведения текста при печатной публикации, когда молчаливо предполагается, что каждая буква подлинника идентифицирована с полной надежностью. (Можно было бы даже сказать сильнее: когда молчаливо предполагается, что в такой идентификации нет ничего сложного.¹)

¹ В действительности, конечно, и в обычных рукописях дело обстоит не так просто. Например, не всегда очевидна

Иначе обстоит дело с большинством надписей (граффити) на стенах или на предметах. Здесь несущий запись материал (штукатурка, камень, металл) обычно в той или иной мере деформирован (выкрошен, выветрен, истерт) и на нем имеются трещины и царапины, которые могут быть внешне чрезвычайно сходны со штрихами, образующими букву. Поэтому нередко оказывается так, что в надписи хорошо видны лишь некоторые буквы, а остальные опознаются с трудом.

Между тем в публикациях текст надписей нередко подается так же, как в обычных рукописях, — в виде “безоговорочно” воспроизведенной последовательности букв (разделенной на слова). Тем самым читателю как бы предлагается видеть здесь столь же прямое и надежное воспроизведение оригинала, как в случае с обычной рукописью. Рассмотрим подробнее вопрос о том, почему это в действительности не так.

Простейшая схема прочтения и истолкования отрезков древнего текста выглядит так: 1) сперва считываются (т. е. последовательно идентифицируются) все буквы данного отрезка; получается некоторая буквенная цепочка; 2) затем для этой цепочки подыскивается наиболее правдоподобное деление на слова и наиболее правдоподобное истолкование. Для чтения обычной рукописи эта схема действительно годится. (Заметим, что эти две операции, особенно при чтении несложных текстов, фактически могут происходить почти одновременно; но существенно то, что первая операция здесь в принципе осуществима независимо от второй.)

Но для чтения плохо сохранившихся надписей данная схема не подходит — это знает всякий, кто с ними работал. Сперва опознать все буквы и лишь после этого начать интерпретировать текст здесь практически невозможно. Схема продвижения вперед по тексту в этом случае гораздо сложнее.

графическая система, которой пользовался писец; скажем, может быть неясно, использует ли он два типа начертания буквы *o* как противопоставленные графические единицы (и тогда их надо передавать в печати по-разному) или это просто не замечаемое самим писцом варьирование (и тогда их надо передавать одинаково). Но серьезные сложности из-за обстоятельств такого рода в обычных рукописях все же редки.

Главная особенность состоит здесь в том, что часть букв опознается неоднозначно; скажем, на некоторой позиции видны лишь такие штрихи, которые в принципе могли бы принадлежать букве л, а, Ѧ или д. И так для каждой из имеющихся позиций можно составить список букв, из которого предстоит выбирать. Соответственно, вместо единственной буквенной цепочки, которую мы пробегаем глазами при чтении обычной рукописи, нам придется иметь дело с целым набором различных возможных цепочек. С увеличением числа позиций, где буква определяется неоднозначно, этот набор растет баснословно быстро; скажем, если в нашем отрезке имеется 10 таких позиций, то нам придется проверять уже не менее тысячи вариантов. А если, например, хотя бы на одной из этих позиций никаких следов буквы не сохранилось вообще (и, следовательно, можно предполагать любую букву алфавита), то уже не менее 30 тысяч. И так далее. (В действительности всё еще намного сложнее, поскольку во многих случаях само число и разделение позиций отнюдь не очевидно и в этом пункте тоже необходимо рассматривать конкурирующие версии.)

Но реально никто методом механического перебора всех вариантов в таких случаях не действует. Вместо этого используется гораздо более эффективный метод, который, если не бояться “ненаучного” звучания слов, можно было бы назвать “методом угадывания”.

Он состоит в том, что, исходя из надежно читаемых элементов изучаемого отрезка, строится некоторая цельная гипотеза о том, как первоначально читался весь отрезок (следовательно, в частности, какие слова стояли в неясных местах). Затем эта гипотеза проверяется по видимым остаткам букв в оригинале. Если в каждой из позиций эти остатки допускают то решение, которое предполагается данной гипотезой, гипотезу можно обозначить как “допустимую на уровне букв”. Если в то же время эта гипотеза не вызывает возражений на более высоких уровнях (фонетики, морфологии, синтаксиса, смысла, стиля, соответствия определенным формулам и др.), то ее можно обозначить как “допустимую в целом”.

Если, напротив, гипотеза не проходит проверку уже на уровне букв, она либо корректируется (когда это возможно), либо просто отвергается. Строится новая гипотеза (или новый вариант предшествующей) и подвергается тем же проверкам. И так до тех пор, пока не будет получена гипотеза, допустимая в целом.

Получив допустимую в целом гипотезу, исследователь чаще всего уже заканчивает на этом свою

работу. Разумеется, подобные задачи в принципе вполне могут иметь несколько допустимых в целом решений. Но для того, чтобы установить, нельзя ли построить также другие, не менее удовлетворительные гипотезы, нужно проделать невероятный труд — намного больший, чем для получения первой удовлетворительной гипотезы. Поэтому доказательства единственности своего решения исследователи как правило даже и не пытаются предъявлять. Поиск альтернативных решений фактически остается на долю научных оппонентов.

Помимо проблемы неоднозначности сохранившихся на некоторой позиции остатков буквы, очень серьезную проблему составляет отличие истинных (т.е. принадлежащих именно нашему тексту) штрихов от посторонних, т.е. от трещин, случайных царапин и элементов каких-то других записей. Если эта проблема решена неправильно, то наша трудность уже не будет ограничена тем, что, скажем, вместо надежного л мы имеем лишь неопределенное “л или а или Ѧ или д”; она будет состоять в том, что вместо этого л мы имеем нечто прямо ошибочное, допустим, х.

Читатель нередко поддается иллюзии, что эта проблема решается изготовлением прориски. Но это не так: прорись всего лишь показывает, какое решение этой проблемы счел правильным прорисовщик. В самом деле, прорись есть субъективный документ: прорисовщик может и ошибиться в том, какие штрихи действительно принадлежат изображаемой букве, а какие являются случайными. Ведь на штукатурке физические свойства письменного штриха и случайной царапины нередко бывают одинаковы. Это значит, что, воспроизводя одну такую линию и не воспроизводя другую, прорисовщик фактически занимается уже не копированием видимого, а передачей своего предположения о том, как выглядел исходный текст. Иначе говоря, элементы интерпретации в неявной форме проникают и туда, где, казалось бы, мы имеем дело лишь с исходным материалом для интерпретации. Именно этим объясняется то нелестное обстоятельство, что когда вместо предложенной ранее интерпретации надписи удается найти другую, более убедительную, то очень часто оказывается необходимым исправить при этом также и прорись.

А нельзя ли получить такую прорись, в которой нет совсем никакого элемента интерпретации, а отражена только работа глаза? Очевидно, для этого нужно поручить такую работу рисовальщику, который не имеет никакого отношения к филологии; лучше всего, чтобы он не знал даже используемого

в записи алфавита. К сожалению, опыт показывает, что в этом случае получается документ, который приносит очень мало пользы: он загроможден множеством случайных элементов, которых глаз понимающего текст читателя просто не замечает, и наоборот, содержит зияющие пустоты в местах, где глаз такого читателя легко достраивает недостающие (или слабо проведенные) штрихи.

Таким образом, использование прорисей, содержащих элементы интерпретации, следует признать вполне оправданным рабочим приемом. Не нужно лишь себя обманывать в отношении статуса этих документов.

В связи с проблемой отличия относящихся к делу штрихов от случайных и посторонних следует отдельно остановиться на проблеме прочтения записей, сделанных непосредственно поверх другой записи. Среди настенных надписей подобные палимпсесты, т.е. двойные (тройные и т.д.) записи встречаются довольно часто. С.А.Высоцкий пишет (1976, с. 144): "... [авторы] иногда берут свои записи в рамки. Но еще более многочисленны случаи, когда более поздняя надпись перекрывает раннюю. Особенно часты подобные случаи в местах скопления граффити". Например, одна поверх другой написаны киевские надписи № 120 и 148, надписи № 149 и 163 и ряд других. Довольно часто текст явно записан поверх некоторого другого, но этот второй текст издателю просто не удалось восстановить как самостоятельное целое.

Причина такой, с нынешней точки зрения, странной манеры писать состояла, очевидно, в том, что большинство настенных записей в церквах обращено к Богу или к святым, а не к земным читателям; а таких адресатов, разумеется, не могли затруднить наезды одних записей на другие. Но нынешних исследователей, которые пытаются прочесть эти надписи, они нередко затрудняют очень сильно. Наложившиеся друг на друга буквы из разных записей создают причудливые скопления штрихов, распутать которые иногда очень непросто. Возникает и реальный риск того, что за букву (или даже целое слово) читаемого текста будет принята буква (или слово) постороннего текста. (Подробнее о специфических трудностях, связанных с наложением текстов друг на друга, см. работу Зализняк 2002, посвященную скрытым текстам Новгородского кодекса, при расшифровке которых возникают те же проблемы.)

Итак, работа над плохо сохранившейся записью складывается из двух совершенно различных

операций: идентификации букв по их видимым начертаниям и угадывания смысла читаемого текста, причем эти два компонента должны взаимодействовать друг с другом в ходе всей работы. Попытки обойтись лишь каким-то одним из них или хотя бы выполнить один из них целиком раньше другого приводят к провалу. Что чистое угадывание без должного внимания к видимым элементам записи ведет к произволу в чтениях, долго доказывать не надо. Менее очевидно, что не обеспечивает надежности результата также и чистый анализ видимых остатков букв в отвлечении от попыток осмыслить текст в целом. Между тем реальный опыт прочтений говорит именно об этом. В частности, ниже в разборе конкретных надписей читатель найдет много примеров того, как публикатор полустертой надписи, не имеющий никакой правдоподобной гипотезы об ее смысле и решивший ограничиться воспроизведением лишь тех букв, которые, по его мнению, опознаются надежно, в идентификации части букв *все-таки ошибается* (см., например, разбор надписи № 229 в § 4).

Причины этого, по-видимому, связаны с особенностями механизма чтения. Как хорошо известно, в процессе обычного чтения читающий не занимается последовательным опознанием каждой буквы, а схватывает общий облик написанного слова (и даже еще больших отрезков текста) в целом, игнорируя многие элементы графической информации. Соответственно, в письменном тексте отдельные буквы могут сильно отклоняться от своего канонического вида без особого ущерба для читаемости текста в целом. Эти отклонения могут быть даже столь велики, что вне контекста данное начертание было бы принято за другую букву. В нормальной, целиком видимой записи, общий смысл которой читающему ясен, это не создаст для него серьезных проблем.

В совершенно ином положении находится исследователь, изучающий полустертую древнюю надпись. Когда общий смысл текста неясен, любая подобная небрежность писавшего может создать для него проблему; т.е. неясность в том, какая перед ним буква, может возникнуть у него не только там, где буква повреждена, но и там, где она полностью видна. И, разумеется, в каких-то из подобных случаев он в опознании буквы ошибется.

Из всего сказанного ясно, что в случае плохо сохранившейся надписи мы фактически имеем дело не с чтением текста (как в случае нормальной рукописи), а с его реконструкцией. Как всякая реконструкция, она может быть более успешной

или менее успешной, более надежной или менее надежной, но всё же никогда не достигает статуса прямого прочтения.

Примечание. Выше шла речь, с одной стороны, о рукописях, с другой — о надписях. В особом положении с точки зрения этого противопоставления оказываются берестяные грамоты. Большая их часть с точки зрения видимости текста мало отличается от рукописей. Но имеется также группа берестяных грамот (существенно меньшая), где поверхность бересты истерта или деградирована; такие грамоты сопоставимы с плохо сохранившимися надписями. Существенно также то, что три четверти берестяных грамот доходит до нас в виде фрагментов. Поэтому даже в грамотах, где буквы отлично видны, постоянно возникают проблемы реконструкции поврежденных букв и утраченных (частично или полностью) слов, т. е. проблемы того же плана, что и при чтении надписей.

Выше изложена общая схема. Но качество ее реализации в применении к конкретной надписи кардинальным образом зависит от того, что исследователь считает возможным и что невозможным в первоначальном тексте этой надписи. А это, в свою очередь, прямо зависит от его лингвистической и филологической подготовки. С другой стороны, многое зависит также от того, готов ли исследователь самокритично проверять свои предположения на основе строгих критериев или склонен быстро уверовать в свою догадку.

Поэтому в реальных публикациях надписей мы встречаемся со всем спектром степеней надежности — от безупречных решений, не вызывающих возражений ни на одном уровне, до совершенно фантастических прочтений, основанных на насилии как над буквами, так и над грамматикой и над смыслом.

Рассмотрим подробнее некоторые вопросы, связанные с оценкой качества предлагаемых прочтений.

Капитальный вопрос состоит в том, насколько грамотно (в среднем) писались древнерусские надписи на стенах и берестяные грамоты. В 1950-е – 70-е годы была широко распространена, в том числе и среди профессиональных филологов, точка зрения, согласно которой и берестяные грамоты, и настенные надписи отражают весьма низкий уровень грамотности и изобилуют искажениями различного рода. Понятно, что эта точка зрения открыла широкую дорогу для произвольных толкований любых трудных мест. Никакой необходимости в жестком контроле предлагаемого прочтения при такой точке зрения нет, поскольку любые отклонения от правильного написания, правильной грамматики и т. д. можно без стеснения приписать древнерусскому автору.

Пересмотр этой точки зрения начался в 1980-е годы на материале берестяных грамот. Ныне уже можно считать установленным, что берестяные грамоты в среднем содержат очень мало ошибок с точки зрения той графической системы, которой придерживался сам писавший. Свыше 90% берестяных грамот написаны в этом отношении безупречно, т. е. не содержат на графическом уровне ни единой ошибки или описки. Чрезвычайно мало также ошибок более высоких уровней (морфологического и синтаксического).

Хотя для надписей столь же исчерпывающего анализа еще не проведено (это невозможно прежде всего из-за ненадежности значительной части существующих прочтений), характер новых чтений, предложенных многими исследователями во исправление прежних, ясно показывает, что положение с надписями было в общем такое же, как с берестяными грамотами. Это тем более правдоподобно, если учесть, что одни и те же люди несомненно могли писать и то и другое.

Коль скоро это так, то ныне самым первым требованием к любой интерпретации плохо сохранившейся надписи должно быть отсутствие (или по крайней мере безусловный минимум) ошибок против графики. Тем самым, например, из прочтений С. А. Высоцкого будут признаны неверными (или по крайней мере неправдоподобными) сразу много десятков — даже там, где взамен его прочтения пока еще не найдено ничего лучшего.

Аналогично требованиям к графике должны предъявляться также достаточно жесткие требования к грамматике и смыслу предполагаемой надписи. Опыт изучения берестяных грамот показывает, что многочисленные поправки, которые со временем были сделаны к их первоначальным интерпретациям, практически всегда дают решения, более правильные, чем прежние, не только с графико-орфографической, но и с грамматической точки зрения. То же самое сейчас происходит и с надписями. Ведь если на одно мгновение допустить, что С. А. Высоцкий истолковал все надписи верно, то неизбежно пришлось бы признать Киев главным центром безграмотности и неумения правильно выражаться по-древнерусски в древней Руси.

Разумеется, требование отсутствия ошибок нельзя абсолютизировать. Ошибки и описки у писцов, конечно, иногда бывали. Но решение, предполагающее ошибку писца, должно приниматься лишь там, где остальные элементы прочтения вполне надежны и где исчерпаны возможности истолкования данного текста без гипотезы об ошибке.

Лингвистам следовало бы предпринять переиздание имеющегося ныне фонда надписей (или хотя бы некоторых его частей) в соответствии с требованиями, предъявляемыми к филологическим изданиям. В частности, обширный фонд надписей, опубликованных С. А. Высоцким, безусловно нуждается в таком переиздании: филологический уровень этих публикаций настолько катастрофически низок, что полезное и правильное теряется среди ошибочного и серьезный читатель не может доверять здесь уже просто ничему.

Однако переиздавать следовало бы, не только опираясь на уже опубликованные фотографии, но в случае надобности обращаясь также к оригиналам. А это очень сложная и весьма специфическая работа, к которой большинство лингвистов, к сожалению, не готово.

Вообще, как показывает опыт, чтение плохо сохранившихся записей — это работа, которую лучше всего проводить совместными усилиями палео-

графов, реставраторов и лингвистов. В этом случае предполагаемое палеографом чтение трудного места немедленно подвергается лингвистической проверке и, наоборот, гипотеза, которую построил по этому поводу лингвист, немедленно проверяется палеографом и реставратором. Если же эти работы проводятся по отдельности, то отсутствует возможность сразу же ставить возникающие по ходу работы задачи перед специалистами по соседней дисциплине, и успех достигается гораздо медленнее и более дорогой ценой или даже вообще не достигается. Например, если лингвист имеет в своем распоряжении лишь фотографию надписи, какое-то место может оказаться на этой фотографии нечитаемым. Между тем, если бы он мог сразу же дополнительно изучить это место в подлиннике или сфотографировать его снова при каких-то других условиях освещения и т. п., проблема, возможно, была бы быстро разрешена.

К вопросу о датировании надписей

§ 2. Особую проблему составляет изучение граффики и палеографии надписей — основы их датирования. Состояние этой дисциплины пока еще никак нельзя признать удовлетворительным. В частности, в самом большом имеющемся ныне эпиграфическом комплексе — своде киевских надписей, опубликованных С. А. Высоцким, — указания на этот счет обычно отрывочны и очень часто совершенно неубедительны (ниже в разборе конкретных надписей содержится целый ряд примеров грубых ошибок в его хронологических оценках).

С. А. Высоцкий считает приемлемой структуру рассуждения, которую утрированно можно представить так: “в нашем памятнике буква *а* похожа на *а* в таком-то памятнике XII в., буква *м* — на *м* в таком-то памятнике XII в. (и т. д.); вывод: наш памятник может быть датирован XII веком”. Между тем, если в то же время не установлено, что такое *а* не встречается в более поздних памятниках, а, скажем, такое *м* не встречается в более ранних (и аналогично в отношении прочих букв), то совершенно очевидно, что сходство с указанными памятниками несколько не мешает нашему памятнику относиться к любому веку. Такое пренебрежение логикой, по-видимому, связано в том, что в вопросах палеографии многие исследователи в действительности вообще не строят своих хронологических выводов на основе анализа точно зафиксированных особенностей отдельных букв (даже

если они на таковые ссылаются), а стараются оценить то общее (во многом недискретное) впечатление, которое производит изучаемый почерк в целом, с точки зрения сходства или несходства с известными датированными образцами. Поэтому неудивительно, что мы нередко сталкиваемся с хронологическими оценками, которые вообще никак не аргументируются, а просто объявляются читателю.

Граффити обнаруживают значительное палеографическое сходство с берестяными грамотами. А. А. Медынцева пишет (1978, с. 188): “Наиболее близки граффити по начертаниям к берестяным грамотам, что позволяет при датировке опираться на их обширный палеографический материал”. В самом деле, при палеографическом датировании граффити их издатели — Б. А. Рыбаков, С. А. Высоцкий, А. А. Медынцева — постоянно опираются на показания берестяных грамот.

Здесь следует учитывать, что корпус граффити, хотя по суммарной численности он вполне сопоставим с берестяными грамотами, с точки зрения датирования находится в гораздо менее благополучном состоянии. В самом деле, подавляющее большинство берестяных грамот имеет стратиграфическую дату. Напротив, из числа граффити независимую от палеографии дату имеет лишь незначительное меньшинство. Это два-три десятка граффити, которые либо содержат дату прямо в тексте,

либо упоминают надежно опознаваемых исторических лиц (причем из первых некоторые не содержат почти ничего, кроме самой даты, и потому для палеографии почти бесполезны). Разумеется, здесь помогают сведения о времени постройки самого здания: они задают нижний рубеж датировки; в удачных случаях сужают датировку также сведения о времени росписи стен, архитектурных перестроек и т. п.; но даже и в таких случаях допустимый для надписи хронологический диапазон обычно все равно остается весьма широким.

По этим причинам попытки создать для граффити независимую от других источников сводную палеографическую таблицу, расположенную в хронологическом порядке, дают результат, несопоставимо менее надежный, чем для берестяных грамот.

Так, работа Рыбаков 1964 охватывает 55 надписей XI–XIV вв., разделенных на три “категории достоверности”: 18 надписей с точной датой, 19 с вероятной датой, 18 с предполагаемой (возможной) датой. На основе 18 надписей с точной датой (а также некоторых из надписей с вероятной датой) А. А. Медынцева составила включенную в данную работу “сводную азбуку”, которая с помощью особой процедуры (не очень строгой) позволяет установить, к памятникам какого периода (примерно 60-летнего) ближе всего стоит в палеографическом отношении та или иная недатированная надпись.

Эта работа Б. А. Рыбакова и А. А. Медынцевой представляет собой очень ценный шаг вперед по сравнению с традиционным палеографическим датированием по отдельным выхваченным признакам и “по общему ощущению”. Но ясно также, как узка здесь исходная база. А притом даже и такую базу удалось составить только за счет объединения очень разнородных документов: вместе с настенными граффити сюда входят также надписи, выбитые или вырезанные на камне, вычеканенные или вырезанные в металле, нанесенные на ткань; одни из них процарапаны беглым почерком, другие исполнены в торжественном, безусловно каллиграфическом стиле и т. д. И эту базу составляют надписи не из одного какого-то пункта, а из всех концов Руси.

Кроме того, имеется сводная палеографическая таблица граффити Софии Киевской в книге Высоцкий 1976 (с. 168–175). Она имеет вполне традиционный вид: для 53 граффити XI–XVII вв., расположенных в хронологическом порядке, даны алфавиты. Но половина из них — это граффити, которые сами датированы только по палеографии, т. е. являются не источником, а “потребителем” палеогра-

фической информации. А из тех, которые приведены в таблице с датами, значительная часть не имеет даты в тексте, а датируется лишь с той или иной степенью вероятности. Такая таблица, разумеется, тоже бесполезна, но в сущности это еще не инструмент для датирования чего бы то ни было, а лишь сырой материал (к тому же не всегда достоверный) для построения такого инструмента.

В отличие от граффити, для берестяных грамот ныне существует уже весьма подробный палеографический свод, охватывающий примерно 900 документов, — Палеограф. 2000. В этой работе предложен также метод внестратиграфического датирования берестяных документов на основе комплекса параметров (из сферы графики, палеографии, языка и формуляра). Его можно обозначить как параметрический метод датирования.

Полезно указать, что ныне представилась возможность следующей дополнительной проверки разработанного нами метода датирования. В томе НГБ X (с. 412, 414–416) в числе прочих были даны внестратиграфические оценки для нескольких берестяных грамот из Торжка и из Старой Руссы, для которых в период работы над томом стратиграфических дат еще не было. Эти даты были получены археологами уже после выхода тома в свет. Сюда можно добавить также три берестяные грамоты из Пскова (см. НГБ X, с. 403–404), первоначальные стратиграфические даты которых были уточнены уже после выхода НГБ X. Мы можем теперь сравнить результаты внестратиграфического и стратиграфического датирования для указанных грамот; см. таблицку на с. 239.

При использовании внестратиграфических оценок не следует забывать, что точные даты (например, 1160–1200) используются здесь лишь ради упрощения записи; в действительности, разумеется, речь идет лишь о приближенных оценках (подробнее см. Палеограф. 2000).

Как можно видеть, в приводимой ниже таблице внестратиграфический интервал почти всегда включает в себя стратиграфический. В одном случае (Торж. 10) эти интервалы лишь пересекаются.

Конечно, было бы весьма желательно иметь возможность использовать для граффити те несравненно более точные палеографические данные, которые получены ныне для берестяных грамот. Но как выяснить, подходит ли здесь выработанный для берестяных грамот параметрический метод датирования? Не требует ли он в этом случае каких-то поправок и каких именно?

<i>Грамота</i>	<i>Стратиграфическая дата</i>	<i>Внестратиграфическая оценка</i>
Торж. 2	1170–1192 или немного позднее	1120–1200, предпочтит. 1160–1200
Торж. 4	1170–1192 или немного позднее	1160–1200
Торж. 8	Позднее 1185	1160–1220, предпочтит. 1160–1200
Торж. 9	Позднее 1189	1100–1220, предпочтит. 1140–1200
Торж. 10	1190–1235	1160–1200
Ст. Р. 36	ок. 1120 – ок. 1160, предпочтит. ок. 1120 – ок. 1140	1100–1180, предпочтит. 1100–1160 (и уже: 1120–1160)
Пск. 4	ок. 1300 – 1320	1300–1360, предпочтит. 1320–1340
Пск. 6	1242 – ок. 1300	1260–1300, предпочтит. 1280–1300
Пск. 7	ок. 1300 – 1320	1280–1380, предпочтит. 1300–1320

Ясно, что самый простой тест здесь таков: нужно взять надежно датированные надписи (лучше всего просто с датой в тексте) и посмотреть, какую дату они получили бы с помощью этого метода.

Именно такой тест мы и проводим ниже. Взятые надписи XII–XIV веков, т. е. того периода, к которому относится подавляющее большинство берестяных грамот. Для более раннего и более позднего времени наш инструмент работает уже гораздо менее точно, поскольку соответствующего исходного материала (т. е. берестяных грамот этих веков) здесь намного меньше (и, кроме того, на краях хронологической шкалы точность оценки вообще ниже).

Но пропускать через такой тест все датированные граффити подряд бессмысленно: многие из них слишком кратки, и в них недостаточно материала для удовлетворительной (т. е. не слишком широкой) хронологической оценки. Поскольку датированных граффити XII–XIV вв. вообще мало, для наших целей оказываются пригодны лишь совсем немногие. Ввиду этого мы сочли полезным включить в тест также две датированные надписи не на стене, а на камне и на меди, которые по общему характеру и по внешнему виду букв очень близки к берестяным грамотам и настенным граффити.

<i>Надпись</i>	<i>Дата</i>	<i>Внестратиграфическая оценка</i>
Мед. 193, 194 (записи Иоакима и Аврама, Новгород)	1162–1171	1160–1220
Выс. 307 (запись о сестре князя Игоря, Киев)	После 1169	1120–1240, предпочт. 1160–1200
Выс. 25 (запись о Бояновой земле, Киев)	Вероятно, до 1179	1120–1200, предпочт. 1160–1180
Рыб. 44 (надгробный камень Зиновия, Смоленск)	1271	1280–1300
Рыб. 45 (запись о Кирилле и Оксении, Нередица)	1278	1300–1340
Выс. 52 (запись о Захарии, Киев).	1285	1240–1320
Рыб. 48 (запись на медной кровле о землетрясении, Владимир)	1340	1260–1360, предпочт. 1320–1360

Как видно из этих данных, тест оказался в целом достаточно успешным. Почти везде внестратиграфический интервал охватывает и реальную дату. В двух случаях, где это не так, разрыв составляет всего 9 лет и 22 года. В нескольких случаях внестратиграфическая оценка обнаруживает легкую тенденцию к запозданию; но делать из этого какие-либо обобщения было бы неосновательно.

В настоящей работе мы иногда используем хронологические оценки, полученные этим методом. Для некоторых надписей приводятся также так наз.

датирующие матрицы. О том, как они строятся и как ими пользоваться, см. Палеогр. 2000, с. 218–219 и 284–288. Но систематическая проверка датировок надписей в нашу задачу всё же не входила.

Специально отмечаются те случаи, когда в приводимых ниже матрицах используются признаки, которые в надписях имеют иные хронологические характеристики, чем в берестяных грамотах, или дополнительные строки, не входящие в инвентарь Палеогр. 2000.

КОММЕНТАРИИ К НАДПИСЯМ

§ 3. Для киевских настенных надписей, опубликованных С. А. Высоцким, ниже указывается просто номер: благодаря единой нумерации надписей найти их в трех книгах этого автора не составляет труда (Выс. 1966: № 1–98; Выс. 1976: № 99–292; Выс. 1985: № 293–416). Новгородские настенные надписи из книги Мединцева 1978 даются с пометой Мед.

Мы предпочли не располагать комментарии механически в едином порядке номеров, а подразделить их на крупные и мелкие и сгруппировать их (разумеется, весьма условно) по общему характеру разбираемых проблем.

В § 4 собраны надписи, представляющие интерес в силу своего нестандартного содержания (некоторые из них по своему бытовому характеру и по языку приближаются к берестяным грамотам): Мед. 199 и киевские — № 362, 210, 303, 304, 175, 229, 198, 199, 149.

В § 5 — надписи, представляющие интерес в силу связанных с ними лингвистических проблем: № 4, 31, 38, 102, 130, Мед. 196, Мед. 210.

В § 6 — прочие надписи, рассмотренные нами относительно подробно: № 8, 68, 69, 104, 112, 146, 156, 167, 169, 186, 203, Мед. 182, Мед. 200, Мед. 201, Мед. 202, Мед. 204, Мед. 247, Рыбаков 34, СБН–Мурфатлар 3.

В § 7 — надписи, по которым даются лишь мелкие замечания частного характера. Этот параграф исполняет также роль указателя всех обсужденных надписей.

Тексты могут даваться как строка в строку, так и просто в строчку (со знаком строкораздела |). Эти два способа записи эквивалентны. Практически мы обычно используем первый из них для предлагаемых нами чтений, второй — для прочих (в частности, для чтения издателя).

Полные тексты надписей даются славянским шрифтом, цитируемые отрезки — курсивом гражданского шрифта. (При необходимости особого выделения славянским шрифтом могут быть даны также взятые по отдельности буквы.)

Буквы, читающиеся неоднозначно (из-за повреждений или плохой видимости) даются в квадратных скобках. Чистые конъектуры (т. е. полностью отсутствующие буквы) даются в круглых скобках. При цитировании авторов, использующих другую систему обозначений, мы переводим (если специально не оговорено иное) их обозначения в нашу систему.

При изучении части надписей мы пользовались сканировками, сделанными (за неимением соответствующих негативов) с опубликованных фотографий. Работая с этими сканировками при различных режимах яркости, контрастности, интенсивности и резкости и при различных увеличениях, нам в некоторых случаях удалось рассмотреть больше деталей, чем при изучении фотографий невооруженным глазом. Там, где надпись обследовалась таким способом, это отмечается.

Ниже рассматриваются в едином ряду как киевские, так и новгородские настенные надписи. Но основным предметом обсуждения фактически оказывается фонд киевских надписей, опубликованных С. А. Высоцким (1966, 1968, 1976, 1985). По поводу этих публикаций необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

К сожалению, С. А. Высоцкий исходил из довольно распространенного среди историков взгляда, что для прочтения надписей особой филологической квалификации не требуется. Неизбежным результатом этого тяжелого заблуждения стало то, что значительная часть его прочтений ныне требует полной ревизии.

Публикации С. А. Высоцкого уже были предметом критики и корректировки со стороны целого ряда исследователей: В. Л. Янина, Т. В. Рождественской, А. А. Турилова, В. Нимчука, В. И. Борковского, В. В. Колесова, В. Э. Орла, А. Б. Страхова. Наиболее плодотворной была критика со стороны В. Л. Янина и А. А. Турилова. Эти два автора, образно говоря, расчистили самые крупные завалы, вскрыв самые вопиющие ошибки издателя. Полезно указать номера надписей, которые подверглись при этом ревизии: Янин 1992 — № 23, 46, 50, 52, 63, 67, 107, 108, 120, 124, 135, 144, 146, 175, 198, 199, 229, 236, 307; Турилов 2000 — № 23, 47, 58, 59, 67, 120, 128, 139, 140, 146, 168, 169, 170, 172, 173, 177, 182, 183, 185, 190, 203, 212, 218, 219, 221, 222, 295, 311, 313, 362, 387.² Особо отметим также замечательный разбор надписи № 108 в работе Рождественская 1992. Но работы осталось еще много.

² Надежность поправок к чтению издателя возрастает, если одна и та же поправка сделана независимо двумя разными исследователями. Поэтому имеет смысл отметить, что независимо от названных публикаций в своих давно начатых наблюдениях над киевскими надписями я пришел в свое время к тем же поправкам, что В. Л. Янин, в надписях № 107, 135 и 307 и к тем же, что А. А. Турилов, в № 59, 139, 140, 173, 183, 190 и 221.

Специального предупреждения требует вопрос о фотографиях. При всем уважении к многолетнему самоотверженному труду С. А. Высоцкого необходимо признать, что фотографии в его публикациях, к сожалению, не являются вполне объективными научными фотодокументами.

В Выс. 1966 (с. 11) сказано: “Обнаруженные древние граффити фотографировались аппаратом 13×18 см при боковом скользящем освещении ... Помимо обычных отпечатков на глянцевой бумаге, отпечатки делались и на матовой бумаге, затем прорисовывались карандашом, отбеливались и наводились тушью. Таким образом получали как фотографию, так и точную копию надписи (прорись), последнюю без случайных посторонних царапин и изъянов, затрудняющих чтение текстов. Этим способом изготовлены фото и прориси для всех рассматриваемых надписей и некоторых рисунков”. В Выс. 1976 (с. 7) об этом же сказано немного иначе: “Надписи фотографировались при боковом освещении, затем изготовлялись фотоотпечатки на глянцевой и матовой бумаге. Последние прорисовывались карандашом, отбеливались и наводились тушью для получения точных прорисей”.

Эти рассказы не содержат ясного ответа на самый важный для нас вопрос: относится ли препарирование изображений (например, наводка тушью) только к прорисям или также и к публикуемым фотографиям? Приходится искать ответ на этот вопрос в самих фотографиях.

Как показывает внимательное изучение фотографий в книгах С. А. Высоцкого (в частности, сравнение фотографий одного и того же документа в разных изданиях), по крайней мере часть этих фотографий несет на себе следы ретуши.³ Выступая в роли ретушера, С. А. Высоцкий (который выполнял все названные выше работы сам) добавлял к светлomu штриху, принадлежащему букве, тонкую чер-

³ Примеры. В надписи № 25 на фотографии в Выс. 1966 (табл. XXVII) в последней строке ясно видно *семь съм8*, а на фотографии в Выс. 1968 (с. 39) столь же ясно видно *семь съмъ*. (А в 1967 г., между прочим, вышла рецензия В. Нимчука, где указано, что следует читать не *семь съм8*, а *семь съмъ*.) В надписи № 163 на фотографии в Выс. 1976 (с. 324) первую строку (как и все прочие) можно разглядеть лишь с большим трудом, а на фотографии в Выс. 1966 (табл. LXIII) эта же строка прекрасно видна — поскольку все буквы подведены тушью. Заметим, что в этом отношении С. А. Высоцкий просто придерживался уже существовавшей традиции: ретуширование документальных фотографий было в свое время распространенной практикой. Так, о фотографиях надписей из Новгородской Софии, сделанных на рубеже XIX и XX вв., А. А. Медынцева пишет (1978, с. 180): “Фотографии подвергались ретуши, что заставляет иногда усомниться в начертаниях некоторых букв, хотя ретуширование и проводилось под наблюдением И. А. Шляпкина”.

ную полоску, изображающую тень; благодаря этому буква кажется выпуклой и отчетливо выступает из фона. (Что это не подлинные тени, видно из того, что для разных штрихов положение предполагаемого источника света оказывается разным.)⁴

В результате фотография выглядит гораздо лучше, но, конечно, весьма дорогой ценой: из-за риска ошибки ретушера она становится, подобно прориси, субъективным документом. Например, трудную и необычную по содержанию надпись № 386, совершенно не понятую С. А. Высоцким, невозможно полноценно изучить по его публикации, поскольку то, что названо здесь фотографией и прорисью, — это в сущности просто два по-разному оформленных варианта прориси. А реальным примером того, как ретушированная фотография оказывается источником ложных чтений, может служить надпись № 169, разбор которой см. ниже. Таким образом, цель, к которой должно стремиться научное издание любых малодоступных документов, не достигнута, и в каких-то случаях исследователям все-таки придется вновь обращаться к оригиналам надписей (или к негативам фотографий, если они еще сохранились).

К сожалению, как и другие исследователи, критиковавшие чтения С. А. Высоцкого, мы не имели такой возможности и вынуждены опираться только на опубликованные фотографии, с вытекающим отсюда риском оказаться в каких-то пунктах в плену ретуши. Несколько снижает этот риск лишь само осознание данной опасности.

Специально подчеркнем, что, критикуя опубликованные С. А. Высоцким фотографии, мы ни в коем случае не хотели бы бросить на уважаемого исследователя подозрение в некоей научной недобросовестности. Просто исследователь исходил из своих представлений о том, что важнее всего для читателя. Он не предвидел нынешней ситуации, когда многочисленные исследователи используют опубликованные им фотографии надписей в качестве первичного источника информации, т. е. вместо оригиналов, и заботился прежде всего о том, чтобы до-

⁴ Чтобы не быть голословным, приведу один пример из множества. На фотографии надписи № 27 (Выс. 1966, табл. XXIX) “тени”, причем примерно одинаковой толщины, имеются у штрихов, идущих в *любом* направлении; между тем при реальном освещении некоторые штрихи (а именно, идущие в том же направлении, что и свет) остались бы без тени. На той же фотографии правая часть титла над *ги* и хвост от *з* в *помози* идут почти в одинаковом направлении — справа вниз налево; однако “тень” титла располагается книзу от него, а “тень” хвоста от *з* — вверх. Впрочем, в данном случае можно обойтись и без столь сложных доказательств: на фотографии той же надписи в Рыбаков 1964 (табл. XVIII) ни у того, ни у другого из этих двух элементов тени просто нет.

нести до читателя надписи (с его точки зрения, уже прочитанные) в максимально наглядной форме.

Отметим некоторые элементы оформления. В Выс. 1966 и Выс. 1976 надписи публикуются без разделения на слова; ниже, однако, мы везде цитируем чтения С. А. Высоцкого уже с разделением на слова (в соответствии с тем переводом, который он дает).

Надписи нестандартного содержания

§ 4. Ряд надписей заметно отличается по содержанию от общего сравнительно однообразного фона, который в этом отношении образует основной массив надписей.

Чрезвычайный интерес представляет новгородская надпись, в яркой форме отражающая ситуацию древнерусского двоеверия.

Мед. 199. Эта 11-строчная надпись — одна из самых больших в новгородской Софии. В издании она представлена так ⁵:

ГОЛОЛЕ ЖЕЛЕЗНЬУЪ
КАМАН[Ъ]И ПЬРЬ
СИ МЕДА[Н]АА
ГОЛОВА ЛИП[О]
ВА [Ч]ЕЛЮСТЬ [В]Ъ ЗОЛ-ТЪ
ЄБ-АМИД... ВО РУКИ
БЕСЕ СОТОНА ТАТЕ[МЪ]
ТАРЪ ИО ДОБРЪ АКО
НЕНА[А]...
ЛЕБЕДА...
Б[Ъ]АТИ-- АМИНЬ

Как указывает издательница, полностью читаются только первые пять строк. В частично осовремененной форме она представляет их так: “Гололе Железничь, камянии перси, медяная голова, липова челюсть, в золоте...”. Далее она пишет: «Из последующего текста можно разобрать слово “руки”... Седьмая строка читается полностью, хотя контекст не ясен: “бесе сотона татем”..., затем “...добр ако...”. Бесспорно чтение последнего слова — “аминь”».

⁵ Как уже отмечено, коньектуры в цитируемых текстах отмечаются круглыми и квадратными скобками по принятой нами системе; в случае с транскрипцией А. А. Медынцева это практически означает перемену местами этих двух родов скобок. Кроме того, следует указать, что в книге Медынцева 1978 в транскрипции текстов, к сожалению, буквы у и ъ передаются одинаково (как њ). Между тем в древнерусском письме это были несомненно разные графемы. Поэтому здесь и ниже, цитируя эту книгу, мы пишем у или ъ в соответствии с оригиналом.

С. А. Высоцкий в своих публикациях пользуется вводящей в заблуждение терминологией, систематически называя свои переводы “чтениями” и говоря, например, “граффито читается так” (вместо *переводится так*), “можно прочитать следующее” (вместо *можно перевести как*). Ниже мы везде переводим это на обычную терминологию.

А. А. Медынцева сопоставляет прочтенную часть текста с загадками и рассматривает начальное слово *гололе* как имитацию колокольного звона. Ее общее заключение: «Таким образом, надпись № 199 — загадка, в которой под словами “Гололе Железничь” имеется в виду колокол или колокольник. К сожалению, плохая сохранность и своеобразная графика надписи не позволяют восстановить ее дальнейший связный текст. Однако те отдельные слова, которые можно прочесть, не противоречат такому толкованию. Упоминаются бесы, сатана, тати, которые, очевидно, боятся колокольного звона».

Всё это представляется, однако, в значительной мере гадательным, пока надпись прочтена столь неполно. Ясно, что здесь необходимо пытаться что-то дочитать или хотя бы найти какие-то правдоподобные коньектуры.

Надпись исследовалась нами по фотографии и по сделанной с нее сканировке.

Условия чтения в данном случае весьма сложны: текст поврежден многочисленными насечками, штрихи тонки и частично стерлись, а от самой надписи, по словам А. А. Медынцевой, “создается впечатление, что автор надписи сознательно стремился затруднить ее прочтение”. Он то и дело резко изменяет размер очередной буквы и/или смещает ее вверх или вниз, строки различны по длине, извилисты и нередко вклиниваются одна в другую. (Как мы увидим ниже, для подобной “шифровки” у автора действительно имелись серьезные основания.)

Наши основные усилия были направлены на перепроверку тех звеньев текста, где при имеющемся чтении получается абракадабра.

Так, бессмысленный отрезок *таръ* в начале 8-й строки должен быть отдельным словом, поскольку он стоит после законченного слова *татем[ъ]* перед *и* (очевидно, союзом). Весь наш опыт работы с берестяными грамотами и надписями говорит о том, что в полностью расшифрованных документах этого рода бессмысленные последовательности букв не встречаются почти никогда. То, что представляется на первый взгляд бессмысленным обручком,

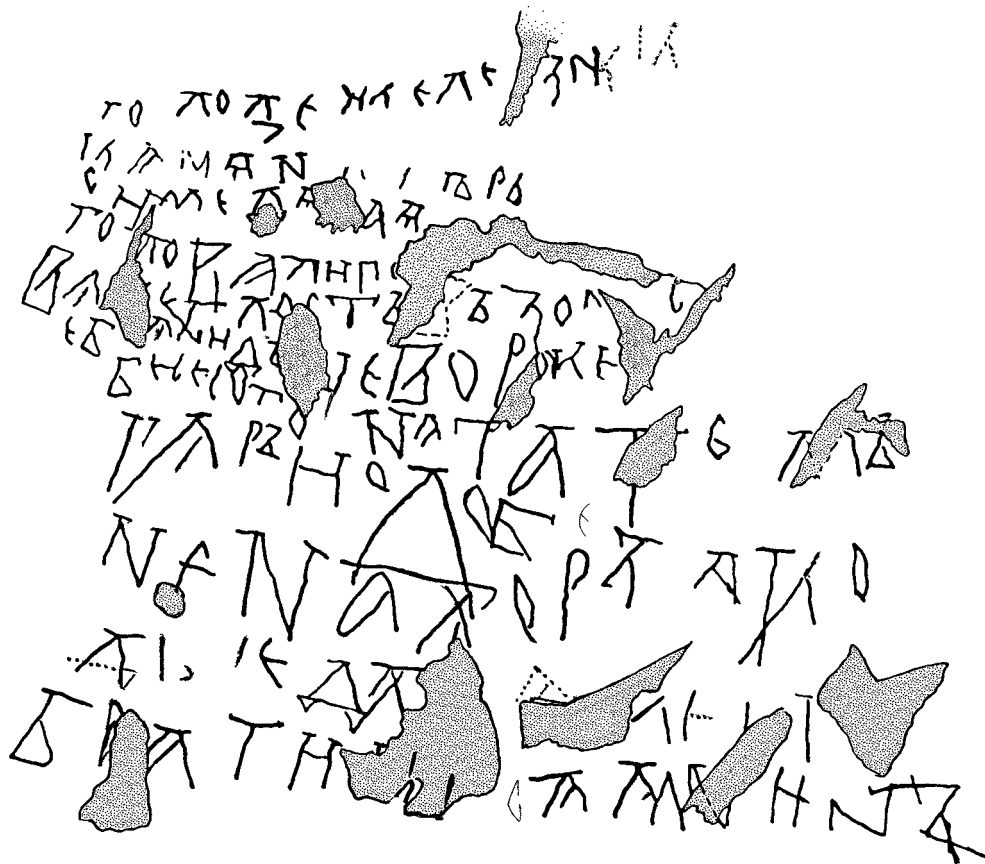
почти всегда оказывается либо неизвестным ранее словом, либо результатом ошибочного прочтения каких-то букв или неверного словоделения. Попытки найти в словарях слово *тарь* или хотя бы подыскать какие-то лингвистические основания для возможного существования неизвестного слова такого вида оказываются безуспешными. Между тем сомнителен вид первой буквы: верхняя горизонталь гораздо короче, чем у заведомых *т* (в словах *челюсть* и *татемь*). При дополнительном изучении фотографии обнаруживается, что вся фигура может быть интерпретирована как *ц*, а не *т*. Это дает вместо загадочного *тарь* чтение *царь*: в тексте стоит совершенно осмысленный и выразительный ряд: *бесе, сотона, татемь царь*.

Далее убеждаемся, что этот ряд можно увеличить и спереди: в конце 6-й строки стоит не *во роуки* (якобы с лигатурой *у* и *к*), а *вороже* (с несколько необычной формой *ж*). Получаем: *вороже, бесе, сотона, татемь царь*, где сама стройность перечисления является лучшим подтверждением того, что мы на правильном пути.

Где же начало этого перечня? Понятная часть надписи кончается на середине 5-й строки. Предложенная в издании для конца 5-й строки реконстру-

кция *въ зол(о)тѣ* (с лигатурным *тѣ*) неправдоподобна: ни одного достоверного *ѣ* в документе нет вообще, и при такой версии нет никакой увязки со следующей строкой. Неясный участок, охватывающий конец 5-й строки и начало 6-й, реально выглядит так: [ѣ]ззо... ...|ѣб-[А]нид--е. Отдельно стоящий знак в конечной части 5-й строки, истолкованный в издании как лигатура *тѣ*, в принципе может быть буквой *с*. В отрезке *д--е*, заканчивающем данную цепочку, от буквы после *д* сохранился левый край и это может быть буква *ѣ*, а от следующей буквы сохранился правый край и это может быть буква *ш*.

Перебор возможностей позволяет предложить следующее решение, вполне согласующееся с видимыми элементами букв: [ѣ]ззо(ри) [с](р)|ѣб(р)[А]ни д[ѣ]ше (от первого *р* в слове *серебряни* на фотографии, как кажется, даже видны некоторые элементы, но это ненадежно, т. е. в тексте могло стоять и *серебряни*). *Възори серебряни* 'серебряные взгляды', 'серебряные глаза' — это конец перечня внешних черт идола, *дѣше* — начало перечня наименований сатаны. Слово *духъ* очень часто применялось именно к злым духам (обычно с эпитетами *зълши, нечистыи* и т. п., но также и без них).

Прорись надписи Мед. 199

Вернемся к 8-й строке. Обнаруживаем, что в отрезке *добръ ако* после *р* стоит не *ь*, а несомненное *з*. Тем самым выявляется словоформа *законѣ* (что *ѣ* в этой надписи заменяется на *е*, мы уже знаем из *железн-, медан-*). Получившаяся последовательность *и о добр законе* требует поиска буквы *е* после *р* — и эта буква действительно обнаруживается (в виде слабых следов) выше буквы *р* и чуть правее ее. Мы уже знаем, что писавший играл тем, что писал очередную букву выше или ниже предыдущей и больше или меньше по размеру, поэтому такое “засекреченное” расположение буквы *е* нас не удивляет.

Логика выявленного перечня требует, чтобы дальше стояло какое-то слово, означающее осквернителя доброго закона. Это слово несомненно начинается с *на* и, по-видимому, содержит восемь букв, т. е. доходит до слова *да* в следующей строке. Обозначив сомнительные буквы прочерками, его можно представить как *на-о|---е*. Проверку этих букв естественно производить не вообще, а параллельно с построением гипотез о том, что это может быть за слово. По смыслу было бы приемлемо слово *нарушитель*, но оно не проходит по числу букв. Но с *на* начинаются и другие *nomina agentis*, связанные с агрессивными действиями, — в частности, такими, как *нападение, набѣздъ* ‘разбойное нападение на дом, деревню’, *находъ* ‘то же в случае, когда нападающие не приехали, а пришли пешком’.

Выясняется, что одно из этих *nomina agentis*, а именно *находьце*, подходит к изучаемому месту. Буква после *на*, похожая на прориси А. А. Медынцевой на *л*, в действительности имеет и верхние усики: это *х*. Первая буква следующей строки — не *л*, а *д*: у нее можно разглядеть ножки и часть платформы. Буква *е*, видимая далее на прориси (впрочем, мало похожая на другие *е* данного текста), — это в действительности лишь несколько трещин; в этом месте скорее всего находилась буква *ь* (часть ее элементов видна). От следующей буквы, к сожалению, сохранилось очень немногое; но можно предполагать, что это было *ц* или *ч*.

Слово *находьць* ‘участник разбойного нападения’ в древнерусском языке известно. Ср. в Слов. XI–XVII (10, с. 299): *сильный находецъ* ‘тот, кто совершает разбойное нападение, вторжение’ (*сильный* означает здесь ‘применяющий насилие’). Таким образом, в нашем перечне сатана получает еще эпитет ‘разбойник (насильник) в отношении доброго закона’. Словами *добръ законъ*, очевидно, обозначена христианская вера. Заметим, что в слове *на[х]о|[ды]е* целых пять букв опознаны не так, как в

издании (где на этом месте читалось *на[А]...[лебе]*). Это яркая иллюстрация того принципа, что при изучении плохо сохранившихся документов попытке опознать отдельную букву без опознания слова, в которое она входит, и без понимания хотя бы ближайшего контекста этого слова обречены на высокий процент ошибок. (В данном случае часть буквенных ошибок здесь, по-видимому, навевана иллюзией присутствия в тексте слова *лебеда*.)

Остается темный заключительный отрезок между *[[ды]е* в предпоследней строке и ‘аминь’ в последней. Этот отрезок начинается с бесспорного *да*. Но далее 6–8 букв жестоко повреждены насечками. В начале последней строки неправдоподобное *б[ъ]ати* явно следует исправить на *б[р]ати*. Далее можно разглядеть букву *ш*. Перед отрезком, прочитанным в издании как *амнинъ*, усматривается легкий след буквы *с*. Соответственно, *с амнинъ* необходимо переинтерпретировать как *с[А ам]инъ*; совокупность видимых штрихов это в принципе допускает (просто в этом месте имеются некоторые лишние штрихи). Тем самым в тексте уже не остается странного *амнинъ*. Буква между *б[р]атиши* и *са* практически уничтожена; но уже нет сомнений, что это было *и*. В итоге мы восстановили всю строку: *б[р]атиши(и)с[А ам]инъ*.

Нетрудно догадаться, что фраза содержала слова *да ... (о)братишииса*. Остается исследовать неясный отрезок между этими словами (длиной примерно в шесть букв). Тщательное изучение фотографии позволяет представить этот отрезок в виде *-а--[и]-*. Затем удается получить и полную реконструкцию всей фразы: *да [и]а [ма и]е о|[б]ратиши(и)с[А]*. В ходе этой работы выясняется также, что прорись этого участка не очень удачна: часть представленных на ней штрихов не имеет отношения к надписи, а некоторые штрихи не уловлены. Но удивиться этому не приходится: на участках, где у изготовителя прориси нет вообще никаких гипотез о том, какие здесь были буквы, подобный эффект возникает очень легко.

Вернемся теперь к началу надписи.

“Глоссолатическое” *гололе* признать невозможно: подобные звукоподражания без всякого грамматического оформления в древнерусских текстах неизвестны, и мы уже знаем, что в надписи речь идет не о колоколе, а о бесе. При этом в предполагаемом *гололе* буква *г* совершенно ненадежна, а под вторым *л* отчетливо видны два глубоких штриха, которые могут быть как случайной царапиной, так и правой половиной платформы буквы *д*.

К сожалению, несомненного решения для этого места пока найти не удалось. Возможна версия

[в]оло[d]е. Незасвидетельствованное слово *володь* может быть либо вариантом слова *волоть* ‘великан’, ‘исполин’, либо означать ‘волос’, ср. собирательное *володь* ‘волосы’ (см. Срезн., I, с. 291), а также имя *Бѣловолодь*, т. е. ‘беловолосый’ (в Ипат., л. 225, под 1185 г.). В варианте *волоть* проблемой остается варьирование *т* – *д*. С. М. Толстая предложила другую версию, очень привлекательную по смыслу, — чтение [ид]оле вместо *гололе*. Трудность в первых двух буквах: для *д* необходимо предположить, что у него утратилась (стерлась) нижняя часть; для *и* — что это была буква большого размера, от которой сохранилась только нижняя часть, причем низ правой ножки случайно выглядит похоже на букву *о*. (См. также ниже сноску 6.)

Что касается странного *железньчъ*, то оно тоже требует корректировки. Прежде всего, его нельзя трактовать как отчество (“*Жельзничъ*”), поскольку *и* здесь могло бы быть заменено на *ь* только в силу прямой ошибки. Можно было бы думать разве что о неизвестном производном **желъзньчъ*. Но в действительности в тексте, по-видимому, нет и *нь* (записанного, согласно издательнице, лигатурой): дужка справа от буквы *н* — это часть длинной царапины, уходящей далеко за пределы данной буквы. Буква *ч* вообще сомнительна: это несколько очень слабых штрихов, возможно, не относящихся к нашему тексту. Правее, как кажется, усматривается слабенькая буква *ь* (или *ы*); может быть, это окончание к *желези*. Но надежен в действительности только отрезок *желези*. Поскольку целых четыре последующих словосочетания построены однотипно: существительное + прилагательное, указывающее материал (‘каменные’, ‘медная’, ‘липовая’, ‘серебряные’), — то и в первой строке с высокой вероятностью стояло просто прилагательное ‘железный’.

К сожалению, не удастся надежно восстановить окончание словоформы ‘каменные’ во 2-й строке, которое представляло бы определенный грамматический интерес. Указанное в издании окончание *-[ь]и* прочтено лишь предположительно и противоречит другим показаниям данной надписи (вместо *и* здесь ожидалось бы *е* или *ѣ*). В такой ситуации лингвисту целесообразнее воздержаться от реконструкции.

На с. 243 приведена прорись этой надписи; она взята из книги Медынцева 1978, но немного подправлена на основании фотографии в точках, обозначенных выше.

Приводим теперь полученную реконструкцию надписи в целом:

[ид]оле железн(-)
 каман-- пьрь
 си меда[n]ла
 голова лип[о]
 ва [ч]ел[юс]т[ь] в[ъ]зо(ри) [с](р)
 еб(р)[а]ни д[ш]е вороже
 бесе сатона татемъ
 [ц]аръ и о д[о]бре зако
 не на[х]о
 [дъц]е да [n]а [ма n](εо)
 в[р]атиш(и)с[а ам]инъ

Перевод: ‘Идол (?) железный, каменная грудь, медная голова, липовая челюсть, взоры серебряные. Дух, ворог, бес, сатана, вора царь и доброму закону насильник, да не обратишься ты на меня! Аминь’. (Варианты для 1-й строки: ‘Великан железный’, ‘Волос железный’.)

Отметим необычайно точную в художественном отношении эскалацию отрицательных наименований сатаны. Со смысловой стороны происходит нагнетание отрицательности: слово “дух” еще в сущности амбивалентно, “ворог” уже безусловно отрицательно, “бес” сильнее, “сатана” еще сильнее. Параллельно с формальной стороны происходит увеличение длины звеньев перечня: от совсем короткого *дше* и чуть более длинных (в частности, *сатана*) к двусловному *татемъ царь* и самому длинному *о добре законе находьце*.

Итак, надпись представляет собой обращение к бесу, сатане, причем ему отчетливо приданы внешние черты языческого идола. Вспомним хотя бы описание Перуна в “Повести временных лет” (под 980 г.): *И нача княжити Володимерь въ Киевѣ единъ и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго — Перуна древана, а главу его сребрену, а оусъ златъ... А вот описание истукана из книги Даниила (2.31–33, где Даниил истолковывает сон Навуходоносора); приводим по Острожской библии (в упрощенной орфографии): *И се тѣло едино веліе, тѣло то и обличіе его округло, стоа предъ лицемъ твоимъ, и озракъ лица его страшень, тѣло егоже глава ѿ злата жива, рѣцѣ и перси и мышцѣ его сребренѣ, чрево и стегнѣ мѣданѣ, голени желѣзни⁶ и часть нѣкаа скѣделна. Слова глава, перси, сребренѣ, мѣданѣ, желѣзни здесь просто те же, что в нашей надписи. Заметим, что это место из Ветхого Завета было хорошо известно в древней Руси; оно цитируется, в частности, в книге Козьмы Индикоплова.**

⁶ Сходство слов *голени желѣзни* с началом изучаемой надписи порождает даже желание проверить, нельзя ли прочесть первое слово надписи как [ʔол[en]e; но видимые части двух букв, следующих за *л*, все же не позволяют принять такую версию.

Автор надписи надеется своим заклинанием отвести от себя исходящую от беса пагубу. При этом ясно чувствуется, что он в сущности преклоняется перед могуществом сатаны, рисует его облик хотя и отталкивающим, но безусловно грозным и мощным.

Вся ситуация представляет большой историко-культурный интерес. Автор-христианин оставляет на стене главного христианского храма надпись, обращенную к сатане, который в его сознании слит с образом языческого бога. По-видимому, он осознает предосудительность этого действия и потому отчасти шифрует запись, заплетая строки и всячески затрудняя опознание букв. (Возможно, именно поэтому надпись так и не была в дальнейшем уничтожена цензорами.)

Вера в силу языческого бога и в полезность каких-то обращений к нему — очевидное проявление столь живучего в древней Руси двоеверия. В то же время отождествление языческого бога с сатаной означает, что позиция автора сближается с магией и другими дуалистическими учениями, признающими равное участие Бога и сатаны в управлении мирозданием.

Язык надписи — в своей основе наддиалектный древнерусский. Отметим полногласные *голова*, *вороже* (возможно, еще [в]оло[д]е); но встретилось также и неполногласное (*о*)*братишииса*. Вокативы *дѣше*, *вороже* отличают язык надписи от древненовгородского диалекта. Вопрос о наличии в надписи новгородизмов не имеет однозначного решения, поскольку не гарантирована буква *ц* в *на[х]о[д]ы[ц]е* — это может быть и *ч*. При написании *находьце* это однозначно новгородская форма: либо номинатив с новгородским окончанием *-е*, либо вокатив с новгородским цоканьем. Но при написании *находьче* это может быть правильная наддиалектная форма вокатива. Окончание *-е* в первом слове (как бы оно ни восстанавливалось) является новгородизмом, если это номинатив; но это может быть и вокатив. Написание *ьрь* в *тьрьси* весьма характерно для новгородской зоны, но все же такие орфограммы встречаются и за ее пределами.

Представляет интерес неустойчивость в выборе между номинативом и вокативом. Так, в перечне эпитетов сатаны представлены как заведомые вокативы (*дѣше*, *вороже*), так и заведомые номинативы (*сотона*, *царь*); словоформы *бѣсе*, *находьце* в древненовгородском диалекте в этом отношении двусмысленны. Внешние черты языческого бога

названы, как и следует ожидать, в номинативе (падеж первого слова надписи устанавливается ненадежно).

Из этих колебаний не следует заключать, однако, что в речи автора вокатив вообще начал смешиваться с номинативом. Это было бы несколько странно, если учесть, что новгородские берестяные грамоты такого смешения не обнаруживают. Скорее дело здесь в том, что он просто легко мысленно переходил от речевого акта словесного описания объекта своей мысли к речевому акту обращения к нему. Первое, естественно, требует номинатива, второе — вокатива. Наличие двусмысленных в этом отношении словоформ типа *бѣсе* дополнительно способствовало этим мысленным переходам.

Из прочих языковых особенностей отметим отвердение *р* в словоформе *царь*; ср. аналогичные примеры в новгородских берестяных грамотах (см. ДНД₂, § 2.43). Эта словоформа представляет также большой интерес как самый ранний ныне известный пример односложной основы *цар-*, записанной без титла и, следовательно, читаемой однозначно. Самые ранние такие примеры, известные до сих пор, содержатся в ярлыке Менгу Темира 1267 г. и в завещании Ивана Калиты 1327 г.

А. А. Медынцева относит надпись к концу XII — XIII в., и это в целом не вызывает возражений; но можно, по-видимому, указанный интервал несколько сузить. Начертание буквы *а* с головкой, образованной двумя параллельными штрихами, на которое ссылается А. А. Медынцева (модель “А широко раскрытое” в номенклатуре работы Палеогр. 2000), по данным нынешнего корпуса берестяных грамот появляется со 2-й четверти XII в., наиболее активно представлена в середине — 2-й половине XII в., а позднее встречается заметно реже. Ранним признаком (XI–XII вв.) является также написание *тьрьси* — без прояснения *ьр* в *ер* (при отсутствии смешения *ь*, *ь* с *о*, *е*). С другой стороны, упрощение *цьс* в *ц* в слове *царь*, если судить по материалу берестяных грамот, указывает на время не ранее конца XII в. Более полное представление о датирующих признаках данной надписи дает приводимая ниже матрица. (Помимо стандартных строк в ней использована также дополнительная строка, отражающая упрощение консонантных групп.)

Матрица показывает, что надпись следует относить к домонгольскому времени, вероятнее всего, к концу XII — 1-й четверти XIII в.

Датирующая матрица для надписи Мед. 199

	1100	1200	1300	1400													
Графика: $\text{ѣ} \rightarrow E$ (фонд $\geq 2 \times$)	(///	///	///)												
Графика: 8	o	o	(///	///	///)	o	.	.	.						
З 1 Выступ вправо вверх	o	o						o	o)	.	.					
Р 1a Округлая петля (прямая мачта))	.	o					
Л 1 Покрытие)	o	o	o)	+ Д				
А 1 Покрытие)	o	o)						
— И, Н, К сверху засечены, снизу нет)	o	o	o)	o				
В IV Развилка	o		o	o	o	o	o	o	o	()	.	.	.		
А 5 Зеркальные			(o	(o	o	o	o	o	o)		*			
Р 11 Буква целиком в строке	o	.	()	o		o	o	o)	1/4
З 2a Ъ-образные (правонакл.)			(o	o	o)							
А 4 Широко раскрытые	.	(o	(///	///	///	o	///	o	o	///	o	o	.	o	
Язык: без прояснения (<i>ѣ</i> , <i>ѣ</i> станд.))	.							1x	
ДОП. Язык: упрощение консонантных групп								(1x	

Группа надписей отражает бытовые стороны церковной и монашеской жизни.

№ 362. Это надпись из церкви Спаса на Берестове. Издатель прочел ее так:

Гѣ помози бѣ иси|фюви освобо|ди водоляма | бе
[р?] з лѣта

Впрочем, это его чтение в ряде точек не соответствует его же собственным пояснениям в комментарии, где он, в частности, говорит, что 1-я строка оканчивается на *оси*, 2-я — на *ба*, 3-я — на *ма* и что в 4-й строке между *бе* и *з* просто царапина в шпикатурке.

Его полуперевод-полутранскрипция таков: “Господи, помози, боже, Осифови, освободи. Водолея 7 года”.

Ныне нелепость этого истолкования уже полностью продемонстрирована А. А. Туриловым (2000, с. 53–55), который справедливо оценивает его как “один из своеобразных шедевров трехтомного корпуса, отмеченных особым взлетом фантазии публикатора”.

С. А. Высоцкий датирует эту надпись, исходя из своего толкования ее содержания, 1499 годом; между тем А. А. Турилов на основании всей совокупности ее характеристик относит ее (несомненно, справедливо) к XII–XIII вв., не позднее 1240 г. Эта разница в три столетия — красноречивое свиде-

тельство той степени надежности, которой обладают хронологические оценки С. А. Высоцкого.

Разбор, проведенный А. А. Туриловым (с использованием соображений В. Б. Крысько), коснулся в основном двух последних строк надписи. Убедительно показано, что эти строки (не считая слога *ди*) в действительности читаются так: *Варлама безлѣна*.

О слове *безлѣна* А. А. Турилов пишет: “Не вполне ясно лишь, что это — прозвище Варлама или самоуничижительная характеристика, краткая форма прилагательного (“безлепого Варлама”). При всей дефектности надписи общий смысл ее (молитвенное обращение с просьбой о заступничестве) ясен”.

Полностью соглашаясь с прочтением *Варлама безлѣна*, мы не можем, однако, принять интерпретацию слова *безлѣна* как прилагательного.

Дело в том, что бессуффиксальные прилагательные с основой, состоящей из *без-* и корня, образуются только от существительных и означают ‘не имеющий того, что названо существительным’: *беззубый*, *бесхвостый*, *безлистый*, *безголосый* и т. д. В современном литературном языке такие прилагательные могут образовываться только от названий частей тела, частей растения и неотъемлемых биологических признаков (ср. примеры выше); см. Грамматика 1970, § 538. В древнерусском языке такие сложения были возможны и с некоторыми другими существительными, ср. отмеченные у Н. М. Ту-

пикова (с. 100–101) прозвища *Безрядой*, *Безкрупой* и т. п., а также возникшие из кратких форм прилагательных прозвища типа *Бездѣдъ* ‘не имеющий деда’, *Безуи* ‘не имеющий дяди по матери’. Но, как и теперь, не было никаких бессуффиксальных сложений из *без-* и корня прилагательного: были возможны только *недобрыи*, *нечистыи*, *несвѣжии* и т. д., но не **бездобрыи*, **бесчистыи*, **бессвѣжии*. Таким образом, прилагательное **безлѣныи*, если бы оно существовало, было бы вопиющим исключением.

Тот факт, что древнерусские словари дают прилагательное *безлѣныи*, — это ошибка словарей. Все примеры, которыми они реально располагают, — это в действительности примеры наречного словосочетания *без лѣна* ‘напрасно’, ‘несправедливо’, ‘неверно’ (имеющего такую же структуру, как *без мала*, *съ проста*, *въ бързѣ*, *по пусту* и т. п.) и результатов его позднейшей эволюции. Это словосочетание рано обнаруживает признаки сращения, т. е. превращения в единое наречие *безлѣна*, у которого в дальнейшем в силу отпадения конечной гласной появляется усеченный вариант *безлѣнь*. Так, в словаре Срезневского в статье *безлѣныи* даны лишь следующие примеры (повторяемые потом другими словарями): *Не бѣди ти слова безлѣна*; *Разѣмивыи не враждоуетъ на чѣка безлѣнь*. В обоих случаях обсуждаемое слово в действительности представляет собой наречие; более того, во втором случае истолковать его как прилагательное можно только при условии нарушения согласования⁷. Неудача словарей тем более очевидна, что в Слов. XI–XVII (1, с. 112) находим в качестве отдельной статьи также и наречие *безлѣнь* (с вариантом *безлѣна*) ‘напрасно’, ‘неверно, ошибочно’.

Заметим, что имеется также и акцентологическое свидетельство того, что *без лѣна* — это два слова, а не одно: в новгородском прологе 1516 г. (РГБ, фонд 354, № 19, л. 113 об.) нами отмечено *били сжть бѣз лѣна* ‘били напрасно’. Такое ударение совершенно правильно для сочетания предлога с эклиноменом *лѣна* (Р. ед. сред.). Если бы это была форма прилагательного *безлѣныи*, то ударение было бы **безлѣна*.

Таким образом, в нашей надписи нет словосочетания “Варлама безлепого”. *Без лѣна* здесь, как и во всех прочих случаях, должно быть наречием. Следовательно, синтаксическая структура надписи

⁷ К чести словаря СДРЯ следует заметить, что, хотя в I томе (с. 126) здесь, подобно другим словарям, дано *безлѣнь* в качестве прилагательного, во II томе, в разделе “Исправления” (с. 489) указано, что пример следует читать *без лѣна*, а статья *безлѣнь* снимается.

не столь стандартна, как кажется на первый взгляд (“Господи, помоги такому-то”), а таит в себе некий предикат, к которому и относится *без лѣна* ‘напрасно’, ‘несправедливо’.

Понятно, что этот предикат следует искать в слове, стоящем перед *Варлама*. Чтение издателя (*освободи*) явно не подходит — как по смыслу, так и потому, что последняя буква 2-й строки — это бесспорно не *о*, а *а*, т. е. здесь стоит *-оба|ди* (или *-ова|ди*), но не *-обо|ди*.

Из этих вариантов *обади* ‘оклеветал’, ‘донес на кого-л.’ очень хорошо сочетается по смыслу с *без лѣна* ‘напрасно’, ‘несправедливо’. После этого уже нетрудно установить, что остатки трех букв перед *оба|ди* гораздо естественнее интерпретируются не как *осв*, а как *оже*.

В целом надпись предстает в следующем виде:

Г҃и ꙗ҃ко ꙗ҃зи бѣ ꙗ҃си-
фови о҃же| оба-
ди варлама
бѣз лѣна

Перевод: ‘Господи, помоги, Боже, Иосифу [в том], что он оклеветал Варлама напрасно’.

Кто оставил эту надпись: Иосиф? Варлам? некое третье лицо? Если автором был Иосиф, то перед нами покаянное обращение к Господу. Если автором был Варлам (или третье лицо), то это мольба (или квази-мольба) о том, чтобы Бог помог доносчику Иосифу перенести ту моральную муку, которую он должен испытывать, оклеветав невинного Варлама.

С нашей точки зрения, наиболее вероятно авторство Варлама. Упрекнуть собрата было бы нарушением христианского смирения; вместо этого автор пожелал ему Господней помощи — вполне в духе апостольской заповеди: “Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклиняйте” (Рим. 12.14).

Существенно, однако, то, что записанное на стене храма моление было открыто для глаз собратьев и писавший не мог этого не понимать. Именно поэтому авторство Иосифа представляется сомнительным. Варлам же вполне мог таким изысканным способом оповестить о своей обиде всю братию и уколоть самого обидчика.

Других подобных надписей до сих пор не было.

№ 210. Издатель читает надпись так:

кѣзѣма | тат[и]ѣ | краи- ꙗ҃си | на содѣн- на | вои

Его перевод: “Кузьма вор, карай если [...] на день судный”. Далее он поясняет: “Надпись пред-

ставляет собой обращение к богу. Автор ее кается и называет себя вором”.

Трудно вообразить более беспардонное отношение к письменному тексту и к его автору.

Надпись исследовалась нами по фотографии и по сделанной с нее сканировке. Результаты таковы.

В 1-й строке более вероятно чтение *КѸзьма*, чем *КѸзьма*.

Во 2-й строке буква после *тат*, по-видимому, сознательно затерта, что функционально равно зачеркиванию. После этого стоит буква, выглядящая как *ѣ*; но не исключено, что косая черта, играющая роль коромысла, здесь посторонняя (и тогда это буква *ѵ*). И в том, и в другом случае перед нами словоформа *татѣ*.

В 3-й строке левее *кра* стоит буква *о*, частично замаскированная тем, что на том же месте поверх нее (или до нее) процарапан посторонний прямоугольник. После *кра* две буквы повреждены и затмнены несколькими посторонними штрихами; но все же они восстанавливаются относительно надежно: это *лъ*. Далее идет четкое *ѣси*.

В 4-й строке после *насо* стоит не *ден*, а *аси*. Следующие две (или три) буквы видны очень плохо. Надежно идентифицировать их не удастся; представляется вероятным, что это *мо* (от *м* усматривается левая мачта, от *о* — округлая нижняя часть). Далее вместо *на* следует читать *нь*. Далее стоит совершенно ясное *т* (произвольным образом не включенное издателем в транскрипцию). Последняя буква неясна; возможно, это *о*.

В 5-й строке перед *вои* стоит несомненное (хотя и слабо видимое) *т*. Весь конец строки в транскрипции издателя отсутствует (хотя на прориси часть букв есть). В действительности он читается практически надежно: *ковѣшь аминѣ* (хуже других видны буквы *въ*, но и они при определенных световых режимах выступают на сканировке достаточно ясно).

В результате надпись восстанавливается (с учетом предположительных чтений) так:

кѸзьма
тат[ѣ]
окра[лъ] ѣси
насо а си[мо]нь т[о]
твои ковѣшь аминѣ

Перевод: ‘Кузьма вор. Ты обокрал нас. А Симон — это твой ковш. Аминь’.

Перед нами еще один редчайший пример послания бытового характера, запечатленного на стене церкви. По-видимому, как и в надписи № 362, писал монах, адресуясь к своему собрату. “Воровство” Кузьмы было несерьезным: он забрал себе

(возможно, даже просто по ошибке) ковш автора. А собственный ковш Кузьмы, как сообщает автор, — это тот, что у Симона (который, следовательно, совершил точно такое же “воровство”). Таким образом, вся эта инвектива, по-видимому, носит, по крайней мере отчасти, шуточный, иронический характер; особенно показательно в этом отношении заключительное фарсовое *аминѣ*. Фонд известных нам древнерусских шуточных или иронических текстов (не слишком обширный) пополнился еще одним примечательным образцом.

Слова *КѸзьма* и *татѣ* стоят в именительном падеже (не в звательной форме), т. е. перед нами не обращение, а утверждение: ‘Кузьма — вор’. Но дальше автор уже обращается к Кузьме: об этом говорит словоформа *ѣси*; ср. отчасти сходное смешение констатации и обращения в надписи Мед. 199 (см. выше).

Интересна словоформа *ковѣшь*, с *ѣ* после *в* (до сих пор были известны только примеры с основой *ковш-*; наиболее ранние из них содержатся в московских грамотах XIV в.). Слово заимствовано из лит. *kaušas*. Написание с *въ* может либо отражать реальное наличие вставного [ѣ], либо служить средством передачи для [w].

У С. А. Высоцкого надпись помещена в раздел “Граффити XIII–XIV вв.”. По-видимому, однако, она не моложе начального отрезка этого интервала: буква *р* с маленькой круглой головкой ни в берестяных грамотах, ни в датированных надписях не встречается позднее первого сорокалетия XIII в. Но надпись может быть и несколько старше.

№ 303. В издании текст записан так:

о ѣи или бѣсы боли сего | зъла и сее пече и |
да сътворѣ батѣичино | сеце

Перевод издателя: “О, господи, Илии, бесы больше сего зла (но) и это допекает и да сотворю (батичину так?)”. Илии, по версии издателя — имя Бога. Слово *батичино*, по его мнению, возможно, связано с позднейшим *батьковицина* ‘отцовское имущество в отличие от материнского’; *сеце* — то же, что *сице* ‘так’.

Все это столь очевидным образом фантастично, что не заслуживает серьезного разбора. Главное же: даже после всех этих произвольных толкований и натяжек полученный перевод мог бы свидетельствовать только о том, что жители древнего Киева были косноязычны и сами плохо понимали, что хотят сказать, или вообще не заботились о том, чтобы написанное имело какой-нибудь смысл.

Попытку переосмыслить весь этот текст произвел В. Э. Орел (1995: 286). Его чтение: о ѣи или і

б[ы]ш[а] боли сего | зъла и [с]ѣѣ печѣ(ни) | да сътворж
 б[л](а)рино(у) | с[и]це “O Lord, was there more than
 this evil and this hell? Let (me) do so to the boyar”. К
 сожалению, хотя это прочтение содержит некото-
 рые оправданные исправления (*или i, сеѣ*), в целом
 оно ненамного более правдоподобно, чем прочте-
 ние С. А. Высоцкого (даже если отвлечься от того,
 что оно в некоторых точках не проходит по бук-
 вам). Так, необъяснимо множ. число словоформы
быша, гадательно предполагаемое *печень ‘пекло’,
 странна слова “этого зла” без указания, что это за
 зло, и крайне сомнителен общий смысл: автор над-
 писи на стене церкви грозит неназванному бояри-
 ну, что устроит ему пекло?

Надпись исследовалась нами по фотографии и
 по сделанной с нее сканировке.

По нашей оценке, точки, где издатель неверно
 опознал буквы, таковы.

Вместо *сеѣ*, как уже отмечено, следует читать
сеѣ. Буква после *печ* не видна вообще; между *печ* и
и просто лакуна в две буквы (в которой, судя по
 контексту, стояло *ал*).

Полному пересмотру подлежит чтение отрезка
ба[л]и. По внешнему виду букв в нем практически
 невозможно отличить *б* от *в* и *а* от *л*; выбирать не-
 обходимо по смыслу. Что же касается предполагае-
 мого С. А. Высоцким лигатурного *ти*, то оно воз-
 никло просто под влиянием его гипотезы о присут-
 ствии в тексте слова *батичино*: в действительности
 из-за повреждений в этом месте не видно почти ни-
 чего, и даже в самом издании на прориси изобра-
 жено вовсе не лигатурное *ти*, а нечто похожее на
 букву *ы*. Попытки найти с учетом этих условий
 осмысленное чтение для всего конца данной стро-
 ки приводят к следующему решению: перед нами
 слово *владычино*, которое скорее всего было запи-
 сано как *влѣчино*, т. е. с привычным для данной
 основы сокращением. От буквы *д* в поврежденном
 месте, возможно, даже видны ножки; но это нена-
 дежно, поэтому уместнее записать полученный ре-
 зультат как *[вл](ѣ)чино*.

Для последнего слова (*сеце*) чтение *сице*, из ко-
 торого исходят С. А. Высоцкий и В. Э. Орел, во-пер-
 вых, возможно только если допустить прямую бук-
 венную ошибку, во-вторых, не дает никакого ра-
 зумного смысла.

Учитывая контекст надписи в целом, мы видим
 здесь единственное приемлемое по смыслу реше-
 ние, состоящее в том, что перед нами слово ‘сердце’
 (в значении ‘гнев’). Слово могло иметь вид *серце*.
 Возможно, писавший просто пропустил *р*. Но бо-
 лее вероятно, что это не пропуск, а позднейшая
 утрата: на фотографии над *сеце* как будто бы усма-

триваются слабые следы угловатого титла, под ко-
 торым стоит маленькое *р*. Что касается возможно-
 сти записи данного слова как *серце*, ср. *серцю*
 (Жит. Андр. Юрод., 43).

После исправлений текст предстает в следую-
 щем виде:

о ѿи или і бѣсы боли сего
 зъла и сеѣ печ(а)ли
 да сътворж [вл](ѣ)чино
 сеѣрце

Перевод: ‘О Господи, даже и бесы разве страш-
 нее этого зла и этой печали — разгневить владыку!’
 В киевских условиях владыка — это, очевидно, ми-
 трополит.

По яркой эмоциональности и выразительности
 это одна из самых замечательных надписей всего
 фонда. Писал, очевидно, монах, которому либо
 предстоял некий отчет перед владыкой, либо он
 уже подвергся владычному гневу (форма *да сътво-
 рж* скорее говорит о первом, но все же не исклю-
 чает и второй возможности).

Начало ‘О Господи’ (такое же, как и в надписи
 № 304) здесь в сущности не настоящее обращение к
 Богу, а род междометия, словесный аналог вздоха
 — как в современном разговорном языке.

Что касается значения ‘гнев’ у слова *сердѣце*, см.
 Слов. XI–XVII (24, с. 79), статья *сердѣце*, значение 3
 (‘гнев, раздражение; ожесточение, ярость’); ср. так-
 же у Даля среди значений слова *сердѣце*: ‘гнев, него-
 дование, злость и злоба’. Вот яркий пример из Пу-
 шкина: *Мне говорят, будто Вы на меня сердиты;*
это не резон: сердце сердцем, а дружба дружбой (из
 письма Ф. Н. Глинке от 21 ноября 1831 г. — Полн.
 собр. соч. в десяти томах. М.–Л., 1949, X, с. 390).

Из графики следует отметить присутствие бук-
 вы *ж* и ее использование в функции *ю*.

Из морфологии представляет значительный ин-
 терес инновационная форма И. мн. *бѣсы*, равная
 В. мн. Отметим также этимологически правильное
ч в *вл(а)дычино* (в отличие от *к*, которое стояло бы в
 этой точке в древненовгородском диалекте); ср.
владычину дяку в киевской надписи № 188.

Два места требуют некоторых дополнительных
 комментариев.

Вместо *боле* (И. ед. сред.) в надписи выступает
боли. Но это не ошибка, а вторичный морфологи-
 ческий вариант данного слова, который изредка
 встречается в памятниках, ср.: *болѣ* (βέλιον) *бо ти
 ксть смиритиса съ своєю дѣею* в Пандектах Нико-
 на Черногорца XIV в. (СДРЯ, I: 286, в статье *бо-
 ли*); *аще поидеши къ ѿному раю, сго же на вѣсто-
 цѣ Гѣ насади, болѣ имашѣ оужасноутиса и изоу-*

мѣтиса (Вас. Нов., л. 676). (Проблему происхождения этого аналогического варианта здесь нет необходимости обсуждать.)

Относительно редкой является также конструкция с *да*, где *да* имеет изъяснительное значение и придаточное подчинено существительному. Слова *⟨зла и печали, да сътворю ... сѣрдьце⟩* означают здесь ‘зла и печали, состоящих в том, что я вызову гнев (= в том, чтобы вызвать гнев)’. Вот примеры подобной конструкции: *и въздасть имъ поспѣшенія ради чѣсть, да живоуть равно съ эллины* (‘честь, состоящую в том, чтобы жить равноправно с эллинами’) (Флав., л. 406а); *всацескыми бѣ мѣками моучени бѣвшие и надробно иссѣчени бѣвшие сѣиноа ради рѣчи, да нарекоуть кесарю гѣнмъ* (‘ради одного лишь слова — назвать кесаря господином’) (там же, л. 477б); *накоже обычаи кѣсть крѣстианомъ, да има дѣтицю нарекоуть* (Житие Феодосия — Усп. сб., 27а). Довольно близки также такие примеры, как: *отъ коуду ми се, да мати Господа моужо приде къ мнѣ* (Стихирарь XIII в. — Срезн., I, с. 620); *сице сътвори вѣ, да азъ ти лягоу на возѣ, ты же моужи на кони вхати* (Житие Феодосия — Усп. сб., 43б).

№ 304. В издании текст записан так:

о ги илии сѣтъи се кол[ъ] въ голову | кр рѣ иоане
-----раб---ика

Перевод первой строки у издателя: “О, господи, Илии святой, это — кол (?) в голову ...”. О второй строке высказаны только некоторые предположения; в частности, издатель усматривает там фразу “Иоане это раб...”.

Свое прочтение предложил и В. Э. Орел (1995: 287): *о ги или и [ѣ]ѣ----ко---- (?) голову | к- ре-[н]а ѣѣѣѣ(хъ) р[о]ѣѣ (ж)ъ сици ка...* “О Lord, was there (more) ... (on) the head ... in the heaven. As to the (female) servant, (do) so (to her) ...”. К сожалению, автор, совершенно как и С. А. Высоцкий, не исходит из презумпции, что наши предки писали связные и осмысленные тексты.

Надпись находится в том же самом месте в приделе Антония и Феодосия, что и № 303. Обе надписи скорее всего принадлежат одному и тому же автору. Тождество почерка не очевидно, но явно возможно (сравнение несколько затруднено тем, что надпись № 304 написана более небрежно, чем № 303); главное же — одинаковое начало обеих надписей (совершенно нестандартное) и, как будет видно далее, одинаковый стиль и сходная тематика.

Надпись исследовалась нами по фотографии и по сделанной с нее сканировке.

По нашей оценке, точки, где издатель неверно опознал буквы, таковы.

Отрезок, прочтенный издателем как *сѣтъи се*, следует читать *б[ѣ]совѣ* (ср. чтение [ѣ]ѣ... у В. Э. Орла). Причина столь серьезных расхождений здесь в том, что на этом отрезке имеются также следы букв какой-то другой надписи, т. е. приходится распутывать сложные клубки наложившихся друг на друга штрихов. В слове *б[ѣ]совѣ* первые две буквы перечеркнуты жирными косыми крестами: некий цензор возмутился упоминанием бесов на стене церкви (для нас же это служит подтверждением правильности чтения *б[ѣ]совѣ*).

После *голого* несомненно имеется еще и буква *у*.

В начале 2-й строки над буквами *кр* расположено не просто титло, а знак выноса, под которым стоит буква *с*, т. е. это не что иное, как сокращение для слова *крѣсть*. Последующее *рѣ*, судя по контексту, следует понимать как сокращение для *рече*.

После *Иоане* стоит несомненное *бесе*. Далее писавший по какой-то причине оставил некоторое пространство пустым и перешел несколько правее (никаких следов букв на этом участке нет, и текст связан). После этого читается не *раб*, а *рѣб* (у буквы *ь* здесь высокая петля). Далее стоят буквы *ѣрѣ*, но *е* зачеркнуто (косым крестом); *ь* перед *р* несколько похож на *ѣ*, но это все же не *ѣ*. Далее сложное место, где много лишних штрихов и рытвин; среди прочего здесь усматривается и буква *н* (ожидаемая по смыслу). После этого стоит уже прочтенное издателем *ика*. Таким образом, перед нами слово *бесерѣбѣрѣ[н]ика*.

Новые интерпретации ряда букв во 2-й строке, предложенные В. Э. Орлом, не подтверждаются.

Итак, мы получили полное чтение надписи:

о ги или и б[ѣ]совѣ кол[ъ] въ голову
кр^с рѣ иоане бесерѣбѣрѣ[н]ика

Перевод: ‘О Господи, неужели даже и [то терпеть, что] бесы кол в голову? — [Это] крест, — сказал он, — о Иоанн, бессеребренника’.

Этот замечательный текст по своей диалогической структуре и по форме выражения более всего напоминает некоторые пассажи из диалогов Кирика с архиепископом Нифонтом. Ср., например: *А кѣже пишють на 3-хъ отроѣхъ на главахъ и на инѣхъ пророчѣхъ? — А то, — рече, — за клобуокъ мѣста* (Вопр. Кирик., ст. 39); *А кѣже, — рѣхъ, — кровь рыбию ѣмы? — Нѣтоу бѣды, — рече, — развѣ животныа крѣве и птица* (ст. 86).

Иоанн, которого естественно считать автором этой записи, с недоумением и страхом спрашивает у некоего церковного иерарха (которого он даже не называет, настолько ясно, к чьему авторитету надлежит прибегнуть; вероятно, это тот же владыка, что в надписи № 303): неужели придется вынес-

ти и то, что бесы начнут всаживать кол в голову? И владыка отвечает: да, таков крест бессребреника.

Относительного начального 'О Господи' см. выше, при № 303.

В отличие от подавляющего большинства настенных надписей, это текст на живом разговорном языке. Здесь представлено *головоу*, а не *главу* (также *серебр-*, а не *сребр-*, где соотношение аналогичное, хотя исторически иное). Само выражение *коль въ голову*, равно как эмфатическое начальное *или и* 'неужели даже', идет из разговорной речи. Примечателен также народный эллиптический синтаксис фразы *или и бѣсове коль въ голову*.

Отметим варьирование формы И. мн. от *бѣсь* в надписях № 303 и 304: *бѣсы* и *бѣсове*.

Не приходится сомневаться, что надписи № 303 и 304 относятся практически к одному и тому же времени (даже если почерки только похожи, а не тождественны). Издатель датирует надпись № 303 XII веком (о датировке надписи № 304 он не говорит ничего).

Использование буквы *ж* (в № 303) указывает на домонгольский период. О том же говорит начертание букв *б*, *в* и *ѣ* с петлей, опускающейся под строку.

Редуцированные сохранены в *зѣла*, *сѣтворж*; но в *бесерьбрь[и]лика* имеется неэтимологический *ь* после *б*, следовательно, падение редуцированных уже началось, т.е. XI – начало XII в. следует исключать. Написание *е* (а не *ь*) в первом слоге слова *се(р)дѣце* в № 303, возможно, указывает на прояснение редуцированных (и тогда следует датировать документ не ранее, чем 2-й половиной XII в.); но это не вполне надежно, так как в № 304 в слове *бесерьбрь[и]лика* имеется пример смешения *е* и *ь* (а именно, *-рьб-* вместо *-реб-*).

Относительно поздним признаком является И. мн. на *-ы* в № 303 (*бѣсы*); в XII в. такие примеры еще совершенно единичны.

Совокупность этих признаков позволяет здесь признать наиболее вероятной датировкой 2-ю половину XII – 1-ю треть XIII в.

Интересна надпись, представляющая собой послание дьяка к неназванному адресату.

№ 175. Надпись отнесена в издании к XIII в. Издатель читает ее так:

се азъ григорк (ю)рьевичъ большіе моливъ |
ицѣлбо а бѣсом та творю а азъ има

Его перевод: "Это я, Григорий Юрьевич большой, молил [...], а бесом уязвленный делаю, а я [...]". Кроме нескольких начальных слов, он только произволен и филологически беспомощен, что даже не заслуживает комментария.

В. В. Колесов (1978, с. 151) предлагает читать в начале 2-й строки *и цѣль*, а в конце *и има*. Он пишет: «В целом можно лишь догадываться о содержании текста: "Это я, Григорий Юрьевич, молив старших (святых, угодников), исцелел и считаю тебя бесом, я име..."».

Но и при таком толковании трудностей все еще много: непонятно дублирование местоимения (*и цѣль* при наличии *се азъ* в начале фразы); непонятно, что делать с отрезком *ааз* перед конечным *и има*; в слове *большіе* почему-то два *и* вместо одного, и после гласной стоит не *к*, как ожидалось бы в данном документе (ср. *Юрьевичъ*), а простое *е*; само обозначение святых или угодников словом *большіе* крайне необычно; весьма сомнительна также в устах древнерусского человека фраза "Я считаю тебя бесом".

Такое нагромождение трудностей порождает подозрение, что издатель не все буквы текста интерпретировал правильно. При внимательном изучении фотографии это подозрение оправдывается. Прежде всего, в предполагаемом *моливъ* буква после *м* — это не *о*, а *ь*. Одного этого достаточно, чтобы развалились все версии со словом *моливъ*: этого слова в тексте попросту нет.

Далее выясняется, что две буквы перед этим *м* (якобы *ие*) можно с не меньшим успехом интерпретировать как *к*. Понятно, что аномальному *большіе мо...* (о странностях которого см. выше) следует предпочесть вполне правильное *больши [к]мь*.

Начало 2-й строки (*ицѣлб* по С. А. Высоцкому, *и цѣль* по В. В. Колесову) явно следует читать как *ицѣль*: у буквы после *ѣ* имеются верхние усики, т.е. это *х*. Что касается конца 1-й строки, то тут издатель, к сожалению, довольно грубо подгонял видимые штрихи под предложенное им чтение *моливъ*. В действительности из четырех букв здесь ясно видна только последняя: это *ь*. На предпоследней позиции, как кажется, видна горизонтальная платформа буквы *д*. Для двух плохо видимых букв между *[к]мь* и *[д]ь* в принципе допустима диктуемая смыслом конъектура *въ* (от *в* видна спинка, от *ъ* — длинная, опускающаяся под строку мачта). Всё это дает чтение *[въ д]ь|ицѣль*.

Перед *бѣсом та творю* стоит, по-видимому, *а*, перед которым могла быть еще одна буква (но мог быть и просто отступ перед следующим предложением). После *бѣсом та творю* достаточно ясно чи-

тается *лазнима*. Правда, на прориси показано *ааз*, а не *лаз*, но фотография этого не подтверждает. Буква после *з* — несомненно *н*, а не *ъ*, вопреки издателю; показанное на прориси слабое подобие петли сконструировано из трещин, уходящих далеко за пределы данной буквы. Судя по смыслу, перед нами причастие *блазнима*. Не исключено, что над началом отрезка *лазнима* сохранились следы вписанной над строкой буквы *б*; но надежно установить это фотография не позволяет.

Добавим к этому, что в 1-й строке следует читать скорее *Григор[и]*, чем *Григорѣ*.

При полученном чтении уже нет необходимости предполагать, что текст обрывается на полуслове: надпись оказывается целостным документом.

Мы предлагаем, таким образом, следующую реконструкцию всей надписи:

се ^азъ григор[и] (ю)рьевичъ больши [ѣс]мь [вѣ д]ѣ
 ѡцѣхъ (-)[а] бѣсом та творю ^блазнима

Перевод: “Это я, Григорий Юрьевич, — больший (старший) в дьяках. А тебя считаю, что соблазняет бес”.

Содержание надписи — весьма необычное и интригующее. Послание обращено к неназванному сопернику, который, очевидно, попытался оспорить преимущественное право Григория Юрьевича распоряжаться в некоем конфликтном деле, а может быть, и присвоить себе его прерогативы. Чрезвычайно интересно, что свой ответ автор счел уместным вынести на стену храма.

Отметим новое *больши(и)* вместо древнего *болши*.

В двух случаях перед нами моления о небесной помощи, т. е. записи самого распространенного типа, но с необычными добавлениями.

№ 229. Надпись принадлежит к числу тех, для которых в издании предложены совершенно немислимое чтение и не менее фантастический перевод.

Чтение издателя:

ω сватаа софыє призъри по|мани прѣсстти
 пом[а]ни и | помилоуи ---оат--иоогою | же
 про[б]итлеть

Его перевод: “О, святая София, призри, помани и помилуй [...] отсрочь же одряхлеть” (соображения издателя, которые привели его к такому переводу, опускаем).

Нельзя не согласиться с В. Л. Яниным, который пишет по этому поводу (1992, с. 29): “По всей веро-

ятности, издателю правильнее было бы признать, что конец надписи ему прочесть не удалось”.

Чтение издателя здесь может служить очередной иллюстрацией к тому, какие чудовищные последовательности согласных или гласных получаются при попытке “просто записать то, что видно”, не контролируя это никакими другими соображениями.

В. Л. Янин предложил для конца надписи (после *помилоуи*) другое чтение — заполняющее все лакуны, изменяющее истолкование ряда букв и по смыслу не имеющее ничего общего с фантастическим переводом издателя: [и]с брѣѣи того иже прочитають.

Следует безусловно согласиться с главным звеном интерпретации В. Л. Янина — прочтением заключительных слов как *иже прочитають*.

Прокомментируем это прочтение с точки зрения формы букв. Идентификация буквы *ч* в слове *почитають* затруднена тем, что прямо по этой букве прошел ствол (чуть-чуть наклоненный) креста из постороннего для этой надписи рисунка. Если “вычесть” этот посторонний штрих, то уже ясно видна буква *ч* (с чашей несколько угловатого рисунка). Опознав *ч*, уже не приходится сомневаться, что буква между *ч* и *т* — это не *н*, а *и* (хотя перемычки и не видно). То, что было принято здесь за диагональ, — это всего лишь одна из нескольких косо направленных рытвин на штукатурке. Ясно также, что следует читать не *тлеть*, как у издателя, а *тають*. Таким образом, словоформа *почитають* выявляется вполне надежно.

Сложнее обстоит дело с буквой *и* в *иже*, поскольку внешне она очень похожа на *ю*. Но тщательное изучение все же показывает, что правая часть кольца здесь может быть и случайным штрихом. (Возможно, впрочем, что автор все-таки написал здесь *ю*; но даже и в этом случае осмысленность текста в целом заставила бы нас считать это простой опиской вместо *и*.)

В отличие от отрезка *иже прочитають*, отрезок [и]с брѣѣи того, с нашей точки зрения, требует реинтерпретации. Во-первых, вместо *ис брѣѣи* должно было бы стоять *из братиѣ* ‘из братьев’ (или *съ братьею* ‘с братьями’). Во-вторых, буква перед *ого* — это никак не *т*, а *ѣ* или *х* (а именно, это *о*-образная фигура, у которой от верхней точки влево отходит усик, снабженный отчетливой засечкой, а при большом увеличении виден также и правый усик); кроме того, буквы перед предполагаемым *того* — это явно не *еи*, а *ли* или *аи*.

Это значит, что вместо *того* следует искать какую-то другую словоформу на *ого*. Указанным вы-

ше ограничениям на выбор букв удовлетворяет, по-видимому, только словоформа *лихого*.

Остается самый поврежденный отрезок надписи — между *помилоуи* и *лихого*. Обозначив слаборазличимые буквы прочерками, его можно представить так: ---*am*-. По смыслу здесь явно требуется императив со значением какого-то отрицательного (например, карательного) воздействия. Перебор возможных гипотез с проверкой по сохранившимся остаткам штрихов заставляет нас признать наиболее вероятной (хотя все же не гарантированной) конъектуру [и ѿвр]ат(и).

Требует пересмотра также предполагаемое издателем невероятное слово *прѣссити* во 2-й строке. В действительности то, что С. А. Высоцкий принял за *ѣс*, — это написанная шире обычного буква *и*; то, что он принял за *тт*, — это *ѣт*. Перед нами вполне нормальное и совершенно уместное в данном контексте слово *присѣти* ‘посети’, ‘призри’, ‘окажи милость’.

Остается добавить, что чтение *призьри* (с *ъ*) не оправдано реальным видом знаков для редуцированных в этой надписи: после *приз* стоит такое же начертание, как в слове *Софьѣ*. Таким образом, следует писать *призьри*.

В результате получаем следующее чтение всей надписи:

ω сватаа софьѣ призьри по-
мани присѣти пом[А]ни и
помилоуи [и ѿвр]ат(и) лихого [и]
же проч[и]тають

Обращаем внимание на то, что в данном тексте нет никаких ошибок (если отвлечься от предположения об опiske в *иже*).

Полученный текст может быть понят так (в переводе учтены соображения, высказанные А. А. Гиппиусом, В. Б. Крысько и С. М. Толстой) : ‘О святая София, призри, помяни, посети! Помяни, и помилуй, и упаси от лихого (т. е. от черта) [того], кто [это] прочитает’. Отрезок *и ѿвр[ати] лихого* буквально означает ‘и отврати [от него] черта’ (в ряду просьб о благоволении святой Софии к тому, кто это прочитает). С синтаксической точки зрения *иже прочитають* подчинено основной группе императивов (а с добавленным *и ѿвр[ати] лихого* связано лишь по смыслу).

Что касается датировки этой надписи, то тут издатель тоже допустил грубейшую ошибку, а именно, поместил ее в раздел “Граффити XV–XVII вв.”. По меркам берестяных грамот документ с такими графическими и палеографическими характеристиками должен датироваться не позднее конца XII – начала XIII в. Приводим датирующую матрицу этой надписи.

Датирующая матрица надписи Выс. 229

	1100	1200	1300	1400
Графика: ОУ после согл. (исключит.)			///	/// °)
Графика: Ю	° °	° °	(
Графика: ѣ, ѣ не смешиваются с о, е		///	///) ° . .	(
Графика: Ф	[° ° -]	///	///) ° (
Х 5 Ножницы	°	° °	° ° ° °) ° °
ω Па Округлые (без перемычки)) °
Ж III Звездоподобные в 4 взмаха		° ° ° °) ° °) °
Р 5 Не сужающаяся открытая петля	° ° ° °	° °) .	
В 4 Выступ вверх) ° ° °) . .
▲ Па Без перекладины		(° ° ° °	° °	° °
Ч Iб Плоская чаша		° °		
Р Iб Округлая петля (изогнутая мачта)	° ° ° ° ° °	°	° ° ° ° °	° °

№ 198. В издании надпись отнесена к XIII в.; текст ее записан так:

Гѣ помози рабуоу св[ѣ]рѣмоу анососу свата|а софьѣ и на мор[ѡ]у | и на ноу

Перевод издателя: “Господи, помоги рабу своему Яносу, святая София, на мор и на новый уро-

жай”. Он поясняет: “Таким образом, автор просит, чтобы бог помог ему на случай болезни и послал хороший урожай”. Слово *ноу* он истолковывает как *новъ* “новые, первые плоды”. Фантастичность слова *ноу*, а с ним и всей конечной части перевода, можно подробно не комментировать.

Янин (1992, с. 28) читает конец несколько иначе: *соѳѣи намоуриnanoу*. Последнюю словоформу он истолковывает как причастие от глагола *намурьнати* (зафиксированного один раз в качестве перевода для греч. ἐπιπολάζειν ‘всплыть’), предполагая для этого причастия переносное значение ‘обыкновенный, простой, заурядный’, имеющееся среди прочих значений у греч. производного ἐπιπολάσιος, откуда далее выводится предполагаемое значение ‘ничтожный’ в контексте настоящей надписи. Но это чтение едва ли можно признать правдоподобным: 1) предполагаемая история развития значений здесь целиком гипотетична, никакого древнерусского материала, подтверждающего ее, нет (да и сам глагол принадлежит к числу редчайших); 2) разрыв синтагмы, состоящей из существительного и прилагательного (*Аносоу, сватаа Соѳѣи, намоуриnanoу*), для надписей совершенно нехарактерен; 3) остается без объяснения конечное *и* в *Соѳѣи*.

С нашей точки зрения, конец надписи читается иначе.

Отрезок *инамо* виден очень хорошо. Далее почти надежно усматривается мачта от *р* (хотя как именно располагается его петля, рассмотреть на фотографии трудно). Следующая буква практически целиком утрачена (хотя не исключено, что ее правую часть составлял сохранившийся вертикальный штрих). В начале последней строки надежно читается *ина*. Но следующая буква — не *н*, вопреки С. А. Высоцкому. То, что он принял за перемычку от *н*, — это лишь часть длинной кривой царापины (или трещины), которая идет от буквы *с* в *Соѳ* и продолжается правее нашей буквы. Тем самым наша буква может быть интерпретирована как *п*; на фотографии можно заметить даже правый край верхнего горизонтального штриха этой буквы. Далее идет надежное *оу*, но надпись на этом не кончается: хорошо видны еще два вертикальных штриха, из которых первый может быть мачтой от *т*, а второй — левой мачтой от *и*.

В итоге получаем простое и превосходно подходящее к контексту чтение: *и на мор[и] и на [п]оу[ти]*.

Отметим, кроме того, что вместо *рабоу* скорее все же следует читать *р[а]боу* (лишняя черточка при *а* — вероятно, случайная), а вместо *Соѳѣ* читать *Соѳ[ѣ]* или *Соѳ[ѣ]*.

Предлагаемое чтение надписи в целом:

Гѣ помози р[а]боу свѣ
оемоу аносоу сватаѣ
а соѳ[ѣ]ѣ и на мор[и]
и на [п]оу[ти]

Перевод: ‘Господи, помоги рабу своему Яносу, [и] святая София, и на море и на пути’. Очевидно,

Янос оставил эту надпись в Софии непосредственно перед отправлением в заморское путешествие.

Надпись оказалась очень похожей на № 139: *Гѣ помози рабоу своему Фролови на(а) поути семь* (см. Турилов 2000, с. 36–37).

В двух случаях мы прямо или косвенно узнаем из надписи, что ее оставил пришелец из другого города.

№ 199. В издании текст записан так:

Гѣ помози ра|боу своему кос|стѣтину стана|мириноу

Перевод издателя: ‘Господи, помоги рабу своему Константину Станомирину’.

В. Л. Янин (1992, с. 29) указал, что в Новгородской I летописи под 1311 г. упомянут Костянтин Ильин сын Станимирович. ‘Неясно, — пишет В. Л. Янин, — был ли Костянтин Станимирович новгородцем или воином из дружины южного князя’.

С лингвистической точки зрения очень подозрительно отчество *Станамиринъ* (или *Станомиринъ*). Оно не могло быть образовано от известного имени *Станимиръ* (даже если отвлечься от расхождения в гласной после *Стан-*): суффикс *-инъ* позволяет связывать его только с нигде не засвидетельствованным именем *Станимира* (которое к тому же почти обязательно должно было быть женским).

Но, как мы увидим, проблема решается на более низком уровне: просто в чтении издателя имеются буквенные ошибки.

Буква *с* в конце 2-й строки похожа на простую опечатку: и в фотографии и на прориси стоит ясное *н*: *кон*.

Буква *а* в конце 3-й строки совершенно ненадежна: на это место приходится выбоина. Можно предполагать *и* (со слегка наклонными мачтами) или *о*. Существование имени *Станимиръ* делает достаточным вероятным первое решение.

И, наконец, буква перед *оу* в 4-й строке — это не *н*, а *ц*: вполне отчетливо видна опускающаяся далеко вниз правая вертикальная линия. Напротив, изображенная на прориси тончайшая косая перемычка — просто царапинка (на фотографии не отразившаяся вообще).

Эти исправления решают все проблемы. Надпись читается так:

Гѣ помози раѣ
боу своему конѣ
стѣтину стан[и]
мирицоу

Перевод: ‘Господи, помоги рабу своему Константину Станимиричу’.

Цоканье ясно показывает, что писавший действительно был новгородец. Отождествление его с персонажем новгородской летописи становится на порядок более надежным.

№ 149. Отметим, что запись сделана прямо поверх другой надписи (№ 163), что затрудняет идентификацию букв.

В издании надпись отнесена к XII в.; текст ее записан так:

дѣдильиѣ касожиць тѣму по|ида ѿ сватыхъ
азъ бо ги ча|ю прити къ тебѣ на въскрѣшение ох
дша моя

Перевод издателя: “Дедилье (?)-касожич. Уходя от святых, я бо, господи, надеюсь прийти к тебе на воскрешение. Ох, душа моя!”. Издатель справедливо видит в авторе касога (т. е. черкеса), который “был христианином, жил многие годы на Руси, где выучился читать и писать”. Он отмечает, что имя касога (по его мнению, *Дедилье* или *Дедильиес*) созвучно с именем *Дѣдильць* (с вариантом *Дѣдило*), которое носил рязанский боярин, упомянутый в Ипатьевской летописи под 1175 г. (В Ипат. [л. 210] это имя представлено в Р. ед.: *Дѣдилца*; добавим еще *ѿ Дѣдилѣ* в берестяной грамоте № 6 из Старой Руссы.)

Если не считать совершенно невысказанного разъяснения (“Автор обращается к богу и дает обещание прийти к нему на воскрешение, т. е., вероятно, на день судный”), с чтением второй части надписи (начиная с *азъ бо*) можно согласиться.

Но интерпретация первой части, конечно, неприемлема: достаточно сказать, что у слов “Дедилье (?)-касожич” нет сказуемого, а отрезок *тѣму* в переводе вообще выброшен.

Дополнительное обследование букв первой строки позволяет внести в приведенное чтение несколько исправлений.

В первом слове буква после *Дедиль* безусловно должна интерпретироваться не как *и*, а как *ц*. В процарапанных надписях буквы *и* и *ц* вообще различаются с трудом. Разница лишь в том, одинаковы ли по длине обе мачты или одна опускается существенно ниже другой; но процарапывая штрих, трудно остановить писало точно в нужном месте, поэтому длина штриха оказывается здесь очень непрочным признаком. В данном случае правая мачта длиннее левой (хотя из-за характера поверхности трудно сказать, насколько); главное же: буквенная цепочка *иѣ* невероятна. Таким образом, перед на-

ми не фантастическое *Дѣдилье*, а просто то же самое имя, что в Ипатьевской летописи, только с необычным окончанием *-е* (о котором речь пойдет ниже отдельно): *Дѣдильце*.

Следующий знак — это не буква *с*: поверхность стены здесь буквально испещрена царапинами и элементами “посторонних” букв; в такой ситуации кривой штришок между двумя четко читаемыми словами (*Дѣдильце* и *касожичь*), конечно, не следует расценивать как букву нашего текста.

Вместо *тѣму*, по-видимому, следует читать *тѣмоу*: между *м* и *у* дистанция немного больше средней и на фотографии усматриваются элементы контура маленького *о*.

После отрезка *тѣму* на прориси С. А. Высоцкого почему-то нет вообще никаких букв (хотя остается место еще для 5–6 букв и хотя в тексте издатель дает после *тѣму* буквы *по*). Но на фотографии две буквы видны совершенно явственно, только это не *по*, а *то*. Видны также, хотя уже несколько слабее, и следующие две буквы: *ро*. Еще две буквы, следующие за ними, полностью рассмотреть уже не удастся, но прослеживаемые элементы штрихов позволяют предположить, что это были *к* и *а*.

Таким образом, восстанавливается отрезок *тѣм[о]уторо[ка]*. Совершенно очевидно, что перед нами какое-то производное от топонима *Тѣмурокань* — скорее всего *тѣмуроканьць*. Для русскоязычного касога-христианина нет ничего более естественного: именно Тмутаракань была центром славяноязычного христианства на северном Кавказе. Ее население было многонациональным: касоги, русские, греки, готы, аланы, хазары и другие.

Ясно, что конца первой строки здесь недостает. Очевидно, как многие концы строк в настенных надписях, он был утрачен. (К сожалению, издатель ничего не сообщает о том, в каком состоянии находится поверхность стены справа от надписи.) Вполне возможно, что в конце первой строки утрачено совсем немного букв: это могли быть буквы *нѣць ѿль* (или даже еще короче: *нѣць ѿ*).

Итак, с исправлениями и конъектурами надпись получает следующий вид:

дѣдильце касожиць тѣм[о]уторо[ка](нѣць ѿль)
ида ѿ сватыхъ азъ бо ги ча
ю прити къ тебѣ на въскрѣшение ох дша моя

Перевод: ‘Дедилец-касог, тмутаракан[ец, писал], идя от святых. Ибо я, Господи, чаю прийти к тебе на воскрешение. Ох, душа моя!’ Отметим, что до слова *ида* включительно текст написан мелкими буквами, а от слов *ѿ сватыхъ* — крупными. Писа-

вший явно выразил таким образом свое смирение, выделив сакральную часть текста и принизив мирскую (тем самым умалив себя).

Открывающаяся из этой короткой надписи картина представляет большой интерес. Касог-христианин носит славянское мирское имя *Дѣдильць* и безупречно пишет по-древнерусски. Основное содержание надписи: *азъ бо, Господи, чаю прити къ тебѣ на въскрѣшеніе* — очевидная перифраза заключительной формулы христианского Символа веры: *Чаю въскрѣшеніа мѣртвѣмъ*. Тем самым здесь это практически означает 'ибо я христианин'. Эта фраза приобретает особое звучание в устах человека, который принял веру в христианского Бога в землях, где у недавних язычников был большой выбор возможных религий. Примечательно, что он уже достаточно ревностный христианин, чтобы отправиться в паломничество к святым мученикам, но еще не привык обозначать себя в делах веры своим крестильным именем.

Но был ли Дедилец в самом деле касогом? Не является ли слово *касожичь* просто прозвищем природного славянина? Исключать такую возможность, по-видимому, нельзя, хотя и не кажется естественным, чтобы в подобной записи человек называл себя с прозвищем. Дедилец мог быть также жителем Тмутаракани, происходящим от смешанного брака.

Дедилец находится в Киеве, совершив паломничество к мощам святых мучеников и, очевидно, возвращаясь домой: он пишет *ида* (а не *пришьдѣ*). При этом *ида* в принципе может означать как 'находясь в пути', так и 'отправляясь в путь'; это значит, что он либо посетил святыни в каком-то другом месте (например, мощи святых Бориса и Глеба в Вышгороде) и возвращается через Киев, либо объектом его паломничества были святыни в самом Киеве. Скорее всего он направляется домой в Тмутаракань. Но не исключено и то, что он жил уже не в Тмутаракани, а где-то в Киевской земле. Ведь Тмутаракань уже на рубеже XI и XII веков была захвачена половцами, потеряла связь с остальной Русью и, очевидно, перестала быть важным христианским центром. Следует полагать, что какое-то количество христиан ушло при этом на Русь. К сожалению, мы не знаем, раньше или позже этого момента составлена данная надпись. Ни палеография, ни лингвистика не дают возможности отличить, скажем, последнюю четверть XI века от первой четверти XII.

В лингвистическом отношении самым интересным фактом в этом тексте является окончание *-е* в словоформе И. ед. *Дѣдильце*. Необходимо прежде всего отметить, что в надписи нет примеров смешения *ь с е* или *ь с о*; поэтому более вероятно, что здесь представлено именно окончание *-е*, а не просто способ записи для окончания *-ь*.

С внешней точки зрения, ближайшими аналогами словоформы *Дѣдильце* являются И. ед. *Нездильце* в псковской грамоте XIV в. (Хрест., № 35) и И. ед. *Колбинць* (= *Колбинце*) в новгородской берестяной грамоте № 389 рубежа XIII–XIV вв. Однако оба эти примера относятся к новгородско-псковской зоне, важнейшей морфологической особенностью которой является именно окончание *-е* в И. ед. муж. Поскольку в надписи № 149 нет никаких новгородизмов и нет оснований как-либо связывать ее с Новгородом, необходимо искать какое-то другое объяснение необычному окончанию в *Дѣдильце*.

По-видимому, *-е* в *Дѣдильце* есть не что иное, как закономерный мягкий вариант того *-о*, которое выступает в И. ед. определенной части антропонимов твердого склонения, например, в ПВЛ *Синько* (под 945 г.), *Варажько* (под 980 г.), *Лашько* (под 1015 г.), *Василько* (многократно) и др., в надписях — *Дѣмילו*, *Ститько*, *Михалько*, *Данило*, *Марко* (все № 25), [*Со*]удило № 112 и др.

Правда, у немногочисленных имен с основой на *ц*, встретившихся в старейших памятниках, отмечено только окончание *-ь*; ср. в Ипат. *Талець* (под 1015 г.), *Федорѣць* (под 1172 г.), *Нерадець* (под 1187 г.). Следовательно, в данной морфологической группе окончание *-е* было лишь факультативным; ср. вариантность типа *Михаиль* и *Михаило*, *Маркъ* и *Марко*.

Представляет интерес не засвидетельствованное в других источниках слово *касожичь*, пополняющее ряд производных на *-ичь*, в котором стоят в основном племенные и локальные наименования (*кривичь*, *ватичь*, *пльсковичь*, *москъвичь* и т. п.), но также и *нѣмьчичь* и известное из Слова о полку Игореве *русичь*.

Правда, слово *касожичь* здесь можно было бы трактовать и просто как отчество. В самом деле, *касожичь тѣмоутороканьць* выглядит очень похоже, например, на *соужьдальць Ходоутиничь* в свинцовой грамоте № 1 (XI/XII в.). Ясно, однако, что в данном случае это ничего не меняет: 'касог' и 'сын касога' — это реально одно и то же.

Надписи, связанные с интересными лингвистическими вопросами

§ 5. К этой категории можно отнести следующие надписи.

№ 4. В Выс. 1966 (с. 18) текст записан так:

въ | въ великѣи четвѣрг | [р]ака положена бысть
| -т- андреа русьскѣи | князь блгѣи а
дѣми|трѣ ѡлѣ отрочѣка его мѣца | апрѣл[а] въ ѿд а
бѣ се | ...брлѣ п обе

Перевод издателя: “В великий четверг рака положена была... Андрея русьского князя благого, а Дмитр писал, отрочька его, месяца апреля в 14”. Смысл дальнейшего, по его словам, не удастся уловить.

В Выс. 1968 (с. 11) в конце строки 2 дано *четвѣргѣ*, в начале строки 4 вместо *-т-* дано [а] *то*, строка 8 целиком снята. Перевод здесь таков: “В великий четвер раку покладено було. (А то) Андрія русьского князя благовѣрного, а Дмитр писав отрочка його, місяця квѣтня в 14”.

С. А. Высоцкого, разумеется, интересовала не филологическая сторона надписи, а задача ее соотнесения со свидетельствами летописи. Эту задачу он решил успешно, а именно, установил, что отраженное в надписи событие — это положение в киевском Софийском соборе 14 апреля 1093 г. раки (саркофага) с телом умершего накануне великого князя киевского Всеволода Ярославича (в крещении Андрея), сына Ярослава Мудрого и отца Владимира Мономаха.

В “Повести временных лет” об этом событии сказано так (Лавр., л. 72): “В лѣтѣ 6601 [= 1093] индикта 1 лѣто. Престависа великѣи князь Всеволодъ сѣвъ Юрославль внукъ Володимерь мѣца апрѣла въ 13 днѣ, а погребень бы^с 14 днѣ. Недѣли суци тогда стрѣтнѣи и днѣи суцио четвертку, во нѣже положень бы^с въ гробѣ в велицѣи црѣкви стѣны Софѣи”.

Ниже излагаются некоторые лингвистические наблюдения над этим важным документом и предлагается реконструкция его утраченных звеньев.

С лингвистической точки зрения этот текст интересен прежде всего совершенно особым поведением букв ѣ и ѥ.

В транскрипции С. А. Высоцкого распределение букв ѣ и ѥ лишь в очень немногих случаях отклоняется от того, которое ожидалось бы для обычного древнерусского текста. Но эта причесанная картина получена лишь за счет прямого насилия над реальными начертаниями. Например, нет решительно никакой разницы в начертании буквы для редуцированного после *ѡлѣ* и после *отрочѣ*; между тем С. А. Высоцкий записывает первое через ѣ, а второе через ѥ.

В действительности картина здесь весьма необычна и заслуживает специального анализа. Как видно на фотографии (и на прориси), в соответствии с ожидаемыми ѣ и ѥ в данной надписи встречаются следующие типы начертаний.

1. Недвусмысленный ѣ: при верхе мачты имеется горизонтальный штрих, на левом конце которого имеется вертикальная засечка. Представлено два варианта:

а) горизонтальный штрих отходит от верха мачты строго влево.

б) горизонтальный штрих выступает как влево, так и вправо от верха мачты.

2. Двусмысленное начертание: при верхе мачты имеется горизонтальный штрих, но засечки при нем нет. Представлены такие же два варианта, как в типе 1:

а) горизонтальный штрих отходит от верха мачты строго влево.

б) горизонтальный штрих выступает как влево, так и вправо от верха мачты.

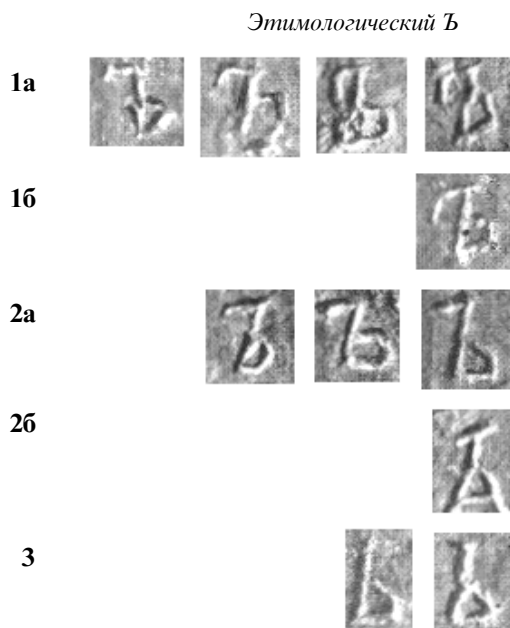
3. Недвусмысленный ѥ: при верхе мачты никаких дополнительных штрихов нет.

В разных типах изредка встречаются примеры, где штрих при верхе мачты — не строго горизонтальный, а слегка наклонный (левый конец ниже правого).

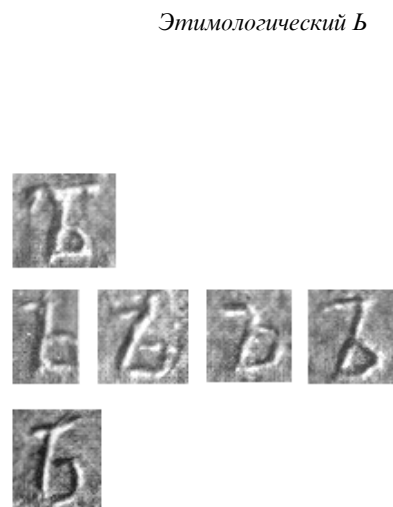
Распределение этих типов начертаний таково (приводим словоформы уже не в записи издателя, а в их каноническом древнерусском виде; ѥ в словоформе *Андреа* приравниваем к этимологическому; в список включена также словоформа *(оу)мьрлѣ*, о которой см. в комментариях ниже).

Тип начертания		Этимологический ѣ	Этимологический ѥ
1. Недвусмысленный ѣ	а	<i>въ</i> (3х), <i>князь</i> (слог <i>кѣ-</i>); + в составе ѣ: <i>блгѣи</i>	
	б	<i>Дѣмитрѣ</i> (слог <i>дѣ-</i>)	<i>русьскѣи</i> (слог <i>сѣ-</i>)
2. Двусмысленное начертание	а	<i>ѡлѣ</i> , <i>(оу)мьрлѣ</i> (слог <i>лѣ</i>); + в составе ѣ: <i>великѣи</i>	<i>четвѣрг</i> , <i>бѣисть</i> (слог <i>ств</i>), <i>Андреа</i> , <i>князь</i> (слог <i>зѣ</i>), <i>отрочѣк-</i>
	б	<i>Дѣмитрѣ</i> (слог <i>рѣ</i>)	<i>(оу)мьрлѣ</i> (слог <i>мьр-</i>)
3. Недвусмысленный ѥ		в составе ѣ: <i>бѣисть</i> , <i>русьскѣи</i>	

Продemonстрируем также для полной наглядности и сами эти начертания. Ниже они воспроизведены с фотографии в Выс. 1966. Они расположены в том же порядке, что в данной выше таблице

(не приведены только буквы из слов *четвьрг* и *въ* [после *априла*], поскольку они видны неудовлетворительно и, возможно, частично искажены ретушью).

Из приведенных таблиц непосредственно видно, что различие типов начертаний здесь не соответствует противопоставлению этимологических *ъ* и *ь*.

А не может ли это несоответствие определяться тем, что в каких-то из представленных здесь словоформ отражен фонетический переход /ъ/ в /ь/ (или наоборот)? Но достаточно одних только слов *благши*, *великши* и *руськши*, где *ъ* в составе *ы* представлен тремя разными типами начертаний, чтобы понять, что искать объяснение на этом пути бессмысленно.

В приведенном материале этимология и типы начертания столь мало скоррелированы, что неясно даже, какому типу начертаний можно было бы надеяться приписать роль знака для /ъ/. Начертания типа 3, которые должны были бы подходить для этого лучше всего, в этой роли вообще не встретились.

Общий вывод: невозможно каким-либо обоснованным способом разделить эти типы начертаний на такие, которые воплощают графему *ъ*, и такие, которые воплощают графему *ь* (о понимании термина “графема” см. Зализняк 1979).

Как же все-таки можно объяснить эту хаотическую картину?

На первый взгляд, мы имеем здесь дело с ситуацией безразличного (т. е. беспорядочного) употреб-

ления двух разных букв — *ъ* и *ь*, подобно ситуации с буквами *и* и *і* или *ф* и *ѳ* в некоторой части древнерусских памятников или, например, с буквами *ъ* и *о* во многих берестяных грамотах и других документах бытового письма.

Однако более внимательный анализ показывает, что сходство здесь неполное. Безразличное употребление двух графем, скажем, *и* и *і*, предполагает всё же, что в каждом конкретном случае буква идентифицируется однозначно (и без труда) как *и* или как *і*. Никаких промежуточных начертаний между *и* и *і* не существует. Между тем в нашем случае между максимально различающимися начертаниями имеется несколько промежуточных, и неизвестно даже, на сколько графем следовало бы подразделить совокупность рассматриваемых написаний: на две? на три? более, чем на три?

В действительности такая ситуация означает, что графема во всех этих случаях одна, т. е. писец относился к начертаниям *ъ* и *ь*, равно как к промежуточным между ними, не как к самостоятельным буквам, а лишь как к свободным вариациям одной и той же буквы — он мог даже просто не замечать различия между ними.

Тем самым перед нами не что иное, как особая разновидность одноеровой системы письма. Эта разновидность (которую позволительно обозна-

чить как “систему дружинника Дмитра”) отличается от образцовых разновидностей одноеровой системы (когда употребляется только ъ или, напротив, только ь), тем, что графема, передающая обе редуцированные фонемы, может безразлично воплощаться любым из приведенного выше спектра начертаний (ср. Зализняк 1999, с. 564).

“Система дружинника Дмитра” явно представляет собой продукт сосуществования двух разных графических систем: одноеровой и двуеровой. Следует полагать, что дружинник Дмитр учился писать по одноеровой системе. Конечно, ему многократно приходилось сталкиваться также и с текстами, написанными по двуеровой системе. Но, встречая при чтении букву ь, он должен был относиться к ней всего лишь как к еще одному возможному способу написания той единственной графемы для редуцированных, которой он был обучен.

Этот особый случай одноерового письма представляет собой непростую задачу для издателя: с помощью каких букв все-таки следует воспроизводить знаки для редуцированных в таком тексте? Например, решение, которое мы видим у С. А. Высоцкого, — это произвольное лавирование между зрительной и этимологической оценкой таких знаков.

С лингвистической точки зрения безусловно правильно передавать единую графему оригинала единым знаком, иначе говоря, передавать все перечисленные выше начертания одинаково. Но какой именно знак следует для этого избрать, не столь очевидно. Практически имеют смысл лишь два основных решения:

1) использовать для этого букву ъ (как немаркированную в паре ъ – ь);

2) ввести для этого особый символ; заметим, что в качестве такого символа в некоторых изданиях документов XVI–XVII вв. уже применяется литера “перевернутое Ч” (правда, точный смысл этого символа там несколько иной, чем в случае одноеровых систем, но в символике такого рода различия допустимы).

Ниже мы применяем первое из этих решений (как требующее менее радикальных изменений традиционной практики).

Перейдем к комментариям по тексту надписи.

В 1-й строке стоят только буквы *въ*; очевидно, едва начав писать, автор надписи Дмитр по какой-то причине решил, что надпись лучше поместить строкой ниже.

Во 2-й строке после *четвърг* на фотографии действительно усматриваются слабые следы буквы ь, которая добавлена в Выс. 1968; это начертание типа 2а или 1а. В этом же слове буква после *в* на фо-

тографии в Выс. 1966 выглядит довольно странно и похожа на “провалившееся ниже строки” *е*. Однако, судя по фотографии в Выс. 1968, это отчасти эффект ретуши и перед нами все же знак для редуцированного в начертании типа 2а (верхняя часть которого, правда, едва просматривается).

В 3-й строке в слове *рака* буква *р* практически надежна (т. е. скобки не нужны).

Сложный вопрос составляет отрезок длиной в три буквы (- *т* -) в начале 4-й строки. Над первыми двумя буквами расположена горизонтальная черта, очень похожая на титло. Но единственное мыслимое чтение с титлом — [с]т̄- ‘свят-’ — не дает никакой приемлемой по синтаксису и по смыслу фразы. Поэтому приходится признать, что над строкой здесь либо случайная царапина, либо титло, написанное по ошибке. Буква перед *т* — *о* или *с* (но не *а*, вопреки Борковский 1966, с. 123, Нимчук 1967, с. 89 и Выс. 1968, с. 11). Буква после *т* — судя по следам, возможно, *о*. Отсюда наиболее вероятная реконструкция: [о]т̄[о] ‘вог’, ‘это’; ср., например, в ПВЛ под 1097 г.: *и ре^ѣ имь С^ѣтополкъ: это Дѣвѣ ‘и сказал им Святополк: это Давыд [подразумеваются: задумал]’ (Лавр., с. 260).*

Словоформу *Аньдреа* С. А. Высоцкий явно понимает как родительный падеж (“рака положена была... Андрея русьского князя благого”), не смущаясь тем, что в подлиннике сочетание *русьскѣи кнѣзѣ* *благѣи* стоит в именительном падеже. Как это ни печально, эту ошибку повторяет В. И. Борковский (1966, с. 123), с тем лишь отличием, что он приписывает всему этому пассажи “рваный” синтаксис (совершенно неуместный в документе такого содержания и стиля), а именно, переводит так: “В великий четверг рака положена была. А то (рака) Андрея. Русский князь благой”.

В действительности *Аньдреа* — это, конечно, именительный падеж, и вся фраза построена по простейшей модели, т. е. не содержит никаких синтаксических чудес. Древнее соответствие для греч. Ἄνδρέας имело именно вид *Ан(ь)дреа* (наряду с *Ан(ь)дрѣа*); ср. хотя бы в Остромировом евангелии (л. 6б): *бѣ же Андреа братъ Симона Петра ...* В данной надписи это имя выступает уже с адаптацией исхода основы к нормам славянского склонения: *Аньдреа* (= *Аньдрѣа*); ср., в частности, И. ед. *Андрѣа* в Чудовской псалтыри XI в. (Погорелов 1910, с. 5).

Итак, получаем: [о]т̄[о] *Аньдреа русьскѣи кнѣзѣ* *благѣи* ‘это Андрей, русский князь благой’.

В 6-й строке С. А. Высоцкий читает *отрочька* (именительный падеж). Но слово *отрочька* в качестве уменьшительного к *отрокъ* с морфологической точки зрения абсолютно неправдоподобно: в древнерусском языке, как и в современном рус-

ском, по общему правилу уменьшительное должно сохранять род исходного слова. Нужны совершенно недвусмысленные и неоспоримые аргументы, чтобы признать наличие в древнем тексте подобного морфологического монстра.

Между тем в действительности в оригинале соответствующее место (после *отрочѣк*) повреждено, и прочтение его как *a* совершенно ненадежно (в Нимчук 1967, с. 89 предложено чтение *отрочѣко*, принятое впоследствии в СДРЯ, VI, с. 210). К фотографии в Выс. 1966 в данном пункте следует относиться с большой осторожностью. На фотографии в Выс. 1968 видна лишь наклонная черта и верхняя горизонталь, что не исключает буквы *ѣ* (правда, несколько круче наклоненной, чем обычно; но примерно таков же наклон у буквы *ѣ* в слове *Аньдреа*). В этой ситуации наиболее оправданным представляется простейшее чтение *отрочѣк[ѣ]*.

Отроки князя — это члены его младшей дружины. Слово *отрокъ* в этом значении в большинстве случаев сопровождается указанием, чей, например: *отроци Свѣнльжи* (ПВЛ под 945 г.), *отроци свои* и т. п. Такая же конструкция представлена и в данном тексте. Автор надписи Дмитрий был отроком (дружинником) Всеволода; но в этой надписи он проявил христианское смирение и самоуничижение — обозначил себя уменьшительным *отрочѣк* ('дружинничек'). Такое сочетание воинского ремесла и христианского самоуничижения несомненно возникало крайне редко, только в какие-то особые моменты. Возможно, именно поэтому ни в каких других текстах это уменьшительное не встретилось. Это вообще могло быть окказиональное слово, которое сложилось в уме Дмитрия просто под влиянием исключительности момента. Ведь он писал в самый день похорон и в том самом месте; а хоронили его патрона.

В конце 6-й строки, как видно на обеих фотографиях, вместо *мѣца* следует читать *мѣца*.

В 7-й строке в слове *априла* последнюю букву можно считать надежной (т. е. скобки здесь не нужны). Напротив, в следующем слове (*въ*) последняя буква ненадежна: она больше похожа на зеркальное зело (т. е. цифру '6'), чем на *ѣ*. Но скорее всего это всё же не более, чем иллюзия, связанная с плохой сохранностью данного места.

Оставив временно конец 7-й строки, перейдем к последней строке. Чтение издателя: *брлѣн обе* — здесь явно неверно, поскольку содержит невозможное сочетание букв *брл*. Но отрезок *рлѣн* читается очень отчетливо, следовательно, под сомнением оказывается *б*. В самом деле, дополнительное обследование показывает, что это не *б*, а знак для редуцированного (начертание типа 2б): у буквы *б* в

этой надписи петля всегда угловатая и обычно на правом конце верхней горизонтали имеется засечка, а у данной буквы петля круглая (как у большинства знаков для редуцированного, см. таблицу выше) и правой засечки нет.

Сохранилась также часть предыдущей буквы. На прориси она очень похожа на *а*, но последовательность *аѣ* невозможна. Поиски другого решения приводят к установлению того, что это не *а*, а фрагмент буквы *м*. Итак, здесь читается ...[м]ѣрлѣ. Учитывая общее содержание грамоты, можно с уверенностью утверждать, что это конец словоформы *оумѣрлѣ*.

После этого уже нетрудно разгадать последующий отрезок, который издатель передает как *п-обе*. Прежде всего видно, что в нем следует исправить *е* на [ѣ]. А всё в целом восстанавливается как *п(о) об[ѣ](ѣѣ)* 'после обеда'. Отрезок *ѣѣ*, вероятно, был перенесен на следующую, 9-ю строку; но возможно также, что он стоял в конце 8-й строки и просто не сохранился. В древнерусском языке, как и в современном, словами "после обеда" могла обозначаться послеполуденная часть светлого времени дня.

Итак, в надписи сообщалось, что Всеволод умер пополудни. Не исключено, что надпись продолжалась и дальше; но более вероятно, судя по структуре текста, что эта фраза была последней.

Возвратимся к концу 7-й строки. Во-первых, *е* после *б* следует исправить на [ѣ]: основной сохранившийся штрих здесь совершенно прямой и вертикальный, тогда как у всех *е* в этой надписи верх дугообразный и наклонный. Получаем *а б[ѣ] се*. Но напрашивающееся истолкование 'а было это' представляется сомнительным: непонятно, что здесь должно значить 'это' и как связать это со следующей строкой. Гораздо вероятнее, что перед нами плюсквамперфект *бѣ ... оумѣрлѣ*, разделенный каким-то словом или словами. (В Нимчук 1967, с. 89 была предложена также совсем иная конъектура: *а Всеѣ* (*володѣ*); но ее никак нельзя признать удачной — прежде всего потому, что фраза, начинающаяся с 'а Всеволод', в данном контексте совершенно невероятна.)

7-я строка начата со значительным отступом вправо по сравнению с предыдущими строками. Следует полагать, что 8-я строка начиналась не левее, чем 7-я, вероятнее всего — там же, где 7-я. Если это так, то нам недостает только отрезка, находившегося под буквами *апри* (из слова *априла*), т. е. всего четырех букв. И тогда последняя фраза текста предстает в следующем виде: *а б[ѣ] се|----(оу)[м]ѣрлѣ п(о) об[ѣ](ѣѣ)*.

Поиск подходящих слов, начинающихся с *се*, приводит нас к единственному убедительному решению: в тексте стояла словоформа *середѣ* 'в сре-

ду'. С точки зрения содержания ничто не может быть более верно и уместно: как мы знаем из "Повести временных лет", Всеволод умер 13 апреля, т. е. в среду (накануне дня погребения — страстного четверга 14 апреля). Само же указание дня во фразе, где имеется слово 'пополудни', конечно, совершенно естественно.

Однако необходим также контроль с точки зрения формы. Как известно, обычное церковное название среды было *среда*, в отличие от народного *серета*. Дружинник Дмитр мог, конечно, просто использовать слово живого языка. Но вариант *серета* был распространен очень широко и проникал также и в литературный и церковный узус; например: *днь же бѣ тогда серета* (Ипат., под 1161 г.).

Следующий вопрос: способно ли вообще слово *серета* 'среда' выступать в беспредложном местном падеже? Ни одного примера словоформы *середѣ* в значении 'в среду' словари не знают. Но тут нам приходит на помощь найденная в 1998 г. новгородская берестяная грамота XII века № 842: в ней стоит *а середѣ* 'а в среду' (следует перечисление продуктов, посланных в среду). Дополнительным, более косвенным, подтверждением реальности данного словоупотребления служит то, что древние памятники знают беспредложный локатив *середѣ* в значении 'в середине', 'посреди', например: *израдиша полковъ б — Игоревъ полкъ середѣ, а по правоу брата его Всеволозъ ...* (Ипат., под 1185 г.). Заметим, что эта одинаковость синтаксического поведения слова *серета* в разных значениях неудивительна: значения 'середина' (вообще) и 'середина недели' (т. е. 'среда') были, конечно, с древнерусской точки зрения очень близкими.

Что касается порядка слов во фразе *а бѣ середѣ оумърль по обѣдѣ* (где составные части плюсквамперфекта разорваны поясняющим словом), то он вполне соответствует древнерусским нормам; ср.: *бѣ бо прѣже того дѣе былъ оу нѣго* (Житие Феодосия — Усп. сб., л. 64в); *да ... испекоуть въ моуцѣ той кѣ же бѣ прѣже рекль не имамъ* 'пусть испекут в той муке, [о] которой он прежде сказал «у меня ее нет»' (там же, л. 52г).

Приводим итоговый текст надписи:

вѣ
вѣ великѣи четв[ѣ]ргѣ
рака положена вѣстѣ
[о]т[о] андрѣа роусьскѣи
кѣназѣ благѣи а дѣми
трѣ шлѣ отрочѣк[ѣ] его мѣца
априла в[ѣ] і[а] а в[ѣ] сѣ
(рѣдѣ оу)[м]ърль п(о) об[ѣ]дѣ
(д.ѣ)

Перевод: "В великий четверг была положена рака. Это Андрей, русский князь благой. А писал Дмитр, дружинничек его, месяца апреля в 14-й [день]. А умер в среду пополудни".

Ценность этого документа для лингвиста, помимо того, что он относится к древнейшему периоду русской письменности и при этом точно датирован, определяется тем, что по своему характеру он заметно отличается от большинства надписей. Как известно, подавляющая часть граффити — это либо краткие записи по стандартному формуляру, либо записи, сделанные церковными людьми (либо и то и другое сразу). И в том, и в другом случае особенности живой речи в этих текстах отражаются очень слабо (или даже не отражаются совсем).

Здесь же перед нами запись, сделанная не церковным человеком, а дружинником, т. е. воином, не следующая какому-либо жесткому формуляру и при этом не слишком краткая (26 слов, т. е. близко к средней длине берестяной грамоты). И мы находим в ней черты живого народного синтаксиса. Так, из трех непервых фраз текста две начинаются с союза *а*, одна — с местоимения *ото*. И тот и другой тип начала фразы свойствен именно живой речи. Показательна также свобода в построении текста: автор уже назвал себя, так сказать, поставил свою подпись, после чего решил еще кое-что дописать и с естественностью живой речи начал дополнительную фразу с *а*. Все эти черты отчетливо сближают данный документ с берестяными грамотами.

№ 31. В издании надпись отнесена к XII в.; текст ее записан так:

Ѣи помози рабоу с[ѣ]вѣму г[ѣ]орѣгиеви
[и] мечьникоу кѣ[н]ажоу василь[ѣ]ви

Перевод издателя: "Господи, помози рабу своему Георгию и мечнику княжескому Василию". Но А. Б. Страхов (1995, с. 291) несомненно прав, отвергая этот перевод и усматривая в Георгии и княжеском мечнике одного и того же человека, а не двух разных, а именно, Георгия, мечника князя Василия. В самом деле, невозможно представить себе, чтобы древнерусский человек назвал себя мечником князя и не сказал, какого князя. А. Б. Страхов заменяет, кроме того, чтение [и] в начале второй строки на *а*. Что эту букву нельзя читать как *и*, представляется несомненным. Но ненадежна также и интерпретация *а* (остается необъясненным косой штрих слева); не исключено, что перед *мечьникоу* мы видим просто следы первой, неудачной попытки написать букву *м*.

Свое понимание надписи А. Б. Страхов обосновывает, однако, грамматической интерпретацией текста, с которой согласиться нельзя. Он считает, что словоформа *Васильеви* — это *dativus possessivus*, как в конструкциях *ѣрьь славѣ, врѣма жьствѣ, врѣтотъ разбоишникомъ* и т. п. Однако, приводя эти примеры, А. Б. Страхов не смог привести ни одного примера, где в *dativus possessivus* стояло бы имя собственное, и это не случайно — ни в древнерусском, ни даже в старославянском таких примеров просто нет. А между тем только наличие таких примеров могло бы оправдать гипотезу о том, что в совершенно стандартной по своему содержанию и форме записи использована столь нетривиальная синтаксическая конструкция.

Но и это еще не всё: А. Б. Страхову приходится допустить существование в древнерусском языке тройной конструкции типа **мечьникъ кѣнажсь Васильеви* ‘мечник князя Василия’ (где при двучленном обозначении обладателя первый член переводится в форму притяжательного прилагательного, а второй член ставится в дательном падеже), которая во всем огромном древнерусском материале кроме этой надписи не встретилась нигде.

В действительности в древнерусском языке при двучленном обозначении обладателя могли использоваться три конструкции: 1) древнейшая конструкция с переводом обоих членов в форму притяжательного прилагательного, например, *мечьникъ кѣнажсь Васильевѣ*; 2) более новая конструкция с переводом одного члена в такую форму и постановкой другого члена в родительном падеже, например, *судь Юрославль Володимирича* или *Луцѣ владычину диаку туровьскаго* (пример из надписи № 188); 3) еще более новая конструкция с постановкой обоих членов в родительном падеже, например, *на старои межѣ Юриа княза*.

Впоследствии первые две конструкции выходят из употребления, но один частный случай в качестве пережитка сохраняется еще очень долго — это как раз формула типа 1 с первой частью *княжсь*. Эта формула настолько устойчива и частотна, что ее первая часть (*княжсь*) застывает, становится неизменяемой. Например, в завещании Ивана Грозного (1572 г.) находим: *пожаловал ... княжсь Васильева сына, у княжсь Михаилова сына* и т. п. (ДДГ, № 104, с. 443).

Как известно, версия об ошибке писца — самый дешевый способ выйти из затруднения и должна приниматься лишь в последнюю очередь, после того, как исчерпаны прочие возможности объяснения. Но, на наш взгляд, в анализе данной надписи достигнута именно такая точка. После проведенного

разбора мы вынуждены признать, что если в надписи № 31 действительно стоит *Васильеви*, то последняя буква *и* здесь написана просто по ошибке (вместо *оу*) — может быть, под влиянием стоящего прямо над этим местом слова *Георьгиеви* или просто под влиянием большого количества существительных в дательном падеже в предшествующем тексте. Так, например, даже в гораздо более ответственной надписи — на антиминсе Нифонта — мы видим ошибку приблизительно такого же рода: *при бѣочьствѣмъ князи Георгии сѣоу Мономаховоу* (вместо *Мономаховѣ*). Что автор надписи № 31 иногда ошибался, видно, в частности, из того, что вместо *своемоу* он явно написал *схоемоу* (издатель этого не отмечает, но это хорошо видно и на фотографии и на прориси); см. также выше о возможном происхождении знака перед словом *мечьникоу*.

Впрочем, в данном случае необходимо принять во внимание и еще одну возможность. Нет уверенности, что конечное *и* в *Васильеви* воспроизведено на фотографии и на прориси вполне правильно. Эта буква заметно отличается от остальных *и* этой надписи: на фотографии обе ее мачты волнообразно изогнуты, причем левая фактически имеет только верхнюю половину. Правда, прямого сходства с надежными *оу* здесь нет (возможно разве что некоторое сближение со знаком после *м* в слове ‘своему’); но сам принцип допустимости ретуши, принятый С. А. Высоцким, заставляет быть осторожным. Это тот случай, когда была бы желательна дополнительная проверка по оригиналу.

Замечания по отдельным буквам. Как и в ряде других надписей, С. А. Высоцкий без необходимого внимания относится к передаче букв *ъ* и *ь*. В данной надписи знаки для редуцированных выглядят так: 1) в *кѣнажоу* — с верхним горизонтальным штрихом, имеющим слева засечку; 2) в *Георьгиеви* (так в издании) и *Васильеви* — то же без засечки; 3) в *мечьникоу* — вообще без верхнего горизонтального штриха. В этой ситуации естественно интерпретировать начертание типа 1 как *ъ*, а начертания типов 2 и 3 — как *ь*. Соответственно, необходимо исправить *Георьгиеви* на *Георьгиеви*.

В слове, записанном в издании как *с[ѣ]оему*, во-первых, как уже отмечено, после *с* стоит не *в*, а *х*, во-вторых, после *м* следует читать скорее [*оу*], чем *у*.

Таким образом, в тексте, к сожалению, несколько букв опознаются ненадежно: это конечные буквы в словах ‘своему’ и ‘Васильеву’ и буква перед словом *мечьникоу*. Но смысл ясен: ‘Господи, помози рабу своему Георгию, мечнику князя Василия’.

№ 38. Смысл надписи вполне ясен. В правильной древнерусской фонетической форме и стандартной графике ее текст выглядел бы так:

**Гѣ помози рабоу своему симеонови грѣшнику
ако ты еси въ истину.**

Ошибку издателя, который читал здесь конец как *ако ты есѣтъ ыстьноу* и переводил “так как это истина”, исправила Т. В. Рождественская (1992, с. 138) (позднее это исправление повторил А. Б. Страхов; понимать *есѣ* как ‘еси’ предложил уже В. В. Нимчук [1967, с. 88]).

Примечание. Вместо *Симеонови* в принципе могло стоять и *Смеонови*. Но последнее все же менее вероятно, поскольку вариант *Смень*, восходящий к *Смеонъ*, характерен для Новгорода, но не для Киева. В киевских надписях

надежными можно считать *Симеоноу* № 204, *Смеона* № 161, *Смеона* № 160, *Смеонъ* № 223, *Смьонъ* № 25, *Смьона* № 53, *Семьонови* № 186, *Семьоновича* № 382, *Сем[ъ]онов-* № 381 (пример в № 190 ненадежен). В ССУМ отмечены только *Семень* (103 раза), *Симеонъ*, *Симѣонъ* (23 раза) и *Семьонъ* (в производном, 1 раз).

Трудности, связанные с надписью № 38, — не в ее содержании, а в буквенном составе.

Помимо транскрипции издателя, ныне для этой надписи предложено еще две — Т. В. Рождественской и А. Б. Страхова. Приводим их, пометив номерами буквы из группы **ъ ь ѣ ы** (кроме буквы после *гр* в слове ‘грешнику’, от которой ныне не осталось практически ничего); это те точки, которые будут нас специально интересовать.

Высоцкий (1966: 87):

Гѣ помози | рабоу сво|емоу сѣмеоно|въ[и] гр[ѣ]шнику | ако ты есѣтъ | ыстьноу
1 2 3 4 5 6 7 8

Рождественская (1992: 138):

гѣ помози | рабоу сво|емоу сѣмеоно|въ гр(ь)шнику | ако ты есѣ въ | ыстьноу

Страхов (1995: 292):

Гѣ помози | рабоу сво|емоу сѣмеоно|въ гр[ѣ]шнику | ако ты есѣ въ | ысѣноу

Расхождения обескураживающие. Почти все они относятся к буквам группы **ъ ь ѣ ы**. Увы, перед нами наглядное свидетельство той ненадежности и произвола, которые царят в деле идентификации представленных в древних памятниках букв **ъ, ь и ѣ** и передаче их в изданиях.

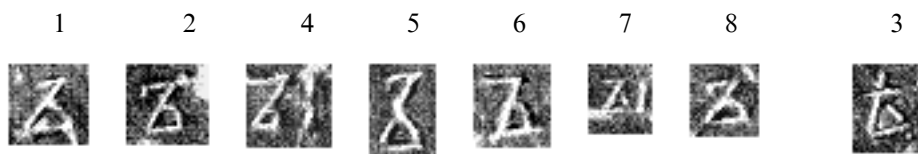
Ввиду этих катастрофических расхождений обратимся непосредственно к фотографии оригинала (Выс. 1966, табл. XXXIX) и приведем изображения всех букв группы **ъ ь ѣ ы**, репродуцированные с этой фотографии.

Для удобства дальнейшего разбора точка № 3, где начертание существенно отличается от всех остальных, перенесена в конец ряда и поставлена отдельно. Все остальные мы будем называть “основной группой”.

При каждом из восьми изображений дан номер соответствующей точки и указано, как интерпретированы показанные начертания у трех авторов. В графе «нормативное соответствие» указана та буква, которая соответствует данной точке в идеализированной древнерусской записи.

Какие же все-таки буквы в действительности воплощены приведенными начертаниями?

Все начертания основной группы (считая также левую часть от **ы**) входят в число таких, которые в составе других памятников обычно воплощают букву **ъ**. В самом деле, широко представлены реализации буквы **ъ** как с засечкой слева веру, так и без нее, как с длинным горизонтальным штрихом, так и с коротким. И уж во всяком случае ни одно

	1	2	4	5	6	7	8	3
Высоцкий	ъ	ъ	ы	ъ	ъ	ы	ь	ь
Рождественская	ъ	ь	ы	ь	ъ	ъ	ь	ь
Страхов	ь	ѣ	ы	ѣ	ъ	ы	ѣ	ь
Нормативное соответствие	И	И	Ы	И	Ъ	И	И	Ь
	(или Ь)							

из этих начертаний не может быть истолковано как **ѣ**: главной черты, отличающей **ѣ** от **ъ**, — мачты, поднимающейся выше коромысла, — ни в одном начертании основной группы нет. (Заметим в связи с этим, что на изображении 2 справа от верха буквы находится белесое пятно, выступ которого доходит почти до верха мачты и придает букве отдаленное сходство с **ѣ**; но указанной главной черты буквы **ѣ** нет и здесь.) Таким образом, у А. Б. Страхова интерпретация начертаний 2, 5 и 8 как буквы **ѣ** несомненно ошибочна.

Нельзя ли, однако, расценить некоторые из этих начертаний как букву **ь**, а не **ъ**? Ведь существуют же, например, памятники, где такие начертания, как 1 (с коротким верхним штрихом без засечки), служат воплощением буквы **ь**. И А. Б. Страхов действительно трактует начертание 1 как **ь**. Попробуем принять эту версию. Тогда безусловно придется истолковать как **ь** и начертание 7 (чего, однако, А. Б. Страхов не делает). Получится, что **ь** потребовался писцу еще и в составе **ѣ** (при том, что в *ты ѣ* написано, как обычно, с **ъ**). Можно еще попытаться разделить **ъ** и **ь** иначе: если есть засечка — это **ъ** (2 и 8), если нет засечки — **ь** (1, 4, 6, 7, вероятно, также 5). (Такая система действительно встречается, например, она представлена в надписи № 31.) Но тогда в категорию **ь** в числе прочих попадет начертание 6 (в слове *въ*) — единственное, где у нас представлен этимологический **ъ**. Вообще, любое разделение рассматриваемых начертаний на **ъ** и **ь** по внешнему виду, если оно проведено последовательно, оказывается никак не соотношенным ни с орфографией, ни с фонетикой, т. е. не имеющим никакого лингвистического смысла. А те буквенные интерпретации, которые мы видим в названных работах, напротив, подчинены той или иной лингвистической идее, но не отражают никакого объективного деления начертаний по внешнему виду. Общий вывод: все начертания основной группы воплощают одну и ту же букву, а именно **ъ**.

Что касается начертания 3, не входящего в основную группу, то ввиду отсутствия других **ѣ** и других **ь** невозможно надежно установить, что это: **ѣ** (в соответствии с его внешним видом) или небрежно написанный **ь** (в соответствии с тем, что ожидается в этой точке при стандартной орфографии). Заметим, что неопределенность в этом пункте не дает возможности решить вопрос о том, является ли данная надпись одноеровой.

Итак, мы можем теперь предложить свою запись данного текста:

Ѣи помози
рабоу своѣ
емоу сѣмеоноѣ
въ г[р]-ш[ѣ]никоу
ако ты еси [ѣ]ъ
ыстѣноу

Признав, что все начертания основной группы — это буква **ъ**, мы оказываемся перед лицом того поразительного факта, что здесь в пяти случаях из семи (1, 2, 5, 7, 8) стоящая в надписи буква не соответствует идеализированной записи, причем это различие невозможно отнести на счет известных нам бытовых графических систем. Почти все отклонения состоят в том, что вместо **и** написан **ъ**. Т. В. Рождественская (1992, с. 138–139) говорит в связи с этой надписью (как и В. В. Нимчук [1967, с. 88]) о “замене *ы/ь* — *и*”, но признает, что в других памятниках такой замены не обнаружено.

Рассмотрим материал надписи более конкретно. Как передается в данной надписи **и** идеализированной записи?

Три раза оно передано обычным способом — через **и**: *ѣи помози*, *г[р]-ш[ѣ]никоу*. Из этих трех раз два приходится на орфограмму *ѣи помози*, которая, конечно, была для писавшего устойчивым графическим клише.

Остальные пять случаев переданы так: четыре раза в виде **ъ** — *Сѣмеоноѣ, еси, ыстѣноу*, один раз в виде **ѣ** — *ыстѣноу*.

Примечание. Подсчет дан исходя из варианта *Симеонови*. Вариант *Сѣмеонови*, как указано выше, менее вероятен; кроме того, при такой версии нам пришлось бы признать, что **ь** мог в одних случаях реализоваться в виде начертания 3 (и подобных), а в других заменяться на **ъ**.

Исконное **ы** передано как **ѣ** — *ты*.

К сожалению, этимологический **ъ** встретился всего один раз и в очень специфической позиции — в предлоге *въ* перед гласной; он передан здесь через **ъ**: *въ ыстѣноу*.

Как же объяснить эту беспрецедентную замену **и** на **ъ**?

Наша гипотеза состоит в том, что перед нами отражение начальной фазы перехода украинского [и] в звук, близкий к [ы]. Для передачи его не было готовых средств. С некоторой степенью приближенности для этого могло служить **ы**. Но другим подобным приблизительным средством, вообще говоря, мог быть и **ъ**. Ведь, как известно, школьная традиция реализовать в произношении букву **ъ** в виде некоторой короткой централизованной (следовательно, *ы*-образной) гласной сохранялась еще в течение многих веков после падения редуциро-

ванных. В данном же случае, по-видимому, отстояние от времени, когда редуцированные еще существовали, было довольно невелико.

Особая точка — ь после в в сочетании *въ ыстьноу*. Как известно, [ъ] перед начальной гласной следующего слова в ряде случаев не исчезал, а уподоблялся следующей гласной; возможны были и другие фонетические изменения на таком стыке. О том, что в данном сочетании гласная предлога не исчезала, говорит также церковнославянский узус произношения *во истину* (усвоенного в дальнейшем русским литературным языком).

Для данной надписи естественнее всего предполагать вариант, при котором [ъ] предлога уподоблялся следующей гласной (т.е. [въ и-] давало [въ ы-] и затем [вы ы-]). В этом случае фонетическое значение буквы ь в данной точке просто такое же, как во всех остальных.

Если данная гипотеза верна, то надпись № 38 оказывается важным документом для истории украинского языка: в ней буквой ь передается то [ы], которое возникло из [и]. К сожалению, надпись содержит недостаточно материала, чтобы судить о том, совпало ли уже это новое [ы] с исконным [ы] или еще нет.

С. А. Высоцкий датирует надпись с завидной точностью: “приблизительно середина XII века”. Мотивируется это описанным выше способом (“похожая буква есть там-то”); примечательно, что отсылки при этом идут к памятникам конца XI и начала XII века, а вовсе не середины XII. Следует признать, однако, что в данном случае (в отличие от многих других) оценка надписи по нормам бережских грамот дает примерно такой же результат. Приводим соответствующую матрицу.

Датирующая матрица надписи Выс. № 38

	1100	1200	1300	1400	
Графика: ОУ после согл. (исключит.)	■	■	■	■	/// // // // °)
И 1а Верхние засечки (длинные)	■	■	■	■) ° . . °
Н 1а Верхние засечки (длинные)	■	■	■	■) °) °
М 2 Верхние засечки	■	■	■	■) ° ° ° ° ° . . °
Р II Углом вверх	■	■	■	■	° °) . . . °)
— И, Н, К сверху засечены, снизу нет	■	■	■	■) ° ° °) ° °
ОУ II Уменьшенное О	■	■	■	■) °) ° [° °]
— Петли Ъ, Ь, Б часто под строкой	■	■	■	■) ° ° °) °
У 4 Буква целиком в строке	○ ○ (■	■	■) ° . ° ° ° ° °
Р II Буква целиком в строке	○ . (■	■	■) °) ° ° ° °)
З IIIa Левонаклонные (перелом)	■	■	■	■	· · · · ·

x x

Таким образом, надпись относится к домонгольскому времени, предпочтительно к середине – 3-й четверти XII в.

№ 102. В издании надпись отнесена к XI в.; текст ее записан так:

Гѣ помози рабу своему | безуеви иванж отроку
дѣ|брьнича и мареви съ нимъ

Перевод издателя: “Господи, помоги рабу своему Безую Ивану, отроку Добрынича, и Марию с ним”.

Такое понимание текста, однако, несовместимо с древнерусскими правилами выражения принадлежности, требовавшими перевода имени облада-

теля в форму притяжательного прилагательного (не говоря уже о необычности двойного имени *Безуи Иванъ*).

Чтобы получить нормальный древнерусский синтаксис, необходимо признать, что запись *Иванж* здесь равносильна *Иваню* (использование буквы ж для передачи [’у] — для XI в. довольно частое явление; ср. также ниже о № 130). Тогда *Иванж* — это притяжательное прилагательное и смысл основной части надписи таков: ‘Господи, помоги рабу своему Безую, отроку Ивана Добрынича’ (ср. Зализняк 1999, с. 566). Конструкция *Иванъ отрокъ Добрынича* идеально соответствует древнерусским синтаксическим нормам (ср. выше, разбор надписи № 31).

На буквенном уровне в 1-й строке следует исправить *помози* на *помози*.

В 3-й строке чтение *Маревн* принять невозможно: ни от какого древнерусского имени такого Д. ед. быть не может. Но надежно восстановить соответствующее испорченное место не удастся; не исключено, что в тексте стояло *М[осе]евн*.

В целом надпись должна быть представлена так:

ГѢ ПОМОЗИ РАБОУ СВОЕМУ
БѢЗУЕВИ ИВАНѢ ОТРОКУ ДѢ
БРЫНИЧА И М---ЕВИ СЪ НИМЪ

Из графики следует отметить: ъ вместо о в *Дѣбрьнича* — редкое для ранних надписей проявление элементов бытового письма; колебание между оу и у после согласной.

№ 130. В издании надпись отнесена к XII в.

С нашей точки зрения, в чтении издателя неверны две буквы.

Вместо *свое|емн* следует читать *свое|емю*. Буква ю здесь такого же вида, как в слове *рабу* в первой строке (узкое кольцо с прямой левой и угловатой правой частью).

Вместо *Анѣтонъж* следует читать *Анѣтоньж*. Отличие ѣ от ѡ состоит в данном случае в том, что у ѡ имеется левая верхняя засечка, а у ѣ нет.

В целом надпись читается так (на переходе с 1-й строки на 2-ю буква е повторена):

ГѢ ПОМОЗИ РАБОУ СВОЕ
ЕМЮ АНѢТОНЬЖ

Надпись имеет, таким образом, весьма интересную графическую особенность: [у] передается в этой графической системе через ю, а [у] — через ж (ср. Зализняк 1999, с. 567). Второе не так уж редко в памятниках XI в., встречается также в берестяных грамотах XII в.; первое же представляет собой очень большую редкость.

Мед. 196. В издании надпись предположительно отнесена к XII в.; про нее сказано: “Можно различить только: *стеви... ѡль | пономарь се...* Имя восстановить трудно, от него осталось только начало”.

А. А. Гишпиус обратил мое внимание на то, что автора здесь могли звать Стевид. При исследовании надписи по сканировке фотографии удалось выявить последние две буквы имени достаточно отчетливо: это *де*. Кроме того, вместо *ѡль* следует читать *ѡль*: последняя буква здесь имеет точно такой же вид, как в *пономарь*. Таким образом, первые две строки надписи читаются так:

СТЕВИДЕ ѡЛЬ
ПОНОМАРЬ СЕ

От третьей строки сохранилось только: (-)-р---ин-ч- (и фрагменты части букв, обозначенных здесь прочерками). Возможно, это было отчество писавшего. Но надежно восстановить его, к сожалению, не удастся.

В *Стевиде ѡль* (= *пъсале*) обе словоформы имеют древненовгородское диалектное окончание -е.

Очень интересно имя *Стевидь*, которое составляет очевидную параллель к имени *Стежирь* в берестяной грамоте № 5 из Старой Руссы. С обнаружением имени *Стевидь* становится ясно, что в *Стежирь*, с его труднообъяснимым *Сте-*, нет никакой ошибки в записи, т. е. антропонимический элемент *Сте-* или *Стѣ-* действительно существовал. О возможных его интерпретациях см. ДНД₂, с. 85.

Отметим, что пономарь называет себя своим мирским, а не крестным именем.

Мед. 210. Надпись имеет архитектурно-стратиграфическую дату “конец XII – 1-я пол. XIII в.”. Текст ее таков:

СѢТЫ МИХАЛА ПРОСТИ И ѠДА МНОГО | ТИ
СЪГРѢШЬХЪ | АМИНО ДОМАШКА ѡЛЬ МЫСЛАТИНИЧ
ШЬВЬЦА АМИНО

А. А. Медынцева дает следующий перевод: “Святый Михала, прости и отпусти много, что тебе согрешил. Аминь. Домашка писал Мыслятинич шьвьца. Аминь”. Далее она пишет: “Вызывает затруднение перевод предпоследнего слова, хотя оно читается совершенно отчетливо: *шьвьца*. Скорее всего его нужно перевести “швеца” — портного или сапожника. То есть: “святый Михала, прости... (Домашку) швеца””.

Однако такое толкование, исходящее из того, что швец — это сам Домашка, явно не соответствует синтаксису фразы: слово *шьвьца* никак не может быть подчинено глаголу *прости*, стоящему на два предложения раньше. В действительности перед нами словосочетание *Мыслятиничь шьвьца* ‘сын Мысляты-швеца’, вполне соответствующее древнерусским синтаксическим нормам. Древнерусские отчества обладают при построении таких конструкций теми же синтаксическими свойствами, что притяжательные прилагательные. Ср., например: *преставися Ярополкъ Володимеричь Манамаха* ‘умер Ярополк, сын Владимира Мономаха’ (Новг. IV лет., под 1138 г., Строевский список); *оу Коузмичь оу Онисимова* ‘у детей Кузьмы Онисимова’ (новгородская берестяная грамота № 138); *ѡжениса ...*

Глѣбовною черниговьского княза 'женился на дочери черниговского князя Глеба' (Лавр., под 1215 г.); ср. ДНД₂, с. 533.

Некоторого уточнения требует также перевод основной фразы надписи: слово *монога* (= *много*) подчинено глаголу *сърѣши(и)хъ*, а не глаголу *ѡда(и)* — это видно из позиции энклитики *ти*. Текст здесь

вполне сходен с киевской надписью № 190: *Гѣ помилуй и прости раба своего ... монога бо ко [т]ебе сѣргѣшихо* (см. Турилов 2000, с. 44).

В итоге надпись должна переводиться так: 'Святой Михала, прости и отпусти: много я тебе согрешил. Аминь. Писал Домашка, [сын] Мысляты-швеца. Аминь'.

Прочие комментарии

§ 6. Ниже разбирается также ряд других надписей, которые требуют тех или иных поправок или могут быть дочитаны.

№ 8. Для этого важного текста, сообщающего о смерти Ярослава Мудрого, имеется транскрипция Б. А. Рыбакова, причем в двух вариантах — без конъектур (1959, с. 245) и с конъектурами (1964, с. 14).

Первая такова:

въ ѿѡѣѣ | мѣа фѣврари | кѣ жьспен|е цѣа наш|го
въ въ[с|]скръсені | в--- едѣ? | ---ѡ--- | ѡеѡдора

Вторая отличается от первой практически только после слов 'царя нашего'⁸:

въ въс|скръсенъ(е) | в (н)едѣ(лю) | (му)ѡ(еника) | ѡеѡдора

В книге Выс. 1966 эта же надпись представлена в менее полном варианте:

въ^а ѿѡѣѣ | мѣа фѣврари | кѣ жьсп[е]н|е цѣа
наш|го въ въ|----- | с----- | ѡеѡдора

По какой-то причине издатель дает прочерки вместо слова *въскръсение*, присутствие которого в тексте, однако же, несомненно. При этом прочерками показано (явно ошибочно) на одну строку меньше, чем у Б. А. Рыбакова.

В конце 1-й строки затерты написанные по ошибке буквы *ма* (неудачная попытка написать *мѣа*). Отметим, что правый край надписи приходится на место поворота стены, т. е. выступающий угол (см. Выс. 1966, с. 19, рис. 1); поэтому он очень истерт и часть штрихов утрачена.

Сравнение всех опубликованных фотографий этой надписи (в Рыбаков 1959, Рыбаков 1964, Выс. 1966 и Выс. 1968) и дополнительное изучение сканировки, сделанной с фотографии в Рыбаков 1959 (по-видимому, не подвергнутой ретушированию), показывает следующее.

⁸ Как уже отмечено, конъектуры в цитируемых текстах отмечаются круглыми и квадратными скобками по принятой нами системе; в случае со второй транскрипцией Б. А. Рыбакова (в отличие от первой) это практически означает перемену местами этих двух родов скобок.

В 1-й строке над начальным *въ*, по-видимому, все же имеется маленькая буква *л* под титлом. После вынесенной вверх цифры *ѣ* (несколько ниже ее), возможно, имеются слабые следы букв *ое*; но это ненадежно.

Конец 2-й строки следует, конечно, записывать как *фѣврар[а]*, а не *фѣврар[і]*. Здесь просто сохранилась только левая часть буквы; при этом сохранившийся штрих отчетливо наклонный, так что он даже не похож на букву *і*.

Последняя буква 3-й строки выглядит как *н*, но это все же может быть и *и*. Отсюда два варианта реконструкции: *жьсп[ен](и)|е* и *жьсп[е](и)[и]|е*. При первой версии (принятой обоими публикаторами) необходимо признать, что буква *и* (после *н*) просто утрачена на краю записи, а перед *н* в строке оставалось пустое место. При второй версии предполагается, что буква *н* почти целиком стерлась.

В 4-й строке после *наш* следует предполагать утрату буквы *е* (легкий след ее, как кажется, все же сохранился).

На конце 5-й строки следует читать *въ въс[к]*; правая часть буквы *к* либо утратилась, либо даже не была выписана.

6-я строка восстанавливается как *скръсен[и](е)*; в начале строки автор повторил последние буквы предыдущей строки; буква на конце строки утратилась.

7-я строка видна слабо, но все же может быть восстановлена как *въ недѣ[ѣ.лю]*.

В 8-й строке первая буква похожа на *м* (версия с начальным *стѣ* 'свят-' поддержки в сохранившихся штрихах не находит). Далее истертое место, достаточное для двух букв (т. е. здесь можно предполагать либо *оу*, либо *ж*, рядом с которым оставалось еще пустое место). Далее ясное *че* и вероятное *[ш]*. Конечное *ка* не сохранилось.

9-я строка: *ѡеѡдора* (не *ѡеѡдора*).

В целом наиболее вероятный вариант реконструкции документа таков (о возможных вариантах реконструкции см. выше):

вѣл ѿфѣвѣ
 мѣдѣ фѣврар[а]
 кѣ жсѣп[ен](и)
 ке црѣа наш(е)
 го вѣ вѣс[к]
 скръсен[и](е)
 в(ъ н)е д[ѣлю]
 [м](оу)че[ни](ка)
 ѿѿдѣора

блждѣ
 сѣтво
 рихѣ вѣ
 сватѣ
 дѣнь

Перевод: ‘В лето 6562 (= 1054 г.) месяца февраля в 20-й [день] усение царя нашего, в воскресенье, в неделю мученика Федора’.

О том, как разрешается противоречие между данным текстом и сообщением Ипатьевской летописи, что Ярослав Мудрый умер в субботу, см. Рыбаков 1959.

С точки зрения языка представляет интерес, в частности, очень ранний пример употребления слова *въскръсение* в значении дня недели.

№ 14. В издании надпись отнесена к XI в.; она записана и переведена так:

блждѣ | сѣтворилѣ вѣ | сватѣ | дѣнь “Блуд совершил в святой день”.

Издатель поясняет, что граффито представляет собой покаянную запись. Иначе говоря, двусмысленное *сѣтворилѣ* он понимает как 1-е лицо.

Но в древнерусском языке употребление перфекта 1-го лица и без *есмь*, и без *азь* — чрезвычайная редкость. Оно возможно лишь в составе длинного текста, где предшествующие фразы делают ситуацию недвусмысленной. В данном же случае фраза в принципе могла бы быть как покаянной, так и кого-то обличающей.

Обращение к фотографии и прориси показывает, однако, что буква *л* в *сѣтворилѣ* выглядит очень странно. Она, во-первых, опускается глубоко под строку, намного ниже стоящего перед ней *и*, во-вторых, совершенно не похожа по начертанию на заведомое *л* в слове *блждѣ* (а именно, имеет редчайший вид, в котором левый штрих “накрывает” правый).

Хотя ретушь на фотографии очень мешает установить истину, все же удастся рассмотреть, что правый штрих в действительности не кончается в точке пересечения с левым, а продолжается (в виде слабенького следа) дальше вверх и влево. Перед нами не *л*, а *х* — совершенно правильной конфигурации, с ножками, опущенными под строку.

Таким образом, текст содержит не двусмысленное *сѣтворилѣ*, а однозначное *сѣтвори хѣ* ‘я совершил’:

Надпись интересна также с точки зрения способа противопоставления графем ѣ и ѥ. Используя классификацию начертаний, данную выше (§ 4, разбор надписи № 4), можно сказать, что в надписи № 14 графема ѣ воплощается начертаниями типов 1а и 2б, а также 2а с длинной горизонтальной чертой, графема ѥ — начертаниями типа 3, а также 2а с короткой косой чертой.

№ 69 и 68. Судя по содержанию и по расположению на стене, это единая надпись, а не две разных. При этом, однако, она написана двумя разными (хотя и похожими) почерками. Второй почерк, несколько более крупный и отличающийся наличием у букв верхних засечек, а также написанием 8 (а не оу), начинается, по-видимому, со слов *се направи* во 2-й строке (т. е. внутри того, что издатель называет надписью № 68).

Необходимые буквенные исправления: вместо немыслимого *на осоудѣнене* (якобы “на осуждение”) следует читать *н[е] осоуд[и] мене*; вместо *истьньньи* — *истьньни*.

В итоге эта совокупная надпись читается так (1-я строка — это № 69, остальные три — № 68):

охѣ мнѣ н[е] осоуд[и] мене
 сѣт[и](-) (о)ноуфрисе се направи мѣ
 а на пѣть истьньни сѣ
 паси дѣшѣ грѣшѣнѣ

Перевод: ‘Ох мне, не осуди меня, святой Онуфрий. Вот, направь меня на путь истинный, спаси душу грешную’.

Хотя *се* ‘вот’ перед *направи* несколько необычно, альтернативное членение (о)ноуфрисе менее правдоподобно (в частности, необъяснимо *-иис-* вместо *-иос-*).

В тексте имеются типовые описки: в *истьньни* буква ѥ после *ист* (вместо *и*) — предвосхищение ѥ следующего слога; в *грѣшѣнѣ* второй ѣ (вместо ѥ) — повторение ѣ предыдущего слога.

С. А. Высоцкий помещает надписи № 68 и 69 в раздел “Граффити XIII–XIV вв.”. Но эта хронологическая оценка — явно слишком поздняя. Ниже приведена датирующая матрица для надписи № 68/69 (в ней использованы в основном данные второго из указанных двух почерков).

Строка “Округлая нижняя петля у В” здесь не должна приниматься во внимание при установлении

даты, поскольку у граффити эта особенность имеет иное хронологическое распределение, чем у берестяных грамот (а именно, она встречается не только в самый ранний период, но и существенно позднее).

В целом имеющиеся данные позволяют отнести документ к XII в., с предпочтением к его 2-й – 3-й четверти.

Датирующая матрица надписи Выс. № 68/69

	1100	1200	1300	1400	
Графика: Ф	[о о -]	///)	о (///	
Графика: 8	о о (///	///	///	о . . .
Н 1а Верхние засечки (длинные)	///	///) о)		о +И
А IVа Округлая петля (простая)	о о . о	о о о о о о)	.	о
В 2 Петля выступает под строку	///	///	.	.	
Г 1 Выступ вверх	///) о о о о	о	о	
П 1 Выступ вверх	///) о о о о о)	.	
В 4 Выступ вверх	///) о о о)		.	.
Р 4 Маленькая головка	///) . о)			
Ѣ 8 Петля выступает под строку	///) о о)	.	(о	///
— Б, В, Г, П обычно с выступом	///) о о)			
В I Округлая нижняя петля	о о)	.	.		Особо

№ 101. В издании надпись отнесена к концу XI в. Издатель читает ее так:

мѣца ѡниа | въ 10 вѣ[грѣ]блѣ грама|тика а въ |
тѣ вѣдаша к[ъ] | лазорию

Его перевод: “Месяца июня в 10-й [день] выгреб грамматика, а в 15-й отдали Лазорю”.

В. Э. Орел (1995, с. 283–284) справедливо указывает, что “грамматика”, т. е. писца, выкопали не во время какого-то ремонта полов в соборе, как полагает С. А. Высоцкий, а в соответствии с известным обрядом откапывания и вторичного захоронения костей, служащим, по выражению Е. Голубинского, “как бы продолжением или довершением похорон”.

Но в самом тексте надписи В. Э. Орел следует за издателем, за исключением того, что он усматривает во 2-й строке указание на 4-й, а не на 10-й день июня. Его перевод: ‘In the month of June, on the fourth day, (I) dug out the grammarian, and on the fifteenth (day) (they) gave him to Lazorij’.

Между тем в чтении издателя имеется ряд пунктов, вызывающих большое сомнение, поскольку они отклоняются от древнерусского стандарта: 1) если *выгребль* означает ‘я выкопал’, то непонятно, почему нет ни *есмь*, ни *азь*; 2) непонятно, почему из двух совершенно параллельных действий одно выражено перфектом (*выгребль*), а другой аористом (*вѣдаша*); 3) небывалый вид *ѡниа* имеет название месяца; 4) небывалый вид *Лазорию* имеет имя.

Надпись исследовалась нами по фотографии и по сделанной с нее сканировке. Обнаружено следующее.

В начале 3-й строки стоит не *б*, а *ш*; далее не *л*, а *а*, у которого уже не видно язычка; буквы *ѣ*, якобы втиснутой между *бл* и *грама*, просто нет (издатель принял за букву две легких царапины). В конце 2-й строки буква после *вы[гр]* совсем не видна, затем виден верх от *г* или *б*; на следующей позиции, по-видимому, еще сохранились некоторые следы нижней части буквы *о*. Таким образом, вместо *вы[грѣ]блѣ* следует читать *вы[гр](е)[бо]ш[а]*. Это значит, что оба описываемые действия выражены одинаково — формой 3 лица множ. числа аориста в неопределенно-личном значении.

В 1-й строке вместо странного *ѡниа* следует все же предполагать правильное *[г]ѡниа*; для буквы *г* есть место и от нее сохранилась нижняя часть.

В 6-й строке после *Лазор* стоит не буква *и*, а фигура вида *с*, поверх которой проведены два вертикальных штриха. Можно предположить, что писец начал писать букву *е* (от *Лазореви?*), но затем решил ее переделать (на *ю?*); результат его не устроил и он просто бросил это место и рядом написал *ю*.

К сожалению, не удается получить бесспорного чтения для начала 2-й строки, где указан день, когда производилась эксгумация. Буквы здесь сохранились неполностью и идентифицируются неодно-

значно. При чтении издателя *въ ѿн* ‘в 10-й [день]’ необъяснимо лишнее *н*. Чтение В. Э. Орла *ѿ ѿн* ‘в 4-й день’ не проходит по буквам: как бы ни интерпретировать отдельные буквы, на этом отрезке видно не пять букв, а четыре. На буквенном уровне наиболее вероятным, по-видимому, следует признать чтение *въ ѿн* — как если бы автор пропустил цифру. Место для узкого знака между *въ* и *ѿн* есть, т. е. в принципе можно предположить, что здесь стояло *ѿ* ‘10’, которое не сохранилось (ср. *ѿ* в *ѿвнѣ*); но это, конечно, ненадежно.

В итоге получается следующее чтение:

мѣца [ѿ]ѿнѣ
 въ (-) [ѿн] въ[ѿр](ѿ)[ѿ]ѿ
 ш[ѿ] грамаѿ
 тѣка а въ
 ѿ въдаша к(ѿ)
 ѿзор(-)ю

Перевод: ‘Месяца июня в ... день выкопали грамматика, а в 15-й отдали к Лазорю’.

Что касается слова *граматикъ* ‘книжник’, ср., например, надпись X – нач. XI в: *писа(хъ) азъ Герги граматикъ ѿ село Мащовица* (СБН, Крепча 5, с. 57).

Как считает С. М. Толстая, *къ Лазорю* здесь можно понимать не как передачу в монастырь св. Лазаря, а как форму реализации ритуала вторичного погребения, при которой эксгумированные кости вкладывались в гроб родственника, хоронимого в той же могиле; см. об этом ритуале Толстая 1998.

№ 104. В издании надпись отнесена к XI в. Транскрипция издателя в значительном числе точек подлежит исправлению. В исправленном виде надпись выглядит так:

оухъ мѣнѣ грѣшъникоу н[ѿ]ѿ
 достоинѣмоу раѿбу твоѿ
 кѣмоу помилоуѣ ѿи ѿ ѿвѣди ма
 ѿ моуж[ѿ] вѣчьноу ѿ -[ѿ]ѿѿѿ ѿ
 ----- ѿ ѿ напаст[ѿ] ам[ѿ](ѿнѣ)

В предпоследней строке в слове *-[ѿ]ѿѿѿ* (судя по контексту, ‘избавь’) первая буква почти не видна (по ней проходит трещина); на *и* или *ѿ* ее остатки, как кажется, непохожи. Буква перед *ѿѿѿѿ* выглядит как *с*. Не исключено, однако, что это искаженный прорисью ѿ; в этом случае вместо *ѿ -[ѿ]ѿѿѿ* нужно реконструировать *ѿ[ѿ]ѿѿѿ*.

Надпись одноеровая. Это значит, что она относится ко времени не позднее середины XII в., а скорее всего — к XI в. Палеографические признаки такой оценке не противоречат. Ввиду этого представляет большой интерес новое (местоименное)

окончание *-оѿ* в Р. ед. жен. *вѣчьноѿ*. Отметим также эффект факультативной замены *ѿ* на *ѿ*.

Отметим, что прямо поверх этой надписи и находящейся над ней надписи № 103 идет выполненная крупными буквами (почерком XV в.) надпись, не входящая в корпус изданных С. А. Высоцким:

ИЗЛИАНѢ
 ПОПАДИЮ

Вероятно, это часть какой-то более длинной надписи.

№ 112. Надпись относится к событию 1122 г. и, очевидно, сделана тогда же.

С. А. Высоцкий читает слово на переходе с 2-й строки на 3-ю как *при[ѿ?]ѿль* и переводит всю надпись так: “Месяца октября в 15-й день принял Никита. Судило писал”. Он разъясняет далее, что в надписи “говорится о приходе в Киев нового митрополита и принятии им митрополии”.

В действительности, однако, столь неожиданный и неуместный глагол (“принял”) в сообщении о приходе возник просто из-за неправильного прочтения одной буквы.

В 3-й строке первая буква полностью утрачена; можно лишь предполагать, что вертикальный облом соответствующего участка штукатурки здесь прошел по ее правому вертикальному штриху. А следующая буква, которую С. А. Высоцкий читает как *ѿ*, — это безусловно не *ѿ*. Крохотный язычок, изображенный на прориси, — это не имеющая отношения к букве тончайшая царапинка; но даже в таком виде буква отнюдь не похожа на настоящие *ѿ* в *мѣца октабра*. (Тем самым поправка, предложенная В. В. Колесовым [1978, с. 151]: *приѿль* вместо *приѿль* — не помогает, поскольку она основана на чрезмерном доверии к чтению С. А. Высоцкого.)

Спорная буква должна быть идентифицирована как *ѿ*. Ее конфигурация в общих чертах сходна с *ѿ* в слове *ѿнѣ*. Черта (близкая к горизонтальной) в верхней части ее мачты — это либо просто повреждение (такое же, как на следующей букве *л*), либо широкая верхняя засечка буквы *ѿ*. Более вероятно первое.

Соответственно, первые три строки надписи должны читаться так:

мѣца октабра
 въ ѿ ѿнѣ при-
 (ш)ѿль никита

Иначе говоря, сообщение о приходе Никиты в действительности было здесь выражено самым про-

стым и прямым способом. Ср. в этом отношении надпись № 6: *приде князь Стѣпѣлкъ*; разница только в выборе времени глагола.

№ 146. В издании надпись отнесена к XII в. Издатель читает ее так:

ГѢ ПОМ(О)З(И) РАБѸ СВЪЕМѸ ИГНАТЪВИ А ПРЪЗЪВИЦЬМИ ИМА СЕАТАТЬ А ГѢ НЬ БЪЮСА СЪМЪТИ | ...КЪ ТР... ДЪША МЪА [Д]ЬНЬ СЪДЪНАГЪ ДЪША МЪА РИКАЮЦИ

Его перевод: “Господи, помоги рабу своему Игнатию, а прозвищем Саетат; господи, не побоюсь смерти [...] душа моя, [ожидай] дня судного, душа моя стонет”. Прозвище Саетат, разумеется, не выдерживает никакой критики; стоящий перед ним отрезок *има*, с которым С. А. Высоцкий не знал, что делать, он по своему обыкновению из перевода просто выкинул.

В. Л. Янин (1992, с. 27–28) дополнил прочтение недочитанной издателем второй строки: *т(оли)къ трѣбѣцѣтъ дѣша мѣа дѣнь сѣдѣнагѣ дѣша мѣа рикаюци*, а также предложил совсем иную интерпретацию для фразы о прозвище (прочтя несколько букв по-другому): *а прѣзѣвицьми анима і астатъ* ‘с прозвищами Анима и Астат’. Оба прозвища толкуются как греческие: *анима* — на основе ἀνεμίαιος ‘наполненный ветром’, ‘пустой, ничтожный’, *астатъ* — ἄστατος ‘шаткий, неустойчивый’.

А. А. Турилов (2000, с. 37–38) предложил иную, чем у издателя, разбивку конца первой строки: *а ГѢНЬ БЪЮСА СЪМЪТИ* ‘я, Господи, боюсь смерти’ (где вместо *ГѢ* в том же значении выступает необычное обращение *ГѢнь* = *Господине*). Он предположил также, что *а* перед *ГѢнь* представляет собой недописанное *азь*, где ошибку могло спровоцировать название буквы. (На это можно, впрочем, возразить, что с *а ГѢ* начинается также надпись № 107, где *а* не может быть заменой для *азь*: *а ГѢ всѣдѣржителѣ избави(и)и ли ма владѣко мѣкы*.)

Таким образом, нынешнее понимание документа ушло уже далеко от его первоначального прочтения. Однако проблему прозвища все еще нельзя считать решенной. В самом деле: 1) отрезок *прѣзѣвицьми* не может означать ‘прозвищами’ — в Т. мн. окончание *-ми* (на месте древнего *-и*) становится возможным у слов типа *прозѣвище* лишь на несколько веков позднее; 2) если прозвищ два, то слово *прозѣвище* должно было бы стоять не во множественном числе, а в двойственном; 3) предполагаемая четверная лигатура *аним* не имеет аналогов в надписях; 4) греческое ἀνεμίαιος должно было бы дать *анемиеи*, а не *анима*; 5) использование в Киеве XII века греческих прозвищ, к тому же основанных на таких редких словах, как известное из Платона ἀνεμίαιος, да

еще двойных, представляется по меньшей мере сомнительным. Ведь прозвище почти всегда обладает каким-то понятным для окружающих смыслом — именно в этом источник его эмоциональной силы; но никаких следов того, что в древнерусский язык хоть в какой-то степени вошли заимствованные слова *анима* и *астатъ*, в памятниках нет.

С нашей точки зрения, отрезок после *прѣзѣвицьми*, который издатель прочел как *има* (а В. Л. Янин истолковал как лигатурное *анима*), следует читать *ѣма*. В самом деле, хорошо виден язычок буквы *ѣ*, почти дотягивающийся до следующей буквы *м*. В остальном все буквы данной фразы должны быть истолкованы, как у В. Л. Янина. С делением на слова вся фраза получает следующий вид: *а прѣзѣвиць ми ѣ Маастатъ* ‘а прозвище мне — Маастат’ (*ѣ* = ‘есть’).

Слово *маастатъ* (из польск. *majestat* ‘величество’, ‘монарх’) хорошо засвидетельствовано в староукраинских и западнорусских документах — в значении ‘величество’ (титул короля, верховного правителя), а также в производных значениях ‘грамота верховного правителя’, ‘печать верховного правителя’; см. ССУМ, 1, с. 570, Слов. XI–XVII, 9, с. 7. Таким образом, прозвище *Маастатъ* означало примерно то же, что популярное прозвище *Король* (в своде Тупикова отмечено 15 лиц с прозвищами *Король*, *Королек*; ср. широкое распространение фамилии *Королёв*); ср. также прозвища *Царь*, *Князь* и подобные.

Единственную трудность составляет *а* (а не *е*) во втором слоге слова *Маастатъ*. Но в сравнении с теми трудностями, с которыми сопряжены альтернативные решения, она не столь велика. Возможно, *а* второго слога — это просто описка под влиянием *а* предшествующего и последующего слогов; но еще более вероятно, что мы имеем здесь дело с неустойчивостью фонетического состава недавно заимствованного слова.

Необходим также ряд буквенных поправок. Вместо *Игнатѣви* (с непонятным *ѣ*) следует читать *Игнатѣви* (= *Игнатови*), вместо *пом* (в слове ‘помоги’) — *п[ѣ]м*, вместо *трѣбѣцѣтъ* — *трѣбѣцѣт[ѣ]* (= *трепещеть*; иллюзия присутствия ятей здесь создана тем, что чуть ниже верхнего края строки проходит сплошная горизонтальная трещина). В результате обнаруживается, что в надписи стопроцентно выдержаны эффекты *о* → *ѣ* и *е* → *ѣ*. Это значит, что ‘помоги’ следует в конечном счете восстанавливать как *п[ѣ]м(ѣ)з(и)*, а не *пом(о)з(и)*. По аналогичным соображениям следует восстанавливать *свѣ(ѣ)мѣ* (с *ѣ*). Над словом *дѣша* имеется титло (несмотря на то, что слово записано несокращенно). Конъектура *т(оли)къ* недостаточно надежна: пер-

вая буква здесь может быть истолкована и как *m*, и как *z*; далее идет лагуна скорее в четыре-пять букв, а не в три; и, что особенно существенно, начало данного слова находится не под началом первой строки, а под словом *пъмъзи*, т. е., вероятно, имелись еще какие-то буквы слева.

В целом получаем:

Г̃и) п[ъ]м(ъ)з(и) рабъ свѣ(ѣм)ѡ игнатъви а
пръзъвищъ ми ѣ маіастатъ а Г̃и нь (или: а Г̃инь)
бъюса съмѣти | ...къ тръпыщѣт[ъ] дѣша мѣа дѣнь
сздѣнагъ дѣша мѣа рикаюци

№ 156. В этой надписи (отнесенной к XII в.), в издании полностью прочтены только две первые и две последние строки; средняя часть была прочтена очень неполно, причем с целым рядом ошибок в опознании букв.

Ниже приводится конечный результат нашей реконструкции всей надписи (обоснование конкретных исправлений и конъектур мы в данном случае опускаем):

+ с̃т̃и :м̃: мѣникъ помилоуите ма
грѣшнаго дайте ми съкон[ъ]чати
з[а]в[ѣ]тъ + [г]и (и)[р](ос)ти да бѣхъ
гр[ѣ]хы бо[ш]ию о[у]и(с)тилъ и [в]езоумь
отъ[м]е[л]ъ в[ъ]ладо[у]ко пома
[н]и (м)а гр(ѣ)шнаго въ цесарьстии
своём[ъ] амин[ъ]

Перевод: ‘Святые сорок мучеников, помилуйте меня грешного, дайте мне исполнить завет. Господи, прости, чтобы я грехи совершенно очистил и безумие отшел. Владыка, помяни меня грешного в царствии своем. Аминь’.

Реконструкция (и)[р](ос)ти в 3-й строке и бо[ш]ию в 4-й не вполне надежна. Различение букв ѣ и ѥ в надписи довольно зыбко, отсюда знак [] при нескольких из них.

№ 167. В издании надпись отнесена к XII в. По мнению издателя, текст читается так:

С̃ты грѣш[н]ьны попъ раб [и] ада и диавола съ [п̃салъ]

Перевод таков, что нелегко поверить своим глазам: ‘Святой, грешный поп, раб и ада и дьявола, это [писал]’. Воистину, у издателя был широкий взгляд на то, сколь чудовищное соединение абсурда с кощунством мог начертать на стене церкви наш предок.

Разумеется, получить такой выдающийся результат можно только при условии, что какое-то

число букв прочтено превратно. В данном случае, во-первых, не имеет ни одной надежной буквы отрезок *грѣш[н]*. Далее, *попъ раб [и]* — это, конечно, *попъравы* ‘поправший’. Наконец, *съ [п̃салъ]* просто домыслено: реально видно только *съ* и еще две неясные буквы (может быть, *ва*), и на этом текст обрывается. Что стояло вместо *грѣш[н]ьны*, надежно рассмотреть не удастся. Наиболее вероятным представляется чтение [*бесм*](р̃т)ьны или [*бесм*](врт)ьны; буква *m* усматривается несколько лучше прочих, остальные едва угадываются.

В целом это дает следующее чтение:

С̃ты [бесм](р̃т)ьны попъравы ада и диавола съ[ва]...

Последнее слово — возможно, начало от *свѣзавы* ‘связавший’.

По-видимому, этот текст является непосредственным продолжением предыдущей строки (написанной тем же почерком), которую издатель относит в состав надписи № 166. С поправкой в третьем слове эта строка выглядит так:

Г̃и с̃ты сп̃сыи ѡ ада родъ члвчъ

Что касается первой строки надписи № 166, сильно поврежденной и темной, то про нее неясно даже, принадлежит ли она тому же тексту.

№ 169. Эту надпись (отнесенную к XII в.) издатель прочел и перевел так:

Г̃и помо[зи] рабоу | дими[триосе] “Господи, помоги рабу, Дмитрий”.

Он поясняет: “Автор граффито обращается с просьбой к богу, но, заметив, что неподалеку изображен Дмитрий Солунский, дописывает и его имя”.

А. А. Турилов (2000, с. 38–39) поправил чтение последнего слова, указав, что за конечное *e* здесь ошибочно принят знак конца текста в форме большой перевернутой запятой, вытянутой горизонтально.

Однако и после этого структура текста остается странной: если автор все-таки обращается не только к Богу, но также и к св. Димитрию, почему он панибратски опускает слово “святой”? И в какой грамматической форме стоит *Димитриос*?

Рассмотрим внимательнее начертание букв этой надписи. Большинство вертикальных штрихов (например, в буквах *и*, *м*) автор заметно изгибает С-образно. Особенно ярко это выражено у буквы *и* в последней строке; если бы не смысл, то эту букву легко было бы принять за *ю*.

Отсюда ясна разгадка нашей трудности: после *Димитри* стоит не *ос*, а зеркальное *ю*. Его вертикальный штрих так же С-образно изогнут, как, например, правая мачта предшествующего *и*. Хорошо видна и беленькая перемычка. Только издатель не обвел ее тушью, в отличие от тех штрихов, которые он считал относящимися к делу: он ведь уже был уверен, что в документе стоит *Димитриосе*, и именно этот текст и навел тушью. И вот мы теперь хвалим качество фотографии: “текст превосходно виден”.

Итак, текст надписи совершенно обычен (если не считать опущения слова *своему*):

Гѣ помо-
зи рабоу
дими-
трию

Интересно, сколько еще осталось незамеченных ловушек такого рода, которые устроил нам издатель с помощью своей кисточки с тушью?

№ 186. В издании надпись прочтена так:

Гѣ помози | рабо-ъ поп сво- | павлоу семьюнови
кузови | фомѣ пеонѣ | вѣ^а

Перевод издателя: “Господи, помоги рабам попам своим: Павлоу, Семену, Кузе, Фоме, Пеоне”. О конце надписи С. А. Высоцкий пишет: «Далее той же рукой написано “В лето...”, но самой даты прочитать не удастся из-за потертости штукатурки».

В действительности, конечно, в надписи никакого попа или попов нет. (Собственно, одного лишь немислимого перевода “помоги рабам попам своим” достаточно, чтобы не принимать эту версию всерьез.) После *рабо* стоит неудачно написанное *м*, которое автор, недописав, бросил и написал правее другое *м*, а затем *ь*.

В 4-й строке после *куз* стоит не *о*, а правая часть буквы *м* (от левой ее части сохранились только слабые следы. Следующая буква — по-видимому, *ѣ* со случайной лишней косой чертой. Далее стоит буква *л*. Таким образом, вместо неправдоподобного *Кузови* читается *Кузм[ѣ] л*.

Вместо загадочного *Пеонѣ*, вероятно, следует читать *П[о]снь* и видеть здесь Д. ед. от известного древнерусского имени *Постня* (= *Посня*). Буква *ь* выступает здесь как замена для *ѣ*.

Буква *ѣ* после *Фом* ненадежна: это может быть и *ь* (ср. замену *ѣ* на *ь* в слове *П[о]снь*).

Надпись была также дополнительно исследована нами по сканировке, сделанной с фотографии. В результате сверх уже отмеченного удалось выявить следующее.

В конце 3-й строки после *Семь* имелась еще буква *ю*, которая ныне почти стерлась, т. е. в тексте стояло *Семью|нови*.

Но особенно существенным оказалось то, что дата в 6-й строке стерлась не полностью. Остались слабые следы от первой цифры — $\bar{\xi}$ (или, может быть, $\bar{\varsigma}$); знак тысяч выявить не удастся. Но вторая цифра (самая важная) просматривается четко: это $\bar{\psi}$. Третья цифра — возможно, $\bar{\xi}$; но это, к сожалению, ненадежно. Четвертая цифра (если она вообще была) не читается.

Таким образом, дата определенно относилась к столетию 1192–1291 гг. (начинающемуся с 6700). Более проблематично отнесение ее к десятилетию 1252–1261 гг. (начинающемуся с 6760). Это значит, что в данном случае хронологическая оценка С. А. Высоцкого прошла испытание успешно, поскольку данная надпись помещена у него в раздел “Граффити XIII–XIV вв.”.

В целом надпись должна быть представлена так:

Гѣ помози
рабомъ сво[и](мъ)
павлоу семью-
нови кузм[ѣ] л
фом[ѣ] п[о]снь
вѣ^а [ѣ]ψ[ξ]-

Перевод: ‘Господи, помоги рабам своим Павлу, Семьюну, Кузьме и Фоме Постне. В лето 67-- (возможно, 676-)’.

№ 203. Надпись входит в издании в раздел “Граффити XIII–XIV вв.”. Чтение этой надписи издателем критически разобрал и в большом числе пунктов поправил А. А. Турилов (2000, с. 45–46). Соответственно, ниже мы уже можем исходить из прокорректированного чтения, предложенного А. А. Туриловым, а именно⁹:

Гѣ помози рабу | своему(о?) мирьнимъ именъ|мъ |
пу(о?)тъкови а хрс|тъни(м)ъ евстратиеви | сватаа
софиѣ и свати|и ону(о?)фриѣ і сѣт... | и свати
лзорь и (сѣтаа па|тъни)ца (или (сватаа |
трои)ца?) (спаси) и поми|луи же отца моего ду|х(о-
вьнаго и брата (его?) | (по)п[а] васили[а]

Как и во многих других случаях, чтение надписи затруднено тем, что на том же участке стены имеются также остатки других надписей.

Надпись исследовалась нами по сканировке, сделанной с фотографии, благодаря чему удалось

⁹ Угловые скобки в записи А. А. Турилова использованы в том значении, в котором у нас применяются круглые скобки, т. е. они символизируют чистые конъектуры.

рассмотреть несколько больше, чем доступно невооруженному глазу. Выяснилось следующее.

Писец во всех случаях, кроме *помилуи*, записывает [y] через *yo* (с маленьким и обычно слабо прощипанным *o*, тесно примыкающим к *y*).

Вместо *мирънимъ*, *именьмъ*, *хръстьнимъ*, *отъца* следует читать *мирънимь*, *именьмь*, *хръстьнимь*, *отъца*; вместо *свати*и (перед *Онуофрие*) следует читать *сватъ*и.

В слове *хръстьнимь* буква *м* видна. На конце слова ⟨*но*⟩*п[а]* действительно стоит *а*, на конце слова *Васили[а]* — *а*.

Наиболее интересными оказались результаты исследования лакун.

В конце 7-й строки удастся прочесть *і свѣтъи* [Влас]иє.

Конец 8-й строки почти не виден; допустима реконструкция (*і свѣта*) [П](*а*)*тъ*. Какая буква стоит после *Лазор* — *ь* или *е*, — надежно установить не удается.

В 11-й строке после *брата* читается еще *его поп* (последнюю букву автор затем повторил на следующей строке).

В 12-й строке после *Василиа* столь же ясно видно *и ма*. Существенно труднее рассмотреть последующее [т]ер- (буква после *р* — возможно, *е*, но это ненадежно). Продолжалась ли надпись и после этого, установить не удалось.

В итоге получается следующая реконструкция надписи:

Гѣ помози рабуо
своему мирънимь именьмь
Мь
путькови а хръсь
тънимь[ь] евстратиеви
сватаа софиє и сватъи
и онуофриє і свѣтъи [влас]иє
и свати лазор- (-)----- [п]-[тъ]ь
(ни)ца + (-)----- и поми
луи же отъца моего ду[о]ь
ховьнаго и брата его попи
па василиа и ма[т]ер-

Мед. 182. Надпись подробно и хорошо проанализирована в издании. Наши замечания, если не считать деталей, касаются лишь одного места в тексте.

К большому сожалению, эта ценнейшая надпись, надежно датируемая 1050–1054 гг., сохранилась лишь в виде кальки, причем выполненной не очень точно и без необходимого филологического

контроля. Поэтому в сомнительных местах необходимо принимать во внимание не только отраженные калькой штрихи, но и результаты лингвистического анализа надежной части текста.

Из полноценно сохранившихся элементов текста прежде всего видно, что перед нами одноеро-вая запись: об этом говорят написания *пришъльца*, *-мъзд-*, *Козъ[м]-*, *ч(о)до(т)воръ(цю)*, *Дъмиана*. Отсюда ясно, что как [з] следует истолковывать также и двусмысленные написания, где нельзя различить *з* и неполностью прорисованный на кальке *ь*. Таковы [ц]р[з]к[з]в-, (*б*)емъзд[з]никоу; ср. также *зг* в *Кълева*.

Кроме того, видно, что в тексте не пропущен ни один исконный редуцированный. Поэтому нельзя принимать конъектуру *днж* 'внутри' (без *ь*) для лакуны в начале 3-й строки (А. А. Медынцева отмечает эту проблему, тем не менее в реконструкции на стр. 273 дана все же именно конъектура *днж*).

Издательница истолковывает упоминание Козьмы и Демьяна как указание дня, когда Никола прибыл в Новгород. Соответственно, она предполагает, что перед *сватоуж* имелся еще предлог *о* (стершийся или не отраженный на кальке) и надпись в целом означала: 'Святая София, помилуй раба своего Николу, пришельца из Киева града от своего князя Ярослава к сей церкви (т. е. Софии) в день святых безмездников и чудотворцев Козьмы и Демьяна'.

Однако с лингвистической точки зрения такая версия наталкивается на серьезнейшие препятствия. Во-первых, предложенные А. А. Медынцовой конъектуры, которые должны дать значение 'к сей церкви', не годятся: конъектура *сѣь църкъвѣ* (якобы беспредложный местный падеж) вообще неправильная (должно быть *сеи църкъвѣ*), но еще важнее то, что местный падеж указанного значения не передает; о конъектуре *днж църкъвѣ* см. выше.

Во-вторых, даже если отвлечься от того, что примеров сочетания предлога *о* в значении 'во время' непосредственно с именами святых словари вообще не знают, при данной версии придется допустить, что автор этой в остальном безупречной надписи ошибся в падеже: предлог *о* управляет местным, а не родительным падежом, т. е. автор должен был бы сказать *о святоую безмъздъникоу и чудотворцю Козъмь и Дъмьань* (а не *Козьмы и Дъмьана*). Ссылка на то, что он запутался в формах двойственного числа, была бы возможна для документа XIII века и более поздних; но в середине XI века двойственное число было еще полностью живым.

На этом фоне можно уже специально не останавливаться на том, что крайне сомнительным пред-

ставляется само сочетание ‘пришелец в такой-то день’ и что слова ‘к сей церкви’ вообще выглядят ненужным довеском, поскольку не сообщают ничего, что не содержалось бы уже в слове *пришьельца*.

С нашей точки зрения, наиболее подходящая конъектура для начала 3-й строки — [а ѿ]. Первая буква строки в значительной мере сохранилась, и она очень похожа на *а*. Следующие три штриха вполне могут быть элементами омеги. Главное же: смысл оказывается простым и текст — грамматически безупречным.

Приводим предлагаемое прочтение надписи в целом (включающее также некоторые маленькие уточнения сверх оговоренных выше):

(с)[ѿ]аѿѿ (со)ѿиѿ : пом(ил)оуи : раба свое(го) нико(ло)у
при[и]шьельца : ис кы[ѿ]ѿа града : (ѿ) с[ѿ]ѿоѿо кѿнаѿза
ѿ[р]ѿслава [.]
[а ѿ] ѿ[р]ѿ[ѿ]к[ѿ]ѿ[ѿ] свѿтоу[ѿ] (ѿ)ѿзмѿзд[ѿ]никоу
[и ѿ]ѿдо(т)ѿѿѿѿ(ѿ) коѿѿ[м]ѿ(ѿ) и дѿмиѿна [.]

Перевод: ‘Святая София, помилуй раба своего Николу, пришельца из города Киева от своего князя Ярослава и от церкви святых безмездников и чудотворцев Козьмы и Демьяна’.

Мы не обсуждаем здесь вопроса о том, какие модификации может повлечь за собой это прочтение в собственно исторической интерпретации документа. Заметим лишь, что существование церкви Козьмы и Демьяна в столичном Киеве несколько не менее вероятно, чем существование такой церкви в Новгороде.

С лингвистической точки зрения данная надпись, хотя и находится в Новгороде, разумеется, составляет часть комплекса киевских надписей (подобно тому, как надпись Выс. № 199 принадлежит в этом отношении к комплексу новгородских надписей).

Мед. 200. В издании эта надпись (отнесенная ко 2-й пол. XII – 1-й пол. XIII в.) прочтена так:

хотець пѿль | въ бѿ^{АБ}ѿ то о сѿа|а софѿѿе избеѿи
ма бѿды

И для первой фразы дан перевод: ‘Хотец писал в беде тот’.

Однако при такой интерпретации, во-первых, буква *e* (перед *то*) не имеет вообще никакого объяснения, т. е. оказывается просто лишней; во-вторых, местоимение ‘тот’ (*то* вместо *тъ*, согласно А. А. Медынцевой) абсолютно неуместно по смыслу: нет решительно никаких аналогов того, чтобы пишущий называл себя ‘Петр тот’, ‘Иван тот’ и т. п.

В действительности проблема здесь в очередной раз сводится просто к тому, что в надписях очень слабо различаются буквы *г* и *т*. Например, в киевской надписи № 4 в отрезке *отрочьк[ѿ] его* буква *г* в *его* выглядит так, что если бы не совершенно ясный контекст, то она несомненно была бы опознана как *т* (см. Выс. 1966, табл. V); ср. также выше разбор надписи Мед. 129. Таковую же ситуацию следует предполагать и для данной надписи — поскольку для отрезка, прочтенного как *e то*, нет никакой приемлемой интерпретации, кроме той, что писец неудачно изобразил *г*, а именно, подставил лишнюю засечку (или, в крайнем случае, что он просто по ошибке написал *т* вместо *г*).

Кроме того, поврежденную букву после *хот*, как кажется, правильнее восстанавливать как *ь*, а не как *e*.

В целом надпись читается так:

хот[ѿ]ць пѿль
въ бѿ^{АБ}ѿ его о сѿа
а софѿѿе избеѿи ма бѿды

Перевод: ‘Хотец писал в беде его. О святая София, избавь меня от беды’. Правда, мы ожидали бы здесь скорее слова *своеи*, чем *его*, но и *его* тоже вполне закономерно.

Отметим *ма* вместо *ма*. Вероятно, это не описка, а отражение спорадического отвердения губных перед гласной; см. об этом явлении ДНД₂, § 2.41.

Мед. 201. Надпись сделана поверх фресковой живописи 1195–96 гг. А. А. Медынцева относит ее к XIII в. В издании она прочтена так:

молитеса | костате

Издательница считает, что надпись ‘призывает молиться Константину’.

Но призыв молиться Константину, который назван бытовым уменьшительным Костята и не имеет при себе слова ‘святой’, сам по себе вызывает крайнее сомнение. Это как если бы святой Георгий был назван Юра или Гюрята.

И действительно, при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что никакого Костяты в надписи нет. Дело в том, что над буквой *т* в предполагаемом *Костате* стоит совершенно отчетливое титло — такого же фигурного (с двойным изгибом) вида, как например, в киевской надписи № 230: *моление ко сѿа|теи софии*. Этот пример полезен нам также как иллюстрация еще двух существенных для данного случая обстоятельств: 1) слова *молитеса*, *моление*, *молитва* обычно управляют сочетанием *къ кому*, а не просто *кому* (примеров

можно привести много); 2) титло над словом *святѣи* может ставиться и в том случае, когда это слово написано полностью, а не сокращенно.

Добавим к этому, что в предполагаемом *Костате* к первому *т* пририсована нижняя петля, т. е. его пытались сделать хотя бы отчасти похожим на *в*, а также что после *Костате* имеется еще одна буква, более всего похожая на *е*.

Из сказанного ясно, что надпись следует читать так:

МОЛИТЕСА
КО СѢТАТЕ[Е]

Это призыв молиться святой, имя которой либо вообще не было указано, либо оказалось по какой-то причине утраченным.

Автор, вероятно, сперва хотел записать слово *святее* (= *святѣи*) сокращенно — через *сѣ*, а затем решил все же записать его полностью (и даже немало исправил в связи с этим вид буквы *т*).

Надпись сделана по бытовой системе (с заменой *ѣ* на *о*, *ѣ* на *е* и записью поствокального [j] через *е*). Интересно *са* вместо *са* в *молитеса*: это может быть как простая ошибка в передаче мягкости, так и отражение особенности тех говоров, которые ныне имеют [-ca], а не [c'a].

Мед. 202. Надпись сделана поверх фресковой живописи 1195–96 гг. А. А. Медынцева относит ее к концу XII – нач. XIV в. (скорее всего XIII в.). Учитывая наличие буквы *ж*, эту датировку, по-видимому, можно сузить до конца XII – первой трети XIII в.

Текст надписи таков:

АЖ ВОЗЫШЬЛЖСА
ГИ

Надпись крайне загадочна. При этом, однако, все буквы видны очень хорошо, так что шансов избавиться от этой загадочности, реинтерпретировав какие-то из букв, нет.

А. А. Медынцева выделяет слова *аж* (= *аже*) и *ги* (= *Господи*; отсутствие титла над сокращением *ги* — явление довольно заурядное).

Основную проблему составляет центральное слово *возышьлжса*. По поводу этого слова издательница говорит: “очевидно, производное от *взыти*, *взыти* (современное “взойти”)”. Но с этим согласиться нельзя. В самом деле, версия, связывающая *возышьлжса* с современным *взошли* и т. п., сталкивается одновременно со следующими серьезнейшими трудностями:

1) Буква *ж* должна быть признана прямой ошибкой (вместо какой-то совершенно иной гласной), так как ни *у*, ни *ю* после основы *взошл-* ни в каких формах не встречается.

2) Перед основой *шьл-* приставка *въз-* в др.-р. языке в нормальном случае получала вид *въ-*; правда, было возможно построение по аналогии более полного варианта *възь-*, но и в этом случае появилось бы *возо-* или *возь-*, но никак не *возь-*, которое мы видим в тексте. Иначе говоря, *ь* после *з* пришлось бы признать еще одной прямой ошибкой.

3) Возвратный глагол **взойтись* неизвестен (равно как и древнерусское **взытиса*).

4) Какой смысл можно приписать всей фразе в целом, решительно неизвестно.

Можно еще попытаться связать загадочное *возышьлжса* со словами *слать*, *восслать*. Но трудности и в этом случае столь же серьезны. Главная из них состоит в том, что переход *сл* в *шл* в презенсе данного глагола отмечается в Новгороде лишь с конца XIII в. Кроме того, как и выше, приставка имеет неправильный вид и смысл фразы в целом темен.

Мы предлагаем другое решение. Оно основано на предположении, что в этой надписи отражено шоканье (фонетическое смешение *с*, *з* и *ш*, *ж*), а именно, шокающим произношением объясняется *ш* в *возышьлжса* и, возможно, также *ж* в *аж*. Шоканье характерно в первую очередь для псковской зоны, но иногда встречается и в новгородской, в частности, оно в ряде случаев отразилось в новгородских берестяных грамотах (см. ДНД₂, § 2.14).

Кроме того, *зь* (= [z'e]) следует расценивать как результат фонетического упрощения [z'v'e]. С учетом графической эквивалентности *ь* и *е* (равно как *ѣ* и *о*) и возможности использования *ж* в роли *ю*, *возышьлжса* оказывается эквивалентом для *въз(в)е-селюса*.

Что касается утраты *в* после согласной перед гласной, то она представляет собой, хотя и редкое, но надежно засвидетельствованное явление. Точный аналог нашего примера имеется в псалтыри XIV в.: *взеселится* (см. Крысько 2003: 347); ср. еще *взедь* (вместо *взведь* ‘возведь’) в евангелии МГУ № 1367, л. 43г (XIV в.); также в говорах (по СРНГ): *рѣзе* ‘разве’ (во многих регионах; 33: 337), *секрѡва* ‘свекровь’ Арх., *секрѡвушка* Новг. (37: 127), *сербѣть* ‘свербеть’ (во многих регионах; 37: 182), *сирѣпый* ‘свирепый’ Пск., Забайкал. (37: 347). В работе Крысько 2003 приведен целый ряд аналогичных примеров из памятников XI–XIV вв., где *в* утрачено в позиции после других согласных (*по рожестьѣ*, *стор-*

шаго, въздвиженія, скерны, вълиениѣ, оумръитенныя и т. п.), причем отмечено, что бóльшая их часть приходится именно на новгородские памятники.

Начальное *аж* скорее всего должно интерпретироваться либо просто как *аз(ь)*, либо как *аз(ь) ж(е)*. Истолкование его как *аж(е)* менее вероятно. В любом случае отсутствие гласной буквы после *аж* есть описка или вольность (ср. отсутствие титла над *ги*).

Фраза *аз(ь) ж(е) въз(в)еселюса, Господи* — почти точная цитата из Псалтыри: *Азъ же возвеселюса о Господѣ* (псалом 103.14). Слегка видоизмененный конец фразы тоже находит опору в Псалтыри: *Яко возвеселихъ ма еси, Господи* (псалом 91.5).

Вообще, настенные надписи в церквах довольно часто представляют собой не совсем точные цитаты, поскольку они писались по памяти. Иногда записи сделаны от себя, но пишущий все равно не выходит из круга псалтырных ассоциаций и соответствующей стилистики и лексики. Глагол *възвеселитиса* — один из весьма частых в Псалтыри. Ср., например: *Возвеселюса и возрадоуюса о Тебѣ* (псалом 9.3; сходно 30.8 и др.); *Сега ради возвеселиса сердце мое* (псалом 15.9); *И да возвеселатса вси оуповающіи на та* (псалом 5.12) и т. п.

Мед. 204. Надпись сделана поверх фресковой живописи 1195–96 гг.

Вместо *роуки* в ней следует читать *роуке*: буква *e* видна вполне отчетливо (чтение *и* — лишь гипотетическое, скорее всего оно было навеяно современным языком). Соответственно, надпись имеет вид:

оусохните
ти роуке

Словоформа *оусохните* — почти наверное множественное число, а не двойственное: на восточнославянской территории древний дуалис 3-го лица на *-те* практически отсутствовал, а для нового дуалиса жен. рода на *<-тѣ>* нет свидетельств его присутствия в живой речи.

Роуке (= *роукѣ*) — грамматически двусмысленная словоформа: в др.-новг. диалекте это и И. дв., и И. мн.

Таким образом, перевод, предложенный в издании ('Усохните те руки'), следует заменить на: 'Усохни у тебя руки'.

Мед. 247. В издании эта надпись (отнесенная ко 2-й пол. XIII – 1-й пол. XIV в.) читается так:

оухъ тѣщѣно бѣдѣко нѣтъѣ порада дѣякомѣ | а
дѣѣин сплачю оухъ женатымѣ | [дѣя]комѣ(ѣ)

Перевод А. А. Медынцевой: "Ох, тошно, владыка! Нету порядка (устройства) дьякам. А сплачю (вымолю) где-нибудь? Ох, женатым дьякам". Она поясняет, что слово *дѣѣин* должно быть равнозначно *индѣ* 'где-нибудь'.

В этом толковании невозможно согласиться с трактовкой отрезка *а дѣѣин сплачю*. Прежде всего совершенно невероятно перестановка слогов, которая якобы произошла в слове *индѣ*. Этому сопутствует и ряд других несообразностей: на конце слова *дѣѣин* почему-то нет ера; глагол *сплачать* в значении 'вымолить' ни из каких источников, как древних, так и современных, неизвестен; фраза 'а вымолю где-нибудь?' в данном контексте, где речь идет об общих правилах жизни дьяков, выглядит по меньшей мере странно.

Подобный клубок трудностей, сконцентрированный на одном отрезке текста, как правило, является признаком того, что в интерпретации данного отрезка допущена какая-то ошибка — либо уже на уровне опознания букв, либо в словоделении и опознании слов.

С нашей точки зрения, в этом отрезке неверно опознана одна буква: вместо неправдоподобного скопления согласных *нспл* следует читать *н[е]пл*. В самом деле, на фотографии у спорной буквы, как кажется, можно рассмотреть слабые следы язычка. Но это не самый существенный аргумент. Ведь мы располагаем в данном случае всего лишь фотографией с эстампажа из архива И. А. Шляпкина, причем фотографии этой группы, как указывает А. А. Медынцева, ретушировались; в этой ситуации слабый штришок вполне мог и исчезнуть. Главное в том, что реинтерпретация всего лишь одной этой буквы освобождает нас от всех указанных выше несообразностей.

Согласно Срезн. (I: 803), *дѣи* = *дѣи ли* означает 'ужели', 'разве', 'ли', например, в Изборнике 1073 г.: *то ѡлма же мы не видимъ своихъ дѣйѣ, то дѣи ли не имамъ ихъ* 'так если же мы не видим своих душ, то разве не имеем их'. Правда, Срезн. приводит только примеры с *ли*, но, в соответствии с его указанием "*дѣи* = *дѣи ли*", частица *ли* здесь в каких-то случаях, очевидно, могла и опускаться. (К сожалению, более поздние словари уделяют совершенно недостаточное внимание этой специфической лексической единице.)

Таким образом, полученная фраза *а дѣи не плачу* означает приблизительно: 'а разве не плачу', 'так ужели же не плачу' (= 'а как же мне не плакать').

В целом надпись предстает в следующем виде:

оухъ тѣшьно влѣдко нѣтъѣ порада дьякомъ
а дѣи н[ѣ] плачю оухъ женатымъ
[дья]комъ(ъ)

Перевод: 'Ох, тошно, владыка! Нет порядка дьякам! А как же мне не плакать! Увы женатым дьякам!'

Рыбаков, № 34. Реально сохранившийся текст надписи таков (см. фотографию в Рыбаков 1964, табл. XXI):

Гѣ помъзи дому великъму нь даж...
врагомъ игуменьмъ истратит...
-- кѣнца ни климатѣ

Горизонтальные царапины над словами *врагомъ*, *игуменьмъ* и *кѣнца*, которые издатель расценивает как титла, — по-видимому, случайные: для постановки титла над *врагомъ* и *кѣнца* нет вообще никаких оснований, и сокращение того типа, который представлен в написании *игуменьмъ*, тоже обычно не отмечается титлом. Утверждение издателя, что *врагомъ* "следует читать *върагомъ*", — просто ошибка.

Безусловно оправданны предложенные издателем конъектуры *даж(дъ)* в 1-й строке и *истратит(и кѣго | до) кѣнца* на стыке 2-й и 3-й строк; только, по нашей оценке, более вероятно *даж(ъ)*, чем *даж(дъ)*.

Центральный вопрос для истолкования этой надписи состоит в том, что значит слово *игуменьмъ*. Б. А. Рыбаков без малейших колебаний переводит его как 'игуменам', соответственно, истолковывает всю надпись как направленную против неких "врагов-игуменов" и в дальнейшем именуется ее уже не иначе, как "надпись о врагах игуменах". Но правильно ли это?

В написании *игуменьмъ* между *н* и *м* очевидным образом пропущена гласная (по описке или в качестве сокращения). Но здесь вовсе не обязательно имелась в виду словоформа *игум(е)номъ* 'игуменам'. Это точно так же могла быть и словоформа Д. мн. муж. притяжательного прилагательного *игум(е)нимъ* (или *игум(е)немъ*) 'игуменовым'. Выбирать необходимо по синтаксису и по смыслу.

С синтаксической точки зрения естественна только версия 2 ('врагам игуменовым'), а версия 1

('врагам-игуменам') неправдоподобна. Дело в том, что в древнерусском языке слово *врагъ* употребляется либо с указанием, чей, либо просто без уточнений (когда из контекста ясно, чей это враг); употребление его с приложением ('враг-князь' и т. п.) если и было возможным, то, по-видимому, лишь в каких-то исключительных случаях.

С точки зрения смысла картина такова. "Дом великий" — это, очевидно, церковь или монастырь (как место и/или как религиозное сообщество). Чьи враги имеются в виду? В версии 2 это враги игумена. Автор надписи в этом случае может быть монахом, тревожащимся за судьбу своего монастыря и поддерживающим своего игумена в ситуации, когда игумену кто-то угрожает или против него интригуется. В версии 1 могут иметься в виду только враги "дома великого". В этом случае автор надписи — это бунтарь, который всех вообще игуменов считает своими врагами. И тогда остается совершенно неясно, какому "дому великому" он просит Господней помощи.

Таким образом, прочтение Б. А. Рыбакова (т. е. версия 1) предстает как некая романтическая интерпретация документа, позволяющая строить увлекательные гипотезы об отразившихся здесь событиях, но сопряженная с явными синтаксическими и смысловыми натяжками. Версия 2 во всех отношениях трезвее и правдоподобнее. Соответственно, наиболее вероятным следует признать перевод: 'Господи, помоги дому великому, не дай врагам игуменовым погубить его до конца, ни Климате'.

Б. А. Рыбаков уделяет много внимания вопросу о датировке этой надписи; он опирается в этом на данные других надписей и берестяных грамот. Его результат: "около 1211–1224 (самая широкая дата 1197–1240)". Ныне, обладая гораздо более обширным материалом, чем в 1964 г., мы уже не можем претендовать на такую завидную точность: слишком многие палеографические признаки, которые были отмечены Б. А. Рыбаковым лишь в двух-трех документах и тем самым как бы указывали на относительно узкую дату, ныне засвидетельствованы также в берестяных грамотах более позднего и/или более раннего времени. Если теперь оценить эту надпись по меркам берестяных грамот, то наиболее вероятной оказывается довольно близкая, но все же несколько более поздняя датировка: середина – 2-я пол. XIII в. Вот соответствующая матрица.

Датирующая матрица для надписи Рыб. 34

	1100	1200	1300	1400
Графика: У после согласной	(° ° ° ° ° ° (
З 4 Хвост мало выступает из строки	() ° °	° ° °
А 2 Верхняя засечка) ° ° °) ° ° °
В IIб Перелом, не касающийся мачты) ° ° °) ° ° °
З Iб Правонаклонные (развилка)	°) ° ° ° °	° ° ° °
У 4 Буква целиком в строке	° ° () ° ° ° °	° ° ° °
У 3 Пересечка	() ° ° ° °	° ° ° °
— Р, У, Ц, Х регулярно в строке		(° () ° ° ° °) ° ° ° °
Р IVб Углом вниз (прямолинейные)		(° ° ° (
Д IVa На треуг. ножках (острые)	° ° ° ° ° ° °		° ° ° (
Ж V Дуги слева и справа		(° ° ° ° ° ° °	° ° ° ° ° ° °	° ° ° ° ° ° ° 1x

x x

Добавим к рассмотренным древнерусским надписям также одну древнеболгарскую.

СБН, Мурфатлар 3 (с. 78–79). Надпись на столпе церкви пещерного монастыря. Согласно издателям, X век. Чтение издателей таково:

[т]оупаи
 дѣлаеть георъ
 геѣж црѣкве кам[]
 нѣи сѣкыи крѣинѣ и рѣжѣ
 нѣи
 а тѣганѣ из полоу
 тѣка [] оба са
 ес[]ап[]жѣ

Перевод: “Turai macht eine Kirche für den heiligen Georgi, aus Stein gehauen (...)”. Последующее оставлено без перевода.

Изучение фотографии позволяет восстановить почти все лакуны, а также исправить чтение некоторых букв.

Особенность надписи состоит в том, что в ней представлено смешение ѣ и ѵ.

Имя первого каменотеса (1-я строка) надежно восстановить не удастся; по-видимому, оно содержало еще две буквы перед *-[т]оупаи* (*т* тоже не вполне надежно).

Вместо аномального *Георъ|зеѣж* (по мнению издателей, ‘Георгию’) следует читать вполне обычное *Георъ|зевж* ‘Георгиеву’.

После *Георъ|зевж црѣкве* читается *кам[е]нѣ сѣкыи* ‘обсекая камень (камни)’. Поскольку речь идет о пещерной церкви, работа каменотеса, очевидно,

состояла в том, что он высекал церковное помещение непосредственно в скале.

Далее: *и крѣинѣ рѣжѣ|нѣи* ‘и сосуды для ржи’ (В. мн.). *Крѣины* — ‘сосуды для зерна’, ср. болг. *крѣина* ‘деревянный цилиндрический сосуд — мера для зерна’, др.-русс. *крѣина*, *крѣинѣ* ‘сосуд’, ‘хлебная мера’ и др., ср. также соврем. русск. *крѣинка*, *крѣинка* (подробнее см. ЭССЯ, 12, с. 156, 159). Поскольку речь идет о работе каменотеса, в данном случае сосуды для зерна, очевидно, были каменными.

В дополнительной части надписи (6-я и 7-я строки) читается: *а Тѣганѣ из полоу|тѣка* ‘а Туган исполу (подразумевается: делает то же самое)’, т. е. два каменотеса работают на половинных началах. *Полутѣка* — ‘половина’, см. Срезн. II, 1141, ср. словен. *polûtek* ‘половина’. Таким образом, *из полоу|тѣка* — точный синоним выражения *ис полоу*.

Последняя фраза частично стерлась, однако восстанавливается вполне надежно: *оба са | ес[т]а п[ор]жч(ил)[а]* ‘оба поручились’.

В итоге получаем следующее чтение:

--[т]оупаи
 дѣлаеть георъѣ
 геѣж црѣкве кам[е]ѣ
 нѣе сѣкыи и крѣинѣи рѣжѣѣ
 нѣи
 а тѣганѣ из полоуѣ
 тѣка оба са
 ес[т]а п[ор]жч(ил)[а]

Перевод: ‘--тупай делает Георгиеву церковь, обсекая камень, и сосуды для ржи. А Туган [с ним] исполу. Оба поручились’.

Кажущееся несколько странным сочетание работ — строительство церкви и изготовление сосудов для зерна — становится понятным, если учесть, сколь часто церкви использовались также в роли зерновых складов (несмотря на попытки борьбы с

такой практикой). Ср. в надписи Крепча 1 (СБН, с. 47): *Въ има отъцѣ и сѣа и стѣаго дѣа. Съде почи- ваетъ отѣцъ стѣа Аньтоуни. (-) А иже сиоу црѣ- къве житѣница сътворитъ да отвѣцтаетъ прѣдъ Бгмь.*

Мелкие замечания

§ 7. Для ряда надписей ниже указываются лишь небольшие локальные поправки (это, впрочем, не всегда означает, что с нашей точки зрения все остальное в надписи прочитано издателем верно).¹⁰

Для того, чтобы настоящий параграф мог одновременно служить указателем всех разбираемых в статье надписей, мы включили в общий список также номера надписей, разобранных в §§ 4–6.

№ 4 — см. § 5.

№ 5. Во 2-й строке уголок после цифры ‘д’ — это не буква *e*, а либо разделительный знак, либо незначащий элемент.

Следует также читать не *сътвориша*, а *сътвори- ша* (что уже было отмечено в рецензии В. В. Нимчука) и не *Сватопѣлк*, а *Сватопѣлкѣ*.

№ 8 — см. § 6.

№ 9. В 1-й строке более вероятно прочтение *к[ѣ]нажиль*, нежели *кѣнажиль*.

Дату во 2-й строке, по-видимому, несмотря на некоторые трудности, следует читать:

мѣца марѣ ꙗꙗ дѣнь

Дело в том, что любая другая интерпретация даты, кроме ‘19’, здесь не проходит вообще (т. е. тогда пришлось бы допустить, что вместо даты писец написал абракадабру). Для интерпретации ‘19’ необходимо предположить, что фита здесь опрокинута набок; но именно таким необычным способом она изображена и в другой надписи — № 7. Надстрочные буквы над словами ‘месяца’ и ‘марта’, которые издатель не заметил, в действительности име-

¹⁰ Имеется также ряд надписей, где с нашей точки зрения прочтение издателя несомненно ошибочно (в целом или в какой-то существенной части), но мы не можем пока предложить удовлетворительного решения. В качестве предупреждения для тех, кому приходится использовать издания С. А. Высоцкого, укажем некоторые из них: № 32 (последние две строки), 43, 121, 141, 142 (якобы слово *Перегорие*), 143, 148 (якобы слова *гостя страника*), 176, 212 (последние две строки), 216, 231, 238, 356, 305 (якобы слово *поѣщи*), 342, 386, 415.

ются. (А. А. Турилов отметил, что здесь в принципе возможно также и простое смешение ферта и фиты.)

Хотя поврежденный конец надписи полностью восстановить пока не удастся, возможны все же отдельные коррективы.

В предпоследней строке вместо невероятного *ашьетик* явно следует читать *ошьстик* ‘удаление’, ‘отхождение’, ‘кончина’ (см. Срезн., где это слово представлено целой серией морфологических вариантов: *ошьстик*, *ошьствик*, *отъшьстик*, *отъшьствик*).

Строкой выше после слова *неделѣ*, возможно, читается *въ по[н]*, т. е. ‘в понедельник’; ср. надпись Мед. 152: *Стефанъ пьсалъ страстьнѣи недѣлѣ въ понедѣльникъ*.

Следует, однако, признать, что слово *Сватославѣ*, стоящее после *ошьстик*, пока что не имеет хорошего объяснения: конечное *-вѣ* вместо *-вле* (т. е. ‘кончина Святославова’)?; наличие сочетания *по* (или *о*) *Сватославѣ*, где предлог был вписан над строкой и ныне уже незаметен или был просто пропущен?

№ 10. Вместо *бѣлогородѣскихъ* следует читать *бѣлогородѣскихъ*.

№ 12. Вместо *октамбра* следует читать *октам- бр[а]*. Прорись в этом месте “подтянута” под более привычное чтение, но даже и после этого буква перед *м* совсем не похожа на *а*. Неясно также, действительно ли на конце данного слова стоит *а*, а не *а*. На фотографии буквы испорчены довольно грубой ретушью, но перед *м* все-таки можно рассмотреть контуры первоначального *о*.

Как известно, название октября представлено целой серией древних вариантов: *октабрь*, *октамбрь*, *октавр*, *октоври*, *октомври*, *октомьри*, *охтоври*. Надпись № 12 дает еще один вариант (до сих пор не засвидетельствованный): *октомбрь*.

№ 24. На прориси последнее слово первой строки представлено в неправдоподобном виде *грѣхм*. В транскрипции в этом месте дано *грѣх[ом]*. В действительности же в тексте с высокой вероятностью

читается совершенно уместное по смыслу *грѣх[ъ]*. Кроме того, в транскрипции дано *убогъи* вместо *оубогъи*. Надпись в целом:

михалъ оубогъи а грѣх[ъ]
богатъи ѿль ги помоѡ
зи емь

Конечное *емь* — либо простая ошибка (вместо *емоу*), либо архаичное употребление местного (а не дательного) падежа при *помози*. Более вероятно второе.

№ 27. В 4-й строке словоформу Д. ед. жен. ‘русской’ С. А. Высоцкий читает как *русскыи*, Б. А. Рыбаков (1964, с. 16) — как *русъскъи*, В. В. Нимчук (1967, с. 89) — как *русскъи*. Но окончание *-и* здесь просто невозможно, а *-ъи* (как графическая замена *-ои*) для документа XI – начала XII в., не имеющего никаких других примеров смещения *ъ* с *о*, крайне маловероятно. Единственное правдоподобное чтение — *русскъи* (видимое в обсуждаемой точке начертание интерпретацию *ѣ* вполне допускает). В этой словоформе сохранено сочетание *ск* (без перехода в *ци*) перед ятевым окончанием; как известно, это явление встречается в памятниках всех зон (а не только новгородско-псковской).

Заслуживает внимания очень ранний пример простого *у* вместо *оу* (*русскъи*).

№ 31, 38 — см. § 5.

№ 40. Вместо *стѣи мѣ мѣнка* несомненно следует читать *стѣи мѣ мѣнк[ъ]*.

№ 44. Издатель читает надпись как *мариа магдал[ина]*. Здесь странно конечное *а* в *Мариа* и подозрительно современно выглядит имя *Магдал[ина]*. Но внимательное изучение фотографии показывает, что за этими странными чтениями ничего надежного не стоит, т. е. надпись вполне можно прочесть ровно так, как это имя и должно было выглядеть по-древнерусски:

мари[ѣ] магдал[ѣ]и

№ 45. Издатель читает надпись как *ана стѣа* ‘Анна святая’. Но в действительности ни на фотографии, ни на прориси никакого титла нет. Есть только обычное покрытие у буквы *а*, причем не только над *а* в *ста*, но также и над самым первым *а*. Кроме того, порядок слов ‘Анна святая’ неправдоподобен. Очевидно, перед нами просто начало имени *Анастасии* или *Анастасия*, конец которого либо не был дописан, либо утратился.

№ 57. Вместо *лъѿ* (‘писал’) следует читать *пѣѿ*.

№ 68, 69 — см. § 6.

№ 79. От надписи реально видно:

ги помоѡ
зи рабу св...
борисови в[ъ]...
дѣцу

Полуперевод-полутранскрипция издателя: “Господи, помози рабу своему Борису... владцу (?)”. Но конъектура *въ(ла)дѣцу* совершенно неудовлетворительна: и такого слова не засвидетельствовано, и оно писалось бы без *ъ*. Как ясно из фотографии, 2-я строка кончается на пять букв правее, чем первая. Очевидно, 3-я строка могла кончатся еще правее. Это значит, что в слове *в[ъ]...дѣцу* лакуна могла быть довольно большой (две-три буквы под словом *своему* и еще сколько-то букв в соответствии с возможным ритмом удлинения строк).

Перебор всего удовлетворяющего этим условиям лексического материала указывает на единственную правдоподобную возможность: *ъ* после *в* — это часть буквы *ы*, и поврежденное слово — *в[ы](шегоро)дѣцу*.

№ 102 — § 5; № 104 — см. § 6.

№ 109. В издании надпись дана как *не видѣх тебѣ*. Вместо *видѣх*, конечно, следует читать *видѣхъ*, вместо *тебѣ* — по-видимому, все же *тебе*.

№ 110. В 3-й строке вместо *правителе* следует читать *правитель*.

№ 112 — см. § 6.

№ 117. Вместо *Путъко* следует читать *Путько*: буква *ъ* имеет здесь больший наклон мачты, более длинный горизонтальный штрих и левую верхнюю засечку. Ср. также *Пуотькови* (с *ь*) в надписи № 203.

№ 122. Насколько можно судить по фотографии, вместо *кнажѡ* следует читать *кнаже*.

№ 130 — см. § 5.

№ 132. Издатель читает конец надписи как *и про[щ]ение грѣха на Судинь* и переводит “и [дай] прощение греха на [день] судный”. Нет сомнений, однако, что необъяснимое *на Судинь*, где от послед-

них двух букв остались только разрозненные штришочки, — это всего лишь следствие того, что издатель предположил здесь слово ‘судный’ и по своему обыкновению счел, что древний автор мог написать его как попало. В действительности следы букв вполне допускают также реконструкцию правильного на *суди[ши]* ‘на Страшном суде’.

№ 135. Абсолютно невразумительный перевод издателя (основанный на нескольких ошибках в чтении букв) исправлен в Колесов 1978, с. 151 и Янин 1992, с. 26–27. Но в последней строке, с нашей точки зрения, требуются некоторые дополнительные буквенные исправления: вместо *дны* или *дна*, по-видимому, следует восстанавливать (*дъ*)ны, вместо *соудьнь* — *соудьн[ы]*. Чтение надписи в целом:

+ ГИ ПОМОЗИ РАБОУ
СВОЕМОУ КОЗМЪ ГРЪШ[Ъ]НОМОУ
ПРОЗВУТЕРОУ И ПРОСТИ МА
ВЪДЪКО ГРЪХЪ МОИХЪ МНОЗИ
ВО СОУТЬ И СЫП(О)ДОБИ ОУЛОУЧИТИ
МЪСТЬ ОТЪ ТЕБЕ СОУДИ ПРАВЪ
(ДЪ)НЫ ВЪ ДНЪ СОУДЪН[Ы]

№ 149 — см. § 4; № 156, 167, 169 — § 6.

№ 178. При надписи № 178 издатель отмечает еще одну надпись, не получившую отдельного номера: (пю)пипникоумени (начальное *по* — конъектура). Издатель переводит ее как “попинику мне” и поясняет: «Это фрагмент надписи с обращением к богу о помощи. Слово “попиник”, вероятно, то же, что и “попин” — выходец из попов».

Несмотря на трогательную уменьшительность слова *пипникоу* и приятную украиноподобность слова *мени*, считаю все же более уместным читать этот фрагмент на том языке, на котором он написан, а именно, на греческом: ...ΠΙΝ ΝΚΟΥΜΕΝΗΝ — конец какого-то прилагательного в В. ед. жен. + ‘вселенную’. (На букву *п*, стоящую после *пипникоу-мени*, издатель не обратил внимания, поскольку для его перевода она лишняя.)

№ 183. Вместо явно неприемлемого чтения С. А. Высоцкого А. А. Турилов (2000, с. 42–43) предложил чтение: *что* (што?) *створю* | *нѣ* *ведѣ* | *комѣ* (*комѣ*?) *приблѣжю* *сѧ*.

С этим чтением несомненно следует согласиться. Мы считаем только здесь излишним вариант *комѣ*. Для глагола *приблѣжитисѧ*, как и для других глаголов с приставкой *при-*, исконным является управление беспредложным локативом; другие варианты управления (прежде всего *къ кому*, *къ чему*) у него

вторичны. Обе литературные параллели к данному тексту, которые привел А. А. Турилов (из Октоиха и из молитвы Кирилла Туровского), содержат дательный падеж. Но обе они известны из сравнительно поздних списков. Между тем можно привести практически точную параллель из памятника конца XII в. — жития Нифонта в Выголексинском сборнике, где читается (л. 25 об.): *Оувы мнѣ, что створю сквърньши, не вѣмъ комѣ приближю сѧ*.

№ 186 — § 6.

№ 188. Вместо *туровъскаго* следует читать *туровьскаго*.

№ 191. Издатель недочитал последнюю строку надписи, где стоит [с]а, т. е. вместо *молаща* следует читать *молаща[с]а*. Не исключено, впрочем, что надпись после этого еще продолжалась; публикация не дает возможности об этом судить.

№ 198, 199 — см. § 4; № 203 — § 6; № 210 — § 4.

№ 223. В 1-й строке отчетливо читается *Семонъ*, а не *Семионъ*. Во 2-й строке чтение издателя *Феодаръ* — несомненно ошибочное; но найти истинное чтение пока не удается.

№ 227. У С. А. Высоцкого эта надпись: ГИ ПОМОЗИ РАБОУ СВОЕМОУ КОСТАНТИНОУ | ГРЕШЕНОМЪ АМИНЪ — помещена в раздел “Граффити XV–XVII вв.”. Это грубая хронологическая ошибка: в действительности надпись имеет целый ряд примет домонгольского времени. Таковы прежде всего: сохранение редуцированных, использование буквы *ж*, буква *р* с маленькой круглой головкой (не говоря уже о прочих ранних признаках, исключаяющих датировку позднее XIV в.).

№ 228. В конце надписи вместо *амин* следует читать *амин[ъ]*. Буква *ъ*, возможно, имела также и в конце предпоследней строки, после *Вар* (надежно установить это фотография не позволяет). Чтение надписи в целом: ГИ ПОМОЗИ РАБОУ | СВОЕМОУ | Г(Р)ЕШНОМОУ ВАР(-)НАВЕ АМИН[Ъ]. Весьма интересно *оу* (2 раза) в роли *оу* (наряду с единичным *оу*).

Как и в случае с № 227, помещение этой надписи в раздел “Граффити XV–XVII вв.” — хронологическая ошибка. По меркам берестяных грамот картина здесь была бы такова: *р* с округлой петлей и прямой мачтой — не позднее 1-й четверти XIV в.; *в* с переломом при мачте — не позднее 1-й четверти XIV в.; *оу* с уменьшенным *о* — не позднее 1-й четверти XIII в.; *в* и *б* с петлей, выступающей под строку, — не позднее 1-й четверти XIII в.

№ 236. К чтению издателя ныне имеются поправки В. Л. Янина (1992, с. 29–30). Мы предлагаем несколько дополнительных буквенных исправлений, с учетом которых надпись в целом читается так:

мѣца марта въ .дѣ. на паѣ
маѣ сѣтго павла і оульганы
пристависа рабѣ ѿ бѣи накимь
[а п]с[а]ль пє(р)фю[р]ии крѣи сѣоѣ
софѣѣ

Особо отметим последовательное написание *ь* вместо *ъ* на конце слова, отражающее орфографию XV в. (издатель дает на месте этого *ь* то *ь*, то *ъ*).

№ 303, 304 — см. § 4.

№ 307. Для последних трех строк этой надписи несомненно следует принять не чтение издателя, а чтение В. Л. Янина (1992, с. 30). Добавим к этому небольшие уточнения к прочтению издателем начальных строк. Для первого слова текста более подходит (по смыслу и по величине лакуны) конъектура *(с)де*, а не *(с)е*. В конце 2-й строки никакого *с* не видно, а в начале 3-й строки стоит, по-видимому, не *е*, а *с* (и лакуна между этой буквой и *тра* содержала, конечно, две буквы, а не одну); таким образом, вместо *с|е(с)тра* (чтение издателя) следует читать *[с](е)с|тра*.

К сожалению, фотография здесь очень сильно ретуширована, и вдобавок ретушь не везде согласована с прорисью. Так, на прориси мы читаем несомненное *Володимирѣаа*, тогда как фотография, по-видимому, ретушировалась, исходя из чтения *Володимѣраа*, и на ней буквы *им* показаны правее, чем на прориси (будучи “собранны” из других штрихов). Правильно скорее все же чтение *с-мир-* (вопреки фотографии).

В слове *пр[а]здѣник(ъ)* букву *д* можно не считать конъектурой: она видна вполне удовлетворительно.

В целом эта замечательная надпись читается так:

володимираа
(сд)е была многопечалнаа
андрѣева снѣха ольгова
[с](е)с|тра и игорѣва и всевол(о)ѣ
жа на пр[а]здѣник(ъ)
а попѣ ѿлѣ с[а]вѣѣ
[во]гатѣ гр(ѣх)ы

№ 314. Издатель читает надпись как *тъго да|ѣ жєва* и поясняет: “Автор записи, видимо, хотел сообщить о том, что он дожил до момента написания граффито, т. е. до какого-то года, сообщить который он не пожелал”. Не будем комментировать этот вольный полет фантазии. Запись, по-видимому, просто брошена в начале третьего слова: *тъг(ъ)да же ва...* (где *ва...* — это, например, *Василии*). Как указывает издатель, запись расположена несколько ниже надписи о приходе в Киев митрополита Никиты (относящемся к 1122 г.). Это значит, что надпись № 314 (по какой-то причине не законченная): “Тогда же Ва...” — могла мыслиться как добавление к этому сообщению. Издатель предположительно относит надпись к XIII в., но на бересте все ее элементы можно найти и в XII в. Графическая замена *ъ-о* в 1120-е годы еще редка, но все же уже встречается.

№ 331. Вместо *раба* следует, конечно, читать обычное *раба*: перед нами хорошо известная по берестяным грамотам модель “А с широко раскрытой петлей” (см. Палеогр. 2000, с. 152, модель А 4). Вместо *помилуи*, как кажется, читается просто *помил[δ]и* (к сожалению, ретушь не дает возможности установить это надежно). На основании своего чтения *раба* С. А. Высоцкий дает надписи фантастическую дату: XV–XVI вв. В действительности это, по-видимому, XIII в.

№ 346. Безусловно предпочтительна реконструкция *доброг[о]...* (а не *доброга*). Владычская надпись на корчаге, очевидно, выглядела как *Доброгоща* или *Доброгощѣ*; но это могло быть и просто имя *Доброгость*. Другие имена крайне маловероятны.

№ 357. Издатель читает надпись как *лѣжи|тъ ивєн | тукало* и переводит: “Лежит Иван (?) Тукало”. В таком виде надпись выглядит безграмотной.

В действительности надпись безупречна, просто издатель в первых двух строках несколько букв опознал неверно, одну букву не принял во внимание, не заметил следов букв *но* над 2-й строкой и в результате ошибся даже в имени покойного. Текст читается:

л[є]жи-
тъ зи^{но}вєи
тукало

№ 362 — см. § 4.

Мед. 23. Вместо *нѣдѣлю* следует читать *недѣлю*.

Мед. 26. Вместо *молитѣ|са* следует читать *молитѣ|са*.

Мед. 53. Слог *ль* в действительности написан не перед слогом *са*, а ниже него, т. е. образует следующую (4-ую) строку. Таким образом, никакой перестановки слогов в надписи нет:

ИВА|НЪ ПЪ|СА|ЛЪ

Мед. 54. А. А. Мединцева читает надпись так: *въцьсла|въ пьсалъ* 'Вячеслав писал'. Однако замена *а* на *ь* может быть только прямой ошибкой. Между тем для второй и третьей буквы надписи фотография, по-видимому, допускает и иную интерпретацию, чем *ьц*, а именно, [*ьш*]. Полученное прочтение уже не предполагает буквенных ошибок:

в[ъш]ьсла|въ пьсалъ 'Выш(е)слав писал'.

Мед. 88. Изучение фотографии показывает, что эта надпись, состоящая из одного слова, должна читаться не *д[и]митръ*, а *домитръ* (= *Дмитре*). Такая форма данного имени известна и из берестяных грамот, ср. *Домитре* (И.ед.) 343, *ѿ Домитра* 443, *на Домитръ* 202 и др.

Мед. 129. В имени, которое издательница читает как *Гер[е]бѣноу*, по внешнему виду первой буквы совершенно невозможно решить, что это — *г* или *т*. Эта буква вполне сходна и с заведомым *г* в слове *грѣшьн-коу*, и с заведомым *т* в слове *тъщно*. Выбор здесь должен определяться тем, что одна версия дает невероятное имя (*Геребѣнь*), а другая — хорошо соответствующее древнерусским нормам (*Теребѣнь*). В самом деле, в предполагаемом *Геребѣнь* невозможно объяснить *г* (не измененное в *ж*) перед *ере*; а версии о том, что это иноземное имя, препятствует наличие славянского суффикса *-ѣн-ь*. Напротив, имя *Теребѣнь* вполне сходно по структуре с такими засвидетельствованными древнерусскими именами, как *Городѣнь*, *Володѣнь*, *Жадѣнь*, *Хотѣнь*, *Говѣнь*, *Обидѣнь*. Более того, само это имя отразилось в новгородской топонимике: в НПК отмечены деревни *Теребѣни-Заполье*, *Теребѣникъ*, *Теребень*, *Теребенець*. А общая активность этого корня в образовании имен собственных видна из того, что в НПК содержится 38 топонимов, начинающихся с *тереб-*.

Таким образом, нет сомнений, что в надписи надлежит читать *Тер[е]бѣноу*.

Мед. 152. Вместо *нѣдѣлѣ* следует читать *недѣлѣ*, вместо *понедѣльникъ* — *понедѣльникъ*.

Мед. 153. Вместо *Дмитръиць* следует читать *Дмитрвиць* (писавший опускал гласные).

Мед. 165. В издании сказано: "[Надпись] повреждена изображением креста. Можно различить: *орьк...дъ ѿъ*. Имя не читается".

Однако изображение креста повредило всего одну букву, причем левая часть от нее сохранилась. Эта буква однозначно опознается как *а*. Таким образом, надпись читается полностью:

орькадъ ѿъ 'Оркад (Аркадий) писал'.

Имя *Оркадъ* (в форме И.ед. *Оркадъ (-де)*) встретилось в берестяной грамоте № 672.

Мед. 182 — см. § 6.

Мед. 187. В отчестве, которое А. А. Мединцева читает как *Рожн[а]тиць*, буква после *н* фактически выглядит как *ь*. И именно так ее и следует читать, т. е. здесь стоит отчество *Рожньтиць* (= *Рожнѣтиць*); ср. имя *Рожнѣтъ* в берестяной грамоте № 915, *Рожнѣтъ* в № 336. В целом надпись читается так:

ст[ъ]панъ ѿъ рожньтиць

Мед. 190. В надписи, по-видимому, стоит не *переса(ѿ)|[и]са* (с пропущенным *т*), а правильное *переста|ѿ|[и]са*: автор использует лигатуры, и фигуру после *с* (с ярко выраженной верхней горизонталью) следует понимать не как *а*, а как лигатуру *та*.

Мед. 192. Вместо необъяснимого *Воюнѣ[з]ъ*, по-видимому, все же следует читать нормальное *Во[и]нѣ[з]ъ*; ср. *Воинегъ* в киевской надписи № 22. Внешнее различие между *ю* с узким кольцом и *и* очень невелико. В издании дана только прорись, и она, конечно, не дает гарантии правильной идентификации буквы.

Мед. 195. Вместо *Домославе* следует читать *Домаславе*, а вместо *на Акова еде...* — *на Аковле де(не)*. Маленькая черточка внутри буквы *л* после *Аков* — случайная. В слове *де(не)* от последних двух букв какие-то слабые следы, возможно, даже сохранились; но это ненадежно.

В целом надпись читается так:

ДОМАСЛАВЕ [ж]ГИНИЧ[е]
ѿЛЪ НА АКОВЛЕ ДЕ(НЕ)

Перевод: 'Домаслав Угринич писал на Яковлев день' (предположение о том, что писавший пропустил букву *р* в своем отчестве, более вероятно, чем то, что его отчество было Угинич).

Запись сделана по бытовой системе (с заменой *ь* на *е*). В *ѿлѣ* по ошибке написано *ъ* вместо *ь*. Имелось ли титуло над *ѿлѣ*, установить не удается.

Мед. 196 — см. § 5; Мед. 199 — § 4; Мед. 200, 201, 202, 204 — § 6; Мед. 210 — § 5.

Мед. 223. Наиболее вероятной представляется следующая реконструкция надписи (в нескольких деталях отличающаяся от приведенной в издании):

(т)оудор(ъ ꙗ)ъ
мола[с]ѧ стѣ со
ѳии оугри[н]иць
грѣ[шь]ною роуко(ю)

Перевод: 'Тудор Угринич писал, молясь святой Софии, грешною рукою'. Ср. в киевской надписи № 59: *се азъ греш[ъ]ный Никола [на]псахъ мѣ[л]аса Гѣ и Бѣгу своему.*

Мед. 231. Следует читать не *Мизата* и не *Мазата*, а *Маѣата* 'Максята' (от *Максимъ*).

Мед. 247, Рыбаков 34, СБН–Мурфатлар 3 — см. § 6.

ЛИТЕРАТУРА

- Борковский 1966 — В. И. Борковский. [Рец.] С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966 // ВЯ, 1966, № 5. С. 121–123.
- Вас. Нов. — Житие Василия Нового (рукопись РГБ, фонд 98, № 162, 1 пол. XV в.).
- Вопр. Кирик. — Вопрошание Кириково // Русская Историческая библиотека., т. 6. СПб., 1908.
- Выс. 1966 — С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. I. Киев, 1966.
- Выс. 1968 — С. О. Высоцкий. Давньоруські написи Софії Київської XI–XIX ст. Київ, 1968.
- Выс. 1976 — С. А. Высоцкий. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.) Киев, 1976.
- Выс. 1985 — С. А. Высоцкий. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985.
- Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950.
- ДНД₂ — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е. М., 2004.
- Зализняк 1979 — А. А. Зализняк. О понятии графемы. // *Valcapica. Лингвистические исследования.* М., 1979. С. 134–152. Перепечатано в кн.: А. А. Зализняк. "Русское именное словоизменение" с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 559–576.
- Зализняк 1999 — А. А. Зализняк. О древнейших кириллических алфавитах // *Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова.* М., 1999. С. 543–576.
- Зализняк 2002 — А. А. Зализняк. Тетралогия "От язычества к Христу" из Новгородского кодекса XI века // *Русский язык в научном освещении*, № 4, 2002.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- Колесов 1978 — В. В. Колесов. [Рец.] С. А. Высоцкий. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976 // *Вопросы языкознания*, 1978, № 1. С. 149–151.
- Крысько 2003 — В. Б. Крысько. Русско-церковнославянские рукописи XI–XIV вв. как источник по истории старославянского и древнерусского языков: новые данные // *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов, Люблина, 2003 г.: Доклады российской делегации.* М., 2003. С. 339–355.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.
- Медынцева 1978 (также Мед. [при номерах надписей]) — А. А. Медынцева. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978.
- НГБ X — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000.
- Нимчук 1967 — В. Нимчук. [Рец.] С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966 // *Мовознавство*, 1967, № 2. С. 86–91.
- Новг. IV лет. — Новгородская IV летопись. Полное собрание русских летописей. Т. 4, часть 1. Пг., 1915.
- НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I–VI и указатель. СПб., Пг., 1859–1915.
- Орел 1995 — V. Orel. *Ancient Kievan Graffiti: Linguistic and Historical Sources.* // *Palaeoslavica* III (1995). P. 281–290.
- Палеоогр. 2000 — А. А. Зализняк. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. В кн.: НГБ X, с. 134–429.
- ПВЛ — Повесть временных лет (цитируется, если не оговорено иное, по Лавр.).
- Погорелов 1910 — В. Погорелов. Словарь к толкованиям Феодорита Киррского на Псалтырь в древне-болгарском переводе. Варшава, 1910.
- РГБ — Российская Государственная библиотека в Москве (ранее: ГБЛ).
- Рождественская 1992 — Т. В. Рождественская. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.
- Рыбаков 1959 — Б. А. Рыбаков. Запись о смерти Ярослава Мудрого. // *Советская археология.* 1959. № 4. С. 245–249.
- Рыбаков 1964 (также Рыб. [при номерах надписей]) — Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964.

- СБН — *K. Popkonstantinov, O. Kronsteiner*. Старобългарски надписи. I. *Altbulgarische Inschriften // Die Slavischen Sprachen*. Bd. 37. (Salzburg), 1994.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–. М., 1988–.
- Слов. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- Срезн. — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.
- ССУМ — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1–2. Київ, 1977–1978.
- Страхов 1995 — *А. Б. Страхов*. Палеографические догадки: III–IV. // *Palaeoslavica* III (1995). P. 291–296.
- Толстая 1998 — *С. М. Толстая*. Обычай вторичного погребения в зеркале этнографии и археологии // *Природа*. 1998, № 7. С. 92–98.
- Тупиков — *Н. М. Тупиков*. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Турилов 2000 — *А. А. Турилов*. Заметки о киевских граффити // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2000>*. М., 2000. С. 26–58.
- Усп. сб. — Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- Флав. — “История Иудейской войны” Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. I–II. М., 2004 (по рукописи посл. трети XV в.).
- Хрест. — *С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов*. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. I. М., 1952.
- Шахматов 1915 — *А. А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974–.
- Янин 1992 — *В. Л. Янин*. Эпиграфические заметки // *Вопросы языкознания*. 1992. № 2. С. 21–36.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (В. Л. Янин).....	3
-------------------------------	---

Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.)

Новгородские берестяные грамоты № 776–915 (В. Л. Янин, А. А. Зализняк).....	10
---	----

Приложения

1. Берестяная иконка (= грамота № 915-И) (В. Л. Янин, А. А. Зализняк).....	108
2. Берестяные грамоты № 24–32 из Старой Руссы (В. Г. Миронова, В. Л. Янин, А. А. Зализняк).....	110
3. Берестяные грамоты № 33–36 из Старой Руссы (Е. В. Торопова, А. А. Зализняк).....	116
4. Берестяные грамоты № 1–19 из Торжка (П. Д. Малыгин, А. А. Зализняк).....	120
5. Надписи на цилиндрах (В. Л. Янин, А. А. Зализняк).....	137
6. Свинцовая грамота № 2 (В. Л. Янин, А. А. Зализняк).....	146

Словоуказатель

Словоуказатель к берестяным грамотам № 776–915, Ст. Р. 24–36, Торж. 1–19 (А. А. Зализняк).....	149
--	-----

Комментарии и исследования

О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века (А. А. Гиппиус).....	164
К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот (А. А. Гиппиус).....	183
К изучению древнерусских надписей (А. А. Зализняк).....	233

Подписано в печать 11.06.2004. Формат 84×108/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 36,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 8009.
ООО «Русские словари». 129110, г. Москва, ул. Гиляровского, д. 54.
Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86

ISBN 5 - 98010 - 014 - 8

9 785980 100148

X

НОВОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ ИЗ РАСКОПОК 1997-2000 ГГ.